

ВЕСТНИК
ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

З

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1953

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

3 (45)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

Hecker

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА • 1953

О НАТУРАЛЬНОМ ХОЗЯЙСТВЕ И ТОВАРНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

К числу серьезных пробелов в советской историографии древнего мира относится прежде всего далеко недостаточное изучение ряда экономических проблем рабовладельческого строя. Многие важнейшие положения марксистской политической экономии до сих пор еще мало применяются в наших конкретных исторических исследованиях.

Чрезвычайно важное значение для углубленного изучения древней истории имеют, в частности, положения марксистской политической экономии о роли и характере товарного производства при рабовладельческом строе. На недопустимость забвения этих положений специалистами в области политической экономии указывал И. В. Сталин в труде «Экономические проблемы социализма в СССР», в котором дана предельно четкая постановка этого вопроса. К сожалению, совершенно недостаточное внимание уделяли проблеме товарного производства и советские историки древности.

Между тем вопрос о характере товарного производства в древности является объектом всевозможных извращений в буржуазной историографии и чрезвычайно запутан. Поэтому неудивительно, что нередко мы сталкиваемся с совершенно неправильной трактовкой этих вопросов и в работах советских историков. Так, например, в учебнике по истории древней Греции В. С. Сергеева сказано: «Рабство и капитализм суть классовые экономические системы. Однако отличие рабовладельческой системы от капиталистической заключается в следующем: в рабовладельческих обществах гораздо больше элементов *натурального хозяйства* (курсив В. С. Сергеева.—*Ред.*), чем при капитализме» (стр. 240). Таким образом, отличие рабовладельческой системы от капиталистической, по Сергееву, сводится только к количественному моменту: к преобладанию в первой элементов натурального хозяйства. Большую путаницу в понимании основных экономических категорий трудно себе представить.

Далеко не полно и не всегда правильно рассматривается этот вопрос и во многих других работах советских историков. Так, например, вопрос о роли торговли обычно исследуется в большем или меньшем отрыве от характеристики рабовладельческой экономики в целом. Поэтому нередко эта роль преувеличивается, и тем самым рабовладельческое общество несколько модернизируется. Такие установки ведут часто к неправильной характеристике мотивов внешней политики древних государств и к другим подобным ошибкам. Так, например, А. Б. Ранович

полагал, что многие войны эллинистического периода были войнами торговыми (А. Ранович, Эллинизм и его историческая роль, М., 1950, стр. 19). Иногда же, напротив, роль торговли крайне преуменьшается, что искажает действительный ход исторического процесса.

Но дело не только в ошибках. Не менее важным недостатком является и пренебрежение к серьезной теоретической постановке вопроса о роли товарного производства в древности. Оно сказывается и на решении таких важных проблем, как, например, проблема производственных отношений в древнейших рабовладельческих обществах, для которых было характерно сохранение сельской общины. Вопрос о разложении последней тесно связан с проблемой возникновения и развития товарного производства. Между тем в специальных исследованиях до сих пор эти вопросы освещались мало и с недостаточной теоретической глубиной. Не приходится и говорить, какое значение имеет проблема товарного производства для правильного разрешения вопроса о различии между ранними и развитыми рабовладельческими обществами.

Совершенно очевидно, что все эти пробелы в нашей историографии объясняются недостаточно глубоким усвоением основных положений марксистско-ленинской политической экономии. Поэтому представляется необходимым еще и еще раз изучать эти положения с тем, чтобы творчески применять их к истории древнего мира.

В настоящей статье затрагиваются только некоторые из вопросов истории товарного производства, так как все вопросы истории товарного производства в древности осветить в одной статье, разумеется, невозможно.

В «Капитале» Маркс говорит, что денежное хозяйство свойственно всякому товарному производству и что продукт является в виде товара в самых различных общественных производственных организациях. Но капиталистическое производство есть товарное производство, ставшее всеобщей формой производства, и, как пишет Маркс, «... оно является таковым и по мере своего развития становится все более таковым лишь потому, что здесь сам труд оказывается товаром, потому что рабочий продает труд, т. е. функцию своей рабочей силы, и притом, как мы принимаем, продает по ее стоимости, определяемой издержками ее воспроизводства». Далее Маркс указывает: «В отношении между капиталистом и наемным рабочим денежное отношение, отношение покупателя и продавца, становится отношением, имманентно присущим самому производству. Но это отношение в основе своей зиждется на общественном характере производства, а не способа обмена; последний, напротив, вытекает из первого. Впрочем, буржуазному кругозору, при котором все внимание поглощается обдыванием коммерческих делишек, как раз соответствует воззрение, что не характер способа производства служит основой соответствующего ему способа обмена, а наоборот» (К. Маркс, Капитал, т. II, 1949, стр. 113—114).

Эта мысль чрезвычайно важна. Для Маркса основным критерием при определении хозяйственной системы служит не способ обмена, а характер производства, форма эксплуатации. Так, основным признаком капиталистического хозяйства является не степень развития в нем товарных отношений, а то обстоятельство, что рабочая сила служит в нем товаром. Такой же критерий мы должны применять и при определении рабовладельческого хозяйства.

При рабовладельческом строе основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства — раба, которого рабовладелец может продать, купить и убить. Раб является собственностью и товаром, но именно

поэтому его рабочая сила не может быть товаром. Раб вместе со своим трудом раз навсегда продан своему господину. Раб — товар, который может переходить из рук одного собственника в руки другого, но его труд не его товар (см. К. Маркс, Наемный труд и капитал, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 422—423).

Рабовладельческое хозяйство — хозяйство не капиталистическое не потому, что обмен в нем развит меньше, чем при капитализме. Это не основной признак. В отдельных частях античного мира торговля могла быть развита даже больше, чем в отдельных частях капиталистического мира. Сравним, например, хозяйство Перикла с хозяйством «континентального мелкого крестьянина старого склада», о котором говорит Маркс во II томе «Капитала». Плутарх пишет о Перикле: «...Он получил в законное наследство доставшееся ему от отца богатство; не желая ни потерять это богатство вследствие небрежения, ни возиться с ним и тратить время, будучи всецело занят государственными делами, он организовал управление им таким способом, который казался ему самым удобным для проверки и самым надежным. Весь урожай он ежегодно продавал, а затем все предметы первой необходимости закупал на рынке; так была организована его жизнь и питание». Маркс пишет о крестьянине, который «...непосредственно потребляет наибольшую часть своего продукта, возможно меньше покупает и продает и, поскольку возможно, самолично изготовляет орудия, одежду и т. д.» («Капитал», т. II, стр. 112).

Античное хозяйство не было капиталистическим потому, что труд в нем не был товаром, потому что рабовладельческая эксплуатация основана на рабовладельческой собственности и на вытекающем из нее внеэкономическом принуждении, на натуральном присвоении рабочей силы. «Но и система рабства, — говорит Маркс, — насколько она представляет собою господствующую форму производительного труда в земледелии, мануфактуре, судоходстве и т. д., как было в развитых государствах Греции и в Риме, — сохраняет элемент натурального хозяйства. Самый рынок рабов постоянно получает пополнение своего товара — рабочей силы — посредством войны, морского разбоя и т. д., и этот разбой, в свою очередь, обходится без посредства процесса обращения, представляя натуральное присвоение чужой рабочей силы посредством прямого физического принуждения» (там же, стр. 480).

Таким образом, если даже предположить, что все афинское хозяйство V—IV вв. до н. э. или римское городское и пригородное хозяйство II в. до н. э. — II в. н. э. было сплошь товарным, тем не менее оно от этого не переставало быть натуральным по своей сущности, потому что оно было основано на рабстве, при котором труд не служит товаром.

Простое товарное производство есть производство на рынок, не являющееся в то же время капиталистическим производством. Основой рабовладельческих производственных отношений является частная собственность. Частное присвоение средств производства и труда рабов не только позволяет, но и делает необходимым возникновение обмена и, следовательно, появление денег. Отсюда неизбежно вытекает развитие товарного производства при рабовладельческой формации.

Сфера действия простого товарного производства в рабовладельческом обществе была весьма широка. В «Дополнениях к III тому „Капитала“» Энгельс говорит о законе стоимости: «Стало быть, закон стоимости Маркса имеет экономически всеобщую силу для периода, который длится с начала обмена, превратившего продукты в товары, и вплоть до XV столетия нашего летосчисления. Начало же обмена товаров относится ко времени, которое предшествует какой бы то ни было писаной истории и уходит в глубь веков в Египте по меньшей мере за три, а может быть и

за пять тысяч лет, в Вавилонии же за четыре—шесть тысяч лет до нашего летосчисления. Таким образом, закон стоимости господствовал в течение периода в пять — семь тысяч лет» («Капитал», т. III, стр. 913).

Насколько простое товарное производство было широко развито в наиболее передовых частях античного мира, показывает пример ряда районов Италии I в. н. э. Археологический материал дает яркую картину ремесленного производства Помпей, погибших в 79 г. н. э. Ремесленные мастерские и лавки встречаются почти в каждом доме. Это были сукновальные, ювелирные, каменотесные и парфюмерные заведения, стекольные мастерские, кузницы, булочные, обычно соединенные с мельницами, где рабочей силой служили животные и рабы, и т. д. Среди найденных в Помпеях ремесленных изделий, большинство которых производилось на месте, встречаются глиняные и бронзовые лампы, мебель, глиняная и бронзовая посуда, стеклянные и железные изделия, весы, хирургические инструменты и пр. Некоторые отрасли помпейской ремесленной промышленности были развиты так широко, что снабжали своей продукцией не только местный рынок, но и районы более отдаленные.

Помпейские мастерские получали часть необходимых им деталей из других городов. Так, например, металлические инкрустации для мебели, изготовляемой в Помпеях, доставлялись из Капуи, ножи для кушеток, на которых возлежали во время еды, привозились с Делоса. Канделябры составлялись из двух частей: нижняя производилась в Таренте, верхняя — в Эгине (Plin., XXXIV, 11). Таким образом, в отдельных случаях разделение труда выражалось в изготовлении деталей в разных мастерских и даже в разных городах.

Кроме Помпей, в Италии в I в. н. э. существовал ряд других крупных центров ремесленного производства. Город Капуя в Кампании снабжал изделиями своего бронзового производства (посудой, лампами) не только Италию: капуанские изделия встречаются даже в Северной Европе. Этрусский город Арреций широко развивает керамическое производство. Арретинская столовая посуда с рельефным орнаментом встречается в Испании, Марокко, на Рейне и в Британии. Более грубые сорта глиняных изделий (светильники и черепица) производились в Северной Италии, в Аквилее и Мутине. Шерстяные изделия изготовлялись в Парме, Медиолане (Милане) и Патавии (Падуе). В городах Кампании было широко развито стекольное производство.

Начиная со II в. н. э., ремесленная промышленность Италии начинает падать в связи с кризисом рабовладельческой системы, раньше всего проявившемся в Италии. С другой стороны, италийское ремесло не могло выдержать конкуренции провинциального ремесла, которое как раз в первой половине II в. достигло высшей точки развития. Особенно больших успехов добились Галлия и прирейнские провинции. Центром стекольного производства становится Лугдун (Лион), откуда оно распространяется до Нормандии и южной Англии. Позднее центр стеклоделия был перенесен в Кельн (Colonia Agrippina). Галльские изделия из латуни вытесняют капуанскую бронзу с рынков Северной Европы. Галльская керамика достигает высшего расцвета. Красная глазурованная посуда, украшенная рельефами, вытесняет арретинскую посуду.

Однако, с другой стороны, в рабовладельческих обществах, наряду с широким развитием простого товарного производства, можно констатировать стойкое существование замкнутого хозяйства, в котором вся или подавляющая масса продукта производится для собственного потребления, никогда не выходит за пределы данного хозяйства и, следовательно, никогда не становится товаром. При рабовладельческом строе превращение продукта в товар играет подчиненную роль, которая, однако, ста-

новится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни.

Если мы обратимся к такому ценному памятнику италийского пригородного сельского хозяйства первой половины II в. до н. э., как «Земледелие» Катона, то найдем в нем любопытную двойственность. С одной стороны, отдельные места ясно говорят о том, что хозяйство, описанное Катонем, связано с рынком. «Покупай имение,— говорит он в первой главе,— если можно, у подножья горы, обращенное на юг, в здоровой местности, где много работников, есть хороший водоем, а поблизости богатый город, море или река, по которой ходят суда, или хорошая оживленная дорога». Очевидно, что город, судоходная река и оживленная дорога имеют для Катона преимущественно хозяйственное значение. В главе седьмой он прямо говорит об этом: «Подгородному имению больше всего подойдет виноградный сад, где лозы вьются по деревьям: можно продавать и дрова и хворост, и хозяину будет чем самому попользоваться. В таком имении следует сажать все, что подходит: всякие сорта винограда, в том числе аминейский, мелкий и крупный, и апициев». Ивняк для катоновского хозяина нужен не только для удовлетворения собственных потребностей, но и на продажу. «Ивняк,— говорит Катон там же,— следует сажать в местах, обильных водой, болотных, тенистых, около рек. Сообрази, нужны ли лозы хозяину, или есть ли для них сбыт». Не раз Катон дает советы, как нужно продавать маслины с дерева (гл. 146), виноград на лозах (гл. 107), вино (гл. 148, 154).

Катоновский хозяин не только продает, но и покупает: «В Риме покупай туники, тоги, плащи, лоскутные одеяла и деревянные башмаки; в Калах и Минтурнах: накидки, железные инструменты — серпы, лопаты, кирки, топоры и наборную упряжь; в Венафре — лопаты; в Суэссе и в Лукании: телеги; молотильные доски — в Альбе и в Риме; долии, чаны, черепица — из Венафра. Плуги для сильной земли хороши римские; для рыхлой — кампанские; наилучшие ярма — римские; наилучший лемех — съемный. Трапеты — в Помпеях, в Ноле, под стеной Руфра; ключи с запорами — в Риме; ведра, полуамфоры для масла, кувшины для воды, винные полуамфоры и прочую медную посуду — в Капуе и в Ноле. Хороши кампанские корзины из Капуи. Ремни, поднимающие прессовальный брус, и всякие изделия из спарта покупай в Капуе; римские корзины — в Суэссе и из Казина... лучшие, однако, будут в Риме» (гл. 135).

Этот отрывок очень интересен. Он говорит не только о многообразных рыночных связях катоновского хозяйства, но и о широком развитии простого товарного производства в городах Лация и Кампании. Степень этого развития такова, что дает возможность говорить еще во II в. до н. э. о некоторой областной дифференциации его.

Однако анализ произведения Катона позволяет сделать и другой вывод. При всей товарности катоновского хозяйства оно одновременно сохраняет сильные черты замкнутости. Ряд советов и рецептов Катона предполагает самообслуживающееся хозяйство. Таковы, например, советы, касающиеся содержания рабов и прокорма скота и вообще всякого рода домашних заготовок (главы 53, 54, 56—60, 99, 104—105, 112 и др.). Хороший хозяин покупает только то, чего нехватает в хозяйстве, и продает только излишки: «Чего на год нехватит, то купить; чего есть излишек, то продать» (гл. 2). При этом Катон выразительно добавляет: «Хозяину любо продавать, а не покупать» (там же).

Катоновские имения лежали где-то на границе Лация и Кампании, т. е. в тех частях Италии, которые были сильнее всего развиты экономически. Но характерно, что и среди этих имений Катон проводит некоторую дифференциацию в зависимости от их близости к удобным путям сообще-

ния, в частности, к морю. Так, для имения, далеко расположенного от моря, он дает рецепт изготовления «греческого вина» (гл. 105). Не трудно предположить, что в сельских хозяйствах юга Италии или ее восточного побережья было еще больше хозяйственной замкнутости, экономической автаркии, чем в поместьях Катона.

Замкнутое домашнее хозяйство — это натуральное хозяйство. В. И. Ленин, определяя барщинную систему хозяйства, говорит: «Очевидно, что ее преобладание предполагало следующие необходимые условия: во-первых, господство натурального хозяйства. Крепостное поместье должно было представлять из себя самоовлеющее, замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром» (В. И. Л е н и н, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, стр. 158).

Таким образом, у нас имеются два определения натурального хозяйства: 1) это — хозяйство, в котором рабочая сила не является товаром, которое основано на внеэкономическом принуждении непосредственного производителя; 2) это — замкнутое хозяйство, которое все или почти все свои потребности удовлетворяет собственными средствами, совершенно не прибегая или почти не прибегая к обмену.

Оба определения находятся в неразрывной связи друг с другом. Если рабочая сила не стала товаром, значит, общественное разделение труда еще не вовлекло в рыночный оборот все элементы хозяйства. С другой стороны, натуральное присвоение рабочей силы раба ставит определенные границы развитию товарного производства в рамках рабовладельческого общества.

Товарное производство обслуживало рабовладельческий строй, оно устанавливало связи между отдельными хозяйственными единицами, усиливало общественное разделение труда, приводило к областной экономической дифференциации, разлагало замкнутые хозяйственные единицы и тем самым, в свою очередь, влияло на дальнейшее развитие частной собственности и рабовладения. Товарное производство было одним из моментов воспроизводства в рабовладельческом обществе. Однако при воспроизводстве средств производства и рабочей силы товарное производство в рабовладельческой системе могло играть лишь подчиненную роль и захватывать в большей или меньшей степени лишь отдельные районы античного мира и отдельные сферы хозяйства. Воспроизводство экономики рабовладельческого общества в целом носило натуральный характер.

Простое товарное производство не могло разорвать рамки рабовладельческой системы и, в частности, не могло привести к капитализму.

Марксистская политическая экономия учит, что нельзя отождествлять товарное производство с капиталистическим. «Товарное производство приводит к капитализму лишь в том случае, если существует частная собственность на средства производства, если рабочая сила выступает на рынок, как товар, который может купить капиталист и эксплуатировать в процессе производства, если, следовательно, существует в стране система эксплуатации наёмных рабочих капиталистами». (И. С т а л и н, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 14—15).

Непреодолимым препятствием для перехода рабовладельческого строя в более высокую общественную систему является сам рабовладельческий способ производства. Та наиболее грубая и жестокая форма внеэкономического принуждения, в которой выступает рабовладельческая эксплуатация, оставляет крайне ограниченные возможности для роста производительных сил. Рабство чрезвычайно затрудняет технический прогресс. Натуральные методы общего воспроизводства рабочей силы при рабстве (война, пиратство и т. д.) подрывают производительные силы общества. Наконец, рабство не дает возможностей для развития

самого трудящегося и ведет к его деградации. «*Рабство* — там, где оно является господствующей формой производства, — говорит Энгельс, — превращает труд в рабскую деятельность, т. е. в занятие, бесчестящее свободных людей. Тем самым закрывается выход из подобного способа производства, между тем, с другой стороны, для более развитого производства рабство является помехой, и устранение последнего становится настоятельной необходимостью. Всякое основанное на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия» («*Анти-Дюринг*», 1950, стр. 330).

Товарное производство могло играть в рабовладельческой экономике свою роль только до известного предела, ограниченного началом кризиса рабовладельческой системы. Как известно, процесс развития рабовладельческого общества не был единым и прямолинейным. На протяжении трех-четырёх тысячелетий его истории наблюдаются периоды подъема и **упадка** рабовладельческой экономики в разных районах: в древнейших восточных обществах, в полисах классической Греции, в эллинистических государствах, в Риме. Отдельные стороны рабовладельческого хозяйства часто получали неодинаковое развитие.

Однако все-таки можно проследить некоторую общую линию количественного роста, переходящего в качественные изменения, рабовладельческого способа производства. Эта линия выражалась в превращении «... патриархальной системы рабства, направленной на производство непосредственных жизненных средств, в рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости» (К. Маркс, *Капитал*, т. III, стр. 344).

Повидимому, высшей точки развития этот процесс в Средиземноморье достиг в конце республиканского и начале императорского периодов в Риме. Но уже во второй половине II в. н. э. рабовладельческое общество вступает в полосу кризиса. Это был кризис рабовладельческой системы, захвативший все ее стороны. Одним из наиболее ярких проявлений этого кризиса в области экономики был упадок товарного производства. Оно сокращается. Рабовладельческое общество идет к тому, чтобы снова распасться на изолированные, замкнутые хозяйственные единицы.

Однако этот процесс не следует преувеличивать. До какой степени стойко простое товарное производство держалось даже в западной половине Империи еще в начале V в. н. э., показывают слова Августина, дающего целую теорию ремесленного разделения труда: «Смешно, когда мы видим, что (римские боги), в силу разнообразных людских выдумок, представлены распределившими между собою занятия, подобно мелочным откупщикам налогов или подобно ремесленникам в квартале серебряных дел мастеров, где один сосудик, чтобы он вышел совершенным, проходит через руки многих мастеров, хотя его мог бы закончить один мастер, но превосходный. Впрочем, иначе, казалось, нельзя было пособить массе ремесленников, как только лишь тем, что отдельные лица должны были изучать быстро и легко отдельные части производства, и таким образом исключалась необходимость, чтобы все медленно и с трудом достигали совершенства в производстве в его целом».

В восточной половине Римской империи товарное производство было еще более стойким и держалось дольше, так как оно опиралось на более высокий уровень производительных сил. Но и в Византии к VII в. замкнутое натуральное хозяйство получило окончательное преобладание. Его не могла разрушить и та посредническая торговля между Западом и Востоком, которую еще долго держала в своих руках Византия.

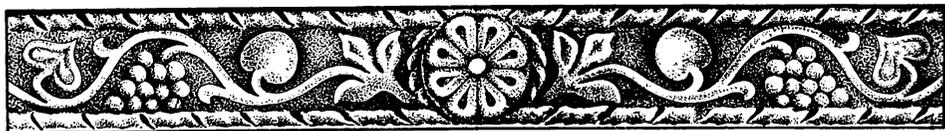
Однако деградация товарного производства рабовладельческого строя в первые века н. э. означала не простой возврат к уже пройденному этапу

патриархального рабства. Сколь ни мучительно протекал рост производительных сил рабовладельческого общества, сколь ни медленно он шел, однако уровень производительных сил в конце рабовладельческой формации был выше, чем в ее начале. Самый упадок товарного производства в эпоху великого кризиса, приведшего к падению античного общества, был не столько выражением абсолютного падения производительных сил, сколько отражал противоречие между производительными силами и производственными отношениями.

В настоящей статье ставится только один из коренных вопросов товарного производства в древности. В конкретных исследованиях должно быть обращено внимание как на этот вопрос, так и на ряд других, разработанных еще совершенно недостаточно. Таковы вопросы о специфических путях развития товарного производства в странах древнего Востока и античного мира, о роли свободных производителей в этом развитии и о влиянии развития товарно-денежных отношений на исторические судьбы различных классов и социальных групп, о взаимном влиянии товарного производства мелких свободных производителей и рабовладельческих хозяйств, о времени и условиях возникновения товарного производства, и в этой связи о роли развития производительных сил в этом процессе, о политических последствиях перехода от рабовладельческой системы, направленной на производство потребительной стоимости, к рабовладельческой системе, направленной хотя бы частично на производство меновой стоимости.

Задачей всех историков древнего мира является дальнейшее изучение этих вопросов применительно ко всем областям древней истории, в том числе даже и по отношению к таким странам, экономика которых изучена пока еще вообще очень слабо. Существенно важным представляется глубже исследовать вопросы развития товарного производства и их роль в период становления рабовладельческих отношений в древней Греции. Без внимательного изучения роли торговли, товарно-денежного обращения и связанного с ним ростовщичества не могут быть успешно разрешены и многие вопросы истории Рима. Необходимо разрешить и вопрос о причинах более длительного сохранения товарно-денежного обращения в Восточно-римской империи по сравнению с Западной. Разумеется, здесь перечислены далеко не все задачи в данной области. Специалисты по отдельным странам древнего мира должны выдвинуть и глубоко изучить и другие вопросы, связанные с проблемой товарного производства в древности.

С. Т. Еремян

РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ И ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ В ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ

Первые города на территории Армении возникли еще в Урартский период. Эти города, повидимому, имели главным образом значение укрепленных военно-административных центров. Наиболее важными среди них были Ван и Армавир, которые в дальнейшем получают и торгово-ремесленное значение. Расцвет новых городов, бывших уже не только военно-административными, но и торгово-ремесленными центрами, городами в собственном смысле слова, наступает в III—I вв. до н. э. Это было для Армении время развития рабовладельческой частной собственности и товарно-денежного обращения, отделения ремесла от сельского хозяйства и вовлечения Армении в международный товарообмен, в международную караванную торговлю, что, в свою очередь, стимулировало развитие товарного производства.

В эллинистический период возникли благоприятные условия для развития мирового торгового обмена. Широкие экономические связи между странами Ближнего Востока вовлекли в систему экономических связей эллинистического мира и Армению. В это время через территорию Армении проходят основные магистрали мировой караванной торговли, на которых вырастает ряд крупных городских центров. Сама Армения принимает активное участие в этой торговле, главным образом транзитной.

Повышение транзитного значения Армянского нагорья было тесно связано с развитием торговли между Боспорским царством и Приазовьем, с одной стороны, и Восточным Средиземноморьем, Месопотамией, Индией и Дальним Востоком — с другой. Передаточными звеньями в этих торговых сношениях являлись юго-восточное и южное побережье Черного моря (Колхида и Понт), Армения (Малая Армения, Айрарат и Софена), Атропатена и Мидия.

В ранне-эллинистическое время, в связи с упадком Афин и вообще Эллады, Боспорское царство завязало более тесные экономические связи с юго-восточным и южным Причерноморьем — Колхидой и Понтом, в порты которых прибывали боспорские купцы.

Сначала Боспор и Приазовье с Танаисом поддерживали более интенсивные связи с портами Колхиды — Диоскурией и Фасисом, через которые эмпории Боспорского царства и скифов Приазовья завязывали торговые сношения с Айраратским царством в Армении. В связи с этим

увеличилось значение торговой магистрали, педшей из Экбатан в столицу Атропатены Гандзак (совр. Лайлан) и в город Армавир — столицу Айраратского царства.

Но купцы Боспорского царства и Танаиса поддерживали сношения с Айраратским царством не только через порты Колхиды, но и через перевальные дороги главного Кавказского хребта, откуда эта дорога шла в столицу Иберии — Армази-Мцхета и скрещивалась там с дорогой, идущей из Колхиды. Из Армази дорога вела в Армавир. Таким образом, Армавир поддерживал связи с севером по двум основным магистралям, известным по более поздним римским дорожникам: *Artaxata — Sebastopolis* (= *Phasis*) и *Artaxata — Armastica — Sebastopolis*.

Торговое значение Армавира еще более усилилось после возвышения столицы Селевкидского царства — Селевкии на Тигре, к которому перешла роль захиревшего Вавилона.

Селевкия на Тигре вскоре стала важным портом мировой торговли. Водными путями она была связана с заморскими странами — Индией и Цейлоном, Аравией и Египтом. Суда, нагруженные товарами этих стран, поднимались по Шат-эль-Арабу — Тигру до Селевкии, где эти товары обменивались на товары северных стран. Здесь именно и встречались купцы Айраратского царства с индийскими купцами. Узловым пунктом, где сходились на торг купцы Боспорского царства, Понта, Индии, Селевкидского и Парфянского царств, до возвышения Арташата был, повидимому, Армавир¹.

В роли торговых посредников Боспорского царства и Приазовья, с одной стороны, и армян и мидян — с другой, выступали алаано-сарматские племена аорсов (аршов). По словам Страбона (XI, 5,8), «верхние» аорсы «владели обширною странюю, господствовали почти над большей частью Каспийского побережья и вели караванную торговлю индийскими и вавилонскими товарами, получая их от армян и мидян; они, — прибавляет он, — носили золотые украшения, потому что были богаты».

Аорсы привозили в Армению из Боспорского царства и от скифских племен Приазовья главным образом дорогие меха и невольников. Из Армении они должны были вывозить преимущественно вино и «вавилонские и индийские товары», получаемые ими в Армавире от арамейских и других купцов, т. е. товары, которые прибывали главным образом из Селевкии на Тигре.

В Селевкию на Тигре купцы из Айраратского царства, судя по более поздним данным, привозили «армянскую краску», отборные сорта вин и верховых коней. Эти товары армянские купцы обменивали на товары индийских купцов — слоновую кость, драгоценные камни, жемчуг, кораллы, пряности и прочие редкости. Из самой Селевкии в Армению вывозились преимущественно изделия городского ремесла — художественная керамика, ювелирные изделия, роскошные материи, статуи и другие произведения искусства².

Именно в ранне-эллинистическое время начинается период экономического, политического и культурного расцвета Айраратской долины. Мировая торговля, наряду с растущими потребностями господствующего класса, стимулировала развитие ремесла в городах и поместьях царя и знати, углубление разделения труда и развитие товарности производства.

¹ См. И. Г. Дройзен, История эллинизма, рус. перев., т. III, М., 1893, стр. 41.

² См. Б. Аракелян, Результаты работ археологической экспедиции Ин-та истории АН Арм. ССР 1949—1950 гг., Ереван, 1951 (в дальнейшем: «Гарни», I), стр. 40—49 и 55.

Об этом свидетельствует, в частности, интенсивное градостроительство. Маркс говорит: «... как только городская промышленность как таковая отделяется от земледельческой, ее продукты с самого начала являются товарами, и следовательно для их продажи требуется посредничество торговли. Связь торговли с городским развитием и, с другой стороны, обусловленность последнего торговлею понятны таким образом сами собой»¹.

Именно в этот период был основан ряд городов и поселений вдоль магистралей мировой караванной торговли. Помимо столицы Армавира, наиболее крупными городскими центрами в Айраратской долине были города Еруандашат и Вардгесаван (позже Валаршапат). Вдоль магистрали караванной торговли, шедшей через Иберию к портам Колхиды, выросли торговые поселения Еразговорк, или Ширакаван, Ширакашат, Ани и Багаран.

С основанием нового центра Селевкидского царства — Антиохии на Оронте—Селевкиды обращают главное внимание на новую магистраль: Селевкия — Антиохия. Вдоль этой магистрали вырастают такие крупные центры, как Нисибия и Эдесса, и получает исключительное значение переправа через Евфрат у Зевгмы.

С возвышением этой магистрали были вовлечены в мировую торговлю и в общую экономическую систему эллинистического мира расположенные около нее области: Софена, Кордуена, Адиабена, Осроена, Коммагена и другие. С развитием этого нового пути связано было и поднятие значения Родоса, как средоточия всей морской торговли, и Делоса, как главного рынка по торговле рабами. Эти же перемены обусловили расцвет городских центров Малой Азии — Милета, Эфеса и Пергама.

С новой магистралью связываются также сухопутные пути из Индии и Дальнего Востока, шедшие из Экбатан на запад. Поднимается значенные южной магистрали, пролежавшей через области Южной Армении, в первую очередь через Софену и переправу через Евфрат у замка Томисы. Последнее обстоятельство было связано с экономическим и политическим расцветом Понтийского царства. Через его порты — Амис и Синопу — осуществлялась торговая связь Боспора и Приазовья с Селевкидским царством, далее торговые пути шли через Малую Армению и Софену.

Рост приморских городов Понтийского царства, особенно Синопы и Амиса, имел первостепенное значение для экономического развития Софены. Увеличение значения переправы через Евфрат близ Томис обусловило расцвет городов, расположенных около нее: Мелитены в Каппадокии, Аршамашата (столица Софены, основанная около 240 г. до н. э.) и Аркантиакерта (основан в середине II в. до н. э.) в Софене. Эти города через Амиду (совр. Диарбекир) были связаны с Эдессой и Нисибией.

Быстрый подъем экономики и культуры Софены был обусловлен развитием магистрали мировой караванной торговли, шедшей из Индии (Strabo, XIV, 2, 29) через Экбатаны и из Селевкии на Тигре в Антиохию на Оронте и к портам Средиземного моря.

Повидимому, по северной магистрали через Айрарат Понтийское царство получало дальневосточные товары, а по южной, через Софену, — товары Индии и Восточного Средиземноморья.

Развитие понтийских портов понизило значение портов Колхиды. Новый центр Айрарата — Арташат поддерживал торговые связи с Боспорским царством через порты Понта, что способствовало развитию тор-

¹. К. Маркс, Капитал, т. III, 1949, стр. 344.

гового пути Artaxata—Satala. С развитием этой магистрали и магистрали, шедшей из Софены, повышается значение Малой Армении. Последняя играла роль передаточного звена в торговых сношениях Софены и Айрарата с Понтийским царством и через черноморские порты — с Боспорским царством.

Узловым пунктом, где скрещивались эти дороги, пунктом, где сходились купцы из различных областей Армении, была Комана Понтийская, недалеко от границ Малой Армении. Комана являлась важным религиозным и торговым центром, куда привозили товары также из Армении. «Комана, — говорит Страбон (XII, 3,36), — хорошо населена и является значительной эмпорией для купцов, идущих из Армении».

Невиданного размаха достигает градостроительство в Армении после объединения всех армянских земель в единое государство при Арташисянах. При Арташесе I (189—161), Тигране II (95—56), Артавазде II (56—34) и их преемниках были основаны города: Арташат, Арташисян, Зарिशат Алиовитский, Зарिशат Ванандский, Зарехаван Цалкотна, Зарехаван Нуширакана, Зарехаван Абелианский, Артаваздакан, Мажанкерт, Тигранакерт в Алдзнике, Тигранакерт в Арцахе, Тигранакерт в Утике, Тигранаван в Голтне и т. д. Помимо этого старые, захиревшие было города военно-административного характера вновь воскресали теперь к жизни, приобретая новое значение торговых центров и получая вновь стратегическое значение в системе нового государственного объединения.

Слияние отдельных частей Армении в единое государство — Великую Армению в значительной степени являлось результатом дальнейшего расширения торговых связей. Бурно развивавшаяся восточная торговля привела к еще большему оживлению северной торговой магистрали, связывавшей города Армении с портами Понтийского царства, а через них — с Боспорским царством.

Создав свою империю, Тигран II (95—56) взял в свои руки мировые торговые связи между Востоком и Западом, которые до этого находились в руках Селевкидов. Международная караванная торговля приносила огромные доходы, и Тигран обращал большое внимание на ее расширение.

Тиграну II принадлежала инициатива проведения «царской дороги» — магистрали, соединявшей Арташат и всю Араратскую долину с новым политическим центром — городом Тигранакертом. На этой магистрали выросли новые города — Зарехаван Цалкотна, Зарिशат Алиовитский, а позже — Мцурн. Эта магистраль способствовала еще более тесным связям Арташата с городами Месопотамии и Сирии и еще больше повысила его значение как центра международного торгового обмена.

Внешняя торговля между эллинистическими городами Сирии, Малой Азии и Месопотамии в значительной части была монополизирована и сдавалась на откуп арабским и греческим купцам, опиравшимся на покровительство Тиграна II.

Пошлины с товаров, шедших через Евфрат в Сирию, Малую Азию и Рим, составляли один из главных источников обогащения царского рода и его приближенных. Вся сухопутная транзитная торговля проходила через Зевгму, Самосату и Томисы — основные переправы на Евфрате, которые были расположены в пределах государства Тиграна II. Армянский царь, завоевав эти пункты, на время сделался монополистом всей транзитной торговли.

Большую роль в развитии городов сыграли массовые насильственные заселения городов, предпринятые Тиграном II. Насильственно угоняя в свое царство городских жителей завоеванных стран, Тигран II поселял их в армянских городах, предоставляя им определенные права. Эти пере-

селения по своим масштабам мало уступали переселениям жителей из Вавилона в новооснованную Селевкию¹.

Известия о принудительном переселении Тиграном II жителей завоеванных эллинистических городов и поселении их в городах Армении сохранились у Страбона, Плутарха и Аппиана. «Усилившись до такой степени, — пишет Страбон о Тигране II, — он основал город вблизи Олиберии², между нею и Зевгмою на Евфрате; город он назвал Тигранокертой и поселил в нем жителей 12 эллинских городов, им же разоренных. На город неожиданно напал Лукулл, воевавший с Митридатом, и разослал его жителей на их родины; самый город, наполовину выстроенный, он разрушил при вторжении в него и оставил на месте его только маленькую деревню» (XI, 14, 15). В другом месте, говоря о завоевании Тиграном II Каппадокии, Страбон снова касается этого факта. «Несправедливо обращался с населением (города Мазака) Тигран Армянин, когда сделал набег на Каппадокию; всех жителей он изгнал в Месопотамию и именно ими более всего населил Тигранокерту; впоследствии все, имевшие возможность, возвратились на родину, по завоевании Тигранокерты [римлянами]» (XII, 2, 9).

«Начав с малого и незначительного, — читаем у Плутарха, — он, — Тигран, покорил многие народы и надломил мощь парфян, как никто другой; он заполнил Месопотамию эллинами и водворил их здесь, выселив многих из Киликии и многих из Каппадокии» (Luc., XXI, 4). Из другого свидетельства Плутарха мы узнаем, что в городах Армении были поселены не только эллины, но и жители завоеванных Тиграном II городов Месопотамии: «Когда все это так удачно совершилось, Лукулл отправился в сторону Тигранокерты и, окружив ее, осадил этот город. В нем находилось много эллинов, высланных из Киликии, и много варваров, которых постигла та же судьба, как эллинов, — адиабенов, ассирийцев, гордиенов и каппадокийцев, родины которых разрушил Тигран, а самих привел и принудил поселиться здесь» (там же, XXVI, 1—2). О том, какие масштабы принимали эти принудительные переселения, может дать представление следующее сообщение Аппиана: «Армянский же [царь], полонив Каппадокию, вывел в Армению до 300 000 человек и поселил их вместе с другими в местности, где он впервые надел на себя корону Армении и которую по своему имени назвал Тигранокертой, что значит, „город Тиграна“» (Mithr., 67). Из приведенных свидетельств видно, что Тигран II переселил в Армению жителей эллинистических городов завоеванных им стран — Каппадокии, Киликии, Сирии, Осроены, Адиабены и Кордуены. Среди этих переселенцев были и эллины и «варвары»: каппадокийцы, сирийцы (арамей), евреи, гордиены, адиабены. Известия об этих переселениях сохранили и армянские историки — Фауст Бузанд и Моисей Хоренский. Из их сообщений видно, что уведенные Тиграном II жители эллинистических городов завоеванных стран были поселены не только в Тигранокерте, но и во всех остальных крупных городах Великой Армении — Арташате³, Армавире, Нахчаване, Вардгесаване (тот же Вагар-

¹ См. Н. В. Пигулевская, Угасающий Вавилон, УЗЛГУ, СИН, вып. 9 (1941), стр. 45—46.

² Из двух разночтений рукописей — Ἰβηρία и Ολιβηρία — верным следует считать последнее, так как чтение Ἰβηρία не дает здесь удовлетворительного смысла. Олиберия, повидимому, соответствует месопотамскому городу Телиберия (73° 30'—37°), который упоминается у Птолемея.

³ Фауст (IV, 55) сообщает, что «вывели из города Арташата девять тысяч ердов еврейских, которые взяты были в плен и приведены из Палестины царем Тиграном Аршакуни, и сорок тысяч ердов армян, что увели из Арташата».

шапат), Ване, Еруандашате, Зарехаване Цалкотна и Завишате Алиовита. В указанных городах это иноземное население существовало еще в IV веке.

Фауст Бузанд, говоря о разорении и разрушении упомянутых городов персидским царем Шапуром II во время войны 364—368 гг., сообщает об уводе в плен армянского и еврейского населения этих городов и приводит свидетельства о времени переселения в Армению еврейского населения. «Вся эта масса евреев, — говорит Фауст, — которую персы полонили и увели из Армении, выведена была из Палестины великим царем армянским Тиграном в то время, когда он впервые пленил и привел в Армению первосвященника еврейского Гиркана; выведя тех многих евреев, великий царь Тигран поселил их в свое же время в армянских городах»¹.

О пленении евреев Тиграном II сообщает также Моисей Хоренский, что подтверждается известием у Иосифа Флавия (I, 4). До похода Лукулла в Армению, в 70-х годах до н. э., Тигран II совершил поход в Палестину, чтобы взять последнюю твердыню Селеквидов — Птолемаиду². «Вслед за тем, — сообщает Моисей Хоренский, — он, Тигран, идет в страну Палестинскую отомстить Клеопатре в Птолемаиде за проступок ее сына, Дионисия, против своего отца (т. е. Тиграна II); берет в плен множество евреев и осаждает Птолемаиду» (II, 14). Дальше тот же историк приводит сообщения о поселении Тиграном II пленных евреев в городах Армении. В первом сообщении говорится, что Тигран II поселил «пленных евреев в Армавире и в городке Вардгеса (resp. Вардгесаване), что на реке Касахе» (II, 16). Далее Моисей Хоренский говорит: «Тигран Средний Аршакуни поселил здесь (в Вардгесаване) всех евреев первого пленения и из этого (места впоследствии) образовалось большое торговое село» (II, 65).

В приведенных сообщениях армянских источников мы видим явные анахронизмы и неточности. Например, из достоверного свидетельства Иосифа Флавия известно, что еврейский первосвященник Гиркан был взят в плен в 40 г. н. э. и поселен в Вавилоне. Армянская историческая традиция приписывает времени Тиграна II (умер в 56 г. до н. э.) «второе еврейское пленение», которое, по предположению акад. Я. А. Манандяна, имело место при Артавазде II (56—34), войска которого участвовали в походах парфян в Сирию в 51—50 и 40—39 гг. до н. э. под предводительством Бакура. Именно во время этих походов парфяне и передали своим союзникам-армянам часть пленников. Среди этих пленных большой процент, несомненно, составляли те, которые были поселены в городах Армении³.

Итак, дошедшие до нас данные античных и армянских источников показывают, что «факт переселения в Армению эллинизированного населения Иудеи, Финикии и Сирии не подлежит сомнению»⁴.

«Таким образом, — заключает Я. А. Манандян, — вполне возможно, что кроме „евреев первого пленения“, переселенных в Армению Тиграном Великим, могли быть также „евреи второго пленения“, которые были поселены в Армении не при Тигране, как указывают Фауст и Хоренский, а при его преемнике Артавазде»⁵.

¹ Фауст, IV, 55, пер. Л. М. Меликсет-Бека; см. Л. М. Меликсет-Бек, Армено-Небрайса, Тбилиси, 1945, стр. 421.

² См. Я. А. Манандян, Тигран Второй и Рим, Ереван, 1943, стр. 53.

³ См. Я. А. Манандян, Критический обзор истории армянского народа (на арм. яз.), Ереван, 1944, стр. 257.

⁴ Я. А. Манандян, О торговле в городах Армении, Ереван, 1930, стр. 68.

⁵ Там же, стр. 69.

Все эти сведения о бурном градостроительстве, о развитии товарно-денежного обращения, о принудительных переселениях горожан вполне совпадают с тем, что известно относительно подобных же явлений в эллинистических государствах. Таким образом, рассмотренные выше данные позволяют поставить вопрос об эллинистическом характере армянского города в III—I вв. до н. э. и позже — в первые века н. э.

Некоторые аргументы для подтверждения правомерности такой постановки вопроса может дать и анализ данных о топографии указанных городов, хотя надо сказать, что они пока еще очень скудны. На этот вопрос могут дать ответ раскопки любых развалин одного из этих городов, но пока мы располагаем лишь данными разведочных раскопок Вагаршапата, произведенных осенью 1931 г., и раскопок Гарни, который, однако, скорее был крепостью, а не городом. Но во всяком случае при гарнийской крепости существовало городское поселение, которое может дать приблизительное представление об армянском городе того времени. Однако раскопки городища Гарни начались лишь в 1950 г. и захватили только район крепости, городское же поселение, вероятно, существовало на месте нынешнего поселения и еще не изучено. Интересный материал дают также раскопки столицы Армении V—IX вв. — Двина, систематические раскопки которого начались в 1942 г. Нижний слой городища Двина, относящийся к до-арабскому времени, представляет особенно большой интерес для нашего вопроса.

Города рабовладельческой Армении принципиально отличались от городов феодальной Армении. Город рабовладельческой Армении, как правило, был построен царем по единому плану и принадлежал ему. Первоначально это был «берд», т. е. цитадель, окруженная стенами, внутри которой находился рынок («шука»). Характерной особенностью эллинистического города являлась примыкавшая к нему городская округа. За стенами городского поселения («калак» — букв. «огороженное место» — или «шахастан») цари устраивали сельские поселения и поместья — агараки и дастакерты — с полями и садами. В этих агараках и дастакертах цари поселяли на «правах горожан» «ердумардов», которые занимались не только сельским хозяйством, но и ремеслом, выпуская продукцию для продажи¹. Со временем рядом с агараками и дастакертами образовались «аваны» — поселения «рамыков» — «свободных» земледельцев и ремесленников. В IV—V вв., по мере превращения «жителей агараков» в феодальное крестьянство, агараки также приобретали облик аванов. По сообщению армянских историков V—VII вв., такими «аванами» были окружены все города Армении того времени, не только первостепенные, но и второстепенные. Историк Елише, говоря о восстании армян против сасанидской Персии, упоминает «Великий Арташат с его аванами». Значит, в отличие от более мелких городов и поселений, Арташат имел несколько «аванов». Остальные пункты представляли собою укрепления, у подножия которых вырастали аваны. Аваны имели не только города — центры торговли, но и крепости — Гарни, Ани, Артагерс, Еркайонордж, Арци (совр. Арзни)².

¹ См. С. Т. Еремян, К вопросу о рабстве и рабовладении в древней Армении, ВДИ, 1950, № 1, стр. 14 и 20.

² Армянский термин «аван» является букввальным соответствием грузинского «убани». Из древнегрузинских источников также известно, что в древней Картлии (resp. Иберии) города имели центральную часть («калаки»), которая состояла из цитадели («цихе»), окруженной стеной («згуде»), и пригородов («убани»). Леонтий Мровели, касаясь столицы Картлии, говорит: «великий город Мцхета и „убаны“ его» («Картлис Цховреба», список парижцы Анны, на древнегруз. яз., изд. под. ред. С. Г. Каучишвили, Тбилиси, 1942, стр. 12).

Более или менее полные сведения о городах древней Армении дошли до нас лишь в отношении Армавира, Арташата, Тигранакерта, Валаршапата и Двина.

После падения государства Ахеменидов город Армавир (Аргишти-хинили урартского времени) продолжает играть главенствующую роль в Араратской долине как политический и культурный центр страны. Армавир издревле был вовлечен в международный товарообмен. Он находился на большой магистрали древней караванной торговли, шедшей из столицы Атропатены — Гандзака, через Нахчаван, в Араратскую долину, откуда дорога продолжалась на север, через Зекарский перевал в Колхиду и ее порт Фасис. Дальше морской путь связывал Армавир с городами Боспорского царства и скифами Приазовья¹.

До возвышения Арташисянов Армавир был столицей царей из династии Еруандуни (330—189 гг. до н. э.). Здесь находился храм Анаит и Митры (или Тира), отождествленный филологами Еруандуни с Артемидой и Аполлоном, статуи которых были привезены из Малой Азии и установлены в этом знаменитом святилище. Храм обслуживался гиеродулами как из армян, так и из обосновавшихся здесь греков.

Найденные на городище Армавира греческие надписи III—I вв. до н. э. позволяют предполагать, что после присоединения Айрарата к селевкидской Армении (около 220 г. до н. э.) здесь были поселены греческие воины — клерухи, ставшие *κλῆροι* — «наследственными поселенцами». Греческие поселенцы-колонисты имели земли в районе города Армавира. Они владели своими наделами («клерами») наследственно и, при нарушении наследственного права, апеллировали к богине Артемиде (армян. Анаит), которая считалась богиней справедливого раздела и охранительницей границ владений. К этим выводам приводит расшифровка армавирских надписей, данная академиком Я. А. Манандяном².

Выводы об Армавире соответствуют тем данным, которыми мы располагаем, например, о таких центрах эллинистического времени, как Дура-Европос, внутренняя жизнь которого нам лучше известна благодаря систематическим раскопкам. В Дура-Европос также имелись земельные наделы, предоставлявшиеся воинам в качестве обеспечения. Налоги взимались, исходя из этих наделов (*κλῆροι*), как из единиц податного обложения. Эти наделы (*γῆ κληρουχικῆ*) выделялись из земли, считавшейся царской. Выморочная земля возвращалась царю³. На это же намекают, в частности, надписи Армавира. Здесь греческие поселенцы владели землей, но их наследственные права были нарушены. Первая надпись, по интерпретации акад. Я. А. Манандяна, «осуждает несправедливый раздел наследственного имущества и поучает близких родственников жить в мирном согласии и оказывать друг другу помощь»⁴. Вторая надпись «содержит обращение богини Артемиды к своей пастве, в котором она требует, чтобы раздел имущества и разграничение владений производились справедливо»⁵.

Дошедшие до нас греческие надписи, археологические находки в Армавира (золотые медальоны с изображением античных масок), а также стихотворный отрывок в одной из греческих надписей с упоминанием име-

¹ См. В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, Л., 1949, стр. 92.

² См. Я. А. Манандян, Армавирские греческие надписи в новом освещении, Ереван, 1946.

³ Н. В. Пигулевская, Угасающий Вавилон, стр. 46.

⁴ Акад. Я. А. Манандян, ук. соч., стр. 36.

⁵ Там же, стр. 37. См. также А. И. Болтунова, Греческие надписи Армавира, Изв. Арм. ФАН, 1942, № 1—2, стр. 42.

ни Гесиода, свидетельствуют о том, что Армавир был одним из центров эллинистической культуры.

Таким образом, Армавир был типичным эллинистическим городом.

Захирение Армавира было связано не только с тем, что центр Армении около 176 г. был перенесен в новооснованный Арташат, но и с тем, что река Аракс, переменяв свое русло, текла в это время уже на несколько километров южнее города, а магистраль международной караванной торговли, шедшая с юга из Цолакерта (район совр. Игдыра), свернула уже на восток и переходила Аракс у Арташата. В этом месте, недалеко от нынешнего Хор-Вирапа, и был перекинут мост через реку Аракс. Изоляция Армавира от путей сообщения усиливалась еще и тем, что у слияния Ахуряна с Араксом возник Еруандашат, который около 220 г. до н. э. стал столицей династии Еруандуни, просуществовавшей еще 30 лет. Армавир оставался лишь религиозным центром, знаменитым своим прорицалищем, а Еруандашат сделался крупным городским центром и таковым оставался вплоть до второй половины IV в.

Превращение Айрарата (Араратской долины) в центр всей Великой Армении обусловило возвышение города Арташата. Новые территориальные приобретения приблизили Армению к международным центрам торговли в Малой Азии и Иране; в Армении местом, где скрещивались пути международной караванной торговли, была Араратская долина. В период возвышения Арташисянов (190-е годы до н. э.) вырастает значение низовьев реки Азат. Здесь на одном из узлов международных караванных путей, у слияния реки Азат с Араксом, около 176 г. Арташес I (189—161) основал новую столицу, назвав ее по своему имени Арташат (Artaxata или Artaxiasata античных авторов). Город был хорошо укреплен и за короткое время сделался одним из крупнейших центров торговли и промышленности эллинистического Востока.

На быстрый рост Арташата большое влияние оказала растущая международная караванная торговля. Это был период, когда достигло своего высшего могущества Греко-Бактрийское государство в Средней Азии, когда все возрастала оживленная торговля через него с Китаем, главным объектом торговли которой был шелк. «Шелковый путь» — главная магистраль караванной торговли древнего мира, связывавшая Дальний Восток с Средиземноморьем, проходила именно через Армянское нагорье. Зародившаяся еще с конца III в. до н. э. торговая связь рабовладельческого Средиземноморья с Китаем прежде всего отразилась на росте и развитии городов, лежавших вдоль северной магистрали: Экбатан в Мидии, Гандзака в Атропатене и Арташата в Армении¹. Город Арташат, находясь в таких благоприятных условиях, вскоре становится «одним из крупных центров эллинистического типа, вроде Никомедии, Эдессы и других столиц, основанных династиями той же Селевкидской эпохи»².

О внешнем виде города Арташата некоторые сведения сохранились у Страбона и Плутарха. Страбон сообщает: «города Армении следующие: Артаксата, которую называют также Артаксиасатою и которую основал Ганнибал для царя Артаксия, и еще Арксата; оба города лежат на Араксе: Арксата — на границах Атропатены, Артаксата — подле Араксенской равнины; она прекрасно отстроена и служит царской резиденцией. Город этот расположен в углублении, похожем на полуостров, кругом его, исключая перешеек, тянется перед рекою стена; перешеек его обведен рвом и насыпью» (XI, 14,6). Не менее интересные сведения сохранились у Плутарха: «Рассказывают, — говорит Плутарх, — что карфагенянин Ганнибал,

¹ Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении, стр. 41—42.

² Там же, стр. 40.

после поражения Антиоха римлянами, отправился к армянину Артаксию. Он наставлял и руководил им в полезных начинаниях и, между прочим, заметив в стране прелестное и удобнеее место, невозделанное и запущенное, начертил на нем план города; он повел туда Артаксия и, показав место, убеждал его основать там город. Царь охотно согласился и просил его взять на себя руководство этим делом. Таким образом, был построен большой и весьма красивый город, который был назван по имени царя и был провозглашен столицей Армении» (Лис., XXXI). Разумеется, известие о пребывании Ганнибала в Армении, повидимому, не более как легенда. «Тем не менее, — замечает Я. А. Манандян, — приведенные свидетельства весьма ценны, так как они устанавливают время основания Арташата»¹. О славе Арташата, как крупного и богатого города, говорит и эпитет, прилагавшийся к этому городу римлянами, — «армянский Карфаген» (Plut., Лис., 32).

В период правления Арташисянов и позже в Арташате, повидимому, существовал монетный двор, о чем свидетельствуют дошедшие до нас монеты II в. н. э.

Арташат был крупным центром эллинистической культуры. Еще при Тигране II здесь был построен эллинистический театр, в котором ставились трагедии и комедии величайших драматургов античной Греции. Плутарх, например, сообщает, что летом 53 г. до н. э. при дворе армянского царя игралась трагедия Еврипида «Вакханки» (или отрывки из нее) (Crass., 33)². По сообщению Фотия (Epit., X), в царствование Соиема (164—178) в Арташате жил писатель сирийского происхождения Ямблих, вавилонянин, написавший роман «Babyloniaka» в 35 книгах³.

Благополучию Арташата был нанесен смертельный удар во время разрушительного похода персидского царя Шапура II в 364—368 гг., когда город подвергся разрушению, а его армянское и еврейское население было уведено в плен. После этого город захирел и хотя и был со временем восстановлен, но уже не имел прежнего значения. Этому способствовало и то обстоятельство, что русло Аракса изменило свое направление, а река Азат начала впадать в Мецамор, в свою очередь впадавший в Аракс. В этих условиях население Арташата постепенно перебирается к горам, где был более здоровый климат. Болотные испарения и тропические заболевания делают климат города крайне нездоровым и вредным. К северу от Арташата, ближе к горам, растет новый город Двин, который стал политическим центром Армении со второй половины V века.

При Тигране II в 77 г. до н. э. была заложена новая столица — Тигранакерт. Две старые столицы — Арташат — на севере и Антиохия — на юге не отвечали потребностям огромного государства «царя царей». Первая была слишком удалена от завоеванных Тиграном земель, а вторая находилась вне Великой Армении; из Антиохии трудно было следить за внутренними областями страны. Для новой столицы было выбрано очень удобное место на дороге, ведущей из Арташата в Антиохию и из Ктесифона и Селевкии в Малую Азию, на месте современного города Фаркина (Сильвана)⁴.

Находясь в центре державы Тиграна, у подножья Армянского Тавра, Тигранакерт являлся стратегически важным пунктом. Согласно описанию Аппиана, «этот город... царь [Тигран] заложил в этом месте в свою честь: сюда собрал знатнейших лиц, угрожая при этом, что все то, что они

¹ Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении, стр. 39.

² Ср. Г. Гоян, Черты своеобразия армянского эллинистического театра, ВДИ, 1950, № 3, стр. 178 сл.

³ Т. Моммзен, История Рима, русск. пер., т. V, М., 1949, стр. 367, прим. 3.

⁴ Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении, стр. 60—64.

не возьмут с собою, будет конфисковано. Он окружил город стенами высотой в 50 локтей. В толще их было устроено много лошадиных стоек; в предместье города он воздвиг дворец с большими парками, охотничьими ловами и озерами. Рядом было воздвигнуто сильное укрепление» (Mithr., 84).

Тигран II прилагал все усилия, чтобы увеличить население новой столицы. По словам Страбона, Тигран поселил в Тигранакерте жителей двенадцати эллинских городов (XI, 14, 15). Если верить Аппиану, переселяемые жители этих городов насчитывались сотнями тысяч. Об этнической пестроте населения Тигранакерта уже говорилось выше. По словам Плутарха, «город был богат и деньгами, и дарами [богам]; как частные лица, так и владетельные особы из уважения к царю старались один перед другим о расширении и красоте столицы» (Luc., 26).

Тигран II намеревался превратить Тигранакерт в крупный центр эллинистической культуры. Согласно сообщению Плутарха, в 69 г. до н. э. в Тигранакерте была начата постройка театра, для которого были приглашены артисты из Малой Азии (Luc., XXIX)¹. Бежавшие от римлян эллинские философы, риторы и ученые находили почет и уважение при царских дворах Понта, Парфии и Армении.

Однако уже в 69 г. до н. э. Тигранакерт был разрушен: стремление большей части населения вернуться в места прежнего жительства предало новую столицу в руки Лукулла. Большая часть принудительно переселенных жителей была возвращена обратно в свои насиженные места². Но благодаря своему исключительно благоприятному местоположению, Тигранакерт вскоре после изгнания «разбойника Вайкуна», т. е. Лукулла, и его войск, вновь ожил и стал после Арташата наиболее крупным центром Армении. Еще в IV в. Тигранакерт считался «великим городом» и являлся резиденцией «великого бдешха» Алдзника — Арзанены (Фауст Бузанд, IV, 24).

Тигранакерт был разрушен Шапуром II, а его жители уведены в плен. После раздела Армении в 387 г. Тигранакерт сделался пограничным пунктом и навсегда потерял свое былое значение узлового центра. Эта роль перешла к Амиде. После этого Тигранакерт упоминается под названием Мартирополя, как византийский укрепленный пункт на византийско-персидской пограничной линии.

В поздне-эллинистическое время, наряду с Арташатом, столицей Армении бывал и город Валаршапат. При Трдате III (287—332) местопребыванием армянского двора являлся Валаршапат, который в это время расширился и обстроился.

Валаршапат вырос на месте древнейшего поселения Вардгесаван, существовавшего еще при Еруандуни. При Тигране II Вардгесаван являлся крупным торговым поселением, куда, согласно свидетельству Моисея Хоренского (II, 65), Тигран переселил часть «евреев первого пленения и из этого (места впоследствии) образовалось большое торговое село». Дальше тот же историк добавляет, что царь «Валарш (117—140) теперь обвел его стеною и большим валом, назвав его Валаршапатом, иначе Норкалак (т. е. Нов-город)».

До последнего времени в науке господствовало мнение Моммзена, что Валаршапат основан римским полковолцем Стадием Приском, который во время римско-парфянской войны в 163 г. разрушил Арташат, после чего основал на месте лагеря римских войск Кайнополь, который затем по имени царя Валарша был назван Валаршапатом. Мнение это основано на

¹ Ср. Г. Г о я н, К 2000-летию армянского театра, т. I, М., 1952, стр. 79—100.

² Я. А. М а н а н д я н, Тигран Второй и Рим, стр. 112—139.

фрагменте Диона Кассия, сохранившегося в словаре Свиды, где, как показали Маркварт и Астуриан, под словом *Márτιος* говорится не об основании города, а лишь о том, что после усмирения восстания армян Марцием Вером город Кайнополь был объявлен столицей Армении. Маркварт основание этого города справедливо приписывает армянскому царю Валаршу I (117—140). По мнению Манандяна, переименование Валаршапата в Кайнополь «могло иметь место одновременно с провозглашением его „первым городом“ или столицей Армении в 163 г.»¹.

Разведочные раскопки осенью 1931 г., в которых принимал участие автор настоящей работы, показали, что древний Валаршапат находился на месте современного районного центра — городка Эчмиадзин². Предшествовавший Валаршапату город Вардгесаван, или Артимед, находился, повидимому, на южных склонах холма Шреш-блур, где должна была находиться цитадель. Валаршапат же был основан южнее этого пункта. По известиям Агафангела, которые подтверждаются и археологическими данными, город имел характерную для того времени топсграфию. Центр города занимала цитадель («берд», «бердамедж») на месте нынешнего Эчмиадзинского собора и католикосской резиденции⁴. Две латинские надписи, найденные недалеко от Эчмиадзинского храма и датируемые 175 и 185 гг., сообщают, что эти укрепления построены двумя римскими отрядами: XII легиона и XV легиона Аполлинария⁵.

Внутри цитадели возвышался царский дворец (Агаф., 16, 178, стр. 98), из которого «внутренняя улица» вела к крепости (Агаф., 102, 736, стр. 384). Около 303 г. перед дворцом было построено здание кафедрала (Агаф., 17, 140, стр. 199), нынешний Эчмиадзинский собор, заново перестроенный на рубеже V—VI вв. и впоследствии неоднократно возобновлявшийся. Вокруг цитадели находилось городское поселение (там же), окруженное рвом и валом. Город, повидимому, имел ворота по четырем сторонам света, из которых особо упоминаются Восточные и Южные ворота (Агаф., 17, 192, стр. 104).

Через Восточные ворота шла дорога, связывавшая Валаршапат с другой столицей — Арташатом и называемая «Арташатской дорогой» (там же). Здесь за городским валом (южнее храма Рипсима), недалеко от Восточных ворот, начиналось обширное городское кладбище — раскопанный ныне некрополь римского времени. За некрополем на Арташатской дороге, на месте нынешнего Звартноца, в древности находилось поселение Еразамойн с храмом Тиру-Аполлону.

Валаршапат в первые века нашей эры был крупным торговым поселением и имел очень пестрое по своему этническому составу население. Наряду с армянами, здесь жили сирийцы, евреи, греки, римляне, парфяне и представители других народностей⁶.

Среди ремесленных изделий в археологических материалах господствуют изделия местного, малоазиатского, греческого и римского ремесла. Обращают на себя внимание терракотовые статуэтки и геммы с изображением Афины-Паллады и Деметры⁷.

¹ См. Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении, стр. 93, а также стр. 91—92.

² См. Сб. «Раскопки древнего Вагаршапата», Ереван, 1935, стр. 59.

³ Агафангел, История Армении, Тифлис, 1910, древнеармянский текст, стр. 17, 180.

⁴ Сб. «Раскопки древнего Вагаршапата», стр. 53—54.

⁵ См. М. Ростовцев, Новые латинские надписи юга России, I, Надпись из Эчмиадзина, ИАК, вып. 33 (1909), стр. 1—22.

⁶ См. Сб. «Раскопки древнего Вагаршапата», стр. 56—57.

⁷ Там же, стр. 58.

Валаршапат был древнейшим центром распространения христианского учения, причем в этом большую роль сыграли римские оккупационные отряды, расквартировавшиеся в этом городе. При Трдате III город украсился новыми постройками и сделался также местопребыванием католикоса Армении.

Валаршапат подвергся разрушению и полону населения со стороны Шапура II и после этого стал лишь второстепенным городом и религиозным центром.

Со второй половины V в. наиболее крупным центром и одновременно столицей Армении становится город Двин, выросший на северо-восточной окраине Арташата. С захирением Арташата значение его переходит к Двину, который в V—VII вв. был наиболее крупным центром торговли и ремесла не только Армении, но и всего Закавказья.

Из рассмотренных нами городов Двин лучше всего изучен археологически. Он вырос уже в условиях феодализации Армении, но все же в доарабское время сохранял еще черты городского центра позднеэллинистического типа. Об этом, в частности, свидетельствует описание Двина (Дувия) у Прокопия Кесарийского. По его словам, «Дувий — местность очень плодородная, имеет благоухающий воздух и хорошую воду; отстоит от Феоносиополя на восемь дней пути. Поля тут ровные, удобные для конской езды; многочисленные селения, лежащие близко друг к другу, заселены торговцами, потому что из Индии, из соседственной Иверии и почти от всех народов, подвластных персам и даже римлянам, привозят туда товары, которыми они и торгуют»¹. Из этого сообщения видно, что Двин был таким же крупным торговым центром, как до него — Арташат. По мнению Я. А. Манандяна, основным предметом обмена в Арташате и Двине были, несомненно, китайский шелк и китайские шелковые материи. Косвенное указание об этом он находит у франкского историка Григория Турского, который в бытность при дворе византийского императора в Константинополе в 572 г. встретил главарей восстания армян, бежавших в Византию. По словам Григория Турского, главари восстания явились к императору с громадным количеством шелка и просили его покровительства. «В 572 г., — пишет Я. А. Манандян, — как известно, повстанцы завладели Двином и вполне вероятно, что они разграбили город и захватили в нем китайский шелк, привезенный для обмена»².

В вышеприведенном сообщении Прокопия Кесарийского Я. А. Манандян обратил внимание на тот факт, что иноземные купцы обязаны были селиться в предместьях города, причем Двин, так же как Арташат до него, по соглашению между двумя державами был признан одним из трех пограничных центров международного торгового обмена и в V и в VI вв. На это указывает третий пункт договора, заключенного в 562 г. между Юстинианом и Хосровом I Ануширваном³. Археологические раскопки показывают, что Двин, принимал участие не только в транзитной торговле, но не в меньшей мере торговал и ремесленной и сельскохозяйственной продукцией Армении, среди которой следует упомянуть шелковые ткани, керамику, оружие, «армянскую краску», ювелирные изделия, изделия из металла, вина, хлеб в зерне и т. д.

Цитадель Двина была построена при Хосрове II Котаке (332—338), (Фауст Бузанд, III, 6), но стены города, повидимому, были возведены в середине V в., когда он стал столицей страны — местопребыванием марз-

¹ Прокопий Кесарийский, История войн римлян с персами, II, 25, пер. С. Дестуниса, СПб, 1880, стр. 181—182.

² Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении, стр. 87.

³ Там же, стр. 88—89.

пана Армении. Раскопками изучена центральная часть города — цитадель и ее подножие. Наряду с памятниками феодального периода, в Двине открыты античные базы, которые были в Армении переработаны применительно к местным формам. Архитектура Двина V—VII вв. еще носит на себе отпечаток эллинистического времени¹. Недавно в нижнем слое соборного здания открыт мозаичный пол базиличного храма V в.

Из укрепленных городов наиболее изучена крепость Гарни. Даже предварительное сообщение о результатах раскопок Гарни в 1949—1950 гг. дает уже возможность судить о Гарни, как о городском поселении эллинистического типа². Вскрыты мощные базальтовые стены, окружающие крепость Гарни, которая представляет собою цельный комплекс военно-фортификационного сооружения³. Уже первые находки предметов материальной культуры дают возможность утверждать, что армянское городское население того времени было в известной мере эллинизировано не только в культурном, но и в бытовом отношении⁴.

О социально-экономических отношениях в армянском городе этого времени известно лишь из немногочисленных письменных источников, но все же они показывают с достаточной определенностью характерную картину эллинистического города.

Характерной особенностью армянских городов первых столетий нашего летоисчисления было преобладание еврейского и сирийского элементов. Евреи и сирийцы занимали господствующее положение не только в области внешней и внутренней торговли, но и в ремесленном производстве. Армяне в городах, особенно в столицах — Арташате, Тигранакерте, Валаршапате и Двине, составляли, с одной стороны, высший слой, были, как говорит Плутарх, «владельцами особами», а с другой — городские низы («рамики», «плебеи»); «рамики» занимались земледелием — хлебопашеством и садоводством. В городах проживали главным образом выселенцы из эллинистических городов Каппадокии, Киликии, Кордуены, Адиабены и других стран — греки и эллинизованные арамеи — сирийцы, евреи, а позже — персы.

Об этническом составе городов Армении в IV в. дает понятие сообщение Фауста Бузанда (IV, 24) об уводе в плен Шапуром II населения разоренных и разрушенных городов страны во время войн 364—368 гг. Согласно его данным, уведены были в полон: из «великого города» Тигранакерта — 40 тыс. ердов жителей, из «великого города» Арташата — 4 тыс. ердов армян и 9 тыс. ердов евреев; из Валаршапата — 19 тыс. ердов, из «великого города» Еруандашата — 2 тыс. ердов армян и 30 тыс. ердов евреев; из Зарехавана Багревандского — 5 тыс. ердов армян и 8 тыс. ердов евреев; из «великого города» Заришата Алиовитского — 10 тыс. ердов армян и 14 тыс. ердов евреев; из «укрепленного города» Вана — 5 тыс. ердов армян и 18 тыс. ердов евреев и из Нахчавана — 2 тыс. ердов армян и 16 тыс. ердов евреев (Фауст, IV, 55). Приводимые цифры, вероятно, сильно преувеличены и не имеют исторического значения, но они дают приблизительное представление о количественном соотношении между армянским и иноземным населением. Однако нам думается, что у Фауста Бузанда преобладал конфессиональный подход: под армянами он разумет, кроме армян, также сирийцев, греков и других последователей

¹ В. М. А р у т ю н я н, Двин, Архитектурные памятники Двина V—VII вв. (по материалам раскопок 1937—1939 гг.), Ереван, 1950, стр. 86—98, 113—114.

² См. Б. Н. А р а к е л я н, Раскопки крепости Гарни (основные результаты работ Гарнийской археологической экспедиции Института истории АН Армянской ССР в 1949—1950 гг.), ВДИ, 1951, № 4, стр. 101—114.

³ Там же, стр. 108.

⁴ Там же, стр. 110.

христианской религии, а под евреями — последователей иудейской религии. Следует принять во внимание, что в этот период еще не было разделения между церквями, и все последователи новой религии фигурируют как «армяне», т. е. христиане. Наряду с этим не надо упускать из виду и другой момент. С течением веков иноземное население городов ассимилировалось с армянами, и лишь еврейская община продолжала сохраняться, очень трудно подвергаясь ассимиляции. Ранние арабские авторы, говоря о населении городов Армении в период их завоевания — во второй половине VII в., упоминают христиан, иудеев и магов, что должно означать армян, евреев и персов.

Во главе городской администрации стоял царский эконоом города — «шахап»¹, который собирал налоги и пошлины с торговли и ремесла и сдавал их в царскую казну. «Шахапу» было подведомственно торговое и ремесленное население, жившее в городе отдельными корпорациями. Судя по «Разрядной грамоте» («Гаханамак»), большую роль при дворе играл «шахап Арташата»².

Каждая такая корпорация представляла собою замкнутую религиозную общину, которая руководствовалась собственной юрисдикцией, но местным правом и местным обычаем³. Позже, в IV—VI вв., мы прослеживаем эти корпорации горожан в городах Армении и Иберии (Картли — Восточная Грузия). Это были корпорации — религиозные общины, либо торговцев евреев, либо манихейцев — сирийцев и персов-христиан, либо ремесленников персов, либо «народа магов», т. е. персов-огнепоклонников, — имевшие свои храмы и прочие общественные учреждения. В этой связи большой интерес представляют данные грузинского агнографического памятника VI столетия — «Житие Эвстате Мцхетели», в котором показана замкнутая корпорация персов-огнепоклонников в городе Мцхете с ее сходками и праздниками. В «Житии» рассказывается, что «в лето десятое (царствования) царя Хосрова и в марзпанство картлийское Арванд Гушнаспа прибыл некий муж из Персии, из страны Аршакети, сын мага, и был он язычником и имя его было Гвиروبандак и возрастом своим он был молод, тридцати лет. И прибыл он в город Мцхету и учился (здесь) ремеслу сапожника. Здесь он женился на христианке (т. е. на грузинке), и сам, приняв христианство, получил имя Евстафия». Во время своего праздника «собрались персы, которые жили во Мцхете — починщики и сапожники и проводили празднества»⁴.

Другой агнографический памятник — «Житие св. Нины» указывает на наличие в Мцхете большой торговой колонии евреев⁵. Об этом же свидетельствует древняя топография столицы Иберии и археологические раскопки, выявившие погребения с еврейскими надгробными надписями.

Следует полагать, что в своей внутренней жизни еврейские поселенцы руководствовались теми же нормами, что и евреи Ирака и Сирии. Об этом

¹ Это значение термина «шахап» устанавливается на основании древнеармянского перевода «III книги царей» (4, 6), «Деяний апостолов» («Послание римлянам», 16, 23) и др.

² См. Н. Адонц, *Армения в эпоху Юстиниана*, СПб, 1908.

³ Об этом свидетельствует сопутствующая многим талмудическим постановлениям формула: «все по обычаю области», «закон государства закон». Об евреях Ирака и вообще Ирана сказано, что возглавляющие их наследственные правители диаспоры — эксилархи «судят по персидским законам» и т. д. См. Ю. А. Солодухо, *Социально-экономическая структура еврейского общества Ирака и Сирии во II—V вв. н. э.*, УЗЛГУ, № 78, СИН, вып. 9 (1941), стр. 50.

⁴ «Хрестоматия по древнегрузинской литературе», составил С. П. Кузнецов, в и л и, Тбилиси, 1946, стр. 45.

⁵ «Житие святой Нины», «Картлис Цховреба», список царьцы Анны, составленной С. Г. Каучишвили, Тбилиси, 1942, стр. 45—88.

свидетельствует, в частности, сохранившаяся терминология. Поэтому для нашего вопроса большое значение имеют указанные выше исследования Ю. А. Солодухо о социальном и экономическом положении еврейского населения Ирака и Сирии. По заключению Ю. А. Солодухо, «производственные отношения среди еврейского населения, несомненно, характеризуют и производственные отношения в рассматриваемое время всего Ирака, а в еще большей степени характерны и для Ирана» (ук. соч., стр. 49). В другом месте Ю. А. Солодухо говорит, что мы имеем «все основания с полной уверенностью предположить, что данные Талмуда о производственных отношениях среди еврейского населения Сирии в еще большей степени отражают общее положение всей Сирии того времени, в известной степени — и всего Ближнего Востока» (ук. соч., стр. 50). Исходя из сказанного, можно предположить, что производственные отношения, господствовавшие среди еврейского населения Месопотамии и Сирии в первые века нашей эры, характерны были и для Армении. В частности, мы находим общие черты внутренней организации города.

Корпорации купцов и ремесленников обязаны были круговой порукой платить все подати и нести повинности в пользу государства. «Рэс» нес ответственность перед «шахапом» — царским экономом города за своевременное поступление податей — торговых пошлин («баж»), пошлин на ремесленные изделия и прочих податей и повинностей. Купцы и ремесленники имели свои «хануты» (лавки), где продавали либо свои, либо привезенные издалека изделия.

Ремесло, обслуживавшее потребности господствующего класса, было преимущественно сконцентрировано в городах и в поместьях царя, знати и жречества. Это было ремесло, организованное в крупных масштабах и рассчитанное также на обмен на иноземные товары, в которых ощущалась потребность среди господствующего класса Армении.

Сведения об организации ремесла, об отдельных отраслях его в городе и в поместьях знати отсутствуют почти полностью. Мы вынуждены выискивать в памятниках армянской литературы V—VII вв. отдельные упоминания о предметах бытового обихода, об одежде, мебели и т. д., чтобы при их помощи получить представление об отдельных отраслях ремесла, стараясь при этом выделить предметы привозные. Этим путем нам удастся воссоздать картину состояния различных отраслей ремесла до V в., так как сообщаемые в текстах сведения в значительной части относятся именно к изделиям ремесленного производства аршакидского времени. Так, например, в армянском литературном памятнике VI столетия засвидетельствована ремесленная мастерская («горцоц-тун»), являющаяся в данном случае собственностью епископа¹. Термин «горцоц-тун» — букв. «работный дом», «дом работ» — живо напоминает термины «дом бочара», «дом красильщика», «дом гончарного дела», встречающиеся при описаниях жизни еврейского населения городов Сирии и Ирака². В этих «домах» работали и свободные ремесленники и рабы. В приведенном известии о «горцоц-туне» в VI в. можно видеть пережиточно сохранившийся факт наличия ремесленного предприятия крупной знати, наряду с которым в эллинистическое время следует предполагать и существование «царских монополий».

Царской монополией являлись добыча золота, каменоломни, соляные копи, рыбные промыслы³ и т. д. Эксплуатация недр земли, считавшихся

¹ «Канон 14 католикоса Нерсеса и епископа Мамиконянов Нершапуха», «Книга армянских канонов», Тифлис, 1914, др.-арм. текст, стр. 111—112.

² См. Ю. А. Солодухо, Социально-экономическая структура еврейского общества Ирака и Сирии в II—V вв. н. э., стр. 50.

³ Фауст Бузанд, III, 8; V, 22.

собственностью царя, производилась при помощи крестьян-общинников, в порядке трудовой повинности — «мардахарк». В источниках упоминаются повинности: «харк карахатац»¹ — повинность добычи камня, и «харк беррнакрац»² — повинность грузчика. Надсмотрщиками над работниками, работающими в порядке «мардахарк», являлись должностные лица, называемые «гортцавар»³ («ведущий дело»). «Гортцавар» был, повидимому, тем же литургом, лицом, работавшим по общественной повинности в принудительном порядке. Он получал натуральную субсидию — «рротчик»⁴, а для несущих государственные повинности («сак») — натуральную субсидию в денежном исчислении. Разумеется, вместе со свободными общинниками работали также рабы и лица, осужденные на каторжные работы. Эта система организации «царских работ» удивительно наглядно показана в «III Книге царей», в армянском переводе которой широко использована терминология, существовавшая в Армении для обозначения этих же явлений. Организация труда по добыче сырья из недр земли напоминала систему эксплуатации каменоломен и рудников в эллинистическом Египте⁵.

Ремесленные мастерские в городах должны были обслуживать преимущественно царский двор. Из ремесел были развиты: металлургия — на базе местных рудных богатств (особенно оружейное дело), гончарное производство, художественная обработка камня и дерева, производство художественных тканей и ковров, красильное дело, ювелирное дело и т. д. О том, какие отрасли ремесла могли существовать в городах Армении, кроме случайных сведений армянских источников об Армении и грузинских источников о Грузии ранне-феодалного времени, можно судить и по талмудической литературе, в которой упоминается около пятидесяти различных ремесел, распространенных в Сирии в поздне-эллинистическое время. Это портные, сапожники, кожевники, плотники, столяры, каменотесы, кузнецы, рудокопы, плавильщики меди, оросители, ткачи, красильщики, бочары, оружейники, глазуристы, стекольщики, ювелиры, золотых и серебряных дел мастера, вышивающие золотом, парфюмеры, горшечники, мясники, мельники, токари, булочники, повара, сыровары, прачки, парикмахеры, переписчики и т. д. В Сирии были города, где большая часть жителей занималась одним ремеслом. Например, в середине III в. н. э. были города, которые специально занимались окраской пурпурных тканей⁶. Об отраслях ремесленного производства наиболее реальные данные может дать археологический материал, в частности материал из Гарни в Армении и Армази-Мцхета в Грузии.

Письменные и археологические источники дают возможность установить следующие отрасли ремесла, которые существовали в Армении в эллинистический период.

Широко была развита металлургия, особенно такие отрасли ее, как оружейное дело и изготовление посуды бытового обихода. Археологический материал и письменные источники сообщают о военных доспехах для всадника и его коня, сплошь покрытых броней, колчанах, стрелах, копье, луке, щитах металлических и плетеных, боевых косах, молотах, палицах, пиках и т. д. Предметы бытового обихода изготовлялись из меди, бронзы, железа и их сплавов. Упоминаются большие светильники, которыми освещались приемные покои царя и знати, люстры, канделябры

¹ Упоминается в древнеармянском переводе III R, 2, 35; 5, 15.

² Там же.

³ Там же, 2, 35.

⁴ Там же, 4, 7 и др.

⁵ См. «Эллинистическая техника», Сб. под ред. И. И. Толстого, М.—Л., 1948, стр. 7—34.

⁶ Ю. А. Солодухо, ук. соч., стр. 59.

и подфакельники. Были известны и находимы во время раскопок большие медные и бронзовые котлы для варки пищи, шомполы, различные жаровни, железные треножки для разведения огня, кочерга для размешивания огня в тонире, ковши и друшлаки, сковороды и т. д. Встречается посуда для плавки металлов («пугук»). Найдены такие предметы бытового обихода, как пряжки для обуви, шпильки для волос.

Большого совершенства достигла обработка камня. Раскопками в Гарни обнаружено железное зубило каменотеса¹. О высокой культуре обработки камня говорят открытые раскопками прекрасно обработанные базальтовые плиты². О том, какого совершенства достигла художественная обработка камня, красноречиво свидетельствует античный храм в Гарни. Раскопки показали наличие развитой скульптуры, причем именно обработки мрамора. Найден кусок мрамора с резьбой на лицевой стороне, которая производилась резцом и сверлом. Предполагается, что это постамент мраморной статуи, датируемой I в. н. э. О том же говорит и другой мраморный фрагмент — рука статуи³.

Помимо каменной (мраморной) скульптуры, широко была распространена терракота — художественные изделия из обожженной глины. Терракотовые статуэтки найдены как раскопками в Вагаршапате⁴, так и в Гарни⁵. Особенно была развита глиптика — искусство резьбы по камню. Во множестве находятся художественно исполненные геммы и резные камни — украшения, бусы, кольца и т. д., имевшие массовое распространение среди населения.

В античной Армении, как видно, было налажено производство стеклянных изделий при помощи выдувания, а также специальных форм⁶. При раскопках в Вагаршапате и Гарни найдено множество стеклянных сосудов, флаконов для парфюмерии, стеклянных бус и т. д.⁷ Письменные источники упоминают «чаши и всякого рода посуду из стекла».

Широко была известна резьба по кости. Встречается множество костяных изделий.

Из ремесел лучше всего мы осведомлены о гончарном производстве, так как археологический материал представлен преимущественно керамикой, сохраняющейся в земле в течение тысячелетий. Гончарные изделия состоят главным образом из предметов обихода, начиная от огромных карасов для вина и кончая миниатюрными солонками и пряслицами. Раскопанный материал Гарни в части керамики состоит преимущественно из кувшинов, мисок, плоских тарелок с низким бортом, тазов и т. д.⁸ В письменных источниках имеются упоминания различных сосудов, которые изготовлялись на гончарном круге. Кроме караса, известны: «карасдзаг»⁹, «кахойр»¹⁰, «тонир», «катсай», «сан»¹¹, солонка — «кон», светильник — «тчраг»; особенно хорошо известный по археологическим материалам. Из раскопок известна и маслобойка.

Источники показывают широкое развитие производства мебели массового потребления для городского населения и производство художествен-

¹ «Гарни», I, стр. 36, 41.

² Там же, стр. 40.

³ Там же, стр. 41.

⁴ Сб. «Раскопки древнего Вагаршапата», стр. 58.

⁵ «Гарни», I, стр. 41.

⁶ «Гарни», I, стр. 52.

⁷ Там же, стр. 41.

⁸ Там же, стр. 41.

⁹ «Гирк вастакоц», др.-арм. текст, Венеция, 1877, стр. 114.

¹⁰ Фауст Бузанд, др.-арм. текст, изд. 1832, стр. 166.

¹¹ IR, 2, 13; I Esr, I, 12 и др., др.-арм. перев.

ной мебели, рассчитанной на вкусы царского двора и окружавшей его аристократии. Источники упоминают различные трапезные и пиршественные столы — «сеган»¹ (τραπέζα, mensa), скамьи, особенно роскошно отделанные кресла — «базмакан»² (= κλισία, sella, locus sedendi, στρωμα, στράζα, τάπηρ, stratum, stramentum, tapes) или «базмакал»³, на которые укладывались художественно вышитые подушки — «базмаканк»⁴ или «бардз»⁵. В трапезной Аршака II имелось девятьсот «бардзов», под которыми подразумевается все кресло целиком⁶, покрытое роскошно вышитой тканью — «тапастак», на которую именно и клался «бардз»⁷.

Разумеется, изделия из дерева до нас не дошли, но в источниках имеется много сведений об их существовании. Плотник — «хюсн»⁸ (= τέκτων, τέκταινός, faber, lignarius, tignarius), наряду с каменщиком — «галатос»⁹, являлся наиболее нужным мастером в городском быту.

Письменные источники и, частично, археологические свидетельства о расцвете ювелирного дела. Царский двор и рабовладельческая знать имели большую потребность в художественных изделиях из золота и серебра, обычно усеянных драгоценными камнями. Конечно, спрос на подобные изделия удовлетворялся преимущественно импортом из эллинистических городов Средиземноморья, но он не мог покрыть растущих потребностей. В этом отношении очень показателен инвентарь, найденный в саркофагах грузинских питапшхов в Армази-Мцхета. Несомненно, если бы были найдены гробницы армянской знати эллинистического времени, мы обнаружили бы вещи не менее богатые и художественные. В письменных источниках упоминаются роскошно отделанные чаши для вина различных размеров — «бажак», которые клались на особые «бажакакалы»¹⁰, «нуаг»¹¹ (= κομβίον, cymbium, κάλυξ, calyx, ποτήριον, rosulum, ποτόν, ποτός, potus, potio, potatio, convivium), особенно «нуаг» золотой¹² (= χρύσεον, vas rel foculum aureum). Часто упоминается золотая и серебряная посуда («спас»¹³) и вообще сервировка пиршественного стола. Упоминаются роскошно отделанные золотом и серебром ритоны как из рога, так и из слоновой кости — «пытеак»¹⁴ (= ῥυτός). Найденные в парфянской столице Нисе многочисленные ритоны из слоновой кости, обработанные в стиле восточного эллинизма, дают нам лучшее представление о том, какой имели вид эти ритоны.

В эллинистический период большого мастерства достигло ткачество. Центром текстильного производства являлся Арташат, где находились красильни, специально окрашивавшие ткани «армянской краской» («ордан кармир»). Источники говорят о роскошных тканях —

¹ Ех., 25, 23; 27, 1 и др., др.-арм. перев.

² Iud., 12, 15 и др., др.-арм. перев.

³ Фауст Бузанд, IV, 2; Иоаннес Мандакунни, Реги, др.-арм. текст, Венеция, 1860, стр. 174.

⁴ Товма Арцруни, История дома Арцруни, др.-арм. текст, Константинополь, 1852, стр. 301.

⁵ Фауст Бузанд, ук. изд., стр. 67.

⁶ Вардан Ацунни, Обеды и пиры в древней Армении, на арм. яз., Венеция, 1912, стр. 55.

⁷ Там же, стр. 56.

⁸ II Chr., 24, 12, др.-арм. перев.

⁹ I Esr., 5, 54, др.-арм. перев.

¹⁰ Елише, гл. 8.

¹¹ III Mass., 5, 9, др.-арм. перев.; Елише, гл. 8.

¹² I Mass., II, 57, др.-арм. перев.; Моисей Хоренский, II, 44.

¹³ Фауст Бузанд, ук. изд., стр. 246.

¹⁴ Григория Нисского Толкование „Отче наш“, гл. 12. Древне-армянская рукопись.

«бехез»¹ (= βύσσος, byssus), «тцирани»², «дипак»³ и т. д. Они вышивались золотом, серебром, жемчугом, шелком и т. д. Источники говорят о швейном деле и портных — «таразагортц»⁴, «дердзак»⁵ или «хандердзарар»⁶. Они специально работали для царского двора и вельможной знати. Упоминается мастер по тканью шелка — «метаксагортц» и изготовлению драгоценных диадем — «хойарар»⁷. Диадема делалась из златотканного виссона. Царские швейные мастерские изготовляли всю одежду царя и его придворных, говоря о которых источники подчеркивают их роскошь и художественную отделку.

Для таких роскошных одеяний существовали специальные прачечные. Прачечники назывались: «тапичк» или «луаналик»⁸.

Источники упоминают сапожников («кошкакар» или «каруак»)⁹ и починщиков обуви¹⁰.

В городах существовали пекарни («хацарароцк»¹¹), бойни («спанданоц»¹²), мясные лавки («мысаватчарраноцк»¹³ и мясники («мысагортцк»), торговцы вином («гиневатчарк»¹⁴), странствующие торговцы капустой («каламбаватчарк»¹⁵), торговцы всякой мелочью («аменаватчарк»¹⁶ и т. д.

Торжественные приемы и пиры при дворе царя и его вельмож сопровождались театральными представлениями, музыкой, пляской, акробатическими играми. Существовала и проституция. Все это свидетельствует о том, насколько было развито в городах денежное обращение. Торговля разрушала патриархальные устои общества. За деньги можно было приобрести все, а обладание деньгами являлось привилегией господствующего класса. Широкие массы народа в деревне, как правило, не знали монеты.

При специальном изучении вопроса мы бы извлекли гораздо больше свидетельств из древнеармянских источников, но даже и этот беглый перечень показывает, на каком высоком уровне стояло ремесло в древней Армении. Решающее слово принадлежит здесь археологии, которая только начала работать в этом направлении.

Всего в привлеченных нами источниках упоминается около полусотни профессий: рудокопы, кузнецы, оружейники, медники, котельщики, каменотесы, граверы на камне, токари, резчики по кости и рогу, скульпторы, мастера по изготовлению терракотовых статуэток, стекольщики, гончары-горшечники, плотники, столяры, мебельщики, ювелиры, золотых и серебряных дел мастера, вышивающие золотом и серебром, красильщики, тка-

¹ Ех., 39, 27, др.-арм. перев.; Моисей Хоренский, II, 34.

² Моисей Хоренский, I, 26.

³ Is., 3, 18, 21—23.

⁴ Там же, 19, 10.

⁵ Иоанна Златоуста Толкование посланий Павла, др.-арм. текст, т. I, Венеция, 1862, стр. 816.

⁶ «Ачахантум», др.-арм. текст, Венеция, 1838, стр. 4.

⁷ Моисей Хоренский, II, 38.

⁸ Is., 7., 3; 36, 2; Marc., 9, 2.

⁹ Василий Кесарийский, Шестоднев, др.-арм. текст, Венеция, 1830, стр. 197.

¹⁰ Иоанн Златоуст, Евангелисту Матфею, др.-арм. текст, т. I, Венеция, 1826, стр. 706.

¹¹ I Chr..., 16, 3, др.-арм. перев.

¹² I Cor., 10, 25, др.-арм. текст.

¹³ Езник Колбацци, Опровержение ересей, на арм. яз., Венеция, 1826, стр. 284.

¹⁴ Вардапет Сергис, Толкование пяти посланий кафаликосских, на арм. яз., Константинополь, 1744, стр. 825.

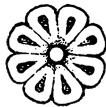
¹⁵ Фауст Бузанд, ук. изд., стр. 55.

¹⁶ Иоанна Златоуста Толкование посланий Павла, т. I, стр. 666.

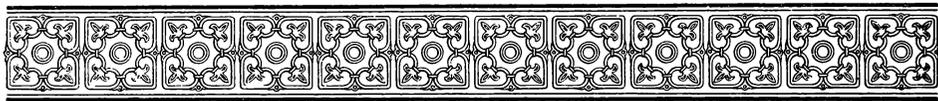
чи, ковровые мастера, шелкоткачи, текстильщики, швейные мастера, портные, вязальщицы, мастера, изготовлявшие диадемы, кожевники, сапожники, починщики обуви, прачечники, парикмахеры, пекари и булочники, мясники, виноторговцы, торговцы овощами (капустой) в разнос, мелочные торговцы, артисты и мимы, артистки — певицы и танцовщицы, певцы и танцоры, музыканты, шуты и скоморохи, плакальщицы, проститутки и т. д. В действительности число профессий было, несомненно, гораздо больше.

Наличие разнообразных отраслей ремесленного производства в городах древней Армении и широкое вовлечение этих городов в международный товарообмен свидетельствуют о развитии товарного производства, о ремесленном производстве, имевшем целью не только личное потребление царского двора и знати, но и производство товаров для обмена на товары иностранного происхождения. Как археологические находки, так и рассмотренные выше данные о городском ремесле свидетельствуют о сравнительно развитом товарном обращении и товарном производстве в древней Армении.

Скудный материал источников не позволяет на примере истории Армении глубже вскрыть специфику простого товарного производства, характерного для рабовладельческого общества, и ограниченную роль товарного производства при рабовладельческом строе. Поэтому, во всяком случае на современном уровне наших знаний, можно лишь констатировать факт существования сравнительно развитого товарного обращения и производства в древней Армении эллинистического периода. Вывод этот важен не только сам по себе, но также еще и потому, что он помогает глубже вскрыть рабовладельческий характер экономики древней Армении и уровень ее развития в эллинистический период. «В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство; иногда же, в зависимости от исходного пункта, оно приводит только к превращению патриархальной системы рабства, направленной на производство непосредственных жизненных средств, в рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости»¹. Развитие товарно-денежных отношений в древней Армении может, таким образом, служить косвенным доказательством роста ее рабовладельческой экономики.

¹ К. М а р к с, Капитал, т. III, стр. 344.

Проф. А. П. Смирнов

К ВОПРОСУ О СЛАВЯНАХ В КРЫМУ

Вопрос о славянах в Крыму за последнее время приобрел известную остроту, объясняемую насущной необходимостью четко определить место Крыма в истории восточных славян. Слабая разработанность этой проблемы привела к возникновению ряда точек зрения на время появления славян в Крыму и на их роль в его древней истории.

Данные, которыми располагает историческая наука, показывают, что с древнейших времен Крымский полуостров и Восточная Европа представляли одно целое. Так было уже в IV—III тысячелетиях до н. э., когда вся эта территория была заселена родственными племенами, известными в археологии под именем племен ямной и затем катакомбной культур. Общность сохранилась и позднее, во II и в начале I тысячелетия до н. э., когда на всей этой территории жили племена срубной и киммерийской культур. Не только степной Крым, но и его горная часть были связаны с Восточной Европой.

На рубеже II—I тысячелетия до н. э. в горах Крыма обитали племена Кизил-Кобинской культуры, имеющей много общего с культурой населения Прикубанья и Предкавказья того же времени. Не подлежит сомнению неразрывная связь Крыма с Восточной Европой и в последующее время, в I тысячелетии до н. э., в эпоху скифов и сарматов. Эти связи не ослабевали и позднее, когда господствующая роль в Приднепровье перешла к славянам.

За последнее время вопросу о славянстве в Крыму уделяется значительное внимание. Эта проблема обсуждалась на сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала АН СССР в мае 1952 года¹. Ей посвящен ряд статей, например, статья Е. В. Веймарна и С. Ф. Стржелецкого, которые подвергли детальному разбору существующие точки зрения и высказали мнение, что славяне появились в Крыму около III в. н. э.² Наконец, в связи с крымской сессией на этом вопросе остановились Б. Д. Греков и Ю. В. Бромлей³.

Еще в работах В. Г. Васильевского⁴ и позднее Б. Д. Грекова⁵ отмечалась связь славян Приднепровья с Крымом и была дана оценка немного-

¹ «Правда» от 11 июня 1952 г.; «Крымская правда» от 25 мая 1952 г.

² Е. В. Веймарн, С. Ф. Стржелецкий, К вопросу о славянах в Крыму, ВИ, 1952, № 4, стр. 94.

³ Б. Д. Греков, Ю. В. Бромлей, Изучение истории Крыма, «Вестник АН СССР», 1952, № 8, стр. 71.

⁴ В. Г. Васильевский, Записка готского топарха, «Труды», т. II, вып. 1, 1909, стр. 136—212.

⁵ Б. Д. Греков, «Повесть временных лет» о походе Владимира на Корсунь, «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии», 1929, № 3, стр. 100.

численных документов, касающихся этой проблемы, как византийских и русских, так и восточных. В работе Б. Д. Грекова хорошо обоснован тезис, что Русь задолго до IX в. прекрасно знала дорогу в Крым. Русы ездили по Черному морю как с мирными, так и военными целями. Неслучайно поэтому арабы Масуди и аль-Якуби называют Черное море Русским, причем первый говорит, что никто, кроме русов, не плавает по Черному и Азовскому морям¹. Ибн-Хардабе (писатель IX в.) указывал на торговлю русов в Черном море² мехами и мечами.

Как установлено работами Б. Д. Грекова, в первой половине X в. Русь твердо стояла в Крыму. Об этом можно судить по нижеследующему пункту договора Византии с князем Игорем в 945 г.: «...если придет Черные болгары и станут воевать в Корсунской стране, то приказываем князю русскому, чтобы не пускал их, иначе причинят ущерб и его стране»³. Б. Д. Греков справедливо полагает вслед за Куником, Владимирским-Будановым и Васильевским, что этот пункт договора свидетельствует о силе и близости русских; предполагается, что русские не только могут беспокоить Корсунь и его окрестности своими набегами, но и защищать его, а это возможно было только в том случае, если владения Игоря находились поблизости от Черных болгар и Корсуны⁴.

Нужно думать, что тесная связь Руси с Крымом сложилась значительно раньше. Отношениям X в., несомненно, предшествовал длительный период освоения славянами какой-то части территории полуострова. О пребывании в Крыму значительного славянского населения свидетельствует и факт возникновения и существования Тмутараканского княжества, сложившегося еще до X века⁵.

Первоначальное появление славян в Крыму, несомненно, связано было с тем движением «варваров», которое является рубежом древности и средневековья, когда «варвары» опрокинули рабовладельческие государства, подорванные внутренним процессом разложения рабовладельческого строя. Древние славяне сыграли в этом процессе прогрессивную роль. Участие древних славян в этом движении «варваров» прослежено работами Б. А. Рыбакова⁶ и А. В. Мишулина. В своем труде «Древние славяне и судьбы Восточноримской империи» (ВДИ, 1939, № 1, стр. 288 сл.) последний устанавливает два периода в этом процессе движения славян в область Восточноримской империи: первый, когда славяне в коалиции с другими «варварами» — сарматами, скифами, готами, аварами нападают на империю. Здесь еще славяне не фигурируют под своим именем. В своем исследовании А. В. Мишулин (ук. соч., стр. 208) ссылается на данные Прокопия, который отмечает, что славяне и анты, двинувшиеся через Дунай, говорят на одном языке. А. В. Мишулин сопоставил данные Прокопия с материалами Иордана и отметил, что венецы-славяне в VI в. обитали в районе от Меотийского озера до Вислы. Иордан указывает, что готам Германариха пришлось выдержать натиск антов в районе Меотийского озера. Причем и здесь во второй раз отмечается, что племя это называется и венедами, и антами, и склавинами. А. В. Мишулин отмечает, что указания Иордана о венедах связывают их с более ранними венедами-славянами античных писателей (ук. соч., стр. 298).

¹ А. Я. Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, СПб, 1870, стр. 125—138.

² А. Я. Гаркави, Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе, «Труды IV съезда», т. II, М., 1891, стр. 239.

³ «Повесть временных лет», М.—Л., 1950, стр. 234.

⁴ Б. Д. Греков, «Повесть временных лет» о походе Владимира на Корсунь, стр. 101.

⁵ Б. Д. Греков, Киевская Русь, М., 1949, стр. 453.

⁶ Б. А. Рыбаков, Анты и Киевская Русь, ВДИ, 1939, № 1, стр. 319 сл.

Второй период падает на VI—VII вв. н. э. С 527 г., со времени вступления на престол Юстиниана, начинаются непрерывные вторжения славян и аваров на Балканский полуостров. Есть все основания полагать, что движение славянских племен затронуло и Крымский полуостров. Именно этим можно объяснить ту строительную деятельность, которую развили здесь византийские императоры. Надпись в честь императора Зенона свидетельствует о восстановлении укреплений Херсонеса. Прокопий в своем трактате «О постройках» (ВДИ, 1939, стр. 209—210) сообщает о восстановлении укреплений, предпринятом Юстинианом в Херсонесе, Боспоре и Севастополе, на Кавказском побережье и в горном Крыму (там же, стр. 250). Все эти работы были проведены для того, чтобы оградить Крымское побережье от набегов северных племен. В горном Крыму тогда был создан своего рода лимес, представленный рядом городищ, известных под именем городов древнего Крыма. Все приведенные данные достаточно ясно показывают, что крымские рабовладельческие города-государства попали в такое же тяжелое положение, как и Римская империя. Значительные исторические события этого времени не могли не найти отражения в археологических памятниках, которыми так богата Крымская земля.

Среди археологического материала середины первого тысячелетия н. э., времени мало изученного, есть интересная группа памятников, в числе которых первое место следует отнести Ай-Тодорскому могильнику, исследованному экспедицией В. Д. Блаватского в 1931—1935 гг. Экспедиция В. Д. Блаватского исследовала как крепость, так и могильник. Свои выводы, основанные не только на материале указанных раскопок, но и на всех данных, полученных раскопками более раннего времени, В. Д. Блаватский изложил в своей работе «Харакс» (МИА, № 19). Он отмечает, что в Ай-Тодорском могильнике подавляющее большинство покойников из общего числа 33 было кремировано, причем кости часто лежали в амфорах. Только в двух могилах были прослежены труположения. Нередко около горла амфоры встречались обломки местных сосудов из грубой глины, которые могли служить крышками. Реже жженные кости покойников клялись в могилы завернутыми в мягкие оболочки, не сохранившиеся до нашего времени. Еще реже прах помещался в урну или сосуд местной работы. В могилах встречались бронзовые пряжки, перстни и фибулы, медные монеты, железные ножи, бусы из стеклянной пасты и других материалов, глиняные сосуды и стеклянные стаканы. Сосуды по большей части найдены раздавленными. Стеклянные стаканы обычно клялись вместе с жженными костями в амфору, а металлические предметы помещались под нее. При погребениях найдены и орудия труда: топоры, серпы, рыболовные крючки и пряслица. Встречены также предметы вооружения: наконечник копья, боевой топор, кинжал и железный умбон щита. Исследователь отметил в числе деталей погребального обряда заклад над захоронениями, выложенный из необработанных камней, поверх которых насыпалась земля.

Анализ вещевого материала, в частности монет, позволил В. Д. Блаватскому прийти к выводу о времени существования крепости и могильника. Нумизматический материал, найденный в укреплении, представлен небольшим числом монет, предшествующих римской оккупации Крыма и времени с середины I в. н. э. до середины III в. н. э., т. е. того времени, когда южная часть Таврического полуострова была занята римлянами. Совершенно другую картину дают монеты, происходящие с некрополя. Подавляющее большинство их относится ко второй половине III — первой половине IV вв. н. э. Всего было найдено 37 монет. В своем заключении В. Д. Блаватский отметил: «После оставления римлянами южного берега Крыма жизнь на Ай-Тодорском холме не прекращалась. Укрепления Харакса, видимо, продолжали служить убежищем окрестному населению на случай

опасности. За наружной стеной Харакса в первой половине IV века н. э. возник некрополь, в котором хоронило своих покойников небогатое местное население — земледельцы, рыбаки и ремесленники, видимо, потомки обитателей Харакса» (ук. соч., стр. 91).

Положения, к которым пришел исследователь, крайне интересны. Первый вывод, с которым следует согласиться, это вопрос о датировке могильника. О IV в. говорят не только монеты, но и вещевой материал. Прав автор и во втором вопросе. Несомненно, могильник возник после ухода римлян. Несомненно также и то, что могильник «варварский» и не может принадлежать ни грекам, ни римлянам, ни другим эллинизированным народам. Самый характер могильника, обряд погребения в нем резко выделяют его из числа античных памятников Крыма. Ни в одном из античных городов не встречено могильника с таким обрядом захоронения и с таким погребальным инвентарем.

Обряд трупосожжения, преобладающий в Ай-Тодорском могильнике, сам по себе ни о чем не говорит. Трупосожжения встречаются в ряде археологических культур, в частности и в античной. Они известны в некрополях Пантикапея, Херсонеса, Ольвии, у римлян, встречаются они и в «варварском» мире. При определении этнической принадлежности основное значение поэтому имеет не столько самый обряд, сколько детали его, которые дают возможность выявить этническую принадлежность погребенных.

Кремирование покойников встречается в древнейших захоронениях Пантикапея, но кремация представлена там не более чем в 10—13% всех погребений VI—V вв. Тот же обряд встречается в Пантикапее и позднее, в IV—III вв. до н. э., когда продолжали существовать два обряда погребения, но кремация наблюдается теперь только в 3% всех погребений. Ко II—I вв. до н. э. относится ряд кремированных погребений в амфорах. Данные последних лет, свидетельствуя об увеличении кремации, не позволяют, однако, утверждать, что и в II—I вв. до н. э. этот обряд захоронения был преобладающим¹.

В I—II вв. н. э. трупоположение стало господствующим типом погребений в Пантикапее. Получили большое распространение склепы. В III в. н. э. трупоположение стало, повидимому, единственным погребальным обрядом, случаи кремации более не встречаются².

Таким образом, для III в. н. э. кремация, обильно представленная в Ай-Тодорском могильнике III—IV вв., явление исключительное, так как в некрополях античных городов Крыма она в то время уже исчезла полностью. Да и самый погребальный обряд захоронения под курганом с сожженными вещами, характерный для античных некрополей Крыма более раннего времени, также отличается от Ай-Тодорского. Единственная деталь, которая сближает греческие некрополи с Ай-Тодорским могильником, — это погребения в амфорах.

Херсонес, второй крупный центр античной цивилизации, также дает погребения, отличные от Ай-Тодорского могильника. В первые века н. э. там существовало два обряда захоронения: кремация и трупоположение. Для этого времени характерны семейные склепы, вырубленные в скале. Внутри склепов устраивались либо лежанки для трупоположений, либо ниши для установки урн, глиняных или свинцовых. Были распространены и гробницы, сложенные из плит. Все эти погребения принадлежали городской аристократии. В качестве примера можно указать на склеп № 1013 с пятнадцатью нишами, в которых помещалось семь трупоположений и девять сожжений. Инвентарь этих погребений — типично грече-

¹ Г. А. Цветаева, Грунтовой некрополь Пантикапея, МИА, № 19 (1951), стр. 75.

² Там же, стр. 83.

ский¹. Во многих склепах и больших гробницах находилось по 10—12 погребений, причем в количественном отношении преобладали сожжения. Так, например, в могиле № 599 было открыто три погребения в гробах и девять в урнах. Инвентарь составляла греческая посуда и ювелирные вещи². Таким образом, погребения Херсонеса резко отличаются от Ай-Тодорских.

Для Ольвии трупосожжения вообще не характерны: среди 192 погребений, открытых в 1902—1903 гг. Б. В. Фармаковским, было только два сожжения³.

Отличаются от ай-тодорских и собственно римские захоронения. Не говоря уже о погребениях богатых римлян, для которых характерны роскошные гробницы, мавзолеи, даже погребения римских рабов резко отличались от ай-тодорских. Примером может служить колумбарий Ливии, представляющий подземные комнаты с нишами по стенам, расположенными в девять рядов, в которые ставились урны с прахом умерших⁴.

Все эти данные показывают, таким образом, что Ай-Тодорский могильник резко отличен от античных некрополей.

Отличается он и от могильников типа Суук-Су, Артек, Джуневис и Бал-Гота. В могильнике Суук-Су погребения совершались либо в простых земляных могилах, либо в земляных склепах, а в верхнем слое — в каменных гробницах. Среди большого числа трупоположений встречено только одно трупосожжение — в могиле № 81. Там на глубине 2,13 м в материке была выкопана могила размером 1,87 × 1,26 × 0,37 м, ориентированная в направлении В — З. Могила была накрыта досками и заключала перегревшую землю, уголь и несколько раковин улиток. На дне ямы обнаружена зола. В могильнике Бал-Гота открыт только один тип погребений — захоронение в каменных ящиках.

Нельзя связать Ай-Тодорский могильник и с таврами, у которых наблюдается совершенно другой обряд захоронения — коллективные погребения в каменных ящиках, причем для них в течение длительного периода времени характерно было скорченное положение трупов.

У сарматов, проникших в Крым около III в. н. э., встречается только трупоположение⁵. Поэтому Ай-Тодорский могильник не может быть отнесен к сарматам.

Как будет показано ниже, особенности Ай-Тодорского могильника находят наиболее близкие аналогии в захоронениях так называемых полей погребальных урн. Памятники этой культуры, открытые впервые В. В. Хвойко, известны в настоящее время в большом числе. Установлена область распространения этой культуры и локальные отличия в погребальном обряде. Однако, несмотря на местные отличия в деталях погребального обряда, для всех памятников этого рода характерно наличие трех типов захоронений и преобладание трупосожжений. Как правило, эти могильники массовые и содержат более или менее значительное количество погребений, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга. Погребения не имеют надмогильных памятников. К р е м и р о в а н н ы е захоронения обычно находятся на небольшой глубине от поверхности, а трупоположения помещаются значительно ниже. При захоронении кремированных трупов остатки костей, зола, слитки расплавленных пред-

¹ Г. Белов, Херсонес Таврический, Л., 1948, стр. 122.

² Там же, стр. 122—123.

³ ИАК, № 13, СПб, 1906, стр. 110.

⁴ В. Д. Блаватский, Архитектура древнего Рима, М., 1938, стр. 13.

⁵ К. Ф. Смирнов, Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и южного Приуралья, «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», вып. V, 1947, стр. 76.

метов складывались в отдельный сосуд в определенном порядке, таким образом, чтобы черепные кости лежали сверху. Самый сосуд с пеплом бывает окружен другими, как глиняными, так и стеклянными. При трупоположении сосуда обычно размещаются с левой стороны головы покойника¹. При обоих обрядах погребения основную часть инвентаря составляли сосуды, различные по величине и по форме, всегда сделанные на круге. Они отличаются разнообразием и изяществом форм, тщательной отделкой глины, имеют лощеную поверхность, нередко орнаментированы. Другие сосуды, имеющие горшкообразную форму, или в виде мисок, хотя и сделаны на круге, но имеют грубую поверхность, иногда шероховатую. Кроме того, встречаются монеты, украшения (в частности, фибулы), орудия труда и оружие, но последнее, как правило, очень редко². Третий обряд погребения представляет редко встречаемые скорченные захоронения³. Нельзя не упомянуть, что в некоторых могильниках исследователями отмечена каменная обкладка⁴ вокруг сожжений, как, например, в урочище Красный Кут или в Виленской области⁵.

Погребения Ай-Годорского могильника в виде сожжений совершались в небольших ямах неправильной продолговатой формы, глубиной 30—70 см⁶. Над захоронениями иногда встречался каменный заклад, что известно, как отмечено выше, и для полей погребений. В качестве примера приведу описание одной ай-годорской могилы, № 2, типичной для сожжений. Могильная яма длиной 75, шириной 45 и глубиной 52 см содержала жженные кости покойника, сложенные в раздавленную остродонную амфору, от которой сохранилась лишь только верхняя часть. Над горлом амфоры лежал открытый сосуд местного изделия из грубой зеленоватой глины. Над амфорой найден зуб овцы. Под амфорой обнаружена бронзовая пряжка и несколько черепков сосудов. В могильной яме попадались редкие кусочки угля.

Несколько другой характер имела могила № 10, обнаруженная в средней части раскопа. Она была завалена камнями, промежутки между которыми были заполнены щебнем и глиной. Протяжение этой каменной кладки с севера на юг 2,25 м и с востока на запад 2,75 м. Под камнями стоял небольшой сосуд пифосообразной формы, служивший урной для жженных костей покойника. Вместе с костями в урне найден разбитый тонкостенный открытый стеклянный сосуд. Урна была закрыта простой чашкой, раздавленной и расщепившейся. С нижней стороны непосредственно рядом с урной лежали нож и сломанный серп. На север от урны стоял небольшой глиняный кувшин с поврежденным горлом. К северо-востоку от нее же найден обломок железной рукоятки с ушком, к северо-западу — два рыболовных крючка и медная монета императора Константина I, чеканенная после смерти последнего (в 337 г. н. э.). Другая медная монета — боспорская Рескупорида VII, относящаяся к 314 или 317 гг., была найдена на З — С — З от урны, наконец, третья монета, тоже Рескупорида VII, датированная 327 г., была обнаружена на Ю—Ю—З от урны, вместе с небольшим обломком бронзовой пряжки. На Ю—В от урны найдена железная пряжка, на юг от нее третий рыболовный крючок. Кроме того, в могиле были обнаружены два железных стержня, два осколка кремня и черепки посуды простой, тонкостенной, толстостенной, а также из коричневой, серой и

¹ В. В. Хвойко, Поля погребений в среднем Приднепровье, СПб, 1901, стр. 45.

² М. Смішко, Доба полів поховань в західних областях УРСР, «Археологія», II, Київ, 1948, табл. 1, стр. 129.

³ А. А. Спицын, Поля погребальных урн, СА, X (1948), стр. 53 сл.

⁴ Там же, стр. 53 и 55.

⁵ ИАК, вып. 12, стр. 26, и вып. 29, стр. 68—69.

⁶ В. Д. Блаватский, ук. соч., стр. 264.

грубой глины. Длина погребения с востока на запад 0,57, ширина с севера на юг около 0,55, глубина 0,68 см.

Идентичность описанных погребений с захоронениями культуры полей погребений несомненна. Отмечу, что в Зарубинском могильнике исследователи отмечали погребения на глубине 1,2 м иногда в разрушенном «каменном склепе»¹.

К той же группе следует отнести памятники, открытые на Вольтыни. В полях погребальных урн, открытых С. С. Гамченко у сс. Перлова и Корчага Житомирской области, сосуды стояли в глубоких каменных ящиках типа кист. Наибольший интерес из открытых на Вольтыни памятников этого рода представляет некрополь, исследованный в Подольской обл., близ села Погорелое, где в круглых ямах шириной 1,05 м, обмазанных глиной и прикрытых дранью, обнаружены остатки кострища. Здесь найдена посуда прекрасной техники, бусы, медные тонкие фибулы, костяные гребни, наперсток, железный ключ, ножницы, удочки, кинжал, топоры².

Анализируя в деталях обряд захоронения в Ай-Тодорском могильнике, нужно отметить три типа погребений: погребения кремированных трупов в урнах и бытовых сосудах, в амфорах и просто на земле, завернутыми, как полагает исследователь, в простую ткань.

I. Погребения на земле без сосуда	Могилы №№ 6, 11, 16, 27, 28, 30	Итого 6—22,22%
II. В урнах и бытовых сосудах	Могилы №№ 10, 21, 24, 25, 31, 32	Итого 6—22,22%
III. В амфорах	Могилы №№ 2, 3, 7, 8, 9, 12, 14, 15, 19, 20, 22, 23, 26, 29, 33	Итого 15—55,55%

Первые две группы обычны для захоронений кремированных трупов. Значительно реже встречаются захоронения в амфорах. Последние известны на Украине в селе Белоцерковцы на Полтавщине (табл. I, рис. 1), где амфора найдена с остатками пережженных человеческих костей, и в других местах Украины (табл. II, рис. 1—4). Среди костей была обнаружена сердоликовая четырнадцатигранная бусина и бронзовая бляшка с изображением Горгоны³. У хутора Савинского, в районе Лубен на Полтавщине, крестьянами случайно было найдено несколько амфор с пеплом и пережженными человеческими костями (Рудинский, ук. соч., стр. 52). В фондах Полтавского музея имеется амфора, найденная с пережженными человеческими костями в окрестностях села Былыки. Наконец, в 1927 г. близ села Бизюков, на Херсонщине, при земляных работах случайно обнаружено бескурганное погребение с трупосожжением. Прах покойника находился в серой амфоре, датируемой IV—V вв. н. э.⁴

Таким образом, весь обряд захоронения Ай-Тодорского могильника полностью совпадает с обрядом полей погребений, причем погребения в амфорах имеют аналогии в захоронениях поздней стадии культуры полей погребений.

Инвентарь погребений Ай-Тодорского могильника крайне беден и состоит из глиняных сосудов в форме горшков, кувшинов, амфор различных

¹ А. А. Спицын, ук. соч., СА, X, стр. 56.

² А. А. Спицын, ук. соч., стр. 65.

³ М. Я. Рудинский, Археологічні збірки Полтавського музею, Збірник I, Полтава, 1928, стр. 51.

⁴ «Летопись Херсоньского музею за 1927—1928 роки», вып. 9, Херсон, 1929, стр. 9, табл. I.

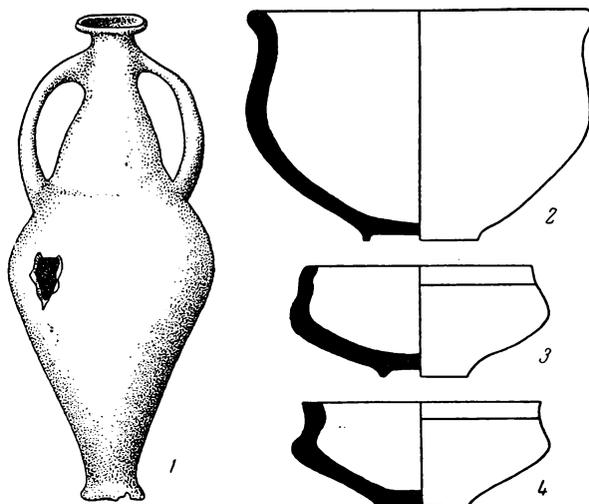

Табл. I. 1 — амфора Полтавского музея из Белоцерковского могильника; 2—4—керамика из поселений «полей погребений» у Кантемировки

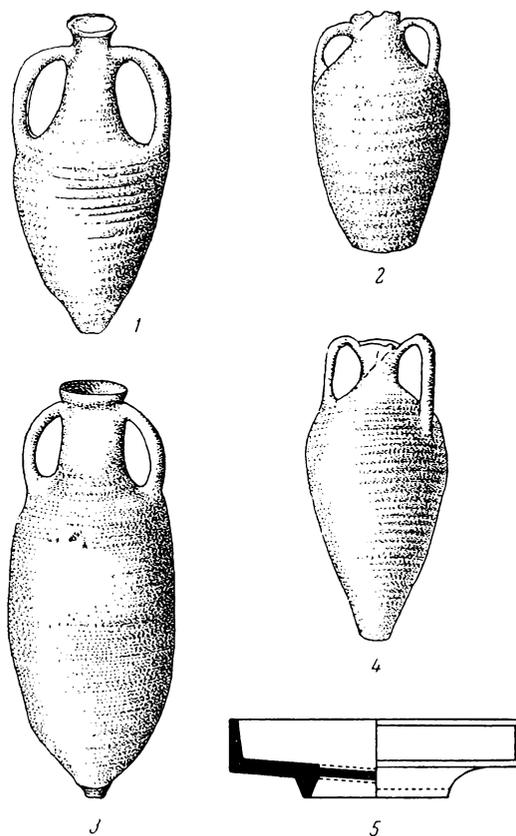

Табл. II. 1—4 — типы амфор из памятников «полей погребений» (СА, VI); 5 — блюдо из «полей погребений»

форм (табл. III и IV), характерных для III—IV вв. н. э., стеклянных сосудов и украшений, в числе которых бусы из зеленоватого стекла и черной и желтой пасты с голубыми глазками. Встречены браслеты бронзовые несомкнутые, с расширяющимися концами, пряжки, фибулы (табл. V). Орудия труда весьма немногочисленны. В их числе ножи, топоры, серпы, рыболовные крючки. Из предметов вооружения найдены два кинжала и один умбон. Все вещи, так же как и монеты, заставляют согласиться с точкой зрения В. Д. Блаватского, что «могильник крепости Харакса относится к тому времени, когда Крымское побережье было оставлено римлянами (конец III — вернее, первая половина IV в. н. э.)» (ук. соч., стр. 274).

Но никак нельзя признать верным другой его вывод, касающийся этнической принадлежности могильника. «Нужно думать, — пишет В. Д. Блаватский, — что в данном некрополе погребались потомки обитателей поселка, культура которых имела смешанный характер. Об этом свидетельствует погребальный ритуал. Возможно, с римским гарнизоном Харакса можно связать сожжение покойников, на долю местного населения приходится обычай класть в могилу местные лепные сосуды из грубой глины, зубы животных и осколки кремней, которые встречались в некоторых могилах. Характер погребений довольно бедный: золота в них не встречается вовсе, серебра почти нет, украшения весьма скромны и малочисленны. Это обстоятельство, наряду со сравнительно большим числом орудий труда, найденных в могилах, позволяет предполагать, что в данном некрополе хоронили главным образом трудовое население Харакса» (там же).

С этим выводом В. Д. Блаватского трудно согласиться. Едва ли римская культура и нравы так глубоко проникли в быт крымского населения, что у последних изменились самые консервативные религиозные обряды. На Западе, на Балканах, в районе Рейна и по Дунаю, где римляне были в большем числе, где римская культура глубоко проникла в быт и нравы местных племен, там, естественно, это влияние захватило и область религии: мы встречаем там преобладание трупосожжений, характерных для римлян рубежа нашей эры. Там романизация сказалась и в языке. Ничего этого не было на территории Крыма. Влияние Рима было здесь поверхностным и коснулось только деталей костюма и вооружения, не затронув языка. Даже в античных центрах Крыма римское влияние не проникло вглубь культуры и не романизировало ее по существу. А если это так, то трудно предположить, чтобы римское влияние проникло в быт и нравы людей, не связанных непосредственно с политическими центрами Крыма.

Анализ обряда погребений могильника Харакса заставляет связать могильник с каким-то пришлым населением. Об этом же свидетельствует и инвентарь погребений. Керамика в своих основных формах напоминает посуду полей погребений: реберчатые миски, кувшины, блюда, особенно характерны кувшины с горлом в форме раструба. Эти образцы можно сопоставить с аналогичными вещами из полей погребений, такими, как керамика Черняховского могильника, как амфоры Полтавского музея, как материал, изданный за последние годы украинскими археологами (см. табл. I, VI и VII). Сходны и украшения. Орудия труда и оружие тех же типов, как и в Ай-Тодорском могильнике, встречаются и в могильниках полей погребений.

Все это заставляет отнести Ай-Тодорский некрополь к числу могильников культуры полей погребения Черняховского типа, времени IV в. Он знаменует приход славян, которые, совместно с другими племенами, повидимому, сыграли здесь роль могильщиков рабовладельческого строя.

Ай-Тодорский могильник не одинок. Можно указать на ряд погребений Чернореченского и Инкерманского могильников, которые могут быть сопоставлены со славянскими погребениями типа «полей погребальных

Табл. III. Сосуды из могильника Харакс (по В. Д. Блаватскому): 1—из могилы № 26; 2, 6, 7—из могилы № 29; 3—из могилы № 33; 4—из могилы № 18; 5—из могилы № 21

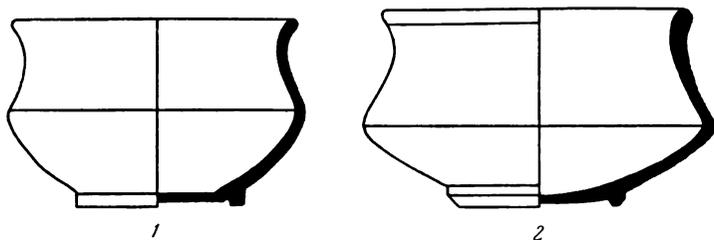
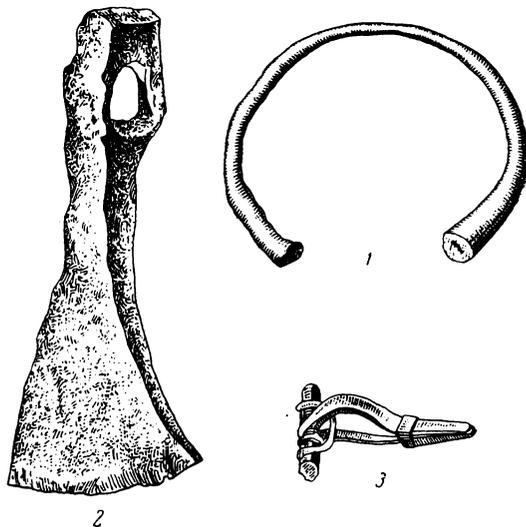

Табл. IV. Сосуды из могильника Харакс (по В. Д. Блаватскому): 1—из могилы № 22; 2—из могилы № 28

Табл. V. Вещи из могильника Харакс (по В. Д. Блаватскому): 1—2—браслет и топор из могилы № 19; 3—фибула из могилы № 33

урн». В целом эти могильники смешанного характера и дали в основном сармато-аланский материал. Так, к числу предметов сармато-аланской культуры следует отнести золотую лунницу и круглые фибулы, инкрустированные цветной пастой, имеющие аналогии в материале Северного Кавказа¹. Но в то же время около половины погребений Чернореченского могильника могут быть приписаны древним славянам. В этом могильнике в 1950 г. было открыто 38 подбойных могил, из них 33 с одним захоронением, вытянутым на спине, головой на С — В, и пять с двумя захоронениями, также вытянутыми на спине, головой на С или С — В, семь склепов, восемь простых грунтовых могил и 45 трупосожжений — 33 захоронения в амфорах и 12 в урнах. Следует отметить крайнюю бедность инвентаря трупосожжений: только в 15 могилах были найдены вещи. Заслуживает внимания факт выкладки некоторых могил камнем, что отмечено семь раз и находит аналогии как в Ай-Тодорском могильнике, так и в ряде памятников полей погребений. Трупосожжения в амфорах или урнах, открытых в Чернореченском могильнике на глубине от 30 до 60 см, близки культуре полей погребений. Можно привести в виде примера могилу № 16: урна — лепной кувшин с туловом шарообразной формы из грубой черной глины — находилась на глубине не более полуметра; она была закопана вертикально и обложена небольшими камнями, поставленными на ребро; внутри урны, кроме пепла, земли и пережженных человеческих костей, были найдены обломки краснолаковой мисочки и стеклянного сосуда.

В целом этот могильник весьма близок погребениям Кантемировка² и Федоровки, где наряду с трупосожжениями встречены и погребения в подбоях. Как Кантемировский и Федоровский, Чернореченский могильник показывает, что между сарматскими племенами и племенами полей погребений существовали весьма тесные культурные и экономические связи. Это наблюдение подтверждает мысль Тацита (*German., XVI*), что многие племена, жившие рядом с сарматами, благодаря смешанным бракам между ними, в значительной степени «обезобразились» наподобие сарматов. Благодаря тесным взаимосвязям погребальный инвентарь сарматов и племен полей погребений мало различается. Пожалуй, своеобразна только керамика, причем в некоторых случаях, как, например, в могильнике Чернореченском, и последняя носит смешанный характер. О смешении антропологического типа можно судить по находке деформированного черепа из Черняховского могильника. Много сарматских элементов встречено в культуре полей погребений, особенно среди погребений племен, живших по соседству с сарматами.

Можно полагать, что первая волна славян попала на Крымский полуостров вместе с сарматами и здесь в чуждой обстановке утеряла многие свои черты, точно так же как, скажем, памятники полей погребений верхнего течения северного Донца в первый период своего существования (III — IV в. н. э.), ничем не отличающиеся от аналогичных памятников Поднепровья, в более позднее время, как отметил Ю. В. Кухаренко (ук. соч., стр. 8), приобретают многие черты, роднящие их с культурой различных степных, не славянских племен. Однако было бы неверно думать, что новые культурные элементы, приобретенные в новой среде, совершенно вытеснили старые. Несомненно, оставались неизменными религиозные обряды, многие обычаи и часть элементов культуры.

¹ См. ВДИ, 1951, № 4, стр. 229.

² См. Ю. В. Кухаренко, Юго-восточная граница расселения ранне-славянских племен, М., 1951, стр. 14.

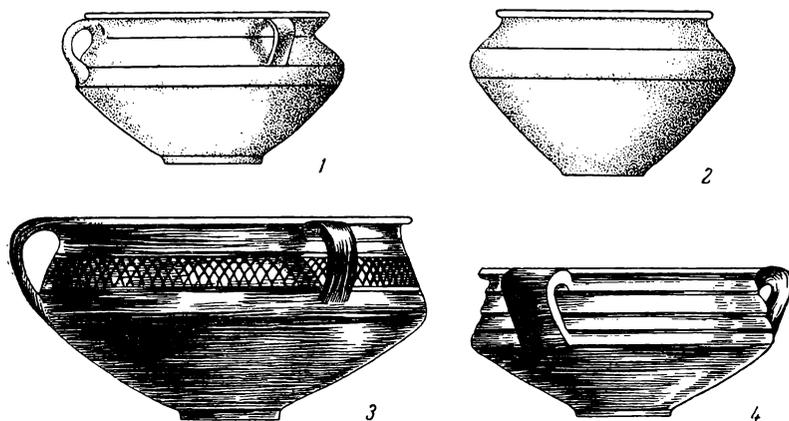

Табл. VI. Сосуды из Черняховского могильника

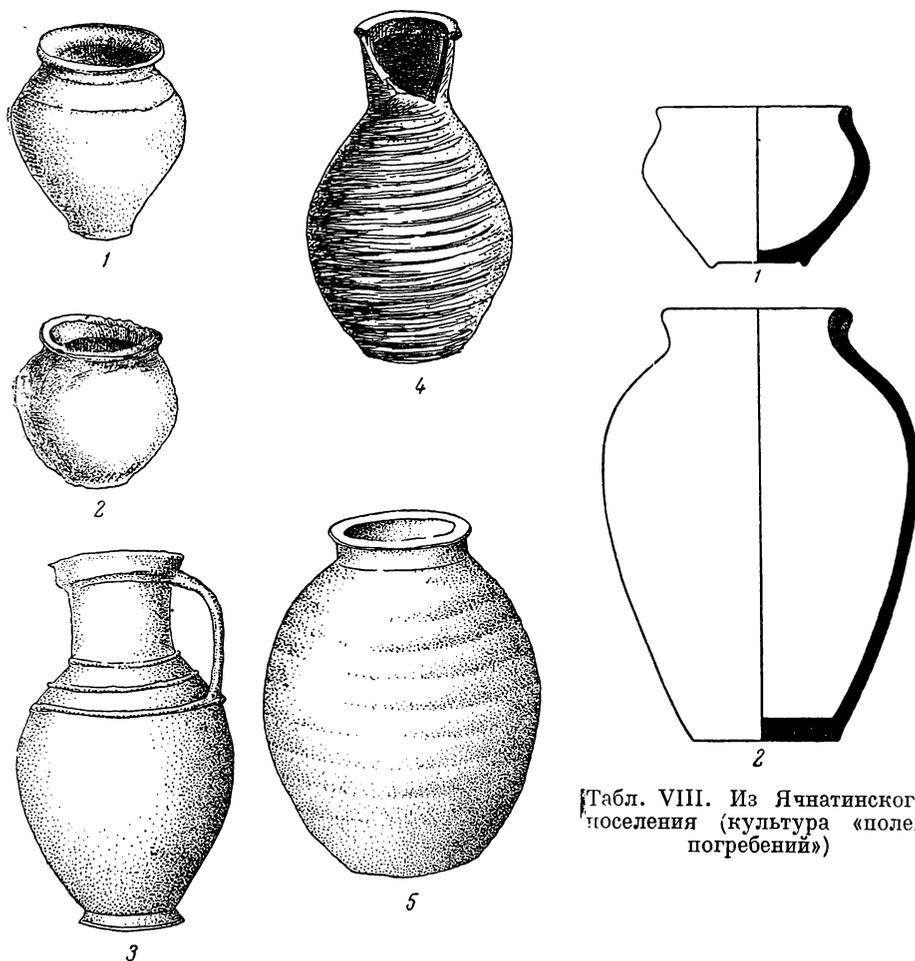

Табл. VIII. Из Ячнатинского поселения (культура «полей погребений»)

Табл. VII. Керамика из полей погребений:
1—2 — по Луцкевичу; 3 — по Смешко;
4—5 — из Харакского могильника, могила № 10
(по Блаватскому)

На территории Крыма мы встречаем вещи славянских типов первого и начала второго тысячелетия н. э., на что уже обратил внимание Б. А. Рыбаков¹. В их числе, правда, немногочисленные пока, вещи из Херсонеса с эмалями и пятипальчатые фибулы днепровского типа из могильников Суук-Су и Артек.

Кю времени до X в. относится находка значительного числа славянской посуды как на городище Коктебель, так и в ряде поселений этого времени на Керченском полуострове. Следует заметить, что аналогичные находки сделаны М. М. Кобылиной и на Фанагорийском городище. В этой группе крайне интересны горшки вытянутых форм с отогнутым венчиком, с линейным и волнистым орнаментом, близкие полям погребений (табл. VIII, 2). Вся эта группа датируется VIII—X вв. и в полной мере идентична керамике подобного типа с донецких городищ. Там она встречена на Салтовском и Цимлянских городищах и в ряде других мест. С легкой руки М. И. Артамонова и И. И. Ляпушкина, она по условиям находки в хазарских слоях отнесена была к салтово-маяцкой культуре. Уже неоднократно в трудах многих историков и археологов обращалось внимание на большую роль славянства в культурной и политической жизни хазарского каганата. На раннее проникновение славянства в район Дона указывают и находки там памятников типа полей погребений (Кухаренко, ук. соч. стр. 6—7).

За последнее время, благодаря работам М. И. Артамонова, удалось получить некоторые данные по стратиграфии Цимлянского городища. Там было обнаружено два культурных слоя: верхний — древнерусский и нижний — времени хазарского каганата. В двух горизонтах верхнего слоя русского периода преобладает лепная посуда роменско-боршевского типа, причем в верхнем горизонте с формами сосудов, сделанных на гончарном круге. Гончарная керамика этого слоя не отличается от русской керамики и других областей. В этом слое в значительном количестве встречается и привозная посуда, главным образом высокие кувшины с плоскими ручками и амфоры так называемого киевского типа². В нижнем слое хазарского времени встречаются фрагменты лощеных приземистых сосудов с одной ручкой и венчиком со сливом и серые горшки, а также амфоры. Вся эта посуда сделана на гончарном круге. Лепные сосуды почти не встречаются: единичные экземпляры представляют собой горшки баночной формы из грубой, плохо отмытой глины³. Несомненно, что в данном случае наряду с салтовской керамикой встречена славянская. На это указывает как самая форма, так и фактура и линейно-волнистая орнаментация серых горшков. Эта группа прекрасно связывается генетически с серыми горшками близкого профиля полей погребений черняховского типа.

Поскольку в этом районе встречаются памятники полей погребений, нет ничего странного, что подобная керамика, сделанная на гончарном круге, получила широкое распространение в хазарских поселениях городского типа, где, как мы знаем по историческим данным, проживало значительное число русских. О русской дружине кагана неоднократно говорят восточные свидетельства, о многочисленном городском русском населении можно судить по наличию отдельного судьи для славян. Здесь, на востоке Европейской равнины, это древнеславянское население в значительной мере удержало свои культурные привычки, свой быт, обрядовую сторону жизни и, повидимому, язык. Только этим можно объяснить, что восточ-

¹ Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 69—70.

² М. И. Артамонов, Раскопки Саркела-Белая Вежа в 1950 г., ВИ, 1951, № 4, стр. 148.

³ Там же, стр. 149.

ные писатели согласно отмечают значительное славянское население в городах Хазарии. Для характеристики этого вопроса большую ценность представляет Шапсугинский могильник, исследованный Н. Н. Анфимовой. Там среди 300 погребений, датируемых X — XIV вв., было обнаружено 270 трупоположений и 30 кремированных захоронений. Трупоположения и по обряду погребения и по вещевым комплексам надо отнести к кабардинцам, а немногочисленные сожжения, встреченные в курганах, — к славянам. Погребальные урны в этих курганах находились на горизонте. Вокруг них обычно помещалось оружие, как правило, испорченное. Встречались каменные кладки, как, например, в кургане № 14, где кладка представляла круг около 6 м в диаметре и толщиной от 10 до 18 см. Эти погребения по деталям погребального обряда напоминают древнеславянские¹. Они весьма близки трупосожжениям Борисовского могильника, которые хорошо сопоставляются с трупосожжениями боршевских курганов и могут быть связаны со славянами². Таким образом, в новой этнической среде племен салтовской культуры славяне не только удержали многие элементы своей культуры, но и оказали, повидимому, значительное влияние на аборигенное население. Позднее эта славянская струя, как справедливо предполагает Б. А. Рыбаков, могла раствориться среди местного кабардинского населения³.

Лепная грубая керамика верхнего слоя Цимлянского городища представляет собой результат вторичного колонизационного процесса времени Святослава, наплыва славян из воронежских лесов⁴.

О том, что Крым к IX—X вв. был в сильной мере славянизирован, свидетельствует и ряд других фактов. По договору с Византией князь Игорь брал на себя обязательство защищать Корсунь. Русские князья, опираясь на родственное им население Крыма, чувствовали себя здесь хозяевами.

Таким образом, и археологические данные и более поздние письменные памятники свидетельствуют о постепенном проникновении славян на Крымский полуостров, начиная с III в. н. э., и о значительном их распространении в Крыму к IX—X векам.

¹ А. П. Смирнов, К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным, «Уч. зап. Кабардинского НИИ», т. IV, Нальчик, 1948, стр. 89.

² Там же, стр. 84.

³ Б. А. Рыбаков, Славяне в Крыму и на Тамани, Крымиздат, 1952, стр. 12.

⁴ Там же, стр. 7.

Я. А. Ленцман

О ВОЗНИКНОВЕНИИ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

В последнее время вопрос о роли товарного производства в древности привлекает к себе внимание многих историков. Отправной точкой исследования в этой области должно быть, положение И. В. Сталина о том, что товарное производство не представляет собой «... нечто самодовлеющее, независимое от окружающих экономических условий»¹; роль товарного производства меняется в зависимости от общего характера той или иной формации. В частности, товарное производство «... существовало при рабовладельческом строе и обслуживало его, однако не привело к капитализму. Оно существовало при феодализме и обслуживало его, однако, несмотря на то, что оно подготовило некоторые условия для капиталистического производства, не привело к капитализму»².

В советской историографии древнего мира изучению особенностей товарного производства при рабовладельческом строе до сих пор уделялось очень мало внимания³. При анализе этой проблемы прежде всего важно определить условия зарождения и возникновения товарного производства. В данной статье предпринимается попытка определить предпосылки и условия этого явления на конкретно-историческом материале древней Греции.

Исследование специфики простого товарного производства в античности является одной из наиболее трудных и сложных проблем древней истории. Трудность ее изучения заключается прежде всего в характере дошедших до нас источников. В данной связи достаточно ограничиться лишь несколькими наиболее яркими примерами. Как известно, античные авторы в подавляющем большинстве обращали очень мало внимания на вопросы производства. Только немногие произведения писателей древности, как, например, «Труды и дни» Гесиода или «Домострой» Ксенофонта, дают более или менее развернутую характеристику экономики своего времени.

Значительную помощь в деле изучения производства оказывают увеличивающиеся с каждым годом данные эпиграфики. Однако сами надписи

¹ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 15.

² Там же.

³ Только в последнее время появились первые исследования и статьи по этому важному вопросу: см. передовую статью ВДИ, 1953, № 3 «О натуральном хозяйстве и товарном производстве в рабовладельческом обществе»; ср. Ф. Я. Полянск и й, О товарном производстве в условиях феодализма, ВИ, 1953, № 3, стр. 40—60.

не могут дать полной картины состояния товарного производства какого-либо общества. Здесь достаточно указать хотя бы на пример эллинистического Делоса. Несмотря на наличие около трех тысяч надписей, датированных в основном относительно кратким промежутком в два с половиной столетия, несмотря на открытие более сотни исключительно ценных больших текстов, представляющих собой подробные финансовые отчеты гиеропсеев (управителей) делосского храма Аполлона¹, все же мы не встретим в них буквально ни одного упоминания, например, о рабстве и работорговле Делоса. А между тем свидетельство Страбона (XIV, 5, 2) недвусмысленно указывает, что главной основой экономического развития острова в конце II — начале I в. до н. э. была торговля громадными массами рабов. Таким образом, даже многочисленные надписи далеко не всегда рисуют более или менее точную картину производства и степени его товарности. Для изучаемого в данной статье раннего периода истории древней Греции количество надписей вообще незначительно, а содержание дошедших до нас немногочисленных текстов почти не связано с экономикой.

Археологические данные дают много конкретных сведений о материальной культуре общества, но при современном состоянии историографии древней Греции лишь в самых общих чертах характеризуют экономический строй и товарное производство общества, к которому они относятся. Здесь, очевидно, дело не столько в количестве и качестве источников, сколько в органических пороках буржуазной археологии, представители которой занимались прежде всего кладоискательством вместо того, чтобы изучать памятники, характеризующие экономику того или иного общества. Весьма поучительным примером являются наши сведения о критском и микенском обществах II тысячелетия до н. э. Несмотря на громадное количество богатейших археологических находок, все же мы вынуждены теперь ограничиваться лишь самыми общими утверждениями о ранне-рабовладельческом характере социально-экономических отношений в критском и микенском обществах. Несмотря на наличие нескольких десятков исследований по критской и микенской культуре, все же среди них нет ни одного труда, в котором был бы подвергнут изучению тот круг вопросов, который, например, столь тщательно исследован советским исследователем Б. А. Рыбаковым в его труде «Ремесло древней Руси». Невозможность дать основанную на источниках социально-экономическую характеристику критского и микенского обществ серьезно ограничивает возможность изучить товарность их производства.

Таким образом, недостаточное освещение вопросов экономики в отдельных группах дошедших до нас источников очень затрудняет изучение не только роли, но даже и возникновения товарного производства в древности; окончательное решение этого сложного вопроса возможно только путем привлечения всех групп источников и комплексного их исследования.

Таковы, в основном, трудности, вытекающие из наличия или состояния разработки источников. Но затруднения этого порядка встречаются в той или иной степени при исследовании почти любой из крупных проблем экономики рабовладельческих обществ. Однако, кроме указанных затруднений, изучение и правильное решение вопросов истории товарного производства очень осложняется дополнительными специфическими трудностями именно этой проблемы. Притом специфика дошедших до нас источников такова, что значительную часть данных о производстве приходится по-

¹ Корпус делосских надписей (*Inscriptions de Délos*, Paris, 1926—1937 гг., включительно с XI томом *Inscriptiones Graecae*) охватывает 2879 текстов, в том числе 127 отчетов гиеропсеев; подробный обзор этого издания см. в работе: Н. Н. З а л е с к и й, Делосские надписи, ВДИ, 1946, № 3, стр. 133—140. После издания этого корпуса было найдено лишь небольшое количество новых надписей на Делосе.

лучать косвенным путем из сведений, сообщаемых античными авторами о торговле, о распространении тех или иных предметов и т. д. Дело в том, что какие-либо конкретные выводы о характере товарного производства могут быть сделаны лишь в результате комплексного изучения уровня развития производительных сил, и производственных отношений данного общества. Таким образом, попытка решить вопрос о товарном производстве может быть предпринята только в качестве завершающего этапа исследования всей экономики изучаемого общества на определенной ступени его развития.

В буржуазной науке вопрос о специфике товарного производства в древнем мире по существу даже и не ставился. Предметом острой полемики в буржуазной историографии был важный, непосредственно связанный с проблемами товарности производства, но все же более частный вопрос о роли торговли. Только этот, подчеркиваем, частный вопрос, составляющий лишь один из аспектов да к тому же и несамый важный, проблемы товарного производства в древности, обсуждался многими буржуазными историками и экономистами на протяжении трех десятилетий — с конца 90-х годов прошлого столетия вплоть до начала 30-х годов нашего века. В противовес циклистской концепции Эд. Мейера, считавшего, что Греция и Рим в период своего максимального подъема переживали капиталистическую фазу развития¹, К. Бюхер утверждал, что экономическое развитие древности характеризуется очень слабым развитием торговли и что экономика античности носила в основном «оikosный» характер². В первые два десятилетия нашего века большинство «авторитетов» стало на точку зрения Эд. Мейера, взгляды которого были более непосредственно связаны с идеологией воинствующего империализма, надеявшегося найти в концепции циклизма идеологическое оружие против марксизма. В конце 20-х годов в защиту взглядов Бюхера выступил И. Хазебрэк³, что привело к новому, на сей раз кратковременному взрыву полемики по вопросу о роли торговли в древности. Хазебрэку возражали стоящие на модернизаторских позициях Э. Цибарт⁴ и др.

Каковы же общие итоги этой дискуссии в буржуазной историографии? Сторонники одной и другой концепции в значительной степени разоблачили взгляды своих противников. Выяснилось, что бюхерианцы игнорируют существование у некоторых народов древности довольно развитой для того времени торговли и совершенно не учитывают большого количества новых эпиграфических и археологических данных. Бюхер и его последователи, считавшие основным критерием экономического развития «длину пути», проходимого от производителя к потребителю, фактически игнорировали вопросы производства, замазывали эксплуататорскую сущность рабовладельческого строя и, отрицая существование первобытно-общинного строя, считали извечной частную собственность на средства производства. Реакционные концепции бюхерианцев были затем в значительной степени

¹ Ed. Meyer, *Kleine Schriften*, т. I—II, Halle, 1910, стр. 79—212; есть русский перевод двух вошедших в этот сборник статей; см. Эд. Мейер, *Экономическое развитие древнего мира*, М., 1923.

² К. Бюхер, *Возникновение народного хозяйства*, Птг., 1923; он же, *Очерки экономической истории Греции*, Л., 1924. К переводу первой из указанных работ приложено важное «Послесловие» акад. А. И. Тюменева, в котором дана развернутая критика концепции Бюхера.

³ J. Hasebroek, *Staat und Handel im alten Griechenland*, Tübingen, 1928; ср. также его следующую работу «*Griechische Staats- und Wirtschaftsgeschichte*», Tübingen, 1931; особенно предисловие, в котором Хазебрэк полемизирует с возражениями рецензентов его первой книги.

⁴ E. Ziebart, *Beiträge zur Geschichte des Seeraubs und Seehandels im alten Griechenland*, Hamburg, 1929.

подхвачены немецко-фашистской историографией античности, например Берве и другими.

С другой стороны, стало ясно, что аналогии с капитализмом, которые проводят модернизаторы, искажают подлинную картину исторического развития, крайне поверхностны и не соответствуют данным источников. Основой взглядов модернизаторов являлась столь же реакционная, как и теория бюхерианцев, концепция циклизма, отрицающая прогрессивное развитие человечества и считающая высшей точкой исторического развития капитализм. Эта теория должна была дать в руки дипломированных лакеев империализма еще одно оружие против марксизма, должна была «научно обосновать» невозможность победы рабочего класса в борьбе против эксплуататоров.

В общем итоге можно с полной уверенностью сказать, что ни та, ни другая теория не смогла не только решить поставленную проблему, но даже правильно подойти к оценке роли торговли в древности. Невозможность решения этой проблемы с методологических позиций буржуазной историографии стала теперь, повидимому, ясной даже буржуазным историкам древности. В настоящее время они — особенно это относится к представителям реакционной историографии — либо предпочитают вообще не касаться общих вопросов экономики античности, либо пытаются эклектически соединить диаметрально противоположные точки зрения. Так, например, в известной энциклопедии Паули-Виссова-Кролля статья «*Industrie und Handel*» написана умеренным бюхерианцем Франкоттом, а статья «*Sklaverei*» в той же энциклопедии — ярым сторонником Мейера Вестерманом; известный английский историк Лэстнер вообще предпочитает умолчать об этой полемике, ограничиваясь банальным утверждением, что в V в. до н. э. «промышленность и торговля, хотя и были более развиты, чем в архаический период, все же были меньших размеров, чем более развитая экономика эллинистической и греко-римской эпох»¹. Митчелл, посвятивший целых шесть страниц изложению содержания взглядов Хазебрэка, заканчивает свои рассуждения не менее «решительным» заявлением: «хотя мы, пожалуй, несогласны, или, быть может, лучше сказать, сомневаемся во многих положениях (Хазебрэка. — Я. Л.), все же нельзя не посчитаться с его трактовкой столь сложного вопроса»². Очевидно, ни один читатель книги Митчелла так и не сможет, в конце концов, определить, согласен ли автор с концепцией Хазебрэка или нет. В последние годы буржуазные историки вообще предпочитают воздерживаться от высказывания своих взглядов по вопросу о степени развития торговли в древности. Так, например, Г. Бенгтсон, автор справочного пособия по истории Греции, в известной серии «*Handbuch der Altertumswissenschaft*» И. Мюллера, упомянув об имевшей место полемике, «глубокомысленно» заключает: «Новый взгляд, несомненно, пошел на пользу научному познанию»³, так и не высказав своего мнения по существу вопроса.

Даже прогрессивные западноевропейские историки и особенно археологи, как Г. Чайлд, не в состоянии полностью освободиться от господствующего в буржуазной историографии преувеличения роли торговли и в наиболее ранние периоды истории. Выступая против реакционной теории миграционизма и резко полемизируя с немецко-фашистскими археологами, приписывающими все достижения человечества «нордической расе», Чайлд выдвинул концепцию постепенной диффузии достижений

¹ M. N. W. Laistner, A history of the Greek World from 479 to 323 B. C., L. 1947, стр. XIV.

² H. Mitchell, The economics of ancient Greece, Cambridge, 1940, стр. 230.

³ H. Bengtson, Griechische Geschichte, München, 1950, стр. 11.

культуры¹. В этой концепции важнейшую роль играет торговля, так как, по мнению Чайлда и его сторонников, как, например, Кларка², все эти достижения переносились от племени к племени прежде всего путем торговли. Даже для ранне-минойского периода (III тысячелетие до н. э.!) Чайлд постулирует существование купцов, отправлявших тюки с товарами на материк и клеймивших эти тюки фабричными печатями (ук. соч., стр. 52). Притом развитие торговли не ставится Чайлдом в связь с достигнутым уровнем общественного разделения труда и, таким образом, считается имманентным свойством уже наиболее примитивных обществ.

Итак, даже более частный вопрос о роли торговли в древности и тот никак не может считаться разрешенным в буржуазной историографии. Наоборот, наш обзор последних высказываний буржуазных историков фактически говорит об их отказе от самой постановки этой проблемы.

* * *

В. И. Ленин уже в одной из своих ранних работ «По поводу так называемого вопроса о рынках» дал следующее развернутое определение товарного производства: «Под товарным производством разумеется такая организация общественного хозяйства, когда продукты производятся отдельными, обособленными производителями, причем каждый специализируется на выработке одного какого-либо продукта, так что для удовлетворения общественных потребностей необходима купля-продажа продуктов (становящихся в силу этого товарами) на рынке»³. Это классически четкое определение должно, очевидно, лечь в основу любого исследования по вопросу о возникновении и развитии товарного производства в любой социальной-экономической формации.

Для решения вопроса о том, когда именно возникает товарное производство в ранней Греции, важна прежде всего правильная постановка проблемы. Для этого, на наш взгляд, необходимо исходить из степени развития производства, в первую очередь, из уровня общественного разделения труда. Уровень развития торговли является очень важным, но все же лишь дополнительным критерием наличия товарного производства.

Вполне очевидно, что возникновение товарного производства в той или иной степени связано с достижением относительно высокого уровня развития торговли. Так, например, забегая несколько вперед, мы должны, очевидно, признать наличие какой-то, хотя и довольно примитивной, торговли в гомеровском обществе. Однако такое признание столь же очевидно не дает нам никаких оснований считать, что в гомеровское время, когда мы имели «... еще в полной силе древнюю родовую организацию, но, вместе с тем, и начало подрыва ее»⁴ — существовало уже товарное производство.

Развитие торговли хотя и связано с товарным производством, все же не может полностью раскрыть его сущности. Для того, чтобы иметь основание говорить о товарном производстве, необходимо учитывать не только степень развития торговли, но и уровень общественного разделения труда. Характеризуя впервые возникшее в историческом развитии классовое общество, Энгельс определяет его, как ту ступень «... обще-

¹ Г. Ч а й л д, У истоков европейской цивилизации, М., 1952. Разбор концепции Чайлда см. в содержательном «Предисловии» А. М о н г а й т а к этой книге.

² G. C l a r k, Prehistoric Europe, L., 1952; ср. рецензию А. Я. Б р ю с о в а в ВДИ, 1953, № 3, стр. 130 сл.

³ В. И. Л е н и н, Соч., т. 1, стр. 77.

⁴ Ф. Э н г е л ь с, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1952, стр. 110.

ственного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают полного расцвета»¹. Одной из основных причин того тупика, в который зашла полемика между сторонниками Эд. Мейера и К. Бюхера по вопросу о роли торговли в древности, было именно то обстоятельство, что обе стороны ограничивались привлечением данных только о торговле, оставляя в стороне определяющий момент: развитие производительных сил и производственных отношений.

Таким образом, для того чтобы определить условия возникновения и развития товарного производства, мы прежде всего должны обратить внимание на значение общественного разделения труда. Именно таким единственно правильным путем решали этот вопрос Энгельс («Происхождение семьи, частной собственности и государства») и Ленин («Развитие капитализма в России»). В. И. Ленин подчеркивал, что «...основой товарного хозяйства является общественное разделение труда... При натуральном хозяйстве общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц... и каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ, начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к потреблению. При товарном хозяйстве создаются разнородные хозяйственные единицы, увеличивается число отдельных отраслей хозяйства, уменьшается число хозяйств, производящих одну и ту же хозяйственную функцию»².

Таким образом, развитие товарного производства определяется прежде всего наличием и уровнем общественного разделения труда. Каждое новое крупное общественное разделение труда предопределяло известные изменения в обмене и торговле. Уже первое крупное общественное разделение труда — выделение пастушеских племен из остальной массы населения — создало «... все условия для обмена между членами различных племен, для его развития и упрочения как постоянного учреждения»³. Однако появление обмена было лишь одной из необходимых предпосылок развития товарного производства. Хозяйство пастушеских, равно как и земледельческих, племен, несмотря на наличие обмена, было, несомненно, натуральным хозяйством. И те и другие племена обменивали лишь излишки своих продуктов.

Только связанное со значительным ростом производительных сил второе крупное разделение труда — отделение ремесла от земледелия — вызвало к жизни «... производство непосредственно для обмена, — товарное производство...»⁴. В самом деле, если земледelec и скотовод сами потребляли основную массу своих продуктов и обменивали только излишки, то ремесленники, в условиях существования частной собственности, должны были производить почти исключительно на продажу. С другой стороны, приобретение земледельцами ремесленных изделий также должно было усиливать элементы товарности в земледелии. Все же не следует полагать, что выделение ремесла из земледелия сразу же привело к товарному производству. В том же месте Энгельс указывает, что при втором общественном разделении труда производство для обмена и торговля возникают «... однако еще в весьма неразвитом виде» (разрядка моя. — Я. Л.).

Дело в том, что отделение ремесла как специальной отрасли производства от земледелия — процесс сравнительно длительный. В ранне-греческом обществе, даже если абстрагироваться от микенского времени, этот

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 180 сл.

² В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 15.

³ Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 165.

⁴ Там же, стр. 169.

процесс происходил, по крайней мере, в течение 500 лет, с XI по VI в. до н. э. Рассматривая этот процесс с точки зрения его воздействия на становление товарного производства, мы должны будем выделить в нем, как минимум, два этапа: 1) ремесленное производство на заказ, соответствующее примерно гомеровскому обществу, и 2) ремесленное производство на рынок. Только на втором этапе процесса выделения ремесла можно предполагать существование товарного производства.

Говоря о наличии ремесла как одной из предпосылок товарного производства, мы должны сделать одну важную оговорку. Речь здесь идет о ремесле, развивающемся в условиях возникновения частной собственности на средства производства и относится в основном к Греции. Исторически засвидетельствованное ремесленное производство во многих древневосточных странах, очевидно, развивалось своими путями, и его связь с зарождением товарного производства несколько иная, чем в древней Элладе.

Таким образом, в Греции лишь появление третьего крупного общественного разделения труда, совпадающее во времени с переходом ремесла к производству на рынок и происходящее в период перехода от первобытно-общинного к рабовладельческому строю, — лишь возникновение общественной прослойки, которая «...занимается уже не производством, а только обменом продуктов»,¹ — является достаточным историческим критерием и одновременно условием существования товарного производства.

В самом деле, только возникновение товарно-денежных отношений, происходящее одновременно с зарождением и начальным развитием определенной социальной группы торговцев, может, на наш взгляд, считаться не только необходимым, но вместе с тем и достаточным показателем наличия товарного производства. Энгельс определенно указывает, что «ступень товарного производства, с которой начинается цивилизация, экономически характеризуется: 1) введением металлических денег, а вместе с тем и денежного капитала, процента и ростовщичества; 2) появлением купцов как посреднического класса между производителями; 3) возникновением частной собственности на землю и ипотеки и 4) появлением рабского труда как господствующей формы производства»². Только наличие всех этих четырех указанных Энгельсом моментов свидетельствует о существовании в том или ином конкретно-историческом обществе товарного производства.

Отсюда с полной очевидностью следует, что нет никаких оснований говорить о существовании товарного производства в условиях первобытно-общинного строя. Применительно к этому строю можно говорить лишь о создании предпосылок для возникновения, или, в лучшем случае, о зарождении товарного производства. Существование же такого производства засвидетельствовано только в рабовладельческом обществе. Все предшествующие изменения в способах и размерах обмена продуктов являются, с точки зрения изучаемой проблемы, по существу лишь предисторией товарного производства.

Сделанные выше наблюдения об условиях возникновения товарного производства никоим образом не претендуют на исчерпывающее освещение этой проблемы. Параллельно прогрессу общественного разделения труда и в тесной зависимости от него происходили изменения в производственных отношениях, развитие которых явилось второй предпосылкой появления товарного производства. В приведенном нами выше высказывании Энгельса, которое всесторонне и полностью характеризует возникшее товарное производство, последние два из четырех моментов полностью по-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 171.

² Там же, стр. 183.

священы или тесно связаны с производственными отношениями; это: 1) возникновение частной собственности на землю и ипотека, и 2) появление рабского труда как господствующей формы производства.

В самом деле, развитие производительных сил при первобытно-общинном строе неизбежно должно было вести и вело к появлению элементов новых производственных отношений рабовладельческого типа, к зарождению частной собственности на средства производства, в первую очередь на рабов и землю, к постепенному ограничению, а в некоторых странах и к вытеснению общинной собственности частнособственническими рабовладельческими производственными отношениями. Этот процесс шел более медленно и так и не был доведен до конца к моменту возникновения классового общества в древневосточных обществах, но продвинулся значительно дальше в странах классического рабовладения. Можно даже сказать, что именно это обстоятельство было одной из основных, если не решающей причиной быстрых темпов развития классической Греции.

Ведь именно «...новые производственные отношения являются той **главной** и решающей силой, которая собственно и определяет дальнейшее, притом мощное развитие производительных сил и без которых производительные силы обречены на прозябание...»¹. Новые рабовладельческие производственные отношения в передовых полисах Греции и в Риме, основанные на частной собственности на землю и рабов, не встретившие на пути своего внедрения и распространения столь сильной преграды, как древневосточная община, значительно быстрее восторжествовали над первобытно-общинной формой собственности и предопределили в начальный период своего существования относительно быстрое и мощное для рабовладельческого строя развитие производительных сил.

Таким образом, для того чтобы определить условия и время возникновения товарного производства в древней Греции, мы должны будем, наряду с анализом развития общественного разделения труда, в равной мере привлечь и данные об изменениях в производственных отношениях, конкретнее говоря, проследить зарождение и развитие частной собственности на землю и распространение применения рабского труда вплоть до времени его превращения в господствующую форму производства.

Данная нами характеристика зависимости товарного производства от уровня общественного разделения труда является в значительной степени схематичной и, очевидно, как каждая схема, не может быть приложена ко всем обществам древности. Конкретно-историческое развитие отдельных племен и народов могло идти своими путями. Так, например, значительные коррективы в наши выводы должно внести длительное существование общинного ремесла в ряде древневосточных обществ. И все же, несмотря на все ее недостатки, приведенная выше схема обусловленности степени развития товарного производства достигнутым уровнем общественного разделения труда, появлением частной собственности на землю и развитием рабовладения дает, на наш взгляд, вполне надежные критерии для стоящей перед нами задачи — изучения предпосылок и условий возникновения товарного производства в древней Греции.

* * *

В настоящее время очень трудно высказать какие-либо решительные суждения о степени развития товарного производства в микенской Греции. Правда, теперь, благодаря продолжающимся раскопкам, о микенской культуре можно судить не только на основании памятников материальной

¹ И. С т а л и н, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 61.

культуры самих Микен, Тиринфа и одного-двух других относительно крупных центров. Раскопки в Кораку, Зигури, Евтресис, Мальги, на Крите, Кипре, в Малой Азии и Сирии значительно восполнили и во многом уточнили наши сведения о микенской культуре. И все-таки у нас еще далеко недостаточно данных для окончательных выводов по вопросу о товарном производстве того времени. Поэтому высказываемые ниже соображения будут носить в силу необходимости только сугубо предварительный характер. Притом необходимо оговорить, что они относятся только к периоду расцвета микенской культуры, примерно с XVI по XIII в. до н. э.

Среди находок микенского времени в количественном отношении на первом месте стоит, несомненно, керамика. Число керамических находок и ареал их распространения столь велики, что именно эта группа памятников дает наиболее надежную основу для датировки отдельных периодов микенской культуры, с точностью иногда даже до четверти века¹. Применение гончарного круга, впервые отмеченное для Греции в Микенах среднеэлладского периода (около 1600 г. до н. э.), создало технические предпосылки для быстрого роста гончарного производства. В позднеэлладский период, еще даже до падения талассократии Крита, микенская керамика быстро распространяется по всему Восточному Средиземноморью. Только для ПЭ (поздне-элладского) II периода, датируемого XV в. до н. э., отмечены находки микенской керамики в Трое, на Родосе, в Угарите, Палестине, в большом количестве в Египте (Амарна)². К следующему (ПЭ III) периоду относятся находки гончарных печей в Фивах, в Бербати под Микенами и гончарной мастерской в Зигури³. Вряд ли можно считать случайным, что все эти находки, свидетельствующие о развитии местного гончарного производства, относятся именно к данному периоду. Несомненно именно в ПЭ III период имел место значительный рост гончарного производства в обществах микенской культуры.

Наличие всех этих данных позволяет сделать вывод об относительно значительном развитии гончарного ремесла. Правда, нельзя полагать, что все находимые археологами керамические изделия микенского типа производились на продажу. Часть их, как, например, амарнские вазы, несомненно, были подарками фараонам; другие могли быть и, вероятно, действительно были, изготовлены на месте греческими мастерами, проживавшими в Угарите⁴ и других местах. Однако столь широкое распространение микенской керамики по всему Восточному Средиземноморью, повидимому, не могло обойтись совершенно без участия торговцев. С другой стороны, наличие гончарной мастерской в Зигури дает возможность предполагать существование каких-то элементов зарождающегося местного товарного производства.

¹ См. A. F u r u m a r k, *The Mycenaean pottery*, Stockholm, 1941. В этой работе Фурумарк датирует, например, период Мус. IIB временем от 1450 по 1425 г. до н. э.

² Уэйс и Блеген в 1939 г. определили, как изделия микенской керамики ПЭ I и II периодов, 19 ваз, найденных в Египте и ранее считавшихся произведениями критских мастеров; цитирую по Н. Л о r i m e r, *Homer and the Monuments*, L., 1950, стр. 14.

³ С. W. B l e g e n, *Zygouries, A prehistoric settlement in the valley of Cleonae, Cambr., Mass.*, 1928, стр. 30—38. Склад керамики, датируемый ПЭ III периодом, состоял из четырех помещений общей поверхностью ок. 300 м². В одном из них (стр. 33) найдено 500 кубков, 75 тарелок, 20 кувшинов и несколько десятков чашек и других сосудов; в других помещениях найдено несколько сот киликов, большая часть которых еще не была раскрашена. Блеген предполагает, что все эти помещения представляли собой кладовую местного начальника поселения и что керамика была предназначена на продажу и даже экспорт (стр. 221 сл.).

⁴ См. М. Л. Г е л ь ц е р, *Материалы к изучению социальной структуры Угарита*, ВДИ, 1952, № 4, стр. 35.

В современной буржуазной, особенно англо-американской, историографии принято безоговорочно приписывать распространение одного и того же типа керамики только торговле. Так, например, даже не принадлежащая к ярким модернизаторам Лоример считает, что уже раннеэлладские племена (вторая половина III тысячелетия до н. э.) «вели активную торговлю» (were devoted to commerce, стр. 5). Наличие минийской желтой посуды в ранних слоях Трои VI таким же путем превращается ею не больше, не меньше как в показатель «экспансии среднеэлладской торговли» (стр. 12). Вполне очевидно, что такие утверждения никак не обоснованы данными источников, а вытекают только из убеждения буржуазных ученых в извечности капиталистических отношений и непонимания своеобразия отдельных эпох развития человечества. Между тем известно, что одни и те же виды глиняной посуды, даже не изготовленной на гончарном круге, часто встречаются на очень большой территории. Это явление может быть объяснено культурными заимствованиями, расселением ремесленников и другими факторами. Совсем необязательно приписывать распространение одного и того же типа керамики развитию торговых отношений. Говорить с уверенностью о торговле можно только на основании данных об общественном разделении труда. Таковых нет, да и быть не может для весьма примитивного по уровню развития производительных сил раннеэлладского, а вероятно, и среднеэлладского периодов, когда на территории Греции еще не применялся гончарный круг.

Все же о наличии относительно развитого ремесла в позднеэлладский период свидетельствует не только керамика, но и вооружение. Вряд ли возможно было без ремесленников-специалистов производство различных типов больших щитов. В микенском поселении в далеком Угарите обнаружены следы литейной мастерской середины XIV в., производившей довольно большое количество мечей¹. Шведская экспедиция, раскапывавшая Мальту (Дорион) в Мессении, обнаружила следы кузницы с заготовками из бронзы и железа. Кузница датируется по памятникам керамики ПЭ III периодом (XIV—XIII вв. до н. э.)². Многочисленные предметы вооружения (щиты, шлемы, латы, поножи, мечи и т. д.), описанные в гомеровском эпосе и засвидетельствованные на многих изображениях микенского времени, также, несомненно, предполагают существование относительно дифференцированного ремесленного труда.

Некоторое влияние на развитие торговли должно было оказать упомянутое нами выше распространение микенской керамики вплоть до Сирии и Египта. Значительные микенские колонии, несомненно, существовали в Памфилии и на Кипре, не говоря уже о более близких: Милете, Колофоне, Родосе и Самосе. Наличие многочисленных предметов из янтаря в наиболее поздних III, IV и V шахтовых гробницах также может свидетельствовать о каких-то, возможно, торговых связях с районами Прибалтики.

Все же было бы опасным делать из приведенных нами фактов вывод о существовании товарного производства в Микенах. Микенские археологические памятники свидетельствуют прямо лишь о наличии относительно развитого ремесла. Известные нам ремесленные мастерские, как например, в Фивах, Зигури, чаще всего находятся при дворцах правителей. Выводы о торговле сделаны на основании косвенных данных и носят в значительной степени гипотетический характер. Отношения собственности микенского времени нам почти неизвестны. Исключительно богатые, изобилующие золотыми предметами, поздние шахтовые гробницы резко выде-

¹ L o r i m e r, ук. соч., стр. 153.

² Л о р и м е р (ук. соч., стр. 112) считает, что эта мастерская относится не к микенскому, а к субмикенскому времени.

ляются по своему инвентарю среди однообразных бедных погребений остального населения ПЭ II и III периодов. Отсутствие сведений о чеканке какой-либо монеты не дает в настоящее время основания утверждать с полной уверенностью наличие товарного производства в Греции XVI—XIII вв. до н. э.

Данные о трех-четыре столетиях, прошедших со времени крушения микенского общества до начала VIII в., очень скудны. Все же имеющиеся факты говорят против существования товарного производства в Греции этого времени. Археологические памятники намного более скудны, чем для предшествующих столетий. Если не считать незначительных находок в субмикенских слоях самих Микен и некоторых других старых центрах поздне-элладской культуры, основным источником для характеристики этого времени являются находки из Саламинского некрополя и из Афин, где за последние два десятилетия, благодаря успешным раскопкам района Керамика, количество находок значительно увеличилось.

Прежде всего для этого периода характерно отсутствие более или менее крупных поселений городского типа. До сих пор археологи не открыли ни одного центра, который хотя бы в некоторой степени был аналогичен Микенам или Тиринфу¹. Керамика субмикенского, прото-, ранне- и даже «зрелого» геометрического (*Reifgeometrisch*) стилей² представлена в значительно меньших количествах, да и по качеству исполнения во многом уступает аналогичным микенским изделиям. Очень мало встречается богатых погребений, и их инвентарь не идет ни в какое сравнение с находками предыдущего периода. В Саламинском некрополе раскопано около сотни погребений; все они подобны друг другу; кроме скелетов в скорченном положении, в них найдены вазы субмикенского типа, несколько фибул и булавок. Предметы иностранного происхождения на Саламине не обнаружены. Несколько богаче оказался некрополь района Керамика в Афинах. Раскопки 30-х и 40-х годов вскрыли здесь большой некрополь XII—IX вв. В захоронениях, в основном однотипных с саламинскими, найдено большое количество фибул и шпильек, что свидетельствует о смене типа одежды по сравнению с микенским временем. Кроме того, здесь обнаружены железные и бронзовые кольца, железный меч субмикенского типа и немного привозных вещей (украшение из слоновой кости и три золотые спирали). В одновременном некрополе из Врокастро на Крите, кроме обычного инвентаря, найдено было несколько имитаций скарабеев и фаянсовых шариков. Орнамент керамики дает возможность определить этот период как время возникновения и развития геометрического стиля.

На протяжении всех этих столетий, повидимому, полностью отсутствовали связи материковой Греции с неэллинским миром. Только на вазах поздне-геометрического стиля (VIII в.), особенно в Аттике, начинают появляться изображения кораблей и морских сражений. Находки финикийского происхождения отмечаются для Греции послемикенского времени впервые в Эгинском кладе, датируемом, повидимому, первой половиной VIII в.³ Именно в это время вновь устанавливаются торговые связи между

¹ Это, очевидно, вовсе не является делом случая, как пытается доказать известный археолог-востоковед W. F. Albright, *Some Oriental Glosses on the Homeric Problem*, *AJA*, 54 (1950), № 3, стр. 162—176, а свидетельствует об отсутствии таких центров на территории Эллады в первые века I тысячелетия до н. э.

² Л о р и м е р (ук. соч., стр. 41 слл.) датирует протогеометрический период 1100—950 гг., ранне-геометрический — 950—850 гг. и «зрелый» геометрический — 850—800 гг.

³ Предметы из Тиринфского клада, которые Каро относил к субмикенскому периоду, повидимому, более раннего происхождения (*Logimet*, ук. соч., стр. 67).

финикийцами и греками¹. То же можно сказать и относительно Египта с XII и вплоть до VIII в. до н. э. Не найдено до сих пор ни египетских изделий в континентальной Греции, ни протогеометрической и геометрической керамики в Египте.

Итак, отсутствие городов, внешних торговых связей и более или менее значительного имущественного расслоения свидетельствуют об отсутствии товарного производства и даже о некотором регрессе по сравнению со временем расцвета микенской культуры. Все же переход к использованию железа создавал предпосылки для дальнейшего развития производительных сил. В частности, можно утверждать, что уже в этот период ремесло отделяется от земледелия, это можно вполне отчетливо проследить по данным гомеровского эпоса. В недавно опубликованной статье Блегена² сообщаются данные о раскопках одного из погребений на Афинской агоре в 1949 г. В этом погребении наряду с несколькими сосудами протоили ранне-геометрического стиля найдены были следующие предметы из железа: два топора, два наконечника копья, два ножа, крюк и даже удила. Здесь же находился и специальный оселок. Несомненно, что в этом погребении был захоронен ремесленник-кузнец. Относительное обилие предметов из железа в столь раннее время (начало IX в.). свидетельствует о начавшемся отделении ремесла от земледелия.

Состояние наших источников значительно улучшается, начиная с грани IX и VIII вв. до н. э. Исключительно богатый материал для характеристики этого периода дают прежде всего «Илиада» и «Одиссея». В данной связи важно прежде всего указать на уровень развития общественного разделения труда — основной предпосылки товарного производства. Как известно, гомеровское общество отличалось довольно значительным развитием и земледелия и скотоводства. Показательна хотя бы дифференциация терминов, обозначающих пастухов: здесь и свинопасы и козоводы, пастухи коров и овец (συβάται, αἰπόλοι, ὑφορβοί, βώτορες, βούκοι, ἐπιβούκοι). С другой стороны, гомеровское σίτος означало не только хлеб, как в классическое время, но вообще еду в противопоставлении к напиткам³, что, несомненно, свидетельствует о значительной роли земледелия.

Меньше, чем скотоводство и земледелие, были развиты ремесла, но и они прошли уже довольно значительную эволюцию. Как известно, у Гомера упомянуты кузнецы (χαλκεύς), золотых дел мастера (χρυσόχοος), кожевники (σκυτοτόμος), гончары (κεραμεύς), плотники (τέκτων), пряхи (χρηῆτις) и некоторые другие ремесленники⁴. Они всегда свободны; о невысоком уровне развития ремесла свидетельствует полное отсутствие упоминаний о рабах-ремесленниках. Как правило, ремесло пользуется почетом. Поэт почти всегда называет с уважением имя мастера, изготовившего какой-нибудь искусно сделанный ценный предмет. Знанием ремесла гордятся и басилеи.

¹ Белох в одном из экскурсов ко второму изданию первого тома его «Griechische Geschichte» (Die Phoeniker am Aegaeischen Meer) правильно возражает против необоснованных предположений о колонизации финикийцами Эгеиды в начале I тысячелетия. Это полностью подтверждается последующими археологическими раскопками.

² C. W. Blegen, Two Athenian grave groups of about 900 B. C., «Hesperia», 1952, стр. 279—294.

³ Ср. II, IX, 706; XIX, 306; Od., III, 479; IV, 746; IX, 87; X, 58 и т. д. Глагол σίτῳ также означает прием пищи вообще, а не только хлеба.

⁴ В работе Бухгольца (E. Buehholz, Die homerischen Realien, тт. I—III, 1871—1884; т. II, 1, стр. 166—168) выдвигается предположение, что суффикс -εος обозначал ремесленников-профессионалов, в отличие от суффикса -ος, обозначавшего временные и случайные занятия отдельными ремеслами. Однако это предположение встретило всекие возражения со стороны Гиро (P. Guiraud, La main d'oeuvre industrielle dans l'ancienne Grèce, P., 1900, стр. 20).

Однако дифференциация ремесленного труда еще не достигла высокого уровня. Эпос не знает даже специального термина для обозначения ремесленников как таковых. Эпическое *δημιουργός*, в отличие от более позднего аттического *δημιουργός*, обозначало не ремесленников в современном и даже в античном понимании этого слова, а только людей, выполняющих общественно-полезные функции, как, например, прорицателей, врачей и певцов (Od., XVII, 382 сл.). Гомеровское *τέκτων* почти всегда относится только к мастерам, работающим по дереву, а не к ремесленникам вообще. Слабая дифференциация ремесла видна хотя бы из того, что два щита, очень подобных и по использованному материалу и по технике изготовления (бычья шкура, покрытые бронзовой пластиной), в одном случае (щит Аякса Теламонова — II, VII, 220 сл.) делает *σκυτοτόμος*, а в другом (щит Сарпедона — XII, 294 сл.) — *χαλκεύς*. Очевидно, четкого разделения труда между этими отраслями ремесла еще не было¹. «Златоискусник» Лаэрк (Od., III, 425) несколькими строками ниже называется кузнецом. Его орудия производства называются *ἔπλα*, так же как и Гефеста (II, XVIII, 409 и 412); однако корабельные снасти тоже называются *ἔπλα*. Плотники строят дома (II, VI, 315; XXIII, 713; Od., XVII, 340), корабли (Od., IX, 126 сл.), делают стулья (Od., XIX, 57) и т. д.

Ремесленники редко работают у себя дома, в собственных мастерских. Единственной такой мастерской является кузница (Od., VIII, 273; XVIII, 328). Дома также работает, повидимому на заказчика, кариянка или менийка, которая «пурпуром красит слоновую кость и нащечники эти в доме своем сохраняет» (II, IV, 142 сл.)². Прочие ремесленники работают в домах заказчиков³. Это, как правило, странствующие мастера⁴. Весьма показательное отсутствие в эпосе каких-либо признаков конкуренции между ремесленниками.

Таким образом, для гомеровского общества характерно происшедшее уже разделение труда между скотоводством и земледелием и происходящее отделение ремесла от земледелия; все же дифференциация отдельных видов ремесла находится еще в одной из начальных фаз; ремесленники работают на заказ, а не на рынок. Очевидно, уровень развития производительных сил гомеровского общества был далеко недостаточен для товарного производства.

Это положение подтверждается и данными эпоса о торговле. У Гомера нет даже термина для обозначения торговцев и самой торговли. Термины классического времени *κάπηλος* и *ναύκληρος* вообще не встречаются в эпосе; *ἔμπορος*, как известно, означает у Гомера только морских пассажиров. Обычно людей, занимающихся торговлей, называют *πρωκτεῖρες* (Od., VIII, 162), но тот же термин означает, например,

¹ Не учитывая слабой степени дифференциации ремесел в гомеровском эпосе, Лоример выдвигает предположение, что упоминание о кузнице, изготовившем щит Сарпедона, является реминисценцией позднего бронзового века (ук. соч., 183).

² Это обстоятельство не дает, однако, даже малейших оснований утверждать, подобно безудержному модернизатору Белоху (K. J. V e l o s h, Griechische Geschichte, I², 1, 266), что здесь речь идет о работе для какого-то «милетского фабриканта», о чем нет ни слова во всем эпосе.

³ Нельзя согласиться с С. Я. Лурье, который вслед за Эд. Мейером заявляет: «в усадьбах аристократов работало большое количество свободных специалистов-ремесленников» (С. Я. Л у р ь е, История Греции, Л., 1941, стр. 81). Ремесленников в эпосе упоминается немного; они не работают постоянно на одном месте, а странствуют. Наконец, в ойкосах басилеев вообще нет постоянно там работающих свободных ремесленников.

⁴ Неплохой очерк состояния ремесла в гомеровском обществе дан в статье Е. Г. К а г а р о в а. Общественный строй греков гомеровской эпохи, СЭ, 1937, № 4, стр. 46—60.

в II., IX, 443, вообще исполнителей поручений, абсолютно на связанных с торговлей. Также и *πρῆξις* в Od., III, 72 и других местах имеет значение, близкое к латинскому *negotium*. На обращенный к нему вопрос Телемах говорит, что он едет по личному, а не по общественному делу (*πρῆξις ἰδίῃ οὐ δῆμιος*); *πρῆξις* в смысле торговли встречается впервые в послегомеровском Гимне Аполлону. Термин *ἀγορά*, который в классическую эпоху, начиная с Геродота, означал рынок, у Гомера употребляется только в смысле собрания, сходки.

Торговля ведется, за очень немногими исключениями, не континентальными греками, а финикийцами, тафийцами или критянами. Финикийцы славятся своими искусными ремесленными изделиями и дерзкой торговлей, тесно связанной с грабежами, пиратством, хищением взрослых и особенно детей. Не брезгают работорговлей и тафийцы. Из греков торговлей занимается только Евней, сын Ясона, с о-ва Лемноса.

Отличительной чертой торговли гомеровского времени является ее чисто меновой характер. Чтобы получить медь, тафийцы везут с собой железо (Od., I, 184; ср. XIII, 163). Евней обменивает привезенное им вино на медь, железо, скот или рабов (II, VII, 472—475). Образно и подробно описана финикийская торговля в рассказе Евмея (Od., XV, 403 слл.): финикийские мореплаватели, пристав к его родине — острову Сиросу (? = *Σύριη*), в течение целого года вели там обменную торговлю, продавая свои безделушки (*ἀθύρματα*) за ценное имущество (*πολὺν βίοντον*). Повидимому, часть такого рода безделушек дошла до нас в вышеупомянутом Эгинском и других кладах.

Таким образом, как археологические, так и литературные данные свидетельствуют о низком еще уровне торговли гомеровского времени¹, которая носила только обменный характер.

В гомеровское время заметен зато быстрый рост имущественного и социального расслоения. Место «однородности» общества, о которой мы вправе судить на основании косвенных свидетельств Саламинского и частично Керамикского некрополей, занимает явное разделение на общественную верхушку — родовую аристократию и на массу рядовых граждан, из которой выделяются ремесленники, метанасты, феты и нищие. Именно эти слои населения, а особенно владеющая большими богатствами знать, будут в следующий период одним из главных покупателей продуктов товарного производства.

Все же в гомеровском обществе, несмотря на прогресс общественного разделения труда, нет еще ни рынка, ни производства товаров. Продаются от случая к случаю только излишки продуктов.

Более высокий уровень общественного разделения труда, а следовательно, и дальнейший этап подготовки товарного производства мы можем наблюдать в источниках послегомеровского времени, датируемых VIII—началом VII в. до н. э. Наряду с произведениями Гесиода сюда следует отнести и большинство «Гомеровских гимнов», «Гомеровских эпиграмм», «Щит Геракла», а также многочисленные фрагменты из недошедших до нас полностью произведений Гесиода или произведений, ему приписываемых. Данные всех этих источников дают в общем и целом довольно яркую картину сдвигов, происходивших в ранне-греческом обществе того времени.

Это время характеризуется прежде всего ростом использования металлов. Железо решительно вытесняет бронзу в качестве основного вида

¹ Нельзя согласиться с В. С. Сергеевым, заявляющим в своем учебнике («История древней Греции», М., 1948, стр. 102), что «в походах ахейских басилеев под Троем торговые соображения играли далеко не последнюю роль». Абсолютно непонятно, какие торговые соображения имел в виду В. С. Сергеев и почему бы о них умолчал поэт.

сырья для орудий производства. В «Трудах и днях» железо упомянуто столько же раз, сколько медь и бронза (*χαλκός*), но последний термин почти всегда применяется для характеристики прошедшего времени, а железо — для обозначения орудий производства, современных поэту. Появляется новый термин *ἄδαμας*, в более позднее время обычно обозначающий сталь¹. О значительном интересе современников к усовершенствованиям в технике обработки железа свидетельствует и то, что древние писатели приписывали Гесиоду специальную поэму об обработке железа («Идейские дактили»²).

О дальнейшем развитии ремесла говорит и появление новых орудий производства и видов сырья, как, например, резца (*γλύφακος* — «Гимн Гермесу», 41), косы (*ἄρπη* — «Труды и дни», 573), латуни (*ορείχαλκος* — «Щит Геракла», 122) и т. д. Термины, обозначающие отдельные виды ремесла, примерно те же, что у Гомера, но зато они встречаются значительно чаще, и, главное, ремесло более отграничено от прочих отраслей производства, чем в эпосе. Впервые в это время говорится о каких-то взаимоотношениях между отдельными ремесленниками³. Гомеровский гимн Гефесту в значительной части посвящен возвеличению ремесла. В этом же гимне в качестве покровительницы ремесел выступает и Афина.

Все же не следует переоценивать развитие ремесла в непосредственно послегомеровское время. Насколько можно судить по литературным источникам, уровень его развития не многим еще отличался от предшествующего. Новых ремесленных специальностей все еще не появляется⁴. Отмеченное нами для этого времени развитие обработки металлов привело к серьезным сдвигам в ремесленном производстве только в последующий период. Об относительной неразвитости ремесла, как такового, ярко свидетельствует хотя бы то, что Гесиод как бы ставит гончаров и плотников на одну социальную ступень с нищими и певцами («Труды и дни», 25 сл.). Такое сопоставление полностью соответствует упомянутому месту из «Одиссеи» (XVII, 382—386), где были объединены под одним названием *δημιουργοὶ* прорицатели, лекари, певцы и ремесленники.

Следует все же помнить, что одни только литературные источники не могут дать достаточно полную картину развития ремесла в это время. Отсутствие упоминаний о новых ремесленных специальностях может быть делом случая. В Ионии и Коринфе ремесло было более развито, чем в Беотии. Наконец, развитие металлургии железа предопределяло само собой дальнейший прогресс в ремесленном производстве.

Значительное развитие в это время приобретают мореплавание и торговля. Хотя общественная прослойка купцов еще не возникла, однако именно во второй половине VIII — начале VII в. происходит поразитель-

¹ R. J. Forbes, *Metallurgy in antiquity*, Leiden, 1950, стр. 409; ср. стр. 439. У нас нет достаточно убедительных оснований считать, что под этим термином подразумевалась сталь уже во времена Гесиода. Все же, несомненно, *ἄδαμας* уже тогда означал отличный от обычного вид железа.

² P l i n., NH, VII, 56; Clem. Alex., Strom., I, 16, 75; Цитирую по изданию: Н. G. Evelyn-W h i t e, *Hesiod, The Homeric hymns and Homeric*, L., 1936.

³ Καὶ κεραιεὺς κεραιεὺς κότερι καὶ τέκτωνι τέκτωνι («Зависть питает гончар к гончару и к плотнику плотник» — «Труды и дни», 25).

⁴ Низкий уровень общественного разделения труда во времена Гомера и Гесиода выступает особенно отчетливо по сравнению с дифференциацией ремесленных специальностей в V в. до н. э. в Афинах. Здесь достаточно будет привести хотя бы неполный список ремесленников, упоминаемых Плутархом («Перикл», 12): «плотники, скульпторы, медники, каменщики, золотых дел мастера, размягчатели слоновой кости, живописцы, эмалировщики, чеканщики..., мореходы, кормчие, ... каретники, извозпромышленники, извозчики, канатчики, ткачи льняных материй, кожевники, дорожные рабочие, шахтеры, ... черноработчие» и т. д.

тельно быстрый рост обмена и торговли. Если эпосе торговлей занимаются в основном финикийцы, а о самой торговле говорится как о необычном и как бы «экзотическом» явлении, то у Гесиода и особенно в «Гимнах» место финикийской занимает уже собственно греческая торговля. Начало великой колонизации VIII — VI вв. также должно было значительно содействовать развитию торговли, так как, вне зависимости от земледельческого характера вновь основываемых колоний, все же имели место их торговые связи с метрополиями; кроме того социальная верхушка местных племен также была активной покупательницей греческих товаров. Все же следует иметь в виду, что в VIII в. колонизация была еще довольно незначительной¹, притом в колонизации участвовали в основном наиболее развитые экономически полисы, как Милет, Коринф и др.

Интересно отметить различное отношение к мореплаванию в произведениях, созданных в передовой для того времени Ионии (например, «Гимн Аполлону (Делосскому)» и др.) и в земледельческой Беотии. В первой группе источников мореходство и торговля считаются чем-то само собой разумеющимся и полезным. Гесиод же каждое упоминание об этих занятиях сопровождает предостережениями перед плаванием по морю, хотя и он, что особенно важно, признает необходимость мореплавания и торговли. Гесиод не любит моря, хотя и примирился с ним как с неизбежным злом; он считает мореплавание необходимым даже для крестьян. 77 строк — почти $\frac{1}{10}$ часть «Трудов и дней» — посвящены мореплаванию. Он даже советует Персу: «Малое судно хвали, но товары (φορτία²) грузи на большое; больше положишь товару — и выгоды больше получишь» (стк. 643 сл.) Знаком Гесиод и с понятиями торговли — ἐμπορίη (стк. 646) и барыша — κέρδος. У Гомера эти термины либо вовсе не встречаются, либо не связаны с настоящей торговлей. Если у Гомера более чем месячное отсутствие из дома считается необычным делом (II, II, 292), то Гесиод допускает плавание в течение почти двух месяцев поздним летом и, правда, с оговорками, даже весной (стк. 663 сл., 682 сл.).

Еще теснее с морем связана Иония. В восходящем, повидимому, к VIII в. гимне Аполлону (Делосскому) поэт, описывая благосостояние ионян, участников празднеств на Делосе, прежде всего обращает внимание «На корабли быстроходные их и на все их богатства» (стк. 155). Если у Гомера основным источником обогащения считается военная удача или пиратский набег, а у Гесиода упорный земледельческий труд, то в Ионии значительную роль начинают играть доходы от морской торговли. Не даром автор гимна Аполлону (Делосскому), восхваляя ионян, ставит рядом друг с другом корабли и богатства.

Даже в возникшем в дельфийских кругах гимне Аполлону (Пифийскому) поэт говорит без особого удивления о морском путешествии во круг Эллады; установление жречества в Пифийском святилище связывается с похищением критского торгового корабля, направляющегося из Кносса в Пилос «ради богатств и товаров» (ἐπί πρῆξιν³ καὶ χρῆματα — стк. 397=219). На «Щите Геракла», в отличие от его прототипа — щита Ахилла в «Илиаде», изображена «хорошо доступная гавань» (стк. 207). На относящихся примерно к тому же времени вазах поздне-геометрического стиля из Афин, как указывалось выше, большое место начинает занимать тематика, связанная с мореплаванием.

¹ См. Oehler, RE, ἀποικία; особенно сводную таблицу греческих колоний (стб. 2827—2835).

² Термин φορτίον, собственно говоря, означает не товар, а корабельный груз. Только в классический период этим словом начали обозначать товары. См. H. Liddell and R. Scott, A Greek-english lexicon, Oxf., 1940.

³ Этот термин как обозначение торговли впервые встречается в данном гимне.

Все рассмотренные нами источники свидетельствуют о том, что в VIII—VII вв. возникает и быстро развивается на основании прогрессирующего общественного разделения труда внутригреческая торговля. Ее развитию содействует быстрый рост частной собственности на средства производства и не менее быстрое имущественно-социальное расслоение ранне-греческого общества. Это расслоение проявляется в обогащении общественной верхушки, в развитии взяточничества, в появлении воровства, в страхе Гесиода перед нищетой и в целом ряде других аналогичных явлений¹. Важно отметить, что и в земледельческой Беотии товарные отношения постепенно проникают даже в крестьянскую среду. Гесиод говорит о провозе и продаже излишков урожая, о покушке рабыни, волов и т. д. Особенно показательны, что даже земля становится объектом купли-продажи. Поэт советует Персу, «чтоб покупал ты участок (*κλήρον*) других, не твой бы другие» (стк. 341). Это древнейшее в греческой литературе упоминание о продаже земли свидетельствует о переходе ее в частную собственность и о концентрации земельных участков в руках более богатых крестьян. Следует особенно подчеркнуть, что крестьянские клеры приобретают не только басилеи — знать, но и сами же крестьяне. Это свидетельство очень важно для характеристики социальных отношений времени Гесиода. Лейтмотивом многих гомеровских эпиграмм и гимнов является воспевание богатств (*πλοῦτος, χρῆματα*).

Однако крупные хозяйственные и общественные изменения этого времени все еще не могут расцениваться как доказательство существования товарного производства. Это, на наш взгляд, только период возникновения товарных отношений. Отсутствие ремесленного производства на рынок и товарности земледелия, четко оформленной социальной прослойки купцов, чеканной монеты, постоянно действующего рынка, а следовательно, и товарно-денежных отношений — все это не позволяет считать VIII век временем возникновения товарного производства. Все эти предпосылки были фактически созданы только в VII, а кое-где и в начале VI вв. до н. э.

Именно в это время происходят решающие сдвиги в ранне-греческом обществе. Технические усовершенствования, связанные с именами Главка Хиосского, который, как сообщает Геродот (I, 25), был «единственным изобретателем пайки железа», и самоспев Ройка и Федора, которые, по сообщению Павсания (VIII, 14, 9), впервые стали «плавить медь (или бронзу — *χαλκός*) и отливать статуи»², открыли путь к дальнейшему развитию и, что особенно важно, к дифференциации металлообработки и к появлению новых, не известных до того времени ремесленных специальностей. Изобретение монеты также предполагает относительно высокий уровень технических знаний в области обработки металлов. На это же время падает начало интенсивной разработки рудных богатств на территории эллинского мира. Если у Гомера мы ничего не слышим о добыче металлов из земных недр, а из «Теогонии» можно лишь предполагать существование этой отрасли производства, то уже в VII в., несомненно, разрабатывались многочисленные месторождения металлов, как, например, золотые прииски на Фасосе, медные рудники на Евбее, железо в Лаконии и т. д.³ Пример-

¹ Ввиду ограниченного объема журнальной статьи, мы не в состоянии здесь более обстоятельно рассмотреть весь комплекс социально-экономических отношений в ранней Греции.

² Здесь речь идет, очевидно, не об изобретении способа плавки бронзы, известном уже более тысячелетия, а об отливке полых статуй из расплавленной меди или бронзы.

³ См. O r t h, Bergbau, RE, Supplb. IV, стб. 116 слл. Вероятно, к этому же периоду относится и начало разработки Лаврийских рудников в Аттике. К с е н о ф о н т

но к тому же времени относится переворот в судостроении, выразившийся в переходе к постройке 50-весельных судов (Her., I, 163), что создало технические предпосылки для далеких путешествий вплоть до Тартесса¹. Улучшается техника строительства портовых сооружений; примером может служить хотя бы вызвавшая восхищение Геродота (III, 60) большая «земляная насыпь» на Самосе.

Большой прогресс можно отметить и в производстве керамики. В VII в. возникают протокоринфский, ранне-аттический и милетский стили. В этом же веке впервые наблюдается массовый экспорт греческой, в основном коринфской, керамики далеко на запад в Этрурию и даже Карфаген², где греческие сосуды, несомненно, были предметом импорта.

Весь этот значительный для условий рабовладельческого способа производства подъем производительных сил неизбежно должен был повести к дальнейшему развитию ремесла и его дифференциации, что, очевидно, в сильнейшей степени усиливало элементы товарности в производстве.

Параллельно и на базе развития ремесленного производства идет расширение торговли как внутренней, так и внешней. Если в VIII в. колонизация носила в основном аграрный характер, то к VII в. относится основание торговых колоний, как, например, Навкратиса (Her., II, 179) и др. Только развитием торговли можно объяснить относящийся именно к этому периоду расцвет неплодородной Эгиины (Strabo, VIII, 6, 16). Богатство Коринфа при Бакхиадах и Кипселе также было вызвано развитием торговли и ремесла (Strabo, VIII, 6, 20). Примеры такого рода можно было бы без труда многократно умножить.

Греч. ἔμπορος в смысле «торговец» впервые встречается у лириков Симонида и Эсхриона³. У лириков же ἀγορά часто означает не место сродки, как у Гомера, а базар или рынок; κατήλευται в этом же круге источников обозначает мелочную торговлю. Геродот уже четко различает морских торговцев ἔμποροι (II, 39; IV, 154) и базарных κατήλοи⁴. О степени развития рыночных отношений свидетельствует интересное наблюдение Кнорринги, что Геродот обозначает время суток терминами: «когда закрывается рынок» или «когда рынок переполнен». Интересно также пропущенное Кноррингой замечание Геродота (I, 153) об отсутствии рынков у персов и об их наличии у эллинов.

Важнейшим фактором и одновременно показателем быстрого развития товарно-денежных отношений является поразительно быстрое, чуть ли не молниеносное распространение чеканной монеты. В своем капитальном труде А. Н. Зограф выдвигает предположение о параллельном, независимо друг от друга и почти одновременном возникновении чеканки монет в начале VII в. в двух, а, возможно, и в трех центрах: Лидии, Эгиине и Киме⁵. Вне зависимости от того, насколько доказуемо это предположение, сам факт чуть ли не молниеносного распространения монеты в течение первого века ее существования на территории всего эллинского мира лучше всего

(Vect., IV, 2) говорит, что они разрабатываются с древнейших времен (πάνυ παλαιά), но вряд ли это время простирается вглубь дальше VIII в. до н. э. См. Oxford classical dictionary, Oxf., 1949, s. v. Laurium.

¹ А. В. Мишулин, Античная Испания, М., 1952, стр. 16 сл.

² R. M. Cook, Ionia and Greece in the eight and seventh century B. C., JHS, LXVI (1946), стр. 81. Здесь же см. археологическую библиографию вопроса.

³ Подборку мест о торговле того времени см. у Н. Knorringa, Emporos, Amsterdam, 1926, стр. 16 сл.

⁴ Knorringa, ук. соч., стр. 23 и 26.

⁵ А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, XVI, М.—Л., 1951, стр. 24. Примерно тем же периодом (около 700 г.) датируют изобретение монеты и большинство западноевропейских нумизматов. Сводку различных гипотез по этому вопросу см. в указанной работе Cook, стр. 90, прим. 188.

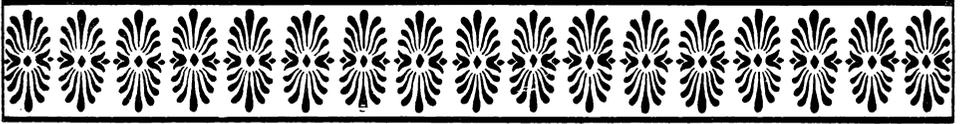
иллюстрирует как необходимость появления этого всеобщего эквивалента, так и степень развития товарно-денежных отношений в ранней Греции.

Нами рассмотрены далеко не все факты, содействовавшие развитию товарного производства в VII в. Наблюдающийся в это время значительный рост городского населения неизбежно должен был вести к усилению товарности греческого земледелия. Расслоение и обнищание крестьянства, долговая кабала, в значительной степени вызывавшиеся возниканием товарного производства, также должны были содействовать увеличению емкости внутреннего рынка, так как они, ухудшая положение широких масс крестьянства, все же вовлекали их в круг товарно-денежных отношений и теснее связывали их с рынком. Комплексное воздействие всех этих факторов предопределило быстрое развитие простого товарного производства в последующее время.

Таким образом, только в VII в. до н. э. в результате длительного, прошедшего ряд этапов, развития в передовых полисах Греции осуществились те четыре, момента которые Энгельс считал характерными для товарного производства. Именно в это время: во-первых, распространяются металлические деньги и возникает денежный капитал; во-вторых, появляется посреднический класс купцов; в-третьих, развилась частная собственность на землю и, в-четвертых, рабский труд превращается в господствующую форму производства.

Необходимо отметить, что товарное производство не возникло одновременно на территории всей Эллады. Очевидно, оно возникло раньше в более развитых центрах Ионии (в Милете), а также в Коринфе. Вероятно, здесь оно возникает в самом начале VII в. В других, отсталых районах Эллады товарное производство возникло несколько позже. В Аттике, повидимому, оно существовало примерно со времен Солона. Только конкретное изучение ранней истории каждого из полисов может уточнить время возникновения в нем товарного производства в его специфической для рабовладельческого способа производства форме.

Проф. М. Е. Сергеенко

ИЗ ИСТОРИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ДРЕВНЕЙ ИТАЛИИ

(Памяти Николая Александровича Машкина)

Расцвет сельского хозяйства древней Италии начинается со II в. до н. э., когда Италия становится владычицей Средиземноморья и политически и экономически. Книга Катона «О земледелии», где говорится о создании комбинированных культур и о значительном повышении уровня полеводства и маслиноводства, неоспоримо свидетельствует об этом расцвете. В I в. до н. э., по свидетельству Варрона, Италия представляла собой сплошной фруктовый сад, и в мире не было ни пшеницы, ни вина, ни оливкового масла, которые могли бы соперничать с итальянскими (Rr, I, 2, 6). Он же говорит о прогрессе сельского хозяйства (Rr, I, 7, 2) и считает нормальным урожаем зерновых урожай в сам-десять (Rr, I, 44, 1). Италия не только снабжает своими сельскохозяйственными продуктами внутренний рынок, но и посылает свое вино и оливковое масло за пределы страны, преимущественно в западные провинции. К этому времени относится высокий подъем итальянского виноградарства и виноделия: в Италии появляются вина, приобретшие мировую славу (фалернское, цекубское). Венафрское и казинское масло прочно удерживают за собой иностранный рынок.

К середине I в. н. э. картина резко меняется. Рабовладельческое хозяйство все больше приходит в упадок; к этому надо прибавить, что провинции окрепли экономически и не нуждаются в итальянском ввозе. Больше того: испанское масло начинает завоевывать итальянский рынок; галльские вина вступают в соперничество с итальянскими; шерсть с галльских овец захватывает первое место. Сельское хозяйство перестает приносить привычные доходы, тогда как расходы по его ведению повышаются. В хозяйстве рабов обычно держали столько, сколько необходимо было для выполнения текущих работ; всякие сезонные и экстраординарные работы, вроде жатвы, сенокоса, съемки винограда, расчистки пустошей, выполнялись наемными рабочими. Их становится мало, и цены на их труд возрастают. Самый легкомысленный хозяин вынужден задуматься над своим положением.

Упадок сельского хозяйства в I в. н. э. буржуазная наука отрицает. Между тем он налицо. О нем свидетельствуют и Плиний Старший в своей «Естественной истории» и Колумелла в своем «Сельском хозяйстве». В их жалобах на современность, которой они, особенно Плиний, противопоставляют первые века республики, отнюдь не все было риторикой. Превозно-

сить добрые старые времена с их суровой и благородной простотой, когда блестящие полководцы и спасители отечества в то же время были и рачительными хозяевами, которые сами ходили за плугом и довольствовались печеной репой, стало, конечно, со времени Августа в римской литературе модой. Но кроме модных общих мест, у наших авторов имеются факты и цифры, которые никакой модой не объяснишь и которые никакой риторикой не предписаны. Плиний сообщает, что земли под Римом продаются за бесценок и что подгородные имения заброшены (NH, XIV, 50). Виноградники Сенеки в Номентанской области не стали бы такой притчей и не превратились бы в некое подобие сельскохозяйственной выставки, не будь они, по своей урожайности и обработке, явлением исключительным. Колумелла пишет, что луга, пастбища и леса, в которых с деревьев нарезали лист для корма скоту, являются для его современников формой хозяйства, гораздо более предпочтительной, чем виноградники (III, 3, 1); что самый высокий доход с этих угодий будет сто сестерций в год с югера (III, 3, 3); что он едва может припомнить, чтобы в большей части Италии урожаи зерновых были сам-четыре (III, 3, 4), и что доход (валовой) с югера виноградника равен 2 100 сестерциями. Исходя из этих цифр и цен на хлеб и вино в первой половине I в. н. э. (время, когда жил и писал Колумелла), мы видим, что в то время, как обычным процентом с капитала было 6%, полевое хозяйство давало с югера 4,5% дохода (валового), а виноградник (при хорошем уходе, невысоком качестве вина и дешевых ценах на него) — немного больше 6,5% (тоже валового). Этот расчет убедительно показывает, что сельское хозяйство в Италии того времени стало занятием явно невыгодным, что вести его так, как его вели до сих пор, было невозможно, и хозяину приходилось искать каких-то новых путей. В поисках этих путей сельские хозяева раскололись на два лагеря.

Представители одного, повидимому, наиболее многочисленного и влиятельного, решили, что помочь делу можно просто: если доходы с хозяйства сократились, то естественно сократить и расходы на это хозяйство. Это решение, которое на первых порах было, конечно, вынужденным и казалось естественным выходом из создавшегося положения, к середине I в. получило свое идеологическое обоснование. Создана была теория, что «очень хорошо возделывать землю убыточно», что при подсчете расходов собирать некоторые жатвы оказывается невыгодным и что вообще поля следует возделывать «плохим способом, который хсрш», т. е. обходится дешево. Плиний Старший, из которого приведены все эти положения, подкрепил их примером Тария Руфа, загубившего миллионы сестерций «возделываньем на славу» имения, которое он приобрел, и авторитетом седой старины, требовавшей «не расходов, а работы» и объявившей будто бы, что «самое убыточное это превосходная обработка земли» (Plin., NH, XVIII, 36—43). Итальянские хозяева, по ироническому замечанию Колумеллы, начали считать «первым и самым верным доходом отсутствие всяких трат» (IV, 3, 3). Учение стойков об истощении земли, встретившее в это время полное сочувствие среди крупных итальянских землевладельцев, должно было еще более укрепить хозяина в том убеждении, что нет смысла возделывать земли очень хорошо. Теория хозяйства, требовавшего ведения его «плохими средствами, которые хороши», возникшая вследствие упадка сельского хозяйства, привела к созданию агрономического кодекса, главным принципом которого было сокращение расходов. Автором этого кодекса является Цельс, живший в I в. н. э. и написавший сельскохозяйственную энциклопедию в пяти книгах. От нее дошли до нас только отрывки, но некоторые из них очень красноречивы. Цельс, например, советует пахать землю легкими плужками, потому что в этом случае хозяин может обойтись волами мелкой породы, которые и стоят дешевле и которых

дешевле содержать. Что Цельс имел в виду не места с легкой почвой, это несомненно: кампанскую terra pulla принято было пахать на ослах и на коровах (Varro, Rr, I, 19, 4), и сам Колумелла назначил осла в числе его работ вспашку легких земель (VII, 1, 2). Тяжелые же почвы в Италии требовали глубокой вспашки, тем более что комбинированные культуры в Италии того времени были широко распространены. Совет Цельса и означал, по существу, отказ от глубокой пахоты. В другом месте он рекомендует хозяину не мотыжить бобов: это сэкономит ему и время и рабочую силу, а кроме того принесет и некоторый доход: с невыполотого бобовища можно скосить воз сена. Черепичные ульи он советует заводить потому, что с ними можно не бояться ни пожара, ни вора. Вряд ли можно думать, что мы имеем здесь дело просто с агрономической безграмотностью: Цельс, конечно, понимал и значение глубокой пахоты и необходимость мотыжить и пропалывать посевы и делать для пчел ульи легкие, переносные, не накаляющиеся от зноя и не промерзающие зимой. Поручкой за его осведомленность в сельском хозяйстве является отношение к нему Колумеллы, его страстного и принципиального противника: Колумелла уважал Цельса и неоднократно на него ссылался. Цельс совершенно сознательно рекомендовал хозяину снижать в ряде случаев уровень агротехники и отказываться от методов и приемов, которые были выработаны и признаны итальянским хозяином прежних времен, потому что в этом отказе видел, как и большинство его современников, спасение хозяйства.

У Плиния, как указано выше, имеется теоретическое обоснование этих практических наставлений. Любопытно, что высказывания его по этому поводу проникнуты сплошь и рядом полемическим раздражением: Плиний с кем-то спорит и кого-то стремится уколоть. Стоит просмотреть посвященные сельскому хозяйству книги его «Естественной истории», чтобы личность этого неизвестного противника бесспорно выяснилась: это Колумелла. Плиний не упускает случая кольнуть его словом, намеком, молчанием. Перечисляя наиболее известных писателей-агрономов (XVIII, 22—23), он заканчивает свой краткий перечень именем Варрона: «особо следует упомянуть М. Варрона, который на восемьдесят первом году жизни решил написать книгу о сельском хозяйстве», — Колумеллы будто и на свете не было. В своей книге о виноградарстве он называет замечательных виноградарей, своих современников: «в наше время найдется мало примеров совершенного знания этого дела. Тем менее возможно обойти их молчанием: пусть люди узнают о той награде, за которой во всяком деле больше всего гонятся» (IV, 47), — и он называет Ацилия Сфенела, Ветулена Эгиала и рассказывает о виноградарике Реммия Полемона; Колумелла, достигший в своих виноградниках действительно чудес, даже не упомянут. Рассказав о запахе земли, об урожаях в Африке и о том, как там пахут землю, он вдруг, без всякого повода, раздражается негодующей тирадой: «улучшать землю землей, как советуют некоторые, разбрасывая по тощей земле жирную и легкую, а пористую по сырой и очень жирной, — это безумие» (XVII, 41). Между тем именно Колумелла упоминает с одобрением опыты своего дяди: «дядя мой, Колумелла... часто насыпал на песчаную землю глину, а на глинистую и очень плотную — песок и таким образом заставлял пышно расти хлеба и выращивал прекраснейшие виноградники» (II, 15, 4); Колумелла с одобрением помянул известное изречение Магона: «кто купил имение, пусть продает дом в городе» (I, 1, 18), Плиний называет это изречение «жестоким и бесполезным для государства» (XVIII, 35); стоит Колумелле сказать, что в виноградниках должны работать колодники, потому что это наиболее толковые из рабов (I, 9, 4), как Плиний заявляет: «хуже всего обрабатывать земли с помощью колодников» (XVIII, 36). Это недоброежелательство и постоянное стремление изболочить

и опровергнуть объясняется просто: Колумелла был самым ярким представителем другого течения сельскохозяйственной мысли, требовавший интенсивной и рациональной культуры. Человек этот настолько замечателен и так мало известен, что на нем стоит остановиться подробнее.

Единственными источниками, откуда можем мы почерпнуть сведения о нем и о его жизни, служит одна надпись из Тарента, найденная в XVI в. и потом затерявшаяся, от нее сохранилась только копия, и собственное сочинение Колумеллы — двенадцатитомная сельскохозяйственная энциклопедия. На биографические подробности он, однако, скуп, и дать его биографию не только в современном понимании этого слова, но и в понимании, например, Плутарха, невозможно. Только кое-что можем мы извлечь из его слов, и лишь некоторые биографические данные установить.

Колумелла был современником Клавдия и Нерона и родился в Гадесе или в его окрестностях. Гадитанцы получили права римского гражданства еще при Цезаре; мы не знаем, принадлежал ли Колумелла к старинному римскому роду, выслевшемуся в Испанию с давних пор, или происходил от коренных испанских уроженцев, из которых кто-то путем усыновления вошел в древний род Юниев и положил начало испанской ветви этого рода. Связи с Испанией он, во всяком случае, не чувствовал никакой. Родину Колумелла покинул еще юношей, и родной страной для него стала Италия; славные герои римской старины, все эти Курии Дентаты, Фабриции и Цинциннаты, для него «наши старики» (*antiqui nostri* — I, предисл. 13); отчаявшиеся в урожаях и плодородии итальянской земли, римские вельможи именуется им «первыми людьми нашего государства» (*principes civitatis nostrae* — I, предисл. 1). Свои книги о сельском хозяйстве он пишет для Италии, имеет в виду особенности итальянских почв и климата и обращается к итальянскому виноградарю, хлебопашцу и скотоводу. Колумелла свой в Италии, и все для него здесь свое.

Ни о своих родных местах, ни о своих родителях Колумелла не говорит ни слова: ни одно воспоминание о них не врезалось в его душу. Прочно и почтительно сохранил он память только об одном человеке, которого знал в юности: о своем дяде с отцовской стороны, Марке Колумелле, «ученом и ревностном сельском хозяине» (II, 16, 4). Богатый землевладелец, хозяин нескольких имений, дядя этот был искателем новых путей и человеком подлинного творческого духа. Его смелые опыты по созданию почвенного горизонта (о чем говорилось выше) и по выведению новых овечьих пород крепко запомнились племяннику, бывшему их свидетелем. Дядя сыграл не малую роль в жизни молодого Колумеллы: его влияние, несомненно, сказалось и в выборе племянником сельского хозяйства в качестве жизненной карьеры, и в том направлении и духе, в котором он это хозяйство повел. Дядя остался для нашего Колумеллы, ставшего уже взрослым человеком и блестящим хозяином, неизменным авторитетом, и племяннику, видимо, доставляло удовольствие при каждом удобном случае вспоминать об учителе и спутнике своей далекой юности.

Мы не знаем, где получил Колумелла образование, но вопрос этот, по существу, значения не имеет: характер тогдашнего образования для людей определенного класса и состояния был повсюду одинаков: хорошее знакомство с литературой, греческой и римской, и умение владеть речью, вырабатываемое на упражнениях, строившихся по строго выработанным правилам реторики, вот что было, как известно, его основой и сутью. Колумелла вынес из школы знание греческого языка и хорошее знакомство с древними авторами, греками и римлянами. Цитаты из Гомера, Гесиода и Энния легко и уместно соскальзывали с его пера (I предисл., 20; I, 1, 3; II, 2, 7). Вергилия он не просто читал, а занимался им прилежно и пристально — настолько, что впоследствии даже «осмелился» идти по его сле-

дам (X предисл., 3) и, «выполняя волю почитаемого поэта», восполнил пробы в «Георгиках»: написал в стихах, где на каждом шагу встречаются реминисценции из Вергилия, целую книгу об уходе за огородными овощами. Писателей августовского времени он вообще хорошо знал: и Гораций и Овидий были ему близко знакомы. Из старых трагиков он высоко ценил Акция, удостоив его чести стоять рядом с Вергилием (I предисл., 30); читал старых историков (I предисл., 9: отрывок из Аппия Клавдия) и ораторов (I предисл., 30); вступление Цицерона в его «Ораторе» послужило ему образцом для заключительной части его введения к первой книге «Сельского хозяйства». Несомненно, что школе до известной степени обязан Колумелла и своим мастерством в искусстве владеть латинской речью: богатством своего языка, сознательным и тонким подбором синонимов, патетической градацией риторических вопросов и ясной стройностью в расположении материала.

Неизвестно, кто были школьные учителя Колумеллы и какая индивидуальная печать лежала на их преподавании. Несомненно одно: юноша вышел из школы с любовью и доверием к книге и с жаждой знания. Окончание школы не было для него прощанием со всеми умственными интересами: он продолжал учиться и учился всю жизнь. Занятия ли сельским хозяйством или какая-нибудь другая причина обратили его к изучению астрономии, но он читал греческих астрономов; любил шегольнуть, иногда даже без нужды, своим знакомством с Гиппархом и знанием специальной астрономической терминологии (I, 1, 4; II, 10, 10; III, 6, 4; IX, 14, 12) и был настолько осведомлен в небесных явлениях, что «составил книги против астрологов» (XI, 1, 31). От этого произведения ничего не сохранилось, но из слов самого Колумеллы явствует, что в нем содержалась полемика «с халдеями, бесстыдно обещающими перемену погоды в определенные дни». Судя по методу работы нашего автора, которую можно наблюдать в его «Сельском хозяйстве», он вряд ли удовлетворялся и в своем астрономическо-метеорологическом трактате одной эмпирикой; обычно он не обходился без теоретических обоснований. Его интерес к римской старине в связи с интересами сельскохозяйственными приобрел своеобразную окраску: он заинтересовался сельскохозяйственным бытом в его историческом аспекте и стал читать книги понтификов с намерением самому написать книгу о древних обрядах италийской сельскохозяйственной религии (II, 21, 5,—6). О его знакомстве со специальной сельскохозяйственной литературой сказано будет в дальнейшем.

О следующем этапе в жизни Колумеллы — о его военной службе мы узнаем из вышеупомянутой надписи, которая в переводе гласит следующее: «Луцию, сыну Луция, Юнию Модерату Колумелле из трибы Галерии, военному трибуну Шестого Железного легиона»¹. Имя лица, названного в надписи, целиком совпадает с именем нашего Колумеллы; жители Гадеса, по свидетельству ряда надписей (CIL, II, 1313, 1729, 1731 и др.), были приписаны именно к трибе Галерии; Шестой Железный легион стоял в Сирии и Киликии, и Колумелла сообщает, что он был как раз в этих местах (II, 10, 18). Комбинация всех этих данных позволила установить и время пребывания Колумеллы в М. Азии и его участие в военных действиях против одного дикого киликийского племени. Военная служба оставила глубокие следы в сознании Колумеллы: до старости продолжает он воспринимать явления окружающей повседневной действительности в аспекте воинском: имение, куда не заглядывает хозяин, напоминает ему

¹ Уже G. V e s c h e r, *De Lucii... Columellae vita*, 1898, правильно указал, что надпись эта не надгробная, а почетная. Тарент лежал на пути из М. Азии в Рим, и какой-то тарентинец, друг или сослуживец Колумеллы, чем-то ему обязанный, поставил эту надпись по поводу его возвращения (ук. соч., стр. 25 и 68, прим. 124 и 125).

войско, брошенное предводителем (I, 1, 18); виноградную лозу, приносящую из года в год богатый урожай, он сравнивает с солдатом, беспорочно отслужившим свою службу (III, 6, 4); толпа рабов выходит с рассветом на работу «словно в сражение, бодро и смело идя за виликом, как за военачальником» (XI, 1, 17). Его образцовый хозяин ведет себя по приезду в имение, словно полководец, производящий смотр своим солдатам и ревизию всему лагерю. Живучесть этих военных воспоминаний отнюдь не случайна: в военной службе было нечто глубоко созвучное натуре самого Колумеллы, энергичной, деятельной, жаждавшей борьбы и воспринимавшей как борьбу даже такую, казалось бы, мирную деятельность, как сельское хозяйство. И если он не остался на военной службе, то здесь действовали какие-то, к сожалению, ближе нам неизвестные причины чисто нравственного порядка, на которые наш автор намекает вскользь в бегло брошенном замечании, что служба эта «ничего не приносит без чужой крови и чужого страдания» (I предисл., 7).

Военный трибунал был в те времена для юноши из сенаторского или всаднического сословия вступлением к обычному *cursus honorum*. Путь этот был открыт и для Колумеллы, принадлежавшего к верхушке рабовладельческого общества. Об этой его принадлежности свидетельствуют и самый его военный трибунал, и его знакомства, и некоторые брошенные им слова. В числе его знакомых и друзей были такие люди, как консуляр Л. Волузий, один из богатейших людей своего времени (Тас., *Ann.*, XIII, 30), ведший однажды с ним беседу о том, каких колонов считать наилучшими; Марк Требеллий, под начальством которого он служил в Сирии и с которым сдружился (*M. Trebellius noster* — V, 1, 2); Галлион, брат Сенеки, с которым он тоже был накоротке (*Gallioni nostro* — IX, 16, 2) и который был настолько знаком с занятиями Колумеллы, кругом его интересов и его вкусами, что наказывал ему написать в стихах об уходе за огородом. Свое сочинение Колумелла обращает именно к этому кругу, который для него является привычно своим («теперь большинство из нас часто бывает отозвано гражданскими магистратурами» — I, 1, 19).

Почему же юноша, по выходе из армии, не пошел обычной дорогой тогдашней состоятельной и знатной молодежи, не занялся адвокатурой, как Плиний Младший, и не выставил себя в качестве кандидата на первую из должностей? Может быть, присмотревшись ближе к столичной жизни, он почувствовал к ней такое отвращение, что бежал, говоря словами Варрона, в «поля, которые дала божественная природа»? Единственный материал, которым мы располагаем для ответа на эти вопросы, находится в предисловии к I книге, где Колумелла перебирает различные занятия, с которыми он познакомился в Риме, и описывает жизнь знатного римского общества. Его слова о «собачьем ремесле облаиванья богатых» и о защите преступников, губящей невинных людей, его характеристики пресмыкающегося клиента, а также кандидата, «покупающего честь и власть магистрата бесчестьем жалкого угодничества», и столичных прожигателей жизни, которые «тратят ночи на похоть и пьянство, а дни на азартную игру и на сон и почитают себя счастливыми, потому что не видят ни восхода солнца, ни его заката» (I предисл., 9—10 и 16), полны такой горечи и такого личного негодования, что, казалось бы, можно утверждать, что они продиктованы гневом суровой и честной души, для которой весь строй и обычай тогдашней жизни Рима был непереносим и отвратителен. К сожалению, у нас нет данных, которые позволили бы категорически отвергнуть другое предположение: не появились ли эта горечь и негодование в результате неудач, постигших нашего юношу в его искании магистратур и в его адвокатских выступлениях? Если это и так, то к чести молодого человека следует все-таки отнести то обстоятельство, что возмущенный своими неудачами и

в силу их увидевший всю изнанку столичной жизни, он сразу же от этой жизни отрекся и занялся тем, что было ему любезно с ранних лет, — сельским хозяйством. Он приобрел себе землю под Ардсей; затем, продав ее (III, 9, 2), обзавелся имениями в Лации (под Карсеолами и под Альба Лонгой), а также в Этрурии, под Церрами. Большими имения эти не были; говоря о них, Колумелла употребляет выражение «наши участочки» (*in agellis nostris* — III, 3, 14), которое, конечно, было бы неуместно в приложениях к латифундиям. На этих «участочках» он и повел свое хозяйство.

Можно составить себе некоторое представление о хозяйственных установках Колумеллы в начале его деятельности на основании его книги «О деревьях». Молодой хозяин испытывал, повидимому, потребность подвести итог тому, что он узнал в своей области, и он составил, по крайней мере, две книги по сельскому хозяйству; одну о полеводстве (она утеряна) и другую — о виноградниках и садах (сохранилась). В этой книге Колумелла предстает перед нами как прилежный и добросовестный ученик: он много читал Магона, с которым, вероятно, познакомился еще в Испании; присматривался к окружающим хозяйствам и считал усвоенные им практические правила и советы чем-то вроде сельскохозяйственных догматов, не нуждавшихся в пояснении и не допускавших возражений. Только дважды выступает он со своим мнением: в первый раз по поводу бурава, которым пользовались для прививки лоз и который Колумелла предпочел заменить буравом другой системы, и во второй, когда он говорит, что, «испытав на опыте такую культуру виноградника, он нашел ее неплохой». Юноша, оказывается, умел не только повторять с чужого голоса: он наблюдал, думал и выбирал. Эти размышления и наблюдения привели его к выводу, что та практика хозяйства, которая требует максимального сокращения расходов и снижения культуры, ведет хозяйство к гибели и во всяком случае не обогащает хозяина. Колумелла пошел другой, своей дорогой, на которой, надо думать, в начале оступался неоднократно: недаром же первым его советом начинающим хозяевам было не бояться ошибок, «потому что нет ни одной науки, в которой не учатся на ошибках» (I, 1, 16).

Мы не можем проследить шаг за шагом весь тот путь, который прошел Колумелла от начала своей деятельности и до того времени, когда у него была уже окончательно выработана система рационального ведения хозяйства. Систему эту он изложил в своем «Сельском хозяйстве», написанном уже на склоне жизни, когда он подводил итог и своим знаниям, и своему опыту и считал себя признанным учителем молодежи, избравшей сельское хозяйство своей деятельностью. Как выработывались отдельные пункты этой системы, мы сказать не можем: она лежит перед нами уже в готовом виде. Это не только свод конкретных сведений, свидетельствующих об очень высоком уровне итальянской агрономической науки, — это определенная программа, указывающая сельскому хозяину, что он должен делать, если он хочет процветания своего хозяйства. Вокруг в вопросах сельскохозяйственных господствует полнейшее невежество, — он должен учиться и знать; вокруг думают, что землю можно обрабатывать кое-как, — он должен помнить, что хозяйство доходно только при высокой степени культуры; вокруг все сваливают на плечи первого попавшегося негодного раба и сами ничего не делают, — он должен во все вникать сам: ревностная деятельность самого хозяина — великий залог успеха.

У кого же рекомендует Колумелла учиться молодому хозяину? Прежде всего он должен основательно ознакомиться с местной сельскохозяйственной практикой: «пусть он по каждому вопросу советуется с наиболее сведущими хозяевами» (I, 1, 3). Сам Колумелла эту практику знал хоро-

шо и относился к ней с полным уважением. У него часты ссылки на «сведущих деревенских хозяев», «на старых хозяев», на «осведомленных землевладельцев». Он хорошо знал деревенскую сельскохозяйственную терминологию, пользовался ею и любил при случае сослаться на деревенскую поговорку. Изложив правила такой важной работы, как мотыженье хлебов, он заключает свои предписания советом производить эту работу, «следуя обычаю местных жителей» (II, 11, 3). Лозы следует сажать только тех сортов, которые согласно одобрены местными виноградарями (III, 2, 31). Этого практического устного обучения, однако, мало: его следует дополнить специальным чтением. После Варрона, поместившего в начале своего «Сельского хозяйства» длинный список писателей-агрономов, в кругу людей образованных считалось невозможным приобщиться к вершинам сельскохозяйственного знания без книги. Колумелла повторил библиографическую справку Варрона, несколько изменив ее и дополнив списком всех латинских агрономов, своих предшественников и современников. Трудно сказать, читал ли он сам всех им перечисленных эллинистических авторов, сравнить с которыми его сочинение мы не имеем возможности, потому что от всех этих Аристандров и Евбулов, кроме имен, ничего не сохранилось. Латинскую же агрономическую литературу он знал хорошо и сумел кратко и выразительно охарактеризовать старых авторов; современников своих он помянул вежливо, что не помешало ему в дальнейшем вести с ними ожесточенные споры.

Предлагая начинающему хозяину «созвать на совет» названных им писателей (I, 1, 15) и «прилежно рыться в записях старых авторов» (I, 1, 3), потому что «у них найдется гораздо больше такого, что придется принять, чем такого, что нужно будет отвергнуть» (I, 1, 6), Колумелла тут же предостерегает его от слишком большого доверия к этому теоретическому книжному обучению: «произведения этих писателей скорее наставляют хозяина, чем делают его мастером своего дела» (I, 1, 6). И свое сочинение он сравнивает с костылями, которые «будут полезны не сами по себе, а в соединении с другим» (I, 1, 17). Этим «другим» оказывается собственная практика и опыт, из нее извлеченный.

Об опыте и практике говорил еще Варрон: «два пути в сельском хозяйстве дала нам природа: опыт и подражание... мы должны и подражать другим, а кое в чем и поступать по-иному и производить опыты, действуя при этом не наобум, а руководствуясь рассуждением» (Rr, I, 18,7—8), но у Варрона это было своего рода академическое замечание, и мы напрасно стали бы искать у него следов личного сельскохозяйственного опыта. Иначе обстоит дело у Колумеллы, который решительно провозглашает опыт учителем во всех областях и на него преимущественно опирается. Страницы его пестрят такими заявлениями: «опыт научил нас» (III, 9, 1—2) «на основании долговременного наблюдения» (III, 10, 19), «повинуясь длительному опыту» (III, 10, 8), «опыт осудил» (III, 17, 4). «Будем ставить опыты», предлагает он своему читателю: «если частично это и оказывается иногда убыточным, то в общем это дает прибыль: не будет ведь ни одного участка, возделыванье которого не принесло бы дохода, если хозяин путем многочисленных опытов добьется того, что будет выращивать на этой земле те растения, которые на ней пойдут всего лучше». Такой метод делает самые плодородные поля еще урожайнее, и поэтому «никогда не нужно оставлять самых разнообразных опытов» (*varietas experimentorum omittenda est nusquam* — I, 4, 5), — другими словами, надо неизменно стремиться к тому, чтобы лучше узнать свою землю и лучше ее обработать.

Боязнь расходов, отказ от вложений в землю и, как результат этого, снижение сельскохозяйственной культуры встретили в Колумелле горячего и убежденного врага. «Как он не понимает», обрушивается он на Цель-

са, советующего отказаться от глубокой вспашки, что «обильный урожай даст доход, который превысит наши издержки на покупку крупного скота» (II, 2, 24). По поводу сена, собранного с поля, где были бобы, Колумелла гневно замечает: «по-моему, только самый плохой хозяин может допускать, чтобы посевы у него зарастали травой... Я считаю, что бобы надо мотыжить трижды. Я знаю по опыту, что при таком уходе не только увеличивается их урожай, но делается меньше и шелуха их» (II, 11, 7).

Во всей своей книге он выступает злейшим и принципиальным противником теории, предлагавшей обрабатывать землю «плохими средствами, которые хороши». «Если любую отрасль сельского хозяйства не вести со знанием дела, заботливо и прилежно, то от нее, по моему разумению, дохода быть не может» (IV, 3, 4). «Поле дает не малый урожай, если его обработать заботливо и со знанием дела» (II, 2, 21). Кощунственно думать, что земля состарилась и утратила свое плодородие: «не усталость и не старость, как думает большинство, а наша собственная лень и бездеятельность сделала поля менее к нам благосклонными» (II, 1, 7). И виноградники не приносят дохода, потому что хозяева губят их «своей скупостью, невежеством и небрежностью» (III, 3, 6). Они поручают их любому бездельнику-рабу, только бы он дешево стоил; сами ничего не понимая в такой ответственной работе, как отбор чубуков, от которого зависит в дальнейшем плодородие лоз, они накладывают ее на «самого слабого и ни к чему негодного раба», руководствуясь тем соображением, что не способный по своей физической немогущности ни на какую тяжелую работу, раб этот все-таки в хозяйстве что-то будет делать. Уход за саженцами и лозами небрежен и плох. А между тем, стоит только заняться виноградным хозяйством «со знанием дела и прилежанием», и хозяин получит большие доходы. Что же конкретно должен делать он у себя на поле и винограднике, чтобы это поле и этот виноградник стал доходной статьей?

В языке Колумеллы, очень ярком и богатом метафорами, есть три глагола, которыми он любит пользоваться, когда речь заходит об обработке земли и уходе за растениями: «помогать земле», «помогать плодоношению» (*iuvare*); «лелеять землю» (*fovere*) и «побеждать землю» (*vincere*). «Природа не может осуществить в полной мере того, что она хочет, если ты не поможешь ей трудом и знанием» (IV 28, 2); «бесплодие земли можно победить и прилежной работой» (I, 4, 3). Эта «разумная и прилежная работа» обеспечит хозяину максимум дохода, а состоит она в том, чтобы не только не снижать того высокого уровня агротехники, который был уже достигнут в итальянских хозяйствах, а, наоборот, еще повышать его. «Можно получать большие урожаи, если ухаживать за землей, часто, во-время и умеренно ее удобряя» (II, 1, 7), — настаивает Колумелла, справедливо считая, что «прежние писатели, хотя и не обошли этого вопроса, но занялись им слишком невнимательно» (II, 13, 4). Он подробно описывает устройство усовершенствованного навозохранилища и добавляет к известным видам удобрения еще новые. Пахать он рекомендует самым совершенным из итальянских плугов с широким лемехом и отвалом; требует обязательного и двукратного мотыжения хлебов. Книги Колумеллы, посвященные виноградникам, представляют полный курс виноградарства, который во многих своих частях принимается безоговорочно учеными виноградарями современной Италии. Особо следует остановиться на опытах Колумеллы по возрождению аминейских лоз, старого и благородного итальянского сорта, который давал во времена Катона превосходные урожаи, а при Колумелле почти совсем вывелся, потому что, по общепринятому мнению, лозы эти «страдали как бы врожденным бесплодием» (III, 7, 2). Современники его обычно сажали привозные, преимущественно испанские и галльские лозы, дававшие много вина, но плохого сорта. Колумелла по-

ставил себе задачей вывести такую аминейскую лозу, которая давала бы обильнейший урожай. Работа эта заняла у него несколько лет и к тому времени, когда он писал свои книги по виноградарству, Колумелла мог считать ее завершенной: плодоносная аминейская лоза была выведена. Заставить вырождающееся растение покрываться обильными плодами и превратить бесплодные поля в щедрые нивы — это ли не торжество? У Колумеллы есть страницы, которые дышат упоением борьбы и победы; он уже считает, что человеческим силам нет преграды. Бывают ведь места, где нельзя держать ни скота, ни птицы: как же тут удобрять землю? «Только ленивый хозяин окажется и здесь без удобрения», отвечает Колумелла и дает подробный рецепт изготовления компоста (II, 14, 5—6). Мех вина с югера считался хорошим урожаем: «мы думаем, что виноградники, дающие меньше трех мехов с югера, следует выкорчевывать» (III, 3, 11). Атик пишет, что между взрослыми лозами можно посадить 14 тыс. саженцев, — нет, этого мало: можно посадить их 20 тыс. и можно так ухаживать за ними, что платить за них будут с охотой вдвое против обычного: не триста сестерций за тысячу, а шестьсот (III, 3, 12—14). Нормальным доходом с югера он считает почти 13 тысяч сестерций. Все эти цифры должны служить наглядным доказательством того, как выгодно сельское хозяйство, в частности виноградарство, если вести его не кое-как, «хорошо и плохо», а на самом высоком уровне тогдашней агротехники.

Колумелла был самым ярким представителем тех сельских хозяев, которые видели спасение хозяйства в том, чтобы всемерно повышать его культуру. Голоса, требовавшие этого повышения, раздавались и раньше. В таком именно духе писал Грецин, отец знаменитого Агриколы. Вспомним тех «сведущих хозяев», на которых ссылается сам Колумелла. Он сознательно берет на себя роль учителя и свою книгу пишет с расчетом на всю Италию, — поэтому так гибки его советы, приспособленные и к разным почвам, и к особенностям климата, и к своеобразию культур. Выход его книг (он выпускал их последовательно) бывал событием в среде сельских хозяев того времени: их читали и перечитывали; счастливый обладатель переписанного экземпляра устраивал у себя своего рода публичные чтения; прочитанное обсуждалось, вызывало и одобрение и горячие споры (IV, 1, 1). Если у Колумеллы были непримиримые противники из среды людей, считавших, что «хорошо возделывать землю убыточно», то, конечно, у него были ученики и сторонники: те неизвестные виноградари, для которых его книги о виноградарстве были постоянным руководством и справочником и которые охотно переплачивали ему вдвое, лишь бы иметь хорошие саженцы (III, 3, 13); те, кто читал и учился сельскому хозяйству из книг и на практике, кто неустанно следил за работой у себя в имении, устраивал вымощенные ямы для навозохранилища, заводил хорошие плуги, двукратно мотыжил хлеба, одним словом стремился обработать свои земли на славу. Весьма вероятно, что эти люди достигали в своих имениях успехов, не менее блестящих, чем сам Колумелла.

И, однако, мы видим, что сельское хозяйство древней Италии катится под гору: успехи передовых хозяев и самого Колумеллы оказались эфемерными, и работа их пошла прахом.

Пройдет еще немного лет, и Плиний Младший заговорит о неурожаях, об общем упадке цен на землю в Италии, о недостатке рабочих рук, а Траян будет вынужден издать указ, обязывающий сенаторов приобретать земли не в провинциях, а в Италии: добровольных покупателей на италийские имения становилось, повидимому, мало. Чем же объяснить, что деятельность Колумеллы и его сторонников не оказала никакого существенного влияния и что положение сельского хозяйства, несмотря на все их старания, несколько не улучшилось?

В рабовладельческом хозяйстве мало было победить и переделать природу; имелась еще сила, без которой хозяин ничего не мог сделать и которую тоже надо было покорить: это были рабы.

Чрезвычайно интересно, каким образом действует в этом направлении итальянский рабовладелец. Катон не ломал себе головы над вопросом о рабах: он считал, что их надобно сытно кормить, как следует одевать и стараться заполнить все их время работой и сном. Для хозяина это навсегда осталось идеалом рабского существования. Жизнь, однако, показала его несостоятельность: свести раба до уровня рабочей скотины и удовлетворить его только едой и теплым плащом оказалось невозможно. Мало было, чтобы раб работал; надо было, чтобы он работал хорошо, а в хозяйстве с высоким уровнем культуры качество работы становилось насущной необходимостью. Нужно было заинтересовать раба в работе, и уже Варрон (Rr, I, 17,5—7) рекомендует хозяину ряд мер, которыми этого можно достигнуть.

Колумелла очень заботится об улучшении быта своих рабов: для них отводится одно общее, большое и высокое помещение, где «во всякое время года могут с удобством проводить время рабы»; для «раскованных рабов» (т. е. которым хозяин настолько доверяет, что они ходят на свободе без оков) устроены особые комнаты, расположенные с таким расчетом, чтобы зимой они были залиты солнцем, а летом находились в тени; для рабов-колонииков предназначен «очень здоровый подвал, освещенной множеством узких окошек» (I, 6, 3—4). Тем, кто работает под открытым небом, выдают кожаные или теплые плащи с капюшоном для защиты от холода и дождя (I, 8, 9). Виллику ставится в обязанность следить за тщательным приготовлением хлеба и здоровой пищи для рабов (I, 6, 12). Внимание хозяина к своим «говорящим орудиям» этим не ограничивается. Колумелла создает целую систему психологической атаки раба; тут и награды, и почет, и хозяйская ласка, и внимание. Если Варрон рекомендовал систему наград и поощрений преимущественно для тех рабов, которым хозяин поручал надзор за другими рабами и начальство над ними, то Колумелла идет гораздо дальше: он не только награждает рабов, которые деятельны и старательны (I, 8, 19); он стремится к тому, чтобы раб меньше чувствовал горечь своего существования. «Новые производительные силы требуют, чтобы у работника была какая-нибудь инициатива в производстве и склонность к труду, заинтересованность в труде»¹. Хозяин держит себя с рабом запросто: он шутит с ним, отвечает на его шутки, советуется с ним о новых работах. Он умело создает соревнование между рабами и умеет подстрекнуть их самолюбие, а по отношению к рабам, закованным в цепи, выступает в роли заботливого защитника и охранителя от всяких притеснений. О побоях нет и речи: виллику приказано лучше спускать рабу, чем быть жестоким.

Колумелла нигде не говорит, удалось ли ему победить раба, но, судя по некоторым его вскользь брошенным замечаниям: «я не раскаиваюсь, что соблюдал эти правила» (I, 8, 15) или «такая хозяйская заботливость много содействует обогащению» (I, 8, 19), можно думать, что он и здесь одержал победу. Победа эта только ни в коем случае не могла быть прочной: дело в том, что тот высокий уровень культуры, который требовал Колумелла, ложился на раба добавочной и мучительной тяготой.

Хозяева, считавшие, что они могут удерживать свое хозяйство от краха путем упрощения и облегчения сельскохозяйственных работ, хотя бы это облегчение и связано было с понижением агротехники, это бессознательно чувствовали. Возьмем несколько конкретных примеров. Колу-

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 120.

мелла требовал для хранения навоза устройства особых зацементированных ям, куда навоз сваливали, причем требовал его постоянно поливать, чтобы он не пересыхал, а в течение летних месяцев «перемешивать весь навоз в навозохранилище, чтобы он легче перепревал и был лучше для удобрения» (II, 14, 8). В хозяйствах, где не гнались за подъемом агротехники, навоз обычно сваливали просто в кучу, которую в защиту от солнечных лучей прикрывали ветвями. Такая работа была, конечно, гораздо легче и проще той, которую требовал Колумелла. Легкие плужки, которыми предлагал пахать Цельс, представляли собой широко распространенное в Италии пахотное орудие, которое Плиний очень удачно назвал «колом с клювом» (XVIII, 171). Пахать им было и не так трудно и не так сложно, как тем плугом, который имел в виду Колумелла, предписывающий глубокую вспашку. Мотыженье хлебов требовало от работника величайшей осторожности и старания, и Цельс недаром советовал от него отказаться, по крайней мере, в некоторых случаях. От тщательности и сложности ухода за виноградной лозой у Колумеллы нечего и говорить. Нечего и спрашивать, где было рабу легче и вольготнее: в хозяйствах, где не гнались за высокой его культурой, или в хозяйствах, где требовали постоянного ее повышения. В этом повышении был заинтересован только хозяин; только хозяину приносило оно доход и выгоду; на раба всякое усовершенствование в хозяйстве ложилось только лишним бременем. И если хозяину нужно было надолго отлучиться, если он серьезно заболел, если он оказывался человеком менее деятельным и энергичным и не обладал умением Колумеллы заставлять людей с охотой на себя работать, то хозяйство его, несомненно, начинало приходить в упадок.

Колумелла не мог этого не видеть. При всей вере его в могущество человеческой воли и человеческого знания, он должен был признать, что существуют условия, при которых хозяину следует отказаться от самостоятельного ведения хозяйства: если это хозяйство не находится под его постоянным надзором, то с рабами сладу не будет и лучше передать землю колону. Чрезвычайно выразительна картина полевого хозяйства в отдаленном имении, куда постоянно заглядывать хозяин не может: «рабы сдают рабочих волов в наем, плохо кормят их, так же как и остальную скотину, пашут небрежно; показывают, что истратили семян на посев гораздо больше, чем было на самом деле; за посевами не ухаживают так, чтобы они хорошо шли, а когда хлеб уже убран на ток, то количество его ежедневно уменьшается, потому что они и сами его расхищают, и от других воров не берегут, и не дают честного отчета в том количестве, которое ссыпали» (I, 7, 6—7).

Производственные отношения в сельском хозяйстве Италии I в. н. э., особенно в ее передовых хозяйствах, перестали соответствовать характеру производительных сил, и неизбежен был переход к иной форме хозяйства, где это соответствие было бы восстановлено. Итальянский хозяин-рабовладелец отводит в своем хозяйстве все больше места арендатору-колону, и уже на рубеже I и II вв. н. э. во многих рабовладельческих хозяйствах колонны переводятся с денежной аренды на уплату натурой из полученного урожая. Замена раба колоном, который впоследствии, при феодализме превратится в крепостного, диктовалась законом обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

А. П. Каждан

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ*

Вопрос о падении рабовладельческой системы хозяйства и становлении нового, более прогрессивного, феодального способа производства — один из самых сложных вопросов, стоящих перед советской исторической наукой. Мы должны рассматривать процесс складывания феодального способа производства как процесс экономический, т. е. такой процесс, который не может быть сведен только к прямому насилию, к расширению вотчин знати и монастырей за счет мелкого и среднего землевладения, к закреплению свободных крестьян и арендаторов, к распространению патроната, частной юрисдикции, вотчинных тюрем и иных форм внеэкономического принуждения. В центре нашего внимания должно стоять вырождение старого способа производства, основанного на рабском труде, и созревание экономических предпосылок нового, феодального строя, основанного на эксплуатации непосредственного производителя, наделенного условиями производства. Процесс становления феодальных отношений выступает как прогрессивный процесс, ибо он приводит к созданию новых, более передовых форм собственности и в соответствии с этим новых форм эксплуатации непосредственных производителей¹.

При этом необходимо учитывать, что различные общественные формации подчиняются в своем экономическом развитии не только таким экономическим законам, которые общи для всех формаций, но и специфическим экономическим законам каждой социально-экономической формации². Следовательно, и переход от одной общественной формации к другой имеет в каждом конкретном случае специфические черты. Поэтому мы должны учитывать не только действие общих для всех формаций

* В дискуссионном порядке. См. ст. Е. М. Штаерман, Проблема падения рабовладельческого строя, ВДИ, 1953, № 2.

¹ Совершенно по-другому подходит к этому вопросу буржуазная историография, которая рассматривает становление феодального общества как возвращение вспять, к примитивным формам хозяйственной жизни: М. Rostowzew, Studien zur Geschichte des römischen Kolonats Lpz. — Berl., 1910 стр. 401; F. Heichelheim, Welthistorische Gesichtspunkte zu den vormittelalterlichen Wirtschaftsepochen, «Schmollers Jahrbuch», 56 (1932), стр. 1034.

² См. И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 71.

экономических законов, но и конкретно-историческое своеобразие процесса становления феодализма.

Падение рабовладельческого способа производства, как известно, было обусловлено исторической ограниченностью этого типа производственных отношений. На определенном этапе развития классового общества рабство сыграло прогрессивную роль. «Только рабство сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира — для греческой культуры»¹. Однако дальнейшее развитие производительных сил приводит к кризису рабовладельческих производственных отношений. Рабство в конечном счете превращается в оковы производства, в помеху для развития производства. «...Рабство, — говорит Ф. Энгельс, — сделалось экономически невозможным...»².

На определенном этапе исторического развития противоречие между старыми производственными отношениями и новым уровнем производительных сил обрекает на гибель рабовладельческий мир; в то же время экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил постепенно пробивает себе дорогу уже в недрах рабовладельческого общества, где начинают формироваться новые общественные отношения, покуда «коренная революция»³ не опрокидывает отживающие силы старого общества, открывая тем самым дорогу для победоносного шествия феодализма.

Переход к феодализму совершался не в результате постепенного саморазвития экономических форм, как это, например, рисует Ф. Эртель⁴, — он был осуществлен в борьбе с отживающими силами рабовладельческого общества.

Исследования советских ученых (В. С. Сергеева, А. В. Мишулина, Н. А. Машкина, А. Б. Рановича, Н. В. Пигулевской, М. В. Левченко, Е. М. Штаерман и многих других) позволяют в настоящее время представить основные моменты процесса становления феодальной системы хозяйства в недрах рабовладельческой формации, вскрывают прогрессивность перехода от рабовладения к феодализму. Е. М. Штаерман в статье «Проблема падения рабовладельческой формации», опубликованной в предыдущем номере ВДИ, предприняла попытку дать обобщающую характеристику этого процесса. Е. М. Штаерман считает, что кризис рабовладельческой системы, который начался в конце II в., уже в III столетии привел к поражению «старых рабовладельческих групп» (стр. 77). В IV в., по мнению автора, «рабовладельческая собственность потерпела окончательное поражение» (стр. 60). На смену рабовладельческой собственности уже в недрах Римской империи приходит феодализирующаяся собственность земельных магнатов. «Растущей и крепнущей формой собственности была собственность земельных магнатов, которая противостояла рабовладельческой собственности» (стр. 62). Эту феодализирующуюся знать автор рассматривает как передовой класс (стр. 63), считая, что на определенном этапе она находилась «в одном лагере со своим антагонистическим классом», с формирующимся классом феодально-зависимого крестьянства (стр. 78).

Мне кажется, что в интересной статье Е. М. Штаерман имеются некоторые внутренние противоречия. Действительно, автор, хотя и счи-

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1952, стр. 169.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1952, стр. 155.

³ Там же, стр. 155.

⁴ См. F. Oertel, САН, XII, стр. 280 и сл. Ср. также A. Calderini, La crisi del III secolo D. Cr., Milano, 1945, стр. 182.

тает магнатов передовым классом, указывает в то же время, что в наиболее полной ликвидации рабовладельческой собственности была заинтересована масса крестьянства — «зависимых земледельцев» (стр. 55; ср. стр. 63).

Далее. Хотя автор и признает наличие известной разницы в организации производства на землях магнатов и куриалов, однако основное разграничение она проводит по иной линии, считая, что муниципальное землевладение было ограничено «коллективом рабовладельцев» (стр. 70), тогда как магнатское землевладение являлось так сказать экзимирированным. «Феодализация шла, — прямо говорит автор относительно восточных провинций, — не столько по линии коренного изменения типа хозяйства, сколько по линии борьбы частной и полисной собственности» (стр. 75)¹.

Однако возникает вопрос, в какой степени правомерно считать полисную форму собственности коренной, существенной чертой рабовладельческих производственных отношений? Вряд ли это возможно, ибо сущностью этих последних является «... собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства — раба...»². Состояние производственных отношений в антагонистических формациях отвечает на вопрос, в чьем распоряжении находятся средства производства, в распоряжении каких лиц, групп, классов, но не на вопрос, как и на каких правах они распределяются среди господствующих групп и классов. На наш взгляд, полисный строй и полисную собственность в такой же степени нельзя считать сущностью рабовладельческих отношений, в какой феодально-ленная система не может рассматриваться в качестве основы феодализма.

Следовательно, борьба, которая действительно шла между крупными магнатами и куриалами, борьба, которая в значительной мере содействовала упадку муниципального (полисного) строя в III в., вряд ли знаменовала крушение рабовладельческой собственности и рабовладельческой формы эксплуатации трудящихся, подобно тому как крушение феодально-ленной системы еще не означало падение феодализма.

Далее автор уделяет недостаточное внимание вопросу о формировании в недрах рабовладельческого поместья самостоятельного хозяйства непосредственных производителей феодального типа, считая основой перехода от рабовладельческой виллы к «феодализирующейся» латифундии «расширение хозяйства за рамки некоего оптимального соотношения числа рабов и количества югеров земли» (стр. 67). «Концентрация земли и рабочей силы» (стр. 70) уже ведет, по мнению автора, к изменению «методов хозяйства», т. е. форм эксплуатации непосредственных производителей.

Таковы некоторые вопросы, на которые статья Е. М. Штаерман не дает, как мне кажется, достаточно ясных ответов. Это обстоятельство в значительной степени обусловлено состоянием источников. Хотя на первый взгляд может показаться, что мы располагаем немалым количеством разнообразных памятников, освещающих историю поздней Римской империи, однако содержащиеся в них данные об экономическом развитии общества весьма ограничены и скудны. Тот археологический материал, который может быть привлечен для характеристики развития орудий

¹ В соответствии с этим автор характеризует на стр. 77 правление Константина. Хотя Е. М. Штаерман признает, что законы Константина были направлены «на усиление власти господина над рабом», она отказывается видеть в деятельности этого императора проявление рабовладельческой реакции, так как он не поддерживал муниципального землевладения. Следовательно, отношение к формам земельной собственности автору представляется более существенным, нежели отношение к рабам.

² И. С т а л и н, Вопросы ленинизма, Госполитиздат, 1952, стр. 594.

труда, является в настоящее время еще спорадическим и случайным; письменные источники в большинстве случаев либо бегло затрагивают интересующую нас проблему (таковы нарративные памятники, письма, речи и т. п.), либо представляют собой сборники юридических норм, которые по самой своей природе дают несколько искаженную картину действительности, приспособленную к определенным декларативным задачам. И только надписи и папирусы открывают перед исследователем возможность познакомиться с подлинным положением непосредственных производителей, но эти источники — при всем их изобилии — почти всегда остаются материалом эпизодическим, освещающим данный конкретный факт, которому далеко не всегда можно придать обобщающее значение. Историк, исследующий проблему падения рабовладельческого способа производства, почти никогда не располагает массовым материалом, позволяющим строить широкие, основанные на статистических выкладках выводы — и поэтому его заключения сплошь да рядом остаются гипотетичными и спорными.

Последнее замечание в полной мере относится и к данной статье, которая отнюдь не претендует на какое-либо окончательное решение проблемы, на ее всестороннее освещение¹. Мне бы хотелось лишь обратить внимание на некоторые стороны этой проблемы, остающиеся нередко в тени.

В настоящее время можно считать несомненным фактом, что с конца II в. н. э. Римская империя была охвачена экономическим кризисом, который привел к росту цен, запустению земель, упадку городов, обнищанию населения. Однако историческая литература почти совершенно не уделяет внимания тому подспудному и, на первый взгляд, мало заметному явлению, которое на деле играло первостепенную роль, — росту производительных сил. Буржуазная историография, разумеется, даже и не ставит этой проблемы, ибо в большинстве случаев буржуазные античники не видят в экономической жизни поздней империи чего-либо, кроме упадка; те же из них, кто говорит о расцвете отдельных провинций под «мудрым» правлением деспотических императоров IV в., видят в этом «расцвете» не возникновение качественно новых явлений, но лишь с о х р а н е н и е античной цивилизации. Только в советской историографии был поставлен вопрос о прогрессивном развитии производительных сил в период империи. В этом отношении наиболее интересной является работа А. В. Арциховского «Социологическое значение эволюции земледельческих орудий»², где автор исследует изменение формы римского плуга, что явилось, по его мнению, предпосылкой для перехода от рабства к колонату. Со времени выхода в свет работы А. В. Арциховского прошло много лет, и накопленный материал позволяет теперь развить и уточнить сделанные им выводы.

Существенным усовершенствованием сельскохозяйственной техники было изобретение нового типа плуга, имеющего передок с колесами, двойные отвальные доски, резец, ярмо с вращающимся дышлом и новую форму лемеха. Самый факт изобретения нового типа плуга не подлежит сомнению, однако необходимо выяснить, насколько широко распространилось новое изобретение. Прямые известия об усовершенствовании античного плуга очень скудны. Плиний Старший (NH, XVIII, 172—173) отмечает, что в Ре-

¹ В частности, в статье не затронут важный, но плохо исследованный вопрос об экономической роли города на последнем этапе существования рабовладельческой формации.

² «Труды социологической секции РАНИОН», I (1927). Ср. также В. С. Сергеев, Разложение рабовладельческой системы и начало колоната в Римской империи, ВДИ, 1938, № 3, стр. 121 сл.

тии н е д а в н о стали применять плуг, который был снабжен парой колесиков (*rotulas*) и имел широкий лемех; в такой плуг надо было впрягать две-три пары волов. Таким образом, свидетельство Плиния позволяет довольно точно датировать появление колесного плуга началом I в. н. э.; при этом плуг этого типа был распространен в Ретии, что, может быть, связано с особенностями почвы в этой области. Неясное выражение Вергилия (*Georg.*, I, 174): *stivae, quae currus a tergo torqueat imos*, вряд ли можно рассматривать как свидетельство о существовании колесного плуга в I в. до н. э. Плиний, который хорошо знал «Георгики» (см., например, NH, XVIII, 181 и 187), не мог бы назвать изобретение колесного плуга «недавним», если бы *currus* Вергилия можно было понимать как плуг с передком. Второе прямое свидетельство о существовании колесного плуга — это замечание грамматика Сервия (около 400 г. н. э.), который писал в комментарии к «Георгикам», I, 174, что на родине Вергилия плуги снабжены колесами («*currus*) *autem dixit propter morem provinciae suae, in qua aratra habent rotas, quibus juvantur*). Такое осмысление слова *currus* принадлежит самому Сервию, который, несомненно, был знаком с применением колесного плуга, однако весьма существенно, что Сервий ограничивает распространение этого типа плуга сравнительно узкими территориальными рамками (*propter morem provinciae suae*).

Таковы немногочисленные свидетельства об усовершенствовании античного плуга. В то же время мы располагаем прямыми данными о сохранении в некоторых провинциях плугов старой системы. Так, изображение плуга на надгробии из Мезии¹ свидетельствует, что здесь и во II в. н. э. сохранялся плуг с подошвой и грядилем, не имеющий колес. Плуг, не имеющий колес, применялся повсеместно на протяжении всего раннего средневековья². Это обстоятельство заставляет нас внести определенные коррективы в наблюдения А. В. Арциховского. Разумеется, изобретение колесного плуга, распространившегося далеко не повсеместно, не могло быть причиной перехода к колонату, хотя, конечно, применение этого плуга в Ретии, а позднее и в Сев. Италии, несомненно, содействовало повышению производительности труда. Такой плуг делал ненужной многократную вспашку почвы, значительно сокращал труд по окучиванию посевов и, в конечном счете, приводил к увеличению урожайности при сокращении времени, необходимого для обработки земли.

Плуг не был единственным усовершенствованием в римской сельскохозяйственной технике периода империи. Плиний (NH, XVIII, 296) рассказывает, что в галльских латифундиях применялись специальные приспособления для уборки урожая, которые состояли из короба на двух колесах и рабочего края с укрепленными на нем зубцами; бык толкал этот короб сзади, и срезанные зубцами колосья падали вовнутрь. Широкое распространение этих жаток в Галлии IV в. засвидетельствовано Палладием (VII, 2). Впрочем, применение таких жаток уживалось с самыми примитивными способами уборки урожая. Тот же Плиний (NH, XVIII, 297) отмечает, что просо в Галлии убирают вручную, выдергивая метелку за метелкой.

В. С. Сергеев причисляет к изобретениям эпохи империи «механизированную молотилку» (*plustellum roenicum*)³, однако вряд ли мы можем считать это изобретение римским: применение молотильных досок было

¹ Т. Д. Златковская, Мезия в I—II вв. нашей эры, М., 1951, стр. 92, рис. 12.

² См. Е. Э. Л и н ш и ц, Византийское крестьянство и славянская колонизация, «Византийский сборник», М.—Л., 1945, стр. 107; Ch. P a r a i n, «Cambridge Economic History», т. I, 1942, стр. 140.

³ В. С. Сергеев, ук. соч., стр. 122. См. подробно RE, s. v. *tribula*.

известно уже в эллинистических государствах¹. Все же, повидимому, именно в первые века нашей эры «молотилка» получила относительно широкое распространение: о ней говорит Сервий в комментариях к Georg., I, 164; образец такой молотилки, найденный в Египте, датируется около 600 г. н. э.²

Гораздо более существенное значение имело широкое распространение водяных мельниц. Водяная мельница — изобретение эллинистического времени (Strabo, XII, 556; Ant. Pal., IX, 418); особенно подробно она описана Витрувием (X, 5, 2). Однако до IV в. ее применяли сравнительно мало — жернова приводили в движение либо рабы, либо рабочий скот. Об этом свидетельствует известное описание мельницы в «Метаморфозах» Апулея и, что особенно существенно, рассказ церковного историка Сократа (V, 18). По его словам, римские хлебопеки конца IV в. похищали людей и заставляли их работать на своих мельницах³.

Но уже с IV в. водяная мельница постепенно вытесняет человеческий труд по размолу зерна. Авсоний (Mos., 362) упоминает о водяных мельницах в долине Мозеля; применение водяной мельницы знакомо и Палладию (I, 41)⁴. Существенное усовершенствование в устройство водяных мельниц было внесено в VI в., когда стали сооружать пловучие мельницы, не зависевшие от спада воды в реке⁵.

Специфическое совершенствование сельскохозяйственной техники имело место в Египте: здесь в VI в. сравнительно широко стали применяться *μηχανή* для поливания полей⁶. О внимании к вопросам ирригации в византийском Египте свидетельствует строительство нового ниломера⁷. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что развитие производительных сил в Египте не совершалось гладко и постепенно. С середины III в. н. э. Египет был охвачен кризисом, который сказался прежде всего в Фаюме⁸. Папирусы из Теадельфии рисуют упадок оросительной системы, запустение хозяйств и уменьшение численности населения⁹. Только в VI в. этот кризис до некоторой степени был преодолен, и прежде пустовавшие земли вновь стали возделываться.

Рост производительных сил выражался не только в появлении новых орудий труда, но и в совершенствовании опыта, в распространении трудоемких культур, требующих значительной квалификации работника производства. В период империи мы можем наблюдать в отдельных провинциях вытеснение зернового хозяйства более интенсивным садоводством и виноградарством. Даже в Ахайе, которая, как известно, переживала в I—II вв. период экономического упадка, мы можем наблюдать распространение интенсивного виноградарства и разведения оливки вблизи от городов; судя по указу императора Адриана, оливковое масло было предметом вывоза из Аттики¹⁰. Сходным, повидимому, было развитие Киренаи-

¹ М. Э. Матъе («Очерки по истории техники древнего Востока», М.—Л., 1940, стр. 268) указывает, что молотилка («норак») появилась в Египте по крайней мере в III в. до н. э.

² Там же, стр. 268. Ср. Кирилл Александрийский, PG, 70, стб. 838.

³ О рабах, посылаемых на мельницу, говорит и Либаний (Or. XXV, 13).

⁴ Ср. также СTh, XIV, 15, 4; CIL, VI, 1711; Cassiod., Var., III, 31, 2. См. RE, s. v. Μύλη, стб. 1067. Они появляются также и в Англии, E. Demougeot, De l'unité à la division de l'empire Romain, P., 1951, стр. 52.

⁵ P. Grosop., De bell. Goth., I, 19, 20.

⁶ A. C. Johnson — L. C. West, Byzantine Egypt, Princeton, 1949, стр. 11.

⁷ М. Э. Матъе, ук. соч., стр. 259.

⁸ A. C. Johnson, The *ἐπιβολή* of land in Roman Egypt, «Aegyptus», 32 (1952), стр. 67 сл.

⁹ P. Thead. 16 (307 г.). Ср. P. Оху. 1409 (278 г.). См. F. Oertel, САН, XII, стр. 268 и 276.

¹⁰ О. В. Кудрявцев, Герод Аттик и социальная борьба в Афинах, ВДИ, 1951, № 3, стр. 59 сл.

ки, которая некогда являлась одним из важнейших центров зернового хозяйства; в IV в. здесь, насколько можно судить по письмам Синесия, основную роль в хозяйстве играет скотоводство (Ерр. 129 b и 109), а также производство вина и оливкового масла (Ер. 67).

Даже в Африке, которая продолжала оставаться житницей Рима еще и в IV в., мы можем наблюдать аналогичный процесс. Надписи свидетельствуют, что время от времени африканские города испытывали нехватку хлеба¹, и в то же время в разных областях северной Африки распространялись оливки. Если Плиний (NH, XV, 8) указывал, что Африка производит сравнительно мало вина и оливкового масла, то со II в. оливковые насаждения появляются в таких областях, которые при Плинии еще казались непригодными для оседлой жизни². Когда арабы завоевали Африку, им казалось, что эта страна обязана своим богатством оливке³. Распространение виноградарства можно наблюдать в это время в Далматии, Паннии, Мезии, в долине Мозеля и даже в Англии.

Такое вытеснение зернового хозяйства интенсивным садоводством и виноградарством стало возможным и в известной мере было обусловлено прогрессом земледелия у северных соседей империи. Изучение памятников культуры «полей погребений» показывает, что славяне в первые века нашей эры значительно усовершенствовали технику сельского хозяйства, производили хлеб на продажу и получали в обмен римские монеты, находки которых весьма многочисленны⁴. Аналогичный процесс имел место и у германцев⁵.

В настоящее время мы еще очень далеки от того, чтобы нарисовать полную и всестороннюю картину развития производительных сил в Римской империи⁶. Однако и теперь уже можно говорить о наличии двух противоположных тенденций их развития. С одной стороны, империя переживала возврат земледелия к более низкому уровню⁷, сопровождавшийся распространением экстенсивного скотоводства и экономическим кризисом, голодовками и обнищанием трудящихся масс. Этот упадок земледелия и экономический кризис были обусловлены тем, что античное рабство пережило себя.

С другой стороны, чрезвычайно медленный, подспудный прогресс сельскохозяйственной техники, который выразился в распространении колесного плуга и некоторых сложных орудий («жатка», «молотилка» и т. п.), в развитии огородничества, виноделия и маслоделия, в сравнительно широком применении водяных мельниц, подготавливал становление нового способа производства. «Сначала изменяются и развиваются производительные силы общества, а потом, **в зависимости** от этих изме-

¹ Сводку африканских надписей о неурожае см. Н. А. М а н к и н, Из истории африканских городов во II—III вв. н. э., ВДИ, 1951, № 2, стр. 80, прим. 4.

² Многочисленные находки прессов для выжимания оливки отмечены у S. G e l l, Atlas archéologique de l'Algérie, Alger — Paris, 1911. См. R. M. H a y w o o d, ESAR, IV стр. 45.

³ A. S c h u l t e n, Das römische Africa, Lpz. 1899.

⁴ М. А. Т и х а н о в а, Культура западных областей Украины в первые века н. э., МИА, 6 (1941); В. Д о в ж е н о к и М. Б р а й ч е в с к и й, О времени сложения феодализма в древней Руси ВИ, 1950, № 8. О развитии зернового хозяйства в Крыму и на Кубани см. В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 351 и 370.

⁵ О привозе хлеба с севера (из Германии, Галлии, Паннии) см. C l a u d i a n, In Eutrop., I. 404—409; A m b r o s., Ер 18, 21.

⁶ Мы оставляем в стороне почти совершенно не разработанный вопрос об изменении ремесленной техники в период Римской империи. Отдельные замечания о прогрессивном развитии ремесла (в частности, художественного литья) в V—VII вв. см. Л. А. М а ц у л с в и ч, Погребение варварского князя в Восточной Европе, М.—Л., 1934, стр. 36, стр. 89 слл.

⁷ См. Ф. Э н г е л ь с, Происхождение семьи..., стр. 154.

нений и соответственно с ними — изменяются производственные отношения людей, экономические отношения людей»¹. Этот медленный прогресс сельскохозяйственной техники приводил к необходимости повышения заинтересованности работника производства в своем труде; результатом этого процесса явилось то, что мелкое самостоятельное производство стало единственной выгодной формой земледелия.

Развитие производительных сил не протекало спокойно и гладко: оно наталкивалось на сопротивление старых производственных отношений, которые тормозили развитие материальной жизни общества. Нам следует теперь поставить вопрос, было ли это противоречие производительных сил характеру производственных отношений изжито до падения Римской империи или нет. Иначе говоря, вправе ли мы говорить о том, что рабский труд в конце империи перестал быть основой производства? ²

Данные памятников права, касающиеся рабства в период империи, были детально обработаны рядом исследователей и в последнее время — Е. М. Штаерман³. Из произведений юристов II—III вв. следует, что рабы в это время приобретают известные имущественные права и относительную правовую защиту. Можно привести, как это и делает Е. М. Штаерман, отдельные казусы, касающиеся богатых и влиятельных рабов, рабов, которые способны оплатить долги своего господина, рабов, имеющих своих рабов, и т. д. Эти замечания юристов находят подтверждение в данных надписей, свидетельствующих о наличии у рабов своей семьи, своего имущества (например, OGIS, 678; CIL, VIII, 1898 и др.).

Однако в какой мере мы можем обобщать эти наблюдения? Вправе ли мы говорить о «нивелировке сельского населения»⁴, о фактическом слиянии рабов и колонатов? Ведь эти юридические казусы, равно как и надписи, упоминающие рабов, относятся в своем большинстве к рабам, занимающим исключительное положение, к узкой прослойке привилегированных рабов. Не в эпитафиях и не в решениях юристов следует искать ответа на вопрос о роли и месте рабского труда в период Римской империи, хотя, разумеется, самый факт появления привилегированных рабов следует считать симптоматичным.

Прежде чем перейти к рассмотрению немногочисленных данных о труде рабов во II—VI вв., я хотел бы указать на один чрезвычайно важный вывод, сделанный Е. М. Штаерман. Она совершенно справедливо отмечает, что степень развития рабовладения не была одинакова во всех провинциях империи; в частности, она считает, что в придунайских и прирейнских провинциях число рабов было сравнительно незначительно⁵.

¹ И. Сталиц, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 591—592.

² Именно так ставит вопрос Е. М. Штаерман, Рабство в III—IV вв. н. э. в западных провинциях Римской империи, ВДИ, 1951, № 2, стр. 95 и 105. Наоборот, М. Я. Сюсюмов, Еще раз о юридических источниках для истории колоната, ВДИ, 1951, № 4, стр. 84 и сл., полагает, что феодализм не развился постепенно, в недрах античного мира, что класс феодально-зависимых крестьян в IV—VI вв. еще не сложился.

³ Е. М. Штаерман, ук. соч., стр. 86 слл.

⁴ Так — Е. М. Штаерман, К вопросу о крестьянстве в западных провинциях Римской империи, ВДИ, 1952, № 2, стр. 113. Сразу же отмечу, что автор при анализе источника подчас вынужден искажать текст для доказательства этого тезиса. Так, Е. М. Штаерман (ук. соч., 112), доказывая, что свободные и рабы жили в одних и тех же поселениях, ссылается на «Метаморфозы» Апулея, где будто бы идет речь о виллике, влюбившемся в одну из свободных женщин, живших среди рабов. Однако Апулей, Met. VIII, 22, называет эту женщину *libera extrariaque*, т. е. свободная и чужая, подчеркивая как раз, что она не жила среди рабов. Тезис о совместных поселениях рабов и свободных оказывается подкрепленным несубсидиальным свидетельством источника.

⁵ Е. М. Штаерман, Рабство в III—IV вв. н. э., стр. 97—98. Несколько неожиданным только является утверждение автора, что цены на рабов в дакийских

Разумеется, относительная неразвитость рабовладельческих отношений в этих окраинных провинциях в III в. не может рассматриваться как результат кризиса рабовладельческой системы: здесь, в сравнительно отсталых областях, еще не сложилась рабовладельческая система, рассчитанная на производство прибавочной стоимости, и ведущей формой хозяйства оставалось мелкое и среднее свободное хозяйство с применением труда нескольких рабов.

То же самое можно сказать и относительно ряда восточных провинций. По мнению А. Б. Рановича¹, в Ликии и Памфилии рабский труд применялся сравнительно мало; столь же незначительно было и применение рабского труда в Верхнем Египте². Совершенно естественно, что материал, относящийся к этим провинциям, не проливает света на э в о л ю ц и ю рабовладельческой системы в Римской империи.

Для выяснения этого вопроса обратимся прежде всего к характеристике рабовладения в Римской Африке. Ценным источником для изучения положения в Африке II в. является «Апология» Апулея. В частности, Апулей свидетельствует о применении рабов для обработки земли (*ad agrum colendum*) (Apol., 17,1). Еще более интересен его рассказ об Эмилии Пудентилле из Триполи, которая подарила своим детям плодороднейшие поля, великолепное поместье (*grandem domum*), огромные запасы хлеба, вина, оливки, не менее 400 рабов, скот и т. д. (Apol., 93,4). Из всего контекста ясно, что речь идет о сельских рабах; перед нами — большое поместье, обрабатываемое трудом рабов. Сельские рабы сохранялись в Африке и позднее: африканские *mancipia rustica* упоминаются в CTh, X, 8,4 (346 г.?)³. О рабах часто упоминает Августин, однако из его слов мы не можем представить себе ту роль, которую они играли в хозяйстве начала V в. Во всяком случае чрезвычайно показательным его утверждение, что почти в каждом доме имеются рабы⁴. Еще более показателен рассказ жития Мелании Новой (начало V в.), которая владела обширнейшими поместьями не только в Африке, но и в других провинциях (в Сицилии, Испании, Галлии); житие говорит о тысячах рабов, которые трудились в поместьях Мелании⁵.

Разумеется, было бы совершенно неправильно подчеркивать только факт сохранения рабства и закрывать глаза на те изменения, которые оно переживало: источники сохранили известия, говорящие о новых чертах рабовладельческих отношений в Африке. Мы знаем о существовании здесь *casarii*, рабов, наделенных известным имуществом (CTh, IX, 42, 7, 369 г.). Это свидетельство подкрепляется данными надписей. Надпись CIL, VIII, 27550, относящаяся ко времени Септимия Севера, была поставлена на свой счет (*suo sumpto*) тремя братьями, которые называют себя императорскими *vernae*. Надпись CIL, VIII, 20578 является эпитафией некоего Таррация, отец которого был *casarius*; сам Тарраций назван *verna vectigalis*.

табличках конца II в. колебавшиеся от 250 до 600 денариев, были чрезвычайно высоки и во много раз превосходили цену на рабов в Африке. В действительности же средняя цена раба во II в. равнялась примерно 500 денариям, см. S. Gsell, *Esclavage rural dans l'Afrique romaine*, «Mélanges G. Glotz», P., 1932, т. I, стр. 399. Ср. В. Вестерман, *Рабство в Римской империи*, в кн. А. Валлон, *История рабства в античном мире*, Огиз, 1941, стр. 602 слл.

¹ А. Б. Ранович, *Восточные провинции Римской империи в I—III вв.*, М.—Л., 1949, стр. 91.

² M. Gelzer, *Studien zur byzantinischen Verwaltung Aegyptens*, Lpz., 1909, стр. 67.

³ Ср. также *mancipia* в CTh, X, 1, 2 (319 г.)

⁴ *August.*, *Enarr. in psalm.*, 124, 7, см. S. Gsell, *ук. соч.*, стр. 400.

⁵ PG, 34, стб. 1230. См. S. Gsell, *ук. соч.*, стр. 402; Н. И. Львов, *Из истории кризиса Римской империи во второй половине V в. н. э.*, УЗ МГПИ им. В. П. Потемкина, т. 13 (1950), стр. 8.

В то же время продажа детей в рабство (CTh, XI, 27, 2, 322 г.), обилие alumni — рабов из числа найденных детей, обращение в рабство ливийцев (August., Ep. 199) — все это свидетельствует об известной силе и стойкости рабовладельческих отношений. Мы не можем с точностью определить удельный вес рабского труда в Римской Африке II—V вв., но рабство, несомненно, сохранялось здесь в качестве уклада и его влияние сказывалось на всей организации производства.

Для характеристики аграрных отношений в Галлии IV в. первостепенное значение имеет сочинение Палладия Рутилия, изученное Е. М. Штаерман. Она убедительно показала, что ремесленники, птичники и скотники, о которых говорит Палладий, были рабами. Но кто же те rustici, которые выполняют основные работы в хозяйстве Палладия? В более ранней работе Е. М. Штаерман очень осторожно указывала, что их нельзя считать «рабами в классическом смысле», что это «могли быть» колонны или работники, оплачивавшиеся натурой¹. Гораздо решительнее она высказывает свое суждение в более поздней работе. «Ясно, — пишет она, — что эти rustici и есть колонны и крестьяне, по положению уже сблизившиеся с колоннами»².

Мне кажется, что Е. М. Штаерман в данном случае слишком смело истолковывает источник. Ведь она сама признает, что Палладий рекомендует не сдавать землю самостоятельным хозяевам и колонам, что работают rustici под наблюдением надсмотрщиков, что землевладельцу принадлежит не только инвентарь, но и одежда работников. Вряд ли из всего этого «ясно», что rustici Палладия были колоннами. Наоборот, мы должны прийти к выводу, что хотя и не все работники в описанном Палладием поместье являлись рабами, все же труд в нем был организован по старому принципу, и непосредственные производители — являлись ли они по своему правовому статусу рабами или нет — не имели своего хозяйства и не были, следовательно, мелкими самостоятельными производителями. Такое истолкование данных Палладия подтверждается и известием его современника Паулина из Пеллы, который рассказывает (Eucharisticus, 187 и слл.), что в его поместье трудились рабы, побуждаемые, по его словам, примером господина, а то и понуждаемые против воли его суровостью. Следовательно, поместье Паулина не представляло собою комплекса самостоятельных хозяйств зависимых и полузависимых людей, но латифундию, обрабатываемую рабами, принуждаемыми к труду против их воли, не заинтересованными в производстве.

Памятники V в. также свидетельствуют о применении рабского труда в сельском хозяйстве. Сидоний Аполлинарий упоминает о поместьях магната Векция, в которых трудились «прилежные рабы» — наряду с другими категориями непосредственных производителей (Ep. IV, 9); в других письмах Сидония рассказывается о случаях бегства рабов, о возмущениях рабов³. Наконец, хорошо известно, что рабство сохранялось в Галлии и после завоевания ее вестготами и бургундами.

Таким образом, хотя несомненно, что в Галлии IV—V вв. рабовладельческая система не была единственной формой эксплуатации непосредственных производителей, рабство продолжало играть существенную роль в производстве. Тот материал, который в настоящее время имеется в нашем распоряжении, не дает оснований считать, что рабовладельческая собственность здесь уступила место феодальной.

Рабский труд продолжал применяться в IV—VI вв. и в восточных провинциях Римской империи. О рабах часто говорит Иоанн Златоуст:

¹ Е. М. Штаерман, Рабство в III—IV вв. ..., стр. 103.

² Олажс, К вопросу о крестьянстве..., стр. 116

³ См. Н. И. Львов, ук. соч., стр. 14 слл.

то он упоминает раба, который по поручению господина просит милостыню (PG, 55, стб. 111), то раба, убегающего от жестокого господина (PG, 57, стб. 410), то гладиаторские бои (PG, 61, стб. 103). Более определенные известия о труде рабов содержатся в VII новелле Юстиниана, которая упоминает, наряду с колонами, сидящими на церковной земле, и сельских рабов (*ἀνδράποδα ἀγροικικά*)¹.

Однако все эти факты слишком общи, чтобы из них можно было извлечь конкретное представление о характере рабовладения. Гораздо большее значение имеют египетские папирусы, хотя они и освещают положение только в одной области Римской империи — к тому же в такой, где рабовладение играло и раньше сравнительно меньшую роль. Попытка подсчитать число упоминаний о рабах в папирусах привела меня к ориентировочному заключению о том, что в IV и V столетиях количество рабов в Египте уменьшилось, тогда как в VI в. оно вновь значительно возросло². Папирусы этого времени прямо говорят о применении рабского труда в поместьях крупных собственников (например, P. Оху. 1913, 28); в этом отношении особенно важен папирус Baden. 95, описывающий расположенное около Гермополя поместье некоей Феодоры (повидимому, начало VII в.). Анализ этого папируса приводит к выводу, что применение рабского труда в поместье Феодоры достигало весьма значительного размера, ибо затраты на содержание рабов во много раз превосходили расходы на наем свободных работников³.

Рабский труд в Египте накладывал определенный отпечаток на другие формы эксплуатации трудящихся. Египетские папирусы часто отмечают продажу детей в рабство, а также обязанность рабским трудом отрабатывать долг. В P. Iand. 62 (VI в.) идет речь о сестре должника, которая отдана в заклад и обязана отбывать «рабскую повинность» (*πίσαν δουλικήν χρεῖαν*). Кредитор со своей стороны обязуется кормить и одевать ее. Брат не имеет права взять ее обратно до выплаты долга. В другом папирусе (P. Strass. 40, 569 г.) сформулировано соглашение между работником и хозяином; работник, некий Коллуф, соглашается четыре года служить у хозяина в качестве *κατάδουλος παῖς*, получая за свой труд пропитание и деньги на приобретение одежды. На сходных условиях нанимается (*μεμπισθώμενοι ἐμαυτὸν*) некто Феодор в папирусе SB 4490 (VII в.).

Таким образом, у нас есть все основания предполагать, что рабовладельческая система хозяйства не была изжита в Египте вплоть до VI или даже до начала VII в. Разумеется, наряду с этим мы должны констатировать, что известная часть рабов приобретает в это время некоторую имущественную самостоятельность и некоторые личные права: насколько можно судить по наблюдениям P. Таубеншлага, в VI в. чаще, чем в предыдущее время, встречаются рабы, наделенные пекулием, женатые рабы и т. д.⁴.

Разнообразные источники засвидетельствовали существование рабского труда в Римской Сирии. Талмуд неоднократно упоминает поместья с рабами в Сирии и Месопотамии. «Кто отпускает своих рабов на свободу — разоряется, теряет свои владения», — говорил один из еврейских «мудрецов» IV в.⁵ Антиохийские богачи еще в IV—V вв.⁶ нередко имели

¹ См. М. В. Левченко, Церковные имущества V—VII вв. в Восточно-Римской империи, ВВ, II (1949), стр. 15, 31.

² А. П. Каждан, ВДИ, 1952, № 4, стр. 126.

³ М. В. Левченко, К истории аграрных отношений в Византии в V—VII вв. ПИДО, V (1935), № 1—2, стр. 91.

⁴ R. Taubenschlag, Das Sklavenrecht im Rechte der Papyri, ZSt, Roman. Abt., 50 (1930), стр. 159.

⁵ Ю. А. Солдоху, Значение еврейских источников раннего средневековья для истории Ближнего Востока, СВ, II (1941), стр. 40.

⁶ F. Heichelheim, ESAR, IV, стр. 165.

в своих владениях тысячи рабов. Захария Митиленский говорит об использовании рабского труда на строительстве в начале VI в.¹

Относительно рабства в М. Азии известно очень мало. В Каппадокии в период ранней империи широко было распространено храмовое рабовладение. Страбон (XII, 2, 3) рассказывает, что каппадокийским храмам принадлежали тысячи рабов. Однако мы не знаем ни форм эксплуатации этих рабов, ни их судьбы в позднейшую эпоху. Надписи из Галатии засвидетельствовали существование здесь рабов; впрочем, в надписях идет речь об императорских рабах, *vepnae* и вольноотпущенниках². Возможно, что в некоторых городах М. Азии число рабов было значительным³, но в сельском хозяйстве здесь и в I—II вв. н. э. рабский труд, повидимому, не играл серьезной роли. Как бы то ни было, тех отрывочных данных, которые сохранились до нашего времени, недостаточно для того, чтобы судить о тенденциях развития рабовладельческих отношений в М. Азии.

Что касается положения рабов в Элладе в период империи, то кое-какой материал дают дельфийские надписи об отпуске на волю. Сравнение надписей I—II вв. н. э. с более ранними не дает оснований полагать, что положение рабов изменилось коренным образом: единственный вывод, который можно сделать, сводится к тому, что в это время относительно уменьшается число рожденных в доме рабов и относительно увеличивается число купленных⁴. Этот факт ни в коей мере не может быть истолкован как свидетельство об изживании рабовладельческих отношений, — скорее, наоборот, он свидетельствует о наличии некоторых тенденций к укреплению их. Для суждения о развитии рабства в Элладе в последующие века данных нет.

Подведем некоторые итоги. Судьбы рабовладения в различных областях Римской империи складывались по-разному. В одних провинциях рабство попрежнему сохраняло полупатриархальный характер, рабовладельческие латифундии не сложились, и рабский труд в сравнительно незначительных размерах применялся в мелких и средних хозяйствах. Так обстояло дело в придунайских и прирейнских провинциях, и мы, разумеется, не вправе говорить о вырождении рабовладельческой системы хозяйства применительно к этим провинциям. В ряде западных провинций — там, где рабовладельческая латифундия сложилась уже в последние века республики, — она, хотя и значительно ослабленная развитием новых отношений, все же сохранялась еще в IV—V вв., накладывая определенную печать на иные формы эксплуатации непосредственных производителей. В некоторых восточных провинциях (Египет, Сирия) рабовладельческое поместье играло немалую роль еще в VI столетии.

У нас нет твердых статистических данных для того, чтобы решить вопрос о путях развития римского рабовладения II—V вв. Можно только сказать, что нет достаточных оснований для предположения, будто бы рабство уже в III в. изжило себя и перестало быть основой производства. До V—VI вв. рабский труд продолжал играть существенную роль, а рабовладельческий класс, отстаивая рабскую систему хозяйства, оказывался той отживающей силой общества, которая препятствовала —

¹ Н. В. Пигулевская, К истории социальных и экономических отношений в Месопотамии, ВДИ, 1938, № 3, стр. 151.

² А. Б. Ранович, ук. соч., стр. 114 сл.

³ См. известие Галена о Пергаме — В. Вестерман, ук. соч., стр. 591. Надписи II—III вв. н. э. из Пергама и Миласы говорят о бичевании городских рабов — OGIS, 483, 175 и 515, 30.

⁴ В. Вестерман, ук. соч., стр. 590.

и сплошь да рядом весьма успешно — формированию новых общественных отношений¹.

И все же рабовладельческая система хозяйства была обречена на гибель, потому что она вступала в противоречие с новыми, подспудно развивавшимися производительными силами².

Известная фраза Плиния: «Латифундии погубили Италию» в течение долгого времени определяла представления историков о развитии аграрных отношений в Римской империи. Несомненно, однако, что утверждение Плиния — гипербола. Значительные коррективы в старые представления о беспредельном господстве латифундий в Италии были внесены Т. Моммзенем, который опубликовал алиментарные таблицы, дающие возможность представить себе распределение земельной собственности в некоторых областях Италии³. Вслед за тем против представления об исчезновении италийского крестьянства выступил А. Хальбан-Блюментшток, который опирался, в частности, на свидетельства агрименсоров⁴. В настоящее время ясно, что и в конце республики, и в период принципата мелкая свободная собственность не исчезла ни в Италии, ни тем более в провинциях.

Но какова была дальнейшая тенденция развития мелкой собственности? В буржуазной историографии мы найдем две основные точки зрения по этому вопросу, резко противоречащие одна другой. М. Ростовцев рассматривает период империи как время ухудшения положения мелких собственников, считая, что уже во II—III вв. свобода крестьянства превратилась в фикцию, что в IV в. мелкие собственники были закрепощены⁵. Напротив, П. В. Виноградов считал, что четвертое и пятое столетия были эпохой, неблагоприятной для крупных собственников, эпохой улучшения положения мелких фермеров и крестьян⁶.

Обе эти точки зрения в равной мере односторонни. Ни Ростовцев, ни Виноградов не связывают судеб мелкой собственности с судьбами рабовладельческого поместья, не видят коренных изменений в характере собственности, совершившихся в процессе становления феодального общества. И Ростовцев, и Виноградов смешивают, по существу, две проблемы, которые должны быть расчленены: проблема количественного соотношения крупной и мелкой собственности в период империи и проблема изменения форм собственности. Рассмотрим прежде всего первую проблему.

Принято считать, что «крупная земельная собственность в последний век империи достигла неслыханных до того размеров»⁷, однако этот те-

¹ М. Я. С ю з о в о в, Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV века, УЗ Уральского ун-та, вып. 11 (1952), стр. 103 слл., убедительно показал, что рабовладельцы сумели повести за собой определенные слои городской бедноты. К сожалению, он абсолютизирует это положение и видит в этом частном явлении основную причину устойчивости Восточной империи.

² Если бы мы вслед за Е. М. Штаерман допустили, что к IV в. было уже в основном изжито противоречие между производственными отношениями и производительными силами, свойственное рабовладельческому способу производства, и восторжествовала феодальная собственность, то трудно было бы объяснить, почему все же пало римское общество. Наоборот, только признавая, вместе с М. Я. Сюзюмовым, значительную силу рабовладельческих отношений в этот период, только признавая, что производственные отношения в это время не соответствовали уровню производительных сил, мы поймем, почему таким глубоким был кризис IV—V вв.

³ Th. M o m m s e n, Die italische Bodentheilung und die Alimentartafeln, «Hermes», 19 (1884), стр. 399 слл.

⁴ А. H a l b a n - B l u m e n s t o c k, Entstehung des deutschen Immobiliareigentums, Innsbruck, 1894, стр. 138 слл.

⁵ М. R o s t o w z e v, ук. соч., стр. 396 и 311.

⁶ П. В и н о г р а д о в, Средневековое поместье в Англии, СПб., 1911, стр. 98.

⁷ Н. А. М а ш к и н, История древнего Рима, 1947, стр. 561. Более осторожные исследователи говорят, о сохранении мелкого крестьянского землегладения—см.

зис доказывається лишь ссылкой на отдельные примеры, а примеры крупных землевладельцев мы без труда можем найти и в конце республики, и в ранней империи. Учитывая, что судьбы мелкой собственности были различными в разных областях Римской империи, попробуем проследить эти судьбы там, где источники предоставляют для этого какие-нибудь возможности.

Хорошо известные данные алиментарных таблиц показывают, что в Италии процесс концентрации земли продолжался с большей или меньшей интенсивностью на протяжении всего первого столетия н. э. Для более позднего времени мы не располагаем статистическим материалом, но сочинения агрименсоров показывают, что и во II в. мелкие собственники не исчезли в Италии: Гигин (56, 19) прямо говорит о множестве собственников (*densitas possessorum*) в этой части империи.

О соотношении мелкой и крупной собственности в Италии IV в. прямых данных нет. Во всяком случае, как и во времена Плиния, римские сенаторы владели не обширными поместьями, которые представляли собой замкнутое целое, но землей, разбросанной в разных частях страны. Так, у Симмаха было 15 вилл близ Рима и в Южной Италии, а также поместья в Самнии, Апулии, Сицилии, Мавритании¹. Точно так же владения Секста Петрония Проба были расположены в разных частях римского мира (*Ann. Marc.*, XXVII, 11). Наряду с сенаторским землевладением существовали земли куриалов — об одном из таких землевладельцев средней руки, Сиртинги, рассказывает Симмах (*Rel.*, 28).

Наконец, сохранялось и крестьянское землевладение; может быть, те жители италийских деревенок, которые оказывали ожесточенное сопротивление Алариху (*Zosim*, V, 37), были свободными крестьянами. Точно так же Клавдиан рисует образ свободного крестьянина, испуганного вторжением готов².

Вряд ли можно безоговорочно полагать, что в IV в. крупное землевладение в Италии растет за счет среднего и мелкого. Хотя мы знаем о таких людях, как магнат Олибрий, который при помощи своей челяди пытался присвоить чужие земли (*Symm.*, *Rel.*, 28), в то же время земли других сенаторов были обременены долгами (*Symm.*, *Ep.* IX, 30), что отнюдь не свидетельствует о благополучном положении их хозяев. Вопрос о соотношении крупного и мелкого землевладения в Италии IV в. при современном состоянии источников должен оставаться открытым.

Еще меньшим количеством данных располагаем мы для характеристики распределения собственности в Элладе. Наличие городской собственности во II в. н. э. засвидетельствовано документами из Фисбе: муниципальные земли сдавались в свободную аренду горожанам³. Правда, старые принципы полисной собственности были уже в значительной степени подточены, и городская земля нередко переходила в руки женщин или жителей других городов⁴.

Вопрос о концентрации земли в I—II вв. не может быть решен с достаточной определенностью: известные нам единичные факты рисуют противоречивый процесс. Мы знаем о том, что в руках отдельных лиц, подобных Героду Аттику, скапливались огромные состояния; мы знаем в то же время

М. В. Левченко, Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв., «Византийский сборник», М.—Л., стр. 28 слл.

¹ J. A. MacGeachy, *Quintus Aurelius Symmachus and the senatorial aristocracy of the West*, Chicago, 1942, стр. 57 сл.

² См. Н. П. Голубцова, Италия в начале V в. и вторжение Алариха в Рим, ВДИ, 1949, № 4, стр. 64.

³ J. A. O. Larsen, *ESAR*, IV, стр. 480.

⁴ О. В. Кудрявцев, ук. соч., стр. 55 слл.

и о случаях распродажи крупных имений отдельными участками¹. Обследованный О. В. Кудрявцевым список 89 земельных владений в Аттике показывает, что концентрация земли, как правило, не приводила здесь к образованию обширных сплошных комплексов земельных владений — участки одного собственника были расположены в различных частях Аттики².

Но если мы располагаем крайне скудными сведениями, характеризующими распределение собственности в Элладе I—II в., то для последующего времени у нас вовсе нет данных. Однако трудно предположить, что Эллада, ставшая с III в. ареной постоянных набегов северных соседей, могла явиться областью, где интенсивно росла магнатская земельная собственность. Скорее наоборот, то запустение земель, которое оплакивал еще Дион Хрисостом (Orig., VII, 34 и XXXIII, 25), стало в дальнейшем более распространенным.

Положение свободного крестьянства в придунайских провинциях в III в. до некоторой степени освещено в надписях, удачно обработанных Е. М. Штаерман³. Автор убедительно показал, что дунайские легионы в III в. вербовались в основном из местного свободного земледельческого населения и сохраняли тесные связи с крестьянством. Надписи из Нижней Мезии рисуют примерно такую же картину: наряду с хозяйствами средней руки, в которых бывало занято 5—10 рабов, здесь во II в. н. э. существовало крестьянство и сохранялись какие-то формы общинных отношений⁴. В римской Фракии также было распространено крестьянское землевладение и, повидимому, сохранялась община⁵.

Придунайские области и Фракия вплоть до V—VI вв. сохраняли свой «крестьянский» облик. Клавдиан (De bell. Geth., 365) прямо называет Норик «крестьянским» (Norica rura); аналогичную картину рисует и Евгиппий, автор жития Северина (начало VI в.), рассказывающий о жителях местечек, где скотоводство и обработка небольших земельных наделов играли основную роль⁶. XXXIV новелла Юстиниана говорит о фракийских земледельцах, называя их coloni (греческая параллель — XXXII новелла — употребляет термин γεωργοί). Фракийские колонны VI в. — это свободные крестьяне, имеющие свои terrulae, быков, мелкий скот и manseria; основная опасность грозит им не со стороны крупных земельных собственников — им угрожают ростовщики, присваивающие их земли, скот и рабов.

М. В. Левченко убедительно показал, что Мезия и Фракия в IV—V вв. переживают известное укрепление крестьянского землевладения, ибо императоры неоднократно расселяли здесь различные варварские племена⁷.

Гораздо более пестрая картина наблюдается в Галлии. Северо-восточная часть этой области, где в надписях встречаются термины vicī и vicānī, была, повидимому, похожа по своему аграрному строю на придунай-

¹ А. Б. Р а н о в и ч, ук. соч., стр. 238 слл.; О. В. К у д р я в ц е в, ук. соч., стр. 58 и 65.

² О. В. К у д р я в ц е в, ук. соч., стр. 56 сл.

³ Е. М. Ш т а е р м а н, Этнический и социальный состав римского войска на Дунае, ВДИ, 1946, № 3, Ср. о п а ж е, К вопросу о крестьянстве..., стр. 105 слл.

⁴ Т. Д. З л а т к о в с к а я, ук. соч., стр. 85—87. Т. Д. Златковская считает правду (стр. 124 слл.), что с конца II в. Мезия была охвачена «социально-экономическим кризисом», однако собранный ею материал, на мой взгляд, недостаточен для такого ответственного утверждения. Впрочем, о «кризисе» автор говорит лишь в названии раздела, трактуя этот вопрос в тексте гораздо осторожнее.

⁵ А. Б. Р а н о в и ч, ук. соч., стр. 247 сл.

⁶ А. Д. Д м и т р е в, Движение скамаров, ВВ, V (1952), стр. 5.

⁷ М. В. Л е в ч е н к о, Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв., стр. 36 сл.

ские провинции¹. Области по Роне представляли собой оплот муниципального землевладения, тогда как поместья сенаторской знати в IV в. располагались по преимуществу в Оверни, лежавшей в стороне от римских дорог и колоний². Одно из таких поместий было раскопано на верхней Гаронне; в центре поместья находилась господская вилла, окруженная разнообразными хозяйственными строениями, рассчитанными на сотни людей; по мнению А. Гренье, с виллой был связан *fundus* размером примерно в одну тысячу га³. Это поместье было разрушено в начале V в. Разумеется, подобная картина распределения земельной собственности в Галлии является весьма ориентировочной; к тому же трудно представить тенденции развития, хотя весьма вероятно, что овернское сенаторское землевладение в IV в. переживает подъем.

Несколько лучше обработан материал, относящийся к истории Африки. Хорошо известно, что в I в. н. э. в Африке огромную роль играло крупное землевладение: об этом свидетельствуют известные высказывания Фронтин и Плиния. Прямые известия о распределении собственности во II—III вв. довольно скудны. Археологический материал свидетельствует о существовании римских поместий в различных частях Сев. Африки: уже цитированный «Атлас» Гзеля регистрирует многочисленные развалины римских вилл, среди которых были найдены остатки давилен, жерновов, чанов, керамики. Однако памятники эти в «Атласе» датированы очень редко; к тому же этот археологический материал не дает представления о размерах поместий. В многочисленных африканских надписях нередко упоминаются *praedia et fundi*, но обработка надписей наталкивается на те же трудности, ибо мы не можем определить ни размеров упомянутых в них поместий, ни — сплошь да рядом — времени составления надписи.

Существование мелкой и средней собственности на землю засвидетельствовано так называемой *lex aquae* из нумидийского города Ламасбы⁴. Эта *lex aquae*, относящаяся к III в., регулирует распределение воды для орошения между большим количеством земельных собственников (в сохранившейся части надписи перечислены имена 74 владельцев); размеры наделов указаны в неопределенных единицах и поэтому не могут быть переведены на обычные меры, но во всяком случае мы имеем материал для сопоставления. Самые значительные из наделов в 20 раз превосходят наименьшие, что не дает еще оснований говорить о формировании крупных латифундий. Таким образом, городская земля была распределена между большим количеством владельцев, а не сосредотачивалась в руках немногих богачей.

А. Бургарель-Мюссо попытался получить примерные статистические данные для характеристики распределения собственности в римской Африке. С этой целью он изучал изменение размеров *summa honoraria* в I—III вв. Полученные им данные сведены в таблицу, которая характеризует изменение размеров взносов лиц, получавших должности в городском управлении⁵. Данные этой таблицы чрезвычайно скудны, и пользоваться ими можно лишь с крайней осторожностью. И все же можно как

¹ Е. М. Штаерман, Римское войско на Дунае..., стр. 265.

² К. F. Strohecker, Der senatorische Adel im spätantiken Gallien, Tübingen, 1948, стр. 21. См. карту на стр. 232. Совершенно иную картину рисует, опираясь на Фюстель де Куланжа, Н. И. Львов, ук. соч., стр. 11, который считает, что крупные поместья преобладали повсюду в Галлии.

³ A. Grenier, Manuel d'archéologie Gallo-Romaine, т. II, P., 1934, стр. 888 слл.

⁴ CIL, VIII, 4440 и 18587. См. Н. А. Машкин, Из истории африканских городов во II—III вв., ВДИ, 1951, № 2, стр. 75.

⁵ A. Bourgalet-Musso, Recherches économiques sur l'Afrique romaine, «Revue africaine», 75 (1934), стр. 114.

будто бы сказать, что на столетие от 138 до 235 г. приходится период укрепления муниципального землевладения в Африке; в городах первостепенное значение приобретают люди небогатые, которым под силу лишь незначительные *summa honoraria*. С III в. начинается упадок муниципиев — число взносов резко сокращается. Из собранных им данных А. Бургарель-Мюссо делает недостаточно обоснованный вывод, что в это время за счет мелкого и среднего землевладения вырастает крупное; однако из составленной им таблицы следует, что число крупных взносов ни в коей мере не возрастает — при Северах (193—235) было сделано пять крупнейших взносов (свыше 100 тысяч сестерций), а после 235 г. — только два.

Наконец, мы можем предполагать, что размеры императорских латифундий на протяжении II—V вв. значительно сократились.

После конфискаций в руках Нерона было сосредоточено около половины всей провинции Африки (Plin., NH, XVIII, 35), тогда как, согласно СTh, XI, 28, 13, императорские поместья в *Africa proconsularis* составляли примерно $\frac{1}{5}$ всей территории провинции¹. Однако мы не знаем, ни когда, ни в чьи руки перешли прежние императорские владения.

Таким образом, нет никаких оснований полагать, что в Римской Африке совершался процесс концентрации земель и роста латифундий. Наиболее вероятным является предположение, что во II—III вв. в этой провинции преобладала мелкая и средняя собственность жителей муниципий, выросшая за счет прежних огромных латифундий и, быть может, за счет императорских земель. Упадок муниципального землевладения в Африке III в. вряд ли можно рассматривать исключительно как оборотную сторону интенсивной концентрации земли в руках немногочисленных богачей. Не следует ли предположить, что в связи с аграризацией муниципиев в IV—V вв. распространяется мелкая земельная собственность иного типа: во всяком случае, к моменту вторжения вандалов слой мелких земельных собственников был в Африке весьма значителен. Только при таком предположении можно понять рассказ церковного историка Виктора из Виты (IV, 5) о том, что вандалы сгоняли владельцев с их участков и их же заставляли обрабатывать эти поля².

Существование мелкого и среднего землевладения в М. Азии и Сирии засвидетельствовано некоторыми, впрочем, довольно скудными источниками. По словам Юлиана, в Антиохии насчитывалось 10 тысяч клеров; несмотря на то, что часть из них была захвачена городской знатью, наличие мелкого и среднего городского землевладения в Антиохии несомненно. Городская земля была и в Эфесе: согласно надписи 370—371 гг., Эфесу были переданы новые земли, составлявшие некогда императорское владение. Городские земли в Эфесе должны были сдаваться в аренду, а арендная плата шла на укрепление городских стен³.

Наряду с городским землевладением источники неоднократно говорят о землевладении сельских общин Малой Азии. Особенно интересна надпись OGIS, 488, рисующая сельский сход в Лидийской деревне Кастолл, на котором крестьяне принимают решение о разделе принадлежащей им земли (*τὸν ὑπάρχοντα αὐτοῖς ἄγρον*). Многочисленные надписи из М. Азии упоминают комархов отдельных деревень. Малоазийское крестьянство не следует рисовать однородной группой владельцев крошечных наделов — дифференциация была здесь настолько значительной, что в некоторых надписях III в. мы встречаем упоминания о крестьянских

¹ R. M. H a y w o o d, ESAR, IV, стр. 118.

² Ср. также P r o s o p., De bello Vand., I, 5 и трактовку этого свидетельства у A. H a l b a n - B l u m e n s t o c k, ук. соч., стр. 140.

³ «Fontes juris romani antejustiniani», I, ed. S. R i c c o b o n o, Flor., 1941, № 108.

семьях, которые вносят на общественные нужды шесть—девять тысяч денариев¹. Существование мелких собственников в Писидии, Ликаонии и Исаврии VI в. засвидетельствовано новеллами Юстиниана².

Многочисленные общины существовали в Сирии. Надпись IGRR, III, 1317 (от 294—295 г.) рисует коллективные действия жителей сирийской деревни, возводящих здание на общий счет (*ἐκ κοινῶν ἀναλωμάτων τῆς κώμης*). Особую роль в этом предприятии играл зажиточный собственник, ветеран Флавий Корнелиан. Аналогичные коллективные действия общин засвидетельствованы в надписях 386 и 428 гг.³ Остраконы VI в. из Сбейтаха (в Палестине)⁴ рисуют организацию работ, связанных со строительством цистерны (№№ 1 и 3); они представляют собой квитанции, которые выдавались общинникам, выполнившим определенную норму. В одном из остраконов (№ 2) прямо говорится, что работа выполняется на общину (*εἰς τὸ κοινόν*). Повидимому, и в сирийских общинах население было в имущественном отношении дифференцировано. Многочисленные диойкеты, эпимелеты, проноэты, иногда избираемые общинниками, составляли деревенскую верхушку.

Все эти данные говорят о наличии мелкого землевладения в М. Азии и Сирии, однако не раскрывают ни его удельного веса, ни тенденции его развития.

О распределении земельной собственности в Египте мы имеем несколько больше данных, хотя общая картина все же остается чересчур схематичной. К середине IV в. относится опись земельных владений вблизи Гермополя (P. Flor. 71); она фиксирует 470 наделов, в общем сравнительно небольших — средний размер надела 44 аруры. Только 8 наделов могут быть отнесены к крупным (свыше 500 аруп)⁵.

Египетская община хорошо известна по многочисленным документам. Египетские деревни были весьма многолюдными (СТh, XI, 24,3); их жители составляли *consortium vicariorum*, которое обладало определенными правами. По закону 468 г. (CI, XI, 56) только общинники могли покупать землю у своих односельчан. Документы рисуют, как община осуществляет свои права на землю: так, в одном из коптских документов идет речь о *κοινότης* жителей местечка Джеме, которая дарит землю храму Фебамона⁶.

В недрах египетской общины выростала значительная группа богатых крестьян, прикупавших земли односельчан и предпринимавших попытки заставить своих соседей обрабатывать эти земли. Палладий в «Истории монахов»⁷ рассказывает о протокомете одной из египетских деревень, который гордился тем, что в его дом не стекались чужие плоды (*κάρποι ἄλλότριαι*), что его стада не совершали потрав на чужих полях, что он не засеивал раньше других свои земли (*οὐκ ἔσπειρα πρῶτος τὰς ἐμᾶς χώρας*) и т. д. Следовательно, как правило, зажиточные общинники в той или иной форме эксплуатировали своих соседей.

Некоторые данные позволяют предположить, что в отдельных частях Египта происходило перераспределение земли в пользу мелких собственников. Например, в житии Антония идет речь о богаче, которому принад-

¹ M. Rostowzew, ук. соч., стр. 301.

² М. В. Левченко, Материалы..., стр. 34.

³ MacLean Harper, Village administration in the Roman province of Syria («Yale Classical Studies», I), 1928, стр. 131 и 146.

⁴ Н. С. Youtie, Ostraca from Sbeitah, AJA, 40 (1936), стр. 457.

⁵ A. C. Johnson — L. West, ук. соч., стр. 40.

⁶ W. E. Crum, Catalogue of the Coptic manuscripts in the British Museum, L., 1905, № 291.

⁷ PG, 34, стб. 1169. См. M. Gelzer, ук. соч., стр. 10.

лежало 300 полей; уходя в монастырь, он роздал свои земли крестьянам¹. В некоторых районах Египта, например, в Верхнем Египте, мелкая крестьянская собственность была преобладающей².

Крупные поместья, как правило, не образовывали в Египте замкнутых комплексов. В этом отношении чрезвычайно характерен папирус Р. Оху. 2195, датированный примерно 576 г. и относящийся, повидимому, к владениям Апионов. Папирус содержит опись доходов с семи *étoisía* и некоторых других владений. В одном поселении владелец получает доход от 15 семей держателей (арендаторов), в другом — от 14; в остальных поселениях число держателей колеблется от одного до семи. Так как египетские деревни были многолюдны, следует предположить, что в этом случае речь идет лишь о частях деревень. Иначе говоря — господское хозяйство не являлось в данном случае крупной вотчиной: землевладелец обладал правом собственности на земли, разбросанные в разных местах сравнительно небольшими наделами.

Из всего этого можно сделать только негативный вывод: у нас нет данных для ответственного предположения, будто в период Римской империи происходит коренное перераспределение земельной собственности, в результате чего мелкое землевладение вытесняется крупным. Крупное землевладение IV—VI вв. нигде, за исключением, может быть, Оверни, не предстает перед нами в виде сплошных комплексов — сенаторские поместья этого времени распадаются на огромное множество незначительных владений, которые в Египте иной раз не превышают обычного крестьянского надела.

Судьбы мелкого землевладения были различны в различных частях империи. В некоторых областях, особенно в западной части Галлии, действительно происходила известная концентрация земельной собственности. В Италии и Элладе положение, повидимому, оставалось стабильным. В Африке крупная земельная собственность первого века империи, ослабленная при Нероне, не была в дальнейшем восстановлена: во II—III вв. в этой провинции укрепляется мелкая и средняя собственность муниципального типа, в V в. здесь большую роль играет мелкое крестьянское землевладение. В придунайских провинциях и Фракии преобладало мелкое землевладение; есть все основания предполагать, что в IV—VI вв. оно еще более укрепилось. В М. Азии и Сирии мелкое и среднее землевладение было довольно устойчивым, однако в недрах общины шла значительная дифференциация, приводившая к образованию слоя зажиточного крестьянства. Мелкое землевладение в Египте было, пожалуй, еще более устойчивым, хотя подтачивалось интенсивным процессом имущественной дифференциации в пределах общины.

Все эти данные показывают, что тезис о «неслыханной» концентрации земли в последний век империи не может считаться доказанным. Скорее всего, исторический процесс был более сложным и более многообразным; в одних областях крупное землевладение расширялось, в других сокращалось; кое-где оно, повидимому, так и не возникло.

И тут мы подходим ко второй проблеме: надлежит выяснить, оставалась ли крупная собственность в IV—V вв. такой же, какой она была в конце республики, попрежнему ли класс рабовладельцев являлся полноценным собственником всех условий производства. Для решения этого вопроса надо перейти к рассмотрению исторической роли колоната.

¹ E. A. W. B u d g e, *The book of paradise*, L., 1904, стр. 8.

² Уже M. G e l z e r, ук. соч., стр. 65 и слл., обратил внимание на тот факт, что египетские крестьяне IV в. выступают в папирусах как собственники земли. См. также M. В. Л е в ч е н к о, *Материалы...*, стр. 31.

Можно считать несомненным, что термин *colonus* охватывал различные понятия, что законодательство, исходящее из единообразного понимания колоната на всей территории империи, осуществляло насилие над реальной действительностью. Исследование М. Е. Сергеевко выяснило характерные черты крупного землевладения в Цисальпинской Галлии II—I вв. до н. э., где положение было, повидимому, сходным с общественными условиями по ту сторону Альп¹. Поместья крупных земельных собственников в обеих Галлиях обрабатывались не только и, может быть, не столько трудом рабов, сколько руками колонов, — при этом, по словам Сазерны, землевладельцы стремились к тому, чтобы удержать колона на своей земле². Угнетенные долгами, принуждаемые прямым насилием, галльские бедняки уже в I в. до н. э. оказались в зависимости от могущественных людей, которые пользовались по отношению к своим колонам почти такими же правами, как и по отношению к рабам. При всем внешнем сходстве раннего галльского колоната с поздним римским между ними существует коренное различие: галльский колонат I в. до н. э. не был результатом кризиса рабовладельческой системы производства, — наоборот, он являлся сравнительно архаичной формой зависимости, свидетельствующей об известном отставании общественного развития Сев. Италии и Галлии; повидимому, в первые века империи он постепенно уступал место рабовладельческой системе хозяйства.

Эволюция свободного труда в Средней Италии может быть прослежена столь же ориентировочно, несмотря на то, что мы располагаем для истории этой страны большим количеством источников. Средняя Италия II в. до н. э. не знает мелкой аренды и колоната — Катон упоминает только издольщика (*politor*), временного работника, на котором лежала обязанность прополоть поле и убрать урожай. Труд издольщика, получившего определенную часть урожая, был лишь дополнением к рабскому труду и порождался необходимостью привлекать в период уборки урожая большие массы работников. В этих условиях термин «*colonus*» означал первоначально землевладельца³.

Колоны-арендаторы появляются в Средней Италии в I в. до н. э., занимая свое место пока еще на периферии поместья. Еще во времена Колумеллы труд колонов продолжал оставаться дополнительным, подсобным — итальянские землевладельцы I в. н. э. предпочитали пользоваться трудом рабов.

В поместьях Плиния Младшего число колонов было весьма значительным. Повидимому, Плиний сдавал свои поместья колонам за денежную ренту или за часть урожая сроком на пять лет (Ер. IX, 37, 2—3)⁴. Сдача поместья в аренду не означала замены рабского труда свободным: колоны возделывали земли при помощи труда рабов, которых должен был дать им господин (Plin., Ер. III, 19,7)⁵. Следовательно, распространение колоната в Италии в I—II вв.⁶ еще не всегда приводило к вытеснению рабского труда; распространение колоната означало сплошь да рядом лишь изменение формы эксплуатации рабов: место огромных латифундий конца республики занимают небольшие усадьбы колонов, работавших

¹ М. Е. Сергеевко, Сазерна и его фрагменты, ВДИ, 1946, № 3, стр. 77.

² М. Е. Сергеевко, ук. соч., стр. 73.

³ S a t o, De r. r., pr., 2. См. также O v i d., Fast., II, 646. Ср. *possessor colonus* — CIL, VI, 9274.

⁴ Два типа аренды колонов различает и Гай — Dig., XIX, 2, 25, 6.

⁵ Ср. Dig., XIX, 2, 54, 2. О рабах, принадлежащих колону (*coloni servus*), см. Dig., IX, 2, 27, 9 и XIX, 2, 30, 4; CIL, IX, 5659.

⁶ Надписей, упоминающих колонов, сравнительно немного — см. CIL, VI, 9273, 9275, 9276. Надписи, в которых упомянуты виллики, встречаются чаще — CIL, VI, 9983 — 9990a. Ср. также CIL, VI, 9991, где назван *subvillicus hortorum*.

вместе с теми рабами, которыми снабдил их господин. Разумеется, могли быть и колонны, не пользовавшиеся трудом рабов.

Колонны I—II вв. н. э. коренным образом отличались от прежних политоров; политор — это случайный, временный работник, появляющийся в поместье лишь в период прополки и сбора урожая, лишенный каких бы то ни было прав не только на землю, но и на орудия труда. Колон, оседающий на известный срок, обязанный не только денежной или натуральной платой, но и известными *accessiones*¹, практически приобретает известные права на свое хозяйство. Правда, Дигесты отказываются признать за колоном какие-либо права на хозяйство и рассматривают его лишь как посредника, через которого собственник осуществляет свои права на имущество². Колон наделяется лишь правом *frui* (Dig., XIX, 2, 25,1), но не получает никаких владельческих прав. Юристы полагают, что колон получает от господина даже орудия труда (Dig., XIX, 2, 19,2). Римское право II—III вв. видит в колонне, по существу, не арендатора, а батрака, которого господин наделяет parcelлой³, и поэтому рассматривает его имущество либо по аналогии с пекулием раба, либо как *rig-nus*, данный господину (Gai., Inst., IV, 147). Такая трактовка прав колона была обусловлена тем обстоятельством, что римская аренда формировалась в условиях господства рабовладельческих отношений, однако подобная трактовка все более становилась юридической фикцией, поскольку колон постепенно превращался в наследственного арендатора⁴.

Таким образом, эволюция свободного труда в первые века империи ведет от политора к колону; свободный работник, сидящий на господской земле, приходит на смену безземельному издольщику. Аграрная эволюция шла здесь не по линии укрепления поместья, но в совершенно обратном направлении: значительная часть земель в рабовладельческих латифундиях (преимущественно, их периферия) была разделена на мелкие участки, на которых сидели колонны, а также *quasi-coloni* из числа рабов. Крупная рабовладельческая земельная собственность сохранялась (и, может быть, даже росла вширь), но в ее недрах укреплялось мелкое независимое производство. При этом своеобразии италийского колоната состояло в том, что здесь колонны не только работали сами, но и применяли труд рабов.

Для характеристики экономики Италии IV в. первостепенное значение имеет переписка Симмаха. Многочисленные владения Симмаха частично находились в руках вилликов (Ep. VI, 81), частично же были сданы кондукторам (Ep. IX, 52) и колоннам. В хозяйстве Симмаха и его современников труд рабов играл известную роль: письма упоминают *mancipia* в поместье некоего Сциртия (Rel., 28,3), говорят о рабском труде (*servilis manus*) (Ep. VIII, 2), сообщают о бегстве рабов (*familia domus meae*) (Ep. IX, 140)⁵.

Колонны IV в., насколько можно судить по переписке Симмаха, были обязаны вносить арендную плату в деньгах (*pensio*) (Ep. IX, 130) или в натуре (*fructuum pars*) (Ep. VI, 81); об отработочных повинностях он

¹ См. М. Е. Сергеевко, К истории колонатных отношений, ВДИ, 1949, № 2, стр. 56 слл.

² А. Б. Р а н о в и ч, Колонат в римском законодательстве II—V вв., ВДИ, 1951, № 1, стр. 87.

³ Ср. М. W e b e r, Die römische Agrargeschichte, Stuttgart, 1891, стр. 244.

⁴ См., например, казусы в Dig., X, 1, 2, 30, 5 и XIX, 2, 32.

⁵ О сохранении значительного числа рабов в Италии IV в. свидетельствует надпись CIL, VI, 31917, упоминающая устройство гладиаторских игр. О *mancipia rustica* см. еще Edictum Theodorici, 142. Рабский труд использовался во владениях папы Григория I в конце VI в.

ничего не говорит¹. Ни о какой юрисдикции господина по отношению к колонам мы ничего из этой переписки не узнаем, — наоборот, Симмах неоднократно упоминает о тяжбах, которые самостоятельно ведут колонны. В одном из писем он просит магистрата оказать помощь своему колону (*colonus agrorum meorum*) в каком-то судебном деле (Ер. VII, 56), в другом обращается к властям с просьбой о поддержке знатной дамы, которая ведет тяжбу со своим арендатором (Ер. IV, 68). Не имея своей администрации, Симмах нуждается в постоянной поддержке государственной власти: колонны обладают такой самостоятельностью, что без помощи судебных властей (*iudicali vigore*) их нельзя заставить платить арендную плату (Ер. IX, 6). В одном из писем Симмах жалуется, что, несмотря на удачный год, колонны заплатили лишь малую долю ренты (Ер. IX, 130). Но, более того, колонны иной раз присваивали арендованные земли, и Симмаху приходилось обращаться к властям, умоляя помочь изгнать «нечестивого колона» (*improbissimus inquilinus*) из присвоенных им владений (Ер. IV, 68).

Таким образом, владения Симмаха — одного из наиболее значительных сенаторов IV в. — вряд ли можно рассматривать как феодальную вотчину, а его колонов — как бесправных крепостных. Наоборот, из переписки Симмаха можно видеть, как рабовладельческая латифундия все более дробится на мелкие участки, переходящие в фактическое владение колонов, которые, по выражению Симмаха, избавлены от страха перед господами (*nullus dominorum terror incurrit* — Ер. IX, 6). По мере того как колон приобретает права на свое хозяйство, рабовладелец перестает быть полноценным собственником. Только при помощи государственной власти аристократу Симмаху еще удается удерживать в руках свои разбросанные в разных концах страны поместья.

Те исследователи, которые считали основой феодализма внеэкономическое принуждение, видели зарождение феодальной системы в создании вотчинной юрисдикции, в возникновении крепостного права и т. п. На самом деле, существом процесса становления новых отношений являлось вызревание единоличной собственности непосредственного производителя на свое хозяйство. В этом как раз и заключалась прогрессивность нового способа производства, новых отношений собственности, подготовивших в конечном итоге — спустя много столетий — возникновение буржуазной частной собственности.

Процесс укрепления прав непосредственного производителя на свое хозяйство еще более отчетливо прослеживается на материалах, относящихся к Римской Африке. Колонат был широко распространен в Римской Африке II в. н. э., где многочисленные надписи неоднократно упоминают колонов (CIL, VIII, 8425, 8426, 8812 и др.). Африканские поместья этого времени распались, как правило, на две части, одна из которых возделывалась непосредственно собственником или кондуктором, применявшим труд рабов, вторую часть составляли земли, которые не обрабатывались кондукторами (*loca neglecta a conductoribus* — CIL, VIII, 25943, III, 2) и сдавались в аренду колонам. Это были земли болотистые и лесистые (*in paludibus et in silvestribus* — там же, I, 4), и на них колонны, расчищая лес и осушая болота, устраивали виноградники и сажали оливку (там же; ср. CIL, VIII, 25902, II, 17—18). При этом возможно, что первоначально колонны имели право возделывать лишь целину, худшую землю, так называемую *subseciva* (CIL, VIII, 25902, I, 6—7), а позднее, по *lex Hadriana*, приобрели право оккупации и тех земель, которые ле-

¹ О том, что доходы римской знати на рубеже IV—V вв. в значительной части вырожались в деньгах, свидетельствует также Олимпиодор, см. FHG, IV, 67 сл.

жали *in centuriis*¹. Колоны платили ренту натурой (CIL, VIII, 25902, 1, 24—29) и обязаны были нести барщину (в незначительном объеме) при пахоте, посевах и жатве (CIL, VIII, 10570). Помимо того, колонны должны были нести строительные повинности (CIL, VIII, 8701, 8777).

Колонны обладали известными правами на свое хозяйство. Из надписей следует, что они являлись собственниками скота (CIL, VIII, 25902, III, 17). Они распоряжались известными средствами и могли *sua pecunia* отстроить разрушенный храм²; *lex Hadriana*, II, 12 прямо формулирует их права как *jus possidendi ac fruendi, hereditique suo relinquendi*. Судя по *lex Hadriana*, владельческие права африканских колоннов были более отчетливо выражены, нежели в Италии, где «ядовитое жало» рабства давало себя чувствовать гораздо сильнее. В другой надписи (A. Merlin, ук. соч., 628) колонны названы *possessores fundi Tapp...*

Дальнейшая судьба африканских колоннов освещается в купчих грамотах из Тебессы, относящихся к 493—496 гг. Эти грамоты³ постоянно упоминают крошечные земельные владения, называемые *particella agri, ruscellum* и т. д. На этих землях, нередко искусственно орошаемых, растут оливки и смоковницы. Некогда эти земли были собственностью одного лица — Флавия Гемина Катуллина и обрабатывались его колоннами: купчие говорят о земле *ex culturis suis Mancianis sub dominio Flavi Gemini Catullini*⁴. Прежние колонны Катуллина стали, в конечном счете, собственниками своих наделов, что было облегчено завоеванием вандалов, но в то же время подготовлено развитием африканского колоната. Однако купчие из Тебессы показывают, что новые земельные собственники не надолго сохранили свою самостоятельность — они постепенно распродавали свои участки, и один только Геминий Феликс, которому принадлежал архив из Тебессы, скупил за бесценок в течение нескольких лет около двух десятков наделов.

Византийское законодательство после упорной борьбы народных масс Африки вынуждено было признать свободу значительной части колоннов (новелла 552 г.)⁵. Позднее специальной новеллой 570 г. были подтверждены права колоннов на их имущество (*res propriae*)⁶.

Таким образом, африканские колонны добиваются к V—VI вв. экономической самостоятельности и в ходе народных движений середины VI в. вынуждают византийское правительство признать за ними известные права. Следовательно, тенденция исторического развития вела здесь не к уничтожению мелкой свободной собственности и замене ее огромными феодальными владениями, обрабатываемыми трудом бесправных крепостных (как это утверждает М. Ростовцев), — наоборот, в результате кризиса рабовладельческой системы производства, производственные отношения которой перестали соответствовать достигнутому уровню развития производительных сил, латифундия уступила место мелкому независимому производству, а права непосредственного производителя на его хозяйство были признаны законом.

¹ CIL, VIII, 25943, II, 9. См. Ф. Н а х м а н, Об историческом развитии мелкоарендных отношений в Сев. Африке в первые три века империи, ЖМНП, 1909, кн. 5, стр. 222 слл.

² A. Merlin, Inscriptions latines de la Tunisie, P., 1944, № 1568.

³ E. Albertini, Actes de vente du V-e siècle trouvés dans la région de Tébessa (Algérie), «Journal des Savants», 1930, № 1, стр. 25 слл.

⁴ Выражение *ex culturis Mancianis* свидетельствует, что речь идет именно о колоннах, владевших землей на основе *lex Manciana*. Ср., например, *manciane cultor* — A. Merlin, ук. соч., 629.

⁵ См. З. В. У д а л ь ц о в а, Народные движения в Северной Африке при Юстиниане, ВВ, V (1952), стр. 47.

⁶ C. E. Zachariae von Lingenthal, Jus Graeco-Romanum, т. III, 1857, стр. 14.

Итак, в связи с развитием производительных сил «мелкое хозяйство снова сделалось единственно выгодной формой земледелия»¹, однако было бы совершенно неправильно полагать, что производственные отношения рабовладельческого общества без борьбы, путем постепенной эволюции превращались в феодальные отношения². Экономическое укрепление мелкого независимого производства в недрах рабовладельческих латифундий наталкивалось на сильнейшее сопротивление со стороны отживающих сил общества. Рабовладельческая реакция стремилась принизить колона, объявить его *membrum terrae* (СІ, XI, 48, 23) или *servus terrae* (СІ, XI, 52, 1, 1), поставить на один уровень с рабом³. Но эти многочисленные постановления, закрепощающие и политически принижающие колона, не должны закрывать перед нами того первостепенной важности экономического явления, которое заключалось в приобретении непосредственным производителем, работающим на господской земле, известных прав на свое единоличное хозяйство.

Своеобразными чертами отличался колонат на Востоке, где еще в эллинистический период существовали различные категории зависимого населения на царской, храмовой и частной земле. В Египте экономическое развитие приводит, повидимому, уже в середине IV в. к исчезновению понятия «государственная земля» — прежние царские земледельцы становятся собственниками своей земли, хотя и обязанными уплатой государственных податей. Более того, даже земли, непосредственно служившие императорскими доменами, с V в. стали в Египте поступать в продажу прежним держателям (СTh, V, 16, 34).

Хотя законодательство IV в. рассматривало земледельца-колона как прикрепленного к своей *origo*, это положение коренным образом противоречило тому процессу распада государственной собственности, который имел место в Египте в IV—V вв. Поэтому естественно, что египетские крестьяне не только не превратились в крепостных, но наоборот, фактически приобрели право перехода. Так, Р. Lond. 1332 признает за крестьянином, ушедшим со своей *origo*, право оставаться на новом месте при условии уплаты повинностей (*καταμενων επι συντελεια*).

Таким образом, в Египте историческое развитие в IV—VI вв. вело к известному укреплению крестьянских владельческих прав, однако не за счет рабовладельческих латифундий, как это было, например, в Африке, но в результате распада старой системы государственной собственности на землю. Поэтому относительное укрепление крестьянства в Египте не противоречило тому, что рабовладельческое поместье переживало здесь — во всяком случае в VI в. — известный подъем.

В силу своего происхождения египетские колонны могли противопоставить крупному землевладению общинные связи, и это обстоятельство обуславливало стойкость и сплоченность крестьянства в Египте. Египетские колонны IV—VI вв. были организованы в *consortium vicariorum* (*κοινόν γεωργῶν*), которое представляло собой сплоченную организацию, противостоящую господину. Зависимость крестьян сплошь да рядом сводилась к уплате денежной или натуральной подати, которую вносило все *κοινόν*. Чрезвычайно любопытен папирус Р. Оху. 1896, датированный 577 г.: в нем идет речь об энапографах Флавия Апиона,

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 154.

² Критику таких «эволюционистских» взглядов см. М. Я. Сюзюмов, Еще раз о юридических источниках..., стр. 84 и сл.

³ См. известное выражение Юстиниана: *Quae etenim differentia inter servos et adscripticios intellegetur* (СІ, XI, 48, 21, 1). Эти постановления Кодекса должны рассматриваться не как характеристика реального положения колоннов, но как определенная политическая и правовая концепция.

отношения которых с господином регламентируются письменным соглашением (τῆς ἐγγράφου ἀσφαλείας), где определены обязанности крестьян; папирус отмечает, что виноградники, о которых идет речь, принадлежат крестьянам (τοῦ ἡμῶν κτήματος).

В отличие от общинников крестьяне, порвавшие в силу тех или иных причин со своими общинами и вступавшие в качестве индивидуальных арендаторов в определенные отношения с крупными земельными собственниками, оказывались в чрезвычайно тяжелых условиях. Аренда была здесь краткосрочной: как правило, договор заключался на один год (CP Rain. 32, 35—37, 40 и др.) и гораздо реже — на несколько лет; арендная плата постепенно возрастала и достигла к IV в. половины урожая (CP Rain. 42 и 44); в других случаях, арендатор гарантировал собственнику земли определенную уплату независимо от урожая (CP Rain, 35—37, 41, 45). Наконец, в ряде случаев арендатор заключал договор, срок которого определялся произволом господина (πρὸς οὐ βουλευθεῖαι χρόνον — P. Lond. 1689). Арендные отношения такого типа, вырастающие в конечном счете из разложения общины, коренным образом отличались от колоната в Италии и Африке.

В дальнейшем эти крестьяне — продукт разложения египетской общины — могли оказаться закрепощенными, превращенными в феодально-зависимое крестьянство. Однако в памятниках IV—VI вв. мы можем найти лишь тенденцию к развитию такого рода.

Положение γεωργοί в М. Азии и Сирии значительно отличалось от положения африканских coloni. Здесь, как правило, не имело места собственное «домениальное» хозяйство, которое вел владелец или кондуктор руками рабов; соответственно держания колонов возникали не на периферии поместья, а представляли собой структурно целостные поселения. Хорошо известные надписи из Арагви, Батокеки и других сел показывают, что восточные γεωργοί обязаны были вносить подати непосредственно сборщикам налогов (κολλητικῶνες), и ничего не знают об их отработочных повинностях¹.

Как и в Египте, колонат в М. Азии и Сирии (а также, повидимому, и во Фракии) выросал не за счет рабовладельческих латифундий (как в Африке), но из старой эллинистической формы зависимости царских земледельцев. Поэтому прикрепленность крестьянина к его οἶκο, к общине не являлась здесь нововведением IV в., но существовала ранее. Многочисленные надписи говорят о наличии прикрепленности крестьян в III в. н. э.: крестьяне императорских доменов близ Филадельфии жаловались на тяжесть податей и грозили бегством²; точно так же о возможности бегства говорят в своей петиции крестьяне фракийской деревни Скаптопара (238 г.). Угроза бегства (φευξόμεθα) может быть понята только при наличии прикрепленности к общине. Поэтому закрепощение колонов при Константине и его преемниках не приводило к коренным переменам в положении малоазиатских, фракийских и сирийских крестьян.

Развитие колоната в этих областях шло по двум основным линиям. С одной стороны, потомки царских земледельцев попадают под власть частных лиц и становятся частновладельческими колонами. Однако и под частной властью азиатские колоны первоначально рассматривались лишь как плательщики податей (CI, XI, 50, 2), и поэтому господа не имели права требовать с них более значительные повинности, чем взыскивались прежде (CI, XI, 50, 1). Размеры повинностей определялись

¹ А. Б. Р а н о в и ч, Восточные провинции..., стр. 59 и др.

² См. перевод этого документа — А. Б. Р а н о в и ч, ук. соч., стр. 58 сл.

в соответствии с местными обычаями (*consuetudines praedii*) и не могли быть произвольно повышены (СІ, XI, 48, 23,1); при этом, как правило, они взыскивались в натуре (СІ, XI, 48, 5).

Частновладельческие колоны могли иметь собственную землю, помимо той, которую они держали от господина (СІ, XI, 48,4). Колон мог уйти с участка, если на нем сидел его отец, — и только после смерти отца его должны были призвать к отбыванию повинностей. Повидимому, об этой категории колонов говорит новелла Юстиниана 162,2, признающая, что вещи, приобретенные колоном, не являются пекулием, и допускающая, что колон может приобрести κτήσις ἰδία, что позволит ему стать самостоятельным земледельцем и перестать обрабатывать чужие земли.

Зависимое население восточных провинций могло приобретать свободу, превращаясь в мелких свободных землевладельцев. Н. В. Пигулевская обратила внимание на чрезвычайно важное сообщение Захария Митиленского, который рассказывает, что в 503 г. император Анастасий выкупил у Фомы, епископа Амидского, селение около города Дара, в Месопотамии. Всех *tautēbe* церковной земли император освободил и «утвердил за каждым его землю и двор»¹. Эти церковные *tautēbe* были, повидимому, потомками старых храмовых рабов или эллинистических париков, — теперь они получили освобождение.

Свободные работники и мелкие арендаторы нередко упоминаются в источниках, относящихся к истории римской Сирии. Талмуд описывает различные типы свободных работников: одни из них жили в доме господина и получали продовольствие, а иногда — продовольствие и одежду; другие были краткосрочными работниками, нанимавшимися для ирригационных и сезонных земледельческих работ; некоторые нанимались для жатвы, получая за это часть урожая². Иоанн Златоуст рассказывает о тяжелом положении свободных работников в Антиохии IV в.³

Повидимому, с III в. сирийские наемные работники и издольщики начинают заключать пожизненные договоры о найме и из прежних временных и сезонных работников превращаются в наследственных арендаторов⁴. Впрочем, эта картина эволюции является весьма гипотетичной. Во всяком случае, наличие значительной массы таких издольщиков и арендаторов в Сирии, как и в Египте, было результатом имущественной дифференциации в сирийских общинах.

Для понимания судеб крестьянства в восточных провинциях империи чрезвычайно большое значение имеет вопрос о патронате (патроцинии), который был распространен главным образом в Египте и Сирии. Исследователи патроната, опираясь преимущественно на законодательные источники, видят в нем могущественное средство закрепощения деревни, а сами деревни под патронатом считают крепостными⁵. Однако папирилогический материал, а также и некоторые иные источники заставляют нас усомниться в правильности такого понимания патроната.

Египетские папирусы, например Р. Оху. 2195 (577 г.), свидетельствуют, что египетский землевладелец извлекал из *prostasia* значительные доходы деньгами и хлебом, однако, как правило, не раскрывают характера власти патрона. Поэтому особенно важен папирус Русс. — Груз. III, 8 (IV в.), который рисует конкретные взаимоотношения между деревней

¹ Н. В. Пигулевская, К истории социальных и экономических отношений в Месопотамии, стр. 152.

² Ю. А. Солодухо, ук. соч., стр. 42 слл.

³ М. R o s t o v t z e f f, The social and economic history of the Roman empire, 1926, стр. 245 и 566.

⁴ F. H e i c h e l h e i m, ESAR, IV, стр. 148.

⁵ См., например, «История Средних веков», т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 23.

Евгемерия в Фауме и ее патроном — неким Нехо. Крестьяне под патронатом ведут себя отнюдь не как бесправные крепостные — в письме, написанном с большой смелостью, они решительно отвергают притязания Нехо, который требовал выдачи каких-то беглецов, нанесших вред его имуществу.

Наиболее подробные сведения о патронате мы находим в речи Либания «О патронатах» (Or. XLVII)¹. Либаний выделяет два типа патроната. В первом случае (Or. XLVII, 4—10) крестьяне большой деревни за пшеницу или за деньги покупают поддержку размещенных у них на постой солдат и при их помощи прогоняют сборщиков податей. Такая форма патроната отнюдь не может рассматриваться как начальный этап крестьянского закрепощения: наоборот, рассказ Либания свидетельствует о силе крестьянской общины, которая была способна оказать сопротивление сборщикам податей. О силе крестьянского сопротивления свидетельствуют многочисленные памятники — сошлюсь на P. Lond. 234 (от 346 г.), из которого явствует, что сборщики податей не рисковали появляться в селах без поддержки солдат, да и солдаты не очень охотно оказывали им помощь.

Вторая форма патроната, по словам Либания (Or. XLVII, 11), состоит в том, что колонны перестают платить ренту своему господину и отказываются выполнять повинности. Чтобы добиться этого, они отдаются под покровительство могущественного патрона. И эта вторая форма патроната не может рассматриваться как путь к закрепощению крестьян: речь идет лишь о перераспределении земельной собственности между различными группировками господствующего класса (см. особенно гл. 22)². Ведь крестьяне, о которых говорит Либаний, — не свободные землевладельцы, а колонны какого-то собственника, в течение нескольких поколений живущие на его земле; перейдя под патронат могущественного господина, они, собственно говоря, лишь меняют патрона, добиваясь при этом улучшения своего положения.

Разумеется, вопрос о патронате требует специального рассмотрения³; но если наше предположение верно, то следует считать, что патронат (на Востоке) наносил удар не свободному крестьянству, а муниципальному землевладению и что борьба против патроната в IV в. имела своей задачей защиту городских земельных собственников.

Развитие колоната нельзя рассматривать вслед за римскими юристами как единообразный процесс. Под колонатом римские авторы понимали и полупатриархальные формы зависимости в Галлии, и краткосрочную аренду в Италии, где колонны сплошь да рядом эксплуатировали труд рабов, и долгосрочную мелкокрестьянскую аренду в Африке, и зависимость бывших царских земледельцев в восточных провинциях империи. Все эти типы отношений развивались по-своему, однако в этом разнообразии можно наметить одну общую черту — укрепление экономически самостоятельного мелкого хозяйства. В процессе распада рабовладельческой собственности на Западе и государственной собственности на землю на Востоке укреплялась собственность непосредственного производителя на свое единоличное хозяйство, и тем самым создавались предпосылки для образования феодальной собственности. Колонны еще не были крепостными, но они были предшественниками средневековых крепостных.

¹ См. перевод в кн.: С. Шестаков, Речи Либания, Казань, 1912, стр. 167 слл.

² Либаний рисует яркую картину борьбы муниципальной знати против церкви, чиновников, военной аристократии — см. М. Я. Сюзюмов, Политическая борьба вокруг зрелищ..., стр. 102 сл.

³ Повидимому, специфическими чертами отличался патронат в Галлии.

Рассмотрение некоторых сторон развития аграрных отношений в Римской империи приводит к следующим выводам. 1. Развитие производительных сил создавало потребность в квалифицированном и заинтересованном работнике производства. 2. В результате этого производительные силы приходили в несоответствие с рабовладельческими производственными отношениями, порождая хозяйственный упадок, который был особенно острым в областях со значительным развитием рабского труда. 3. Рабовладельческая латифундия, расцвет которой приходится на I в. н. э., оказалась в дальнейшем экономически нерентабельной — наоборот, мелкое самостоятельное производство, по словам Ф. Энгельса, становится экономически наиболее выгодным. 4. Это приводит к тому, что основной тенденцией исторического развития становится укрепление мелкого самостоятельного хозяйства. В областях по Рейну и Дунаю эта тенденция приводит к укреплению экономического и политического значения *vicarii*; в Италии и особенно в Африке она содействует усилению владельческих прав колоннов; на востоке она подрывает корни старой системы государственной собственности на землю.

Укреплению экономической самостоятельности крестьянского хозяйства содействовало и то обстоятельство, что оно могло осуществлять воспроизводство рабочей силы в собственных пределах и не нуждалось в активной экспансионистской политике для пополнения рядов непосредственных производителей. Экономический кризис III в. и рост цен пошел, в конечном счете, на пользу крестьянскому хозяйству, ибо он приводил к натурализации империи. Наконец, медленное проникновение и расселение варваров на территории империи на первых порах содействовало укреплению мелкого землевладения.

Можно сказать, что экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил пробиравал себе дорогу в рабовладельческой Римской империи: рост производительных сил неминуемо должен был привести к разрушению рабовладельческих латифундий и торжеству мелкого производства. В условиях кризиса рабовладельческой системы хозяйства формировался из разнородных элементов класс мелких самостоятельных производителей — будущий класс средневековых крестьян.

Этот класс образовался в результате гигантской переплавки самых разнородных элементов. Сюда вошли и потомки эллинистических царских земледельцев, и придунайские *vicarii*, и африканские *cultores mansiane*, и галльские колонны, и *servi casarii*; сюда влились и варвары-колонисты, оседавшие на римской территории.

Положение крестьянства к моменту падения рабовладельческого общества коренным образом отличалось от того, в котором крестьянство оказалось впоследствии в эпоху возникновения капитализма. Характеризуя положение крестьянства в период становления буржуазного общества, И. В. Сталин писал: «Крестьянство (речь шла об единоличном крестьянстве. — *Ред.*), несмотря на его многочисленность, является таким трудящимся классом, который связан с наиболее отсталой формой хозяйства, — мелким производством, ввиду чего оно не имеет и не может иметь большой будущности»¹. Совершенно иным было положение крестьянства в поздней Римской империи — в то время крестьянство являлось таким трудящимся классом, который был связан с наиболее передовой формой хозяйства — с мелким производством; крестьянство было таким трудящимся классом, который имел большую будущность и который действительно стал более чем на тысячелетие основным создателем материальных благ.

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 15.

В связи с этим мне кажется необходимым пересмотреть нашу оценку той ожесточенной классовой борьбы, которая охватывает империю с конца II в. н. э. и которая приводит в конечном итоге к революционному крушению рабовладельческих отношений. Мы не можем рассматривать ее только как с о п р о т и в л е н и е колонов, рабов, бедноты наступлению крупного землевладения, только как реакцию на ухудшающееся положение трудящихся масс. Не податной гнет, не жестокости кондукторов, не злоупотребления чиновников (хотя все это, несомненно, имело место!) породили грозные народные движения конца империи. Движения народных масс не были только движениями отпора и обороны — это была н а с т у п а т е л ь н а я борьба, в ходе которой трудящиеся массы Римской империи, действуя стихийно и неосознанно, стремились расчистить дорогу новым производственным отношениям, соответствовавшим достигнутому уровню производительных сил. Движения трудящихся масс были прогрессивными — и они были прогрессивными именно потому, что защищали мелкое производство и открывали путь для поступательного движения общества.

Такова основная тенденция исторического развития во II—VI вв. н. э. Но было бы ненужным насилием над действительностью сводить все богатство конкретных явлений к одному единственному направлению. В ряде римских провинций в разное время рабовладельческое хозяйство переживало периоды кратковременного подъема, вытесняя патриархальные формы эксплуатации трудящихся: видимо, с этим обстоятельством связан известный подъем рабовладельческого хозяйства в Сирии, Египте и, может быть, в Галлии. В других областях колонат по тем или иным причинам не мог достигнуть значительного развития, и поэтому здесь на долгие годы установилась депрессия, длительный упадок хозяйства. Так было в Элладе и, повидимому, в Киренаике и в несколько своеобразных формах, — в Италии.

Господствующий класс рабовладельческого общества оказывал сильнейшее сопротивление новым прогрессивным тенденциям в экономическом развитии общества. С этой целью была использована мощная надстройка рабовладельческого общества. Укрепившееся во II и III вв. мелкое хозяйство было опутано прочной сетью податей. «Римское государство превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных»¹. Господствующий класс стремился при помощи податного обложения присвоить не только прибавочный, но и часть необходимого продукта непосредственного производителя, обрекая его на нищету и голод. Христианская церковь с ее проповедью смирения и терпения, милостыни и нищеты была призвана к тому, чтобы задумшить народные движения: отвергая народную *ἀναρχία*, церковь создавала монастыри анахоретов, где смиренная братия должна была трудиться на благо игумена; политические страсти и острую борьбу она призывала заменить унижающим человека вымаливанием милостыни.

Классовая борьба крестьянства и рабов развертывалась в труднейших условиях, и не раз рабовладельческая реакция торжествовала. Но в то же время трудящиеся массы приобрели нового союзника. Это были так называемые «варвары».

«Варварский» мир переживал в первые века н. э. процесс бурного роста производительных сил, который приводил здесь к распаду родовых связей, выделению родовой знати, формированию первых патриархальных форм эксплуатации. Окрепшие германские и славянские племена, консолидировавшись в племенные союзы, переходят в наступление против

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи . . . , стр. 153.

Римской империи. В ходе этого наступления выковывается союз «варваров» и трудящихся масс Римской империи, о котором постоянно говорят современники. Объединенные силы «варваров», колонов, рабов, крестьян опрокинули рабовладельческое общество — сперва на Западе, несколько позднее на Востоке¹.

Но победа крестьянства и варваров не привела и не могла привести к торжеству производственных отношений, основанных на сотрудничестве и взаимной помощи свободных от эксплуатации людей, к утопическому обществу мелких собственников. Мелкое независимое производство с самого рождения несет в себе источник собственного порабощения: в недрах рабовладельческой формации и в недрах разлагающегося «варварского» мира созрели те силы, которые уничтожат затем свободное крестьянство и крестьянскую собственность. Только на короткое время — между римским колоном и новым крепостным — ведущей фигурой в деревне оказался свободный крестьянин — франкский, лангобардский, славянский, а рядом с ними и римский, созданный всем общественным развитием II—VI вв. Если в V и VI столетиях деревенская верхушка еще немногим отличалась от рядового крестьянства, вместе с ним страдала от податного гнета рабовладельческого государства и вместе с ним выступала против этого государства, то в дальнейшем из этих преуспевающих аллодистов формировался тот класс феодалов, который присвоил себе плоды победы крестьян и рабов. В этот класс вливалась и родовая знать варварских племен, и военные командиры, и чиновники, и остатки сенаторской аристократии². В конечном итоге этот общественный переворот привел не к уничтожению всякой эксплуатации, но к уничтожению данной формы эксплуатации, к отмене рабовладельческой формы эксплуатации трудящихся.

¹ См. З. В. Удалцова, Прокопий Кесарийский и его «История войн с готами», в кн.: «Проконий и Кесарии, Война с готами, М., 1950, стр. 5 сл.

² Вопрос о том, как в период раннего средневековья формировались классы нового феодального общества, должен составить предмет специального исследования.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ, *Кармир-блур*, Изд-во АН Арм. ССР, вып. I, 1950, 100 стр., тир. 1500, цена 10 руб.; вып. II, 1952, 88 стр., тир. 2000, цена 7 руб. 50 коп.

С 1939 г. на холме Кармир-блур («Красный холм») близ Еревана ведутся крупные археологические раскопки древнеурартской крепости Тейшебаини. Эти раскопки дали замечательные результаты, значительно обогатившие наши знания об истории и культуре одного из могущественных государств древнего Востока — Урарту. Результатам этих раскопок посвящены два выпуска недавно вышедшей книги руководителя Кармир-блурской археологической экспедиции проф. Б. Б. Пиотровского, опубликованной в серии «Археологические раскопки в Армении». Первый выпуск посвящен результатам работ 1939—1949 гг., причем результаты 1949 г. учтены в книге лишь частично. Специально результатам раскопок 1949—1950 гг. посвящен уже второй выпуск рецензируемой книги. Нужно приветствовать, что замечательные результаты Кармир-блурской экспедиции, благодаря этим публикациям проф. Б. Б. Пиотровского, столь своевременно становятся достоянием широкой научной общественности. Книги снабжены многочисленными иллюстрациями находок, планами раскопанных помещений, автографиями найденных надписей и т. д., что способствует более близкому ознакомлению с материалом и оказывает большую помощь специалистам, работающим над изучением древнейшего Закавказья и древневосточных стран.

Внимание научной общественности было привлечено к Кармир-блuru уже в 1936 г., когда на юго-восточном склоне холма был найден обломок урартской клинообразной надписи Русы II, царствовавшего во второй четверти и середине VII в. до н. э. Систематические раскопки находившейся на холме Кармир-блур урартской крепости начались в 1939 г. Первые два года они велись по единому плану отдельными археологическими экспедициями Гос. Эрмитажа (начальник экспедиции — Б. Б. Пиотровский), Комитета охраны исторических памятников Арм. ССР (начальник экспедиции К. Г. Кафадарян) и Арм. ФАН СССР (начальник экспедиции — С. В. Тер-Аветисян). Раскопки были прерваны в начале Великой Отечественной войны. С 1945 г. раскопки были возобновлены и с тех пор ведутся ежегодно совместной археологической экспедицией Института истории АН Арм. ССР и Гос. Эрмитажа под руководством проф. Б. Б. Пиотровского. В работе экспедиции принимали участие многочисленные научные сотрудники АН Арм. ССР, Гос. Эрмитажа и студенты-практиканты Ереванского, Ленинградского и Московского университетов. Основные раскопки производились на главном холме, собственно Кармир-блуре, где находилась цитадель; с 1948 г. раскапывалось также древнее поселение — «город» урартского времени, расположенный к западу и югу от холма.

Большое здание на главном холме, как полагает автор, «было дворцом урартского наместника, на обязанности которого лежало управление областями Закавказья, присоединенными к Урарту, и наблюдение за сбором дани и выполнением воинских и трудовых повинностей. Во дворце, кроме жилых комнат наместника, находились также многочисленные кладовые и помещения хозяйственного назначения, в которых поступающая в крепость дань подвергалась обработке» (вып. I, стр. 20¹). Эта громадная по-

¹ В дальнейшем указания на страницы без упоминания выпуска относятся к первому выпуску рецензируемой работы.

стройка занимала около 16 000 м² и имела около 120 помещений (стр. 43). Стены дворца сложены из крупных сырцовых кирпичей с примесью рубленой соломы (основной размер: 52×35×14 см) на цоколе высотой около 2 м, сооруженном из громадных грубообработанных камней. Внешняя стена возводилась в 10 рядов кирпичей (т. е. имела толщину 3,5 м), а внутренняя — из 6 рядов. В средней части холма высота стен достигает 7 м, на основании чего автор склонен считать, что первоначальная высота помещений превышала 10 м. Помещения, как правило, имели удлиненную форму, достигая иногда 30 м длины, по ширине же редко более 4 м. Потолочные перекрытия были плоскими (использовались балки из сосны, тополя, дуба, редко бука), пол в большинстве случаев был земляным, утрамбованным (хотя в некоторых помещениях были обнаружены полы, сложенные из крупных сырцовых кирпичей, покрытых сверху толстым слоем глины). Окна устраивались в верхней части стены, под самым перекрытием. В основном здание было одноэтажным, но центральная часть дворца, как показали раскопки 1949 г., состояла из двух этажей. «По своим архитектурным формам,— приходит к заключению автор,— здание, раскапываемое на Кармир-блуре, оказывается весьма близким к памятникам древневосточной, в частности ассирийской, архитектуры, отличаясь от последней отсутствием внутренних дворов» (стр. 45).

Раскопки Кармир-блур дали очень ценный материал для изучения многих сторон экономики Урарту. Был открыт, например, замечательный материал, освещающий состояние земледелия, животноводства и ремесла в Урарту. В частности, раскопки со всей очевидностью выявили высокий уровень урартского земледелия, о чем говорят прежде всего зерновые остатки, обнаруженные в громадном количестве во время раскопок. Цитадель, по всей вероятности, «являлась местом, где хранились запасы зерна, собранного на землях вокруг города и поступившего в виде дани» (стр. 27). Обнаружено много разных сортов пшеницы и ячменя, часто весьма высокого качества. Между прочим, найден сосуд, в котором приготавливалось пиво (стр. 28). Кроме пшеницы и ячменя, обнаружены запасы ржи, а также разные сорта проса, которое также применялось для приготовления пива. Раскопки свидетельствуют также о широком распространении в Урарту культуры кунжута, причем имеются явные следы производства в большом количестве кунжутного масла в самой крепости (стр. 29). Весьма высок был уровень земледельческой техники (стр. 30 сл.). Основные земледельческие орудия изготовлялись из железа. Найлены серпы и вилы, наконечник мотыги или сошника и другие предметы из железа.

Имеются интересные материалы о садоводстве и высокоразвитом в Урарту виноградарстве. Найлены остатки плодов алычи, граната, семена арбуза и т. д. (стр. 31). Раскопки дали большое количество обугленных виноградных лоз, найлены также остатки винограда, хотя и в малом количестве, что объясняется тем, что к моменту гибели города (в начале августа) виноград еще не созрел (стр. 31). В этом отношении весьма интересны раскопки 1949 и 1950 гг., когда были открыты и исследованы две большие кладовые (№ 25 и 28), предназначенные для хранения вина. Кладовая № 25 (II, стр. 16 сл.) представляла собою большое помещение площадью свыше 300 м², а кладовая № 28 (II, стр. 28 сл.) занимала около 280 м². Вся территория этих кладовых была занята крупными сосудами—карасами, наполовину вкопанными в земляной пол. В кладовой № 25 открыто 82 таких караса, в кладовой № 28—70 карасов. На сосудах клинописью или же иероглифическими знаками отмечалась емкость: указывалось, сколько акарки или теруси (вина) мог вместить данный карас. Лемани-Гаупт, на основании реконструкции размеров сосудов из Топрах-кале, на которых были аналогичные обозначения емкости, предполагал, что акарки равнялась примерно 120—150 литрам, а теруси (это название раньше неправильно читали как «хируси») — около 12—15 литров. На основании кармир-блурского материала Б. Б. Пиотровскому удалось исправить это ошибочное определение Лемани-Гаупта. Оказывается, что в действительности акарки равнялась около 240—250 литрам, теруси же составлял девятую или десятую часть акарки (II, стр. 74).

Таким образом, две кладовые с карасами (№ 25 и 28) хранили громадное количество вина — около 610 акарки, т. е. примерно 150 тысяч литров, что лиш-

ний раз подтверждает свидетельства письменных источников о высоком развитии виноградарства в Араратской долине уже в урартскую эпоху (II, стр. 74).

Материалы раскопок Кармир-блур прекрасно иллюстрируют также развитие оживотноводства в этом уголке Урарту (стр. 31 сл.). Притом, как отмечает автор, остеологический материал из Кармир-блур представляет совершенно исключительный интерес для истории скотоводства. Урартская лошадь, например, оказалась представителем специально выведенной породы. Обнаружены также кости ослов, крупного рогатого скота, а также, хотя и в меньшем количестве, мелкого рогатого скота; мелкий рогатый скот в момент гибели крепости находился еще на горных пастбищах.

Ценный материал дают раскопки и для изучения урартского ремесла (стр. 34 сл.). Обнаружено много образцов шерстяной ткани, в одной из кладовых найдено большое количество пряжи. Найдены хорошо сохранившиеся деревянные предметы (ложка, сосуд, деревянные части мебели, остатки деревянного колчана, покрытого кожей, и т. д.). Поражает громадное разнообразие керамических изделий. Большую группу составляет керамика урартского образца — красная лощеная, чрезвычайно разработанных форм: кувшины с одной ручкой, профилированные чаши и небольшие двойные сосуды. Вторую группу керамики составляют местные изделия: грубые сосуды черного цвета, часто в форме горшков с широкой горловиной, украшенные под венчиком елочным гребенчатым узором и семячковым или волнообразным орнаментом; встречаются такие сосуды и без всякой орнаментации. Третью группу керамики составляют сосуды, имеющие аналогии в закавказских могильниках VII—VI вв. до н. э. (стр. 36).

Значительный материал дали раскопки и для урартской металлургии. Преобладают железные предметы, бронзовые представлены сравнительно слабо. Это, в основном, украшения: браслет и пояса; последние имеют аналогии в закавказском материале. Найдено много бронзовых декоративных щитов, украшавших стены внутренних помещений дворца (стр. 62 сл.). Среди них выделяется великолепный бронзовый щит с изображениями львов и быков, найденный в 1951 г. (II, стр. 51). Выдающимся памятником урартского искусства является шлем царя Аргишти I, обнаруженный в 1950 г. Лобная часть шлема украшена изображениями священных деревьев со стоящими по их сторонам божествами. Эти изображения обрамлены фигурами змей с львиными головами. Височная и затылочные части шлема украшены изображениями урартских боевых колесниц и всадников. Аналогичные изображения имеются также на других шлемах, найденных на Кармир-блуре (I, стр. 63 сл.; II, стр. 49). Обращают на себя внимание также бронзовые колчаны с изображениями всадников и боевых колесниц. На Кармир-блуре было найдено много других замечательных памятников урартского искусства.

Значительную часть металлических предметов, обнаруженных на Кармир-блуре, как было уже отмечено выше, составляют железные предметы. Автор указывает, что «все железные предметы, найденные на Кармир-блуре, обнаруживают полное сходство с таковыми же из центральной части Урарту, в то время как бронзовые существенно отличаются от урартских и примыкают к местной закавказской металлургической традиции» (стр. 37). Этот вывод основан на сравнении железных изделий из столицы Урартского государства Тушпы (Топрах-кале) с аналогичными изделиями из Кармир-блур; к последним примыкают, как отмечает автор, железные изделия из закавказских могильников VII—VI вв. до н. э. Как полагает Б. Б. Пиотровский, «связь начального этапа обработки железа на Кавказе с Ванским царством не подлежит сомнению. Бронзовые изделия Закавказья имеют самобытные, на Кавказе развившиеся формы, а железные первоначально копируют урартские, если не являются привезенными из Ванского царства. Изготовление из железа орудий типа бронзовых закавказских относится к более позднему времени, преимущественно к тому, когда на базе местных месторождений железа возникла уже собственная железная металлургия Закавказья» (стр. 87). Все же, как нам кажется, это положение автора нуждается в обосновании на более широком материале. Как отмечает сам автор, знаменитый Мишгечаурский могильник, например, указывает как будто другой, не урартский источник железа (там же). Кроме того, раскопки последних лет в Грузии свидетельствуют о раз-

витии здесь железной металлургии на основе высокоразвитой местной металлургии бронзы и т. д.

Из других находок на Кармир-блуре стоит отметить большое количество обломков стенных росписей. В помещения первого этажа эти росписи попали, повидимому, из обрушившегося второго этажа (II, стр. 41 сл.). Фрагменты росписей содержат орнаментальные мотивы, части фигур крылатых божеств и обломки диска с отходящими лучами, на концах которых помещены пальметки и гранатовые яблоки. Остатки замечательных стенных росписей в большом количестве обнаружены также в другой урартской крепости на холме Арин-берд (на окраине Еревана), раскопки которой ведутся с 1951 г. Следует отметить также находки многочисленных урартских печатей (I, стр. 70 сл.; II, стр. 45 сл.), а также ассирийских и египетских предметов, предметов малоазиатского круга и др., свидетельствующих о широких связях Урартского царства с другими странами древнего Востока и, в первую очередь, с Ассирией (стр. 77—85).

Необходимо остановиться и на замечательных эпиграфических находках. На Кармир-блуре до сих пор обнаружено около полутора десятков новых урартских клинообразных надписей. Отдельные урартские клинообразные надписи, найденные на Кармир-блуре, публиковались и раньше Б. Б. Пиотровским, а также И. М. Дьяконовым, главным образом в «Эпиграфике Востока» (вып. II, III, V). В рецензируемой работе, в частности во втором выпуске (стр. 49 сл.), приводится транскрипция и перевод подавляющего большинства найденных надписей, некоторые из них даны в автографиях. Большая часть надписей обнаружена на разных бронзовых предметах: чашах, щитах, шлемах, колчанах, умбонах щитов. Выше были упомянуты надписи на карасах. Найдено также несколько фрагментов табличек с клинописным текстом. Три из них опубликованы И. М. Дьяконовым в III выпуске «Эпиграфики Востока»¹. В рецензируемой работе, также в транскрипции И. М. Дьяконова, приводится текст четвертой такой таблички, открытой в 1949 г. (II, стр. 75 сл.). Текст ее, по всей вероятности, является письмом или, точнее, письменным распоряжением (приказом).

Бронзовые предметы содержат трафаретные надписи: это посвящения богу Халди — верховному божеству урартийцев, или указания на то, что данный предмет принадлежит тому или иному царю или «оружейному дому» такого-то царя. Бронзовые предметы, на которых находятся эти надписи, часто состоят из десятков обломков, и стоит немало труда воссоединить эти обломки и восстановить всю надпись. Эти работы выполнены Б. Б. Пиотровским с большим искусством. К сожалению, в транскрипции приведенных в книге надписей вкрались корректурные ошибки; следовало также быть последовательным при транскрипции идеограмм — передать их или в их шумерском значении, или же в ассиро-вавилонском. В издаваемых надписях одни идеограммы переданы в шумерском значении (например, EN— «владыка», TUR— «малый»), другие же по-ассирийски (например, BĪTU «дом», ĀLU— «город»).

Кроме клинообразной системы письма, заимствованной урартийцами от ассирийцев, в Урарту было в употреблении также пероглифическое письмо, повидимому, местного происхождения. Раскопки на Кармир-блуре дали нам богатый материал для изучения пероглифического письма. На большинстве крупных сосудов для вина — карасов, открытых в кладовых № 25 и 28, обозначения емкости даны по пероглифической системе; в работе Б. Б. Пиотровского приводится автография всех этих пероглифических обозначений емкости на карасах — их насчитывается больше ста (II, стр. 68—73). Оказалось, что в урартском пероглифическом письме последовательность знаков шла не слева направо, как в клинописи, а справа налево, цифры обозначались круглыми углублениями и т. д.

В одном из помещений дворца была обнаружена часть бронзового запора с надписью, гласящей: «Дом оружия Русы, сына Аргишти, города Тейшебаини» (I, стр. 20). Очевидно, Тейшебаини и было название урартского города, находившегося в районе

¹ Один из этих документов И. М. Дьяконов считает счетным документом, остальные же два, по его мнению, являются фрагментами документов юридического характера.

нынешнего Кармир-блур. Эта надпись, как отмечает автор, важна и для датировки, подтверждая «предположения, что раскопанные нами помещения дворца на холме относятся к VII в. до н. э., ко времени правления урартского царя Русы, сына Аргишти» (стр. 20 сл.). Об этом же свидетельствует также найденный еще в 1936 г. на холме обломок надписи этого самого царя Русы II, сына Аргишти (II, стр. 9).

Этой датировке как будто противоречит то, что «все бронзовые предметы», найденные в кладовых Тейшебаини, относятся не к VII, а к VIII в. до н. э. Однако Б. Б. Пиотровский полагает, что это не только не противоречит вышеуказанной датировке, но подтверждает его мнение о перенесении этих предметов после реформы административного управления в кладовые Тейшебаини из старых административных центров, в частности, из Аргиштихинили (II, стр. 9). Это предположение, по мнению автора, подтвердилось раскопками 1950 г., когда на Кармир-блуре были открыты щиты, которые Аргишти I пожертвовал в другую урартскую крепость — в Ирпуни (совр. Аринберд, на окраине Еревана) (II, стр. 9 сл.). Б. Б. Пиотровский полагает, что город Тейшебаини (Кармир-блур) стал административным центром во втором периоде урартской истории (VII — начало VI вв. до н. э.). «В последней четверти VIII в. до н. э. в Урарту произошел мятеж, поднятый против царя военачальниками, туртанами, правителями окраинных областей царства, власть которых на местах чрезмерно возросла... В ответ на мятеж, Руса I, сын Сардури, провел реформу управления окраинными областями, выразившуюся в разукрупнении старых наместничеств, в замене крупных административных центров более мелкими. В Закавказье, повидимому, именно в это время потерял свое прежнее положение крупнейший центр VIII в. до н. э., крепость Аргиштихинили (на Армавирском холме)...» (II, стр. 8).

Данное предположение автора, как нам кажется, нуждается в дальнейшем обосновании. Ведь картина, которая рисуется автором, больше походит на укрупнение, чем на «разукрупнение»: теряет свое значение Аргиштихинили, теряет значение и Ирпуни, предметы из них переносят в Тейшебаини, который становится «крупнейшим урартским административным центром в Закавказье». Таким образом, вместо предыдущих трех (Аргиштихинили, Ирпуни, Тейшебаини) или, по крайней мере двух, если Тейшебаини к этому времени еще не существовал, в VII в. на Араратской долине уже фигурирует только один центр (Тейшебаини). Предметы из других урартских крепостей, как нам кажется, могли оказаться в Тейшебаини скорее по другим причинам — вследствие того, что эти крепости подверглись разгрому врагами раньше Тейшебаини; часть спасенного от врагов имущества этих крепостей, повидимому, была доставлена в Тейшебаини. Этот разгром соседних урартских крепостей мог произойти не только в самом конце существования Урартского царства, но и раньше, например, в конце VIII в. — во время крупных вторжений киммеро-скифов. Ведь вряд ли имело смысл бросить такую первоклассную крепость как Ирпуни и превратить в административный центр Тейшебаини, который укреплен несравненно слабее и к тому же по раскопкам предстает перед нами скорее как хозяйственный центр, чем крепость.

В Тейшебаини обнаруживаются предметы, по всей вероятности, не только из Ирпуни. По мнению Б. Б. Пиотровского, тот факт, что все бронзовые предметы с надписями урартских царей относятся к VIII в. до н. э., свидетельствует о перенесении этих предметов из других мест после реформы административного управления, проведенной Русой I в конце VIII в. Но надпись на одной чаше (II, стр. 63), которую Б. Б. Пиотровский считает принадлежащей Русе I, по всей вероятности, принадлежит не ему, а царствовавшему в первой половине VII в. Русе II: в надписи упоминается о «Малом городе (царя) Русы» (*Irusaini URU TUR-gi*), о строительстве которого повествуется в надписи Русы II из Маку. На это указывает также различие в характере письма и в изображениях между этой чашей и пятью другими чашами, носящими имя Русы, которые принадлежат, по всей вероятности, Русе I (II, стр. 56). Таким образом, эта чаша Русы II находилась, очевидно, первоначально в «Малом городе Русы», построенном Русой II в районе современного Маку, и оттуда попала в Тейшебаини, возможно, потому, что «Малый город Русы» был разгромлен врагами раньше, чем Тейшебаини.

Кроме того, данные ассирийских источников конца VIII в. до н. э.—надписи Саргона II и ассирийская царская корреспонденция также не свидетельствуют о разукрупнении административных округов. Саргон I, например, который прошел по обширной территории Урарту, отмечает, что он покорил «430 поселений 7 областей Урсы урартского» (ВДИ, 1951, № 2, стр. 333). Под этими 7 областями, по всей вероятности, подразумеваются: 1) Суби, 2) Бари (район городов Таруи и Тармакиса), 3) район Улху, 4) Сангибуту, 5) Армарили, 6) Аиаду и 7) Уаиаис. Что это деление соответствовало административному делению, показывает то обстоятельство, что в письмах ассирийских агентов — информаторов ассирийского царского двора о положении в Урарту упоминаются «областена начальники» некоторых из этих областей — например, упоминаются: «областена начальник Армарили (Армираллу)» (там же, стр. 338) или «областена начальник Уаиаис» (варианты: Уаси, Уазаа) (там же, стр. 337—339). Перечисленные выше области включали в себя довольно обширную территорию; это, в частности, можно сказать об области Армарили, раскинувшейся на огромном пространстве между Ванским и Урмийским озерами. В вышеназванных письмах упоминается также урартский областена начальник страны Алзи — тоже крупной области на западной окраине урартской державы (там же, стр. 338) и т. д.

Таким образом, как нам кажется, имеющиеся в нашем распоряжении материалы мало говорят об административной реформе, проведенной, по мнению автора, Русой I, и эта гипотеза нуждается еще в дальнейшей аргументации.

Кроме того, общепринятое у нас до сих пор положение о том, что Аргиштихинили был «на протяжении всего VIII в. до н. э. основным и единственным урартским административным центром в Закавказье» (стр. 8, 10), в частности в Араратской долине, сейчас, повидимому, несколько устарело. Этот взгляд на Аргиштихинили утвердился тогда, когда мы ничего не знали, например, о крепости Ирпуни. Но после того как, благодаря находкам последних трех лет на холме Арин-берд (II, стр. 9 сл.), стало ясно, что здесь находилась построенная Аргишти I мощная крепость, этот взгляд на Аргиштихинили нуждается в пересмотре. Основание Аргиштихинили и Ирпуни упоминается в летописи Аргишти I, причем о построении Ирпуни речь идет во II столбце (стк. 33), а о построении Аргиштихинили лишь в IV столбце (стк. 72). Таким образом, Ирпуни, должно быть, был основан раньше, чем Аргиштихинили. Обращает также внимание различие в сообщениях о воздвижении этих двух крепостей; по отношению к Аргиштихинили сказано от имени Аргишти: «Аргиштихинили я воздвиг, из реки (?) канал стране Аза (т. е. той области, в которой был основан этот город) я провел»; в надписи же из самого Аргиштихинили (Армавир) вместе с сообщением о построении Аргиштихинили также говорится о проведении четырех каналов, об устройстве садов и виноградников (МАК, V, надпись № 9). Но в той же летописи Аргишти I, в сообщении о построении Ирпуни, говорится, что Аргишти воздвиг этот город «для могущества страны Бианили (и) для усмирения вражеской страны». Это же говорится также в надписи, сообщающей о построении Ирпуни, найденной в 1950 г. на территории самого Ирпуни. Таким образом, в отношении Ирпуни подчеркивается именно его военное значение, в Аргиштихинили же на переднем плане стояла как будто хозяйственная деятельность. Все это говорит за то, что, если в VIII в. в Араратской долине и существовал лишь один административный центр, то это был, повидимому, не Аргиштихинили, а именно Ирпуни.

Весьма интересные результаты дали раскопки поселения («города»), расположенного к западу и югу от Кармир-блурского холма. Раскопкам этого древнего поселения посвящен небольшой обзор В. С. Сорокина, помещенный в конце II выпуска «Кармир-блур» (стр. 79—86). Данное поселение занимало обширную территорию площадью около 40 гектаров. Пока раскопана весьма незначительная его часть. Здесь прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что в раскопанных «жилищах не обнаружены сколь-нибудь опутительные следы собственного хозяйства семей, отсутствуют помещения для скота, места хранения запаса продуктов. В кварталах намечаются даже обособленные кладовые, как будто не входящие в отдельные жилища» (II, стр. 10). Б. Б. Пиотровский предполагает, что в поселении у Кармир-блур «жили

урартские войны с их семьями, многочисленные ремесленники, трудившиеся над переработкой громадной дани, поступавшей в Тейшебани, а также земледельцы, работавшие на полях и садах, принадлежавших Урартскому государству... естественно, что жители указанных категорий, т. е. войны, ремесленники и земледельцы, находившиеся в зависимом положении от урартской государственной власти, состояли на государственном довольствии и не имели собственного хозяйства, обеспечивавшего их существование» (II, стр. 10; ср. I, стр. 18, 20). По архитектурным формам и строительным приемам городские постройки существенно отличаются от здания на холме. В то время как архитектура строения на самом холме Кармир-блур, как отмечает Б. Б. Пиотровский, была тесно связана с архитектурой государств Месопотамии и восточной части Малой Азии, широко использующей сырцовый кирпич, городские постройки, по его мнению, дают нам, повидимому, образец закавказской строительной техники начала I тысячелетия до н. э. (стр. 17). В раскопанных жилищах «города» найдены многочисленные образцы как урартской, так и закавказской керамики, отдельные железные предметы (нож, наконечник мотыги) хорошо известных урартских типов и т. д. На наличие ремесла в городе, как отмечает автор, указывает «створа литевой формы для крупного топора-секиры, найденная в 1936 г., каменная форма для отливки дисковидного ажурного украшения... и глиняный гончарный круг...» (стр. 18). Нужно пожелать, чтобы раскопки этого древнего поселения, имеющие огромное значение для изучения социального состава населения этого урартского центра, были продолжены быстрыми темпами; к сожалению, в 1951 и 1952 гг. раскопки поселения не производились; желательно также, чтобы материал из поселения, имеющий столь большое значение, стал темой специальных исследований, в первую очередь самого руководителя экспедиции, проф. Б. Б. Пиотровского.

Значительное место в рецензируемых книгах занимает вопрос о связях населения Кармир-блур со скифами. Во время раскопок найдено немало скифских предметов или предметов, отражающих связь со скифским искусством, что, по мнению Б. Б. Пиотровского, указывает на регулярные сношения скифов с урартами еще во время существования Урартского царства (I, стр. 86—97; II, стр. 11—13). Весьма остроумно предположение автора о том, что урартская крепость на Кармир-блуре пала под ударом скифов. Об этом свидетельствуют, по мнению автора, находки бронзовых наконечников стрел скифского типа у северо-западных ворот цитадели. По обстоятельствам их находки выясняется, что они принадлежали врагам, разгромившим крепость (стр. 86). Все же следует отметить, что войско, на вооружении которого были скифские наконечники стрел, вовсе не обязательно должно было состоять, по крайней мере целиком, из скифов. «Скифские наконечники стрел» могли быть в это время и на вооружении других племен. Характерен в этом отношении отмеченный автором факт, что в самом Кармир-блуре в основном слое комнаты № 24 были обнаружены два бронзовых наконечника стрел скифского типа, подобные тем, которые были найдены у северо-западных ворот. Таким образом, «в урартской крепости, наряду с железными черенковыми урартскими и бронзовыми закавказскими наконечниками стрел, бытовали также бронзовые скифские» (стр. 93). Скифские наконечники стрел встречаются во многих закавказских могильниках (Самтавро, Мингечаур и т. д.). Они, вероятно, не всегда указывают на скифское происхождение тех лиц, к вооружению которых они принадлежали.

Рецензуемые книги Б. Б. Пиотровского являются, несомненно, весьма ценной работой, знакомящей с замечательными результатами Кармир-блурской археологической экспедиции. Желательно, чтобы как можно скорее появились в свет новые работы Б. Б. Пиотровского, подвергающие более детальному анализу имеющий исключительное значение материал раскопок древнеурартской крепости Тейшебани (Кармир-блур).

Г. А. Меликишвили

В. А. ГОЛЬДЕНБЕРГ, История древней Греции и Рима. Учебно-методическое пособие для студентов-заочников, Харьков, Изд. ХГУ, 1952, 82 стр., тираж 500 экз.

Учебно-методические пособия играют очень большую роль в системе заочного обучения. Они должны фиксировать внимание студентов-заочников, не имеющих возможности выслушать полный курс лекций, на основных вопросах данного предмета. Никким образом не заменяя учебников, пособия такого рода дают методические указания заочникам для самостоятельной работы над соответствующими главами рекомендуемых учебных пособий, обращают внимание студентов на узловые вопросы курса и значительно облегчают усвоение материала программы. В нашей учебно-методической литературе имеется довольно значительный опыт по изданию пособий для заочников. Так, например, в 1948 г. в издании Учпедгиза вышла в свет аналогичная работа Н. А. Машкина и Д. Г. Редера «История древнего мира», рассчитанная на студентов-заочников педагогических институтов.

Небольшая книга В. А. Гольденберга содержит 20 глав по истории древней Греции и эллинизма и 21 главу по истории древнего Рима. К каждой главе указана основная и дополнительная литература. К главам, трактующим узловые вопросы курса, как, например, возникновение государства, афинская демократия и др., указаны руководящие произведения классиков марксизма-ленинизма. Кроме того, к большинству глав даны указания по исторической карте и приведены основные хронологические даты.

Автор методологически правильно и в доступной форме освещает важнейшие периоды и излагает основные факты истории древней Греции и Рима. В пособии учтены последние достижения советской исторической науки. Основываясь на высказываниях И. В. Сталина об империях рабского и средневекового периода, В. А. Гольденберг характеризует Персидскую державу и монархию Александра Македонского как временные и непрочные военно-административные объединения, не имевшие своей экономической базы. Причины побед и поражений полководцев объяснены не случайными, а постоянно действующими факторами. К сожалению, не указаны причины победы греков в Греко-персидских войнах. В главе, посвященной особенностям экономики Греции в V—IV вв., освещен вопрос о роли товарного хозяйства в древности. Однако следует заметить, что автор уделяет, пожалуй, слишком много внимания античной торговле в ущерб производству. Так, характеризуя греческие полисы, он делит их на аграрные, торговые и торгово-аграрные (стр. 15). Но ведь для того чтобы торговать, полисы последних двух категорий должны были производить, следовательно, иметь развитое ремесло; о промыслах в греческих полисах, как известно, говорит и Маркс¹. Группировку Фемистокла В. А. Гольденберг называет «торгово-рабовладельческой» (стр. 19) и т. д.

Говоря об особенностях античной экономики, автор выделяет и подчеркивает три момента: преобладание натурального хозяйства, замедленное развитие производственной техники, особую роль торгового капитала. Здесь же автор подчеркивает необходимость понять и усвоить «эти три особенности античной экономики». Вряд ли правильно настаивать на усвоении именно этих трех моментов; ведь основной особенностью античной экономики, которая определяла остальные ее стороны, было рабовладение, о котором автор говорит несколько раньше, не подчеркивая, однако, в достаточной степени его значения.

Вызывают сомнение некоторые формулировки, касающиеся времени и характера становления государства в Греции: сохранение родовых пережитков в Спарте (стр. 16) автор объясняет только ранним образованием государства, а не отсталостью экономики Спарты и военным характером спартанского государства. Заявление о том, что в Афинах «возникшее государство могло быть только аристократическим» (там же), проти-

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, 1950, М., стр. 344.

воречит приводимому на той же странице замечанию Энгельса, что демократическая республика возникает непосредственно из родового строя. Более правильно было бы сказать не о «возникшем», а о «возникающем» государстве. Вследствие неточности формулировки фразы на стр. 17 читатель может подумать, что все греческие тираны являлись представителями интересов торговой прослойки афинских рабовладельцев. В главе «Греко-персидские войны» автору следовало указать на необходимость внимательного изучения хода военных действий и после битвы при Платеях. Все же в основном узловыe вопросы курса освещены в книге методологически правильно.

Основным методическим недостатком рецензируемой работы является почти полное отсутствие указаний на источники, несмотря на то, что автор сам на стр. 11 подчеркнул: «Необходимо твердо усвоить, что без знания источников не может быть знания истории, и потому хорошее знакомство с источниками для историка обязательно». Из источников указаны только поэмы Гомера и к некоторым главам отдельные документы из второго издания «Хрестоматии по истории древнего мира» под ред. акад. В. В. Струве. Так как такие сборники источников, как «Древний мир в памятниках его письменности» Д. А. Жаринова, Н. М. Никольского, С. И. Раддига и В. П. Стерлигова и «Античный способ производства в источниках» стали библиографической редкостью и поэтому мало доступны заочникам, то материалы из «Хрестоматии...» нужно было дать ко всем главам, выделив для этого после каждой главы раздел «Источники». Это тем более важно для студентов-заочников университета, что и в упомянутом выше пособии Н. А. Машкина и Д. Г. Редера для заочников педагогических институтов ко всем главам даны подробные указания о работе с источниками.

Было бы желательно уделить больше внимания главам по источникам древней Греции и Рима. Вряд ли принесет пользу студентам простое перечисление историков, особенно греческих; следовало дать хотя бы краткую характеристику их творчества, показав особенности каждого из них. Особенности античной историографии, которые даны в разделе, посвященном римским историкам, следовало указать в начале всей книги, подчеркнув классовый характер античной историографии. Из русских историков не упомянуты С. А. Жебелев и В. В. Латышев.

В книге неравномерно распределен материал по античной культуре. В разделе по истории Греции есть только глава по греческой культуре классического периода. Ранней греческой культуре посвящены всего три строчки в главе «Греция VIII—VI веков», в которых указывается только на влияние культуры древнего Востока на раннюю греческую культуру. Совершенно не упомянут один из основоположников диалектики — Гераклит. Пропущено очень важное указание В. И. Ленина о борьбе линий Демокрита и Платона в философии. В главе «Греческая культура классического периода» автор правильно указывает, что греческий театр был надстроечным явлением над рабовладельческим базисом, но было бы ошибочно видеть в произведениях греческих трагиков только проповедь неотвратимости судьбы, силы рока (стр. 27). В этих произведениях отображена действительность с ее острой социальной и политической борьбой. В «Прометее» Эсхила ясно выражена идея богоборчества, а не могущества богов. Автор ничего не говорит о греческой мифологии.

Слишком скупо дана и римская культура. «Золотому веку» посвящено пять строк, культура Поздней империи указана только в заглавии главы. Автору следовало остановиться на творчестве тех основных римских писателей, которые, как Вергилий, Гораций и Овидий, вошли в сокровищницу мировой литературы и оказали влияние на развитие словесности в последующие века. Так как курс античной литературы не читается студентам-заочникам исторического факультета, то нужно было указать в качестве дополнительного пособия и на «Хрестоматию по античной литературе» под редакцией Н. Ф. Дератани.

В главе «Греческие города и государства Причерноморья» следовало больше внимания уделить местным племенам, их различиям и особенностям, а не называть их всех общим именем «туземцы». Надо было рекомендовать студентам ознакомление с наиболее важными отрывками из сборника «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе», изданного В. В. Латышевым и переизданного в ВДИ.

В книге имеются опечатки в словах: Теренций (стр. 62), А. С. Ахманов (стр. 36). Сципион Эмилиан (стр. 50).

Все же, несмотря на отмеченные недостатки, учебно-методическое пособие В. А. Гольденберга окажет существенную помощь студентам-заочникам в изучении истории древнего мира.

И. Р. Килачицкая

ФЕОФРАСТ, Исследование о растениях, Перевод с древнегреческого и примечания М. Е. Сергеевко. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, 590 стр., тираж 3000 экз., цена 23 р. 40 к.

Перевод ботанических сочинений Теофраста на русский язык следует всячески приветствовать; произведения крупнейшего ученого древности, основоположника ботанических изысканий, по справедливости заслужившего почетное имя «отца ботаники», привлекут к себе внимание не только специалистов-ботаников, но и всех интересующихся историей естествознания и развитием научной мысли. Обилие ботанических сведений, замечательная наблюдательность автора, точность его «диагнозов», позволяющая отождествить ряд описанных им растений с определенными, известными нам видами (см., например, параграфы, содержащие описание различных дубов), множество ценнейших сведений по истории сельского хозяйства в древней Греции и по античной сельскохозяйственной технике (включая сюда полеводство, виноградарство и садоводство), определенно выраженные интересы автора к изучению взаимоотношений организмов и окружающей среды — все это делает ботанические работы Теофраста очень ценными для широкого круга читателей: и для ботаников, и для агрономов, и для историков древнего мира, и для историков науки и техники.

Теофраст стал привлекать к себе внимание ученых главным образом в течение последних десятилетий. В прошлом столетии из работ, ему посвященных, заслуживает упоминания только содержательная статья О. Кирхнера «Die botanischen Schriften des Theophrast», 1875. В 1903 г. вышла в свет книга Г. Бредля, подводившая итог тем ботаническим изысканиям, которые были произведены учеными, сопровождавшими Александра Македонского в его походах. Она пробудила интерес к Теофрасту. В 20-х и 30-х годах появились статьи швейцарского биолога Г. Зенна и молодого шведского ученого Р. Стремберга. Эти работы, как можно судить и по рецензируемому переводу и по примечаниям, критически использованы М. Е. Сергеевко. Она иногда принимает их выводы, иногда спорит с ними и предлагает свои толкования текста Теофраста с большой убедительностью (см., например, прим. 114 к кн. I, или прим. 105 и 111 к кн. IV). Несмотря на некоторые недочеты в переводе и неполноту комментария, мы можем сказать, что обладаем теперь таким переводом «Исследования о растениях», какого (несмотря на то, что это п е р в ы й перевод ботанических сочинений Теофраста на русский язык) на Западе нет. Переводы Шнейдера и Виммера на латинский язык и не всем доступны и представляют собою почти библиографическую редкость. Кроме того, Шнейдер издавал свой перевод, когда не была известна лучшая из рукописей Теофраста — кодекс, хранящийся в Ватиканской библиотеке. Перевод Шпренгеля не только не точен, но часто и прямо фантастичен. Комментарии Бредля, погибшего в первую мировую войну, остались непечатанными и неизвестно, где находятся в настоящее время. Английский перевод Горта (1916 г.) не имеет комментария; он снабжен только филологическими и притом очень скудными примечаниями.

Рецензируемый перевод «Исследования о растениях», несомненно, будет содействовать широкому знакомству с Теофрастом. Написанный хорошим русским языком, простым и ясным, перевод М. Е. Сергеевко читается легко и не требует для того, чтобы стать понятным, справок с оригиналом. Все знакомые с текстом Теофраста в подлиннике прекрасно знают, до какой степени труден для перевода его язык и стиль,

очень своеобразный, краткий, иной раз предельно сжатый. Перевести Феофраста так, чтобы сделать его доступным широким читательским кругам и вместе с тем не погрешить против подлинника, дело весьма трудное и ответственное. Переводчица с ним справилась, и следует только приветствовать, что в своей работе над переводом Феофраста она поставила своей задачей точно передать литературным языком его мысли и удержалась от соблазна попытаться сохранить и своеобразие стиля подлинника, что, наверное, привело бы к известному насилию над русским языком. Перевод сделан правильно, и только кое-где встречаются в нем некоторые промахи. Непонятно, например, почему в самом начале перевода (I, 1, 1; стр. 11) *πράξις* переведено словом «подвижность», а не «деятельность» в соответствии с прямым значением греческого слова. Больше претензий можно предъявить к переводчице в области передачи терминологии, столь важной в ботаническом сочинении. Переводчица, филолог-классик, не всегда уверена в ботанических терминах. Так, например, слово *φρύακα*, переданное в книге I (3, 1) через «полукустарники» (стр. 18), в книге VI, посвященной Феофрастом этому разделу растительного мира, переведено как «мелкие кустарники» (стр. 191). Встав на правильный путь передачи греческих названий растений в буквальном их переводе с кавычками, например, «цветок Зевса» (гвоздика), «шишконосы» (хвойные деревья), «солнцеворот» (гелиотроп), «мидийская трава» (люцерна), «собачья роза» (шиповник) и т. п., переводчица не осталась до конца верной себе, и вместо «звездочки» в тексте оказалась «астра», вместо «болотного золота» — «бессмертник», а вместо «острой колючки» — «пираканта». Хорошо еще, что буквальный перевод этих названий приведен в указателе, но, к сожалению, не всегда (см., например, «пираканта» на стр. 564). Точно так же досадно, что переводчица допустила в некоторых (к счастью, очень немногочисленных) случаях такую историческую и филологическую бестактность, как название растений по бинарной системе Линнея: «молодил кровельный» (стр. 37), «якорцы стелющиеся» (стр. 192). Такая номенклатура уместна, конечно, только в «Указателе», где она систематически и проводится. И подобные недосмотры, к сожалению, не единичны.

Примечания и обильны и содержательны, но неравномерны, и очень желательно было бы их еще расширить. Нельзя отказать М. Е. Сергеевко в ботанической начитанности, для филолога-классика очень значительной. Но ботаническая начитанность не заменяет специального ботанического образования, и в составлении примечаний к Феофрасту должны были, само собой разумеется, принять участие ботаники. В тех случаях, когда дело касается вопросов исторических, вопросов толкования текста, методов работы Феофраста, а также истории техники и особенно сельского хозяйства, М. Е. Сергеевко стоит на твердой почве. За множеством ее примечаний стоит не только большая начитанность, но и самостоятельные наблюдения и изыскания. Таковы, например, ее примечания относительно работы Феофраста над его материалом (примечания 92—95, 99 и 108 к книге III), примечания, касающиеся сельского хозяйства, к книгам VII и VIII, филологические объяснения. Полного одобрения заслуживает стремление переводчицы проверять сведения, сообщаемые Феофрастом, данными современной ботаники. Это сделано почти для всех деревьев, описываемых Феофрастом в книге III, причем ряд соображений автора примечаний чрезвычайно убедительны (см., например, примечание 103, удачную полемику с Гортом в примечании 104 или примечания 120—121, в которых умело показаны и источник, откуда Феофраст черпал свои сведения, и его работа над созданием научной терминологии).

К переводу приложен объемистый (стр. 523—589) «Указатель ботанических названий», в котором приведены для растений три имени: русское, латинское и греческое. Очень хорошо, что указатель этот снабжен объяснительными этимологическими примечаниями для ряда греческих названий (а тем самым и для современной латинской номенклатуры, представляющей собой, в большинстве случаев, лишь транскрипцию греческих наименований). М. Е. Сергеевко дает этимологии бесспорные; сомнительные она приводит редко, в чем, конечно, права, так как отягчать ботанический указатель лингвистическими контрверсами нельзя. На некоторые недочеты «Указателя» уже указано выше.

В книге имеются две статьи о Теофрасте. Одна принадлежит известному советскому ботанику А. Н. Криштофовичу и содержит оценку Теофраста как ботаника с точки зрения нашей современной науки; другая написана М. Е. Сергеенко и заключает в себе биографию Теофраста, его характеристику и описание методов его работы. Автору этой последней статьи можно сделать две серьезных упрека: М. Е. Сергеенко должна была, во-первых, дать хотя бы в общих чертах характеристику ботанических знаний и воззрений до Теофраста, а, во-вторых, нельзя было делать мимоходом такое замечание (стр. 354): «Что касается „Исследования о растениях“, то оно тоже представляет собой собрание отдельных работ, большинство которых относится к позднему периоду, когда Теофраст уже вполне овладел своим новым научным методом». Положение это настолько интересно, что читатель вправе требовать от автора статьи и подробного его развития и его обоснования. Достоинства статьи М. Е. Сергеенко несомненны: живое и яркое изложение, глубокое знание предмета и любовь к нему способствовали тому, что образ Теофраста предстает перед читателем не в виде бесцветной и безжизненной тени (каким он часто представляется в историях литературы и историях ботаники), а в виде значительной и привлекательной фигуры. Важна и убедительна и характеристика метода, которым работал Теофраст, и сравнение этого метода с методом работы Аристотеля.

Остается только пожелать, чтобы Издательство АН СССР выпустило еще и перевод «Причин растений»: тогда у нас будет полный свод ботанических работ Теофраста. Надо надеяться, что это чрезвычайно нужное издание будет так же прекрасно оформлено, как и «Исследование о растениях», а вместе с тем в нем не будет такого большого количества опечаток в греческих словах, какое, к сожалению, имеется в настоящей книге.

Ф. А. Петровский

JOURNAL OF ROMAN STUDIES за 1947—1951 гг.

Рецензируемый ежегодник издается обществом по изучению Рима — Society for promotion of Roman Studies. Помещенные в нем за рассматриваемые пять лет статьи и рецензии являются достаточно наглядным показателем состояния буржуазной английской науки о древнем Риме на сегодняшний день. Общий упадок буржуазной культуры наложил свой глубокий отпечаток и на эту область знания. Авторы статей в JRS не ставят перед собой крупных и серьезных задач, не пытаются решать большие исторические проблемы. Подавляющее большинство статей посвящено мелким, незначительным вопросам; это описания отдельных археологических находок и памятников или разбор отдельных мест и терминов из литературных источников, или, наконец, попытка уточнить отдельные мелкие моменты в истории римской администрации и политики. Все это никак не связывается с общими крупными проблемами социальной, экономической, культурной истории Рима и провинций. Большинство рецензий представляют собой простой пересказ книг с отдельными мелкими замечаниями. Хотя отдел рецензий и разделен на две части: «Обзоры и обсуждения» (Reviews and discussions) и «Обзоры и заметки» (Reviews and notices of publications), разница между этими частями фактически очень незначительна. Обсуждение, дискуссия, творческая работа мысли, как правило, отсутствуют и в той и в другой части. Наибольшее место в журнале отводится археологическим публикациям; в специальном разделе — «Roman Britain» публикуются ежегодно результаты раскопок в Великобритании; кроме того археологические находки публикуются и в отдельных статьях. Однако все археологические данные в основном даются как сырой материал, как чисто вещеведческое описание памятника; авторы не останавливаются на значении находок для исторической науки. В лучшем случае приводится лишь сравнительный материал, делаются попытки проследить «влияния», установить «заимствования», но опять таки без учета

конкретных исторических условий и без каких-либо исторических выводов. Так создается внешнее впечатление «чистой науки», будто бы не связанной с политикой; один из видных романистов, Момильяно даже специально подчеркивает разницу между «историями» и «пользующимися дурной репутацией социологами и юристами» (1949, стр. 155). Но, конечно, эта видимость может ввести в заблуждение только самого неискущенного читателя. За тонкой дымкой аполитичности скрывается глубокая реакционность: видимость беспристрастия не может скрыть того, что изучение древнего Рима поставлено английскими буржуазными «учеными» на службу идеализма в истории и империализма в политике.

В некоторых статьях¹ и особенно в рецензиях на книги, посвященные общим проблемам, эта глубокая реакционность выступает без какой-либо маски. Особенно характерны в этом смысле работы Г. Ласта. В томе JRS за 1947 г., посвященном Н. Бейнзу, Ласт напечатал письмо к юбиляру, в котором делится с ним своими новыми «идеями» (стр. 152—156). По его словам, напрасно была раскритикована теория Зеека о «вымирании лучших», как о причине гибели античного мира. Ласт считает, что теория эта нуждается только в некоторых коррективах, так как Зеек, мол, еще не знал новых биологических «учений», согласно которым в аристократических и богатых семьях бесплодие становится наследственным. По мнению Ласта, этот «закон биологии» подтверждается тем, что и в Англии «вымирают лучшие», т. е. английские пары, обычно вступающие в брак с богатыми наследниками.

Чем же могут тут помочь историки древности? По идее Ласта, они должны изучать, из каких слоев населения следует пополнять вымирающую аристократию. С этой точки зрения Ласт, например, считает, что привлечение Августом к управлению такого «нового человека», как Агриппа, было великим благом для Рима. Однако, продолжает Ласт, даже самые лучшие правители не могут воевать, если за ними не пойдут управляемые. И поэтому он призывает изучать настроения и чувства низших классов империи, дабы установить, что заставляло их воевать. Он полагает, что римская армия «благодарно» влияла на «дух» провинциалов, но считает, что вопрос этот выяснен недостаточно, и предлагает Бейнзу, как самому опытному и эрудированному из английских античников, возглавить изучение «истории чувств» в указанном направлении. Таким образом, Ласт связывает наиболее реакционные биологические «теории» с «идеями», развитыми немецко-фашистскими историками. В результате получается полностью приспособленная к интересам и потребностям империалистических кругов «программа» изучения истории Рима. Особенно знаменательно, что из всех статей, напечатанных в JRS за пять лет, это единственная статья, в которой в той или иной форме упоминаются широкие массы римского мира; да и то английский буржуазный историк вспомнил о народных массах только потому, что его волнует вопрос — как обратиться народ в беспропотное пушечное мясо.

Любопытны с точки зрения использования римской истории для проповеди современной империалистической агрессии и две другие статьи Ласта: его рецензия на «Oxford classical dictionary» (1949, стр. 193—195) и небольшая статейка «Rome and the druids» (там же, стр. 1—5). В обеих этих работах Ласт исходит из положения, что Западная Европа, под которой он подразумевает только часть Европы, некогда входившую в состав Римской империи, и Америка являются наследниками, носителями и продолжателями античной цивилизации. Кстати сказать, как видно на примере разобранных далее статей и рецензий, эта «теория» принимается буржуазными английскими историками вообще как некая аксиома, хотя они при всем своем старании не могут обнаружить какие-либо следы влияния культуры Греции и Рима на США. Однако недостаток фактов их не смущает. За отсутствием более убедительных доводов в пользу англо-американского господства над миром они готовы обосновывать эти притязания хотя бы тем, что Англия и Америка будто бы сохранили для мира достижения антич-

¹ В нашем обзоре содержания журнала мы остановимся лишь на наиболее характерных статьях и рецензиях.

ности. Не имея опоры ни в настоящем, ни тем более в будущем, они, как типичные представители отживающего класса, ищут ее в далеком прошлом других народов.

В своей рецензии Ласт упрекает составителей Оксфордского словаря в том, что они не рассмотрели вопроса о реках, как о границах, произвольно избранных римскими правителями для империи. Идеалист Ласт, считающий, что все события истории объясняются желанием правительств, заявляет, что только на основании подробного изучения рек древности можно понять, на чем римляне основывали «выбор своих границ». По его мнению, Август не дошел до Эльбы не потому, что римляне не имели сил наступать, а лишь потому, что Эльба была неподходящей границей, так как враг легко может перейти ее и зимой и летом. Этот вопрос о границах, по его мнению, особенно важен потому, что современная «западная цивилизация» распространена в тех же пределах, в которых некогда была распространена римская. Проповедь империалистической агрессии Ласт доводит до логического конца в заметке «Рим и друиды». Он не считает, что гонение на друидизм при первых императорах было мерой политического порядка, вызванной борьбой с галльским сепаратизмом. Римляне, по его мнению, руководствовались лишь стремлением «цивилизовать» варваров. Эту «цивилизаторскую» миссию Рима, продолжает Ласт, особенно должна оценить Западная Европа в настоящее время, «когда она поняла, что имеет свою унаследованную от Рима цивилизацию, общую с заокеанскими странами и резко отличную от цивилизации ее соседей на континенте» (1949, стр. 5), когда, по мнению Ластва, одним из наиболее срочных стал вопрос о том, «удастся ли продвинуть границы этой западной цивилизации в Европе за линию, бывшую некогда римской границей» (там же). Восхваляя римскую агрессию, Ласт намеренно закрывает глаза на тот общеизвестный факт, что народы, сумевшие отстоять свою независимость, не только не отстали в своем развитии, но, напротив, создали более высокие производительные силы и военную организацию, что обеспечило им победу над империей и сделало их носителями более прогрессивного способа производства. В этой заметке особенно наглядно видна связь между идеализацией Римской империи и открытыми агрессивными призывами к наступлению на «Восточную Европу», т. е. на страны народной демократии и СССР.

Стараясь услужить своим заокеанским единомышленникам, Ласт «забывает» знаменитую характеристику римской «цивилизации», вложенную Тацитом в уста вождя британцев Калгака: «грабить, убивать, похищать — этому они дают лживое наименование власти, а там, где они создают пустыню, они говорят, что установили мир» (Agr., XXX); умалчивает он и о том, как сам Тацит оценивал результаты распространения римской «цивилизации» в Британии: «по неопытности они (т. е. британцы — *Е. III.*) называли это культурой, хотя это и было частью их рабства» (Agr., XXI). Восхваляя римских агрессоров в угоду американскому империализму, Ласт «забывает», какой ценой его собственная родина некогда заплатила за приобретение к «римской цивилизации». В речи на XIX съезде КПСС товарищ Сталин подчеркнул, что «раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их „превыше всего“. Теперь не осталось и следа от „национального принципа“ Теперь буржуазия продаёт права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт»¹.

В статейке о Риме и друидах Ласт сам формулирует свое общее представление о задачах и методах изучения истории, которое, как он заявляет, разделяет подавляющее большинство его коллег. Он пишет, что, если бы отношение римлян к друидам вызывалось только политическими мотивами, оно не могло бы возбудить интереса в историке, так как история, говорит он, имеет дело прежде всего с «идеями, чувствами, эмоциями и страстями» (1949, стр. 4). По его мнению, «все должны согласиться с тем», что исторические события имеют интерес только в связи с выяснением чувств совершивших их людей; что цивилизация — это система идей, ничего общего не имеющая с материальными условиями жизни людей. Так, в своей ненависти к историческому мате-

¹ И. В. Сталин, Речь на XIX съезде партии, Госполитиздат, 1952, стр. 12.

риализму буржуазные «ученые» нашего времени делают огромный шаг назад даже по сравнению с историками конца XIX и начала XX в., которые все-таки не отметили так безоговорочно «материальные условия жизни людей».

Крайний идеализм и агностицизм, характерный для современной буржуазной историографии, ярко отразился и в рецензии Ласта (1949, стр. 116—121) на сделанное Сомеруэллом сокращенное изложение шеститомной работы А. Тойнби «A Study of History». Раскритикованная уже в советской печати реакционнойшей концепция Тойнби представляет собой некое соединение идей Шпенглера и Ростовцева с представлениями о «западной цивилизации», которую он называет «западным христианством», как наследнице античной культуры. Для Греции и Рима, рассматриваемых им как единое целое, Тойнби строит следующую схему: до 431 г. до н. э. существовало «творческое меньшинство», которое по некоему «внутреннему зову» создавало культурные ценности, воспринимавшиеся «нетворческим большинством». Но с 431 г. начался «период смут», окончившийся в 30 г. до н. э. установлением «универсального государства». В этом государстве меньшинство уже ничего не создает, а только управляет. Поэтому большинство, обратившееся в пролетариат, начинает недоверчиво относиться к правителям, организовывается в церковь и, объединившись с «зарубежным пролетариатом» (т. е. с «варварами»), разрушает государство и цивилизацию, остатки которой продолжают, однако, жить в церкви и передаются западному христианству.

Вот эту-то бредовую «концепцию» Ласт считает еще слишком «материалистической». Во-первых, он упрекает Тойнби в самой попытке найти какие-то общесоциальные законы. Во-вторых, он недоволен Тойнби за то, что тот определяет общество как совокупность лиц, имеющих каждый свое «индивидуальное поле деятельности». Ласта не удовлетворяет даже общество Робинзонов, столь модное некогда среди буржуазных социологов XIX в. По мнению Ласта, люди, и даже не все люди, а только «творческое меньшинство», не действуют, а мыслят. Историк, пишет он, должен заниматься только теми событиями, которые являются выражением мыслей или которые повлияли на мысли. Но так как люди часто действуют на основании не размышлений, а эмоций, историк, по мнению Ласта, должен изучать не только рациональное, но и иррациональное в человеке. Сделать это можно только, отказавшись от попытки найти какие-то общие законы. Самое большее, на что историк может рассчитывать, это объяснить, почему те или иные идеи породили ту или иную цивилизацию. Отрицая существование исторических законов, Ласт, останавливаясь на вопросе о Гракхах, ополчается и против определения реакции как движения, идущего против поступательного развития общества, так как, по его словам, никто не может знать, что такое развитие и куда оно идет. Наконец, Ласт считает, что Тойнби неправильно делит цивилизацию на греко-римскую и западно-христианскую. По его мнению, западноевропейская цивилизация не испытала в своем развитии никакого перерыва, начиная с зарождения греческой культуры и вплоть до наших дней. Так, Ласт отрицает поступательное развитие общества и старается показать, что историческому процессу не свойственны революционные переходы от одной формации к другой.

Вот эти-то реакционные теориейки, отрицающие поступательное развитие человечества, представляют собой «последнее слово» английских буржуазных историков древности. Но, став на позиции идеализма и агностицизма, они оказываются бессильными в своей практической деятельности историков, когда они пытаются объяснить те или иные события. Вот, например, рецензия известного специалиста по истории республики Керри (1949, стр. 157 сл.) на книгу Коуэлла «Cicero and the Roman Republic». Рецензент хвалит автора за то, что, исследуя те времена, столь близкие, по его мнению, к современности, он решительно отверг теорию «классовой борьбы», как «диагноз болезни времени», и «доказал», что причиной падения республики не мог быть и экономический кризис. Что же привело к гибели Римскую республику? То, что массы утратили веру в «нравы предков», а «естественные руководители государства» впали в опасную апатию, в результате чего верх взяли всякие «гангстеры» и «борьба сословий» сделала необходимым «некоторые реформы». Коуэлл и его рецензент делают шаг назад даже

по сравнению с Аппианом, понимавшим, что борьба в конце республики велась из-за землевладения. В упоминавшейся выше рецензии Момильяно (1949, стр. 155—157) на книгу Эд. Мейера «Römischer Staat und Staatsgedanke» рецензент признает невозможным связать историю конституции с анализом тех социальных сил, которые на нее влияли. Поэтому он призывает к отказу от попыток внести коррективы в «Государственное право» Моммзена, рассматривавшего римские государственные учреждения в их статике, а не в развитии.

Такую же беспомощность обнаруживает Джонс в рецензии (1948, стр. 149 сл.) на книгу Уолбенка «The decline of the Roman Empire in the West». Кстати говоря, это одна из немногих книг, в которой автор учитывает существование рабства в империи и между прочим указывает на рабский труд и на презрение к труду свободных как на одну из причин застойности техники в империи. Джонс решительно полемизирует с Уолбенком, утверждая, что вообще невозможно дать ответ на вопрос, почему в ту или иную эпоху творческая мысль работает в той или иной области. Столь же невозможно, по его мнению, и найти причину упадка империи.

Показательна и рецензия самого Уолбенка (1950, стр. 129—132) на двухтомную работу Корнемана «Weltgeschichte des Mittelmeerraumes...»¹. Рецензент отдает себе отчет в реакционной сущности философии Корнемана. Он отмечает его фатализм, идеализм, заставляющий объяснять все исторические события распространением идей, а роль крупных исторических деятелей — предначертанной им судьбой миссией. Уолбенк критикует Корнемана за игнорирование социально-экономических условий и пишет, что «эта почти невероятная слепота ко всему, кроме идеалистических причин, придает многому в книге Корнемана нереальный вид» (1950, стр. 131). Но вместе с тем Уолбенк ничего не противопоставляет философии Корнемана. Мало того, он называет работу Корнемана «серьезным трудом», «достойным завершением его плодотворной научной деятельности». Что же привлекло его в книге, которую он сам подверг столь суровой критике? Уолбенк не говорит об этом прямо, но мотивы его нетрудно прочесть между строк. Так, он указывает, что в основе построения Корнемана лежит определенная схема: противопоставление «великих правителей», ориентировавшихся на запад, «великим правителям», ориентировавшимся на восток. Такими парами являются Филипп и Александр, Цезарь и Август, Диоклетиан и Константин. Уолбенк считает эту схему упрощенной и критикует ее отдельные детали; например, он замечает, что войну с Персией задумал уже Филипп, что Цезаря нельзя считать безоговорочно восточным монархом и т. п. Но он не ставит под сомнение самое противопоставление Европы и Азии и исконное противоречие между ними, которое составляет краеугольный камень труда Корнемана, как и огромного большинства трудов современных фашистских и фашиствующих историков, стоящих на позициях расизма и европоцентризма и считающих народы Азии лишь извечным объектом колониальной экспансии. В начале своей рецензии он особо отмечает, что неслучайно во введении и в заключении к книге Корнемана появляется имя Шпенглера; по его мнению, работа Корнемана—это прежде всего история людей, которым Европа обязана своим культурным наследством, и, следовательно, это книга о культуре и будущности Европы.

Таким образом, современный буржуазный историк, даже способный понять бесплодность идеализма, доведенного до очевидного абсурда, все-таки не смог противостоять проповеди европоцентризма и «цивилизаторской миссии» Западной Европы, как наследницы античной культуры, за которой, как мы видели на примере Ласта, ясно видна откровенная проповедь империалистической агрессии.

С общими установками этих историков тесно связаны и метод подхода к отдельным частным вопросам. Круг тем, занимающих авторов журнала, очень ограничен. Их не интересует ни экономика, ни широкие народные массы, ни жизнь провинций (кроме военной организации, о чем будет сказано ниже). В основном авторов занимает юридическое обоснование власти Августа, Нерон, «обращение» Константина, кое-какие

¹ Ср. рецензию А. И. Немировского: ВДИ, 1952, № 4, стр. 115—121.

моменты из истории римского права, раннего христианства и т. п. Все эти вопросы рассматриваются без всякой связи с реальной действительностью, только с точки зрения абстрактных юридических норм или психологии действующих лиц, которую, кстати сказать, авторы оценивают, исходя только из собственных своих взглядов на вещи, так как им совершенно чуждо соображение о том, что окружающая действительность и восприятие ее, скажем, для Нерона или Константина были иными, чем для Чарльсворта или Бейнза.

Imperium и *auctoritas* Августа попрежнему стоят в центре внимания, причем пишущие о них авторы совершенно абстрагируются от исторической действительности, от классовой борьбы, соотношения сил различных социальных групп, интересуясь только отвлеченными юридическими понятиями. Так, Ласт в статье «*Imperium maius*» (1947, стр. 157—164) доказывает, что *imperium maius* могло быть двух типов: типа А, когда носитель его, например, консул, не вмешивался в действия носителя *imperium minus*, например претора, и не нес ответственности за его действия, и типа В, когда первый, например, диктатор, распоряжался всеми остальными носителями империя и отвечал за государство в целом. По мнению Ласта, если Август имел *imperium maius*, то это было *imperium* типа А.

Свои взгляды на соотношение *imperium* и *auctoritas* Ласт развивает в подробной рецензии (1950, стр. 119—123) на книгу А. Магдалена «*Auctoritas principis*». По мнению Ласта, исключительное положение Августа в государстве объясняется величиной тех провинций, над которыми он имел *imperium*. А так как Август использовал свою власть ко «всеобщему удовольствию» граждан, они давали ему возможность действовать по своему усмотрению, что и явилось источником его *auctoritas*. В силу *auctoritas* он скорее подавал советы, чем отдавал приказания. Особое значение *auctoritas* имела в отношениях с сенатом, где не могло быть применено *imperium*.

В статье «*The imperium of Augustus*» (1951, стр. 112—119) Джонс настаивает на важности вопроса о юридическом оформлении власти Августа. По мнению Джонса, Августу нужна была республиканская фикция ради таких людей, как Цицерон, Ливий, Пет Траезя, Тацит, которых он называет выходцами из «муниципальной буржуазии». По его мнению, эта «буржуазия» в душе не сочувствовала республике. Ее республиканизм был простой сентиментальностью, и республиканская фикция ее вполне удовлетворяла. Джонс считает, что по настоящему была оформлена только власть Августа над провинциями, где он имел проконсульское имперium; в Риме и Италии власть Августа укрепилась только после того, как сенат даровал ему консульское *imperium*, дававшее реальную власть над Италией. По мнению Джонса, затруднения при вступлении Тиберия на престол вызывались именно тем, что Тиберий не имел консульского империя.

Для этих статей, особенно для статей Ласта, характерно обычное в современной англо-американской литературе стремление представить власть Августа мягкой и благодотворной для «всех граждан». Корни этого стремления ясны. Идеологи буржуазии, стремящейся к диктатуре фашистского типа, стараются доказать, что диктатура, подавляющая массы, может быть одновременно благотворной, конституционно-оформленной, общепризнанной. Поэтому они сосредотачивают свое внимание на вопросе о разных категориях *imperium* Августа, на толковании термина *auctoritas*, абстрагируясь от того, как, через кого и в чьих интересах осуществлял Август свою «функцию подавления». Вскользь упоминаемые Джонсом понятия «знать» и «муниципальная буржуазия» не наполнены никаким содержанием, так как он не пытается показать, с какими формами хозяйства была связана та или другая группа (не говоря уже о неприемлемости самого термина «буржуазия»), какие реальные, экономические интересы толкали их на поддержку или оппозицию империи, каковы были их взаимоотношения между собой и с эксплуатируемыми классами. От решения всех этих вопросов, ответ на которые незамедлительно вскрыл бы всю несостоятельность абстрактно-юридического подхода к власти Августа, Джонс и подобные ему отделяются молчанием. Статьи Ласта об Августе — чрезвычайно яркое свидетельство банкротства его «теории» истории как «истории чувств». По его мнению, Август имел *auctoritas* потому, что его «любили и

уважали», а уважали его за то, что он разумно пользовался различными видами своего *imperium*. Но каким образом он получил *imperium*? Об этом Ласт умалчивает, так как, чтобы ответить на этот вопрос, одной теории «чувств» мало. Пришлось бы говорить о кризисе полиса, об эксплуатации провинций, о классовой борьбе, т. е. о явлениях, не имеющих ничего общего с «чувствами» и «идеями» в понимании Ластва.

В таком же плане написана рецензия Джильса (1951, стр. 161 сл.) на прочитанную Саймом в 1950 г. в Сиднее лекцию под названием «*A Roman post-mortem. An Inquest on the Fall of the Roman Republic*». Рецензент весьма одобряет тему лекции, в которой Сайм рассматривает, как римляне, от Саллюстия до Тацита, судили о гибели республики. По мнению Джильса, работа Сайма представляет особую ценность потому, что она показывает, как люди могут утешиться в гибели демократий. Такая постановка вопроса, заключает рецензент, связывает античность с современностью и доказывает актуальность изучения истории Рима «и здесь, и у антиподов». Такая модернизация идеологии империи нужна автору и рецензенту для обычной среды современной буржуазной историографии проповеди «сильной власти» в интересах правящего класса, каковой они считают власть Августа.

Рецензия Байли (1951, стр. 163 сл.) на книгу Лесли «*The epicureanism of Titus Pomponius Atticus*» показывает, как преклонение перед США может заставить английского рецензента восхищаться самой невежественной книгой, повидимому, только на том основании, что она вышла в Филадельфии. Фигура Аттика, крупного дельца — рабовладельца и землевладельца, наживавшегося и на рабах-переписчиках, и на землях в Эпире, и на должниках, и на разнообразных политических связях в различных лагерях, позволявших ему сохранять свое состояние, какая бы «партия» ни находилась у власти, достаточно хорошо известна. В. С. Сергеев справедливо характеризовал его как один из ярких «социальных типов» конца республики, как представителя рабовладельцев нового типа, пришедших на смену старой знати и ставших опорой империи. И вот этого-то Аттика, бывшего, между прочим, тестем Агриппы, Лесли, с полного одобрения своего рецензента, характеризует как «маленького человека», умеренного, высококультурного, миролюбивого, стремившегося примирить все партии и имевшего друзей во всех партиях только потому, что он хотел сохранить спокойствие духа и не желал вмешиваться в политику. Конечно, сделать из Аттика такую икону можно было только в результате крайнего невежества и стремления возвеличить дельцов, способных наживать деньги, применяясь к любым политическим ситуациям. Хвалить же такое произведение рецензент мог, повидимому, лишь в силу пресмыкательства перед всем, идущим из США.

В этой связи стоит указать и на рецензию Курселля (1951, стр. 202 сл.) на вышедшую в издании католического университета в Вашингтоне книгу Элслерманна «*The attitude of the early Christian latin writers toward pagan literature and learning*». Рецензент заявляет, что книга содержит интересные и новые идеи. При ближайшем рассмотрении идеи эти сводятся к тому, что церковные писатели, осуждая языческую литературу, тем не менее использовали ее в своих сочинениях; факт, несомненно известный всякому, даже бегло знакомому с патристикой.

Весьма типична также статья Чарльсворта «*Nero: some aspects*» (1950, стр. 69—76). Автор утверждает, что нельзя понять политику Нерона, не учитывая его веры в свой артистический талант и его любви к грекам. Сложный вопрос взаимоотношений Рима и Парфии сведен в статье лишь к впечатлению, произведенному на парфян приемом Тиридата, вопрос о политике Нерона — к его артистическим вкусам. Население восточной половины империи автор представляет как единую массу. Классовые противоречия, чрезвычайно острые и в самой Греции и особенно в восточных провинциях, для него не существуют. А между тем только на основании анализа этих противоречий можно подойти к разрешению действительно интересного вопроса о причинах временного успеха лже-неронов и о традиции, связанной с Нероном. В рецензии Чильвера (1951, стр. 154 сл.) на книгу Леви «*Nerone e suoi tempi*» рецензент справедливо упрекает автора книги в тех же ошибках, которые делает Чарльсворт. Он пишет, что Леви, рассматривая как нечто единое интересы «Италии», «Востока», «Запада», или утвер-

жда, что императоры разоряли «богатых» и обогащали «пролетариат» и солдат, допускает большую ошибку, упрощенно подходит к классовой структуре империи. Но рецензия Чильвера в этом смысле представляет собой редчайшее исключение; к тому же она слишком кратка, чтобы показать, как сам автор судит о классовой структуре и классовых противоречиях в империи. Подавляющее большинство авторов так же, как Чарльсворт, рассматривают население «Запада», «Востока» или отдельных провинций как нечто монолитное. Так, например, Дунбабин в рецензии (1951, стр. 179—181) на III том работы Паче по истории и культуре античной Сицилии особенно хвалит автора за то, что он показал «единство культуры Сицилии от неолита до наших дней», хотя, по его мнению, автор и не смог достаточно ярко показать общий «сицилийский дух», пронизывающий эту культуру. Таким образом, стирается не только вопрос о классах, но даже и об историческом развитии, остается только какой-то неуловимый «сицилийский дух», который к тому же оказывается не сицилийским, а греческим, так как, по Дунбабину, местное население внесло в культуру, созданную греческими колонистами, только свой «темперамент».

Тот же подход мы видим в статье Нокса «Church and State in the New Testament» (1949, стр. 23—30). Автор ставит вопрос, почему в евангелиях встречается и отрицательное, и положительное отношение к римскому государству? Он доказывает, что население Палестины не было предано Риму, так как жертвоприношения в Иерусалимском храме в честь императоров совершались без пения гимнов и других обрядов, которые могли бы возбудить в присутствующих любовь к правительству. Значит, заключает Нокс, отрицательное отношение к империи евангелисты заимствовали у жителей Палестины. Напротив, эллинизованные иудеи диаспоры, доказывает автор, были преданы императорам, чем заслужили даже ненависть оппозиционных кругов Александрии и Рима; их-то влияние, по его мнению, отразилось в апостольских посланиях, благоприятных правительству. Характерно, с какой последовательностью автор абстрагируется от исторической действительности, заменяя ее умозрительными категориями. Он даже не затрагивает вопроса о том, каков был социальный и этнический состав христианских общин, какие социальные группы на Востоке поддерживали римское господство, а какие с ним боролись, каковы были их взаимоотношения в разные периоды и как все эти моменты могли отразиться в книгах Нового завета. Остается «население», все целиком любившее или не любившее римское правительство. Неудивительно, что все причины, вызвавшие восстание в Иудее, автор склонен сводить к тому, что в Иерусалимском храме не пели гимнов в честь императоров и не рассказывали об их доблести.

Неудивительно также, что Бейнз в рецензии (1949, стр. 158—160) на книгу Паланка «Les impérialismes antiques» упрекает автора в том, что он не показал роли религиозных представлений как движущей силы римского империализма; или что Лёфстедт в статье «The style of Tacitus» (1948, стр. 1—8) доказывает, что Тацит был далек от политики и что только личные переживания сделали его пессимистом. Только к таким убогим, ничего не объясняющим и прямо противоречащим исторической действительности выводам могут придти историки, стоящие на идеалистических позициях.

Объявив себя непосредственными наследниками и преемниками древнего Рима, сотрудники JRS проявляют особый интерес к поздней империи и, в частности, к Константину, которого считают ее единоличным творцом. Прямо или косвенно они стараются доказать, что поздняя империя была процветающим государством, а Константин — величайшим деятелем. Все это весьма знаменательно. Еще не так давно англо-американские античники желали видеть в поздней империи устрашающий пример результатов стеснения «частной инициативы» государственным вмешательством в экономику. В связи с этим период поздней империи, рассматривавшийся как период гибели античного «капитализма», рисовался в самых мрачных красках, как время полного упадка, чуть ли не как конец мира. Теперь, в связи со стремлением представить Западную Европу и Америку носителями античной цивилизации, английские историки стали на прямо противоположную, хотя и не менее реакционную позицию. Идеализируя позднюю империю и то, что они именуют «делом Константина», они, как мы

уже видели выше на примере Ласта, пытаются установить единую непрерывную линию «западноевропейской» цивилизации от Гомера до наших дней, включив в нее как некую неотъемлемую, органическую часть и христианство.

Бейнз в рецензии (1951, стр. 155—158) на книгу Фогта «Konstantin der Grosse und sein Jahrhundert», представляющую собой апологию Константина, называет этого императора «великим строителем моста, соединившего древность с христианской эпохой». Мысль, что Константин мог из политических соображений думать о союзе с церковной организацией и рассчитывал извлечь выгоды из этого союза, начисто отвергает Мосс в рецензии (1949, стр. 167—169) на книгу Альфёльди «The conversion of Constantin and pagan Rome». Сам Альфёльди в статье «On the foundation of Constantinople» (1947, стр. 10—16) доказывает, что Константин, будучи христианином, тем не менее готов был жить в мире с римской языческой знатью и, только увидев языческие жертвоприношения по случаю празднования виценалий, потерял терпение и основал Константинополь.

Авторов этих работ Константин интересует только с точки зрения его отношения к христианству, причем этот вопрос совершенно отрывается от всего комплекса проблем, связанных с установлением домината. Авторы, повидимому, считают вполне возможным, что Константин мог, руководствуясь только своими личными убеждениями, круто изменить политику в одном из актуальнейших вопросов своего времени, ни на кого не опираясь и не встречая почти никакого сопротивления. На самом деле, не подлежит сомнению, что союз Константина с церковью был вызван политическими соображениями и интересами той группы феодализирующейся знати западных провинций, которая привела Константина к власти и нуждалась не только в сильном государстве, но и в сильном идеологическом оружии для подавления масс. Но историки, стоящие на антинаучной точке зрения противоположности «героев» и «толпы», конечно, не могут признать, что Константин действовал не по «вдохновению свыше».

В том же плане написана и статья Чарльсворта «Imperial department» (1947, стр. 34—38). Исходя из сходства некоторых черт придворного церемониала при дворе Ахеменидов и поздних римских императоров (ношение париков, употребление румян и т. д.), Чарльсворт полагает, что в Рим эти черты проникли через царство Сасанидов. Заимствование этих черт в Риме объясняется, по мнению Чарльсворта, тем, что только греки и римляне могли понять идею правителя как «первого среди равных»; остальные народы, вошедшие в состав империи, могли быть преданы только сверхчеловеку, избраннику богов. Эта «теория» для доказательства превосходства «эллинов» над «варварами» ставит на голову все исторические факты. Ведь с конца III в., когда императоры принимают восточный ритуал, никакие новые народы в состав империи не включались, а те, которые уже в нее входили, не только не были преданы «избранникам богов», но, напротив, все более активно восставали против них. Если бы Чарльсворт попытался из области «истории чувств» перейти в область подлинной истории, ему пришлось бы признать, что интересующие его изменения в придворном этикете были результатом усиления императорской власти, которое было тесно связано в свою очередь с ростом революционного движения народных масс, а это опять-таки разрушило бы картину государства, процветающего под властью хороших правителей.

Как это ни странно, но доказать цветущее положение государства и благоденствие подданных при поздней империи английские историки пытаются на материале египетских папирусов, причем всем известные данные о тяжести налогов, бегстве крестьян, запустении земель, развитии патроната они или вовсе отменяют, или объявляют маловажными по сравнению с теми духовными благами, которыми якобы наслаждались египтяне. Джонс в рецензии (1949, стр. 171 сл.) на цикл публичных лекций Белла, изданных под общим названием «Egypt from Alexander to the Arab conquest», упрекает автора в том, что он рисует слишком мрачными красками положение Египта в период поздней империи. По мнению Джонса, для египтян это было самое счастливое время во всей их истории, так как из дедитициев они стали гражданами, два или три егип-

тянина сделали большую чиновничью карьеру. К тому же и в области религии с распространением христианства Египет начал играть ведущую роль. Повидимому, Джонс совершенно не сознает смехотворности и наивности своих доводов. Впрочем, такая система аргументации вообще, очевидно, ему свойственна; в статье, посвященной в основном бюрократическому аппарату поздней империи «The Roman civil service» (1949, стр. 38—55), он доказывает, что римская бюрократия при всей своей испорченности была полезна: во-первых, потому, что чиновники, посланные в провинции римским правительством, «жалели» провинциалов и грабили население не так интенсивно, как «эгоистичные» наместники, а во-вторых, потому, что, набивая свои карманы, они кое-что уделали и казне, тогда как своекорыстные магнаты помнили только о своих интересах. Конечно, при таком своеобразном подходе к оценке деятельности государственного аппарата легко признать, что египтяне стали безмятежно счастливы, когда у них появилась надежда, что их смогут, наконец, грабить и такие чиновники, которые вышли из числа их соотечественников.

Доводы Джонса при всей их несостоятельности, повидимому, действовали, в известной мере на Белла. В следующем году он написал рецензию на выпущенную в Принстоне книгу американских историков Джонсона и Уэста «Byzantine Egypt: economic studies» (1950, стр. 123—128)¹. Авторы доказывают, что во времена поздней империи Египет процветал, крестьяне были свободны, их положение было лучше, чем когда-либо. Все данные кодексов и папирусов, противоречащие этим положениям, авторы объявляют «не отражающими действительности». К этой же категории они произвольно относят и все свидетельства о развитии патронатизма. Основываются они на том, что, если бы в империи все в самом деле обстояло так плохо, как выглядит по кодексам, то империя должна была бы пасть. При этом их почему-то не смущает то обстоятельство, что империя действительно пала. Белл слишком хорошо знает историю Египта, чтобы безоговорочно согласиться с этими «неожиданными», как он пишет, взглядами. С самого начала он отмечает многочисленные фактические ошибки, допущенные американскими историками, и указывает, что эти ошибки заставляют особенно осторожно относиться к их выводам. Но все-таки он заканчивает рецензию призывом пересмотреть представления о поздне-римском Египте и признает, что, может быть, они действительно слишком мрачны.

Обращаясь столь свободно с источниками, когда это им нужно для доказательства их реакционных концепций, английские историки стоят на позициях крайнего гиперкритицизма в работах, специально посвященных критике источников. Их метод подхода к источнику формален и субъективен. Источник, или какая-то его часть, объявляется позднейшей фальшивкой или интерполяцией на том основании, что он написан не вполне тем стилем, каким должен был бы быть написан, по мнению данного исследователя, или же содержит мысли и выражения, которые, по его же мнению, не могли принадлежать данному автору. Такой метод подхода к античным источникам, конечно, себя не оправдывает: во-первых, потому, что психология современного английского историка не может быть критерием для психологии римского историка, политика или юриста и, во-вторых, потому, что до нас дошла лишь незначительная часть римской литературы, на основании которой нельзя с уверенностью говорить об особенностях стиля того или иного периода, его «литературном фоне», устанавливать заимствования и т. п. Наконец, формальный анализ отдельно взятых из источника фраз и выражений вообще может дискредитировать любой источник. Современными английскими исследователями даже не ставится наиболее важный вопрос о социальной направленности того или иного источника.

Вопросам критики источников посвящено несколько статей и рецензий. Гендерсон в статье «De commentariolo petitionis» (1950, стр. 8—21) доказывает, что письмо Квинта является фальшивкой I или II вв. н. э. Аргументация Гендерсона чисто формалистична: так, он считает, что в 64 г. еще нельзя было обвинять Катилину в кровосмесительной связи с сестрой, так как это обвинение Цицерон позже предъявлял Клодию;

¹ См. рецензию И. Ф. Фихмана: ВДИ, 1952, № 2, стр. 193—200.

значит, Катилина здесь поставлен вместо Клодия и т. д. Аргументы эти мало убедительны, так как инвективы против политических, а с распространением христианства и против религиозных противников строились обычно на основе определенного комплекса обвинений, которые вовсе не обязательно соответствовали действительности; в этот комплекс входила и растрата состояния, и особо чудовищный разврат и т. п. Поэтому нельзя отвергать *De petitione consulatus* как исторический источник только на основании приведенных Гендерсоном «образжений».

По чисто стилистическим соображениям отвергают подлинность писем Саллюстия к Цезарю Френкель в рецензии (1951, стр. 192—194) на книгу Шуэ «*Les lettres de Salluste*» и Эдкок в рецензии (1950, стр. 138—140) на книгу Тайлор «*Party politics in the age of Caesar*»¹. Оба эти автора считают «Письма» позднейшей фальшивкой, подделкой под архаизирующий стиль исторических сочинений Саллюстия, который будто бы не стал бы писать политический памфлет таким стилем. Но ни тот, ни другой автор не предлагают собственного решения по вопросу, кто же и когда писал письма Саллюстия, чьи интересы они отражают и зачем они были написаны. Додд в статье «*The fall of Jerusalem and the abomination of desolation*» (1947, стр. 47—54) доказывает, что пророчества евангелистов о падении Иерусалима составлены еще до начала Иудейской войны на основании библейских описаний разрушения Иерусалима Навуходоносором. Автор ссылается на то, что римляне не смогли бы убивать женщин и детей, и, следовательно, упоминание о таких фактах в пророчествах не могло к ним относиться. Очевидно, автор, стремясь сохранить веру в римскую гуманность, сознательно умалчивает о тех жестоких методах, какими римляне подавляли восстания в провинциях.

Особенно свирепствует гиперкритицизм в области римского права. Большая часть «Дигест», «Институций» Гая и ряд других источников считается византийской интерполяцией. Против этой тенденции выступает Доб в рецензии (1948, стр. 113—117) на книгу Шульца «*History of Roman legal science*». Он указывает, что подлинность «Институций» Гая подтверждается находками папирусов, и считает несерьезными аргументы Шульца, отвергающего *Collatio legum Mosaicorum et Romanorum* на том основании, что приведенные там сопоставления библейских и римских законов «поверхностны» и «разумный человек» не стал бы их делать.

Отвергнув таким образом почти все юридические источники, буржуазные историки и юристы пытаются подойти к изучению истории римского права косвенным путем, разбирая риторические школьные упражнения и пытаясь восстановить по ним действовавшие законы. Рецензии на три посвященные этой теме книги были опубликованы в JRS за 1950 г. (стр. 154—158). Авторы книг: Лафранчи, Боннер и Паркс, независимо друг от друга, пришли к выводу, что многие идеи, понятия и термины, которые теперь рассматриваются как позднейшая интерполяция в Дигестах, встречаются в риторических упражнениях и, следовательно, были известны классическим юристам. Рецензенты в общем готовы с этим согласиться, но считают необходимым выяснить, заимствовали ли риторы свои идеи у юристов, юристы у раторов, или те и другие получали их у философов. Но их совершенно не интересует, в какой мере идеи раторов, юристов и философов отражали современную им действительность. Напротив, Боннер осуждает Паркса за то, что тот завялся политическими вопросами, которые, по мнению рецензента, ненужны для истории права.

Формалистический подход к источникам и порожденный им гиперкритицизм также свидетельствует об общем тупике буржуазной исторической науки. Некоторые ее представители, повидимому, ощущают его, но ищут выхода не в изучении прогрессивной марксистско-ленинской теории исторического процесса, недоступной для представителей отживающего класса буржуазии, а в возврате к прошлому, что, по их словам, только и может спасти науку от разложения, к которому она идет. Таковы статьи Брука о Моммзене (1950, стр. 91) и Френкеля о Вилламовице (1948, стр. 28—34):

¹ См. рецензию А. И. Немировского, ВДН, 1951, № 3, стр. 169 сл.

Неспособность справиться с историческими проблемами повысила интерес к археологии, к описанию и изданию отдельных папирусов, надписей, памятников, произведений искусства. Однако и в этих изданиях не делается ни малейших попыток трактовать их как исторический источник. Все же, повидимому, несмотря на довольно большое количество вещеведческих и искусствоведческих статей, не эти вопросы занимают больше всего английских археологов. В центре их внимания стоят раскопки и аэрофотосъемки остатков военных укреплений времен империи. В разделах Roman Britain публикуется материал почти исключительно о римских крепостях и об устройстве валов. Много места уделено большим исследованиям на лимесе Триполитании; полученные при этом данные о местном и гражданском населении или вовсе не упоминаются, или упоминаются лишь вскользь. Довольно большое число статей и рецензий посвящено отдельным вопросам военной организации Рима. К ним относятся: статья Даллея «The warships of the late Roman Empire» (1948, стр. 47—53), где описаны конструкция, вооружение и типы позднеимперских судов по данным недавно опубликованных морских руководств X в.; статья Пибетера «The legionary fortress in Lincoln» (1949, стр. 57—78), в которой опубликованы раскопки лагеря легиона IX Hispana и II Adiutrix; статья Гудчайльда и Вейд-Перкинса «The limes Tripolitanus in the light of recent discoveries» (1949, стр. 81—95), а также рецензия Ричмонда и Гудчайльда на книгу Барадеза «Fossatum Africae» (1950, стр. 162—165) и многие другие, посвященные последним раскопкам и аэрофотосъемкам в пограничной полосе римской Африки. Они характеризуют систему укреплений III—VI вв. н. э., представляющую собой соединение отдельных небольших крепостей, которые были заняты маленькими гарнизонами римских солдат или местной милиции под командованием римских офицеров, и укрепленных хуторов, заселенных пограничными военными поселенцами-лимитанеями. Надгробия с именами солдат и трибунов, а также нерасшифрованные надписи на ливийском языке показывают, что гарнизоны набирались из местных уроженцев. Несмотря на то, что данные раскопок и аэрофотосъемки, повидимому, позволяют судить о системе принадлежавших лимитанеям полей, ирригации, сельскохозяйственных орудиях, авторы упомянутых статей не уделяют им внимания. Их интерес сосредоточен почти исключительно на военной организации.

То же характерно и для статей, посвященных новым исследованиям в Великобритании¹. И здесь подробно разбираются данные об отдельных укреплениях и всей системе Адрианова вала; материалы же, которые позволили бы судить о межевании полей гражданского населения, упоминаются лишь мимоходом. На это направление современной английской археологии обратил внимание Робертсон в рецензии (1950, стр. 173—174) на книгу «A hundred years of welsh archeology». Он указывает, что авторы этого коллективного труда обошли вопрос о взаимоотношении между римлянами и местным населением, хотя разница между римскими и местными поселениями очень велика. Рецензент отмечает, что тот же недостаток свойственен и археологам, работающим в Шотландии, так как они не уделяют внимания даже селам, находившимся вблизи римских укреплений.

Такая направленность современной английской археологии, несомненно, тесно связана с тенденцией возвеличить Рим как военную державу и как «цивилизатора» провинциалов, которые сами по себе не вызывают интереса у английских буржуазных историков, а также и с общим усилением милитаристических тенденций современной буржуазии и ее идеологов. В этой связи стоит отметить и статью Фицхардинга «Naval epitaphs from Misenum» (1951, стр. 17—21). Автор, публикуя четыре новые и анализируя уже известные эпитафии матросов мизенского флота, пытается доказать, что императоры, набирая во флот жителей «бедных и отсталых областей» — бессов, египтян, далматов, киликийцев, — старались доставить «пролетариату и крестьянству» возможность «развить свои дарования» и разделить с более привилегированными классами «те преимущества, которые давала империя». На самом деле флот был самой

¹ J. J o s e p h, Air reconnaissance of north Britain, 1951, стр. 52—65; J. R i c h m o n d, Hadrians wall: 1939—1944, 1950, стр. 43—56.

презираемой частью римской армии и служба в нем, длительная и тяжелая, давала меньше всего выгод и была признаком бесправного, униженного положения тех, кто в него набирался.

Увлечаясь идеализированной Римской империей, в которой они пытаются видеть прообраз США, авторы JRS совершенно не занимаются ранним Римом и почти не уделяют внимание истории Римской республики. Можно указать лишь несколько незначительных статей, посвященных связанным с ней вопросам. В статье Балсона «Sulla Felix» (1951, стр. 1—10) автор старается выяснить, почему Сулла назывался «Счастливым» в Риме и Эпафродитом в Греции, и как эти эпитеты были связаны с его отношением к богам, снам и приметам. Доб в статье «The peregrine praetor» (1951, стр. 66—70) сравнил функции этого претора при республике и при империи; Гендерсон в статье «The process of repetundis» (1951, стр. 71—88) описал ход этого процесса и его последствия для осужденных; наконец, Джонс разбирает в статье «The aerarium and the fiscus» (1950, стр. 22—29) взаимоотношения между фиском провинциальных наместников и государственным эрарием и доказывает, что эти взаимоотношения в дальнейшем стали основанием для разделения эрария и фиска при империи.

Так выглядит современная английская буржуазная наука о древнем Риме, отраженная на страницах ее ведущего органа. Ее основные черты и их корни достаточно ясны. В бесплодных попытках выработать какую-нибудь теорию, которую они могли бы противопоставить марксизму, буржуазные историки отказались от изучения социальных и экономических вопросов, живо интересовавших историков XIX и начала XX в., и стали на позиции крайнего идеализма. В стремлении оправдать империалистическую агрессию, они восхваляют Римскую империю и ее цивилизацию, объявляя себя ее прямыми наследниками. Но, стоя на этих позициях, они неспособны вскрыть и объяснить до конца какое бы то ни было конкретное историческое явление или событие, так как последовательный его анализ неизбежно привел бы их к тем вопросам экономического развития и классовой борьбы, от которых они хотят отмахнуться. Отсюда откровенная реакционность одних, теоретическая беспомощность и кажущаяся наивность других. Отсюда измельчание интересов, отход от больших общих проблем, интерес к незначительным частным явлениям, увлечение вещеведением, формализм. Все эти черты, характеризующие современную английскую буржуазную историческую науку, находят свое объяснение в том, что «...буржуазия — главный враг освободительного движения, — стала другой, изменилась серьезным образом, стала более реакционной, потеряла связи с народом и тем ослабила себя»¹.

Е. Штаерман

J. CLARK, Prehistoric Europe, The economic basis, London, 1952, IX + 315 стр.

Вопросы экономики древних обществ всегда живо интересовали советских археологов и историков. Этот интерес возрос в последние годы. Поэтому книга Кларка под заглавием «Доисторическая Европа. Экономический базис» не может не заинтересовать нас. Конечно, нельзя ожидать, чтобы автор вкладывал в термин «экономический базис» марксистское содержание — совокупность производственных отношений людей. Он, разумеется, понимает под термином «экономический базис» только характер хозяйственной деятельности и изменений этой деятельности во времени в зависимости от роста техники и перемен в географических условиях. Таких вопросов, как форма собственности и отношения между людьми в зависимости от этой

¹ И. В. Сталин, Речь на XIX съезде партии, Госполитиздат, 1952, стр. 11.

формы, Кларк совершенно не касается. Интерес для советских ученых имеет главным образом привлеченный Кларком обширный фактический материал, который он искусно использует для выводов о различных типах хозяйства в разных областях Западной Европы — от конечной фазы верхнего палеолита до начала железного века.

Положительной стороной рецензируемой книги является отсутствие многочисленных сугубо реакционных теорий и теориек, которые так широко распространены в буржуазной археологии; в книге Кларка нет отзвуков пресловутой расовой теории, теории завоеваний, агностицизма и т. д.

Не со всеми выводами Кларка можно согласиться. Иногда он сильно модернизирует явления и допускает ряд ошибок, главным образом вследствие незнания с советским археологическим материалом. В качестве примера можно привести его решительное утверждение, что охота на белух не производилась ни в неолите, ни в бронзовую эпоху; между тем такая охота изображена на наскальных рисунках Карелии в устье р. Выга, относящихся к концу III — началу II тысячелетий до н. э.

Наряду с этим рецензируемая книга содержит довольно много новых, вполне обоснованных заключений, свидетельствующих о тщательной обработке западноевропейского археологического материала. Так, например, на основании детального изучения костного материала автор убедительно доказывает, что обитатели пещер Франции в мадленскую эпоху занимали эти пещеры только с сентября по май. Основанием для этого служит почти полное отсутствие в этих пещерах рогов, сброшенных самцами-оленьями и массовое наличие таких рогов на открытых стоянках, большое количество костей лосося на открытых стоянках и отсутствие их в пещерах и т. д. На основании остеологических исследований Кларк устанавливает характер морской охоты у жителей Скандинавии и Англии. Значительный интерес представляет установленный автором факт широкого распространения с неолита капканов. Подобные аналитические выводы, несомненно, могут послужить ценным материалом при характеристике экономики западноевропейского населения в неолитическую и бронзовую эпохи.

Кларк широко использует этнографический, фольклорный и отчасти письменный материал, но избегает брать его из мест, отдаленных от области исследуемых им явлений. Свой взгляд на закономерность сопоставления археологических и этнографических фактов он обосновал в статье «Народная культура и изучение европейской доистории»¹. «Современные дикари,— писал он,— имеют такую же долгую историю, как и самые высокоцивилизованные народы, но эта история не написана. Невероятно, чтобы даже дикие общества сохранили свою культуру существенно неизменной за огромный период времени, прошедший с нижнего палеолита. Они должны были испытать перемены в их природном окружении, и — что существеннее,— они должны были испытать влияние, прямое или косвенное, со стороны возникавших и распространявшихся групп, стоявших на прогрессивно более высоких ступенях культурной эволюции. Примитивный человек, в точном смысле этого слова, жил в отдаленном прошлом и может изучаться непосредственно только доисторической археологией. Необходима величайшая осторожность в использовании данных о современных дикарях при реконструкции примитивной дикости» (стр. 52).

Поэтому он считает возможным проводить параллели только между обществами, жившими и живущими в одних и тех же природных условиях и имеющими однородное хозяйство. Чем ближе к нам время, тем более необходимо, по его мнению, искать территорию, ближайшую к описываемому явлению, так как «с неолита и в некоторой степени с мезолита возможно проследить преемственность поселений вплоть до наших дней» (там же, стр. 55). В ряде случаев ему действительно удается проследить преемственность различных приемов охоты и рыбной ловли, некоторых сторон земледельческой и скотоводческой техники с неолита до средневековья. Но там, где Кларк пытается иногда распространить свой метод на выяснение отношений между людьми в производ-

¹ J. Clark, Folk-Kultur and the study of european prehistory. Aspects of archeology in Britain and beyond. Essays presented to O. D. S. Crawford, London, 1951.

ственном процессе, он неизбежно приходит к недопустимой модернизации, как это случилось с его предшественником в применении такого метода А. Бреггером¹.

Перейдем к рассмотрению содержания книги Кларка. В кратком введении он упрекает западноевропейских археологов в отсутствии целеустремленности и нежелании довести свои исследования до степени исторических трудов, в ограничении тематики по большей части чисто технологическими вопросами. Упрек — вполне справедливый, но который можно отнести и к самому Кларку, так как в данной книге также отсутствует какая-либо история конкретного племени или конкретных племен.

Первая глава целиком посвящена изложению взглядов Кларка на законы и ход развития человеческого общества, причем он применяет здесь моргановскую терминологию — дикость, варварство, цивилизация. Глава эта интересна, как показатель неустойчивой позиции автора в вопросах методологии. Склоняясь к принятой большинством буржуазных авторов, со времен О. Конта, теории приоритета географической среды в смысле ее влияния на развитие человеческого общества, он все же не мог не заметить невозможности объяснить этим фактором неуклонное развитие человеческой культуры.

«Абсурдность этого, — пишет он, — очевидна для каждого, кто наблюдает и классифицирует всевозможные различия в человеческом обществе» (стр. 8), но тут же добавляет, что «было бы ошибочным... преуменьшать значение экологической системы, внутри которой существовали все жизненные силы». Выход из этого противоречия Кларк ищет в неопределенной формуле «взаимосвязи» между окружающей природой, органическим миром (включая человека) и человеческой культурой. Все три фактора должны находиться в равновесии, и нарушение равновесия вызывает изменение всей системы. Причинами нарушения равновесия Кларк считает в первую очередь влияние климатических изменений, затем воздействие более культурных стран и только на третьем месте воздействие человека на природу.

Однако, как мы увидим ниже, фактический материал вынудил Кларка отступить от этой метафизической формулы, как например, в главе о земледелии, и правильно усматривать причину развития общества в трудовой деятельности человека. Сам Кларк этого, конечно, не замечает, считая такие явления лишь одним из случаев «нарушения равновесия».

Не малое влияние оказывает на Кларка модная на Западе теория «диффузии», которая между прочим широко используется Г. Чайльдом, в частности в переведенной на русский язык его книге². Распространение культуры шло, согласно этой теории, из древнейших очагов цивилизации последовательными волнами в северо-западном направлении. Эта теория объясняет многие явления культурного развития племен и народностей древней Европы заимствованиями с Востока, преимущественно пассивными и в большой степени зависящими от торговли.

Кларк и здесь пытается искать основной фактор в географической среде, сграничивавшей возможности этой диффузии. В связи с этим он делит Европу на четыре зоны: северную, безлесную (приполярную тундру и приледниковые части Скандинавии, Альп и Пиренеев), северную зону хвойных лесов и, наконец, зону вечно зеленых лесов. Арктика допускала, по его мнению, только «дикость»; приледниковые области — кочевое оленеводство; северная часть хвойных лесов ограничивала возможности скотоводства; только на Юге он допускает земледелие (стр. 15—17).

Эта глава чрезвычайно ярко характеризует тщетные попытки некоторых из западноевропейских археологов выйти из тупика, в который зашла буржуазная археология (и история). Но, поскольку они ищут этого выхода все в тех же рамках немарксистских, идеалистических или вульгарно-материалистических теорий о развитии

¹ С. А. W. B r e g g e r, Kulturgeschichte des norwegischen Altertums, Oslo, 1926.

² Г. Ч а й л д, У истоков европейской цивилизации, М., 1952. См. развернутую критику этой теории в предисловии А. Монгайта к книге Чайльда.

общества, такого рода попытки приводят только к бесплодным формулам, вроде формулы Г. Кларка.

Остальные главы посвящены истории хозяйства древнего общества: охоте во внутренних частях страны и на морском побережье, земледелию и скотоводству, домостроительству и поселениям, технологии камня, бронзы и железа, гончарному делу, обработке дерева, кож и мехов, кости, плетению, тканью, окраске. Большая глава посвящена вопросу о торговле; в заключительной главе рассматриваются транспортные средства.

Не все главы равноценны. Главы об охоте содержат много общеизвестных фактов. Однако свodka данных, почерпнутых из новой западноевропейской археологической литературы, и тщательный анализ этих данных позволил автору сделать ряд ценных выводов относительно древних способов охоты и рыбной ловли, их значения в экономике и различия между этими способами в зависимости от разных географических условий.

В главе о земледелии Кларк, как я уже говорил, часто отступает от положения о приоритете географического фактора, обращая большое внимание на трудовую деятельность человека и на ее влияние на изменения в культуре. Эти страницы наиболее интересны. Кларк приводит ряд фактов, показывающих, как переложное и подсечное земледелие влияло на создание участков безлесных пространств, и какую значительную роль это сыграло впоследствии по отношению к скотоводству, поскольку ввиду отсутствия степей и наличия первобытных лесов Западная Европа знала только придомное скотоводство.

Интересны данные, показывающие, что с наступлением влажного субатлантического периода в начале I тысячелетия до н. э. произошел переход от легких на тяжелые почвы, от одного типа сохи к другому, от многократной пропашки, направленной к задержанию влаги, к пропашке, имевшей целью дренировать землю.

По меньшей мере спорно утверждение, исходящее из теории диффузии, что сельскохозяйственная техника, которая распространилась в умеренной зоне Европы, носила в своей основе средиземноморский характер. Различие в типе яремной упряжки быков на древнем Востоке и в доисторической Европе позволяет в этом сомневаться.

В главе о скотоводстве, в частности, излагается гипотеза о причинах изменения состава стада, которое произошло в Западной Европе при переходе от неолита к бронзе: в неолите преобладали бык и свинья, в бронзовую эпоху — овца и коза. Кларк объясняет это «экологическим» фактором. «Состав стада должен рассматриваться,— заключает Кларк,— в свете современной ему растительности, и объяснения изменения пропорции между различными животными надо искать в первую очередь в изменении растительной экологии» (стр. 119). Но описывая влияние этих изменений на характер скотоводства, Кларк невольно вынужден все время связывать их в конце концов с деятельностью человека, тем самым опровергая выставленный им самим принцип приоритета природной среды.

«Если сравнительно меньшую роль овцеводства,— пишет он,—...надо связывать с общим преобладанием леса во времена неолитических поселений, то естественно предположить, что последующее возрастание этой роли должно было быть следствием уменьшения лесов. Вряд ли надо подчеркивать, что это должно было быть неизбежным следствием прогресса земледелия».

В качестве примера этому Кларк указывает, что в центральной Ютландии, как это установлено пыльцевым анализом, с началом земледелия («во время колонизации народом боевых топоров») образовались отдельные участки степи — результат вырубки лесов. Приведенная им при этом диаграмма прекрасно иллюстрирует это: восходящая линия древесных резко обрывается в это время, тогда как линия травянистых так же резко возрастает. Дальше Кларк показывает, как рост густоты поселений заставлял лес исчезать, а количество безлесных пространств увеличиваться; как в бронзовом веке система переложного земледелия уступила место оседлому земледелию с постоянными полями. «Это создавало условия, благоприятные для увеличения числа овец», заканчивает он (стр. 120).

Так, начав с утверждения приоритета природной среды в его тройственной «экологической» системе, Кларк силою фактов вынужден был при конкретном изложении событий выдвинуть на первый план трудовую деятельность людей, изменявших эту природную среду.

Заслуживают внимания соображения относительно причин слабого роста рогатого скота в северо-западной Европе. Кларк приписывает это условиям примитивного скотоводства и трудностям заготовки кормов на зиму. Очень показательны в этом отношении данные анализа костных остатков из раскопок в Скара Брей: три пятых костей коров принадлежали телятам до шести месяцев от роду и только одна пятая взрослым животным, что надо, повидимому, объяснять массовой гибелью молодняка из-за недостатка корма (стр. 125).

Первые признаки стойлового содержания скота в Западной Европе относятся, по Кларку, только к ранне-железному веку. Если здесь нет ошибки, то это особенно интересно потому, что у племен андроновской культуры в западном Казахстане стойловое содержание скота, вероятно на зиму, было известно уже в конце II или начале I тысячелетия до н. э.¹

В шестой главе, посвященной поселениям и в значительной мере носящей описательный характер, Кларк снова колеблется в выборе основного фактора, влиявшего на характер построек и поселений древнего общества. С одной стороны, он говорит, что надо уделять больше внимания топографии местности, характеру почвы и подпочвы, наличию воды, климатическим условиям, господствующим ветрам и, наконец, наличествующим строительным материалам. С другой стороны, он заключает эти наставления словами: «географические факторы могли влиять на выбор места под жилье и поселение, но этот выбор в основном был обусловлен экономическими и общественными нуждами человеческой общины и культурными традициями, которые могли сложиться в совершенно иной географической среде» (стр. 131).

Седьмая глава, посвященная вопросам технологии, содержит интересный абзац, который характеризует взгляды автора на процесс развития первобытного общества, и одновременно является типичным примером блуждания в дебрях квазинаучных терминов. «Если мы хотим,— пишет Кларк,— составить ясное представление об экономической жизни в доисторические времена, то необходимо пристально присмотреться к технологии, так как посредством ее древний человек налаживал свое отношение ко внешней среде и таким образом видоизменял ход своей жизни... ранние европейцы своими собственными руками вытягивали себя из первобытной трясины дикости, преодолевали длинные, волнующиеся лужи варварства и, в конце концов, достигли некоторого рода цивилизованного состояния. Многие из материальных предметов, которые составляют главные археологические документы, были теми средствами, при помощи которых доисторический человек удлинял свои члены в борьбе за удовлетворение своих нужд. Они были одновременно орудиями труда и продуктами его рук. Через них ранний человек передавал сумму своих технических знаний и приводил эти знания в соответствие с природным окружением и биомой экосистемы, часть которой он составлял» (стр. 171). Если устранить ни на чем не основанный биологизм и термины «биома» и «экосистема», то в основе мы получим вполне правильный вывод, к которому Кларк все время приближается, не решаясь высказать его и не смея выйти из окружающей его буржуазной «экосистемы». Если бы Кларк не приводил свою книгу в соответствие со своим собственным окружением, а, подобно первобытному человеку, вытягивал бы себя из буржуазной трясины, то он попросту сказал бы, что труд был тем фактором, который вывел человеческое общество из первобытного состояния, и что это общество не приводило своих технических знаний в соответствие с природной средой, а использовало их в борьбе с природой, за овладение ею.

Одной из основных ошибок Г. Кларка является преувеличение им значения сил природы. Даже первобытный человек не только приспособлялся к природе, но и овла-

¹ О. А. Г р а к о в а, Алексеевское поселение и могильник, Труды ГИМ, вып. XVII, 1947, стр. 91 сл.

девал ее силами. Первобытный человек опытным путем дошел до превращения механического трения в тепло (добывание огня при помощи трения), до использования законов инерции (лук и стрелы), до изобретения сложных возвращающихся бумерангов, до культивации растений и одомашнения животных, до плавки металлических руд и их сплавов и т. д. С каждым таким открытием он овладевал силами природы, а не приспособлялся к ней. Кларк и сам в других местах приводит многочисленные примеры этого, но неправильные методологические установки мешают ему сделать правильный вывод.

Интересны подробные описания шахт и мест разработки камня (Хеснерскольм в Норвегии, где добывался гринштейн, кремневые шахты в Спленне во Франции и Граймс Гревс в Англии), особенностей обработки камня на месте его добычи, специализации типа продукции в зависимости от свойств материала. Но впечатление портится применением неуместной терминологии, как, например: «эти шахты были центрами обработки кремня, поставленной на коммерческую ногу» (стр. 180).

Вопроса о происхождении металлургии Кларк почти не касается, отмечая только, что она возникла на Востоке и распространилась в Европе только тогда, когда население там уже перешло к земледелию (стр. 183). Как и в других случаях, он утверждает, что ранние металлурги Европы зависели от ограниченных залежей самородной меди (приоритет природы). Но сам же он указывает далее, что места находок литейных форм разбросаны равномерно по всей Западной Европе, и предполагает, что литейщики в большинстве случаев работали на привозном металле, а следовательно, не зависели от мест его залежей.

Пытаясь выяснить положение различных групп населения, Кларк обнаруживает совершенное непонимание характера первобытно-общинного строя и представляет его себе как некоторое подобие буржуазного общества, что весьма типично для буржуазного археолога. Правда, он не говорит, как Н. Оберг, о существовании господствующих классов, но все же не может представить себе, чтобы когда бы то ни было могло отсутствовать имущественное неравенство. Так он прстивопоставляет друг другу шахтеров и литейщиков, считая, что по характеру их работы первые находились в худшем положении, чем вторые. Этот вывод он делает на основании сопоставления остатков «бедных» хижин вблизи одной из меднорудных шахт в юго-восточной Испании (раскопки братьев Сирэ) и «богатого» поселения Эль-Аргар (стр. 197). Между тем невозможно сказать полную синхронность того и другого памятника; кроме того даже при полной синхронности и там, и тут могли работать одни и те же люди в разное время года.

Еще более нелепо Кларк начинает выяснять категории «рабочих», разрабатывавших медные рудники в Миттерберге, соображаясь с современной техникой: у него получается, что на этих рудниках должны были работать шахтеры, плотники, рудокопы, плавильщики, рабочие по выноске руды и даже надсмотрщики и «охрана». Недостаёт только директоров акционерной компании.

Раздел о выплавке железа очень короток и не даёт ничего нового. Некоторый интерес имеет только замечание относительно влияния углежжения на ускорение уничтожения первобытных лесов; обстоятельство, на которое до сих пор не обращалось внимания.

Дальнейшие главы об обработке глины, дерева, кости и т. д. не представляют интереса, кроме того Кларк допустил здесь ряд ошибок. Так, например, неверно утверждение, что «жители стоянок Олгерманланда и Ромесдала могут претендовать на право считаться пионерами в применении асбеста, который они примешивали к глине для изготовления своих сосудов» (стр. 205). Роговообманковый асбест в огромном количестве применялся в качестве примеси к глиняному керамическому тесту в Карелии по крайней мере с середины II тысячелетия до н. э., а во второй половине этого тысячелетия «асбестовая» керамика обычна для Карелии и Финляндии. И если даже советский археологический материал остался для Кларка неизвестным, то археологические материалы Финляндии он привлекает во многих местах своей книги. Описание обработки дерева написано Кларком слабо и бледно. Кларк, конечно, не знает заме-

чательных изделий из торфяниковых стоянок Прибалтики, севера европейской части СССР и западного Зауралья.

Буржуазная сущность взглядов автора наиболее ярко выражена в главе о «торговле», занимающей целых 40 страниц. Уже в самом начале, указывая на большое количество разных пород привозного камня в различных местах и закономерно заключая из этого о существовании достаточно широкого обмена, Кларк рисует совершенно фантастические картины. Этот обмен представляется ему прежде всего как какая-то купля-продажа, как сделка между индивидуальными торговцами и покупателями.

«Встает вопрос,— пишет он,— каким образом эти предметы распределялись? Происходило ли это, как в центральной Австралии, путем посещения залежей и рудников представителями общин, нуждавшихся в пополнении их запасов? В каких размерах эта торговля производилась? ...Насколько эта торговля находилась в руках торговцев, которые извлекали средства к жизни путем этой деятельности, странствуя по стране и доставляя вещи прямо потребителю?»

Как будет показано далее, мало сомнения в том, что торговля топорами была организована торговцами, поскольку она распространялась на зону хвойных лесов, на территорию, занятую охотниками и рыболовами. Эти торговцы содержали торговые пункты далеко за пределами своей родины» (стр. 249 сл.).

Кларк даже не задает себе вопроса, могли ли существовать «фактории» чужого племени на территории других племен; он не может представить, что воображаемые им «торговцы» никакой выгоды от своей деятельности получить не могли. Но Кларк идет еще далее. Указав на то, что желобчатые каменные долота, топоры и узкие тесла из южноскандинавского кремня были найдены на всей территории северных скандинавских охотническо-рыболовецких племен, он пишет: «распространение на север торговли, очевидно, было делом боевых топоров шведского народа, который контролировал источники кремня на Шонене». И далее: «...наиболее интересно наблюдение, что $\frac{9}{10}$ кремневых топоров представляют собою тесла, похожие на каменные тесла, составляющие неперемный элемент приполярной культурной зоны. Очевидно, что народ боевых топоров находил более легким создавать рынок кремневых орудий путем воспроизводства форм, уже привычных для туземцев северных территорий. Действительно, мало может быть сомнений в том, что кремневые тесла выделялись специально для арктического рынка» (стр. 252).

Кларк не первый и, вероятно, не последний из буржуазных археологов рисует фантастическую картину первобытных племен, выделяющих специальные товары для сбыта их более отсталым племенам. Уже 50 лет тому назад подобное предположение было высмеяно М. Мухом. Буржуазная археология идет не вперед, а назад, и преодоление ее традиций, повидимому, не по силам Г. Кларку.

Но если выбросить подобные немногочисленные попытки автора приписать первобытным племенам развитые товарные отношения, то в главе о «торговле» найдется довольно много интересного и достаточно ценного. Им привлечен большой археологический материал, показывающий, что уже в неолитическую эпоху обмен достигал действительно относительно больших размеров. Пластины из кремневых залежей в Гран-Прессиньи, легко отличимые по сорту кремня и по их специфической форме были найдены в Морбигане, районе Парижа, Бельгии, Голландии, Швейцарии и Англии. Хорошо прослежено распространение изделий из южноскандинавского кремня и некоторых других характерных пород камня. Все это иллюстрировано большим количеством карт.

Специальный интерес представляет сводка данных о находках на неолитических стоянках керамики, чуждой для культуры этих стоянок. Очень мало отвел места автор вопросу об обмене бронзовыми изделиями, и это является одним из крупных недостатков книги. Большое недоумение вызывает раздел, посвященный обмену янтарем (стр. 261—263). Кларк почему-то считается только с ютландским янтарным центром. Он только вскользь упоминает о восточнобалтийском (калининградском) янтаре, хотя именно этому янтарному центру и распространению этого янтара посвящены большие работы (Клебс, Бреггер и др.). Между тем изделия из восточнобалтийского

янтаря доходили до Англии и вызывали там подражания. Качественный характер первобытного обмена остался вне поля зрения Кларка, несомненно, потому, что он вполне удовлетворен своим представлением о нем, как о почти полной аналогии капиталистической торговле.

Последняя глава о передвижениях и транспорте имеет компилятивный характер и ограничена описаниями различных находок.

Книга Кларка чрезвычайно показательна. Мы имеем перед собою археолога, хорошо владеющего материалом и стремящегося перешагнуть рутинный барьер голого вещеведческого анализа, который господствует в буржуазной археологии, пытающегося широко поставить вопросы, создать, как он сам говорит, историю первобытного общества. Но шоры буржуазного антиисторического представления о первобытном обществе, как об обществе, аналогичном капиталистическому, только обладающем неизмеримо более низкой техникой, закрывают Кларку исторический горизонт. Он силен там, где касается частных вопросов хозяйственной деятельности древнего общества, или, точнее, древнего человека, так как он все время имеет в виду индивидуальный, а не общественный труд. Он совершенно беспомощен там, где пытается выяснить общественные отношения между людьми, так как подходит к ним с меркой современного капиталистического общества.

Труд Кларка еще раз подчеркивает, что даже, повидимому, прогрессивный буржуазный ученый, владеющий большим количеством фактического материала и стремящийся добросовестно его интерпретировать, оказывается не в состоянии разрешить основные проблемы истории доклассового общества и принужден останавливаться у порога этой истории, не в силах перешагнуть его.

А. Брюсов

H. BENTSON, Einführung in die alte Geschichte. München, 1949, 185 стр.

Рецензируемая книга относится к распространенному типу пособий, целью которых является ввести читателя в общий круг вопросов древней истории, дать представление о ее источниках и о разработке отдельных проблем. Книга Бенгтсона в некоторой степени должна служить продолжением известной работы «*Einleitung in die Alttertumswissenschaft*» под редакцией Герке и Нордена. Бенгтсон, начавший свою научную деятельность в гитлеровское время, рассматривается теперь в Западной Германии как один из ведущих историков античности и как преемник Э. Корнемана. В частности, Бенгтсон редактировал посмертно изданный труд Э. Корнемана «*Weltgeschichte des Mittelmeerraumes von Philipp II von Makedonien bis Muhammed*». Он же является автором вышедшей в 1951 г. «*Griechische Geschichte*»¹ и ряда других появившихся за последнее время трудов.

Рецензируемая книга состоит из восьми небольших глав, к каждой из них приложена библиография. В конце книги дан указатель наиболее важных, по мнению автора, трудов по всем разделам древней истории. В первой главе дается определение территориальных и хронологических рамок древней истории. Вторая глава представляет собой историографический очерк, охватывающий развитие науки от Возрождения до наших дней. В третьей главе излагаются вопросы хронологии, географии, антропологии, на которых, по мнению автора, покоится история, как научная дисциплина. В двух дальнейших главах дается классификация и краткая характеристика важнейших источников для стран Переднего Востока и Средиземноморья. Шестая глава содержит сведения о вспомогательных дисциплинах: эпиграфике, папирологии, нумизматике. В седьмой главе характеризуются смежные науки, прежде всего классическая филология. Наконец, в последней главе указаны основные справочники и периодические издания по древней истории.

¹ Рецензии на эти две книги см. в ВДИ, 1952, № 4 и 1953, № 1.

Под историей древнего мира автор понимает «историю Средиземноморья и прилегающих к нему областей» (стр. 3), ограниченную во времени концом «предистории» и началом средних веков. Другого определения автор не дает. Из этого видно, что Бенгтсон не признает никакого различия между рабовладельческим обществом и последующими обществами. Ни разу на протяжении всего своего труда, имеющего целью дать направление в изучении древней истории, Бенгтсон даже не упоминает о способе производства, слово «рабовладение» попросту не упоминается; в рекомендуемый им довольно большой список литературы не включены работы, трактующие вопросы рабства, в том числе даже общеизвестный труд Валлона «Рабство в древности». Преднамеренное игнорирование рабовладения, отрицание его исторической роли свойственно всей современной буржуазной историографии и, в частности, Бенгтсону. Игнорирование теории общественно-экономических формаций лишило Бенгтсона возможности дать четкое определение самого предмета древней истории. Указанная им нижняя хронологическая грань является неопределенной, причем сам Бенгтсон сознает неудовлетворительность своего определения (стр. 4) и отказывается от проведения четкой грани между «предисторией» и собственно историей. Повидимому, он сознает недостаточность избранного в буржуазной историографии критерия наличия или отсутствия письменных источников для разграничения «предистории» и истории, заявляя, что исторический период Греции начинается в общем и целом с грани III и II тысячелетия (стр. 4).

Не выдерживает критики и предлагаемая автором верхняя грань древней истории. Под этой гранью понимается «конец античной культуры, конец античного государства, конец античного мышления» (стр. 5). Считая неправильным приурочивать падение античного мира к какому-либо определенному году (325, 410 или 476 гг. н. э.), Бенгтсон говорит об «эластичной границе» между античностью и средневековьем. Эта «эластичная граница» отнесется, по его мнению, к концу VI и началу VII в. н. э., а в особенности ко времени арабского завоевания, которое, как он заявляет, было «последним крупным ответным движением Востока против Запада, реакцией против продвижения западной эллинистической культуры на Восток» (стр. 5).

Взгляд на арабское завоевание как на конец античности далеко не нов. Он был, как известно, высказан еще Пиренном¹ и подхвачен затем фашистскими учеными, желавшими слять ответственность «со своих предков» — древних германцев за разрушение античной цивилизации. Теперь в Западной Германии под прямым влиянием американской историографии стало особенно модно говорить об «извечной борьбе» Востока и Запада и обвинять в гибели античности «восточные элементы».

В основе этого широко распространенного в современной буржуазной науке взгляда на падение античного мира² лежит империалистический расистский подход к народам Востока, как к народам, способным лишь разрушать культурные ценности, что в корне неверно. В частности, арабы, так же как и другие народы Востока, многое восприняли из античной культуры и создали свою богатую самобытную культуру. В VIII—IX вв., когда уровень культурного развития народов Западной Европы был весьма низок, на арабский язык были переведены труды Аристотеля, Архимеда, Галена и других деятелей античной науки. Мы не говорим уже о том, что сама античная культура выросла в значительной степени под воздействием высоких культур древнего Востока, и сама она была распространена на востоке Европы не в меньшей, а, пожалуй, в большей степени, чем на западе.

Империалистическое отношение к народам Востока сказалось и на определении автором территориальных границ древней истории. Идя по стопам Терера³ и других

¹ A. P i r e n n e, Mahomet et Charlemagne, «Revue belge de philologie et de l'histoire», т. I, 1922; О н - ж е, Les villes du moyen âge, Bruxelles, 1926.

² Последняя попытка обосновать эту реакционную концепцию сделана датским ученым А. Ризингом в «Classica et Mediaevalia», III (1952), стр. 87—130.

³ F. T a e g e r, Das Altertum, т. I, München, 1939.

буржуазных историков, Бенгтсон ограничивает территориальные рамки древней истории Средиземноморьем и прилегающими к нему районами. Тем самым вычеркивается из всемирной истории история народов Индии и Китая, умалчивается историческая роль народов Переднего Востока и Причерноморья. Средиземноморье рассматривается Бенгтсоном как перманентный центр культуры древнего мира. Для того чтобы свести концы с концами, автору пришлось отнести к средиземноморским народам даже шумерийцев и аккадян (!). В этом отношении рецензируемая книга стоит вполне на уровне современной геополитики, относящей Турцию к атлантическим державам. Бенгтсон полностью игнорирует историческую роль народов, населявших в древности территорию Советского Союза. Народы Урарту и Средней Азии и труды ученых, разрабатывавших историю этих народов, не упомянуты Бенгтсоном ни одним словом. Притом, включая историю некоторых народов Переднего Востока в историю Средиземноморья, т. е., по определению автора, в древнюю историю, он даже не ставит перед собой вопроса о том, что было общего в их развитии с развитием греко-римского мира.

Современная буржуазная наука всячески пытается замаскировать классовую борьбу и игнорирует ее значение как движущей силы в истории человеческого общества. Характерна в этом отношении и книга Бенгтсона; в ней совершенно умалчивается о каком-либо влиянии или значении классовой борьбы в истории древнего мира.

Идеалистическая, антинаучная сущность взглядов автора ярче всего сказалась на материале историографического очерка, в котором он излагает, с точки зрения филиалии идей, историю науки о древности от Лоренцо Валла до Ростовцева. Историографический очерк дается в абсолютном отрыве от социально-экономической истории Европы, от классовой и политической борьбы, от идейных и философских течений XIX вв., от которых, как известно, во многом зависит всякая общественная наука. В этом очерке упомянуто много имен, вплоть до такого «ученого», как Фридрих Вильгельм III. Игнорирование автором марксизма сделало совершенно невозможным для него понимание истории науки о древности. Излагая, например, развитие историографии XIX в., Бенгтсон отмечает наличие в ней модернизаторских тенденций, однако он не в состоянии объяснить, с чем связано появление этих тенденций и чем объясняется их рост в конце XIX и начале XX в. Модернизация истории в целом не осуждается Бенгтсоном; он лишь против «перегибов», которые имеют место в трудах Пёльмана (стр. 17).

В результате проводимой американско-английскими империалистами политики раскола Германии и возрождения фашизма, в Западной Германии вновь оживают реакционные идеи. Амнистируются и берутся на вооружение не только фашистские преступники, но и фашистские идеи. Весьма показательны, что Бенгтсон, уделяющий столь большое внимание истории немецкой науки, «не заметил» господства в ней на протяжении ряда лет фашистских человеконенавистнических идей и не высказал ни одного критического замечания по адресу фашистской историографии в целом. В библиографическом указателе преобладают работы немецких фашистских историков. Учитывая рост антифашистских настроений в Германии, автор заявляет, что он не во всем согласен с фашистскими историками¹, но в то же самое время он «признает их заслуги» и заимствует у них всю их концепцию.

Работа Бенгтсона создает впечатление, что развивали науку о древности почти исключительно немецкие ученые. Во всей книге нет ни одного упоминания о русских ученых, кроме белоземгранта, реакционного космополита Ростовцева. Бенгтсон умалчивает и о чешском ученом Б. Грозном, заслуги которого в области изучения древнего Востока являются общепризнанными. Даже английским, итальянским и французским исследователям древности, вместе взятым, уделено во много раз меньше места, чем одним немецким ученым.

¹ Так, например, он говорит о «неудачном» названии работы Гельцера «Расовые противоречия, как исторический фактор в войнах Рима с Карфагеном» (стр. 43) и сомневается в существовании «чистых рас» в истории (стр. 43 сл.).

В основе исследования древней истории лежат, по мнению автора, три отрасли знания — хронология, география, антропология. О содержании и методах каждой из этих наук говорится в специальном разделе III главы. В разделе «Хронология» сообщаются данные о календаре древних народов. В разделе «География» разбирается вопрос о влиянии географической среды на ход истории. Так, например, изменения в жизни греков в период эллинизма объясняются тем, что они стали жить в иных климатических условиях. По мнению автора, климат сыграл определенную роль в упадке восточных эллинистических государств и их культуры (стр. 36). Географические условия возводятся в абсолют; автор говорит лишь о влиянии географических условий на человека, совершенно не затрагивая вопроса о влиянии человеческого общества на процессы природы, например, использование разливов Нила для орошения и т. д.

Решающая роль, по мнению Бенгтсона, в общем круге проблем древней истории принадлежит антропологии, которая рассматривается не как вспомогательная наука при изучении истории прошлого, а как основа основ истории. Целью этой «современной науки... является выяснение происхождения homo sapiens и расовых различий» (42 стр.). Для того чтобы у читателя не было сомнений, кому автор обяза применением этой, так сказать, науки к древней истории, Бенгтсон ссылается на ряд работ фашистских ученых. Расизм является характерной чертой концепции Бенгтсона. Он сказался и в умалении роли народов, не принадлежащих к «индогерманской расе», и в подчеркивании так называемых антропологических факторов в истории. Восстановление фашистских «традиций» во всех областях жизни Западной Германии поощряется американо-английскими империалистами, подлинными хозяевами Боннского государства. Характерна в этом отношении оценка, данная книге Бенгтсона в английском журнале «The classical Review» (1950, № 3—4, стр. 124 сл.).

Автор рецензии проф. Кэри считает, что книга Бенгтсона характеризуется «здравыми суждениями», и лучшей ее частью является глава об антропологии, т. е. именно та часть работы, где наиболее отчетливо выступают расистские тенденции. Характерно, что в этом же номере того же журнала помещена явно издательская рецензия на работу прогрессивного английского историка Томсона «Studies in Ancient Greek Society: the prehistoric Aegean» («Marxus dixit: ita est», стр. 127—129). Обе эти рецензии наиболее ярко показывают направленность современной буржуазной историографии, ее критерии в оценке работ по древней истории. Если автор не стоит на расистских позициях, если он признает марксизм и пытается применять марксистскую методологию к освещению вопросов древней истории, то его взгляды объявляются копированием тех догм, которые господствуют за «железным занавесом». Если же, как, например, Бенгтсон, автор стоит на расистских позициях, если он игнорирует значение всяких экономических факторов, то его суждения объявляются здравыми, а книга ценной. Вот подлинный, а не выдуманный железный занавес, который пытаются опустить марксисты, боящиеся передовых идей и видящие последнее слово науки в писаниях гитлеровских расистов.

Порочность буржуазной методологии сказалась также на освещении Бенгтсоном вопросов источниковедения. Он дает в книге лишь перечень источников, классифицируя их по чисто внешним признакам, и не в состоянии обнаружить общие и специфические черты в различных исторических трудах греко-римских авторов, не имея никаких принципиальных установок или методов для отбора и освещения исторического материала. Многие вопросы источниковедения, имеющие большое значение для научной критики источников, совсем не нашли отражения в книге Бенгтсона. Так, например, им даже не поставлен вопрос о достоверности речей в произведениях Фукидида, Ливия и других античных историков. Автор не нашел в своей книге места для характеристики такого важнейшего исторического источника, как письма Цицерона. В разделе об эпиграфических источниках мы не найдем даже упоминания о таких важнейших памятниках, как Lex agraria (111 г. до н. э.), Lex Iulia Municipalis, эдикт Диоклетиана о ценах и т. д.

Книга Бенгтсона — яркий показатель деградации буржуазной науки и убожества ее исследовательских приемов. Можно полностью согласиться с рецензентом книги Бенгт-

сона в историко-педагогическом журнале, выходящем в Германской Демократической Республике, что труды Моммзена и других крупных немецких историков XIX века стоят на недостижимой высоте по сравнению с работой Бенгтсона и подобными «новейшими исследованиями»¹. Рецензент справедливо указывает также на одну из главных причин низкого научного уровня книги Бенгтсона — отрицание роли экономических факторов, игнорирование рабовладения. Следовало бы только наряду с этим указать на наличие расистских тенденций в рецензируемой книге.

Разгром гитлеровского фашизма Советским Союзом открыл перед немецкой историографией древности широкие возможности свободного научного исследования. Одной из важнейших предпосылок успешного изучения исторического прошлого является беспощадная критика всего наследия фашистской лженауки, которая популяризируется Бенгтсоном.

А. И. Немировский

M. LAUNEY, Recherches sur les armées hellénistiques, P., т. I, 1949, XI+624 стр.; т. II, 1950, 625—1315 стр.

Наблюдаемый в буржуазной историографии за последние десятилетия рост интереса к истории эллинизма объясняется рядом моментов. Между ними немалую роль играют культ «сильной личности» — завоевателей типа Александра Македонского и расовые теории, ищущие в эллинизме подтверждения претензий «избранных народов» на мировое господство. После второй мировой войны американско-английские буржуазные историки выдвигают на первый план приписываемый эллинизму космополитизм. В изучении истории эллинизма с особой силой проявляется излюбленная буржуазными, особенно американскими, историками модернизация исторических событий. Разрозненность источников по истории эллинизма используется современными буржуазными учеными для пропаганды исторического нигилизма, отрицания закономерности исторического процесса. Неспособность объяснить истинные, социально-экономические причины происхождения, развития и гибели эллинизма приводит к отказу от обобщений.

Рецензируемая книга представляет собою объемистую двухтомную работу профессора университета в Нанси, члена французской школы в Афинах, М. Лоней, который, по его словам, уже с 1932 г. начал заниматься данной темой. Положительной чертой работы является сводка огромного фактического материала, поробранного из многих папирологических и эпиграфических документов, и наличие хорошего аппарата, позволяющего использовать эту книгу в качестве справочника. Автор заявляет во введении (стр. 6), что он хотел исследовать «военное население» эллинистического мира и показать эллинистическую армию как «элемент общества» (стр. 6). Однако с этой задачей М. Лоней не справился. Это прежде всего фактологическая работа.

Лоней неоднократно говорит, что историк античности является «рабом документации» (стр. 19), и призывает историков опираться лишь на «формальные документы» (стр. 999). Для него руководящим является формально-юридический метод анализа документов и фактов. Опора на документы — закон работы историка, но Лоней это ведет к формализму, к отказу от широких обобщений и вскрытия коренных причин исторических явлений. Поэтому он явно избегает излагать свои общие взгляды на основные вопросы истории эллинизма. Тем не менее эти взгляды можно проследить по ряду высказываний, особенно в заключении.

В оценке сущности эллинизма Лоней мало оригинален. Он эклектически соединяет взгляды Эд. Мейера, В. Тарна, М. И. Ростовцева, которых он охотно цитирует. В конечном итоге, вслед за Дройзеном, он рассматривает эллинизм как явление

¹ «Geschichte in der Schule», 1950, № 1, стр. 47 сл.

политическое и главным образом культурное. Лоней особенно охотно подчеркивает космополитический характер эллинизма. Совершенно неверно характеризуется, например, Египет как «космополитическая страна» (стр. 676). Подобно подавляющему большинству буржуазных историков, автор исключительно преувеличивает роль Александра, связывая распад империи только с его смертью. Преувеличение роли личности весьма характерно для всей современной буржуазной историографии.

Подобно В. Тарну автор делит историю эллинизма на два периода: до и после 200 г. до н. э. Промежуток между 220 и 180 гг. до н. э. Лоней считает временем «серьезной внутренней трансформации» (стр. 1093) эллинизма. Эта «трансформация» объясняется исключительно ослаблением иммиграции греко-македонцев на Восток и «метизацией» их, что, по Лонею, и повело к культурному, а затем и политическому упадку. Таким образом, Лоней стоит на откровенно расистских, антинаучных позициях. «Эллинизм, — пишет он, — держался только посредством непрерывной иммиграции новых элементов, не загрязненных Востоком» (стр. 1092). Упадок эллинизма объясняется старческим увяданием греческой культуры и главным образом «малочисленностью, изоляцией и прогрессирующей физической и моральной ориентализацией ее защитников» (стр. 1093). Таким образом, в объяснении «трансформации» эллинизма, а затем и его гибели, автор исходит не из социально-экономических условий развития рабовладельческого общества, а из явлений вторичных, культурных, главным образом этническо-миграционных, что является методом замазывания ожесточенной классовой борьбы в древности. Притом бросается в глаза огромная роль, отводимая автором физиологическому и геополитическому факторам; он говорит о потере «жизненности» Грецией в связи с потерей ею «демографической мощи» (стр. 1088), о «физиологической болезни», постигшей европейцев, обосновавшихся под «более жарким небом», что проявилось в падении рождаемости и росте детской смертности, «не говоря об общем упадке активности и усталости индивидуума и расы» (стр. 1090). Македонцы, имевшие много колоний в Египте и Азии, по мнению автора, сохранили веком далее, чем греки, «физиологическое сопротивление» (стр. 1088).

Лоней не скрывает своих расистских взглядов. Всю историю эллинизма он представляет себе в виде борьбы двух начал: греко-македонского — высшего и «варварского», восточного — низшего. Например, говоря об уменьшении количества имен греков в документах II—I вв. до н. э., он объясняет это тем, что общение с восточными народами постепенно «ослабляло расовые качества, культурные и даже этнические» (стр. 1088).

Объясняя упадок эллинизма прекращением иммиграции на Восток, автор связывает потерю территории даже не с политическими, а непосредственно с расово-физиологическими причинами. «Предоставленные сами себе, греко-македонцы — иммигранты, пораженные в их здоровье, жизненности и плодовитости, предоставленные всем расовым изменениям, которые следовали за смешанными браками, не переставали терять территорию» (стр. 1090); многочисленность галатов объясняется «плодовитостью расы» (стр. 494); усиление семитской иммиграции в Египет во II—I вв. до н. э. автор называет «реваншем победленного Востока».

Резкое противопоставление Запада Востоку является регрессом по сравнению даже с трудами буржуазных историков конца XIX — начала XX в. и ярко иллюстрирует упадок буржуазной историографии античности за последние годы. Лоней отстает даже от Гегеля, так как умалчивает о богатом историческом прошлом восточных народов. Фракийцы, мисийцы и народы юга Малой Азии в книге называются «варварами», «без собственной культуры» (стр. 1089). Расистские взгляды приводят автора к извращенной оценке римской агрессии на Востоке (стр. 1093). Рим выступает у Лонея в качестве культуртрегера и спасителя эллинической культуры: «Римское завоевание спасло все, что можно было спасти, от эллинистической культуры» (стр. 1094). Тем самым оправдывается римское насилие, грабеж, лишение независимости многих племен и народов.

Итак, общая концепция автора полностью расистская; он повторяет положения немецко-фашистских «теорий». Лоней нигде даже словом не коснулся социально-экономических основ эллинистической эпохи, он совершенно умалчивает о рабстве, делаю

шаг назад даже по сравнению с Тарном, который пишет, что не следует упускать из виду «рабовладельческую подоплеку»¹ эллинистического общества. В книге совсем не затрагивается непосредственно связанный с темой исследования вопрос об отношении рабов к армии. Между тем известно, что рабы не всегда были пассивными, они часто переходили на сторону противников своих хозяев, имелись случаи привлечения рабов в армию.

Таковы, так сказать, общеисторические взгляды Лонея. Переходя к конкретной теме его книги, мы должны остановиться прежде всего на том, как трактует он вопрос о роли войн в древности. Автор отмечает, что эллинистический мир оставался в большой степени «миром милитаристическим», и добавляет, что эллинизм вызвал такие движения народов, которые нельзя было наблюдать с эпохи «индоевропейских миграций» (стр. 6). Основной причиной войн в период эллинизма Лоней считает миграции. В действительности же усилившиеся и участвовавшие военные столкновения, начиная с походов Александра, объясняются развитием рабовладельческой экономики, ростом классово-войсковой борьбы, растущей задолженностью и обезземеливанием основных масс производителей, развитием рыночных отношений. Именно этими явлениями следует объяснить частые войны, численный рост армий, развитие наемничества и его роль в политической жизни. По автору же, возросшее значение армии определялось наблюдением за завоеванными территориями и оккупацией их; войны становятся «естественным состоянием» («état naturel») эллинистического мира. Само наемничество часто объясняется моральными или этническими факторами, например, применение наемничества в Ахейском союзе, оказывается, было вызвано «отвращением» ахейцев к военному делу. Вообще вопрос о наемничестве занимает очень много места в книге Лонея. Смешивая наемничество с иммиграцией, автор определяет наемничество как временную, а военных колонистов, — как постоянную, для тельную иммиграцию.

Лоней формально-схематически делит военные столкновения в эпоху эллинизма на три группы: 1) между городами-государствами, 2) между конфедерациями и 3) между монархиями. Тем самым он крайне упрощает многообразность военных столкновений, выбрасывает за борт войны рабов.

Перейдем к систематическому рассмотрению содержания рецензируемой работы. Первая часть, называемая Лонеем этническим исследованием, состоит из 10 глав и ставит своей задачей исследование вопроса о том, как эллинистические государства находили солдат для своих армий (стр. 15). Внимание автора обращено на армии Селевкидов и Птолемея и лишь частично на армии центральной Греции. Здесь рассматриваются не эллинистические армии как целое, а только вопрос о том, откуда, в какой степени и в какое время эллинистические армии пополнялись солдатами, главным образом, наемниками и военными колонистами. Для читателя остается неясным даже этнический состав армий, не говоря уже о том, как он влиял на тактику и на боеспособность армий.

Переходя непосредственно к изучению этнического состава эллинистических армий, автор в главе 1-й («Статистические очерки») указывает источники, по которым он определяет этническую принадлежность; это, прежде всего, списки солдат из центральной Греции с указанием места их происхождения или этнической принадлежности. Здесь же делается рискованное предположение о том, что все солдаты с указанием, из какого города они происходят, являлись греками, а с указанием этноса — варварами, несмотря на предшествующее замечание самого Лонея о том, что многие солдаты в составе военных этнически цельных континентов могли выступать под другим этническим наименованием (например, псевдоперсы в Египте). В случае отсутствия «политических» или «этнических» показателей автор прибегает к ономастике, указывая одновременно на ненадежность этого источника. На основании шести наиболее полно сохранившихся списков конца IV—III в. до н. э., Лоней определяет предварительные статистические дан-

¹ W. W. Tarn, *Hellenistic civilisation*, L., 1952, стр. 4.

ные, из которых следует, что в то время наемники были главным образом греками, а основными центрами вербовки наемников являлись Пелопоннес, центральная Греция, Фессалия и острова. Из «варварских» областей наемников поставляли Фракия, Македония и Египет. Среди документов II в. сохранилось меньше этнических указаний, и потому автор сосредотачивает внимание на анализе имен, что приводит его к выводу о сокращении в это время числа греко-македонских наемников и увеличении количества наемников «варварских», семитских, особенно в Египте.

Поскольку от определения этнической принадлежности зависят основные выводы Лонея, нужно сказать, что в ряде случаев его толкования весьма сомнительны и натянуты; так, например, перемену этнического показателя Πέρσις на Μακεδόν (стр. 326) автор неправильно связывает с производством в высший военный чин¹.

Затем Лоней переходит к анализу надгробных стел и граффити из Сидона, Александрии, Абидоса, Мемфиса и т. д. Здесь, как и во всей работе, главное место занимает анализ египетских документов, причем автор приходит к выводу, что в III в. до н. э. в египетской армии преобладали греческие (островные), особенно критские, анатолийские (галаты и др.) и северо-африканские (жители Киренаики) элементы, в то время как после 200 г., а особенно в I в. до н. э. усиливается семитский элемент. Среди военных колонистов преобладают и довольно устойчиво сохраняются македонцы и фракийцы, в то время как известные наемники III в. — критяне — не доставляли клерухов.

Данные античных писателей используются автором главным образом для анализа этнического состава селевкидской и отчасти птолемеевской армий. Из этих данных (например, Ρολύβ., V, 79) следует, что селевкидская армия состояла не только из наемников, но в большей части из местных, рекрутируемых на других условиях, элементов. Впрочем, автор отказывается от анализа этих элементов, а также состава гражданского ополчения полисов и конфедераций. Нечего и говорить, что такое ограничение темы исследования искажает представление о составе армий в целом, чему в немалой степени способствует и принятый Лонеем порядок анализа источников. Необходимо было начать с литературных источников и перейти к эпиграфическим, ибо разрозненные и неполные эпиграфические документы явно не в состоянии дать цельной картины. Автором также исключается из предмета исследования македонская армия, как «национальная» (стр. 56), и пергамская, как рекрутировавшаяся из пергамских граждан.

В последующих главах первой части, из коих наиболее содержательны глава V (о македонцах) и раздел о Крите в главе IV, автор рассматривает эллинистический мир по географическому принципу в следующем порядке: Пелопоннес, центральная и северная Греция, острова, Македония, балканские области, Малая Азия (галаты), Сирия, Финикия, Палестина, Аравия, Иран и Западная Африка. Каждая из этих географических областей в свою очередь разбита на микрорайоны по этническому признаку. Географический обзор эллинистического мира никак нельзя признать полным, поскольку автором исключены столь важные области, как Понт, Парфия, Северное и Западное Причерноморье.

Эти главы представляют собою фактически лишь сводку документального материала, расположенного в хронологическом порядке. Сам материал очень рыхлый, подчас он не подвергается самому элементарному анализу и исторической критике. В основном в этих аналогичных по структуре главах повторяются выводы, предложенные автором во введении и первой главе; принципиально они не дают ничего нового и лишь уточняют размеры эмиграции из каждой области.

Центральная и северная Греция направляли своих солдат, главным образом, в Сирию и Египет, причем в конце IV в. преобладали пелопоннесские элементы, в III в. — наемники и военные колонисты из центральной и северной Греции. Фера, Лесбос, Самос, Кос и Родос поставляли в III в. по преимуществу моряков и командный состав для эллинистических армий. С 280 по 150 г. процветает критское наемничество. Известно, что именно в III в. на Крите шла особенно острая социальная и политическая борьба, но автор не говорит об этом, а, наоборот, считает, что ухудшение

¹ См. E. G. Turner, JHS, LXX (1950), стр. 95.

экономического положения Крита в I в. н. э. привело к ослаблению критского наемничества.

Македонцы не составляли большинства в селевкидской и египетской армиях, но были их сильным и устойчивым ядром, поэтому автор называет эти армии «македонскими»; стоит отметить, что основные македонские элементы поступали в армию не из самой Македонии, а из колоний, основанных Александром.

Фракийцы в большом количестве служили в эллинистических армиях, но в Афинах и Пергаме они были наемниками, в Египте — клерухами, а в Македонии и Риме служили во вспомогательных войсках; в селевкидской армии фракийцев было меньше, чем в египетской; с середины II в. до н. э. иммиграция их ослабевает, что объясняется автором «моральной» или «социальной» трансформацией или уменьшением населения. Не в силах разобраться в социально-экономических причинах увеличения или сокращения эмиграции, автор, подобно другим буржуазным историкам, часто ссылается на «депопуляцию», не понимая того, что рост или уменьшение народонаселения не может быть главной силой развития общества.

Из других балканских народов (траллы, пеоны, агрианы, амфилохи, эпироты, бастарны, иллирийцы) наибольшее количество солдат давала Иллирия. К разряду балканских народов автор причисляет и скифов. Лоней очень плохо знает Северное Причерноморье, он этнически не различает скифов и сарматов (стр. 421) и ограничивается лишь краткими замечаниями о том, что армия Митридата VI включала северочерноморские народы; «обширные и населенные территории, идущие от Дуная до Кавказа», доставляли немного людей в эллинистические армии. Автор почти совершенно не знает литературы о Северном Причерноморье. Лоней умалчивает об армии Митридата, столь существенном звене военной истории I в. до н. э. Это тем более недопустимо, что в своих основных чертах состав армии Митридата поддается анализу и интересен с точки зрения участия в ней северо- и южночерноморских народов.

Подробно рассматриваются Лонеем галаты, которые после вторжения в Малую Азию широко использовались в качестве наемников по всей Малой Азии вплоть до Египта и Македонии. Заметно националистическое стремление автора реабилитировать жестокость и свирепость галатов. Отмечая самую характерную деталь галатского вооружения — овалный большой щит, *θώρας*, автор приводит аналогии щитов на пантикапейских терракотах, упуская из вида изображение этого же типа на пантикапейских надгробьях.

Лоней по формальным соображениям отказывается от рассмотрения вопроса о службе египтян и египетских греков в птолемеевской армии; он говорит только о тех греках, которые поступали на службу в другие армии, а так как египтяне в других армиях не служили, то о них специально не говорится. Ясно, что таким образом совершенно искажается картина этнического состава как птолемеевской, так и других эллинистических армий.

Характерно отношение Лонея к этолийцам. Считая их «полуварварами» иллирийского происхождения, слепо доверяя Полибию и Ливию, враждебно относившимся к Этолии, автор, не жалеет красок в изображении свирепости этолийцев, сбиваясь с повествовательного на морализирующий тон: «Какая несравнимая свирепость, какое буйство примитива по отношению ко всему, что составляет объект их возделаний!» (стр. 199). Вместо того, чтобы вскрыть картину быстрого разложения первобытно-общинных и формирования рабовладельческих отношений в отсталой до того времени Этолии, автор вновь возвращается к своим излюбленным теориям о «жизненности расы» и пространно описывает карьеру Теодота, Скопаса и др. Модернизируя общественный строй отдельных областей древней Греции, он пишет, что в Фессалии «архаический социальный строй, по крайней мере в деревне, приближался более к македонскому, чем к строю Греции, квазифеодальный режим давал поместным дворянчикам, разводящим лошадей, прямое командование над их вассалами» (стр. 222).

Вторая часть работы, называемая Лонеем социологической, состоит из семи глав (XI—XVII). В XI главе («Армии и города») анализируются взаимоотношения солдат и населения городов, в которых они были расквартированы, изучается юридический

статус солдат-эмигрантов по отношению к их первоначальной родине и, в частности, вопрос о том, в какой мере окончательная эмиграция лишала «индивидуума» (колонииста) права прежнего гражданства. Здесь, как и во всей работе, Лоней ограничивается формально-юридическим анализом текстов.

Более интересно начало главы XII («Армии и население»). Автор убедительно рисует бедствия, чинимые насмной армией населению. Нужно полагать, что перед его глазами стоят картины гитлеровской и современной американской оккупации Франции. Он говорит, что «обычай военной жизни одинаковы повсюду, так что ни одна точка территории поистине не ускользает от страшного присутствия армии» с «актами дисциплинированности, сценами произвола, опустошения, нанесения ущерба, грабежа». Однако затем он опять переходит к формально-юридическому рассмотрению вопроса.

В главе XIII («Социальные условия жизни солдата») Лоней заявляет, что будет изучать материальные условия жизни солдат. Однако затем он резко сужает рамки исследования. Тем не менее здесь собраны, хотя и не проанализированы, сведения о формах и размере оплаты солдат; автор подчеркивает трудности в снабжении и оплате армий, указывая, что эллинистические монархи часто прибегали и к беззакониям для добывания средств. В результате автор приходит к выводу, что уровень жизни «военного класса» был выше уровня жизни подавляющей части населения, а военная профессия была вообще прибыльной, хотя греко-македонцы получали большее жалование, чем другие солдаты. «Военное сословие,— пишет автор,— производило впечатление сильно иерархизированного социального класса колониального типа» (стр. 777). Автор не может вскрыть причины более высокого положения солдат, так как он не понимает того, что армия была орудием классового господства рабовладельцев. Неправильно объясняется Лопеем невыгодность военной профессии, начиная со II в. до н. э., как результат обесценения монеты. Ухудшение материального положения солдат в ряде эллинистических армий было связано со всем комплексом экономических, социальных и политических изменений, приведших к ослаблению эллинистических государств. И все же солдаты были в значительно лучшем положении, чем основная масса населения, поэтому неверно утверждение автора о том, что во II в. «даже в богатом Египте солдат становится бедным пролетарием» (стр. 1091). Для характеристики материального и социального положения солдат автор привлекает в основном мало надежные данные Новой комедии, а также надгробий и терракот, но не упоминает об аналогичных находках из Пантикапея.

Главы XIV («Армия и гимназия») и XV («Армия и религиозная жизнь») перегружены дополнительным материалом, только косвенно связанным, а зачастую и вовсе не связанным, с темой. Для Египта связь солдат с гимназиями неправомерно объясняется в первую очередь верностью династии, поскольку гимназии были центром царского культа. Автору не удалось выделить то специфическое в религиозной жизни, что связано с армией, ибо участие в религиозных процессиях, жертвы, легенды о явлении богов («эпифании»), почитание богов-спасителей, обряды не были исключительно связаны с армией. Далее делаются малоуспешные попытки выделить профессиональные армейские божества. Следует отметить интересное замечание Лоней о значительной роли армии в распространении эллинистических культов на Востоке. Обратное влияние восточных культов на эллинистические шло главным образом через купцов и рабов.

Следующая глава XVI («Объединения солдат») близко примыкает к предыдущей, поскольку автор большое место отводит ассоциациям солдат, основанным на общности культа. Специфически военных «корпоративных» ассоциаций было мало, ибо «в целом принципы их образования оставались вне армии» (стр. 1036).

Большой интерес возбуждает название последней главы — «Армия и политические формы», однако содержание этой главы не дает ничего нового. Вместо показа роли армии в политической жизни эллинистического периода автор ограничивается выяснением только того, в какой степени солдаты, будучи в армии, сохраняли «традиционные политические формы» (стр. 1037). На примере Аттики автор говорит, что в греческих городах солдаты активно участвовали в политической жизни, но под этим он

подразумевает, главным образом, право издания почетных декретов в честь магистратов и своих начальников. В монархиях солдаты пользовались меньшими правами в этом отношении. Знаменательно, что известный договор между Евменом и возмущившимися солдатами автор называет «частным случаем», в то время как именно этот договор давал прекрасную возможность поставить широко вопрос о роли армии в политической жизни. В заключение автор говорит о том, что политическая активность солдат была «более иллюзорной, чем реальной: машина вертится впустую» (стр. 1084 сл.).

Итак, политическая роль армий, сами формы политической активности автором показаны узко и формально. Из них выхолощено главное, ибо сознательно выброшены из объекта исследования роль войсковых собраний в македонской армии, а также отношение армий к политическим властям, давление армий на правителей или на города, восстания солдат — «короче все факты преторианства», как говорит автор, «чуждые исследованию о сохранении греческой цивилизации» (стр. 1085). Однако эти факты не являются фактами «преторианства», и они не чужды историческому исследованию. а. наоборот, должны были лечь в основу подлинно-научного изучения эллинистических армий.

Таким образом, автор данной работы стоит на порочных методологических позициях расизма. Книга отличается узостью поставленных проблем, формально-юридическим методом исследования, эмпиризмом и модернизацией исторических явлений. Автор не в силах понять истинные движущие силы истории эллинизма, сущность самого эллинизма, роль армии и ее особенностей в эпоху эллинизма.

Н. И. Сокольский

P. CLOCHÉ, La démocratie athénienne, P., 1951, 432 стр.

Труды обобщающего характера, посвященные исследованию узловых моментов античной истории, представляют собой довольно редкое явление в современной буржуазной исторической литературе. Те же весьма немногочисленные общие труды синтетического характера, которые изредка появляются в буржуазной историографии, ярко иллюстрируют порочность концепций буржуазных историков. Представители западноевропейской историографии либо отказываются от обобщения фактического материала, либо становятся на путь фальсификации истории. Модернизация и фальсификация античности оказываются средством для обоснования современных политических требований империалистов.

В этой точки зрения интересен рецензируемый труд известного французского историка Поля Клоше, который уже многократно выступал с исследованиями в области истории древней Греции, преимущественно Афин классической эпохи¹. Рецензируемый труд Клоше охватывает большой период истории Афин, начиная от Солона и кончая падением демократии, которое автор приурочивает к Ламийской войне 323—322 гг. до н. э. Книга состоит из 27 глав и заключения; к ней приложен обширный список литературы по данному вопросу, в который не вошли работы русских исследователей, немало сделавших в этой области², хотя, наряду с новыми трудами, указаны и старые работы Бузольта, Белоха, Эд. Мейера и даже Дройзена.

Труд Клоше «*La démocratie athénienne*» является завершением 35-летней работы автора в области изучения истории Афин. Естественно было бы ожидать от автора,

¹ См. его работы: 1) *La restauration démocratique à Athènes en 403 avant J. Chr.*, P., 1915; 2) *La civilisation athénienne*, P., 1927; 3) *La vie publique et privée des anciens Grecs*, P., 1931; 4) *La politique étrangère d'Athènes de 404 à 338 avant J. Chr.*, P., 1934; 5) *Démocratie et la fin de la démocratie athénienne*, P., 1937; 6) *Le siècle de Périclès*, P., 1949.

² Например, работы М. С. Куторги, В. П. Бузескула, Р. Ю. Виппера и др.

хорошо владеющего фактическим материалом, новой постановки вопроса, свежих обобщений и наблюдений. К этому обязывал его и выбор темы об афинской демократии, — едва ли не наиболее разработанной в древней истории. Однако книга Клоше не отвечает этим требованиям; она свидетельствует лишь о том, что буржуазный исследователь, несмотря на всю его эрудицию, не может понять исторической роли рабовладельческой формации в целом и не в состоянии правильно осмыслить и объяснить значение и историческое место афинской рабовладельческой демократии в частности. Перед автором рецензируемой книги даже не встают те основные вопросы, которые должны неизбежно возникнуть при исследовании такого значительного периода истории древней Греции, как время существования демократии в Афинах. Клоше совершенно игнорирует вопрос о классовой сущности рабовладельческой афинской демократии, о причинах ее возникновения, о материальной и социальной базисах ее существования. Клоше не понимает специфики рабовладельческих отношений; в его труде совершенно обходится проблемы, связанные с существованием рабства¹.

Если в своей ранней работе «La civilisation athénienne» Клоше интересовался по преимуществу культурной историей Афин, искусство и наука которых «обогатили интеллектуальное и моральное достояние человечества», то в последних трудах он в основном обращает внимание только на политическую историю города. Афинская демократия, таким образом, изображается Клоше крайне односторонне. Больше того, несмотря на кажущийся объективизм и беспристрастную манеру изложения, автор на протяжении всего труда проводит определенную тенденцию, обусловленную его политическими взглядами.

Клоше — почитатель афинской демократии, он высоко ценит ее искусство, науку, культуру, одобряет политическое устройство, положительно относится к ее вождям: Фемистоклу, Периклу, Клеону и, особенно, Демосфену. В частности, особое одобрение Клоше вызывают успехи афинской внешней политики. Однако, не понимая социально-экономической сущности афинского государства, он далек от правильной оценки истинного положительного значения афинской рабовладельческой демократии.

Историю афинского государства Клоше в основном делит на три этапа — формирование или рождение (от Солона до Перикла), расцвет (время Перикла), постепенный упадок, гибель (403—322 гг. до н. э.). Исторический процесс представляется Клоше процессом медленного и постепенного развития. Афинский демократический строй развивается крайне медленно путем постепенного усиления органов демократии и увеличения политической власти демоса; в этой эволюции автора интересует только изменение политических форм.

Эпоха «политических революций» Солона и Клисфена, являющаяся завершением процесса разложения родового строя, на развалинах которого возникает классическая форма рабовладельческого государства — афинская демократия, осталась, совершенно непонятой Клоше, для которого деятельность обоих крупных реформаторов сводится лишь к постепенному изменению формы политической власти, медленному и равномерному накоплению изменений, ведущих к постепенному увеличению политической роли демоса.

Исторический идеализм Клоше резко сказался также в том, что, по его представлению, в процессе этой медленной эволюции определяющую роль играют такие факторы, как воля законодателя, случайное стечение обстоятельств. Так, причиной заговора Гармония и Аристокгейтона он считает личную вражду аристократических родов. Борьба партий перед приходом к власти Клисфена расценивается Клоше только в аспекте вражды двух аристократических семейств. Движущей силой в борьбе Клисфена является амбиция, желание избавиться от соперника: «чтобы победить своего противника, Клисфен отдал власть народу» (стр. 18). Причину ограниченности реформ

¹ В этом отношении труд Клоше является большим шагом назад, по сравнению хотя бы с трудом М. С. Куторги, подчеркивавшего в свое время роль рабства в Афинах.

Клисфена Клоше видит в том, что Клисфен был афинянином знатного рода, который, «чтобы победить соперника своего же круга» (стр. 29), был вынужден заключить союз с демосом. Такая искаженная оценка роли личности показывает полное непонимание автором законов исторического развития, роли масс, движущих сил истории.

Подбор, изложение и освещение фактов у Клоше подчинены доказательству трех основных положений: 1) политический строй Афин способствовал созданию жизнеспособной и обширной империи; 2) характерной чертой афинской демократии была ее умеренность, чувство меры (*esprit de mesure*); 3) внешняя политика Афин была благоприятной для союзников и содействовала экономическому благополучию афинских граждан. Эти основные установки красной нитью проходят через весь труд Клоше. В связи с этим автор обращает главное внимание прежде всего на внешнюю политику Афин, считая, что именно активность и успешность внешнеполитических мероприятий обеспечили развитие афинской демократии. Вот почему апогеем славы и величия Афин Клоше считает 73-летний период существования Первого морского союза — «великой лиги», когда афинская демократия в течение длительного периода господствовала над Эгейским бассейном, превратившись «в обширную империю». Существование Второго морского союза представляется Клоше новым взлетом афинской демократии, также обусловленным очередным подъемом внешней активности. Последним ярким периодом афинской истории, по мнению Клоше, является борьба Демосфена, которого он идеализирует, не понимая исторической ограниченности и обреченности его политических воззрений.

Основная историческая заслуга афинской демократии, по Клоше, состоит в том, что, в сущности немногочисленный, народ Аттики не ограничился завоеванием и охраной собственной независимости, но сумел утвердить на длительное время свое влияние и власть над значительным числом греческих полисов. Государства, имевшие иной политический строй, не могли достигнуть таких высот политического величия. Олигархическая Спарта, например, лишь на краткий срок сумела установить свою гегемонию над греческим миром, но и это далось ей путем долгих и тяжелых усилий. Конечный вывод Клоше таков: демократия является наиболее удобной формой политического устройства для создания жизнеспособной империи или конфедерации, которую она возглавляет (стр. 395). Гарантией сохранения внешнеполитической независимости и политического успеха афинской республики явилось наличие сильного военно-морского флота. Здесь Клоше явно исходит из аналогий с современной империалистической Францией, которой он, под предлогом исторического исследования, пытается дать рецепт сохранения ее колониальной державы.

Одним из ярких проявлений мудрости внешней политики Афин Клоше считает основание клерухий. Клоше отрицает их грабительский характер, старательно подчеркивая их «положительное» значение для союзников. Он почти полностью обходит молчанием эксплуатацию союзников Афинами и, явно вопреки историческим фактам, считает, что создание афинской империи способствовало процветанию союзных полисов. Для Афин внешняя политика и, в частности вывод клерухий, имела большие выгоды, так как способствовала росту материального благосостояния афинского демоса и, самое главное, отвлекала внимание масс от социальной борьбы, «ослабляя шансы социальной агитации» на успех и освобождая, таким образом, захватническую внешнюю политику от внутренних препятствий. Дать, собираемая с союзников, была предпосылкой культурного подъема Афин в V в. до н. э. Таким образом, Клоше предстает перед нами как неприкрытый апологет внешней политики Афин, которую он называет империализмом. Империализм в понимании Клоше — это определенная внешняя политика, направленная на утверждение политической гегемонии и на расширение территории. В Афинах тенденция эксплуатировать союзников появилась сравнительно поздно и повсюду, как считает автор, она сопровождалась активной освободительной деятельностью (*activité libératrice*). К тому же внешняя экспансия Афин, по мнению Клоше, часто имела оборонительный характер.

На основании этих рассуждений Клоше приходит к выводу, что афинская политика часто расценивается в современной исторической литературе неправильно, слиш-

ком отрицательно. По его мнению, как во внешней, так и во внутренней политике афинской демократии господствовал принцип умеренности, свойственный всему политическому строю Афин. Эта «умеренность» и «чувство меры» во внутренней политике заключались в том, что демократия не уничтожила крупной частной собственности, не отменила частную инициативу и возможность обогащаться. Заслуга демократии, по мнению Клоше, заключалась в том, что она не порывала решительно с прошлым и не следовала слепо за новыми течениями, она не защищала преимущественно и исключительно интересов какого-либо класса общества, т. е. умела сглаживать и обходить острые углы, сглаживать противоречия путем уступок и лавирования.

Сравнительная терпимость афинской демократии к критике, «свобода слова», следовательно, не были признаками слабости или неосторожности, а обеспечивались характером внутренней и внешней политики государства, в результате которой было достигнуто внутреннее равновесие в государстве. Во внутренней жизни государства это равновесие обеспечивалось тем, что ни один из органов политической власти (эκκλeσιa, булэ, гелиея) не имел преобладающей силы, уравновешивая и ограничивая друг друга. Таким образом, были заложены основы прочности афинской империи, и первую роль в этом играли «драгоценные уроки инициативы, дипломатической ловкости, гибкой умеренности и либерализма», которые дал миру афинский народ, «исключительно богатый сильными личностями» (стр. 401). Вот те основные положения, к которым подводит читателя Клоше, умело подбирая факты и заостряя внимание на тех моментах истории афинской демократии, которые он хочет подчеркнуть.

Изложение истории афинской демократии, какое дает Клоше в своей книге, представляется не только односторонним, а следовательно, неправильным, но и крайне тенденциозным.

Основная идея автора, как мы видели, сводится к следующему: афинское государство, благодаря своему политическому строю (умеренная демократия), путем умелого лавирования, обеспечивающего равновесие внутри общества и широкую экспансию во внешней политике, заложило основы обширной и жизнеустойчивой империи, установившей спокойствие и безопасность во всем греческом мире. Эта концепция достаточно ясна и почти не требует комментариев.

Рисую историю афинской демократии, Клоше умышленно или произвольно подходит к ее оценке с точки зрения современных требований правящих классов капиталистического общества. Об этом свидетельствует его тенденция приблизить к современности политический строй Афин и их внешнюю политику или, точнее, его стремление перенести в далекое прошлое свои политические мечты! Афинская демократия в изложении Клоше — это то, что он хочет видеть в современной империалистической Франции. В общей оценке афинской демократии сказалась классовая сущность мировоззрения Клоше, политический идеал которого — внутреннее спокойствие и захватническая внешняя политика, прикрытая маской «общего блага».

Таким образом, под видом внешнего объективизма скрывается апологет современного империализма; труд Клоше в действительности представляет собой попытку оправдания захватнической внешней политики современной буржуазии. Механически перенося желания и требования современного буржуазного общества на историю древности, Клоше одновременно модернизирует и фальсифицирует историю афинской демократии.

Л. Н. Казаменова

ПУБЛИКАЦИИ

ЗНАЧЕНИЕ РАСКОПОК В ГАРНИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ

За последние 20 лет археологами и историками проделана большая работа по изучению истории древней культуры Закавказья. Особенно большое значение имели раскопки Мцхета-Армази в Грузии¹, Мингечаура в Азербайджане и Гарни в Армении.

В Мингечауре, наряду с ранними культурными слоями, обнаружен богатый античный культурный слой. Памятники этой эпохи найдены и в других частях Азербайджана.

В Армении античные памятники обнаружены в Старом Вагаршапате, на склонах горы Арагац (Ашнак, Ошакан), на берегу озера Севан. Большой клад эллинистических монет был найден в Зангезуре. Четвертый год проводятся систематические раскопки крепости Гарни, доставляющие богатый материал по культуре древней Армении.

В настоящей статье мы остановимся на некоторых результатах раскопок Гарни в последние годы и рассмотрим их значение для изучения культуры древней Армении.

Исследование остатков знаменитого гарнийского храма доставило новые данные по его архитектуре. Прежние исследователи храма² полагали, что он имел плоское архитравное перекрытие под двускатной кровлей. В 1952 г. архитектор Гарнийской экспедиции А. А. Саниян выяснил, что под двускатной крышей наос (целла) храма имел сводчатое перекрытие, что представляет интерес для характеристики архитектуры древней Армении.

Особенно важны были раскопки крепостной стены. С востока и у входа в крепость стена отчасти была видна до раскопок теперь же выявлена вся оборонительная система крепости. Это первоклассное военно-фортификационное сооружение с четырнадцатью башнями, расположенными на расстоянии 10—13 м друг от друга³.

Стена построена из огромных базальтовых квадров, весом до пяти-шести тонн. Камни скреплены железными скобами, изогнутые концы которых входят в сделанные на камнях гнезда и залиты свинцом.

Оборонительная система крепости сочтала выгодные природные условия и мощные искусственные сооружения. Отвесные скалы гарнийского мыса с двух сторон окружены

¹ Л. М. М е л и к с е т - Б е к о в, Армази. Историко-археологический очерк в книге «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. 11, Тбилиси, 1938; Ш. Я. А м и р а н а ш в и л и, История грузинского искусства, т. I, 1950, стр. 77—94. Особенно следует отметить склеп конца I—начала II в. н. э. с сохранившейся in situ античной черепицей — см. Г. А. Л о м т а т и д з е и И. Н. Ц и ц и ш в и л и, Новоткрытый склеп во Мцхета («Сообщения АН Грузинской ССР», т. XII, № 10, 1951, стр. 641—648).

² К. К. Р о м а н о в, Развалины храма римского типа в Баш-Гарни «Из истории докапиталистических формаций», М.—Л., 1933, стр. 635 сл.; Н. Б у н и а т о в, Языческий храм при дворце Трдата в крепости Гарни, Ереван, 1933.

³ Б. А р а к е л я н, Результаты работ археологической экспедиции Института истории Академии наук Арм. ССР, 1949—1950 гг., Ереван, 1951, стр. 37—40.

ущельем реки Азат, глубина которого достигает 80—130 м. С северо-востока, севера и северо-запада крепость была защищена стеной. Таким образом, крепость Гарни, являвшаяся царской легкой резиденцией и местом стоянки царских войск, действительно была неприступной, как об этом свидетельствует Тацит. Археологическими исследованиями крепостная стена раскрыта на значительном пространстве. Высота сохранившихся участков от 4 до 8 метров.

При изучении крепостной стены выявлена ее древнейшая часть, построенная еще в III в. до н. э., а на одном участке обнаружены остатки более древней циклопической

крепости. Крепостная стена и гарнийский языческий храм свидетельствуют о высокой строительной технике, существовавшей в Армении около 2 тыс. лет назад.

Раскопки последних лет (1951—1952 гг.) дали новые материалы, проливающие свет и на другие отрасли древнеармянского ремесла. Работы велись главным образом на территории крепости, где вскрыто шесть культурных слоев (по одному слою от энеолита, бронзы, первых веков н. э. и три средневековых слоев). В слое первых веков н. э. обнаружены гончарные изделия, фрагменты мраморных мелких карнизов, часть маленького барельефа фигуры человека, сидящей на троне (рис. 1), часть терракотовой женской статуэтки, пряслица, бусы и пр.

Большое значение имеет исследование некрополя первых веков н. э., обнаруженного недалеко от крепости, в западной окраине селения Гарни. Здесь открыто до 60 погребений, которые можно

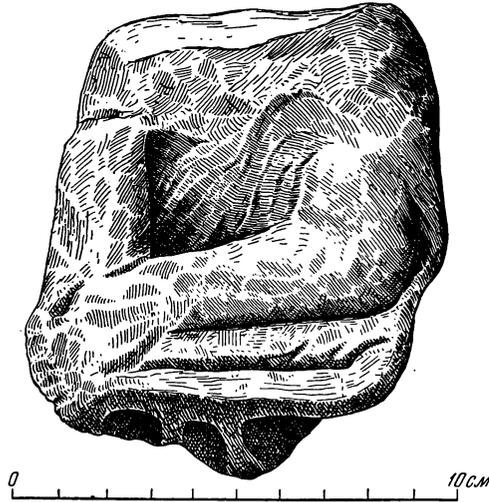

Рис. 1. Обломок мраморной плиты с барельефом

разделить на три типа. Основной тип (48 захоронений) представляют «каменные ящики», сложенные обычно из шести тонких базальтовых плит, по две плиты по бокам и по одной плите с обоих концов. Сверху ящики перекрывались двумя или тремя более тонкими плитами. Редко по одной или по две плиты были положены под костяком.

Второй тип погребений близок к первому. Это самые бедные захоронения в камешных ящиках, неправильных овальных форм, выложенных не из плит, а из булыжников. Только сверху такие могилы покрывались плитами. Все шесть открытых погребений этого типа имели весьма бедный инвентарь.

Наряду с погребениями в каменных ящиках, были открыты четыре кувшинных погребения того же времени (I—II вв. н. э.).

Два грунтовых погребения оказались на 0,50—0,60 м глубже погребений первых веков. Инвентарь этих погребений позволяет отнести их к более раннему периоду (VII—V вв. до н. э.).

Раскопки некрополя доставили богатый и разнообразный материал: орудия труда, оружие, гончарные и стеклянные изделия, украшения и другие бытовые предметы, монеты и пр.

Орудия труда и оружие первых веков н. э. до сих пор в Армении не были найдены. Находки в Гарни являются первыми. Знаменательно то, что это, прежде всего, орудия каменотеса. Одно — железный молоток для обработки боковых сторон и верхней поверхности камня. Молоток очень изношен, одна сторона его отчасти сломана (рис. 2). Другое орудие каменотеса обнаружено у входа в крепость, возле стены с внутренней стороны. Это железное зубило с широким лезвием. Подобными орудиями, несомненно обрабатывались базальтовые квадраты крепостной стены, языческого храма и других

сооружений Гарни. Любопытно, что ширина лезвия зубила соответствует ширине ленты, окаймляющей рустованные камни стены первого века н. э. Исходя из форм и способов обработки камней в кладке крепостной стены, можно полагать, что широко применялись также молотки с острыми и тупыми концами.

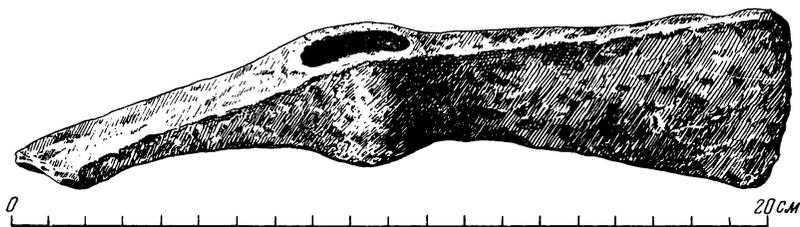

Рис. 2. Инструмент каменотеса (железо)

Как крепостная стена, так и храм, построены из твердого непористого базальта, и орудия из простого железа не могли бы быть пригодными для обработки такой породы. Поэтому можно думать, что каменщики и мастера-резчики Армении около двух тысяч лет назад применяли орудия или целиком из стали (*поговатик* по древнеармянским источникам) или со стальными рабочими концами.

Особенно разнообразны и многочисленны найденные в Гарни предметы вооружения: наконечники копий, кинжалы, ножи и наконечники стрел (все из железа за исключением одного костяного наконечника стрелы).

Встречаются три вида наконечника копья: один из них с лезвием в форме очень вытянутого треугольника и с втулкой для древка. Второй вид — это большой наконечник копья с листовидным лезвием, плавно сливающимся с втулкой. Третий вид почти идентичен второму, но отличается от него небольшими размерами: длина наконечника копья вместе со втулкой не превышает 9—10 см, причем лезвие составляет 6 см (рис. 3).

Кинжалы встречаются разных форм и разной величины, большей частью они небольшие с острым только с одной стороны краем. Есть кинжалы с обоюдоострыми лезвиями. Ножи имеют как прямые, так и слегка изогнутые лезвия, а также черенок для рукоятки. Наконечники стрел четырехгранные, с длинным черенком для насадки на древко.

К числу обнаруженных орудий труда относится множество пряслиц. Они весьма различны как по материалу, так и по форме. Встречаются хорошо полированные пряслища из твердой породы цветных камней (коричневых, синеватых, зеленых и других оттенков) — из шпата и других пород, а также из глины, кости, стекла. Глиняные.

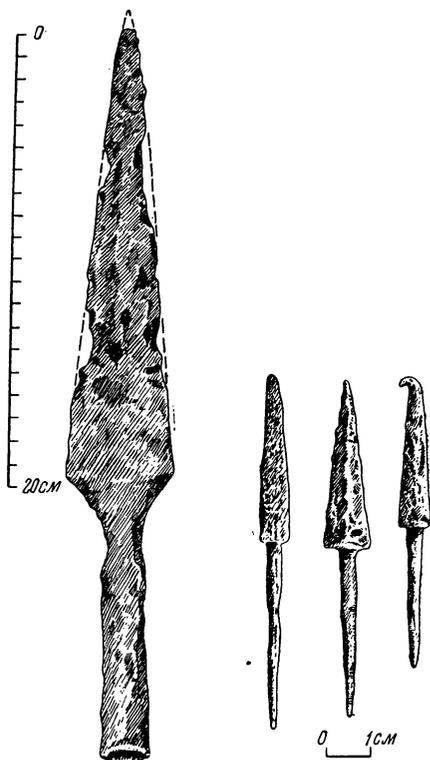

Рис. 3. Наконечники копья и стрел (железо)

костяные и стеклянные пряслица имеют сравнительно плоские формы: обработка всех их, кроме стеклянных, хуже, чем каменных. Больше всего найдено каменных пряслиц. Возможно, что часть стеклянных изделий вовсе не была пряслицами, а служила как большие пуговицы, может быть, амулетного назначения. На это указывают их сравнительно маленькие размеры, спиральный орнамент на поверхности и обычное место находки — на груди у плеч покойников.

Находки последних лет показывают высокий уровень гончарного ремесла. За редким исключением глиняная посуда изготовлена на гончарном круге, она отличается разнообразием форм и отделки. Очень много кувшинов из глины черного оттенка без лощения, с круглым туловом и невысоким венчиком, без ручки или с одной

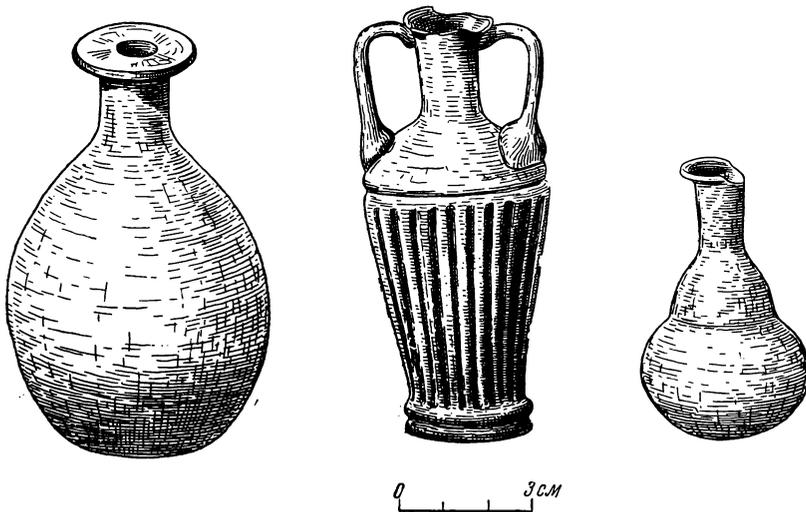

Рис. 4. Стеклянные сосуды из погребений I—II вв. н. э.

ручкой. Наряду с этой преобладающей формой, встречаются и другие сосуды из такой же глины — кувшины с высоким и узким горлом, сосуды в виде высокого горшка, небольшие кружки.

Вторую основную группу керамики составляют кувшины красной глины. Среди них обычными являются шаровидные с высоким и узким горлом одноручные кувшины подобные найденным в Армавире и Вагаршапате. Эта форма напоминает красноглиняные лощенные кувшины, найденные в изобилии на Кармир-блуре, но отличается от них слабым лощением или отсутствием лощения и сравнительно низким горлом. Имеются также красно-окрашенные миски и почти плоские тарелки с невысоким бортиком. Аналогичная керамика в первых веках встречается и в Грузии¹.

Третья группа кувшинов своими формами наиболее характерна для первых веков н. э. Это небольшие (вместимостью меньше литра) кувшины с не очень высоким, узким горлом, красноватая глина которых покрыта светлым ангобом.

Впервые в слоях античной Армении встречаются гончарные изделия, изготовленные в форме. Это терракотовые статуэтки, найденные в старом Вагаршапате и Гарни, а также небольшой ребристый кувшин из глины красного оттенка. Формы для изготовления терракот в Армении пока не найдены. Но принимая во внимание, что глина статуэток ничем не отличается от глины местных гончарных изделий и исходя из находки кувшина, изготовленного в форме, можно полагать, что найденные статуэтки тоже являются изделиями местного производства.

Среди находок в Гарни одно из важнейших мест занимают стеклянные изделия. Они уже составляют значительную и чрезвычайно интересную коллекцию.

¹ Г. А. Ломтатидзе и И. Н. Цицишвили, ук. соч., стр. 646.

По способу изготовления гарнийское стекло можно разделить на две основные группы: изделия, изготовленные выдуванием, без применения форм, и изделия, изготовленные в формах. Первые по преимуществу колбовидные сосуды, хотя встречаются и другие формы. Некоторые из колб массивные, толстостенные и имеют небольшую емкость. Они обычно бывают сероватого оттенка. Большинство колб имеет стены нормальной толщины, стекло светло-серое, в двух случаях зеленоватое (рис. 4). В числе выдувных флаконов встречаются яйцевидные, с коротким горлышком, без ручек, а также почти шаровидные с плоским дном и с двумя ручками сосуды из совершенно прозрачного стекла.

Стеклянные изделия, изготовленные в форме, составляют большую часть гарнийских находок. Они разной величины, различных форм и цветов. Наряду с совершенно прозрачными, имеются изделия матового оттенка, фиолетового, коричневого, желтого, голубого и зеленого цвета. Толщина стенок неодинакова, она колеблется от 0,5 до 2,8 мм. Все они отличаются изяществом и художественной отделкой. Имеются сосуды разных форм: яйцевидные с двумя ручками, с геометрическим рельефным и выемчатым орнаментом на тулове; амфоровидные с двумя ручками, с плоской поверхностью или с вертикальными желобками; один из сосудов имеет вид вытянутого эллипса и украшен горизонтальными желобками (на всем корпусе), с двумя ручками. Другой сосуд, шестигранный, фиолетового цвета; на дне его греческими буквами отписано ретроградное клеймо ГЕРМА/НОС.

Один фиолетовый сосуд, почти шаровидный, с не очень высоким горлышком, имеет на тулове с двух противоположных сторон рельефное изображение женской головы с волнистыми волосами (рис. 5).

На сосудах, изготовленных в форме, хорошо видны швы; в одном случае при изготовлении амфоровидного сосуда с желобками была применена трехстворчатая форма и ясно наблюдаются следы стыков створок.

По изяществу форм и отделке особое место занимает большой грушевидный графин из матового толстого стекла. После выдувания графин украшен тремя рельефными кольцами, наложенными стеклянным жгутиком, один чуть выше изящно профилированного дна, два — на нижней части шейки. На корпусе графина путем выскабливания металлическим орудием выведено восемь рядов овальных фигур разной величины. Более крупные фигуры верхнего второго ряда отделены друг от друга резной фигурой в виде римской порядковой цифры I. На шейке графина, поверх рельефных колец, выведены (резцом) мелкие продолговатые, расположенные по горизонтали фигуры (рис. 6). Венчик графина кверху плавно расширяется. Фрагменты стеклянного сосуда с точно такой же обработкой были найдены в 1952 г. и в другом погребении, а также в античном слое на территории самой крепости.

Раскопки в других местах Армении, Грузии и Азербайджана показывают, что в могильниках первых веков нашей эры стеклянные флаконы обычны. Любопытно, что «флаконы» (бальзамари) характерной для этого времени формы изготавливались и из глины. В погребениях найдено два таких сосуда (рис. 7).

При раскопках найдено множество мелких бытовых предметов и украшений из разного материала.

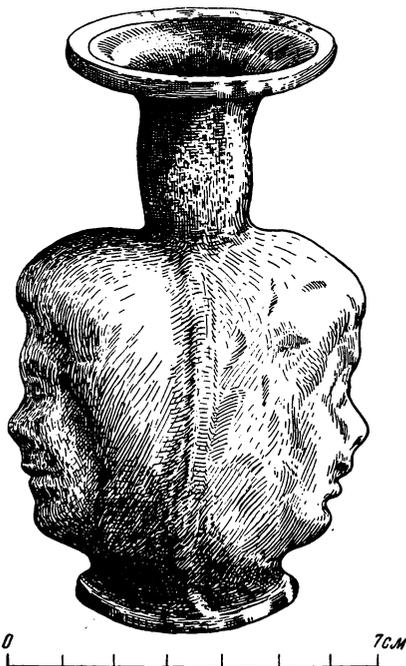

Рис. 5. Фигурный флакон с изображением женской головы

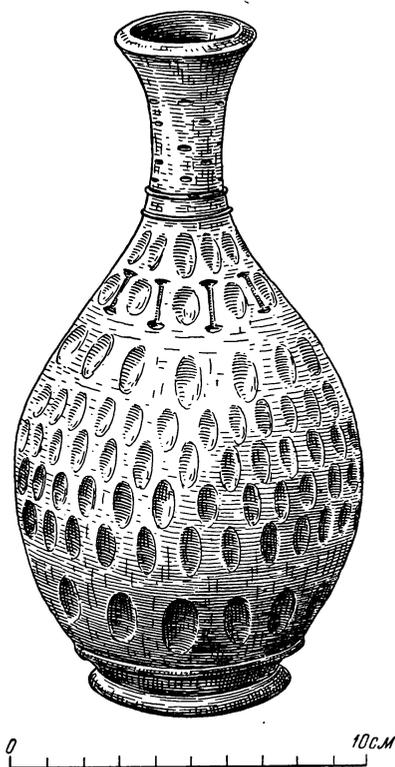

Рис. 6. Стекланный флакон с выскобленным орнаментом

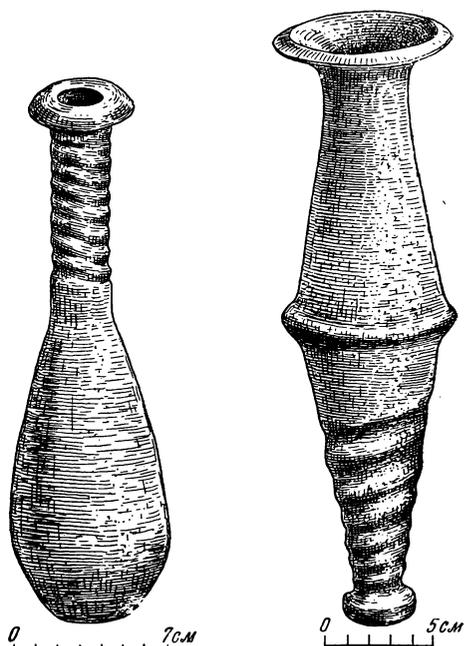

Рис. 7. Глиняные бальзамарии

Рис. 8. Бусы из погребений I—II вв. н. э.

Из металлических предметов следует упомянуть зеркала из бронзы и сплава, прекрасно сохранившего серебряный блеск. Интересны изготовленные различными приемами золотые серьги. В одной паре серег каждая серьга сделана из двух чека-

пенных пластинок, которые потом припаяны. На поверхности серег чеканом же выведена не очень тонкая зернь. Другая пара серег весьма тонкой работы, также изготовлена при помощи чекана. Пластинки серег украшены припаянной зернью и инкрустированы четырьмя темнокрасными камнями.

Найдено несколько серебряных перстней и один железный. На некоторых из них вставлены геммы с изображениями Афины, бегущего человека, мухи и других фигур.

Из бронзы отлиты ажурные подвески в виде четырехугольных колокольчиков или символических плодов. Обычно они шаровидные или овальные, в одном случае подвеска сделана в виде граната с бутонами на поверхности и венчиком на конце. Подобные подвески являлись амулетами плодородия. Имsetся также амулет в виде железного полумесяца.

Найдены бронзовые и медные булавки для скрепления пол плаща, железные пряжки от обуви, костяные шпильки для поддержания высокой прически женщин. Из костяных изделий особенно ценной была находка свирели, видимо, из большой берцовой кости страуса. К сожалению, оба конца свирели сломаны, сохранилась средняя часть с пятью отверстиями. Свирель найдена у восточной стены внутри крепости, в культурном слое III—V вв. н. э.

Весьма интересную коллекцию составляют бусы. Имsetся бусы из сердолика, горного хрусталя, гишеры, янтаря, стекла, из разных паст, в том числе из египетской пасты, и из серебра. Эти бусы имеют разнообразные, но изящные формы и тщательно отделаны (рис. 8). Большинство бус формой и отделкой отличается от бус, как предшествующих эллинизму, так и поздних времен. В бедных погребениях встречаются более простые стеклянные и пастовые бусы, по форме похожие на более древние.

Важное значение имеют найденные в Гарни монеты. Они не только показывают развитие денежного обращения и торговли в Армении, ее торговые связи с эллинистическим миром, но и помогают правильной датировке археологического материала. Самая ранняя монета (найдена в 1952 г.) принадлежит Антиоху Епифану (175—163 гг. до н. э.). Еще в 1911 г. в Гарни была найдена монета Тиграна II (95—56 гг. до н. э.). В 1950—1951 гг. в погребениях древнего некрополя найдено 7 монет Октавиана Августа и ряд других монет, в числе которых самая поздняя принадлежит Лудию Веру.

Таким образом, археологические исследования Гарни показывают, что производство и культура Армении около двух тысяч лет назад находились на довольно высоком для своего времени уровне и что Армения имела широкое экономическое и культурное общение с соседними странами.

Перечисленные памятники позволяют составить представление о производственных процессах в различных отраслях ремесла древней Армении.

Металлические изделия показывают, что ремесленники применяли разнообразные приемы обработки металла (ковка, чекан, литье, припайка и пр.). Они повышали качество металлических изделий получением разных сплавов и, повидимому, стали. В керамическом производстве, наряду с широким применением гончарного круга, существовала техника изготовления изделий в формах.

Особенно интересны находки стеклянных изделий в Гарни. Они позволяют предполагать, что в первом веке нашей эры в Армении существовало производство стеклянных изделий. Конечно, часть гарнийского стекла привозная. Она аналогична стеклянным изделиям эллинистическо-римского мира. Но некоторые формы гарнийских стеклянных изделий в других местах не встречаются, и можно предположить, что это изделия древних армянских стеклодувов. Уже в III в. н. э. стеклянное производство было широко развито в Армении. Историк V в. н. э. Агафангел сообщает, что христианские проповедницы Рипсима, Гаюне и другие в конце III в. жили на средства от продажи стеклянных изделий, так как «одна из них обладала ремеслом стеклоделия»¹. Вполне возможно, что племена древнего Закавказья, славившиеся развитой металлургией, обладали также искусством плавки стекла, которое давно уже было им известно.

¹ А г а ф а н г е л, История Армении, Тифлис, 1909, стр. 85—86.

Стеклянные бусы в Армении найдены при раскопках памятников VII в. до н. э. в урартской крепости Кармир-блур и в поселении местного племени в Головино. Стеклянные бусы еще более раннего времени известны в Грузии.

Как выяснено раскопками Гарни, Вагаршапата, Двина, Ашнака, Ошакана и Севанского бассейна, стеклянные вещи в Армении в первых веках нашей эры повсеместно и широко применялись в погребальном обряде. Возможно, что эти изделия в большинстве были местными.

Археологический материал позволяет судить о высоком уровне также ряда других ремесел — ткачества, деревообделочного ремесла, ювелирного дела, обработки кости.

Добытый раскопками последних лет материал доставляет конкретные данные о степени развития товарного производства в древней Армении. В развитии его значительная роль принадлежала городам. С III в. до н. э. и до IV в. н. э. в Армении возникло и существовало более 15 городов. Уже в III в. до н. э. существовали города: Армавир, Ервандашат, Ервандакерт, Аршамошат, Каркатиокерт (Аркатиокерт), Заришат, Зарехаван, Ани-Камах. После провозглашения независимости великой Армении и Софены, в особенности с момента объединения всей Армении в единое государство, в результате роста производительных сил страны, развития сельского хозяйства, ремесла и торговли возникают новые города: Арташат, Тигранакерт, Мцурн, Вагаршакерт, Вагаршапан, Вагаршанат, Нахчаван, вновь возобновляется жизнь в Ване (урартской Туше).

Все эти города находились в экономически развитых и жизненно важных областях страны, через которые проходили большие пути караванной торговли, связывавшие Армению с восточными, северными и средиземноморскими странами. Повидимому, города древней Армении, за небольшим исключением, были не административными, а хозяйственными центрами, где развивались ремесло и торговля. Такой вывод подтверждается целым рядом фактов и, прежде всего, раскопками Гарни.

Академик Я. А. Манандян¹ и С. Т. Еремян² изучили и выявили торговые и культурные связи Армении с эллинистическим миром, в частности, они обратили большое внимание на транзитную торговлю.

Весьма важным является вопрос об уровне товарного производства в древней Армении. Раскопки Гарни показывают, что товарное производство обслуживало потребности населения внутри страны. Товарами были железные орудия, оружие и другие металлические изделия и украшения, а также стеклянные изделия, благовония, значительная часть гончарных изделий, за исключением тех, которые изготовлены не на гончарном круге, а от руки. Несомненно, что заготавливались и продавались те базальтовые плиты, которые широко применялись для каменных ящиков при погребениях. Этим следует объяснить то, что в некоторых бедных погребениях взамен плит применялся простой булыжник.

Ясно, что основная часть товаров производилась на месте. Но в погребениях встречаются также привозные предметы: часть стеклянных изделий, бусы из янтаря и сипетской пасты, морские раковины, геммы и пр. Они показывают торговые и культурные связи Армении с соседними странами, в частности, со странами восточного бассейна Средиземного моря.

Такое распространение торговли сопровождалось развитием денежного обращения. Известно, что в древней Армении широко применялось множество эллинистических, римских и парфянских монет. Собственную монету выпускали уже с III в. до н. э., когда начался чекан монеты в Софене. После объединения Армении, когда в стране наблюдается рост рабовладельческих отношений и городов, ставших центрами ремесла и торговли, золотые, серебряные и бронзовые монеты чека-

¹ Я. А. М а н а н д я н, О торговле и городах Армении, Ереван, 1930, стр. 19—70.

² С. Т. Е р е м я н, Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху, ИАН Арм. ССР, 1943, № 11, стр. 58 сл.

нились Тиграном II, а серебряные — всеми последующими царями династии Арташесидов.

Приведенные факты свидетельствуют о более высоком уровне материального производства, следовательно, и экономической базы Армянского эллинистического государства, чем это представляется обычно.

Чрезвычайно важным является еще одно обстоятельство, а именно, что дошедшим до нас памятникам материальной культуры древней Армении присущи черты, характерные для эллинистической рабовладельческой культуры. Мы не замечаем решительно ничего напоминающего черты феодальной культуры в памятниках древней Армении вплоть до IV в. н. э. Данная особенность подчеркивает принадлежность античной культуры Закавказья рабовладельческому обществу. Это, конечно, важное обстоятельство, требующее пристального внимания, но более важным является конкретное изучение особенностей и самобытных черт культуры каждого народа. Ведь известно, что буржуазные ученые (напр., Ростовцев, Тарн) культуру всех эллинистических стран рассматривают как нечто единое. Они игнорируют важность изучения особенностей культуры, созданной каждым народом, каждой этнической группой. Если же культуры стран Закавказья выявляют отклонения от общей линии, от принятой ими схемы, то буржуазные ученые легко отделяются от них, исключая Закавказье из круга эллинистических стран. Такой пренебрежительный и формальный подход к вопросу должен быть решительно отвергнут.

Каждая страна, входившая в круг эллинистических стран, развивала свою собственную культуру, которая не только была связана с культурами других эллинистических стран общими для всех чертами, но и отличалась от них присущими ей одной специфическими чертами. Эти последние и определяют основной вклад каждого народа в сокровищницу эллинистической культуры; следовательно, на них должно быть обращено особое внимание. Только в таком случае эллинистическая культура приобретает более конкретные, более ясные и осязаемые черты, только этим путем можно будет изжить вульгарную концепцию о влияниях и заимствованиях, уточнить общие закономерности развития эллинистического общества и его культуры, выявить специфические особенности закономерностей развития общества и культуры каждой конкретной страны в античный период. Следует отметить, что проделанная нами в этом направлении работа еще далеко не удовлетворительна, можно сказать, она только начинается.

Б. Н. Аракелян

ХРАМ И НЕКРОПОЛЬ В ПАРФЯНСКОЙ НИСЕ

(Из работ ЮТАКЭ)

В северо-западной части городища Новая Ниса в 1936 г. при выемке грунта обнаружены остатки строений, которые были расчищены в том же году А. А. Марушенко. Зачистки выявили участок стены, остатки погребальной камеры I в. до н. э. и следы штукатурок, как бы отпечатавшихся на поверхности смежных кладок. Раскопками 1946—1949 гг. здесь была вскрыта целая группа сооружений, относившихся к заупокойному культу парфянской аристократии и установлено наличие нескольких этапов застройки ансамбля в пределах парфянского времени¹.

¹ См. М. И. Вязьмитина, Археологическое изучение городища Новая Ниса (Труды ЮТАКЭ, I, Ашхабад, 1949, стр. 147 сл.).

Самым ранним являлось сооружение, которое своим тыльным фасадом непосредственно примыкало к кладкам крепостной стены древней Нисы. По археологическим и стиливым данным установлено, что постройка воздвигнута была около III—II вв. до н. э., что уж к I в. до н. э. она пришла в упадок, была частично разрушена и обстроена или перекрыта погребальными камерами парфянского некрополя, уровень полов которых на 1,5—2,5 м выше ее основания.

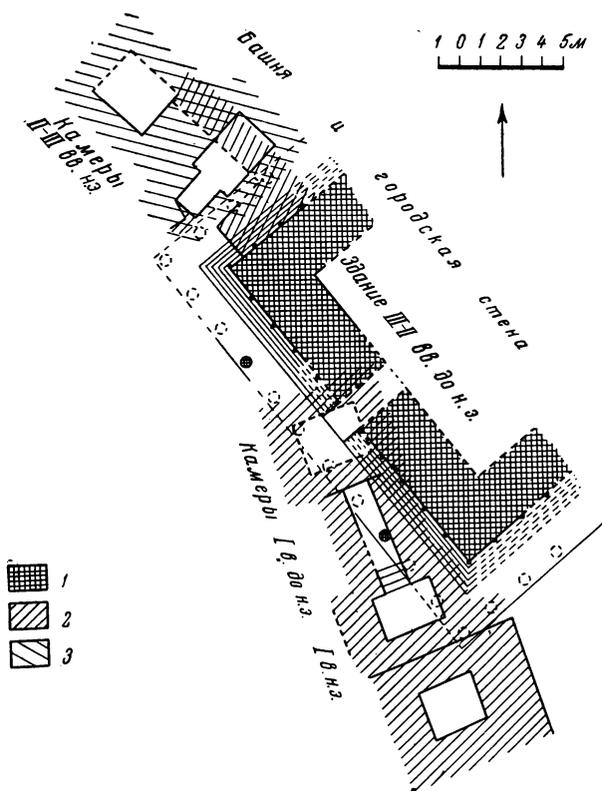

Рис. 1. План остатков сооружений парфянского некрополя в северо-восточной части городища Новая Ниса. Условные обозначения: 1 — сооружения III—II вв. до н. э.; 2 — сооружения I в. до н. э.— I в. н. э.; 3 — сооружения II—III вв. н. э.

Несмотря на чрезвычайную фрагментарность руин, сохранившихся лишь в виде отдельных участков архитектуры¹, в одном случае — в виде отпечатка стены на когда-то пристроенной к ней вплотную сырцовый кладке, детальное изучение позволило восстановить в графической реставрации первоначальный вид этого памятника и составить суждение о его архитектурном стиле (рис. 1).

Как показали раскопки, здание стояло впритык к крепостной стене города, в сторону которого оно было обращено главным фасадом. Сооружение покоилось на платформе высотой 80 см, возведенной из сырцовых кирпичей (40 × 40 × 12 см), сложенных на глиняном растворе и оштукатуренных глиной. Платформа была на 2,5 м вынесена относительно стен, пролет ее по главному фасаду равнялся 23 м. На сохранившихся участках обнаружены базы; ось их строго параллельна стене. Базы эти принадлежали колонному портику (айвану), наличие которого объясняет значитель-

¹ Во время землетрясения 6 октября 1948 г. рухнули последние немногочисленные остатки стен этого сооружения, сохранившихся на значительную высоту.

ный относ платформ относительно стен. Одна из баз сложена из типичного парфянского обожженного кирпича на растворе, оштукатурена алебастром и имеет форму крупного тора. Другая (сохранилась наполовину) имеет тот же торовидный профиль, но представляет собою блок зеленовато-серого песчаника, также со следами штукатурки на поверхности. Диаметр баз — 48 см, высота — 24 см.

Торовидные базы чрезвычайно типичны для архитектуры парфянской Нисы. Установлено, что обычно их применяли как в камне, так и в обожженном кирпиче, нередко в пределах одной и той же постройки. Они отмечены в помещениях и дворовых портиках Северного дома Старой Нисы. Большое число каменных баз было собрано на территории нисийского пригорода. Иногда базы имеют вид простого тора, с маленькой полочкой наверху. Нередко тор покоится на одинарном квадратном плите, иногда — на уступчатом. Материалом баз, помимо кирпича, служит камень местных копетдагских пород — зеленоватый или серый песчаник. Диаметр баз — от 40 до 90 см.

Торовидные базы чрезвычайно типичны для азиатского круга древних архитектур. Подобные базы обнаружены во дворе Ашшурбанипала в Куюджики и отмечены в изображениях колонн на ассирийских рельефах; они известны в скальных гробницах Пафлагонии; к ним типологически восходит так называемая «мидийская» база (Даидухтар, сер. VII в. до н. э.), в которой тор, однако, имеет сильно сплюсненную форму. Они встречаются в ахеменидских постройках Пасаргад и Нашхи-Рустема. В парфянском зодчестве торовидные базы употреблены в храме Хурра, датированном III в. до н. э.; аналогичны им базы колонн на фресках Дура-Европос. Торовидные базы встречаются и в ранне-буддийской архитектуре первых веков до н. э. и после н. э. (ср. чаитьи Карли, Насика и др.). За последние годы местонахождение торовидных баз установлено также в архитектуре государства Кушан и в Согде. Таковы торовидные базы из находок в Хаде, в Термезе, в Китабе, в постройках преарабского времени в Пенджикенте. Парфянская Ниса — лишь одно из многих мест распространения этого типа баз.

Генезис торовидных баз, дающих прием простейшей обработки каменного блока, безусловно, восходит к камню, как исходному материалу, и имеет стародавнее местное происхождение, причем употребление торовидных баз связано было с деревянными и стойками. Каменные подушки подводились под деревянную опору, чтобы предохранить ее от непосредственного соприкосновения с землей и загнивания. Пережитком стародавней традиционной формы тора мы склонны считать шаровидный элемент («кузаги»), присущий среднеазиатским колоннам с эпохи средневековья и до последних дней. В колонном портике рассматриваемого здания Новой Нисы, а также в колоннадах северного комплекса Старой Нисы налицо одновременное употребление каменных и кирпичных баз, причем последние сохраняют форму тора. Кирпичам еще до обжига придавалась лекальная форма, повторяющая внешне форму тора. База выкладывалась из двух рядов кирпича, оштукатуренных ганчем, по которому осуществлялась точная корректировка профиля.

Сами стойки рассматриваемого портика были деревянными. Число их по главному фасаду выясняется на основании сохранившихся баз, а также по несомненности расположения на углах платформы по одной колонне и по нечетному числу интерколумниев, поскольку на средней оси располагалась дверной проход. При этих условиях устанавливается единственно возможное число — 12 колонн, при расстоянии между осями до двух метров. Высота портика выясняется благодаря наличию в кладке стены неглубоких гнезд от деревянных балок его плоского перекрытия.

Оформление стены очень своеобразно. Она как бы расчленена на две половины. Нижняя, высотой 2,6 м, представляет собою род сильно развитой панели. Архитектурное оформление ее включает пятиступенчатое основание, полуколонки с капителями, вырезанными на плоской терракотовой плитке, и горизонтальную полосу фриза. Стена оштукатурена двойным слоем глины (толщиной в 2 и 1,5 см) и особым розоватым раствором алебаstra, с примесью крупногалечного песка, битой красноватой керамики и жженого кирпича и окрашена в основной плоскости в малиново-красный цвет, с зашпательной поверхностью. Употребление раствора, изготовленного на толченом кирпиче, настоятельно рекомендуется Витрувием с тем, чтобы оштукатуренные части стен

не подвергались воздействию сырости (Витрувий, VII, 4, 1), что имело немаловажное значение при отделке наружных стен. Подобная штукатурка создавала в новонисийском здании также хороший грунт для окраски в красный цвет. Употребление последнего, по Витрувию, наиболее целесообразно в закрытых комнатах, так как под воздействием солнечных лучей киноварь портится и темнеет. Для сохранения наружных красных штукатурок Витрувий предлагает способ покрытия их воском и деревянным маслом (Витрувий, VII, 10, 2—4). Лошение красных штукатурок в зданиях из Нисы, возможно, осуществлялось каким-то аналогичным способом. Если здесь и не употреблялась энкаустика, то во всяком случае применено было втирание жиров и механическое лошение. Остатки красных штукатурок из Нисы сохранили до наших дней чистоту окраски и мягкий блеск поверхности (рис. 2).

Рис. 2. Часть «красной стены»

Ступени, базы и стволы полуколонн, оформляющих «красную стену», окрашены в черный цвет, капители — в красный. Над ними тянется плоская черная полоса слегка выступающего антаблемента. Верхняя часть стены, возвышавшаяся над плоским перекрытием портика, была оштукатурена белым алебастром. Высота ее над гнездами балок достигала в максимально сохранившемся участке 2,5 м; повидимому, первоначально она была по крайней мере вдвое больше.

Красная стенка первого яруса стоит на ступенчатом основании. Колонки же ее прямо восходят к восточному прототипу ионийского ордера. Высота полуколонок равна 1,7 м при диаметре 15,5 см. Ствол прямой, базой служит простой плинт. Капители вырезаны на плоской терракотовой плитке размерами 23 × 13 × 3,5 см. Все они вы-

полнены по одному образцу, но резаны индивидуально, от руки, а потому несколько отличны. Лицевая поверхность была покрыта красным ангобом. Прикрепление осуществлялось на глиняном растворе и на двух штырях, для которых в плитке высверлены отверстия. На плитке отформована горельефная капитель ионического типа, с невысоким трапециевидным абаком, с упругой подушкой и троекратным раствором спиралей волют от круглого вдавленного глазка; в центре ее — восьмилепестковая розетка.

Употребление «праионийских» капителей устанавливается уже в архитектуре Ассирии (изображение колонн на рельефах). Применение их отмечено также в мидийском и ахеменидском монументальном зодчестве (колонны Кыз-капана и Да-и-духтара, датируемые VII—VI вв. до н. э.). Источник «восточной ионики» лежит в самостоятельном формотворчестве, восходящем к очень древним и крайне устойчивым формам народного деревянного строительства. Характерно, что в народной жилой архитектуре туркменского племени мурчали подбалки деревянных колонн доныне пережиточно сохранили форму «праионических» капителей — с волютами, вырезанными на лицевых поверхностях и баллюстрадами на боковых.

Появление капителей ионийского типа в парфянской архитектуре было обусловлено их стародавним азиатским происхождением, а не участием греческих специалистов¹. Памятники парфянской ионики многочисленны: таковы, например,

¹ Мы уже указывали на неправильность мнения Э. Херцфельда (E. Herzfeld,

капители колонн храма из Хурра (III в. до н. э.), из Варки и Ашшура (I—II вв. н. э.). В Варке установлено два варианта капителей — со сложноспиральными волютами (аналогичными капителям из Хурра) и с упрощенными завитками их¹. В настенных колоннах дворца в Ашшуре, капители которых выполнены из ступа, волюты представляют род боковых налепов, поддерживающих относ уступчатого абака. Все эти памятники показывают, что в этом элементе колонны сказывается радикальная переработка ионизированной капители в духе древней традиции строительства местного населения в парфянскую и ахеменидскую пору. Оформление стен полуколоннами, перерабаты-

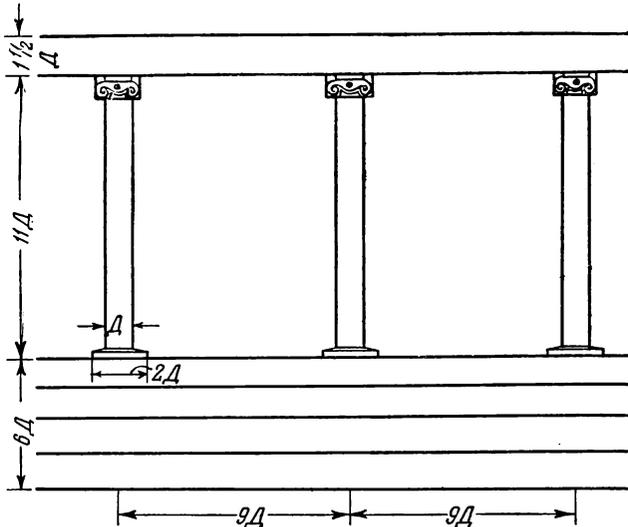

Рис. 3. Анализ пропорций «красной стены» (— модуль, равный диаметру полуколонны — 15,5 см)

вающими в локальных вариантах мотивы классических ордоров, отмечается в ряде памятников парфянской архитектуры (ср. храм в Варке², некоторые сооружения Хатры³).

Интересно отметить, что по общему стилю «ордер» красной стены новонисийского здания близок к колоссаде пятиколонного ионического храма, изображенного на керченском надгробии⁴, а методы раскраски архитектурных поверхностей здания в Новой Нисе близки к росписи античных склепов Северного Причерноморья. В этой связи уместно подчеркнуть уже отмечавшуюся в литературе близость стиля керченских катакомб I—II вв. н. э. и парфянских погребальных камер Пальмиры⁵.

В «красной стенке» здания из Новой Нисы устанавливается наличие определенных модульных соотношений, причем модулем является диаметр полуколонны, который укладывается 11 раз по высоте колонны, 8 раз в интерколумнии, 6 раз по высоте ступенчатого стереобата (рис. 3). Важно подчеркнуть чрезвычайную стройность колонн (1 : 11), значительно превосходящих нормы ионического ордера греко-римской архи-

Iran in the ancient East, стр. 305—306), который считает парфянскую ионику результатом дегенерации греческих архитектурных форм («Труды» ЮТАКЭ, I, стр. 233—234).

¹ O. Reuther, Parthian architecture. «A Survey of Persian Art» (SPA), I, London — New York, 1938, стр. 93.

² J. Jordan, Uruk-Warka, Leipzig, 1928, рис. 30.

³ W. Andrae, Hatra, Leipzig, 1908—1912, I, рис. 123—126.

⁴ Л. П. Харко, О пятиколонном храме, изображенном на Боспорских монетах II в., ВДИ, 1950, № 1, стр. 203—205.

⁵ E. H. Minns, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, стр. 308.

тектуры. Объясняется это не декоративным характером пристенных полуколонн, но приверженностью к местной традиции стройных колонн, которым присущи пропорции деревянных стоек. Характерно, что соотношения каменных колонн парфянского храма в Хурра дают аналогичные нормы — 1 : 11. Та же связь с деревянным прототипом объясняет и очень просторный интерколумний настенной колоннады здания из Новой Нисы.

При восстановлении несохранившихся архитектурных деталей на чертеже графической реставрации главного фасада пришлось руководствоваться некоторыми косвенными данными и стилизованными аналогиями (рис. 4).

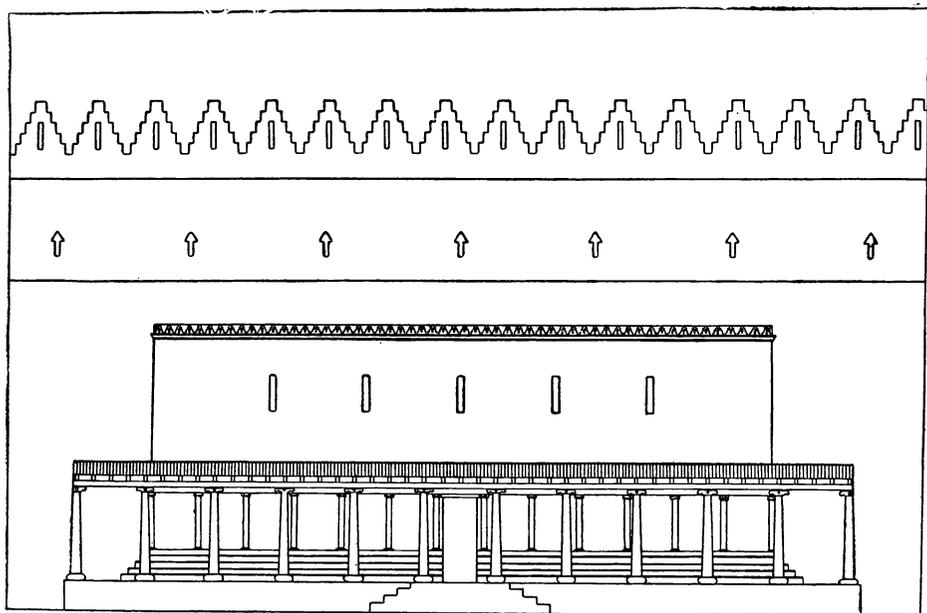

Рис. 4. Парфянский храм (реконструкция)

Так, реконструируя формы деревянных колонн портика, диаметр которых известен по верхней постели торовидных баз, а высота по гнездам над черной полосой фриза, мы придаем им слегка суживающийся кверху силуэт, что продиктовано естественной формой древесного ствола. Капителями, несомненно, служили плоские деревянные подбалки, обработанные по краям. Плоское перекрытие портика было, видимо, выполнено по типу обычной среднеазиатской глинобитной кровли. На колоннах покоился главный прогон с перпендикулярно опирающимися на него дополнительными балками-брусьями, концы которых заделывались в гнезда в стене. Поверх был наложен сплошной накат из дощечек или из тонких веток, который несколько раз промазывался глиной с саманом. Крыша имела небольшой скат для стока воды, местами были проложены водосбросы — желоба (при раскопках найден фрагмент такого гончарного желоба). Для того чтобы замаскировать скат крыши, по наружному краю ставился вертикальный ряд кирпичей.

Следов окон нет, но можно предположить наличие в верхней части стены узких световых проемов; щелевидная форма их диктовалась отсутствием остекления.

В завершении стены мы предполагаем наличие узорного парапета, составленного из терракотовых декоративных зубцов, подобных тем, которые в значительном числе были обнаружены при раскопках на Старой Нисе.

Ступеньки декоративного стереобата, оформляющего низ стены, прерываются в единственном месте — посредине; несомненно, что здесь располагался вход в помещение. Очевидно, в центре должна была находиться и лестница для подъема на плат-

форму. Мы реконструируем ее как лестницу с боковыми маршами, расположенными вдоль платформы, подобно лестнице в восточной части большого Южного комплекса Старой Нисы, лестницам Персеполя и др.

Стены здания достигают толщины до 2,5 м. Внутренние размеры его невелики — около 13 м длины примерно на 5 м глубины. Было ли здесь несколько помещений, или одно, пока решить невозможно.

Назначение постройки почти несомненно культовое, на что указывает наличие в этом участке античной Нисы некрополя парфянской знати и особый, парадный характер архитектуры здания, при небольших сравнительно его размерах. Видимо, это был род заупокойного храма при наосах парфянской знати, которые первоначально воздвигались рядом, а к I в. до н. э. вплотную надвинулись и перекрыли пришедшее к этому времени в ветхость сооружение полуторавековой давности. Возведение парфянами храмов у крепостных стен отмечено в Дуре-Европос; в числе их, например, святилище Афлада, воздвигнутое прямо в укреплениях этого города¹.

В планировочном отношении новонисийский храм приближается к так называемому «храму А» парфянского Ашшура (SPA, I, рис. 109), заключающему два продолговатых помещения в мощных толщах стен. Еще более сближается он с парфянским храмом Гареуса в Варке. Последний также имеет невысокую платформу, к которой подводит четырехступенная лестница, колонный портик, глухую целлу храма, как бы подразделенную надвое; небольшие пристенные колонки фланкируют стены храма (SPA, I, рис. 110).

Архитектурный облик нисийского храма весьма своеобразен. Оформление стен его лишь отдаленно напоминает группу одиночных построек в парфянской Хатре, по мнению В. Андре (не подкрепленному им, однако, никакой аргументацией), мавзолеев (W. Andrae, *Natra*, I, стр. 106). Эти здания, выстроенные в основном из камня или по крайней мере облицованные им, прямоугольны в плане, заключают от одной до семи комнаток и имеют единственный вход. Для архитектуры их характерно наличие высокого подзума; стены гладкие или оформленные плоскими пилястрами с капителями коринфизированного типа (W. Andrae, *Natra*, I, рис. 126). Архитектурные формы обнаруживают известную близость к строительным традициям восточноримских провинций. Напротив, нисийский храм воплощает принципы местной строительной культуры. Глина, как исходный строительный материал; колонный портик как специфическая форма среднеазиатского массового зодчества; особый вид колонн; колоритное сочетание тонов — красного, черного и белого — все это качества, связанные с традицией народного парфянского строительства и оригинальной переработки некоторых мотивов эллинистического зодчества.

В композиции храма четко выражен принцип фронтальности: в противовес античным периптерам, здание это вытянуто по фасаду, причем как бы фоном его служит плоскость увенчанной зубцами крепостной стены. Важным качеством его архитектуры является участие особых ордерных систем. Характерна двухъярусная композиция храма, вообще говоря, типичная для архитектуры эллинизма. Но если памятники эллинистического зодчества дают в основном примеры архитектурного расчленения объемов и стен на два колонных яруса, или на нижний ярус глухой и верхний колонный (Пергамский алтарь, алтарь Артемиды в Магнесии на Меандре, Арсиноийон и др.), то синхронный им храм Новой Нисы дает картину иную: внизу — легкий колонный портик, приоткрывающий выдержанную в изящных пропорциях колоннаду «красной стенки», во втором ярусе — гладь стены, завершенной зубчатой линией фигурного парапета.

Несмотря на относительно небольшие масштабы, здание производит впечатление большой монументальности. Это достигается противопоставлением значительных гладких участков стены при тщательном разработанных мелких архитектурных деталях; использованием принципа крупного ордера при небольших габаритах «красной стен-

¹ M. Rostovtzeff, *Dura and problems of Parthian Art*, New-Haven, 1935, стр. 206—207.

ки», контрастом легкого портика и массивного параллелепипеда основного архитектурного объема, ритмическими членениями колоннад портика и «красной стенки». В нисийском храме нет всеподавляющей грандиозности объемов и форм, как в монументальной древневосточной архитектуре. Его архитектурные детали, а главное, общее соотношение частей и целого вводят ощущение человеческого масштаба. В этом — те новые качества, которые принципиально отличают нисийский храм от памятников архитектуры древневосточных деспотий, вводя его в круг сооружений «античности» — в данном случае восточнопарфянской «античности».

Уже к I в. до н. э. участок территории, прилегающей к храму, был использован под застройку комплексом погребальных камер парфянской знати¹. Исследованные

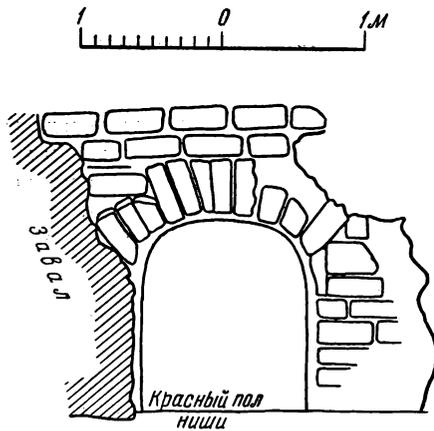

Рис. 5. Арка прохода, соединяющего две погребальные камеры

здесь четыре погребальных камеры сложены из сырца $40 \times 40 \times 10$ —12 см, на глиняном растворе. Толщина стен — от 1,2 до 2,2 м. Размеры самих камер невелики: $2 \times 2,5$ м, 2×3 м. Камеры строились одна за другой, впритык. В одном случае две камеры воздвигнуты были одновременно и последовательно заложены (рис. 5). Перекрытием служили своды, сложенные из сырца. В одной коридорообразной камере свод пролетом 1,1 м сложен клинчатой кладкой, в прочих, более обширных (до 2 м), — наклонными отрезками.

Стены и своды камер оштукатурены глиной, по которой нанесен слой ганча, окрашенного в малиново-красный цвет, с лощением. Аналогичны полы, очень хрупкие, непригодные для ходьбы, предназначенные

лишь для помещения на них останков покойного и некоторого погребального инвентаря.

Позднейшая группа погребальных камер отмечается к северо-западу от храма, время сооружения их падает на II—начало III в. н. э. Здесь появляется новая камера, перекрытая коробовым сводом «отрезками» (пролет его равен 2,3 м). Затем эта камера закладывается на высоту 1,6 м от пола сырцом; новый пол вымащивается хрупкими плитками обожженного кирпича ($44 \times 31 \times 5$ см и $46 \times 27 \times 5$ см). Вымостка полов продолговатыми плитками такого рода отмечена в греко-парфянских гробницах в Сузах².

«Красные камеры» Новый Нисы являют интересный пример пока еще невыясненной системы мавзолеев восточнопарфянского погребального культа. Некоторые аналогии как будто дает ипогей некрополя Пальмиры, где вдоль продолговатого зала, перпендикулярно к стенам, расположена система узких, вытянутых, наглухо заделанных камер³. Подобное же распределение погребальных камер отмечается и в комплексах парфянских погребений в Дура-Европос⁴. Однако усыпальницы Нисы представляли не столь четкий архитектурный организм, как Ипогей, поскольку слагались они в течение нескольких столетий не по единому плану, но по мере необходимости.

¹ Датировка одного из захоронений уточнена находкой монеты Орода I (56—37 гг. до н. э.)

² J. de Morgan, Travaux en Tell de la citadelle. Fouilles à Suse en 1897/98, 1898/99. «Délégation en Perse. Mémoires», I, Paris, 1900, стр. 53.

³ R. Amy et H. Seyrig, Recherches dans la nécropole de Palmyra, «Syria», т. XVIII, Paris, 1936, стр. 229—266, табл. XXXII.

⁴ Fr. Cumont, Fouilles de Doura-Europos (1922—23), Paris, 1926, табл. CI—CIII.

В архитектуре нисийских погребальных камер важно отметить, во-первых, употребление уже в I в. до н. э. двух типов сырцовых сводов; в памятниках западнопарфянского строительства применение сводчатых конструкций падает лишь на первые века н. э. (O. Reuther, ук. соч., стр. 100—101); во-вторых, особую значимость яркочерного цвета, видимо, игравшего в парфянской архитектуре большую роль. Дальнейшие исследования парфянских погребальных сооружений Новой Нисы позволят выявить новые особенности парфянской архитектуры и обогатят наши представления о религии парфян.

Г. А. Пугаченкова

РЕДКАЯ СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ МОНЕТА ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

Отрывочный характер письменных источников, освещающих историю Средней Азии эпохи господства рабовладельческих отношений, делает особенно необходимым привлечение нумизматического материала в качестве исторического источника.

Значительный интерес представляют нумизматические данные для того периода, когда освободительная борьба народов Средней Азии постепенно привела к полному крушению греко-бактрийского государства. Во II—I вв. до н. э. появляются такие самостоятельные местные чеканы, как согдийский, бактрийский и, в известной мере, хорезмийский. В ряде случаев в создании собственных монетных типов серьезную роль сыграл чекан греко-бактрийских правителей Евтидема, Евкратиды и Гелиокла. На первых порах это привело к выпуску монет, считающихся подражаниями монетам указанных правителей. Совершенно формально эти монеты в иностранной литературе называются «варварскими подражаниями»¹: выпуск таких монет был вызван значительной потребностью в средствах обращения чеканивших их обществ и, следовательно, отражает уровень развития этих обществ.

Интересный образец подражаний тетрадрахам греко-бактрийского государя Евкратиды (ок. 175—156 гг. до н. э.) имеется в собрании Государственного Эрмитажа²: Ав.—голова Евкратиды в шлеме вправо. Черты лица несколько огрублены. Ободок из длинных овальных бус, чередующихся с двумя плоскими кружками. Rev.—Диоскуры, скачущие вправо с пиками и пальмовыми ветвями. Сверху полукругом легенда: ΡΑΣΙΑΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ; внизу под чертой: ΕΥΚΡΑΤΙΔΟΥ. Справа в поле буква Т и несколько ниже ее Н. Слева в поле тамга . Концы букв утяжелены точками. Вес 15,64 г, диаметр 33 мм. Серебро. Монета хорошей сохранности (рис. 1, 1).

Как легко можно видеть, данный экземпляр представляет собой почти полную копию наиболее широко распространенного типа крупных номиналов Евкратиды. Отличается он только начинающимся искажением легенды и, что особенно интересно, наличием весьма характерной тамги.

В коллекции Государственного Эрмитажа имеется другой образец монеты, чеканенной в подражание тетрадрахам Евкратиды (инв. № 480; рис. 1, 2), сходный с монетой, которая была издана А. Каннингамом³.

¹ E. I. Rapson, *Indian Coins*, «Grundriss der Indo-Aryschen Philologie und Altertumskunde», т. II, ч. 3, Strassburg, 1897, стр. 7; W. Tarn, *The Greeks in Bactria and India*, Cambridge, 1938, стр. 303. О термине «варварские подражания» см. А. Н. Зограф, *Античные монеты*, МИА СССР, № 16, М.—Л., 1951, стр. 101 сл.

² Каталог Греко-Бактрии, инв. № 481. Автор приносит глубокую благодарность заведующему отделом нумизматики Государственного Эрмитажа А. А. Быкову за любезное разрешение работать над среднеазиатскими фондами Отдела.

³ A. Cunningham, *Coins of Tochari, Kushans or Yue-ti*. NC, 3 ser., т. IX, L., 1889, стр. 308, табл. XIII, 7.

Обе последние монеты характеризуются уже значительно большим искажением типов как аверса, так и реверса, а также дальнейшим искажением легенды. Вес экземпляра, опубликованного А. Каннингемом,— 13,73 г. Легенда весьма искажена: ΙΑΣΙΑΕΠΣ ΜΕΓΛΑΟΥ ΕΥΚΙΑΤΔΥ. Вес второго эрмитажного экземпляра — 11,73 г. Легенда: ... ΙΑΕΩΣ ΜΕΓΙΑΟΥ...ΚΙΑΤΙΟΥ¹.

Публикуемые экземпляры из собрания Государственного Эрмитажа весьма важны, так как подражания тетрадрахам Евкратида встречаются значительно реже, чем монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла или Евтидема². Эти последние, видимо, представляют собой начало самостоятельных регулярных чеканов в период после падения Греко-Бактрии, но еще до сложения могущественной Кушанской империи. При этом тип евтидемовских тетрадрахм послужил исходным образцом для серии монет древнего Согда, а тип тетрадрахм Гелиокла был использован в монетном деле Бактрии. В отличие от этих двух больших и сложных групп номиналов, о монетах, чеканившихся по типу тетрадрахм Евкратида, сведений очень мало, пока неизвестны даже места их находок. Недавно установлено, что монеты, выпускавшиеся по типу евкратидовых обол, обращались на территории северо-восточной Бактрии (Термез, Кабадиан, Гиссар)³.

Характерно, что вес эрмитажной монеты № 481 почти равен весу тетрадрахм самого Евкратида, чеканенных по аттическому стандарту. Две другие монеты этой группы отклоняются от стандарта, хотя еще продолжают исходить из него. Между тем, уже у Евкратида и у Гелиокла появляются монеты, чеканенные по новому местному стандарту с наибольшим номиналом около 10,32 г. Затем этот стандарт становится почти полностью преобладающим в северо-западной Индии (греко-индийские и индо-сакские династии)⁴, Согде (монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Евтидема, кроме первой подгруппы) и, видимо, в Хорезме⁵.

Это обстоятельство, а также значительная близость типов публикуемых монет к исходному типу, позволяет согласиться с предположением А. Н. Зографа о чеканке подражаний тетрадрахам Евкратида в течение полувека после прекращения его собственной эмиссии, может быть, даже сократив этот срок. Разумеется, такая датировка предлагается только для выпуска монет, в обращении они находились в течение длительного времени.

Эффективный тип тетрадрахм Евкратида оказал значительное влияние на целый ряд позднейших монетных выпусков. В этом отношении подражания этим тетрадрахам важны генетически, как звено, предшествующее появлению более самостоятельных типов в Бактрии⁶ и Хорезме⁷.

¹ Видимо, именно этот экземпляр упоминает А. Н. Зограф, Монеты «Герая», Ташкент, 1937, стр. 25, прим. 2.

² Тарн даже сделал вывод, что правление Евкратида в Бактрии-Согдиане не могло быть особенно долгим, так как неизвестны подражания его монетам (ср. ук. соч., стр. 112). Изучение нумизматики древней Средней Азии показывает несостоятельность этого предположения Тарна. Чекан Евкратида оказал влияние на ряд монетных типов Бактрии и Хорезма.

³ М. М. Дьяконов, Работы кафирниганского отряда, МИА СССР, № 15, М.—Л., 1951, стр. 171—175.

⁴ P. Gardner, The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India, L., 1886, стр. LXVIII; A. Cunningham, Coins of Indo-Scythians, NC, ser. 3, т. VIII, L., 1888, стр. 217; Rapson, ук. соч., стр. 4.

⁵ Интересно, что древнейшая хорезмийская монета, вероятно, относящаяся к I в. до н. э., весит 9,32 г. (С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 180), т. е. чеканена по новому местному стандарту.

⁶ А. Н. Зограф, Монеты «Герая», Ташкент, 1937.

⁷ С. П. Толстов, К истории хорезмийских Сиявушидов, ИАН СССР, сер. истории и философии, т. II, 1945, № 4; он же, Древний Хорезм, стр. 180—181.

Рис. 1. Подражания тетрадрахам Евкратиды:
1 — Государственный Эрмитаж, инв. № 481;
2 — Государственный Эрмитаж, инв. № 408

Наибольший интерес на публикуемом экземпляре (инв. № 491) представляет тамга в поле слева. Она зеркально обратна тамгам, которые иногда появляются вместо монограммы «К» на первой подгруппе подражаний тетрадрахмам Евтидеса. Для этой подгруппы характерны более или менее искаженная греческая легенда и также искаженный аттический стандарт. Совокупность данных позволяет датировать эти выпуски временем около первой половины II в. до н. э. Обращают на себя внимание аналогии тамги этого типа с некоторыми из хорезмийских тамг, также известным по монетам¹. Конечно, все эти аналогии не случайны. Однако для широкого исследования тамг и тамгообразных знаков на монетах древней Средней Азии необходим дополнительный материал и дальнейшее изучение его. Пока можно предположить кангюйское происхождение тамги типа или . Тогда будет понятно ее раннее существование в среднеазиатском междуречье и скорое исчезновение, так как чеканка подражаний тетрадрахмам Евкратиды была, видимо, весьма ограниченным и эпизодическим явлением. Возможно, появление этой тамги на монетах, несомненно выпускавшихся для удовлетворения потребностей товарного хозяйства Бактрии и Согды, отражает политическое подчинение отдельных областей кангюйскому объединению, центр которого, видимо, находился на берегах Сыр-Дарьи.

В. М. Массон

АМУЛЕТЫ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ ИМ. А. С. ПУШКИНА

Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина обладает многочисленной и разнообразной коллекцией египетских амулетов. Среди них большое место занимают амулеты в форме схематически переданного сердца, скарабея, или скарабеоида, с написанным на поверхности текстом. Их магическое назначение было связано с сердцем, представление о котором играло значительную роль в египетской религии.

Все приведенные в этой статье памятники публикуются впервые. Отсутствие сведений о происхождении амулетов вынуждает ограничиваться лишь описанием их и приведением иероглифической транскрипции текстов. Опубликование последних представляет значительный интерес, так как на некоторых амулетах начертаны имена их владельцев, частью неизвестные. Самые тексты представляют новые варианты магических формул, по сравнению с ранее опубликованными амулетами и с текстами «Книги мертвых» других собраний. Большинство амулетов поступило в ГМИИ из коллекции В. С. Голенищева, [за исключением [предметов I—Ia 917, I—Ia 922, I—Ia 941 и I—Ia 1292, переданных из Музея института классического Востока, и футляра для скарабея I—Ia 6916а, приобретенного у Л. Н. Ленской.

Публикуемые в этой работе амулеты в тех случаях, где было возможно определить время, располагаются в хронологической последовательности. При этом следует иметь в виду, что в качестве основного текста принят текст «Книги мертвых» папируса Анти.

Скарабеоид I—Ia 917 сделан из мелкозернистого диорита, размер 3,8 × 2,9 × 1,5 см, на основании его начертана надпись хорошей сохранности (рис. 1). Верхняя строка оставлена пустой для заполнения ее именем покойного. Надпись содержит начало магической формулы из XXVI главы «Книги мертвых».²

¹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 182—185.

² E. Naville, Das ägyptische Todtenbuch der XVIII bis XX Dynastie, В., 1886 (далее сокращенно Кн. М.).

𓆎𓆏𓆐𓆑𓆒𓆓𓆔𓆕
 𓆖𓆗𓆘𓆙𓆚𓆛𓆜𓆝
 𓆞𓆟𓆠𓆡𓆢𓆣𓆤
 𓆥𓆦𓆧𓆨𓆩𓆪𓆫

Рис. 1. Скарабеонд №1 — Ia 917

𓆎𓆏𓆐𓆑
 𓆒𓆓𓆔𓆕𓆖𓆗𓆘𓆙
 𓆚𓆛𓆜𓆝𓆞𓆟𓆠𓆡
 𓆢𓆣𓆤𓆥𓆦𓆧𓆨
 𓆩𓆪𓆫𓆬𓆭𓆮𓆯
 𓆰𓆱𓆲𓆳𓆴𓆵𓆶
 𓆷𓆸𓆹𓆺𓆻𓆼𓆽
 𓆾𓆿𓇀𓇁𓇂𓇃𓇄
 𓇅𓇆𓇇𓇈𓇉𓇊𓇋

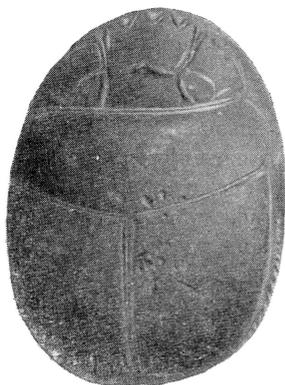

Рис. 2. Скарабей № 1 — Ia 4054 (основание и спинка)

- 1 сердце мое для меня в доме сердец (h3.tjw), сердец (ibw) моих
- 2 для меня в доме сердец (h3.tjw) существует для меня
- 3 сердце мое. Покоится оно во мне. Не будет
- 4 удержано (?) это вопреки мне в ...

Первые три строки стандартные. Только несколько необычно обозначение множественного числа, вынесенного перед существительным, к которому оно относится. В 4-й строке текст «удержано (?) это вопреки мне в ...» является необычным для известных вариантов XXVI главы «Книги мертвых». Непонятен знак после šn^c «удерживать». Ни форма скарабеоида, ни характер письма не позволяют определить время изготовления памятника.

Следует отметить, что на подобных амулетах текст XXVI главы использовался редко, значительно более распространены были памятники с надписью XXX-V главы «Книги мертвых».

Среди амулетов сердца из коллекции ГМИИ, содержащих текст XXX-V главы, наиболее ранним, с нашей точки зрения, является амулет I—Ia 4054, сделанный из зеленого шифера, размер 6,3 × 4,5 × 2,7 см. Скарабей имеет отполированную спинку, на которой тремя линиями переданы крылья. Голова жука ясно очерчена, глаза выпуклые; ножки скарабея покрыты параллельно идущими бороздками. Скарабей аналогичной формы были распространены в период Среднего царства¹. Надпись на основании хорошо сохранилась, за исключением нескольких повреждений. Очень испорчена первая строка с именем, от которого сохранился лишь знак t, после него птица, затем стертость, затем знак жертвенного сосуда, знаки int и головка от f. Последующие 10 строк представляют текст XXX-V главы (рис. 2).

1 Интеф

2 Сердце² мое матери моей (дважды), сердце мое

3 бытия³ моего! Не вставай против меня в качестве

4 свидетеля. Не выступай⁴ против меня в палате⁵,

5 не. Противоречь мне перед

6 стражем весов. Ты k3, находящийся в теле, Хнум,

7 укрепляющий члены мои. Да выйдешь ты к прекрасному месту,

8 куда мы идем. Не давай смердить

9 имени моему (в) заупокойном суде. Делающий

10 людей в период прекрасный.

11 Поднимаешься, ты, слушаешь, пребывая.

В приведенной надписи амулета I—Ia 4054 можно отметить следующие отклонения от обычного текста «Книги мертвых»: в 6-й строке слово nt k «ты» поставлено перед

¹ W. Fl. Petrie, *Scarabs and cylinders with names*, L., 1917, табл. 12, v, 122, (далее сокращенно — Скарабси).

² Обычно в XXX-V главе использовались два термина для передачи слова «сердце»: ib и h3.tj. Установить разницу в их понимании трудно, но во всяком случае многочисленные примеры позволяют предполагать, что ib служило для передачи моральных понятий, а h3.tj — физических. В дальнейшем переводе оба слова будут переводиться «сердце».

³ Иногда слово hr.g.w в аналогичных текстах переводят «различных образов», «различных возрастов», A. Erman u. H. Grapow, *Wörterbuch der Aegyptischen Sprache*, III, 265 (далее сокращенно WB).

⁴ Прототипом этому месту в «Книге мертвых», как указывает Зете (K. Sethe, *Zur Vorgeschichte der Herzskarabäen*, «Institut français d'archéologie orientale, Cairo, Mémoires», Le Caire, 1934, т. 66, стр. 113. сл.), может служить изречение из «Текстов Пирамид» — «Сделал для себя отец мой сердце, (после того как) другое было у него вынуто (так как оно было враждебно), когда (вышел он на небо), чтобы переплыть извиляющийся водный поток».

⁵ d3 d3. t — совет, решавший судебные дела, в Новом царстве этот термин применялся для обозначения совета богов.

словом $m\dot{h}\dot{z}.t$ «весы», а не перед словом $k\dot{z}$, и внутри ntk переставлены знаки: pkt ; в 7-й строке, в слове $\acute{s}wd\dot{z}$ «укреплять» выписано только w . Повреждение первой строки лишает нас возможности установить точно имя и титул владельца амулета. Тем не менее сохранившиеся знаки $Intf$ позволяют увидеть в них имя, часто встречающееся в период Среднего царства¹ и в последующее время. Правда, на скарабее I—Ia 4054 знак in передан не иероглифом W 22, как на большинстве памятников этого времени, а при помощи букв i и n . Многие знаки на скарабее покрыты внутри линиями. Подобная манера письма характерна для Среднего царства². Таким образом, форма скарабея, манера написания иероглифов и имя владельца амулета позволяют датировать наш памятник Средним царством. Наличие подобных памятников в это время явление крайне редкое³. Поэтому амулет I—Ia 4054 представляет большой интерес, так как он является новым свидетельством того, что текст, который в период Нового царства оформился в виде XXX-V главы «Книги мертвых» в основных своих чертах сложился в Среднем царстве.

Все остальные имеющиеся в ГМИИ амулеты сердца принадлежат либо к Новому царству, либо к Позднему времени.

Наиболее ранними среди амулетов Нового царства можно считать амулеты I—Ia 922 и I—Ia 4053.

Скарабей I—Ia 922 сделан из черного шифера, размер $5 \times 3 \times 2,6$ см. Спинка скарабея выпуклая, ножки переданы с натуралистической точностью. В надписи на основании в 1-й строке, перед словом $W\acute{s}ir$ пропущено место для имени, далее следует текст XXX-V главы «Книги мертвых». Манера письма своеобразная: ряд знаков заменены точками. Наиболее схематично передано слово $\dot{h}\dot{z}.tj$ в 3-й строке и слово $\dot{h}rg.w$ в 6-й. Судя по форме (Скарабей, табл. LXIV—18, 6, 98), скарабей может быть датирован временем правления Тутмоса III.

Скарабей I—Ia 4053 по материалу и по форме аналогичен предыдущему. Первые три строки оставлены незаполненными для имени, далее следует текст XXX-V главы. Ножки и часть надписи отколоты. Датировается тем же временем, что и скарабей I—Ia 922.

Следующим по времени можно считать амулет I—Ia 4061. Этот скарабеоид сделан из черного шифера, размер $5,3 \times 3,6 \times 1,2$ см. На основании имеется десятистрочная надпись с текстом XXX-V главы «Книги мертвых». Текст памятника не позволяет определить время его изготовления. Что же касается формы, то подобные скарабеоиды были распространены в период XVIII династии (Скарабей, табл. XXXVIII—32).

Близкой вышеприведенному амулету по времени является нагрудная пластинка I—Ia 4833, размер $14,2 \times 14,3 \times 0,6$ см. Пластинка сделана из дерева и покрыта левкасом, по которому черной краской нарисована священная ладья. Над изображением ладьи имеется сквозное отверстие, в него вставлен сделанный из черного шифера скарабей (рис. 3). Спинка скарабея покрыта бороздками; детально разработана голова с выпуклыми глазами. На основании выгравирована девятистрочная надпись, частично стершаяся. Надпись представляет текст XXX-V главы «Книги мертвых», но, начиная с 5-й строки, после слова $\dot{d}\dot{z}.t$ стоит необычная для этой главы формула $m\dot{b}\dot{z}\dot{h}n\dot{h}m\dot{h}r-ntg$ «перед нами вечность в некрополе». В 6-й строке после слова $nn\dot{s}w$ и в 7-й строке после слова $\acute{s}wd\dot{z}$ стоят лишние знаки «сердца» (W 23). Судя по форме (Скарабей, табл. XLVII—13, 15, 16), скарабей может быть датирован концом XVIII — началом XIX династии.

К периоду XIX—XX династии относятся несколько именных амулетов.

¹ Н. R a n k e, Die ägyptischen Personennamen, Glückstadt, 1935, стр. 36.

² Н. O. L a n g e u. Н. S c h ä f e r, Grab- und Denksteine des mittleren Reichs in Museum von Kairo, В., 1902, табл. XII, 20137.

³ Н. R. H a l l, Catalogue of Egyptian Scarabs in the British Museum, L., 1913, стр. 22. Среди многочисленных опубликованных амулетов сердца из различных собраний лишь один, по мнению Холла, может быть отнесен к периоду XIII—XVII династии.

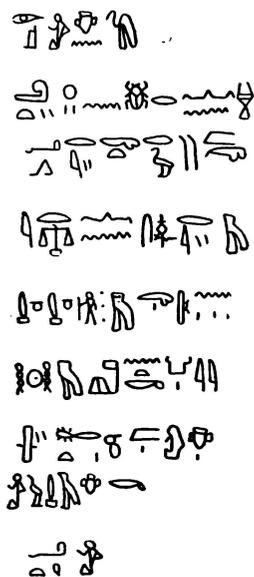

Рис. 3. Нагрудная пластинка № I — I a 4833

Амулет сердца I—Ia 3831 сделан из мелкозернистого диорита, размер 4,9 × 3,4 × 1,8 см. Девятистрочная надпись представляет собою текст XXX-V главы «Книги мертвых». Отклонения наблюдаются в 4-й строке, где после слова *mtrw* «свидетель» стоит знак множественного числа, необъяснимый в данном контексте. Знаки последней, 9-й строки неясны и наличие их непонятно, так как формула завершена именем владельца амулеты *N3j* Наи, написанном в 8-й строке. Имя Наи встречается на опубликованной Дарессе стеле¹. Исходя из стилистического анализа памятника, Дарессе датирует стелу периодом XIX династии. Если принять эту дату, тогда и наш амулет может быть отнесен ко времени XIX династии, так как имя в обоих случаях написано абсолютно одинаково.

Амулет в виде сердца I—Ia 3863 сделан из зеленого базальта размер 5 × 3,5 × 2,5 см. Вокруг амулета идет пятистрочная надпись, пересеченная вертикальной строкой, содержащей имя: *dd mdw in Wsir imj-r3 niwt t3tj P3sr m3c-hrw) d(d)* «Говорение слов Осирисом, начальником города, визирем Пасером правогласным говорит». Далее следует текст XXX-V главы «Книги мертвых». Отклонения наблюдаются во 2-й горизонтальной строке, где в слове *rk* пропущено *k*, и в 3-й горизонтальной строке, после слова *rg.k r* «да выйдешь ты к» пропущено *bw nfr* «месту прекрасному».

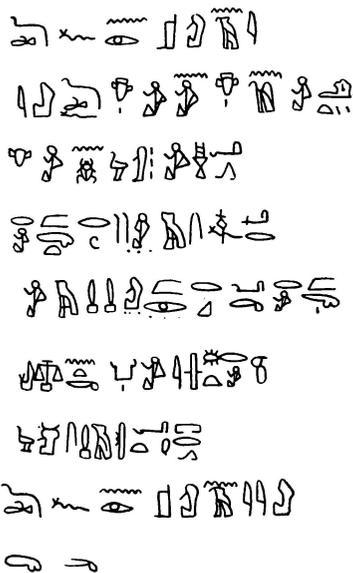

Рис. 4. Текст надписи на амулете сердца № I — I a 3831

¹ G. D a r e s s y, *Stèle de la XIX-e dynastie avec textes du Livre des pyramides, «Service des antiquités de l'Égypte. Annales», Le Caire, 1916, т. XVI, стр. 57—60.*

него знак повторения и слово *mw.t* «мать». Затем вся эта группа знаков повторяется; в 3-й строке слово *ḥc* написано неверно; в 4-й строке в слове *ntk* пропущено *n*, в 5-й строке лишний знак *w* и знак множественного числа, в 6-й строке после слова *shš* лишний знак *w* и множественного числа. В 7-й строке переставлены знаки. В 8-й строке писец пропустил несколько знаков из-за недостатка места. Скараabei подобной формы были распространены в период XIX—XX династий (Скараabei, табл. LX—57, 88, 17), имя Каэмуас относится ко времени Рамессидов¹.

Среди египетских амулетов имеется значительное количество таких, которые не предназначались для определенного лица, а заготавливались заранее ремесленниками. В них первые строки оставались обычно пустыми, чтобы вписать туда имя покойного. К числу подобных памятников относится скарабей I—Ia 4057, сделанный из гранита, размер $8 \times 6,2 \times 3,2$ см. Амулет выполнен в виде плоского с выступающими краями сердца, к которому приставлен скарабей. На гладко отполированной спинке скарабея двумя линиями обозначены крылья, ножки расположены так, что между ними образуются треугольники, через которые просверлено сквозное отверстие. На основании сердца очень небрежно выгравирована двенадцатистрочная надпись: местами, особенно в нижних строках, одни знаки находят на другие. Первая строка осталась незаполненной для имени владельца амулета, последующие строки представляют текст XXX-V главы «Книги мертвых». Можно отметить следующие отклонения: в 4-й строке — *ḥsf* «выступить» передано очень схематично. После слова *rk* «противоречить» стоят лишние знаки множественного числа, в 5-й строке в слове *ntk* переставлены знаки, в 6-й строке знак *rg* перевернут. На основании формы (Скараabei, табл. LX—54, 62) скарабей I—Ia 4057 может быть датирован периодом Нового царства.

В коллекции ГМИИ хранится несколько амулетов, относящихся, по видимому, к Новому царству, точная датировка которых пока невозможна.

Амулет I—Ia 4062 сделан из зеленого базальта, размер $6,8 \times 4,6 \times 1,9$ см. Низ амулета закруглен, края утолщены, на горлышке проведены две полоски. В надписи на плоской стороне иероглифы начертаны небрежно и местами стерлись, что очень затрудняет чтение. В 1-й строке, по видимому, стояли титул и имя владельца амулета. Первые два знака обозначают *irj-mḥ.t* «страж весов», далее следует текст XXX-V главы «Книги мертвых». Ни предполагаемое имя, ни характер письма не дают никаких ориентиров для определения времени изготовления памятника.

Амулет в виде сердца² I—Ia 3826 сделан из брекчии, размер $4,4 \times 3,4 \times 2$ см, края повреждены, на поверхности имеются выбоины, вдоль амулета идет надпись *ṯrj ḥm-ntr n Wsir* «Верховный жрец Осириса...». Последующие два знака, обозначающие, по видимому, имя покойного, неясны (может быть здесь стояло имя *Ḥr* «Гор»). На обратной стороне выгравирована птица *bnw* «феникс»³. Существовала специальная глава «Книги мертвых», отождествлявшая покойника с этой птицей (Кн. М., т. I, табл. XCV). Так как имя покойного точно не восстанавливается, а форма амулета сердца на протяжении длительного времени мало изменялась, то приходится отказаться от возможности датировать данный памятник.

Скарабей I—Ia 941 сделан из черного шифера, размер $5,9 \times 4,3 \times 2,5$ см. Спинка скарабея гладко отполирована, длинные ноги переданы схематично и покрыты параллельными насечками, (рис. 7). В первых двух строках помещено имя *Tḥrwiš* «Таопауи». После него стоит знак цветка, признак женского рода. Но дальше писец придерживается обычной формулы и пишет *ḏd.f* «говорит он». Последующие пять строк представляют собой текст XXX-V главы. Отклонения наблюдаются: в 6-й строке вместо отрицания *m* перед *ḥc* «не вставай» стоит *mw.t.št* «мать ее», в 6-й строке из каллиграфических соображений писец в слове *ntk* «ты» переставил знаки: *tnk*, знаки 7-й строки переданы

¹ J. F. Champollion, *Monuments*, т. I, стр. 517; *Ä Z*, XXVIII, 1889, стр. 58.

² Аналогичный амулет опубликован W. Fl. Petrie, *Amulets*, L., 1914, табл. I (f).

³ K. A. Wiedemann, *Die Phönix-Sage im alten Aegypten*, *Ä Z*. XVI, 1878, стр. 89 слл.

Рис. 7. Скарабей № I — Ia 941 (основание и спинка)

сокращенно. Ввиду того что имени Таонауиа нам не удалось найти среди опубликованных памятников, оно не может помочь в определении времени изготовления амулета. Форма памятника сходна с аналогичными скарабейми, которые были распространены в конце Нового царства (Скарабей, табл. LXIV — 18, 6, 125) и в последующий

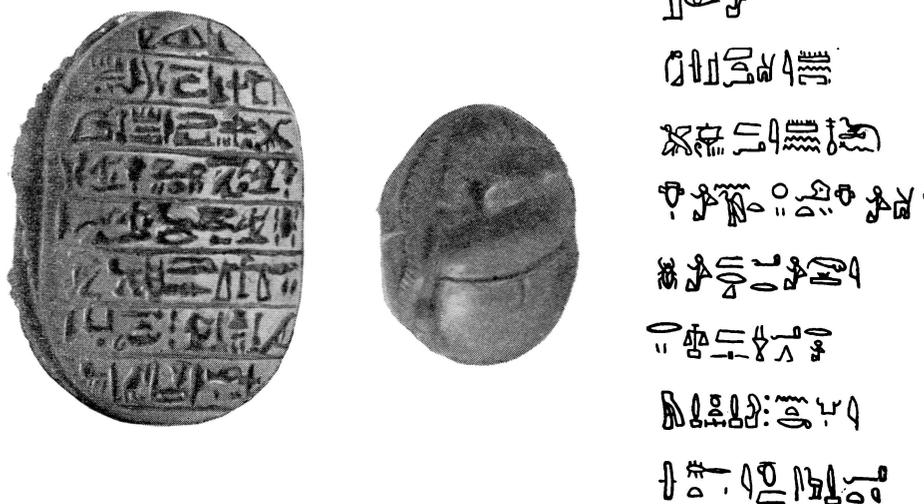

Рис. 8. Скарабей № I — Ia 1292 (основание и спинка)

период (Скарабей, табл. LXV—22, 9, 11). Поэтому скарабей I—Ia 941 можно лишь приблизительно датировать концом Нового царства или последующим временем.

К позднему времени относится скарабей I—Ia 1292, сделанный из черного шифера, размер 5,2×3,8 × 2,3 см. Спинка скарабея выпуклая; изогнутые, покрытые закругленными насечками ножки сильно выступают (рис. 8). Между ногами сделан сквозной треугольный вырез. Надпись местами стерта. Первые три строки заняты именем и титулом владельца амулета *w'b im st mꜣ.t n Imn pr Pꜣtꜣwmꜣmnfr* «Жрец места истины дома Амона Пачаумаамоннофр». Надпись последующих пяти строк представляет собой текст XXX-V главы «Книги мертвых». Отклонения наблюдаются: в 5-й строке схематично написано слово *bꜣh* и перед ним опущено *m*, в 6-й строке, после *mꜣt*

«веса» стоит ζh^c «не поднимайся» вместо h^c «не выступай». Имя и форма ¹ скарабея позволяют отнести его к Позднему времени.

Футляр для скарабея I—Ia 6916a, размер 18 × 6,3 × 1 см. Футляр имеет форму крылатого скарабея, он покрыт тканью, обмазанной стуком, и раскрашен. На наруж-

ной плоской стороне имеется восьмистрочная надпись, сделанная черной краской (рис. 9). Надпись выполнена небрежно, местами стук потрескался и сошла краска, что затрудняет чтение. На внутренней стороне футляра оставлено углубление для амулета. Первая строка надписи, где, по видимому, стояло имя покойного, может быть восстановлена только приблизительно, так как большинство знаков расплылось и края стерты. Надпись представляет текст XXX-V главы. Отклонения наблюдаются: в 3-й строке в слове *mrw* «свидетель» от буквы *t* сохранилась только черта. Наиболее трудной для понимания является 5-я строка: после слова *mhj.t* стоит группа знаков, плохо поддающаяся чтению. Вероятнее всего здесь было написано слово *šm* «дело» (WB, IV, 120), после которого, по видимому, стояло *n šwd* «передавать наследство» (WB, IV, 78) *r.i* «вопреки мне». Этот оборот является незасвидетельствованным в параллельных текстах. Он возник, по видимому, под влиянием изменений, происшедших в общественных отношениях египтян в это время. Но, к сожалению, недостаток материала не дает нам возможности найти объяснения к тексту амулета I—Ia 6916a. Первые знаки 6-й строки не сохранились, осталась только незначительная часть какого-то знака, по видимому, *g*, после которого следует *g šnj.t*. В аналогичных местах XXX-V главы стоит *n šnj.t* «для Шенита». Вслед за *šnj.t* стоит группа знаков, обозначающая, вероятно, *nb tš šdr.t* «Владыка страны умерших» (WB, IV, 392). Отнесение этого эпитета к слову *šnj. t* заслуживает особого внимания, так как такое сочетание не встречается ни на одном из известных нам скарабеев или в вариантах XXX-V главы. Вместе с тем, с точки зрения египетской религии «заупокойный суд» может быть назван «Владыкой страны умерших». Судя по характеру письма, данный памятник, по видимому, может быть отнесен к Позднему времени.

Рассмотрение египетских амулетов сердца из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина свидетельствует о том, что на большинстве из них начертана XXX-V глава «Книги мертвых». Эти надписи предназначены для того, чтобы путем заклинаний во время

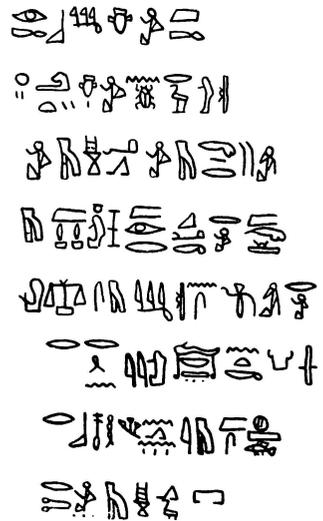

Рис. 9. Футляр для скарабея № I—Ia 6916a

¹ Н. R. Hall, *Catalogue of Egyptian Scarabs in the British Museum, L., 1913*, стр. XXXI, тип A8.

предстояния покойного пред судом Осириса заставить собственное сердце свидетельствовать в пользу его обладателя. Они являются в основном идентичными. Основная масса разночтений, к которым относятся: замена одних знаков другими, пропуск предлогов или отдельных знаков, а иногда и целых слов, особенно часто встречающиеся из-за недостатка места в последних строках, являются результатом неграмотности писца или вызваны требованиями каллиграфии. Эти описки, характерные для самых разновременных амулетов, по существу не изменяют текста. Остановимся теперь на разночтениях, отражающихся на смысле магической формулы. К ним относятся надписи, в которых, хотя и сохранен весь текст, но одни слова заменены другими, идентичными. Например: вместо ḥ^c «вставать» употреблено $\text{ḥ}^s\text{f}$ «выступать», вместо $\text{m b}^3\text{b}$ «перед» стоит g-g^b «рядом» и т. д.

Особый интерес представляют надписи, в которых для усиления в них магической формулы повторяются отдельные слова — «сердце» (W23), знак повторения (X 14), а также те, где для конкретизации обращенной к сердцу просьбы вводятся дополнительные фразы. Примером этому служит амулет I—Ia 4833, имеющий формулу, не засвидетельствованную по другим амулетам: «Перед нами вечность в некрополе». Памятники, содержащие подобного рода разночтения, характерны для Нового царства, но встречаются и в дальнейшем. Наиболее важные дополнения, по существу меняющие текст, падают на период Позднего времени.

Надписи на опубликованных нами амулетах и параллельных им религиозных текстах позволяют сделать следующее заключение. Зачатки текста, вылившегося позднее в XXX-V главу «Книги мертвых», появились, повидимому, как об этом свидетельствуют изречения из Текстов пирамид, в период Древнего царства. Во время Среднего царства, о чем говорит надпись амулета I—Ia 4054, текст этот, в основных чертах, уже сложился. В дальнейшем, в период Нового царства, он вошел в «Книгу мертвых» в виде XXX-V главы. В конце Нового царства и в период Позднего времени под воздействием изменившихся социальных условий в эту главу были внесены различные дополнения.

Таким образом, рассмотрение даже таких небольших религиозных текстов, как надписи на амулетах сердца, еще раз подтверждают тот факт, что египетская религия не была столь консервативной, как это пытаются доказать некоторые буржуазные ученые, а развивалась и изменялась вместе с развитием египетского общества.

С. И. Ходжаш

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

БОСПОР И РИМ В I В. Н. Э. ПО НУМИЗМАТИЧЕСКИМ ДАННЫМ

I. О МОНЕТАХ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПЯТИКОЛОННОГО ХРАМА

В обильном медном чекане царей Боспора имеется любопытная серия монет, на лицевой стороне которых изображен храм с пятиколонным портиком и надписью КА ПЕ по сторонам, а на обороте посреди венка помещены монограмма боспорского властителя и знаки ценности КД, т. е. 24 (табл. II, 28—30). Эти монограммы существуют в трех видах — $\overline{\text{BAK}}$, $\overline{\text{BAKY}}$ и $\overline{\text{BAKY}}$, причем монеты с первыми двумя встречаются нередко и были известны уже в XVIII в., а с третьей опубликовано всего два экземпляра¹. Первая монограмма обыкновенно расшифровывается как сокращение слов βασιλέως Κότος, а вторая (и третья) — βασιλέως Εὐπάτορος, ввиду чего нумизматы XVIII—XIX вв. относили эти монеты к боспорским царям Котию II (123—132 гг. н. э.) и Евпатору (154—170 гг.); этот взгляд никем не оспаривался до последнего времени², но целый ряд соображений заставляет от него отойти.

Прежде всего необъясним факт изображения на изучаемых монетах имени боспорского царя при помощи монограммы. От Котия II и Евпатора дошло немалое количество медных и золотых монет с полным написанием имени и титула, что позволяет

¹ Впервые, насколько нам известно, первые две монеты были изданы с неверными рисунками Кари (F. S a r g u, Histoire des Rois de Thrace et de ceux du Bosphore Cimmérien, Paris, 1752, табл. II, 11 и III, 4; ср. Б. В. К е н е, Музей кн. В. В. Кочубей, т. II, СПб., 1856, табл. XIV, 59 и XV, 63, где перечислены в тексте другие издания). Третья монета опубликована А. М. Подшиваловым (А. М. P o d s c h i w a l o w, Beschreibung der unedierten und wenig bekannten Münzen von Sarmatia Europaea, Chersonesus Taurica und Bosporus Cimmerius, M., 1882, табл. I, 25) и П. О. Бурачковым, Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России, Одесса, 1884, табл. XXIX, 202. Следует оговорить, что подлинность монет с монограммой третьего типа вызывает у нас сомнения, но, не имея возможности проверить их по оригиналам, в дальнейшем изложении мы исходим из наличия трех видов монет с изображением храма.

² См. В. Н e a d, Historia Numorum, 2-е изд., Oxf, 1911, стр. 505; E. M i n n s, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, стр. 605 сл.; «Sylloge nummorum Graecorum», The Royal Collection of coins. Danish National Museum. Bosporus», København, 1944, табл. II, 53 и 62; Л. П. Х а р к о, О пятиколонном храме, изображенном на боспорских монетах, ВДИ, 1950, № 1, стр. 197 слл.; А. Н. З о г р а ф, Античные монеты, МИА, XVI (1951), стр. 202.

установить регулярный чекан в течение всего их царствования. В то же время известно, что замена на монетах имени царя монограммой была серьезным ограничением суверенных прав местного властителя и могла быть предпринята лишь под давлением Рима¹. Но во II в. н. э. нельзя говорить об усилении римского влияния на Боспоре,—напротив, замечается ослабление зависимости от империи и удачные попытки боспорских царей «сбросить с себя римскую опеку, свободиться от вмешательства римлян во внутренние дела Боспора»².

Трудно объяснить значение изображенного на монетах храма и сопровождающих его букв. Несомненно, что надпись относится к изображению и означает название *Καπιτωλίον*, но остается неясным, что могло бы заставить боспорских царей II в. помещать на монетах одного только младшего номинала (и притом в два приема, в 20-х и в 50-х годах) римский Капитолий взамен собственного портрета. Утверждение, что здесь перед нами местный храм Юпитера Капитолийского³, едва ли приемлемо, так как наличие такого храма на Боспоре мало вероятно и не подтверждается ни эпиграфическим, ни археологическим материалом. Предположение же Л. П. Харко, будто помещенный на монетах храм есть фанагорийское святилище Афродиты, а буквы относятся не к изображению, а к боспорскому капитолию вообще, как к городской цитадели⁴, в высшей степени натянуто и не имеет примеров в истории древнего монетного дела. Да и самое допущение существования капитолия «в указанном смысле, т. е. как городской цитадели» в одном из крупнейших городов Боспора не выдерживает критики, так как такие укрепления обычно не назывались на востоке Римской империи капитолиями; этот термин встречается только в западных провинциях и притом там, где можно предполагать наличие римских колоний, которых никогда не было на Боспоре.

Наконец, вызывает сомнение и непомерно высокий вес интересующих нас монет. Как это видно из опубликованных А. Н. Зографом данных, все медные номиналы I—II вв. обнаруживают неуклонное стремление к падению веса⁵. Средний вес ассов Рескупорида—Аспурга (Зограф, АМ, XLV, 16—17) составляет 8,06 г, Митрадата (Зограф, АМ, XLVI, 6—7) — 7,94 г, Котия (табл. II, 18—25; Зограф, АМ, XLVI, 9—10)—7,60 г в начале и 6,66 г в конце царствования. После этого обезцененные ассы исчезают из обращения и появляются новые номиналы — дупондий и сестерций. Средний вес первого из них снова падает от монет Нерона (табл. II, 26—27; Зограф, АМ, XLVI, 15) до монет с отчеством Котия (Зограф, АМ, XLVI, 17)⁶ от 10,43 до 6,62 г, а при Рескупо-

¹ А. Л. Бертье-Делагард, О монетах властителей Боспора, ЗООИД, т. XXIX, 1911, стр. 154 сл., 182 сл., 210 сл.; Зограф, АМ, стр. 191 сл.; также В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М., 1949, стр. 323 сл.; ср. В. В. Латышев, ПОНТИКА, СПб., 1909, стр. 105 сл.

² В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 336 сл., см. также стр. 350 сл., 360 сл., 370 сл.; он же и С. И. Капошина, К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Сев. Причерноморья, СА, XV (1951), стр. 181; В. В. Латышев, ПОНТИКА, стр. 114 сл.

³ Б. В. Кенне, ук. соч., стр. 260 сл.; А. В. Орешников, Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова, М., 1887, вып. VII, стр. 97 сл. А. Н. Зограф правильно определяет тип как изображение римского Капитолия (АМ, стр. 202); так же считают W. Wroth (СВМ, стр. XXXVIII) и Minns (ук. соч., стр. 605 сл.)

⁴ Л. П. Харко, ук. соч., ВДИ, 1950, № 1, стр. 197—199. См., однако, Paus., II, 4, 5; Auli Gellii NA, XVI, 13, 9; также G. Wissowa, RE, т. III, стб. 1538 сл. и указанную там литературу, особенно H. Jordan, Marsyas auf dem Forum im Rom, В., 1883, стр. 16—37.

⁵ Здесь и в дальнейшем весовые данные приводятся по таблице, составленной А. Н. Зографом и приведенной им в статье «Реформа денежного обращения в Боспорском царстве», ВДИ, 1938, № 2, стр. 304 сл. (ср. АМ, стр. 206 сл.).

⁶ Они относятся ко времени Рескупорида II, ср. Зограф, АМ, стр. 199

риде II (Зограф, АМ, XLVII, 5) и при Савромате I (ЗРАО, т. VII, 1895, табл. XX, 64) доходит соответственно до 6,35 и 5,72 г. Эту картину резко нарушают рассматриваемые монеты: средний вес дупондия с монограммой Котия (табл. II, 28; Зограф, АМ, XLVII, 17) — 7,45 г, а с так называемой монограммой Евпатора (табл. II, 28—29; Зограф, АМ, XLVIII, 4) — даже 7,94 г. Такое явление тем более удивительно, что вес сестерциев Котия II, напротив, много ниже веса сестерциев его предшественника (11,87—11,78 г при Савромате, 9,67 г при Котии), а вес редких сестерциев Евпатора падает от 11,97 в начале до 8,42 г во второй половине правления.

Таким образом, ни международное положение Боспора, ни монетное право древности не позволяют удовлетворительно объяснить появление во II в. н. э. боспорских монет с изображением пятиколонного храма и монограмм. Необходимо также отметить, что, следуя общему определению и относя чекан монет с изображением храма к царствованиям Котия II и Евпатора, трудно понять, с одной стороны, очень близкое стилистическое сходство между обоими выпусками, отделенными в таком случае друг от друга промежутком в три десятилетия, а с другой — резкое их отличие как от сестерциев Котия II и Евпатора, так и вообще от всего набора типов, характера и стиля боспорской меди со времени Рскупорида II. Все эти затруднения не случайны и заставляют перенести серию монет с пятиколонным храмом на несколько десятков лет назад.

Действительно, среди монет I в. н. э., где со времени Августа и до Домициана имена местных владык систематически заменяются сокращениями, имеется ряд монет Котия I с монограммами, абсолютно сходными по начертанию с первой из монограмм на монетах с храмом (табл. I—II, 25; Зограф, АМ, XLVI, 8—12).

Следовательно, можно предположить, что и монеты с храмом имеют отношение к Котию I¹; но, чтобы отыскать им место среди его монет, необходимо рассмотреть эти последние.

С монограммой Котия I имеются, прежде всего, довольно редкие золотые монеты; всего известно 37 штук, распределяющихся по годам следующим образом: 45—46 г. н. э. (342 г. боспорской эры) и 48—49 г. (345) — по три экземпляра, 49—50 г. (346) — два, 52—53 г. (349) — семь, 53—54 г. (350) — два, 55—56 г. (352) — четыре, 56—57 г. (353) и 57—58 г. (354) — по одному, 58—59 г. (355) — два, 59—60 г. (356) — три и 60—61 г. (357) — девять экземпляров². На лицевой стороне этих монет представлена голова императора Клавдия (кроме монет 55—56 г., когда ее заменяет портрет Агриппины), а на обороте — изображения Британника (до 49—50 г.) или Нерона (с 52—53 г.), монограмма и иногда дифферент в виде точки (табл. I, 1—13). Так как современные этим монетам надписи содержат имя царя Тиберия Юлия Котия, сына Аспурга, известного также и из других источников³, то никакого сомнения в отношении приурочения этих монет к Котию I и соответствующего чтения монограммы не может возникнуть. Имеется и медь с той же монограммой, составляющая в хронологическом порядке следующие серии:

¹ Такое мнение высказал, правда, без всякой мотивировки и игнорируя наличие сходных монет с иными монограммами, R a o u l - R o c h e t t e, *Antiquités grecques du Bosphore Cimmérien*, P., 1822, стр. 139 слл., но оно было отвергнуто всеми нумизматами XIX в.

² А. Л. Б е р т ь е - Д е л а г а р д, *Материалы для весовых исследований монетных систем [древнегреческих городов и царей] Сарматии и Тавриды. «Нумизматический сборник», т. II, стр. 108 сл.* Несмотря на то, что эта сводка не имеет исчерпывающего характера, она все же отражает относительную интенсивность чекана по годам.

³ IOSPE, II, 32 и IV, 204, обе 58 г.; ИАК, вып. 27, 1908, стр. 38, 59—60 г.; ср. IOSPE, II, 37. См. также T a s ., *Ann.*, XII, 15 сл.; *P e t r i P a t r i c .*, fr 3 (ed. Dindorf).

Первая серия

а) номинал IV (ассы); четыре разновидности.

1. Л.: TI. KAAΥΔIOY KAICAPOC¹; голова Клавдия в лавровом венке вправо, снизу IV, т. е. 12; Об.: IOYΔIAN AΓPIPPINAN KAICAPOC; задрاپированный бюст Агриппины вправо, справа монограмма Котия. Табл. II, 18 и 20; СВМ, табл. XI, 14.
2. Л.: то же. Об.: то же, но императрица влево, монограмма слева. Табл. II, 18—19; Бур., ОКМ, XXVII, 107.
3. Л.: то же. Об.: IOYΔIAN AΓPIPPINAN CEBACTHN; то же изображение и монограмма. Табл. II, 18 и 21; Бур., ОКМ, XXVII, 109 (известен вариант, отличающийся более крупными размерами изображений. Табл. II, 22; Зограф, АМ, XLVI, 9).

4. Л.: TI. KAAΥΔIOY CEBACTOY KAICAPOC; то же. Об.: то же. Minns, ук. соч., табл. VII, 19.

б) мелкие номиналы.

5. Л.: BPITANNIKOY KAICAPOC; голова Британника вправо, Об.: голова Котия I в диадеме вправо, слева монограмма, справа H, т. е. 8. Табл. I, 15; Бур., ОКМ, XXVII, 105.
6. Л.: голова Аспурга-Рескупорида I (отца Котия) в диадеме вправо, справа его монограмма (известна на золоте 311—334 гг. босп. э.). Об.: голова Котия в диадеме вправо, справа монограмма, над нею часть лука; снизу ζ, т. е. 6. Табл. I, 16; Бур., ОКМ, XXVII, 106.
7. Л.: голова царицы (матери Котия) в диадеме вправо, справа ее монограмма (известна на золоте 334—335 гг. босп. э.). Об.: голова Афродиты-Апатуры (?) в калате и покрывале вправо, слева монограмма Котия, справа Δ, т. е. 4. Табл. I, 17; Бур., ОКМ, XXVII, 113.

Время чекана описанных ассов, весьма близких друг к другу по типам, по написанию полного имени Агриппины, по помещению знаков ценности на лицевой стороне, по весу (сред. вес 7,60 г, наибольший 11,18 г) и, наконец, по стилю, определяется следующими соображениями. Поскольку на монетах помещено изображение Агриппины, они отчеканены не прежде начала 49 г., когда Клавдий женился на своей племяннице, получившей титул Августы только в последних числах февраля 50 г., после того, как императором был усыновлен Нерон, ее сын от прежнего брака (Тас., *Ann.*, XII, 5 и 26; *Suet.*, *Cl.*, 26, 29, 39). Так как на боспорских монетах сначала и Клавдий и Агриппина именуется просто Кесарями, затем император попрежнему называется лишь Кесарем, а его супруга Августой, и, наконец, оба носят титулы Августов, следует заключить, что все ассы этой серии выбиты в течение 49—50 гг. К этому же времени относятся и остальные монеты, объединяемые между собою пониженным номиналом, помещением знака ценности на обороте и появлением портретов боспорских владык. Усыновленный Клавдием Нерон вскоре совершенно заслонил Британника, особенно после того, как в 51 г. сын Агриппины был признан совершеннолетним и облечен проконсульской властью. Именно с этого года портрет Нерона стал заменять на монетах изображение Британника², в том числе и на Боспоре (ср. табл. I, 3—4). Поэтому можно считать, что монеты с портретом Британника и составляющие с ними одну группу мелкие номиналы были выпущены не позже 51 г. Но, с другой стороны, затруднительно было бы допустить, что они выбиты ранее 48—49 гг., так как до этого времени еще продолжалась упорная борьба непокорного Митрадата против римлян, поддерживавших своего ставленника Котия³. Таким образом, мы приходим к объединению всех

¹ Надписи на монетах передаются с разбивкой на слова и без соблюдения всех особенностей шрифта.

² Тас., *Ann.*, XII, 41; *Suet.*, *Nero*, 7; ср. *Groag*, *RE*, т. III, стб. 2689.

³ Тас., *Ann.*, XII, 15—21; *Petri Patric.*, fr. 3; *Dio.*, LX, 8, 6. Ср. В. Ф. Гайдукевич, *Боспорское царство*, стр. 326—329; Латышев, *Ионтика*, стр. 107—109.

описанных монет в одну серию, выпущенную в 49—51 гг., т. е. одновременно с золотом 345—346 гг. босп. э.¹ Это подтверждается и изображением Британики, сходным во всех деталях на золоте и на меди, и портретом Котия, говорящим о его молодости, о чем применительно к этому времени сообщает Тацит.

Вторая серия

8. Л.: ΝΕΡΩΝΟC ΚΛΑΥΔΙΟΥ CΕΒΑCΤΟΥ ΚΑΙCΑΡΟC; голова Нерона в лавровом венке вправо. Об.: ΑΓΡΗΠΠΗΝC CΕΒΑCΤΗC; задрاپированный бюст Агриппины влево, слева монограмма Котия, снизу ΙΒ. Табл. II, 24; Зограф, АМ, XLVI, 10.

Третья серия

9. Л.: то же, но изображение несколько иного типа. Об.: ΠΟΠΠΗΑC CΕΒΑCΤΗC; задрاپированный бюст Пoppен влево, слева монограмма, снизу ΙΒ. Табл. II, 25; СВМ, табл. XII, 1.

Эти монеты тоже довольно близки друг к другу по весу (сред. вес 6,66, наибольш., 8,30 г), по стилю, по типам, по помещению знаков ценности на обороте. Однако изображение Нерона на них различно, и они чеканены со значительным перерывом. Ассы с портретом Агриппины относятся ко времени выпуска золотых монет с теми же изображениями Нерона и его матери (55—56 гг.), ибо уже в следующем году на Боспоре убедились во все усиливающейся враждебности между императором и «лучшей из матерей» и снова заменили ее портрет изображением обожеcтвленного Клавдия (табл. I, 6—7). Поскольку и в дальнейшем, особенно после убийства Агриппины (в марте 59 г.), посмертно обвиненной в покушении на жизнь сына, ее изображение не могло появиться на боспорских монетах, вторую серию ассов нельзя отнести ко времени позже 352 г. босп. э. Наконец, ассы с легендой ΠΟΠΠΗΑC CΕΒΑCΤΗC нельзя считать выпущенными прежде начала 63 г., когда Пoppен получила в связи с рождением дочери титул Августы, и позже ее смерти (в 65 г.) и нового брака императора². На основании сказанного и сравнения со следующей серией следует считать, что ассы, составляющие третью серию монет Котия I, выпущены в первые месяцы 63 г.

Четвертая серия

10. Л.: ΝΕΡΩΝΟC ΚΛΑΥΔΙΟΥ ΚΑΙCΑΡΟC CΕΒΑCΤΟΥ; голова Нерона в лавровом венке вправо. Об. ΜΗ, т. е. 48, в дубовом венке. Табл. II, 26; Бур., ОКМ, XXVII, 114.
11. Л.: ΝΕΡΩΝΟC ΚΑΙCΑΡΟC; то же. Об.: Ника с венком и ветвью с руках, влево; по сторонам ΚΔ, т. е. 24. Табл. II, 27; Бур., ОКМ, XXVII, 115.

Эти монеты, правильно определенные А. Н. Зографом как сестерций и дупондий и объединенные им в одну группу с золотом 62—63 г. (359 г. босп. э.) (табл. I, 14), отличаются отсутствием царской монограммы, единством стиля в изображении императора, повышением веса (сред. веса 13,37 и 10,43 г, наибольш. 15,52 и 12,80 г) и введением новых номиналов, связанным с падением стоимости меди прежнего чекана³,

¹ В золотых монетах 45—46 гг. (342 г. босп. э.) следует видеть не начало регулярного чекана монеты, а выпуск, отмечающий начало царствования. Вообще золотые монеты на Боспоре выпускали регулярно, но медь «не чеканили равномерно и непрерывно; проходили времена, иногда очень большие, года, когда ничего не чеканили; затем, приступив, сразу начеканивали сколько было надобно, многими штампами» (А. Л. Бертье-Делагард, Дифференцы на боспорских царских монетах, НС, т. I, 1911, стр. 308); ср. Зограф, АМ, стр. 201 сл.

² Та с., Ann., XV, 23 и XVI, 6; Suet., Nero, 35; Dio, LXII, 12. Ср. Stein, RE, т. III, стб. 2887.

³ Зограф, АМ, стр. 199 сл.

и свидетельствуют о вмешательстве Нерона в монетное дело Боспора. Но это вмешательство не носило систематического характера и было кратковременным эпизодом. Вопреки заключению А. Н. Зографа, его нельзя отнести к 62 г.¹, потому что монеты Понпей не могли быть выбиты прежде начала 63 г., а монеты четвертой серии выпущены, бесспорно, уже после них. С другой стороны, как эти монеты, так и золотые с монограммой Нерона 359 г. босп. э. очень немногочисленны, а в последующие годы до самой смерти Нерона на Боспоре не выпускали ни золота, ни меди². Отсюда можно заключить, что монетные мероприятия Нерона имели на Боспоре гораздо более скромный характер, чем это принято считать, и приходится на лето 63 г. (последние месяцы 359 г. босп. э.). Это вполне согласуется с тем, что превращение Понта в римскую провинцию, тесно связанное со всей политикой Рима в Причерноморье, также относится к 63 г. (Suet., Nero, 18; Flav. Ios., VI, II, 16, 4). Вместе с тем, вопреки утверждениям М. И. Ростовцева, из замены на золотых монетах 359 г. монограммы боспорского царя монограммой Нерона и выпуска меди вовсе без всяких монограмм нельзя делать вывод о смещении Котия и обращении Боспора в провинцию³. Напротив, тот факт, что император не решился нарушить местные традиции монетного чекана и поместить на золотых монетах свое полное имя, а также то, что находящийся на них портрет Нерона весьма далек от сходства с изображениями на римских монетах и на боспорских сестерциях и дупондиях, свидетельствуют скорее о том, что Боспор и в этот момент рассматривался не как составная часть империи, но как самостоятельное политическое целое, и доказывают, что чеканка монет — во всяком случае золота — находилась в руках местных властей. В дальнейшем, когда после временного оживления завоевательной политики Нерона на Востоке (присоединение Понта, попытки захвата Армении, поход Плавтия Сильвана) наступает период оборонительных мероприятий, уже ясно обнаруживается полная эфемерность агрессивных планов Рима по отношению к Боспору⁴.

Возвращаясь к монетам с изображением храма и монограммой Котия (табл. II, 28; ср. Бур., ОКМ, XXIX, 177), следует отметить, что их выпуск может относиться лишь ко времени, следующему за выпуском меди четвертой серии: условия монетного чекана были во все эти годы на Боспоре такими, что местные власти не могли бы самостоятельно ввести новый номинал, вдвое превышающий наибольший из существовавших прежде⁵. По весу (средн. вес 7,45 г, наибольш. 10,65) монеты с храмом заполняют слишком продолжительный и резко обозначенный разрыв между дупондиями Нерона (средн. вес 10,43 г, наибольш. 12,80) и Рескупорида II (средн. вес 6,35 г, наибольш. 8,48), но остается непонятным выбор типа лицевой стороны. Действительно, невозможно представить, чтобы в правление Нерона его портрет мог быть заменен изображением храма, будь это даже и римский Капитолий (не встречающийся, между прочим, на монетах этого императора). Такое явление могло произойти только тогда, когда трон Нерона поколебался и стал замечаться по произволу легионов.

В самом деле, уже с первых дней 68 г. политическое равновесие империи было нарушено. В начале года от Рима отложился в Галлии Виндск, собравший вскоре под своими знаменами до ста тысяч бойцов, в первых числах апреля испанские легионы

¹ Там же, стр. 198 сл.; ср. ВДИ, 1938, № 2, стр. 288.

² Орешников, ук. соч., стр. 90; ср. Зограф, АМ, стр. 199.

³ М. И. Ростовцев, Новые латинские надписи, ИАК, вып. 33 (1909), стр. 9; он же, Военная оккупация Ольвии, ИАК, вып. 58 (1915), стр. 1—6. Ср. также W. Schur, Die Orientpolitik des Kaisers Nero, Lpz., 1923, стр. 87 сл.; Мипнс, ук. соч., стр. 599; «The Cambridge Ancient History», т. X, 1934, стр. 775 сл. Иначе решает вопрос Н. Дессау, Geschichte der Römischen Kaiserzeit, т. II, ч. 2, В., 1930, стр. 620, прим. 1.

⁴ См. О. В. Кудрявцев, Рим, Армения и Парфия..., ВДИ, 1949, № 3, стр. 61 сл.; В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 332 и др.

⁵ Зограф, АМ, стр. 191 сл.; ср. Бертъе Деллагард, ЗООИД, т. XXIX, стр. 161—210.

провозгласили императором своего полководца Гальбу, а Вергиний Руф, одержавший в мае победу над Виндексом, объявил, что он готов признать Гальбу, если за последнего выскажется сенат¹. Антиримское движение в Галлии разгорелось вскоре после слова (Тас., Hist., II, 61), а силы Гальбы увеличивались, так как на его сторону перешли правители других испанских провинций. В Италии в это время распространялись тревожные слухи об измене Вергиния и о готовящемся бегстве Нерона в Александрию. Гибель императора оказалась решенной, когда преторианцы перешли на сторону Гальбы; оставленный всеми, Нерон бежит из Рима, и, как известно, находит выход в самоубийстве (8 или 9 июня). Однако и Гальба, удерживавший власть до 15 января 69 г., чувствовал себя крайне неуверенно: не говоря уже о появлении таких соперников, как Нимфидий Сабин, Клодий Макр и Фесптей Капитон, уже вскоре «...вслед за его восшествием на трон возмутились рейнские легионы под начальством Вителлия, между тем как в других провинциях военные бунты готовились другими полководцами. В самом Риме возмутились преторианцы, убили Гальбу и провозгласили императором Отона»². Но и при Отоне (до 17 апреля 69 г.) положение государства оставалось столь же шатким — даже в Риме, по выразительному свидетельству Тацита, «не знали за кого придется молиться богам — за Отона или за Вителлия» (Тас., Hist., I, 50), а на окраинах империи часто вообще не имели представления, кто является в данный момент фактическим правителем. События быстро сменялись: поход вителлианцев в Италию и гибель Отона, провозглашение Веспасиана и новая гражданская война, восстание Цивилиса быстро следовали одно за другим, «...везде появлялись новые претенденты на трон, готовившиеся идти со своими легионами на столицу. Империя, казалось, была отдана во власть внутренней войны, приближалось, казалось, ее падение»³.

Эти события не могли не привести к падению внешнего авторитета Рима — «среди провинций, городов и некоторых подвластных царств происходили довольно значительные волнения» (Suet., Vesp., 8). На Западе Цивилис открыто провозгласил образование Галльской империи (Тас., Hist., IV, 54 сл.; V, 14 сл.), среди германских и британских племен также назревали антиримские настроения (Тас., Hist., I, 57, 59; III, 45), в Африке мавры провозгласили своим царем прокуратора Лукция Альбина (Тас., Hist., II, 58). На Востоке все еще продолжалась война в Иудее, на дунайской границе роксоланы, даки и сарматы совершают на протяжении 68—69 гг. ряд нападений на римскую территорию, (Тас. Hist., I, 79; III, 46), в Понте осенью 69 г. отпущенник Аникет делает попытку захватить власть (Тас. Hist., III, 47—48). И, наконец, на Востоке распространяется слух, что Нерон не умер.

К сожалению, мы не располагаем данными о Боспоре в эти тревожные годы. Вполне естественно, однако, предполагать, что и здешние властители должны были так или иначе использовать ослабление римского могущества, и вполне вероятно, что следы этого могут быть отысканы среди памятников монетного дела. Действительно, вопрос о восстановлении права свободного чекана монеты с царским именем и изображением был одним из существенных звеньев в системе римско-боспорских отношений I в., н. э., и местные цари последовательно и настойчиво использовали каждую возможность в этом отношении⁴. С другой стороны, как раз в первые месяцы после смерти Нерона, когда наблюдается известный подъем республиканских настроений среди части римской senatorской знати, имеет место первый и единственный с момента установления империи случай выпуска в Испании, Галлии, Германии, Африке и даже в самом Риме ауреусов и денариев без изображения императора, но с буквами SPQR и в ряде

¹ Тас., Hist., I, 1 сл.; Дио, LXIII, 22 сл.; Сует., Неро, 40 сл.; Galba, 9 сл.; Плут., Galba, 4 сл.

² Ф. Энгельс, К истории раннего христианства, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 426.

³ Там же, стр. 427 сл.

⁴ Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 318, 326 и 329—333. См. также Бертье-Делагард, ЗООИД, т. XXIX, стр. 154 сл.; А. В. Орешников, К нумизматике преемников Аспурга, ИРАИМК, т. I (1921), стр. 1 сл.

случаев с многозначительной легендой LIBERTAS RESTITVTA¹. Правда, Котий, слишком тесно связанный с Римом и обязанный римскому вмешательству своим утверждением на престоле, не решился последовать такому примеру и совершенно разорвать связь с империей, вернувшись к выпуску монет типа Митрадата II или еще более раннего времени. Нового золота выпущено не было, а потребность в денежных знаках, не удовлетворенная весьма ограниченным нероновским выпуском 63 г., заставила отчеканить довольно обильную серию меди. При этом был изменен и тип монет: вместо императорского портрета на них появилось изображение главного и древнейшего святилища Рима, храма Юпитера Капитолийского. Выбор такого изображения можно объяснить тем, что Гальба, первоначально отказавшийся от императорского титула и называвший себя только легатом римского сената и народа (Suet., Galba, 10; Plut., Galba, 5), в папирах под своими статуями всегда подчеркивал, что он происходит от Кв. Лутация Катуллы (Suet., Galba, 2), известного вождя оптиматов времени Суллы и Цезаря, главной заслугой которого считалось завершение и освящение Капитолийского храма, разрушенного во время гражданских войн при Сулле². Вместе с тем такой тип монет представлял в 68—69 гг. при калейдоскопической смене императоров и повсеместно выдвигавшихся претендентах значительные и очевидные преимущества. О том, наконец, что именно Капитолий рассматривался в это время в Риме в качестве одного из возможных монетных типов, убедительно свидетельствуют денарии с легендой I. O. MAX. CAPITOLINVS и с изображением сидящего в Капитолийском храме Юпитера, выбитые германскими легионами, а также редчайшие медные монеты с изображением Капитолия, выпущенные сенатом при Отопе³.

Все сказанное подводит, таким образом, к заключению, что появление серии боспорских дупондиев с изображением храма относится к 68 г. н. э. Судя по монограмме, в этот момент царем Боспора был еще Котий, но уже очень скоро, во всяком случае до окончания гражданской войны в Риме, он умер, и на монетах, сохраняющих тот же облик, появляются монограммы иных начертаний (табл. II, 28—29; ср. Бур., ОЖМ, XXIX, 201 сл.). Как известно, чтение этих последних монограмм как сокращения слов βασιλέως Εὐπάτορος и было главной причиной, заставлявшей относить монеты к Евпатору и Котию II. В самом деле, поскольку среди боспорских царских имен первых веков н. э. нет другого имени (кроме сказочного Евбиота), начинающегося с ΕΥ..., а чтение этих букв в обеих монограммах не подлежит сомнению, такое предположение являлось наиболее удовлетворительным. Тем не менее, это чтение не объясняет всех деталей монограмм, и беспристрастное изучение открывает в третьей из них (табл. II, 30) сокращение по крайней мере трех букв имени: вертикальная черта между E и Y составляет, примыкая к последней букве, N и, если оставить в стороне предложенное Подшиваловым чтение самой этой черты как I, перед нами начало имени Εὐν... (или Εὐνι...). Обращаясь ко второй монограмме (табл. II, 29), мы снова находим ту же букву N, стоящую над монограммой и не всегда вплотную примыкающую к верхней горизонтальной черте, причем нет никакого основания связывать эту букву не с монограммой, а со знаками ценности, читая, вместе с Кене, νομίσμα ΚΔ. Вместе с тем,

¹ См. T. Mommsen, *Histoire de la monnaie Romaine*, т. III, Р., 1873, стр. 10, где указаны издания этих монет и литература о них; о республиканских настроениях в Риме см. E. M. Штаерман, *Кризис 68—69 гг.*, ВДИ, 1951, № 3, стр. 165—169.

² Cic., *Verr.*, IV, 69; Tac., *Hist.*, III, 72; Plut., *Popl.*, 15.

³ H. Mattingly, *Coins of the Roman Empire in the British Museum*, т. I, L., 1923, стр. 307, №№ 70—71, табл. 50, 22. Такие же монеты были выбиты и при Вителлии, см. табл. 62, 6; ср. В. Шугаевский, *Медальонообразный сестерций Отона*, НС, т. III, 1915, стр. 199 сл., рис. на стр. 203. Следует отметить, что монеты с изображением Капитолия (или храма Августа?) были выпущены из числа подвластных Риму царей также и Юбой II (ум. 23 г. н. э.), см., например, «*The Cambridge Ancient History*», Vol. of plates, IV, 1934, стр. 202a.

следующий за N кружок является, быть может, вовсе не буквой, а венчающим все царские монограммы Боспора элементом (скорее всего, деградированной и утраченной свой смысл омегой)¹, Таким образом, и в этой монограмме имя начинается с букв Εὐν...

Все эти рассуждения находят себе подтверждение в данных эпиграфики. В 1910 г. В. В. Латышевым была издана надпись из Анапы (др. Горгииппии), которую, ввиду важности вопроса, позволяем себе повторить: [τὸν ἐκ προγόνων βασιλέων βασιλέα μέγαν] Τιβέριον Ἰούλιον Ῥησ[κούποριν, βασιλέως Κότυ]ος καὶ βασιλίσσης Εὐν[είκης? υἱόν, φιλοκαίσα]ρα καὶ φιλωρώμαιον, εἰσεβῆ, ἀρχιερέα τῶν Σε]βαστῶν διὰ βίου καὶ εἰσεργέτην τῆς πατρίδος] ὁ δῆμος Γοργιππέω[v.....]ρον τὸν ἴδιον εἰσεργέτην.....]². Восстановление утраченной части первых строк не вызывает сомнений; Латышев считал возможным дополнить соответствующим образом и другую надпись Котия (IOSPE, т. II, 355). Отсюда видно, что жена Котия I и мать Рескупорида II носила имя, начинавшаяся с тех же букв Εὐν..., что и монограммы второго и третьего вида. Называлась ли она точно Евникой, как предположил Латышев, сказать с уверенностью нельзя, но беспримерное в боспорских надписях упоминание Рескупоридом II своей матери, и притом с царским титулом, дает основание считать ее лицом, реально властвовавшим на Боспоре и имевшим, подобно Динамии и Гепепирии, право чеканить монету. Правда, пребывание царицы Евни(ики) у власти было недолговременным, так как от 68—69 г. (365 г. босп. э.) имеется золотая монета с монограммой Рескупорида II³. Таким образом, представляется вероятным, что Котий, начавший летом 68 г. чекан монет с изображением Капитолия, умер вскоре вслед за Нероном, оставив сына, который и наследовал ему после краткого правления своей матери в июле, августе или сентябре 69 г. н. э.⁴

Итак, номинал и вес монет с изображением Капитолия, их тип, выставленные на них монограммы, — все ведет ко второй половине I в. н. э. и позволяет отнести их появление к моменту гражданской войны в Римской империи в 68—69 гг. Помещая всю эту серию между монетами с изображением Нерона, с одной стороны, и медным чеканом Рескупорида II, — с другой, легко объяснить и чрезвычайно сильную изношенность большинства сохранившихся экземпляров, правильно отмеченную Л. П. Харко⁵, так как до конца правления Тита Рескупорид не чеканил

¹ Ср. ряд царских монограмм хотя бы по таблицам Бурачкова, ОКМ, XXIV, 11 слл; XXVI, 72 слл; XXVIII, 132. Монограммы на изучаемых монетах (Бур., ОКМ, XXIХ, 201 сл.) могут относиться к одному лицу; ср. разнообразные начертания монограмм на монетах Аспурга, ЗООИД, т. XXIХ, табл. II, 23—29, III, 48, 64; IV, 65—67. Перенесение буквы на верх монограммы находит аналогию на золоте 334—335 гг. босп. э. (там же, табл. IV, 68—69).

² В. В. Л а т ы ш е в, Эпиграфические новости, ИАК, вып. 37, 1910, стр. 71 слл. Перевод: «Происходящего от царственных предков, великого царя Тиберия Юлия Рескупорида, сына царя Котия и царицы Евни(ики?), друга Кесарей и друга римлян, благочестивого, пожизненного первосвященника Августов и благодетеля отечества, народ горгииппийцев... собственного благодетеля...».

³ ЗООИД, т. XXIХ, табл. IV, 84 (ср. ЗРАО, т. V, 1892, табл. VI, 69). Монограмма на этой уникальной монете не вполне ясна (ср. Бур., XXVII, 104), ввиду чего Кене и Заллет относили ее к Котию I, а Бурачков и Орешников колебались между Котием и Рескупоридом. Однако, насколько можно судить по фотографиям, правы Гиль и Бертъе-Делагард, отождествляющие ее с монограммой Рескупорида II на золотых монетах 369—370 и 374 гг. босп. э.

⁴ Ввиду того что на монете 365 г. босп. э., который окончился на исходе сентября 69 г., изображен Веспасиан, провозглашенный императором 1 июля, естественно относить воцарение Рескупорида II к лету 69 г., а не 68, как это мы находим у Зографа (АМ, стр. 200).

⁵ Харко, ук. соч., ВДИ, 1950, № 1, стр. 197.

повидимому, никакой меди. Гораздо вероятнее признать, что эти монеты, не имеющие «ни своих типологических предшественников, ни дальнейшего развития»¹, относятся к тому времени, когда на Боспоре еще не выработались определенные типы медных монет, чем предполагать появление столь необычного типа тогда, когда уже существовали прочно установившиеся и всегда обязательно включающие царский портрет типы меди. Что же касается храма, изображенного на их лицевой стороне, то в нем затруднительно видеть местное святилище Юпитера Капитолийского, о существовании которого на Боспоре нет вообще никаких сведений. А храм в честь обожествленных императоров, существование которого необходимо допустить ввиду того, что Котий именуется, как и его преемники, ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου (IOSPE, II, 32), назывался на Боспоре, как и в других местах, Καισάρειον, а не Καπετώλιον². Относительно же того, что храм на монетах имеет пять, а не шесть колонн, как следовало бы ожидать от римского Капитолия, можно только предположить, что боспорский монетный мастер, никогда не видевший римской святыни³, изобразил, снабдив его пояснительной надписью, в качестве Капитолия лучший и наиболее почитаемый из местных храмов, а таковым, несомненно, было святилище Афродиты-Апатуры в Фанагории, которое имело фасад с пятью колоннами, как это убедительно показал на основании рельефа из Пантикапея Л. П. Харко (ук. соч., стр. 200—205).

ПОЯСНЕНИЯ К ТАБЛИЦАМ

ТАБЛИЦА I

ЗОЛОТЫЕ МОНЕТЫ КОТИЯ I

а) С изображениями Клавдия и Британника

1. Монета 342 г. босп. э. (45—46 гг. н. э.). Лондон. Вес 7,85 г. Ср. Бурачков, ОКМ, стр. 249, рис. в тексте; ВМС, табл. XI, 9; Бертье, ОМВБ, табл. IV, 72.
2. Обратная сторона монеты 345 г. босп. э. (48—49 г.). Берлин. Вес 7,82 г. Ср. Бурачков, ОКМ, табл. XXVI, 95; Орешников, КУ, табл. III, 554; Бертье, ОМВБ, табл. IV, 73.
3. Обратная сторона монеты 346 г. босп. э. (49—50 г.). Эрмитаж. Вес 7,91 г. Ср. Бертье, ОМВБ, табл. IV, 74.

б) С изображениями Клавдия и Нерона

4. Обратная сторона монеты 349 г. босп. э. (52—53 г.). Лондон. Вес 7,88 г. Ср. Бурачков, ОКМ, табл. XXVI, 96; ВМС, табл. XI, 10; Бертье, ОМВБ, табл. IV, 75.
5. Обратная сторона монеты 350 г. босп. э. (53—54 г.). Берлин. Вес 7,89 г. Ср. Бертье, ОМВБ, табл. IV, 76. Лицевые стороны монет 2—5 отличаются от I только штампами.

¹ Там же, стр. 199.

² IOSPE, II, 362; ср. В. В. Латышев, Дополнения и поправки к надписям, изданным в сборнике IOSPE, ИАК, вып. 10 (1904), стр. 94 сл.

³ Монеты с Капитолием, намеченные к выпуску при Отоне (В. Шугаевский ук. соч., стр. 205 сл.), вряд ли имели время проникнуть на Боспор, а общеизвестные монеты Флавиев с этим типом биты в 71 и следующих годах. Ср. H. Cohen, Description historique des monnaies frappées sous l'empire Romain, т. I, изд. 2, P., 1890: Веспасиан — №№ 486—493; Тит — №№ 242—245; Домициан — №№ 172—175 и 533—534. Ср. Mattingly, ук. соч., т. II, 1930, табл. 23, 14; 25, 10; 29, 5—6; 41, 4; 42, 8; 67, 4—9.

Таблица I

Таблица II

в) С изображениями Агриппины и Нерона

6. Монета 352 г. босп. э. (55—56 г.). Мюнхен. Вес 7,92 г. Ср. Бурачков, ОКМ, табл. XXVI, 98.
7. Обратная сторона другого варианта монеты того же года, с той же лицевой стороной. Эрмитаж. Вес 7,88 г. Ср. Бурачков, ОКМ, табл. XXVI, 97; Бертье, ОМВБ, табл. IV, 77; Зограф, АМ, табл. XLVI, 8.

г) С изображениями Клавдия и Нерона

- 8—10. Монета 354 г. босп. э. (57—58 г.). Лондон. Вес 7,89 г. Ср. Бурачков, ОКМ, табл. XXVI, 99; ВМС, табл. XI, 11; Бертье, ОМВБ, табл. IV, 79.
9. Обратная сторона монеты 353 г. босп. э. (56—57 г.). Эрмитаж. Вес 7,94 г. Ср. Бертье, ОМВБ, табл. IV, 78 (лицевая сторона та же, что у предыдущей монеты).
11. Монета 355 г. босп. э. (58—59 г.). Лондон. Вес 7,91 г. Ср. Бурачков, ОКМ, табл. XXVI, 100; ВМС, табл. XI, 12; Бертье, ОМВБ, табл. IV, 80.
12. Обратная сторона монеты 356 г. босп. э. (59—60 г.). Эрмитаж. Вес 7,86 г. Ср. Бурачков, ОКМ, табл. XXVI, 101; Бертье, ОМВБ, табл. IV, 81; Гайдукевич, Боспорское царство, табл. IV, 68.
13. Обратная сторона монеты 357 г. босп. э. (60—61 г.). Париж. Вес 7,92 г. Ср. Бурачков, ОКМ, табл. XXVII, 102; Орешников, КУ, табл. III, 560; Бертье, ОМВБ, табл. IV, 82. Лицевые стороны монет 12 и 13 отличаются от 11 только штампами.
14. Монета 359 г. босп. э. (62—63 г.) с монограммой Нерона. Эрмитаж. Вес 7,96 г. Ср. Бурачков, ОКМ, табл. XXVII, 103; Бертье, ОМВБ, табл. IV, 83; Зограф, АМ, табл. XLVI, 13.

*МЕДНЫЕ МОНЕТЫ КОТИЯ I**(Первая серия, ок. 49—50 гг.)*

15. С изображениями Британника и царя Котия (октонуммион). Эрмитаж. Ср. Бурачков, ОКМ, табл. XXVII, 105; СВМ, табл. XI, 13; Бертье, ОМВБ, табл. II, 34; Зограф, АМ, табл. XLVI, 11.
16. С изображениями царей Рескупорида I и Котия (семис). Эрмитаж. Ср. Бурачков, ОКМ, табл. XXVII, 106; Бертье, ОМВБ, табл. II, 30; Зограф, АМ, табл. XLVI, 12 (см. портрет царя Рескупорида I на его монетах, напр., Зограф, АМ, табл. XLV, 16—17).
17. С изображениями матери Котия и Афродиты-Апатуры (триене). Б. собрание А. Л. Бертье-Делагарда. Ср. Бурачков, ОКМ, табл. XXVII, 113; Бертье, ОМВБ, табл. II, 31 (см. изображение богини на монетах Гелепирии, напр., Зограф, АМ, XLVI, 7).

*ТАБЛИЦА II**МЕДНЫЕ МОНЕТЫ КОТИЯ I**а) С изображениями Клавдия и Агриппины**(ассы первой серии, ок. 49—50 гг.)*

- 18 и 20. С надписями TI. KAAVΔIOY KAICAPOC на лицевой и IOYΛIAN AΓPIPPINAN KAICAPOC на оборотной стороне. Лондон. Ср. Кене, МК, т. II, табл. XII, 41; ВМС, табл. XI, 14.
19. Обратная сторона другого варианта асса с теми же надписями. Б. собрание А. М. Подшивалова. Ср. Бурачков, ОКМ, табл. XXVII, 107; Podschivalow, ук. соч., табл. III, 55.

21. Обратная сторона подобного асса с надписью IOYAIAN AΓPΠIHNAN CEBACTHN. ГМИИ. Ср. Бурачков, ОКМ, табл. XXVII, 109; Гайдукевич, Боспорское царство, табл. IV, 69.
Лицевые стороны монет 19 и 21 отличаются от 18 только штампами.
- 22¹. Вариант монеты с теми же надписями, отличающийся лишь размерами изображения. Эрмитаж. Ср. Бурачков, ОКМ, табл. XXVII, 108; Зограф, АМ, табл. XLVI, 9.
- 22¹. Лицевая сторона с надписью TI. KΛAYΔIOY CEBACTOY KAICAPOC (оборотная сторона аналогична 21). ГИМ. Ср. Minns, ук. соч., табл. VII, 19; W. Fröhner, Catalogue de médailles du Bosphore Cimmérien, formant la collection de J. Lemmé, P., 1872, стр. 33, № 217, б. рис.

б) С изображениями Нерона и Агриппины

(ассы второй серии, ок. 55 г.)

24. С надписями NEPΩNOC KΛAYΔIOY CEBACTOY KAICAPOC на лицевой и AΓPΠIHNHC CEBACTHC на оборотной стороне. Эрмитаж. Ср. Кене, ук. соч., табл. XII, 42; Зограф, АМ, табл. XLVI, 10.

в) С изображениями Нерона и Понпеи

(ассы третьей серии, начала 63 г.)

25. С той же надписью на лицевой и надписью ΠOΠHNIAC CEBACTHC на оборотной стороне. Лондон. Ср. Бурачков, ОКМ, табл. XXVII, 111; СВМ, табл. XII, 1.

г) С изображением одного Нерона

(четвертая серия, лето 63 г.)

26. С надписью NEPΩNOC KΛAYΔIOY KAICAPOC CEBACTOY на лицевой и изображением дубового венка на оборотной стороне (сестерций). Эрмитаж. Ср. Бурачков, ОКМ, табл. XXVII, 114; Зограф, АМ, табл. XLVI, 14.
27. С надписью NEPΩNOC KAICAPOC на лицевой и изображением Ники на оборотной стороне (дупондий). ГМИИ. Ср. Бурачков, ОКМ, табл. XXVII, 115; Гайдукевич, Боспорское царство, табл. IV, 70; Зограф, АМ, табл. XLVI, 15.

*МЕДНЫЕ МОНЕТЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ХРАМА
ЮПИТЕРА КАПИТОЛИЙСКОГО*

(дупондиш; 68—69 гг.)

28. С монограммой Котия на обороте. ГИМ. Ср. Бурачков, ОКМ, табл. XXIX, 117; СВМ, табл. XIV, 9; Гайдукевич, Боспорское царство, табл. V, 78; Зограф, АМ, табл. XLVII, 17.
29. Обратная сторона подобной монеты с монограммой Евн(ики?). ГМИИ. Ср. Бурачков, ОКМ, табл. XXIX, 201; СВМ, табл. XV, 10; Гайдукевич, Боспорское царство, табл. VI, 83; Зограф, АМ, табл. XLVIII, 4.
30. Обратная сторона с вариантом той же монограммы. Б. собрание А. М. Подшивалова. Бурачков, ОКМ, табл. XXIX, 202; Podschivalow, ук. соч., табл. I, 25.
Лицевые стороны монет 29 и 30 отличаются от 28 только штампами.

П. О. Карышковский

¹ При воспроизведении таблицы вкралась техническая ошибка: цифра 22 относится к первым двум изображениям во втором ряду сверху, цифра 23 — к третьему. — *Ред.*

К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ КУРСА «ОСНОВЫ АРХЕОЛОГИИ»

Советская археологическая наука за 35 лет своего существования добилась значительных успехов. Опираясь на прочную базу марксистско-ленинской методологии, наши археологи создали совершенно новую методику раскопок большими площадями, позволяющую с наибольшей научной полнотой восстановить картину хозяйственной и общественной жизни наших далеких предков. Благодаря работе археологов открылись совершенно неизвестные ранее страницы древнейшей истории народов и племен, населявших территорию нашей страны. Большую роль сыграла археология в разоблачении норманистской, готской и других антинаучных теорий. Археология давно уже переросла рамки вспомогательной источниковедческой дисциплины и превратилась в самостоятельную отрасль советской исторической науки.

Разоблачение немарксистской, вульгаризаторской «теории» Марра, нанесшей значительный ущерб развитию советской археологии, открыло неисчерпаемые возможности для движения вперед археологической науки. Преодолевая теоретическое отставание, археологи с каждым годом делают все новые и новые открытия, расширяющие наши представления о жизни наших далеких предков. Естественно поэтому, что молодежь, получающая историческое образование в вузах, должна глубоко овладеть основами археологии.

В печати уже поднимались вопросы, связанные с постановкой преподавания археологии специалистам-археологам и преподавания общего курса «Основы археологии» на исторических факультетах Московского и Ленинградского университетов¹. В настоящей статье мне хотелось бы обратить внимание лишь на некоторые вопросы, возникшие в связи с чтением в течение ряда лет общего курса археологии в Воронежском университете, а также факультативного курса в Саратовском и Воронежском пединститутах.

Курс «Основы археологии», как и другие курсы нашей высшей школы, призван воспитывать студентов в духе марксистско-ленинского понимания исторического процесса, в духе непримиримой борьбы со всякими проявлениями буржуазной идеологии. Идеино-теоретическое содержание курса и его политическая направленность должны находиться в центре внимания при составлении учебников, программ, чтении лекций. Однако нельзя сказать, что в этом отношении все обстоит благополучно. Единственный учебник по археологии, автором которого является один из наших крупнейших археологов — А. В. Арциховский², страдает серьезными недостатками именно с точки зрения его идеино-теоретического содержания. На это уже указывалось как самим автором, так и его рецензентами³. Действующая ныне программа по курсу «Основы археологии»⁴, несмотря на известный шаг вперед по сравнению с программой 1948 г., все же страдает еще существенными недостатками.

Программа лишь в общих чертах ориентирует лектора и студентов на необходимость критики реакционных концепций буржуазных археологов. Не акцентируется внимание на разоблачении расистских и других бредней буржуазной человеконенавистнической социологии. Отсутствует указание на необходимость критики немарксистских вульгарно-социологических взглядов Марра, преодоление которых

¹ А. В. Арциховский, Преподавание археологии, КСИИМК, вып. XXIX (1949); В. И. Равдоникас, Археология в Ленинградском университете, УЗ ЛГУ, СИН, вып. 13 (1949).

² А. В. Арциховский, Введение в археологию, изд. 3-е, М., 1947.

³ А. В. Арциховский, Преподавание археологии, стр. 27; А. Л. Монгайт и Г. Б. Федоров, «А. В. Арциховский, Введение в археологию, изд. 3-е», КСИИМК, вып. XXVIII (1949).

⁴ Программа курса «Основы археологии» (для исторических факультетов государственных университетов), Изд-во Московского университета, 1952.

является, как известно, одним из условий успешного развития археологической науки. При этом в первую очередь необходимо подвергнуть резкой критике пресловутую теорию стадильности, о которой И. В. Сталин сказал, что «...трудно найти что-либо марксистское в этой теории»¹, и которая нанесла огромный вред археологии. В настоящее время нельзя излагать такие проблемы, как, например, проблемы происхождения славян, развития скифского общества и другие, без предварительной критики той путаницы, которая внесена в их решение марровской теорией стадильности.

Нет в программе специального историографического введения, в котором можно было бы с наибольшей политической остротой противопоставить методологию и методику советской археологии буржуазному вещеведению. На фоне развития археологии в царской России особенно будут ясны огромные достижения советской археологической науки. Студенты должны знать имена и труды выдающихся советских археологов, о которых в программе почему-то не упоминается. В историографическом введении следует познакомить студентов также с прогрессивными направлениями в зарубежной археологии, особенно в Китае, в странах народной демократии, противопоставив их тому тупику, в который зашла реакционная буржуазная археология, превратившаяся в служанку империалистических кругов.

Археологическая наука является одним из важных участков идеологического фронта, где необходимо вести непримиримую борьбу с космополитизмом, национализмом и любыми другими проявлениями буржуазной идеологии. Отставание чистоты идей марксизма-ленинизма — первейшая обязанность советских археологов.

А. В. Арциховский уже ставил вопрос о необходимости включения в курс археологии не только описания материалов, но и тех выводов, к которым приходят исследователи на основании их анализа². Это положение должно лечь в основу построения всего курса. Глубина курса и его теоретический уровень зависят именно от того, насколько удастся лектору на основании анализа конкретного археологического материала дать исторические обобщения и познакомить студентов с теми проблемами древнейшей истории нашей Родины, для решения которых привлекаются данные археологии. Преодоление разрыва между конкретными фактами и их теоретическим обобщением является одной из насущнейших задач советской исторической науки, в том числе и археологии.

Программа 1952 г. и в этом отношении является шагом вперед. Здесь поставлен ряд теоретических вопросов, как, например, происхождение отдельных народов, возникновение классового общества и государства, критика норманистской и готской теорий и др. Однако круг их следует значительно расширить. Постановка и разрешение теоретических проблем должны красной нитью пройти через весь курс. Здесь я лишь перечислю некоторые проблемы, не нашедшие отражения в программе, хотя они более или менее успешно решаются нашей наукой. Сюда относятся: происхождение славян³, складывание феодальных отношений на Руси, отделение ремесла от сельского хозяйства и происхождение древне-русских городов, взаимоотношения славян с хазарами и разоблачение мифа о могуществе хазарской державы, выделение собственно скифской территории и взаимоотношения скифов и их соседей с греческими поселениями в Причерноморье, происхождение различных культур эпохи бронзы, особенности отдель-

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 27.

² А. В. Арциховский, Преподавание археологии, стр. 27.

³ Совершенно непонятно, почему эта важнейшая проблема выпала из программы 1952 г., утвержденной Министерством высшего образования СССР, в то время как в проекте программы 1950 г. на ней было акцентировано внимание. Хотя под влиянием «теории» Марра эта проблема страшно запутана и положительное ее решение в сущности только намечается, но все же нельзя на этом основании обходить ее молчанием в вузовском курсе.

ных культур эпохи неолита и выделение племенных образований этого времени, и другие. Ни одна теоретическая проблема, разрабатываемая советскими археологами, не должна быть забыта в курсе «Основы археологии»¹.

В связи с необходимостью повысить теоретический уровень курса археологии возникает вопрос, когда целесообразнее его читать. В настоящее время он читается в первом семестре 1-го курса. Тем самым лектор поставлен в весьма затруднительное положение, так как любой раздел археологии, от палеолита до средневековья, требует более глубоких знаний истории, чем те, которые получили учащиеся в средней школе. Поэтому, если лектор не хочет снижать теоретического уровня курса, он должен делать постоянные экскурсии то в историю первобытного общества, то в историю СССР, что приводит к ненужному дублированию и непредусмотренной программой затрате времени. Несоответствие между общей исторической подготовкой студентов и программой курса «Основы археологии» можно легко устранить, если читать этот курс не в первом, а в четвертом семестре, когда студенты изучили уже основные исторические дисциплины. Это дает возможность значительно повысить теоретический уровень курса археологии и глубже раскрыть основные проблемы исторической науки.

Очень важен вопрос об объеме курса археологии. В существующей программе курс совершенно правильно доводится до образования русского централизованного феодального государства. Это даст возможность осветить хотя бы в общих чертах историю материальной культуры не только раннего, но и среднего средневековья, что почти совершенно не делается в курсе истории СССР.

Сложнее другой вопрос: следует ли вводить в наш курс сведения об археологических памятниках зарубежных стран? В учебнике А. В. Арциховского и в программах 1948 г. и предшествующих лет такие сведения имеются. В программу 1952 г. включены лишь данные об археологии нашей страны. С одной стороны, такое сокращение курса дает возможность более детально изучить археологические памятники СССР, что безусловно является одной из главных целей общего курса археологии. Но с другой стороны, оно обедняет курс и лишает лектора возможности наглядно продемонстрировать общие закономерности исторического процесса и конкретно показать то место, которое народы нашей страны занимали в ходе мировой истории. В этой связи уместно вспомнить замечания И. В. Сталина, С. М. Кирова, А. А. Жданова по поводу конспекта учебника по истории СССР, где обращалось внимание на то, чтобы «...история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, мировой истории...»². Полагаю, что даже в очень краткий курс археологии следует ввести сведения о наиболее существенных памятниках, расположенных за пределами нашей страны, и в первую очередь об археологических памятниках Китая, славянских стран и вообще стран народной демократии. Это даст возможность на более широком историческом фоне поставить вопросы о происхождении и этническом родстве южных, западных и восточных славян, об исторических связях племен и народов нашей страны с соседними племенами и народами и многие другие.

Каждый год наши археологи открывают и изучают все новые и новые памятники. Безусловно, никакая программа и никакой учебник не могут отразить этих ежегодных открытий. Но это не значит, что наиболее существенные из них не должны включаться в курс. Дело только в том, чтобы преподаватели университетов имели возможность следить за новыми открытиями, результаты которых ежегодно сообщаются на сессиях

¹ В задачу настоящей работы не входит подробный разбор программы курса «Основы археологии». Автора интересует здесь ее идейно-теоретический уровень. Что касается отдельных частных программ, то в смысле ее построения, распределения материала, состава памятников, которые подлежат изучению, и т. п., также можно сделать ряд замечаний. Например, содержание раздела «Раннее средневековье в Восточной Европе» не исчерпывает его названия. Нет общего раздела, посвященного древне-русскому городу. Выпал такой важный памятник древне-русской культуры, как старая Ладога и т. п.

² «К изучению истории», Партиздат ЦК ВКП(б), 1946, стр. 23.

Отделения истории и философии АН СССР и на пленумах ИИМК АН СССР, посвященных итогам работ археологических экспедиций за год. Пленумы и сессии обычно собираются в учебное время, и далеко не все преподаватели имеют возможность на них присутствовать. Думаю, что выражу общее мнение не только преподавателей археологии, но вообще всей исторической общественности, если укажу на необходимость более быстрой публикации докладов. «Краткие сообщения» ИИМК АН СССР печатают их, как правило, спустя два года. Поэтому имеется самая настоятельная потребность в издании большим тиражом тезисов докладов с обязательной рассылкой их в соответствующие научные учреждения, в том числе и университеты.

Эффективность усвоения и практического применения знаний, полученных студентами из курса археологии, во многом зависит от того, насколько они конкретно представляют себе те памятники материальной культуры, о которых идет речь в курсе. В этой связи мне хотелось бы поднять вопрос не только о наглядных пособиях к курсу археологии, но и о необходимости знакомства студентов с подлинными археологическими памятниками. Общеизвестно, что лекция значительно выигрывает при иллюстрации ее схемами, таблицами и рисунками, но специальных альбомов наглядных пособий по археологии до сих пор нет¹. Учебник А. В. Арциховского не иллюстрирован. А между тем нужда в наглядных пособиях по курсу археологии очень большая. Университетам, где имеются кафедры археологии, и прежде всего Московскому университету, давно следует подумать о том, чтобы составить и издать специальные альбомы карт и иллюстраций к общему курсу археологии.

Однако даже сопровождение лекций самыми хорошими иллюстрациями не может дать студентам полного представления об изучаемых ими памятниках. Они должны познакомиться с ними в подлинниках и приобрести некоторые практические навыки: научиться различать отдельные виды керамики, типы орудий труда и украшений, уметь провести простейшее обследование памятников в поле. Для этого совершенно необходимо ввести в учебный план курса «Основы археологии», кроме лекций, какой-то минимум практических занятий, завершением которых должны быть экскурсии в музеи и к ближайшим археологическим памятникам. Иначе знания, получаемые студентами из лекционного курса, будут отвлеченными и мало пригодными в их последующей работе. Обязательные практические занятия сделали бы курс археологии более органической частью университетского исторического образования и способствовали бы ликвидации взгляда на археологию как на какой-то второстепенный предмет, изучение которого не имеет значения для дальнейшей практической работы, взгляда, к сожалению, имеющего распространение среди некоторой части студентов, особенно студентов-заочников. Обязательные практические занятия по археологии способствовали бы также более широкому вовлечению студентов в научную работу, что является одной из главных задач университетского образования.

В заключение мне хотелось бы вслед за А. В. Арциховским² снова поднять вопрос о необходимости введения курса археологии на исторических факультетах педагогических институтов. Совершенно непонятно, почему огромная армия учителей истории, которая, согласно директивам XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 гг., увеличивается еще на 45%, лишена возможности изучать этот интересный и важный для каждого учителя предмет. Знакомство с основами археологии расширяет исторический кругозор учителя и открывает большие возможности для его преподавательской деятельности. Наши лучшие учителя не только пользуются данными археологии при изложении учащимся важнейших разделов истории нашей Родины, но и широко привлекают на своих уроках местный краеведческий материал, в котором археологические памятники занимают далеко не последнее место. Привлечение археологического материала помогает учителю в интересной

¹ Следует заметить, что созданию наглядных пособий для исторических факультетов вообще не уделяется никакого внимания. В вузах, как правило, приходится пользоваться школьными (!) наглядными пособиями.

² А. В. Арциховский, Преподавание археологии, стр. 31—32.

и доступной для учащихся форме рассказать о древнейшей истории народов, живших на территории нашей Родины, дополнить программный материал данными древнейшей истории местного края. Знание археологии позволяет учителю шире развернуть внеклассную и внешкольную работу путем проведения экскурсий в музеи, к археологическим памятникам, организации специальных походов с целью открытия новых мест обитания древнего человека и изучения истории местного края в школьном историческом кружке.

Напротив, отсутствие у учителей знаний по археологии значительно сокращает его возможности. Автору этих строк во время археологических исследований в Воронежской области не раз приходилось встречать учителей, которые не знают о существовании хорошо сохранившихся и известных в литературе славянских городищ вблизи их школ, мало знают о классических костенковских палеолитических стоянках и о других археологических достопримечательностях своей области. Понятию, что они не могут использовать местных археологических памятников в своей педагогической практике.

Некоторые учителя стремятся использовать данные археологии для оживления своей педагогической работы, но часто не обладают для этого достаточными знаниями. Приведу конкретный пример. Учитель одной из средних школ Воронежской области т. Н. в стремлении создать в селе краеведческий музей, решил раскопать курган, полагая, что раскопки привлекут внимание к археологии, разовьют в селе интерес к исторической науке. С помощью учеников он приступил к раскопкам. «Правда,— пишет он,— я копал не по правилам, так как руководствовался рассказом Пришвина (!), где ученик раскапывает курган, в одном случае прорывая траншею с севера на юг, а в другом, копая яму в центре кургана». Приведенный отрывок письма настолько выразителен, что не нуждается в комментариях. Товарищ Н., действуя из самых лучших побуждений, сам не подозревая; того, нанес ущерб науке, так как разрушил очень интересный памятник. Вместе с тем и для работы самого т. Н. раскопки не дали нужных результатов, ибо в найденных вещах¹ разобраться самостоятельно он не смог.

Все это произошло вследствие того, что программа исторического отделения учительского института, которое окончил т. Н., не предусматривает ознакомления студентов хотя бы с элементами археологии. Товарищу Н. и другим студентам не рассказали в институте, что археологические памятники в нашей стране охраняются законом и раскопки их разрешаются только лицам со специальной подготовкой. В педагогических и учительских институтах не учат, как можно и без проведения раскопок собрать коллекцию археологических вещей, определить их и применить в педагогической практике.

Между тем интерес у студентов педагогических институтов и учителей к археологии и к полевым археологическим работам очень велик. Факультативные курсы лекций, отдельные лекции по археологии на курсах усовершенствования учителей, экскурсии в музеи и к археологическим памятникам всегда вызывают огромный интерес. Студенты многих педагогических институтов (Московского, Ленинградского, Ярославского, Саратовского, Томского, Рязанского, Воронежского и др.) участвуют в археологических экспедициях. Однако ни эпизодические лекции, ни факультативные курсы, ни экскурсии, ни даже участие в экспедициях не могут заменить систематического, обязательного, хотя и небольшого курса археологии, который дал бы студентам педагогических институтов какой-то минимум знаний в этой отрасли науки, столь необходимый в их практической работе. Необходимо ликвидировать этот пробел в историческом образовании учителей и включить курс археологии в программу педагогических и учительских институтов.

Итак, необходимо прежде всего повысить теоретический уровень курса «Основы археологии» и усилить его политическую направленность, для чего в программу должны

¹ Найденные при раскопках вещи (каменная зернотерка, фрагмент бронзового зеркала (?), наконечники стрел, бусы, глиняный горшок) относятся к I тыс. до н. э. Погребения т. Н. не нашел.

быть включены историография и основные исторические проблемы, для решения которых привлекаются данные археологии. Нужно сделать курс «Основы археологии» подлинно исторической дисциплиной. Вместе с тем, необходимо курс «Основы археологии» читать в IV семестре, а также ввести в программу минимум практических занятий, с обязательными выходами в поле. Наконец, назрела настоятельная необходимость ввести курс археологии в педагогических институтах для усовершенствования педагогического мастерства учителей-историков.

А. Н. Москаленко

О ДАТИРОВКЕ АРТХАШАСТРЫ

Вопрос о датировке Артхашастры¹ представляется весьма сложным и трудным и до сих пор еще не решен окончательно. Несмотря на разнообразие доводов, приводимых для выяснения этого вопроса, все исследования, посвященные Артхашастре, могут быть разделены на две группы: в одних, согласно установившейся индийской традиции, создание Артхашастры относится к периоду между IV и III вв. до н. э., в других, согласно европейской традиции, — к III или к первым векам нашей эры.

Индийской традиции придерживаются такие исследователи, как Р. Шамашастри, которому принадлежит заслуга открытия Артхашастры и первое издание текста памятника², Ганапати Шастри, издавший в 1924—1925 гг. текст Артхашастры с комментарием на санскритском языке³, Г. Якоби, исследовавший ряд вопросов, связанных с историей и происхождением Артхашастры⁴, Гопал Дамодар Тамаскар, написавший на хинди исследование об Артхашастре Каутильи⁵, Джаганлал Гупта и Бхагавандас Кела, опубликовавшие на хинди исследование: «Экономические взгляды Каутильи»⁶, О. Штейн⁷, И. Мейер, издавший в 1926 г. немецкий перевод Артхашастры⁸, Н. Ч. Бандьёпадхья⁹, Бернгард Брелёр, посвятивший свое

¹ Краткие сведения об Артхашастре см. В. И. К а л ь я н о в, Артхашастра — политико-экономический трактат древней Индии, ВДИ, 1939, № 2, стр. 95—101.

² Kauṭīliyam Arthaśāstram. Arthasastra of Kautilya, revised and edited by R. S h a m a S a s t r i, Mysore, 1919; Kauṭīlya's Arthasāstra. Translated by dr. R. S h a m a s a s t r y, with an introductory Note by the late dr. J. F. Fleet, Mysore, 1929.

³ Kauṭīliyam Arthaśāstram. The Arthasāstra of Kauṭilya, with the commentary Srimūla of Mahāmahopādhyāya T. G a ṇ a p a t i S ā s t r i. Edited by the commentator, I—III, Trivandrum, 1924—1925.

⁴ Н. J a c o b i Zur Fhr geschichte der indischen Philosophie, SBA, 1911, стр. 732; он же, Kultur- Sprach und Literarhistorisches aus dem Kauṭīliya, там же, стр. 954; он же, Über die Echtheit des Kauṭīliya, SBA, 1912, стр. 832.

⁵ G o p ā l D ā m o d a r T ā m a s k a r, Kauṭīliya arthāśāstra-mīmāṃsā, (на хинди), Prayāg (Аллахабад), 1926.

⁶ J a g a n l ā l G u p t a a u r B h a g a v ā n d ā s K e l ā, Kauṭīlya ke ārthik vicār (на хинди), Vṇadāban, 1933.

⁷ O t t o . S t e i n, Megasthenes und Kauṭīlya. Wien, 1921.

⁸ См. также, J. J. M e y e r, Über das Wesen der Altindischen Rechtschriften und ihr Verhältniss zu einander und zu Kauṭīlya, Leipzig, 1927.

⁹ N a r a y a n C h a n d r a B a n d y o p a d h y a y a, Kautilya or an Exposition of his social ideal and political theory, Calcutta, 1927, т. I.

исследование изучению труда Каутиля в связи с землевладением и частным правом в древней Индии¹, Стен Конов², акад. С. Ф. Ольденбург, исполнивший в 1931—1932 гг. русский перевод первой книги Артхашастры³, и другие.

Европейской традиции придерживаются Дж. Джолли и Р. Шмидт, издавшие текст Артхашастры вместе с комментарием «Ная Чандрика» Мадхавы Яджвы⁴, М. Винтерниц, автор обширного трехтомного труда по истории индийской литературы⁵, акад. Ф. И. Щербатской, руководивший работой бригады по переводу на русский язык Артхашастры⁶, Д. А. Сулейкин⁷ и другие.

Доводы первой группы исследователей могут быть сведены к следующим положениям:

1. В различных литературных памятниках: в «Вишнупуране», в «Нитисаре» («Компендиум политики») Камаандаки, который считает себя учеником Каутиля⁸, в «Нитивакьямрите» («Нектар слов политики»), принадлежащей джайнскому автору Сомадевасури, современнику царя Яшодхары, в романе Дандина «Дашакумарачарита» («Приключения десяти принцев»), в «Катхасаритсагара» («Океан рек рассказов»), в «Муддракшасе» («Печать и министр Ракшаса»), драме Вишакхадатты, в «Чанакьякатха» («Рассказы о Чанакье»), написанном Равинартакой, и в других сочинениях упоминается о том, что брахман Каутиля сокрушил владычество Нандов и возвел Чандрагупту на трон, или о том, что Вишнугуптой (он же Чанакья, или Каутиля) составлено руководство по политике для царя Маурья. Из этого делается вывод, что Каутиля был первым министром Чандрагупты и написал для него руководство.

2. На основании индийских эпиграфических исследований несомненно известно, что Чандрагупта Маурья правил царством с 321 по 298 г. до н. э.⁹

3. В отчетах Мегасфена об Индии содержатся сведения о Чандрагупте (греч. *Σαυδρακιττος*), при дворе которого в Паталипутре Мегасфен находился посланником Селевка Никатора с 315 по 291 г. до н. э.¹⁰ Поэтому проблема Артхашастры связывается с проблемой Мегасфена.

4. Для доказательства того, что Артхашастра относится ко времени династии Маурья, приводятся названия монет, упоминаемых в памятнике, а именно: *kāṅṣārṇa*, *raṇa*, *raḍa*, *maṣa* (Artha., II, 12, 19). Эти монеты имели хождение во времена Панини и

¹ В. В р е л о е r, *Kauṭaliya Studien*, I—II, Bonn, 1927—1928.

² S t e n К о н о w, *Kautalya Studies*, Oslo, 1945.

³ См. акад. С. Ф. О л ь д е н б у р г, Современная постановка изобразительных искусств и их техники в Индии, ИГАИМК, т. VIII, вып. 1 (1931); он же, О некоторых новых индийских работах по истории и экономике Индии, БВ, вып. 2—4 (1934).

⁴ *Kauṭīlyam Arthaśāstram. Arthaśāstra of Kauṭīlya. A new Edition by dr. J. J o l l y and dr. R. S c h m i d t*, т. I (Text), т. II (Notes), with the commentary *Naya Candrikā of Mahāmahopādhyāya Mādhave Jajva*, Lahore, 1923—1924.

⁵ M. W i n t e r n i t z, *Geschichte der indischen Litteratur*, т. III, Leipzig, 1920, стр. 518; см. он же, *Surungā and the Kautilya Arthaśāstra*, «The Indian Historical Quarterly», Calcutta, т. I, № 3 (1925).

⁶ К этой точке зрения акад. Ф. И. Щербатской пришел в результате работы над переводом Артхашастры; ранее он придерживался индийской традиции, см. Ф. И. Щербатской, К истории материализма в Индии, ВЗ, 1, Л. (1927).

⁷ Д. А. С у л е й к и н, Основные вопросы периодизации истории древней Индии, УЗТИАН, т. II, Индийский сборник, М.—Л., 1949, стр. 185—190.

⁸ N. Ch. V a n d y o p a d h y a u, ук. соч., т. I, стр. 6.

⁹ T. G a ṇ a p a t i S ā s t r i, ук. соч., ч. I, стр. 5; R. S h a m a s a s t r y, *Kauṭīlya's Arthaśāstra*, предисловие к английскому переводу, Mysore, 1929, стр. VII.

¹⁰ O. S t e i n, ук. соч., стр. 3, 6 сл.; 15 сл. и др.; В. В р е л о е r, *Kautalya Studien*, I, стр. 13, 48, 68 и др.

продолжали употребляться в период царствования Чандрагупты, пока не были заменены динарами (dīnāra) незадолго до Патанджали (около II в. до н. э.)¹.

5. Поскольку дата «Камасутры» («Наука любви») Ватсьяны в позднейшей своей редакции может быть определена не древнее III в. н. э., создание Артхашастры, из которой многое заимствовано Ватсьяной, следует отнести не менее чем на пять или шесть столетий раньше². Это аргументируется, во-первых, тем, что греческие астрономические термины, содержащиеся в Камасутре (Kāma., III, 1), в Артхашастре не встречаются; во-вторых, знакомством Ватсьяны (в разделе об определении любви) с философией Вайшешика, тогда как Каутилья в своем определении философии—Anvikṣakī—ее игнорирует (Artha., I, 2); в-третьих, тем, что в Камасутре объявляется похвальным воздержание от употребления мяса (Kāma., I, 2), между тем как Каутилья в главе Sūnādhyakṣa «Надзиратель за бойнями» разрешает продажу мяса и предписывает компенсацию мясом за продажу костистого мяса³.

6. Некоторые термины, применяемые в Артхашастре, соответствуют терминам, встречающимся в древних литературных памятниках. Так, термин saturaṅgin (saturāṅga), упстребляющийся в Артхашастре⁴ для обозначения армии, состоящей из четырех родов войск, встречается в Махабхарате и Рамайане⁵. Применяемые в Артхашастре (II, 10) грамматические термины: nāman, ākhyāta, urasagra и nipata для обозначения соответственно имени, глагола, предлога и союза согласуются с «Нируктой» («Этимология») Яски (I,8), «Махабхашьей» («Большой комментарий») Патанджали (I, 3,17) и с грамматикой Панини (I,56), за исключением терминов nāman и ākhyāta для обозначений имени и глагола, которые заменены у последнего техническими терминами sup и tin⁶. Некоторые политические термины, как mahāmātra «главный чиновник» или «министр», samāja, «собрание» и др., являются общими в Артхашастре и в надписях императора Ашоки (Гирнарский вариант). Предполагают, что эти термины могли быть переведены с санскрита на пракриты⁷ для употребления должностными лицами Ашоки⁸.

Таковы основные доводы, которые приводятся в доказательство того, что создание Артхашастры приурочивается к IV—III в. до н. э.

Вторая группа исследователей аргументирует свои положения главным образом следующими доводами:

1. В отчетах Мегасфена ничего не говорится о Каутилье. В своем сочинении «Махабхашья» Патеиджали, упоминая Маурьев и зал собраний царя Чандрагупты (Sandragupta-sabhā), также умалчивает о Каутилье и его произведении. В самом памятнике «Артхашастра» отсутствуют какие-либо упоминания о царе Чандрагупте и его столице Паталипутре. Все эти обстоятельства свидетельствуют о том, что автор Артхашастры не был современником Чандрагупты⁹.

2. На основании сравнительного изучения санскритских литературных памятников дата Камасутры определяется IV в. н. э. При сличении текста Камасутры и Артхашастры привлекает внимание то обстоятельство, что древние учителя, на которых ссылаются оба автора, цитируются либо под общим названием: ācāryaḥ «учителя», либо отдельно по их именам, причем в обоих произведениях встречаются два редких имени: Ghoṭa(ka)mukha и Sāgāyaḥ. Сходство, обнаруженное в цитировании двух

¹ R. S h a m a s a s t r y, ук. соч., стр. XXVIII.

² H. J a c o b i, Über die Echtheit des Kauṭīliya, SBA, 1912, стр. 841; S t e n K o p o w, ук. соч., стр. 5; S p J. J o l l y, ук. соч., стр. 24.

³ S t e n K o p o w, ук. соч., стр. 7; S p J. J o l l y, ук. соч., стр. 24—25.

⁴ Kauṭīliyam Arthaśāstram, II, 33,12; IX, 1,51; IX, 2,52; X, 4,18 (по Лакхорскому изданию Дж. Джолли).

⁵ S t e n K o p o w, ук. соч., стр. 54.

⁶ Там же, стр. 14.

⁷ Т. е. на народные языки соответствующих областей.

⁸ S t e n K o p o w, ук. соч., стр. 5.

⁹ J. J o l l y, ук. соч., стр. 30, 43, 47.

таких редких авторитетов, является доказательством родства, существующего между двумя этими произведениями. Воздержание от мясной пищи, которое считается в Камасутре похвальным, не находится в прямом противоречии с Артхашастрой, где обычай *ahiṃsā* «отсутствие насилия» предписывается для всех четырех ступеней жизни (I, 3). Близкое сходство между Артхашастрой и Камасутрой, которая испытала значительное влияние первой, позволяет заключить, что Артхашастра была создана самое большее на столетие раньше Камасутры, т. е. в III в. н. э.¹

3. Сопоставление многочисленных и поразительных соответствий, обнаруженных в сводах законов и в Артхашастре, приводит к заключению, что Каутилья был знаком с основным содержанием литературы Дхармасутр (т. е. сводов законов). Утверждают поэтому, что метрические правила Дхармашастры (Наука о законе или морали) были Каутильей обращены в прозу, особенно правила, взятые из Яджнявалкьи, соответствие с которыми особенно близко².

4. Автор Артхашастры употребляет поздний термин *ṣulba* для обозначения меди и для обозначения рудника, копи термин *suruṅgā* и *suruṅgā*, который, вероятно, произведен от древнегреческого слова *surinx*. Согласно описанию Артхашастры, металлургия и рудничное производство в это время были высоко развиты, производство металлов было государственной монополией и находилось в руках специальных чиновников, которые наблюдали за многочисленными отраслями разработки металлов и минералов. Мегасфен же, в противоположность этому, ссылается только на пять видов металлов, производившихся в Индии, а Страбон описывает индийцев как неопытных в рудничном и плавильном искусствах³.

5. Артхашастра упоминает о книгах, о письмах и паспортах, о регистрации и корреспонденции, о писцах и счетчиках и посвящает целую главу изложению правил для составления царских указов (II, 10). Мегасфен же сообщает, что индусы не были знакомы с письмом⁴.

6. Характер производственных отношений, картина общественного строя и государственного устройства, экономические и политические учреждения, описанные в Артхашастре, представляются гораздо более развитыми и сложными и выступают более рельефно, нежели те, о которых упоминается в заметках Мегасфена и надписях царя Ашоки. На основании этого Д. А. Сулейкин считает, что «Артхашастра» Каутильи является источником для изучения периода с I в. до н. э. по III в. н. э., который он характеризует как период разложения древнеиндийского рабовладельческого общества⁵.

Признавая справедливость ряда доводов, приводимых в защиту обеих точек зрения, следует отметить, что некоторые из них, особенно основывающиеся на сообщениях Мегасфена, вызывают серьезные возражения. Труд Мегасфена об Индии сохранился лишь в пересказе Арриана и других древних авторов. Поэтому к сведениям, приписываемым Мегасфену, необходимо относиться весьма осторожно и критически. Так, нельзя согласиться с тем, что индусы в те времена не были знакомы с письмом.

Вопрос о письме в Индии является весьма сложным. Письменные памятники на индийских языках, дошедшие до нас, относятся к очень позднему времени. Древнейшие из этих памятников — надписи императора Ашоки (270—250 гг. до н. э.), сделанные на пракритах, восходят к III в. до н. э. Но это еще не дает оснований для утверждения, что до III в. до н. э. в Индии не было письменности⁶.

¹ J. Jolly, ук. соч., стр. 24—29.

² Там же, стр. 17, 20.

³ J. Jolly, ук. соч., стр. 34 сл.; M. Winternitz, *Suruṅgā and the Kauṭīliya Arthaśāstra*, стр. 429—432.

⁴ J. Jolly, ук. соч., стр. 35.

⁵ Д. А. Сулейкин, ук. соч., стр. 190.

⁶ М. Мюллер, *Шесть систем индийской философии*, перевод с англ. П. Николаева, М., 1901, стр. 190; Ч. Локотка, *Развитие письма*, перевод с чешского Н. Н. Соколова, М., 1950, стр. 192.

Говоря о факторах, влияющих на развитие языка, И. В. Сталин пишет: «Дальнейшее развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, ещё более нуждавшейся в упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы — всё это внесло большие изменения в развитие языка»¹. Когда появились классы, когда возникло государство и стала развиваться торговля, — появляется и настоятельная необходимость в письменности. Следовательно, древнее доарийское общество Индии, которое советская историческая наука характеризует как рабовладельческое, должно было иметь всю письменность. Подтверждением этому служат такие сложные лингвистические исследования индийцев, предпринятые еще задолго до н. э., как разложение основного текста вед (*Saṁhitāpāṭha*) на отдельные элементы для чтения по слогам (*Paḍapāṭha*), составление санскритской грамматики в форме кратких алгебраических сутр, изобилующих техническими терминами, и другие сочинения, свидетельствующие о длительном предшествующем развитии индийской письменности.

Недавно открытые при раскопках в Мохенджо-Даро и Хараппе надписи, представляющие собой образец протоиндийских письмен, проливают новый свет на решение вопроса о происхождении индийской письменности и делают вполне допустимой гипотезу о возможности какой-то связи между этими древними письменными знаками и последующими письменными системами Индии². Но остается пока непонятным вопрос, почему письменные памятники периода развития рабовладельческого общества не дошли до нас.

Таким образом, вопрос о времени возникновения письменности в Индии не может служить опорным пунктом для определения даты создания Артхашастры.

При рассмотрении проблемы датировки Артхашастры от внимания исследователей обоих направлений ускользнули некоторые существенные вопросы, способствующие в той или иной мере разрешению этой задачи. К ним относятся такие вопросы, как классификация наук и определение философии в Артхашастре, сопоставление языка и стиля Артхашастры с другими произведениями. Рассмотрение этих вопросов и является целью настоящей работы.

В первом разделе Артхашастры дано такое перечисление наук и определение философии: «Философия (*ānvikṣakī*), учение о трех ведах (*trayī*), учение о хозяйстве (*vārtā*), учение о государственном управлении (*daṇḍanīti*) — это науки... Наук именно четыре — так считает Каутилья. Так как ими познается право и польза, то в этом и заключается понятие науки.

Философия — это санкхья, йога и локаята³.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 26—27.

² Акад. В. В. Струве, Дешифровка протоиндийских письмен, ВАН, 1947, № 8, стр. 52.

³ *Sāṅkhya* — букв. «перечисляющая (истинные принципы)», одна из шести ортодоксальных систем индийской философии, сутры которой приписываются Капиле. Она считается представительницей индийского рационализма, ибо пытается объяснить все мироздание из двух основных принципов — природы (*prakṛti*) и духа, или божественной субстанции (*riṅca* или *ātman*) путем рациональной эволюции. *Yoga* — букв. «соединение, религиозные упражнения», также одна из шести ортодоксальных философских систем, сутры ее приписываются Патанджали. Йога считается представительницей индийского мистицизма, так как все внимание она сосредоточивает на различных действиях и упражнениях, посредством которых якобы приобретаются сверхъестественные силы и способности для слияния с чистым духом индийской философии. Система *йога* принимает почти все теоретические положения системы *санкхья*, не выдвигая самостоятельных теорий. Эти две системы являются родственными и считаются основными и «*śaṅātaṇe dṛve*», т. е. двумя предвечными философиями (см. Ф. И. Щербат-

Философия тем, что исследует при помощи логических доказательств: в учении о трех ведах — законное и незаконное, в учении о хозяйстве — пользу и вред, в учении о государственном управлении — верную и неверную политику и исследует при этом сильные и слабые стороны этих наук, — приносит пользу людям, укрепляет дух в бедствии и в счастье и дает умение рассуждать, говорить и действовать.

Философия всегда считается светильником для всех наук, средством для совершения всякого дела, опорой всех установлений» (Artha., I, 2, 18—12¹).

Следовательно, по свидетельству Артхашастры, существовало разделение наук и их классификация, причем философия, по классификации Каутильи, среди них занимала первое место.

Наряду со своей классификацией Каутильи приводит точки зрения различных школ по этому вопросу, а именно: «Учение о трех ведах, учение о хозяйстве, учение о государственном управлении (это науки) — так считают последователи школы Манава, ибо философия, говорят они, это раздел учения о трех ведах.

Учение о хозяйстве, учение о государственном управлении — так считают последователи школы Брихаспати, ибо, утверждают они, учение о трех ведах для знающего житейский обиход только оболочка.

Учение о государственном управлении единственная наука — так считают последователи школы Ушанаса, ибо, говорят они, с ним связаны начала всех наук» (Artha., I, 2, 2—7).

Следовательно, классификация Каутильи, предполагающая существование четырех наук и трактующая философию как самостоятельную науку является шагом вперед в развитии научных знаний в древней Индии по сравнению с учением школы Манава, признающей три науки, Брихаспати, признающей две науки, и школой Ушанаса, признающей одну единую науку.

Философские взгляды в древности всегда были тесно переплетены с естественно-научными и политическими взглядами. «Древнейшие греческие философы, — писал Энгельс, называя Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена, — были одновременно естествоиспытателями»².

Однако по мере развития научных знаний о природе и обществе от философии постепенно отделялись одна за другой положительные науки, область философии все более сокращалась. Этот процесс имел положительное значение и для философии и для естественных и общественных наук.

Классификация Каутильи уже свидетельствует о начавшемся отпочковании положительных наук от философии, но этот процесс в Артхашастре представлен еще в зачаточном состоянии. Некоторые положительные науки: фонетику, грамматику, астрономию и др., Каутильи считает вспомогательными, несамостоятельными науками (aṅga), входящими в состав trayī — учения о трех ведах: «Сама-, Риг-, Яджур-веды составляют троицу (вед). Атхарваведа и Итихасаведа тоже веды. Учение о произношении (т. е. фонетика, śikṣā), обрядовый ритуал (kalpa), грамматика (vyākaraṇa), этимология (nirukta), метрика (chandas или chandoviciti), астрономия (jyotiṣa) — это вспомогательные науки» (Artha., I, 3, 1—3). В Артхашастре сильно ощущается влияние философии на другие отрасли знания.

с к о й, Теория познания и логика по учению позднейших буддистов, ч. II, СПб., 1909, стр. 2—4). Lokāyata — букв. «заботящаяся (распространяющаяся) только о земном», философская школа индийских материалистов, не входящая в шесть ортодоксальных философских систем и приписываемая Брихаспати. Эта школа, иначе называемая Ч а р в а к а, выступала ярой ненавистницей религии (см. Ф. И. Щ е р б а т с к о й, К истории материализма в Индии, стр. 4—5).

¹ Перевод, как и во всех других случаях, когда приводятся отрывки из Первой книги (отдела) Артхашастры, — акад. С. Ф. Ольденбурга. Сектор восточных рукописей Института востоковедения АН СССР в Ленинграде.

² Ф. Э н г е л ь с, Диалектика природы, 1952, стр. 147.

Сопоставление данных Артхашастры с историей развития научных знаний в древней Греции позволяет сделать предположение, что засвидетельствованное в Артхашастре начало дифференциации наук можно отнести ко времени разложения рабовладельческого строя и зарождения феодальных отношений, т. е. к I—III вв. н. э. Более глубокое и всестороннее выяснение вопроса о положении философии в древней Индии и ее отношении к другим наукам, несомненно, поможет исследователям в определении даты этого памятника.

Такое произведение как Артхашастра, представляющее собой весьма сложный компендиум политики, не могло появиться сразу, как не могли появиться сразу знаменитая грамматика Панини и Большой комментарий на нее, составленный Патанджали, а также основные сутры всех шести главных философских систем Индии. Все эти произведения могли возникнуть только благодаря весьма длительной традиции изучения тех или иных отраслей наук или дисциплин, развитие которых требовало нескольких, если не многих, столетий. Весьма показательным, что трактат Артхашастра начинается такой фразой: «Это единое руководство политики составлено на основании извлечений из большей части тех руководств по политике, которые были изданы древними учителями с целью овладения землей и ее охраны» (Artha., I, 1).

Об этом же свидетельствуют многочисленные ссылки автора на учителей, встречающиеся на протяжении всего трактата. Некоторые из них считаются последователями тех или иных школ и носят имена их подлинных или предполагаемых основателей: Mānavāḥ, или «последователи школы Ману», Bārhaspatyāḥ — «последователи школы Брихаспати», Auśanasāḥ — «последователи школы Ушанаса» и Āmbīyāḥ — «последователи школы Амбхи». В числе упомянутых учителей приводятся также 13 собственных имен: Вишалакша, Парашара, Пишуна, Бахудантипутра, Каунападанта, Ватавьядхи, Катьяяна, Кашико, Бхарадваджа, Бхарадваджа, Диргхашчараяна, Гхотамукха, Кинджалка и Пишунупутра¹.

Таким образом, по свидетельству самого памятника, создание Артхашастры было возможно благодаря длительной традиции, существовавшей в изучении политической науки. Из этого также следует, что и данное руководство в том виде, в каком оно до нас дошло, подвергалось многочисленным обработкам и редакциям.

Тем не менее при определении даты памятника следует непременно учитывать его язык и стиль.

Как известно, древние научные трактаты составлены на языке сутр. Само слово «сутра» (sūtra) означает «пить», «краткое правило или изречение» и в дальнейшем: «трактат или руководство, содержащее такие правила или изречения». Язык сутр отличается алгебраической краткостью стиля². Сутры должны передавать существо изречения и не должны содержать ничего излишнего и сомнительного. Они должны избегать повторений и соблюдать большую экономию слов. Литература сутр возникла в тот период, когда ведическая литература стала громоздкой и ведические мыслители обязаны были систематизировать свои взгляды³. Этим стилем были написаны изложения и всех шести основных систем индийской философии. Максимальная краткость сутр делает трудным понимание их без комментария⁴.

Изучение философских сутр имеет в Европе более чем столетнюю традицию, которая выработала определенный метод, применяемый в рассмотрении языка и стиля сутр и в их датировке.

Рассматривая вопрос о времени возникновения философских сутр, крупнейший и общепризнанный авторитет в области буддийской культуры и индийской философии,

¹ N. Ch. B a n d y o p a d h y a y a, Kautilya or an Exposition of his social ideal and political theory, т. I, стр. 19 сл.; J. J o l l y, ук. соч., стр. 30.

² Ф. И. Щ е р б а т с к о й, Теория познания и логика по учению позднейших буддистов, ч. II. Учение о восприятии и умозаключении, СПб, 1909, стр. 22.

³ S. R a d h a k r i s h n a n, Indian Philosophy, т. II, L., 1948, стр. 22.

⁴ Там же.

акад. Ф. И. Щербатской считал, что «сутры главных философских систем, в той форме, в которой они до нас дошли, вовсе не принадлежат к той глубокой древности, к какой их обыкновенно причисляют, и не принадлежат к тем полумифическим авторам, с именами коих их связывает традиция. Философские системы существовали гораздо раньше составления сутр, которое относится к эпохе начинавшегося расцвета средневековой санскритской литературы. Сутры были составлены вскоре после появления буддийской школы и огаचारов и лишь приписаны древним авторам, очевидно, для придания этим сочинениям большей авторитетности. Время их составления, следовательно, есть V век после Р. Х.»¹.

Можно по аналогии предположить, что и сутры Артахаштры не принадлежат к отдаленной древности, поскольку сам памятник, как отмечалось выше, представляет собою результат длительной работы нескольких поколений исследователей в области политики.

Для подкрепления этого предположения можно указать на некоторые стилистические и смысловые параллели из Артахаштры и других санскритских памятников. Такие параллели из различных памятников, а именно: из «Камасутры» и «Мудраракшасы», из поэм Калидасы — «Рагхуванши» («Родословная Рагху») и «Кумарасамбхавы» («Рождение бога войны»), из «Дашакумарачариты», из многочисленных смрити (законодательных книг) уже приводились рядом исследователей. Приведем для иллюстрации некоторые из них. Так, в Камасутре (около IV в. н. э.)² читаем: 1) *kāmasūtram idaṁ prapītam | tasyāyaṁ prakaraṇādhikaraṇa-samuddeṣaḥ | ... vidyā-samuddeṣaḥ ... aupaniṣadikam | (Kāma., I, 1) ...* «Составлено это руководство любви. Вот перечисление его отделов и разделов... Классификация наук... О тайных средствах». Этому соответствует почти буквально отрывок из Артахаштры: *... idam arthaśāstram kṛtam | tasyāyaṁ prakaraṇādhikaraṇa-samuddeṣaḥ | vidyā-samuddeṣaḥ | ... aupaniṣadikam (Artha., I, 1, 1-2, 158), «... Составлено это руководство политики. Вот перечисление его отделов и разделов. Классификация наук... О тайных средствах».*

2) *Kāmapadhā-śuddhān rakṣiṇo 'ntaḥpure sthāpayet ity ācāryāḥ | (Kāma., V, 6)* «Очищенных хитростью любви пусть он ставит охранителями в женской половине дворца — так считают учителя». Соответствующее место в Артахаштре гласит: *kāmapadhā-śuddhān bāhyābhyantara-vihāra-rakṣāsu (sthāpayet) | (Artha., I, 10, 22)* (Министров), очищенных хитростью любви, пусть он (царь) ставит на дела по охране увеселений внутри двора и вне его».

3) *artho dharmāḥ kāmā ity artha-trivargaḥ | anartha 'dharmo dveṣa ity anartha-trivargaḥ | (Kāma., VI, 6)*. «Выгода, закон и наслаждение — это тройное сочетание пользы. Убыток, беззаконие и ненависть — это тройное сочетание вреда». Соответствующее место из Артахаштры: *artho dharmāḥ kāmā ity artha-trivargaḥ ... anartha 'dharmāḥ ṣoka ity anartha-trivargaḥ | (Artha., IX, 7, 68, 70)*. «Выгода, закон и наслаждение — это тройное сочетание пользы... Убыток, беззаконие и печаль — это тройное сочетание вреда».

В Кумарасамбхаве и Рагхуванше (около V в. н. э.)³ говорится:

1) *bhūta-pūrvam abhūta-pūrvam vā janapadaṁ paradeṣa-pravāhena svadeśabhiṣyanda-vamanena vā niveṣayet | (Raghu., XV, 29; Kumara., VI, 37)*. Соответствующее место из Артахаштры: *bhūta-pūrvam abhūta-pūrvam vā janapadaṁ paradeśapavahana-svadeśabhiṣyanda-vamanena vā niveṣayet | (Artha., II, 1, 1)*. Перевод в обоих случаях одинаковый: «Пусть (царь) производит заселение области, как существовавшей прежде, так и не существовавшей, путем привлечения (или: вывода) (жителей) чужих стран или выселением избытков (населения) своей страны».

2) *dharmādharmau trayyāṁ arthānarthau vārtāyāṁ nayānayaṁ daṇḍanītyāṁ iti |*

¹ Ф. И. Щербатской, ук. соч., стр. 4.

² Цитировано по Р. Шамашастри, ук. соч., стр. XI.

³ Цитировано по Р. Шамашастри, ук. соч., стр. XII—XIII.

(Raghu., XVIII, 50). Соответствующее место в Артхашастре совпадает почти буквально: dharmādharmau trayāṃ arthānarthau vārtāyāṃ nauāpanayau' daṇḍanītyāṃ | (Artha., 1, 2₁₁). Перевод в обоих случаях такой: «(Философия, исследуя доводами) законное и незаконное в учении о трех ведах, пользу и вред в учении о хозяйстве, верную и неверную политику в учении о государственном управлении...».

Некоторые параллели и важные общественно-политические термины, такие как cāsana «указ», ari-śaḍvarga-jaya «победа над объединением шести врагов (т. е. чувств)», vidyā-vṛddha-saṅyoga «общение с учеными старцами» и др., общие в Артхашастре и Рагхуванше, приводит в своей работе Дашаратха Шарма¹. Многочисленные соответствия, обнаруженные в Артхашастре и различных смрити, законодательных книгах, обстоятельно показаны Дж. Джолли и распределены тематически по 33 разделам².

Несколько примеров из «Дашакумарачариты» (конец VI или начало VII в. н. э.), имеющих параллели в Артхашастре, приведены Р. Шамашастри³. Будет не безинтересно привести дополнительно несколько сопоставлений из этих двух памятников.

В восьмой главе основного текста Дашакумарачариты⁴ читаем: nanu catasro gāja-vidyās trayī vārtānvīkṣikī daṇḍanītir iti|tāsu tisras trayī-vārtānvīkṣikyō mahatyō manda-phalāḥ ca, tās tāvad āsatām |adhīṣva tāvad daṇḍanītim | (Daṣa., II, 8, 10-14). «Разве не существуют четыре науки, предназначенные для царя: учение о трех ведах, учение о хозяйстве, философия и учение о государственном управлении? Среди них три — учение о трех ведах, учение о хозяйстве и философия, хотя и важные, но к конечному результату приводят медленно. Пусть же они остаются в стороне. Но изучи ты науку о государственном управлении». Соответствующее место из Артхашастры гласит: ānvīkṣakī trayī vārtā daṇḍanītiḥ ceti vidyāḥ |... catasra eva vidyā iti kauṭilyaḥ |... ānvīkṣakī-trayī-vārtānām yogakṣema-sādhano daṇḍa. | tasya nītir daṇḍanītir |... tasyām āyattā lokayātrā | (Artha., I, 2, 1,8; 4, 4-5, 7). «Философия, учение о трех ведах, учение о хозяйстве, учение о государственном управлении — это науки... Наук именно четыре — так считает Каутилья... То, что обеспечивает сохранение и благополучие философии, троицы вед и учения о хозяйстве, есть жезл. Управление им есть наука о государственном управлении... От нее зависят мирские дела». В этих произведениях общим является не только число наук и их классификация, но и то, что наиболее полезной и способной привести к скорейшему результату признается наука о государственном управлении.

Во второй главе основного текста «Дашакумарачариты» приводится спор между юною гегерой Камаманджари и отшельником Маричи о значении трех главных целей человека в жизни (trivarga-balābala)⁵: о богатстве или пользе, любви или наслаждении и религии или законе. Рассуждения Камаманджари носят явно реалистический характер и согласуются с соответствующими положениями Артхашастры.

«Как глупы, однако, люди, — говорит Камаманджари, — что ставят в один уровень и богатство, с одной стороны, и религию — с другой (mūḍhaḥ khalu loko yat saha dharmeḍā rthakāmāḥ ari gaṇayati)⁶... Разве богатство и любовь не существуют

¹ Dasharatha Sharma, The Arthashastra in the Raghuvamśa, «The Indian Historical Quarterly», XXVII, 1951. № 2, стр. 129—137.

² J. Jolly, ук. соч., стр. 12—17.

³ R. Shamasastry, ук. соч., стр. IX.

⁴ Цитируется по комментированному изданию текста: The Daśakumaracarita of Daṇḍin with the commentaries (Padachandrikā and Bhūṣhaṇa) of Kavindra Sarasvatī and Śivarāma, Edited with various readings by N. B. Godbole and K. P. Paraba, Bombay, 1883.

⁵ Daśakumāracarita, II, 2, стр. 42₈.

⁶ Там же, стр. 42₅₋₆.

совершенно независимо от религии? (nanu dharmād ṛte ṛtha-kāmayor an-utpattir eva)¹. Религия, ведь, стоит совершенно особняком от них (tad-anapekṣa eva dharmo)². Она ведет к блаженству Нирваны, что достигается исключительно погружением в сосредоточенное размышление. Эта цель находится в зависимости от факторов внешнего мира, подобно богатству и любви (so ṛtha-kāma-vad bāhya-sandhāneṣu nā ṛtyāyate)³. Религия укрепляется знанием истинной сущности вещей, ей не противоречат те или другие занятия, посвященные богатству и любви (tattva-darṣanopabrūhitaṣ ca yathā-kathāncid aṇu anuṣṭhīyamānābhyām nā ṛtha-kāmābhyām bādhyate)⁴. Но даже если бы она и потерпела ущерб от таких занятий, то небольшим усилием можно поправить дело и, освободившись от греха, достигнуть значительной религиозной заслуги⁵.

Соответствующее место в Артахаштре о взаимоотношении трех главных целей человека, или трех факторов, сформулировано так: vārtā danḍanītiḥ ceti bārhaspatyāḥ | samvaraṇa-mātram hi trayī lokayātrā-vida iti | (Artha., I, 2₄₋₅).... evam vaçyendriyaḥ para-strī-dravya-hiṁsāḥ ca varjayet | svapnam laulyam anrtam uddhata-veṣatvam anartha-saṅyogaḥ ca | adharma-saṅyuktaḥ cā ṇartha-saṅyuktaḥ ca vyavahāram | dharmārtha-virodhena kāmam seveta | na niḥsukhaḥ syāt | samaḥ vā trivargam anyonyānubandham | eko hy atyāsevito dharmārtha-kāmānām ātmānam itarau ca piḍayati | artha eva pradhāna iti kauṭilyaḥ | artha-mūlau hi dharmā-kāmāv iti | (Artha., I, 7, 3-11). «Учение о хозяйстве, учение о государственном управлении (— это науки) — так считает школа Брихаспати, ибо учение о трех ведах (т. е. религия) для знающего житейский обиход только внешняя оболочка... Таким образом, и с обузданными чувствами, пусть он отклоняет от себя оскорбление чужих жен и похищение имущества, сонливость, похоть, неправду, надменную манеру, вредные влечения, дела, соединенные с беззакониями или вредные. Пусть он отдается любви, не нарушая закона и пользы; пусть не будет лишен наслаждения или пусть в равной мере отдается тройке, части которой связаны друг с другом. Ибо единое из трех — закона, пользы и любви, чрезмерно чтимое, вредит себе и двум другим. Каутилья считает, что главное — польза, ибо закон и любовь основаны на пользе».

Как видно из сопоставления этих мест, рассуждения о трех целях человека в жизни, вложенные в уста гетеры Камаманьджари, согласуются по своей сути с соответствующими положениями, сформулированными в Артахаштре.

Приведем далее еще один небольшой отрывок (Daṣa., II, 2, стр. 43₁₁₋₁₄), где гетера отвечает отшельнику: arthas tāvad arjana-varadhana-rakṣaṇātmakaḥ, kṛṣi-pāçupālya-vāñijya-sandhivigrahādi-parivāraḥ, tīrtha-pratipādana-phalaḥ ca | «Во-первых, что касается богатства, то сущность его состоит в приобретении, приумножении и сохранении. Сопутствующие обстоятельства состоят в земледелии, в скотоводстве, торговле, в мирных договорах, в войне и т. п. Конечный результат есть достижение важности и всеобщего уважения»⁶.

Эти рассуждения также основаны на положениях Артахаштры, которые звучат следующим образом: kṛṣi-pāçupālye vāñijya ca vārtā | dhānya-paçu-hiraṇya-kurva-viṣṭi-pradānād aupakārikī | tayā svapakṣam parapakṣam ca vaçikaroti koça-danḍā-

¹ Там же, стр. 42₉₋₁₀.

² Там же.

³ Там же, стр. 42₁₁.

⁴ Там же, стр. 42₁₁₋₁₂.

⁵ Дандин, Приключения десяти принцев. Перевел с санскритского Ф. Щербатской, «Восток», 1923—1925, кн. 3, стр. 60 сл.

⁶ Последнее место: tīrtha-pratipādana акад. Ф. И. Щербатской перевел весьма вольно: «достижение важности и всеобщего уважения», очевидно, в интересах популярности перевода. Между тем, точный перевод этих слов должен означать: «раздача или распределение (добра) среди достойных лиц», что, очевидно, должно служить средством для достижения важности и всеобщего уважения.

bhyam]... daṇḍanītiḥ | alabdha-lābhārthā labdha-parirakṣaṇī rakṣita-vivardhanī vrd-dhasya tīrtheṣu pratipādani ca | (Artha., I, 4, 1-3; 5-6). «Земледелие, скотоводство и торговля составляют учение о хозяйстве. Оно приносит пользу доставлением зерна, скота, золота, лесного товара и обязательного труда. При помощи его (царь) подчиняет себе сторонников и врагов через казну и войско... наука о государственном управлении. Она состоит в приобретении еще недобытого, в сохранении приобретенного, приумножении охраненного и в распределении среди достойных приращенного добра».

В этих отрывках многие термины являются общими для обоих памятников. Например, trayī vārtā ānvīkṣikī daṇḍanīti (Daṣa.) соответствуют: ānvīkṣakī trayī vārtā daṇḍanīti (Artha.) «учение о трех ведах, учение о хозяйстве, философия и учение о государственном управлении»; trivarga (dharma, artha, kāma) «тройка», т. е. три фактора, три ценности или три главные цели человека: закон, польза и любовь;— одинаково в обоих памятниках; arjana-varhdhana-rakṣaṇa (Daṣa.) соответствует: lābha, vivardhana, parirakṣaṇa (Artha.) «приобретение, приумножение и сохранение»; kṛṣi-pācupālyavāṇijya (Daṣa.) — kṛṣi-pācupālye vāṇijya ca (Artha.) «земледелие, скотоводство и торговля». tīrtha-pratipādana (Daṣa.) — tīrtheṣu pratipādana (Artha.) «распределение среди достойных лиц».

Таким образом, сопоставление Артхашастры с другими произведениями, составленными на языке шастр¹ или же номинальным стилем (роман), свидетельствует о большом сходстве как в отношении стиля, так и в отношении терминов и содержания некоторых отрывков. Если предположить, что наиболее ранние из этих произведений, «Камасутра» и «Дхармасутра», относятся предположительно к IV в. н. э., а более поздние, «Дашакумарачарита» и др., к концу VI или началу VII в. н. э., — то очевидно, что окончательное оформление трактата Артхашастры, как цельного произведения в дошедшем до нас виде не могло произойти в период, слишком отдаленный от эпохи создания этих произведений. Подтверждением такому предположению служит также «Нитисара» Камаидики, которая характеризуется самим автором как извлечение из Артхашастры Каутильи и должна быть отнесена к периоду между V и VI вв. н. э.²

Считается общепризнанным, что Артхашастра составлена на языке сутр, однако последний весьма приближается к языку произведений номинального стиля, относящихся к раннему средневековью.

Подлинное существование основного санскритского текста, в особенности научного содержания, подтверждается обычно каким-либо комментарием (bhāṣya), написанным на него³. Ибо без таких комментариев сутры философские, грамматические или какие-либо иные были бы непонятны и даже невозможны⁴. Между основным санскритским текстом (mūla) и написанным на него комментарием (bhāṣya) не может лежать сколько-нибудь значительный промежуток времени, так как в характере вопросов, их трактовке и разрешении не наблюдается достаточно существенных различий. Так, между грамматикой Панини (около V—IV вв. до н. э.) и сочинением Пагаджали (около II в. до н. э.), представляющим собой «Большой комментарий на грамматику Панини» (Pāṇinīya-vyākaraṇa-mahābhāṣya), лежит промежуток времени приблизительно в два столетия. Что касается Артхашастры, то нам известны только два комментария к ней. Один — «Pratipadapañcikā», — написанный на вторую книгу, принадлежит Бхаттасваминому, о времени жизни которого пока ничего неизвестно⁵, другой

¹ Т. е. на языке научных произведений или трактатов.

² Относительно даты «Нитисары» существуют различные мнения, указанная дата нам кажется более вероятной.

³ Ф. И. Щербатской, ук. соч., стр. 4—5.

⁴ М. Мюллер, ук. соч., стр. 208; S. Radhakrishnan, ук. соч., стр. 22.

⁵ Bhaṭṭa-Swāmin's Commentary on Kauṭilya's Artha-Śāstra. Edited by K. P. Jayaswal and A. Banerji-Sastri, «The Journal of the Bihar and Orissa

—«Naya Sandrikā» — на книги VII—XII, очевидно, сравнительно ранний, принадлежит Мадхава Яджве¹. Интересно отметить, что текст Артхашастры представляет собой смешанный стиль, состоящий из сутр (sūtra) и комментария (bhāṣya), причем комментарий составлен самим же автором. Об этом говорится в заключительном стихе Артхашастры: *dr̥ṣṭvā vipratipattīm bahubhā cāstreṣu bhāṣyakārāṇām| svaym eva viṣṇuguptaḥ sakāra sūtraṁ sa bhāṣyaṁ sa|*. «Видя многочисленные противоречия в трудах комментаторов, Вишнугупта сам составил основной текст (сутры) и толкования к нему».

Таким образом, приведенные здесь соображения и доводы позволяют нам относить особенности языка и стиля Артхашастры к характерным чертам произведений раннего средневековья. Предположительно можно указать на III в. н. э. как на более вероятную дату создания Артхашастры в целом.

Было бы, однако, несправедливым и несерьезным отрицать, что в Артхашастре имеются места, которые могут быть отнесены к более раннему периоду, к первым векам до н. э., ко времени династии Маурья. Возможно, что идея такого произведения, представляющего собою весьма сложный компендиум политики, возникла действительно во времена Чандрагупты Маурья, когда появилась необходимость в организации прочной государственной власти для борьбы против чужеземного ига, навязанного народам Индии вторжением войск Александра Македонского. И вполне вероятно, что основное ядро трактата возникло в школе Каутильи.

Но вряд ли можно считать, что в целом произведение это не испытало на себе различных влияний; напротив, следует предполагать, что в нем сделано множество интерполяций в более позднее время.

Это предположение может быть подкреплено также тем обстоятельством, что во многих местах Артхашастры имеются ссылки на самого Каутилью, который цитируется в 3-м лице: *iti Kauṭilyaḥ* «так считает Каутилья», *neti (na iti) Kauṭilyaḥ* «нет, говорит Каутилья»².

Аналогичная картина наблюдается и в философских произведениях³.

Приведенные выше сопоставления свидетельствуют о том, что сама Артхашастра и те санскритские памятники, с которыми она перекликается, принадлежат в дошедшей до нас форме приблизительно к одной и той же литературной эпохе или разделяются между собой весьма небольшими периодами. Можно считать вполне вероятным, что рассматриваемое нами руководство политики составлялось или записывалось последователями школы Каутильи в более позднюю эпоху по сравнению с той, когда возникла идея такого произведения и его основное ядро. Руководство же в целом, как это предполагается и в отношении философских сутр⁴, было, оче-

Research Society», т. XI (1925), ч. I—4; т. (1926), ч. 1—3; В. Вreloer, ук. соч., стр. 69.

¹ J. Jolly and R. Schmidt, ук. соч., т. II. О комментарии Мадхава Яджвы также ничего достоверного неизвестно.

² Следует отметить, что даже среди индийских ученых нет твердо установленного чтения имени автора Артхашастры, этимология его объясняется различно. Так, Н. Ч. Бандьяопадхьяя читает: *Kauṭilya*, что в буквальном переводе означает: «кривизна, изгиб», т. е. как абстрактное имя, произведенное от слова *kuṭīla* «кривой, изогнутый». Ганapati Шастри производит это имя от слова *kuṭāla*, которое обозначает название готры (рода), и читает: *Kauṭālya*, что означает буквально «происходящий из готры (рода) Кутала». См. N. Ch. Bandyopadhyaya, ук. соч., стр. 1; Jaganlāl Gupta aur Bhagavāndās Kelā, *Kauṭilya ke ārthik viśār* (на хинди), Vṛndabān, 1933, стр. 3.

³ См. Ф. И. Щербатской, ук. соч., стр. 11—12; см. также: S. Radhakrishnan, ук. соч., стр. 23.

⁴ М. Мюллер, ук. соч., стр. 12 сл., 80, 109, 164, 188 сл.; Ф. И. Щербатской, ук. соч., стр. 4, 11 сл., 21, 23, 28 сл.; см. также S. Radhakrishnan, ук. соч., стр. 23.

видно, приписано Каутилье, как древнему учителю, родоначальнику особой школы политики, для придания этому сочинению большей авторитетности. Задача исследователей должна состоять в том, чтобы путем всестороннего анализа выяснить, что относится к ядру и что — к позднейшим наслоениям.

В. И. Кальянов

АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ О ТИРАНИИ АРИСТОДЕМА КУМСКОГО

Историческая достоверность сообщения Дионисия Галикарнасского о кумском тиране Аристодеме давно возбуждала сомнение со стороны авторитетных исследователей. Однако в научной литературе еще не было обращено внимания на то, что рассказ Дионисия имеет характерные черты новеллы, составленной по определенному трафарету. Сюжетом подобной новеллы обычно является общественный переворот, при этом варьируются следующие повествовательные мотивы: а) обычный общественный порядок ниспровергнут, господа занимают место рабов, рабы — место господ; б) свободные женщины должны жить в браке с рабами, или варварами, или чужеземцами; в) но женщины чувствуют себя обесщеченными и ненавидят их; г) подрастающее поколение мстит чужеземцам, вступившим в брак с их матерями. Развитию сюжета часто сопутствуют мотивы: 1) переодевание мужчин в женскую одежду, а женщин в мужскую и 2) мотивы патриотизма, воинственности, общественной активности женщин и, наоборот, мягкости, пассивности, слабости мужчин.

Подобного типа новеллы мы встречаем не только в греческой литературе, но и в римской и у многих народов древнего Востока, например, у египтян, вавилонян, евреев. Почти все перечисленные мною здесь мотивы присутствуют и в рассказе Дионисия об Аристодеме (VII, 7—11).

Аристодем совершает общественный переворот: аристократы убиты, их имущество передано их рабам, сыновья убитых аристократов вынуждены жить в деревне, вести образ жизни рабов. Жены и дочери убитых аристократов становятся супругами своих бывших рабов. Сыновья убитых аристократов подрастают и мстят Аристодему, виновнику гибели их отцов и позора матерей. Юноши Кум вынуждены носить женскую одежду, «хламиды тонкие и мягкие». Последняя мера мотивируется в повествовании Дионисия тем, что тиран хотел упрочить свою власть, уничтожив мужество в сердцах подрастающего поколения.

Известен и другой вариант легенды об Аристодеме, сохранившийся у Плутарха (*Mulier virt.*, стр. 261 E). В этом варианте затушеваны черты социального переворота, но выдвинут мотив переодевания мужчин в женскую одежду, а также мотив патриотизма женщин. «Об Аристодеме рассказывают, — сообщает Плутарх, — что он заставлял мальчиков по-женски отращивать себе волосы и носить золотые украшения, а девушек стричься в кружок». Мужчины покорно подчинялись этому приказу, но одна из кумских женщин вдохновила граждан на борьбу против тирана, а другая, храбрая Ксенокрита, рискуя жизнью, впустила заговорщиков в дом к Аристодему.

Насколько трафаретен сюжет легенды о кумском тиране, видно из того, что не трудно указать ряд новелл, содержащих те же самые повествовательные мотивы. Составим его, например, с преданием о социальном перевороте в Аргосе, о котором рассказывает Геродот (IV, 2—3): обычный общественный уклад в Аргосе ниспровергнут, власть в городе перешла к рабам. Сыновья свободных граждан подрастают и изгоняют рабов. В параллельной версии предания у Павсания (II, 20) и Плутарха (*Mulier virt.*, стр. 245 E) мы находим и другие мотивы, характерные для данного трафарета: рассказ о сожительстве свободных женщин с рабами и рассказ о патриотизме и воинствен-

ности женщин (о храброй поэтессе Телесилле и ее воинском подвиге). У Плутарха предание о Телесилле поставлено в прямую связь со старинным обрядом переодевания женщин в мужскую одежду и мужчин в женскую. Таким образом, в рассказе об аргосском перевороте еще явственнее просвечивает обрядовая основа мифологического сюжета.

И все же, если в сообщении Дионисия Галикарнасского об Аристодеме и имеются черты повеллестического сюжета, у нас нет достаточных оснований сомневаться в историческом существовании самого Аристодема. Он был современником Тарквиния Гордого. По сообщению Ливия (II, 24), последний римский царь ушел к тирану Аристодему и умер в Кумах. Следовательно, правление Аристодема датируется концом VI или началом V века.

Но давно уже было отмечено, что у Дионисия Аристодему приданы черты, превращающие его в типичного тирана позднего времени. Самый язык автора в той части повествования, которая относится к Аристодему, пересыпан оборотами и терминами, характерными для политической борьбы поздней Греции. Так, в народном собрании он провозглашает передел земли и сложение долгов, к радости «самой подлой черни», которая получает возможности «грабить чужое добро». Эта мера является, по убеждению автора, «той прелюдией, с которой имеет обыкновение начинать каждая тирания». Тенденциозность историка очевидна, причём цитируемая нами фраза звучит очень странно в применении к ранней тирании: мы не можем назвать ни одного тирана VI—V веков, который провозгласил бы лозунги «передела земли и сложения долгов» с целью завоевания популярности. Проведенная Солоном сисахфия ни в какой степени не напоминает переворота в пользу, как выразился Дионисий, «самой подлой черни». Но уже в четвертом веке движение под этими лозунгами приняло настолько массовый характер, что Коринфский конгресс 337 г. вынес специальное решение, направленное против него¹.

Также необычна для периода ранней тирании обстановка, при которой Аристодему были вручены полномочия стратега-автократора. Как известно, стратег-автократор — военная должность, и занимали ее обыкновенно во время войны (примером может служить вручение подобных полномочий сиракузским тиранам — Дионисию I и Гелону или афинскому полководцу Алкивиаду). Но сиракузский тиран Агафокл становится стратегом-автократом в 317/16 г. при совершенно аналогичных обстоятельствах, и это совпадение, конечно, далеко не случайно.

Наконец, еще одна черточка сближает Аристодема с политическими деятелями позднего времени: по словам Дионисия Галикарнасского, Аристодем, получив власть, велел убрать из святилищ и общественных мест изображения убитых им людей и поставить на те же места свое собственное изображение. Указание на подобного рода факт могло быть включено в новеллу об Аристодеме не ранее четвертого века, так как в начале V в. индивидуального портрета в Греции еще не существовало. Кроме того, установление изображений тирана в святилищах не может быть объяснено иначе, как введением культа правителя, что характерно лишь для более позднего времени. Это является еще одним, и притом бесспорным, доказательством того, что предание об Аристодеме было переработано и что образ полулегендарного тирана отдаленного прошлого приобрел в дальнейшем типичные черты политического вождя IV века.

Можно сказать даже больше: рассказ об Аристодеме у Дионисия во многом совпадает с рассказом Диодора о тиране конца четвертого века Агафокле Сиракузском.

Сопоставим повествования Диодора и Дионисия. Оба политических деятеля, и Агафокл, и Аристодем, в молодости отличились в битвах и оба по вине правящей группы были лишены заслуженной ими воинской награды: Аристодем — по вине кум-

¹ Ср. клятву гелиастов: οὐδὲ τῶν χρεῶν τῶν ἰδίων ἀποκοπᾶς, οὐδὲ γῆς ἀναδασμὸν τῆς Ἀθηναίων, οὐδὲ οἰκιῶν (ψηφιοῦμαι) (Demosth., XXIV, 149) и клятву критян: οὐ [δὲ γᾶς] ἀναδασμὸν οὐδὲ οἰκιᾶν, οὐδὲ οἰκοπέδων, οὐδὲ χρεῶν ἀ[ποκοπ]ᾶν ποιησέω. Ср. также Plato, Leg., 684 E.

ской знати и аристократического совета, Агафокл — по вине Сосистрата, главы сиракузских олигархов (Dionys. Halic., VII, 4; Diod., XIX, 3). Аристодем после похода против тирренцев, на обратном пути, перед высадкой в Кумах, созывает сходку воинов и выступает с речью, в которой обвиняет аристократов и, напоминая о своих благодеяниях по отношению к родине, просит солдат оказать ему помощь, если ему будет угрожать опасность со стороны «олигархов». Агафокл также выступает перед своими воинами с речью, обвиняет олигархов в произведенном на него покушении и «оплакивает свою судьбу» (Dionys. Halic., VII, 6; Diod., XIX, 6, 4). Оба созывают совещание олигархов под предлогом обсуждения государственных дел, в обоих случаях сейчас же после этого начинается кровавая расправа с олигархами при участии воинов (Dionys. Halic., VII, 7; Diod., XIX, 6, 5).

Оба, захватив насильственным путем власть, созывают народное собрание, выступают с речами, возлагая вину на убитых олигархов, и провозглашают свободный демократический строй. Оба стремятся упрочить свою популярность обещанием сложения долгов и земельных раздач, обоим народ выбирает на должность стратега-автократора, для обоих эта должность является лишь средством для полного захвата власти и уничтожения демократического строя (Dionys. Halic., VII, 7—8; Diod., XIX, 9, 1).

Следует отметить, что совпадение сюжетных мотивов в повествовании Диодора об Агафокле и Дионисия об Аристодеме касается лишь той части рассказа, где речь идет у Диодора о молодом Агафокле (путь к власти), а у Дионисия об Аристодеме-тиране (т. е. тоже путь к власти). Подобный параллелизм можно было бы объяснить поразительным совпадением событий, но это уже потому невероятно, что, по крайней мере относительно Аристодема, мы имеем не документ, представляющий историческое свидетельство, а позднюю литературную переработку предания. Предположение, что оба автора следуют одному и тому же литературному шаблону, также не дает объяснения параллелизма обоих сюжетов, поскольку не выяснен вопрос об источниках Дионисия и Диодора для данной части текстов.

Относительно Диодора вопрос этот в значительной степени уже разрешен: в истории Агафокла Диодор, по всей видимости, пользовался двумя источниками, один из которых был настроен положительно по отношению к Агафоклу¹. Изложение этого источника Диодор перебивает вставками из сочинения другого автора, настроенного по отношению к Агафоклу враждебно. Этим автором был современник и враг Агафокла Тимей. Тимею принадлежат те черточки в характеристике деятельности и личности Агафокла, благодаря которым складывается обобщенный, резко отрицательный образ тирана.

Вопрос о том, какими же источниками пользовался Дионисий Галикарнасский в изложении истории Аристодема, неясен и требует специального исследования.

В тексте Дионисия об Аристодеме можно выделить самостоятельный законченный новеллистический сюжет, со своей особой литературной историей, которую, мне кажется, мы имеем возможность проследить. Этот сюжет относится к Аристодему-тирану и не включает деятельности Аристодема-полководца, Аристодема — друга Тарквиния, словом, тех сторон деятельности Аристодема, которые связывают его с Римом и с италиками.

В изложении истории Аристодема, взятой в целом, Дионисий пользовался по меньшей мере двумя источниками, причем один из них был настроен по отношению к тирану Кум благожелательно, второй — враждебно. Такое заключение вытекает из указания самого автора «Римских древностей» о существовании двух, противоречащих друг другу оценок личности легендарного вождя кумского демоса в предшествовавшей историографии. Одни историки, по его словам, объясняли странное прозвище тирана «Малакос» тем, что он якобы обладал «мягким характером и был умерен в гнев», другие же толковали это прозвище в позорном для Аристодема смысле (Dionys.

¹ Laqueur, RE, s. v. Timaiōs, 1163 слл.

Halic., VII, 2). Подводя итог деятельности Аристодема-тирана, Дионисий дает ему следующую характеристику: «И во многом другом поступив по отношению к куманцам нагло и оскорбительно и не воздержавшись ни от какой необузданной жестокости,— когда он решил, что его власть прочна, понес он, уже стариком, немалое наказание от богов и людей, будучи уничтожен со всем своим родом» (Dionys. Halic., VII, 9). Подобная характеристика могла быть заимствована автором только из враждебного Аристодему источника. Таким же темными красками рисует Дионисий всю деятельность Аристодема-тирана. В то же время Аристодем показан им как умный и храбрый воин и популярный народный вождь, несправедливо преследуемый знатью. Только в двух случаях в тексте, содержащем описание деятельности Аристодема до захвата им власти, встречаются слова, намекающие на будущую роль Аристодема как вождя «испорченной черни»: в § 6 гл. VII указывается, что Аристодем после победоносного похода против тирренцев собирает в своей палатке «самых испорченных» из своих воинов и, «развратив» их «подарками и лживыми надеждами», внушает им желание ниспровергнуть существующий в Кумах политический строй, и в § 4 гл. VII говорится, что Аристодем стал «ужасным и ненавистным знати». После описания совершенного заговорщиками государственного переворота Дионисий последовательно дает изображение только «ужасного и ненавистного тирана». Отныне его дела — сплошная цепь преступлений, приведшая его к справедливому возмездию со стороны «богов и людей». В данной части текста нет внутренних противоречий. Несомненно, он восходит к одному источнику, враждебному Аристодему.

Краткое сообщение о деятельности Аристодема мы встречаем также у Диодора (кн. VII, фрагмент 10): «Появился тиран в городе Кумах, по имени Малакос, который, будучи популярным у народа и постоянно донося на могущественных, захватил власть и наиболее богатых из граждан убил, имущество же их захватив, содержал наемников и был ужасен куманцам».

Бросается в глаза сходство между этим сообщением Диодора и повествованием Дионисия об Аристодеме. Между ними не только сюжетная близость, но в некоторых случаях и дословное совпадение: у Дионисия Аристодем «был ненавистен и ужасен руководителям знати», у Диодора та же мысль выражена в сходном обороте, но более сжато: «И ужасен был куманцам». В повествовании Дионисия для завоевания популярности у народа Аристодем прибегает к демагогическим речам и к раздаче денег бедноте из собственных средств. У Диодора о том же сказано коротко: «...И пользовался доброй славой у народа». В повествовании Дионисия Аристодем, привлекая на свою сторону народ («τὸ πλῆθος»), одновременно разоблачал «могущественных», присваивающих себе государственные средства. Близкий оборот употребляет и Диодор: «...постоянно доносил на наиболее могущественных»¹. В обоих текстах переворот сопровождается убийством влиятельных кумских граждан. «Наиболее богатые» граждане Диодора соответствуют «лучшим» гражданам в тексте Дионисия. В обоих случаях употребляется выразительный глагол «закалывать». После убийства граждан Аристодем забирает себе их имущество. Об этом в обоих текстах сообщается опять-таки в совершенно сходных выражениях, совпадающих синтаксически и лексически (Dionys. Halic., VII, 8; Diod., ук. фрагм.). В повествовании Дионисия Аристодем опирается на три отряда, причем первый состоял из «негоднейших граждан», второй — «из самых нечестных рабов», третий был отрядом наемников, «из самых диких варваров». У Диодора о том же коротко: «Содержал наемников».

Итак, оба текста и по содержанию, и по лексике настолько близки друг другу, что это не может быть объяснено случайностью. Очевидно, оба текста восходят к общему источнику, которым был, по всей вероятности, Тимей. Диодор сильно сократил свой источник, Дионисий его переработал. В основе предания могла лежать и местная куманская хроника, в которой запечатлелось сказание о древнем популярном вожде

¹ Слово διαβάλλω у Диодора в данном контексте следует понимать в смысле «доносить».

куманской бедноты. Наличие двух вариантов сказания свидетельствует о том, что в фольклоре его имя (а может быть, прозвище) было связано с трафаретными мотивами «перевернутых» общественных отношений. У Плутарха они послужили основой для занимательного анекдота. В тексте Дионисия они приобрели политическую мотивировку, и новелла об Аристодеме по форме и содержанию приблизилась к памфлету, остреем своим направленному против демократического движения, причем и обстановке, и народному вождю приданы были характерные черты политической борьбы, типичные для условий четвертого века. Эту своеобразную «модернизацию» новеллы можно отнести именно за счет Тимея. Вполне в духе сицилийского историка типизировать: он легко мог наделить героя кумской легенды теми качествами, какие были присущи его собственным современникам и были ему особенно ненавистны.

Если правильно наше предположение, что источником Дионисия, враждебным Аристодему, действительно был Тимей, то получает объяснение ряд сюжетных совпадений в истории молодого Агафокла у Диодора и Аристодема-тирана у Дионисия. Надо подчеркнуть, что в обоих рассказах совпадают те мотивы, которые восходят у Диодора к Тимею, а у Дионисия к враждебному Аристодему источнику, т. е. опять-таки, вероятно, к Тимею.

Моральный приговор, который выносит Дионисий — Тимей легендарному «стратегу-автократору» древних Кум, «ужасному» (φόβερός) тирану, получившему в конце концов «возмездие от богов и людей» за свои злодеяния, должен был звучать как приговор другому стратегу-автократору, сицилийскому тирану Агафоклу.

Из всего сказанного следует, что в тексте Дионисия Галикарнасского об Аристодеме сохранилось очень мало следов от подлинной исторической традиции. Достоверным остается только факт существования в древних Кумах враждебного знати и популярного у народа тирана со странным прозвищем «Малакос» (Нежный). Все детали повествования надо признать результатом поздней литературной переработки предания. Любопытно, что и рассказ о падении Аристодема имеет характерные черты новеллы и что его детали поразительно близко напоминают историю низвержения фиванских олигархов в 379 г., которая уже у современников стала достоянием фольклора. Но если новелла о тиране Аристодеме у Дионисия может лишь в незначительной степени послужить источником для истории древних Кум, то она, несомненно, представляет интерес в другом отношении — как памятник политической литературы четвертого века до н. э.

Е. А. Миллиор

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ АМАРНСКОГО ИСКУССТВА

В изучении истории древнеегипетского искусства «амарнское» искусство занимает особое место. Историческая обстановка этого периода и памятники искусства, созданные в это время и выделяющиеся особым стилем из всего иного, дошедшего до нас материала, вызывают усиленное внимание исследователей.

Однако буржуазные ученые вследствие неправильного методологического подхода к изучению данного вопроса не смогли понять ни общественно-исторических причин, обусловивших возникновение самой реформы Аменхотепа IV, ни сущности его религиозного учения, ни характерных особенностей искусства этого времени. Игнорирование всей совокупности конкретных исторических фактов, произвольное толкование отдельных, произвольно же выхваченных из общей неразрывной цепи событий, неумение правильно связать явления идеологического порядка с закономерно породившими их социально экономическими причинами, наконец, чисто внешний анализ памятников искусства, воспринимаемых в отрыве от создавших их общественных

условий,— таковы причины отсутствия до настоящего времени удовлетворительного очерка развития искусства Амарны.

Общая методологическая порочность подхода к изучению амарнского искусства неоднократно проявлялась в пренебрежительном отношении к хронологии периода в целом, в некритическом и неполном привлечении источников, в результате чего неизбежно появлялись натяжки и неправильные выводы о «причинах» специфики амарнского искусства, в недопустимо беспечном отношении ряда авторов к датировке памятников Амарны. Хотя многие памятники, созданные в самой Амарне, не могут быть сразу безоговорочно датированы определенным временем правления Эхнатона, тем не менее имеется достаточное количество произведений, относительно дат которых сомнений нет и которые могут служить твердыми опорными пунктами для периодизации амарнского искусства. Таковы произведения, созданные еще до переселения двора в новую столицу, т. е. до 6-го года правления Эхнатона (сюда относятся сохранившиеся части скульптур и рельефов храма Атона в Фивах¹ и рельефы в фиванских гробницах вельмож Эхнатона², а также рельефы и скульптуры пограничных стел, сооруженных при основании новой столицы в 6-м году)³. Кроме того, некоторые основания для периодизации памятников Амарны дают последовательные изменения имени и эпитетов нового бога Атона, установленные Брестедом и Девизом и уточненные Зете, и Генном⁴. Однако, несмотря на давно известные данные, далеко не все авторы использовали их при своих попытках построить тот или иной вариант истории искусства Амарны, предпочитая определять время создания разбиравшихся ими памятников произвольно, в зависимости от того, к какой схеме их надо было подогнать, и не задумываясь о том, что отнесение царских статуй из Ахетатона к тому или иному фараону оказывалось в непримиримом противоречии с фактами. Наконец, правильному пониманию амарнского искусства немало мешала и неверная оценка его творцов.

Естественно, что подобный подход к изучению памятников Амарны не мог привести и не привел к созданию подлинной истории искусства этого периода, поэтому ряд отдельных правильных наблюдений, сделанных некоторыми буржуазными учеными, так и остался только отдельными наблюдениями. Так, например, Вольф, правильно отметив, что религия Атона целиком сложилась на египетской почве, тут же сводит всю реформу Эхнатона к одним лишь религиозным мотивам⁵. Шефер, правильно определяя чисто египетский характер религии Атона и указывая, что амарнское искусство является дальнейшим этапом развития искусства XVIII династии, тут же «объясняет» быстроту и глубину расцвета искусства Амарны, как результат деятельности неизвестного гениального художника, которого якобы нашел Эхнатон и поставил во главе новой школы⁶. Даже такой знаток Амарны, как Пендлбэри, проводивший там раскопки в продолжении многих лет, и тот не может объяснить развитие амарнского искусства без предположения о некоем решающем толчке извне. Понимая всю несостоятельность прежних попыток объяснить специфику амарнского искусства малоазиатским происхождением жены, матери и бабки Эхнатона, поскольку уже твердо

¹ Chevrier, Ann. du Serv., XXVI (1926), табл. II; XXVII (1927), стр. 143—147; XXXI (1931), табл. IV; XXXVIII (1938) табл. IX.

² N. Davies, Akhenaten at Thebes, JEA, т. IX (1923), стр. 132—152; N. Davies, The tomb of the vizier Ramose, London, 1941.

³ N. Davies, Amarna, V (1907), табл. XXXVI, XXXIX.

⁴ Советский египтолог Ю. Я. Перепелкин в итоге тщательных исследований пришел к выводу о возможности еще более точного датирования памятников Амарны, так как ему удалось установить закономерность еще иных вариантов эпитетов Атона. К сожалению, выводы Ю. Я. Перепелкина до сих пор им не опубликованы, и воспользоваться ими пока нет возможности.

⁵ W. Wolf, Vorläufer der Reformation Echnatons, ÄZ, т. 59 (1924), стр. 116 сл.

⁶ Schaefer, Amarna, стр. 51.

установлено, что Нефертити, Тия и Мутемвия были египтянками (а Мутемвия и Нефертити к тому же царевнами-наследницами), Пендлбэри прибегает к неожиданной и ничем не обоснованной гипотезе: высказывает предположение о том, что у Эхнатона мог существовать воспитатель критянин, под влиянием которого Эхнатон воспринял особенности критского искусства, что и повлекло за собой возникновение в Египте совершенно нового по своему характеру и принципам искусства Амарны¹.

Примерами подобных несерьезных и неглубоких попыток объяснить специфику амарнского искусства избобилуют и другие работы.

Представляется необходимым при изучении искусства Амарны исходить из его обусловленности существом реформ и учения Эхнатона и рассматривать его в свете всей совокупности исторических условий, в которых эти реформы и это учение возникли. Это значит, что перед исследователем амарнского искусства стоит задача полного охвата всего дошедшего фактического материала, как бы подчас незначителен он ни казался. При изучении собранного материала необходимо уделить особое внимание выяснению путей развития идеологии времени XVIII династии вообще и, в частности, фиванского искусства конца этой династии и его роли в сложении искусства Амарны. При анализе памятников амарнского искусства необходимо предварительно проделать работу как по датировке произведений (взяв в качестве твердых вех точно датированные вещи), так и по их определению, а также разрешить вопрос о художниках Амарны. Только такой подход к искусству Амарны поможет нам правильно его понять. В рамках данной статьи нельзя дать полного и исчерпывающего обзора всего вопроса о ходе развития амарнского искусства², остановимся лишь на основных моментах этого развития.

Конец XV в. до н. э. был в истории Египта одним из периодов, отличавшихся большой сложностью политической обстановки. Как показали советские историки³, сложность эта была обусловлена не только конфликтом между царской властью и жречеством, к чему сводят все дело буржуазные египтологи, но объяснялась обострением отношений между царской властью и рабовладельческой знатью номов, с которой жречество было тесно связано. Эти отношения, бывшие вообще одним из характерных противоречий внутри рабовладельческой верхушки египетского общества, проявлялись в разные периоды истории Египта в различных формах, то затухая, то разгораясь в зависимости от конкретных исторических условий. Знать номов продолжала оставаться для царской власти достаточно сильным противником и в Новом царстве, несмотря на ряд мероприятий, проводившихся фараонами в предшествовавшие периоды. Завоевательные войны царей начала XVIII династии привели к резкому обогащению верхушки знати и жречества. При этом особенно выдвинулось фиванское жречество бога Амона-Ра. Благодаря тому, что в итоге победоносных войн в храм Амона — главное государственное святилище страны — поступали огромные богатства, жречество бога Амона постепенно сделалось грозной силой, желавшей диктовать свои требования царской власти. Уже с середины XVIII династии имеются отдельные, но достаточно показательные свидетельства о надвигавшемся столкновении внутри рабовладельческой верхушки египетского общества.

Ко времени Аменхотеп IV конфликт назрел уже настолько, что фараон рискнул пойти на открытую борьбу и попытаться решительно ограничить влияние номовой знати и жречества. В этой борьбе Аменхотеп IV опирался на недовольных господством знати рядовых свободных, немху, представители которых и вошли, как известно, в новое придворное окружение. Однако вступая в борьбу с таким сильным противником,

¹ J. D. S. Pendlebury, *Tell el-Amarna*, London, 1935, стр. 126.

² Такой обзор будет изложен в подготавливаемом автором следующем выпуске «Истории искусства древнего Египта».

³ В. В. Струве, *История древнего Востока*, М — Л., 1941, стр. 188 сл.; В. И. Авдиев, *История древнего Востока*, М., 1948, стр. 219 сл.; 2-ое изд.— М., 1953, стр. 253 сл.

как знать и жречество, и в первую очередь жречество Амона, фараон в условиях древневосточного рабовладельческого общества неизбежно должен был облечь свою политическую программу в форму нового религиозного учения и противопоставить официальному культу Амона, а впоследствии и других богов, новый особый культ, выдвигнув в качестве единого истинного божества бога Атона — солнечный диск. Атон был объявлен царем Египта, а фараон — его возлюбленным сыном и единственным человеком, которому божественное откровение дало возможность познать истинную веру. Введение нового культа было для Аменхотепа IV важным оружием в деле осуществления задуманной им реформы. В борьбе с экономическим и политическим могуществом жречества надо было разрушить веками создававшийся авторитет жрецов, для чего нужно было опорочить тех богов, которым служили жрецы. Именно эту цель и было призвано осуществить новое учение, согласно которому только царю была известна настоящая истина, открытая ему единственно истинным богом — Атоном. Фараон открыто порывал с прежним государственным культом Амона-Ра, который отныне объявлялся ложным.

Этот разрыв царя с официальным культом неизбежно должен был сопровождаться и столь же резким разрывом с привычными формами египетского храмового ритуала, ибо если оказывались ложными боги, то не менее ложными были их образы, обряды и храмы. Новое учение получило новое, необычное оформление, которое резко отличалось от всей привычной для современников Аменхотепа IV религиозной обрядности. Новый бог не имел статуй, чтити само солнце; культ Атона происходил в храмах нового типа — под открытым небом. На сохранившихся стенах с изображением новых обрядов, совершавшихся в этих храмах, Атон показан в виде парящего в небе диска со священной змеей уреем, на шее которой висит знак жизни — анх; такие же знаки жизни держат и руки, которыми оканчиваются многочисленные лучи, идущие от диска и осеяющие фигуры царя и его жены. Такой многорукий диск всюду сопутствует изображениям последних на памятниках, наглядно свидетельствуя перед всеми египтянами, что Атон особо покровительствует именно царю. Внешнее оформление нового культа вполне соответствовало его основной идее — апологии царской власти.

Идеологические корни реформ Эхнатона так же, как ее социально-экономические предпосылки, были очень глубоки, и хотя его религиозно-философское учение и было, повидимому, окончательно сформулировано им самим, тем не менее оно подготовлялось всем предшествующим ходом развития египетской культуры времени XVIII династии. Это отчетливо видно по целому ряду фактов, на первый взгляд, быть может, и не столь значительных, но в действительности крайне важных, ибо они являются свидетельством того, что учение Эхнатона, как и вся его реформа, закономерно выросло на египетской почве.

Памятники предшествующих царствований показывают нам существование образа крылатого солнечного диска с руками и культа Атона задолго до Аменхотепа IV, причем и образ солнечного божества и культ Атона уже тогда были тесно связаны с идеей покровительства царской власти¹. Выдвижение этого культа, видимо, следует рассматривать как одну из попыток фараонов второй половины XVIII династии опереться на такой культ, который можно было бы противопоставить другим культам (такими же мероприятиями были стремления царей выдвинуть то культ Большого Сфинкса, древнейшего символа обожествленного царя, то культ Монту).

При рассмотрении религии и литературы предшествующих Амарне десятилетий можно уже проследить усиленный интерес к вопросам морали и познанию истины, которое получило затем столь видное место в учении Эхнатона. Именно в течение XVIII династии окончательно складывается самая существенная часть

¹ Selim bey Hassan, A representation of the Solar disk with human hands and arms and the form of Horus of Behdet, as seen on the stela of Amenhotep II-nd in the mud brick temple at Giza, *Ann. du Serv.*, XXXVIII (1938), стр. 53—61; M. et J. Dorese, Le culte d'Aton avant le schisme amarnien, «*Journal asiatique*», т. CCCXXXIII (1941—942), стр. 181—199.

«Книги Мертвых» — знаменитая 125-я глава с перечнем грехов, в совершении которых умерший объявляет себя невиновным на загробном суде Осириса. Следовательно, в этот период происходит и отбор понятий грехов. Приобретает особое значение идея загробного суда, возникшая еще в Древнем царстве. Рост подобных тенденций в религиозно-философских текстах XVIII династии явился своеобразным ответом на все усиливавшееся недовольство масс рядовых свободных, тяготившихся своим придавленным положением по сравнению с все возрастающим богатством знати. Жречество, тесно связанное со знатью, пытаясь парализовать требования рядовых свободных, начало развивать учение о социальной справедливости в загробном мире.

Весьма характерно, что религиозно-философские поиски «истины» немедленно используются фараонами в целях укрепления своей власти в нарастающей борьбе со знатью и жречеством. Они объявляют обладателями истины себя и тем самым пытаются поднять свой авторитет. Неслучайно, например, что Аменхотеп III вводит «истину» в свою титулатуру, назвав себя «Ха-эм-маат» — «воссиявший в истине»; на ряде памятников царь объявляется «живущим в истине». Таким образом, эта основная идея учения Эхнатона, столь выдвигаемая текстами Амарны, несомненно, возникла и до некоторой степени уже оформилась еще в предшествующие десятилетия.

Сопоставление гимнов Атона с гимном Осирису¹ на стеле начальника стад Амона Амонмеса и так называемым «Большим каирским гимном Амону-Ра»², несомненно относящимися к доамарнскому времени, показывает наличие не только идентичных мыслей, но и иногда и почти полное совпадение в выборе образов.

Приведенный ряд фактов, который можно было бы еще увеличить, достаточно ясно показывает, что учение Эхнатона никоим образом не должно считаться ни внезапно возникшим, ни заимствованным извне. Как вся политика Аменхотепа IV, так и его религиозно-философские взгляды появились в итоге определенных исторических условий, в которых протекало развитие самого египетского общества. Установление этого положения очень важно для правильного понимания характера искусства рассматриваемого периода.

Новое учение, провозглашенное царем, должно было послужить обоснованием и оправданием действий фараона. Как известно, объявление единым истинным божеством Атона повлекло за собой закрытие древних храмов, уничтожение изображений прежних богов, конфискацию храмового имущества. Фараон покинул Фивы и построил себе новую столицу в среднем Египте, назвав ее Ахетатон, т. е. «Горизонт Атона». Сам он также принял новое имя — Эхнатон. Царь вообще всячески стремился подчеркнуть свой разрыв с традициями прошлого, строгое соблюдение которых всегда являлось в руках господствующей верхушки сильным средством идеологического воздействия на массы. Так, Эхнатон приказал и официальные надписи, и художественную литературу, и даже гимны новому богу писать разговорным языком, а не устаревшим книжным, которым писали до него. Естественно, что не менее решительный перелом должен был произойти и в искусстве, столь тесно связанном в Египте с религией.

Новый стиль возник в самом начале реформ Эхнатона, возник сразу, и при этом сознательно, как одно из важных и наглядных средств борьбы с прежними порядками. Уже памятники, созданные в начале правления Эхнатона, резко отличаются от всего предшествующего сознательным отказом от канонических форм. Таковы рельефы и

¹ Стела С-286 Лувра, Е. L e d r a i n, Les monuments égyptiens de la Bibliothèque nationale. Bibliothèque de l'École des Hautes Études, Paris, 1879, табл. XXI—XXVII. На стеле уничтожены имена Амона, что указывает на ее доамарнскую дату, см. Ch. B o r e u x, Antiquités égyptiennes, Paris, 1932, т. I, стр. 156 сл.

² A. M a r i e t t e, Les papyrus de Boulaq, т. 2, Paris, 1873, табл. 11—13. О датировке гимна временем Аменхотепа II см. G. M ö l l e r, Zur Datierung der literarischen Handschriften aus der ersten Hälfte des Neuen Reichs, ÄZ, т. 56 (1920), стр. 34 слл. Думаю, что сопоставление этого гимна с гимном Аменхотепа II на стеле из Гизэ (Ann. du Serv., XXXVIII, 1938, стр. 53 слл.) явится еще одним убедительным аргументом в пользу датировки «Большого гимна Амону» временем Аменхотепа II.

скульптуры фиванского храма Атона, рельефы пограничных плит новой столицы и высеченные рядом с ними статуи. Все эти памятники сделаны совершенно «по-новому». Вместо привычных традиционных образов царей, изображенных одинаково с богами, что подтверждало равную божественную сущность и тех и других, теперь появились памятники, неожиданно и резко поправившие все веками освященные образцы. Вместо крепкихмогучих тел царей со сверхъестественно развитой мощной мускулатурой статуи нового фараона показывали слабое тело с большим одутловатым животом, непропорционально широкими бедрами и узкими шиколотками хилых ног. Необычны были и лица этих скульптур, лишенные привычной идеализации и не скрывающие той болезненной слабости, которой было отмечено и тело фараона. В противоположность прежним памятникам впервые в истории египетского искусства образ всепильного владыки Египта не производил теперь впечатления той непоколебимой мощи, которую были всегда так насыщены скульптуры фараонов и которая была неотъемлемой чертой подобных памятников всех периодов и самых различных стилистических направлений. Это своеобразие скульптур Эхнатона явилось закономерным следствием его мероприятий. В памятниках его предшественников образы богов внешне всегда совпадали с образом правящего фараона, ибо, поскольку последний считался сыном по плоти верховного бога, было естественно, чтобы и их внешние облики были схожи и тем самым наглядно подтверждали их родство, а следовательно, и божественное происхождение царя. И вот именно вследствие наличия подобных представлений Эхнатон и не мог допустить какого-либо схождения между собственными изображениями и привычными образами царей, т. е. тем самым и прежних богов. Отсюда вытекала необходимость создания новых образов фараона и его семьи. Попытки найти новые образы в соответствии с общим характером учения Эхнатона, в котором, как известно, много внимания уделялось поискам «истины», были направлены в сторону создания возможно более правдивых, близких к оригиналам образов. На рельефах также были нарушены каноны: фигуры царя и членов его семьи стали изображать в полном профиле, без требуемого традицией условного фасного разворота плеч.

Памятники Амарны показывают, что не менее резко изменилось и их содержание, ибо мы впервые видим теперь изображения египетского царя в быту, впервые с ним вместе показывается его семья, причем явно подчеркивается нежная любовь, связывающая членов семьи. Характерно стремление передать конкретную обстановку, в которой происходят все события: никогда еще до Амарны египетское искусство не знало такого количества и разнообразия изображений садов, домов, дворцов, храмов. Появление подобной тематики в гробницах придворных Эхнатона понятно. Раньше на стенах гробниц изображались или сцены погребального ритуала, или наиболее значительные эпизоды из жизни владельца гробницы. Первый раздел изображений в Амарне не мог иметь широкого распространения вследствие религиозных новшеств. Взамен этого стены гробниц Ахетатона заполнены гимнами новому божеству и интересными основную часть стен изображениями из жизни владельцев гробниц. Стремление подчеркнуть тот факт, что их деятельность проходила в новой столице, послужило поводом показа ее дворцов и храмов. Таким образом, художникам Ахетатона пришлось создавать заново целый ряд композиций.

Все это удалось не сразу. Создателями новых памятников были те же художники, которые до этого работали в Фивах и воспитывались в мастерских, где из поколения в поколение передавались не только навыки, но и идеи, обуславливавшие содержание памятников. Теперь же перед этими людьми были поставлены новые требования, резко нарушавшие и усвоенные ими представления, и рамки, в которых протекало их творчество. Требования эти были обязательны, ибо они исходили от самого царя, как это ясно видно, например, из слов Беки, начальника скульпторов храма Атона в новой столице и руководителя всех работ в каменоломнях Ассуана, который пишет о себе, что он лишь «подручный, которого научил сам царь»¹.

¹ F. W. B i s s i n g, Denkmäler zur Geschichte der Kunst Amenophis IV, SBAW, 3(1914), табл. I, 1.

Переход от прежних форм к новым был настолько крут, что всем мастерам равно приходилось заново овладевать новыми формами. От привычных композиций, обликов, линий, которые передавались от поколения к поколению, надо было сразу перейти к другим, только что принятым и абсолютно обязательным. Неудивительно поэтому, что на первом этапе появления нового стиля памятники отличались необычной для произведений египетских мастеров несоразмерностью отдельных частей фигур, резкостью линий, угловатостью одних контуров и чрезмерной закругленностью других. Вследствие этого многие буржуазные египтологи, забывая о бесспорно официальном значении и местоположении данных памятников, объявили их в свое время «карикатурами».

Однако постепенно эта первоначальная обостренность новых черт в произведениях мастеров Ахетатона стала исчезать, уступая место яркому расцвету их творчества. Впервые египетский художник был внезапно освобожден от веками сдерживавшего его искания канона и в итоге он создал подлинно прекрасные памятники, донные производящие незабываемое впечатление и вызывающие заслуженное восхищение. Лучшими образцами этого периода творчества мастеров Ахетатона из дошедших до нас остатков их произведений являются портретные головы Нефертити¹. Исключительное умение мастера при явном, очень строгом отборе черт создать дышащие жизнью лица ставит амарнские портреты на неповторившуюся после них в египетском искусстве высоту.

Найденные при раскопках Ахетатона мастерские скульптуров дали ценный материал для выяснения методов их работы. Незаконченные скульптуры и особенно гипсовые маски, снятые не только с умерших, но и с живых людей, показали, как упорно работали такие мастера, как знаменитый начальник скульптуров Тутмес, в мастерской которого были найдены замечательные головы Нефертити, ее дочерей, ее статуэтка и другие памятники, или неизвестный скульптор, создавший чудесный портрет царицы, найденный в раскопках 1932—1933 гг. Именно на таких масках художник и удалял ненужные ему детали и путем ряда последовательных отливок, каждая из которых подвергалась новой обработке, достигал, наконец, того совершенства в отборе черт, которое так поражает нас в скульптурах Ахетатона.

Находки в мастерских показали также, что мастера новой столицы, стремясь создать возможно более близкие к действительности памятники, стали широко применять сочетание в одной статуе различных материалов. Лица и руки статуй высекались теперь чаще всего из кристаллического песчаника, хорошо передающего цвет смуглого, загорелого тела, покрытые же белыми одеждами туловища делались из известняка. Попрежнему применялась раскраска скульптур, равно как и изготовление вставных глаз.

Отмеченное на скульптурах изменение стиля одновременно наблюдается и на рельефах позднейших гробниц Ахетатона: эти рельефы также отличаются отсутствием утрировки новых черт, мягкостью выполнения и естественностью. В полном соответствии с изменением формы и в содержании рельефов наблюдается то же растущее стремление возможно ближе и правдивее передать окружающую действительность (изображения природы, единственная в египетском искусстве сцена оплакивания царем и его семьей смерти второй дочери фараона царевны Макетатон, и т. п.).

По аналогичным путям шло и развитие художественного ремесла, где с небывалым разнообразием использовались реалистически переданные растительные мотивы и особенное внимание уделялось богатству расцветки изделий, в частности предметов и архитектурных деталей из фаянса и стеклянных паст.

Такое широкое и яркое развитие в искусстве Ахетатона реалистических стремлений, разумеется, не могло возникнуть только в результате требований учения Эхна-

¹ Голова Нефертити из песчаника, из мастерской Тутмеса, Schaefer, Амарна, табл. 34; бюст Нефертити из известняка, из мастерской Тутмеса, ук. соч., табл. 20; голова Нефертити из песчаника из дома 0,46. 16а и 20 в Амарне (раскопки 1932—1933 гг.), JEA, т. 19 (1933), табл. XII и J. Capart, L'art égyptien. Choix de monuments. II. La statuaire, Bruxelles, 1948, табл. 349.

тона. Амарнское искусство было подготовлено фиванским искусством XVIII династии, для которого был характерен именно этот, нарастающий в течение всего периода интерес к познанию и передаче окружающего мира¹.

Художниками Ахетатона были те же фиванские мастера, некоторые из них работали раньше в Фивах при дворе Аменхотепа III (Юти, скульптор царицы Ти, скульптор Мена, отец упомянутого выше амарнского скульптора Беки). Раскопки показали, что скульпторы, которые работали из поколения в поколение по изготовлению царских гробниц в фиванском некрополе и жили там в особом поселении, были затем переселены вместе с двором в Ахетатон, где для них было построено такое же особое поселение и где они снова работали в скалах на востоке от города, сооружая гробницы². Да и анализ фиванских памятников, созданных на рубеже царствований Аменхотепа III и Эхнатона, ярко показывает не только отмеченный выше резкий перелом в искусстве, но и несомненную принадлежность ранних памятников нового направления резцу именно фиванских мастеров.

Однако как бы ни было подготовлено искусство Ахетатона всем предыдущим ходом событий, вряд ли только одно личное желание Эхнатона и освобождение художников от рамок прежнего канона в итоге требований нового учения могло бы дать столь разительные результаты, какие дало (и притом в такой короткий срок!) искусство Амарны. Думается, что для расцвета нового течения в искусстве была необходима соответствующая питающая его идеи среда.

Как указывалось, Эхнатон в проведении своих мероприятий опирался на рядовых свободных «немху». Именно из них, как показывают надписи в приготовленных ими для себя гробницах в Амарне, и состояло в известной мере теперь окружение Эхнатона. Эти новые при дворе люди принесли с собой и новую идеологию. Вспомним, что именно с возраставшим в течение XVIII династии недовольством масс рядовых свободных и был связан рост тех религиозно-философских взглядов, для которых был столь характерен интерес к вопросам истины. Это обстоятельство необходимо учитывать при попытках определить ту среду, которая могла питать новые стремления, отразившиеся в искусстве Ахетатона, и тем самым способствовать осуществлению открывшихся для его мастеров творческих возможностей.

Мы проследили, таким образом, основные этапы развития искусства времени правления Эхнатона и выяснили закономерность подобной последовательности этих этапов. Правильность такой периодизации подтверждается анализом дошедших памятников, который показывает, что все ранние скульптуры и рельефы аналогичны по стилю пограничным стелам и отличаются характерной резкостью чрезмерно подчеркнутых новых форм, отсутствующей на всех позднейших произведениях, отмеченных совершенством зрелого мастерства.

Этой периодизации не противоречат, а наоборот, полностью ее подтверждают и такие памятники, которые часто пытались отнести к началу правления Эхнатона и которые тем не менее явно выполнены в позднем стиле — имеются в виду найденные в Ахетатоне скульптуры, изображающие молодого фараона. Стремление ряда исследователей приписать этим скульптурам раннюю дату объясняется тем, что авторы подобных попыток хотят видеть здесь непременно портреты самого Эхнатона. При этом они либо вообще не задумываются над общей хронологией периода, либо извращают ее, опираясь на неправильно истолкованные источники, главным образом на данные так называемой «гробницы Ти»³. Однако внимательный анализ всех найденных в указанной гробнице памятников, равно как и обстоятельств погребения, показал, что здесь была найдена мумия Сменхкара, уложенная в саркофаг неизвестной молодой

¹ См. М. Э. М а т ь е, Искусство древнего Египта. Новое царство, Л., 1947, стр. 21, 22, 96 слл., 113 слл.

² См. материал и литературу у И. М. Л у р ь е, Забастовки ремесленников фиванского некрополя во времена Рамсеса III, ВДИ, 1951, № 1, стр. 221 сл.

³ Th. M. Davis, The tomb of Queen Tiyi, London, 1910.

Таблица I. Портретные скульптуры фараона Тутанхамона
(рис. 1—4)

женщины, принадлежавшей ко двору Эхнатона¹. Тем самым было опровергнуто предположение некоторых авторов (Картер, Вейголл и др.) относительно юного возраста Эхнатона при его вступлении на престол и основании новой столицы. Следовательно,

¹ R. Engelbach, The so-called coffin of Akhenaten, *Ann. du Serv.*, т. XXXI (1931), стр. 98—114; D. S. Derry, Note on the skeleton hitherto believed to be that of the King Akhenaten, *Ann. du Serv.*, т. XXXI (1931), стр. 115—119; R. Engelbach, Materials for a revision of the history of the heresy period of the XVIII-th dynasty, *Ann. du Serv.*, т. XL (1940), стр. 133 сл.

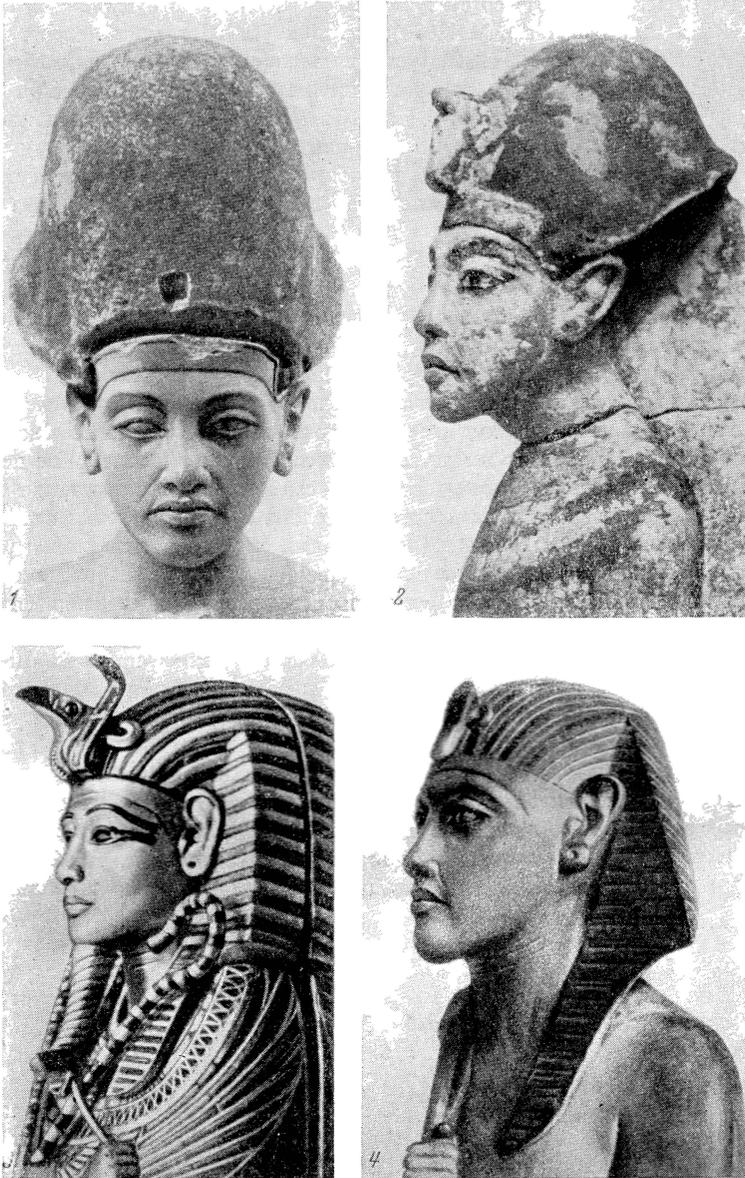

Таблица II. Портретные скульптуры фараона Сменхкара (рис. 1—4)

изготовление в этой столице таких портретов Эхнатона, которые изображали бы его в виде юноши, почти подростка, было невозможно.

Вместе с тем сравнение амарнских скульптурных портретов, изображающих молодого царя, с несомненными портретами Эхнатона явно показывает, что здесь изображены разные люди. Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить такие бесспорные портреты Эхнатона, какими являются берлинская гипсовая маска № 21348¹, гипсовая голова № 21351² из мастерской скульптора Тутмеса и алебастровая статуэтка с жерт-

¹ Schaefer, Amarna, табл. 13.

² Там же, табл. 24.

венником (Берлин, № 21835)¹ со статуэткой совсем еще юного царя с жертвенником из дома Q. 49.14 в Амарне (Каир, № 43580)² (см. табл. II, 1), статуэткой такого же юного фараона из дома Q. 44.4³ (табл. II, 2), или берлинской головой молодого царя № 20496 из мастерской скульптора P. 49.6⁴. Сравнение же этих скульптур с золотой маской Тутанхамона⁵ (табл. I, 2), его ушебти⁶ (табл. I, 4), его статуями, найденными в Мединет-Абу⁷ (табл. I, 3), и статуэткой из Метрополитэнского Музея⁸ (табл. I, 1) убедительно говорит о том, что эти скульптуры не могут являться портретами Тутанхамона, равно как они не изображают и Эхнатона. По всей вероятности, это портреты Сменхкара⁹.

Скульптурные портреты Сменхкара, несомненно, должны были существовать в Ахетатоне. Это подтверждается наличием его изображений на амарнских рельефах; так, мы видим Сменхкара вместе с его женой Меритатон на рельефе в гробнице Мерира II¹⁰ и вместе с Эхнатонем на двух незаконченных небольших стелах¹¹. Как известно, ряд исследователей считают, что Сменхкара и Меритатон изображены на берлинском рельефе № 15000¹², что представляется безусловно правильным. Помимо рельефов, в Амарне найдены и предметы художественного ремесла, отмеченные именем Сменхкара. Естественно поэтому, что в Ахетатоне имелись и его скульптурные портреты, и что поэтому мы имеем полное право связывать с именем Сменхкара такие амарнские скульптуры, которые изображают молодого фараона и в то же время отличаются от портретов Эхнатона и Тутанхамона. Для подобных скульптур характерен ряд общих черт, а именно: лицо не столь длинное и худощавое, как лицо Эхнатона, но более удлиненное, чем лицо Тутанхамона; глаза с тяжелыми веками, не отличающиеся таким узким разрезом, как глаза Эхнатона, но все же несколько менее раскрытые по сравнению с Тутанхамоном; опущенные углы рта, со слегка выступающей нижней (а не верхней, как у Эхнатона) губой и складками по сторонам рта. По своему стилю эти портреты резко отличны от ранних памятников Амарны и близки к портретам Нефертити и царевен и являются как бы связующим звеном между ними и памятниками Тутанхамона.

Скульптуры, которые можно связать с именем Сменхкара, очень близки к той группе памятников, которые документально с ним связаны и воспроизводят его лицо: имеются в виду четыре золотых футляра для внутренностей мумии, которые были найдены в гробнице Тутанхамона. Анализ надписей на этих футлярах показал, что под картушами Тутанхамона явно прослеживаются картуши Сменхкара и что, следовательно, футляры

¹ S c h a e f e r, Amarna табл. 18.

² Mitteilungen der Deutsch. Orient-Gesellschaft, № 50, табл. 2—4, стр. 25—27; Ann. du Serv., т. XXXVIII (1938), табл. XIV, 2.

³ JEA, т. 10 (1924), табл. XXIV, стр. 289.

⁴ Mitteilungen d. Deutsch. Orient-Gesellschaft, № 50, табл. 5.

⁵ H. C a r t e r, Tut-ench-Amun, Leipzig, т. II, 1927, Фронтиспис и табл. 73.

⁶ E. D. R o s s, The art of Egypt through the ages, N.-Y., 1931, табл. 20.

⁷ U. H ö l s c h e r, The temples of the Eighteenth Dynasty. The excavations of Medinet Habu, Chicago, т. II, 1939, табл. I, 44—47 и рис. 84.

⁸ A. L a n s i n g, A head of Tut'ankhamūn, JEA, т. 37 (1951), фронтиспис, стр. 3 сл.

⁹ Во время печатания данной статьи автору стала известна работа C. Aldred. New Kingdom Art in Ancient Egypt, L., 1951, где на стр. 84 статуэтка царя из дома Q. 44.4 в Амарне определена как портрет «Сменхкара или, что менее вероятно, Тутанхамона».

¹⁰ D a v i e s, Amarna, т. II, табл. XII.

¹¹ P. E. N e w b e r r y, Akhenaten's eldest son-in-law'Ankhkherprure', JEA, т. 14, стр. 3—9; S c h a e f e r, Amarna, табл. 30—31.

¹² Издавался неоднократно, см. S c h a e f e r, ук. соч., табл. 33, и A. H e r m a n n, Der Spaziergang im Garten, «Berichte aus d. preuss. Kunstsammlungen», Jahrgang LXIV (1943), Heft 1—2, стр. 2—4.

были сделаны для последнего¹. Как известно, в погребении Тутанхамона был использован по непонятным для нас причинам ряд предметов из погребального инвентаря Сменхкара, мумия которого, как я уже говорила, была найдена в столь неожиданной обстановке. Однако Энгельбах, указавший на принадлежность футляров Сменхкара, не сделал отсюда вывода, который, по-моему, бесспорен, а именно, что эти футляры передают черты лица Сменхкара и тем самым являются для нас ценным источником при определении других его портретов.

Внимательный пересмотр скульптур амарнского времени на основе вышеуказанных соображений позволяет ряд памятников, считавшихся портретами Эхнатона и Тутанхамона, отнести к изображениям Сменхкара. Таковыми, как кажется, являются: небольшая группа молодых царя и царицы в Лувре², голова молодого царя из коллекции Стоклет³, луврская статуя, приписываемая Эхнатону и составлявшая часть группы⁴, а также колоссы из Карнака с картушами Тутанхамона⁵ (наличие этих картушей не может служить препятствием для предлагаемой атрибуции, так как факт узурпации фараонами статуй своих предшественников широко известен). Равным образом можно считать портретами Сменхкара и рельеф с профильным изображением головы царя из дома 0.47.9 и 13 в Амарне⁶. Сопоставленные вместе, все эти памятники оказываются очень близки между собою и с рассмотренными выше портретами Сменхкара, и каждый из них значительно отличается от несомненных портретов Эхнатона или Тутанхамона.

Определение портретов Сменхкара важно не само по себе,— оно необходимо для того, чтобы объяснить наличие в Ахетатоне портретов молодого фараона, выполненных в стиле, свойственном позднему этапу амарнского искусства, и снять таким образом то кажущееся противоречие в развитии этого искусства, которое могло бы помешать построению полной и убедительной в своей закономерности картины его истории. Тем самым мы получаем и необходимое звено для перехода к заключительному этапу искусства Амарны — времени правления Тутанхамона. В этот период начинается постепенный отход от достижений Амарны, ранее всего ощущаемый на официальных памятниках Тутанхамона (рельефы Луксора, группа Тутанхамона и Амона, группы Тутанхамона, Амона и Мут, колоссы Тутанхамона из Мединет-Абу), где наследие замечательного амарнского искусства хотя еще и живо, но уже зажимается возрождаемыми рамками канонов.

Таковы в общих чертах пути развития амарнского искусства, одного из наиболее интересных и важных периодов в истории искусства древнего Египта. Мы смогли убедиться, что это искусство не было каким-то непонятным или необъяснимым явлением, а, наоборот, было подготовлено всем ходом развития истории египетского общества, и особенности его, обусловленные этим развитием, возникли совершенно закономерно.

М. Матье

¹ R. Engelbach, Material for a revision of the history of the heresy period of the XVIII-th dynasty, Ann. du Serv., т. XL (1940), стр. 137; самый футляр см. у Carter, ук. соч., т. III, табл. 52.

² Chr. Desroches, L'art égyptien au Musée du Louvre, Paris, 1941, стр. 18.

³ J. Capart, Documents pour servir à l'étude de l'art égyptien, Bruxelles, т. 1, 1927, табл. 32.

⁴ L. Vorchardt, Der Porträtkopf der Königin Teje, Lpz, 1911, рис. 9 и 10.

⁵ Schaefer, Amarna, табл. 17.

⁶ Там же.

Х Р О Н И К А

Бедржих Грозный

Недавно скончавшийся известный чешский ученый Бедржих Грозный оставил большое научное наследство всем исследователям Древнего Востока, в особенности хеттологам. За 50 лет своей научной деятельности Б. Грозный опубликовал свыше 350 работ¹.

В течение полувека Б. Грозный плодотворно занимался основными проблемами дешифровки, интерпретации и исторического обобщения материалов ряда ранее не известных древневосточных языков, а также археологическими изысканиями и исследованиями в области ассириологии². Много внимания уделял Б. Грозный экономическим проблемам истории древнего Востока³. Б. Грозный живо откликался на все публикации и исследования, связанные с языками, культурой и историей народов древнего Востока; как в печати, так и в устных сообщениях он охотно излагал ход своих исследований.

В 1936 г. Б. Грозный прочел серию лекций и докладов в СССР. На страницах ВДИ неоднократно печатались его статьи (например, «Хеттские народы и языки», ВДИ, 1938, № 2, «Доисторические судьбы передней Азии», ВДИ, 1940, № 3—4 и др.).

Широкую известность доставили Грозному его работы по интерпретации языка хеттской клинописи — несийского языка, по выявлению его индоевропейского характера и изучению его грамматики. Здесь более чем где-либо Грозный проявил себя мастером строго продуманных сопоставлений, проводимых между отдельными фактами данного языка, и тонких догадок, основанных на этих сопоставлениях⁴.

Издание Грозным переведенных и комментированных им несийских памятников⁵, особенно текста хеттских законов⁶, дало чрезвычайно ценные материалы для дальнейших исследований в области языков и истории Хеттского государства. Б. Грозный

¹ Библиографический перечень этих работ см. Arch. Or., т. XVII, вып. 1 (1949).

² Zum Geldwesen der Babylonier, «Beiträge zur Assyriologie», IV (1922); Sumerisch-babylonische Mythen von dem Gotte Ninrag. B., 1903; Die Keilschrifttexte von Taannek, Wien, 1904; Das Getreide im alten Babylonien, Wien, 1914; Bilder von den Ausgrabungen Prof. Hrozny's auf Kültepe in Kleinasien, Prag, 1926; Československé výkopy na Kültepe I—VI, «Národní Listy», 1927; Inscriptions cunéiformes du Kultépe.

³ См., например, указанные выше работы о денежной системе и зерновых культурах в древней Вавилонии.

⁴ Die Lösung des hethitischen Problems. Ein vorläufiger Bericht, MDOG, № 56 (1915). Die Sprache der Hethiter, ihr Bau und ihre Zugehörigkeit zum indogermanischen Sprachstamm, Lpz, 1916.

⁵ Hethitische Keilschrifttexte aus Boghazköi. In Umschrift mit Übersetzung u. Komm., Lpz, 1919; Keilschrifttexte aus Boghazköi. Autographiert, 5. u. 6. Heft, Lpz, 1921.

⁶ Code Hittite provenant de l'Asie Mineure, I, P., 1922.

внес также существенный вклад в дело дешифровки хеттских иероглифов. Кроме того, он впервые открыл для науки ряд древних языков Малой Азии.

Среди многочисленных исследований Б. Грозного не все, разумеется, завершались творческой удачей и не все его положения получали подтверждение в ходе дальнейшего развития науки. В частности, сделанные Грозным попытки дешифровать критское и протоиндийское письмо не получили полного признания и, несмотря на ряд интересных и остроумных наблюдений и гипотез, общие выводы его в этой области являются еще весьма спорными. Но даже спорные выводы и предположения такого выдающегося ученого, как Б. Грозный (имеются в виду попытки чтения и перевода хеттско-иероглифических, протоиндийских и критских текстов, а также комментариев к ним), ставят новые проблемы, привлекают внимание к новым лингвистическим и историческим вопросам и намечают путь их дальнейшей разработки.

Нельзя согласиться и с неподтверждающейся источниками гипотезой о приходе шумеров в Двуречье с Алтая, о странствованиях неситов, лувийцев и других индоевропейских племен, якобы совершивших длинный путь от берегов Волги до М. Азии, или о прародине семитов и хамитов на побережье Каспийского моря. Тем не менее сама по себе мысль о значительных передвижениях племен и народностей древнего Востока является правильной. Вместо абстрактных марровских схем, каких-то надуманных яфетидов, прометейдов, этрускоидов и т. д., в работах Грозного выступают реальные племена и племенные объединения.

Б. Грозного всегда привлекало обобщение разнообразного лингвистического, археологического, антропологического и исторического материала о древнем Востоке. Это нашло свое отражение в большом труде по древнейшей истории Передней Азии, Индии и Крита¹. Без учета этого труда в настоящее время не обходится построение соответственных разделов руководств по истории древнего мира.

Народно-демократическая Чехословакия высоко оценила большие научные заслуги Бедржиха Грозного перед его народом; труд Грозного был награжден государственной премией в 1947 г., а в 1952 г. маститый ученый стал одним из первых членов новообразованной Чехословацкой Академии наук.

И. М. Дунаевская, Д. Г. Редер

¹ Первое издание — Die älteste Geschichte Vorderasiens, Prag, 1940. Последнее (четвертое) издание — Nejstarší dějiny Předni Asie, Indie a Kréty, Praha, 1949.

Обсуждение работы «Вестника древней истории» за 1951—1953 гг. на заседании Бюро Отделения истории и философии

7 июля 1953 г. на заседании Бюро Отделения истории и философии под председательством чл.-корр. АН СССР А. М. Панкратовой был заслушан отчетный доклад за 1951—1953 гг. главного редактора ВДИ проф. С. В. Киселева. С содокладом от имени комиссии Отделения истории и философии, обследовавшей за указанный период работу ВДИ, выступил проф. И. И. Потехин.

По докладу главного редактора и содокладу председателя комиссии развернулись оживленные прения, в которых приняли участие: чл.-корр. АН СССР В. Н. Лазарев, чл.-корр. Н. М. Дружинин, проф. Б. Н. Граков, проф. Д. В. Кузовков и др. Всего в прениях выступило 10 человек. Бюро Отделения истории и философии приняло развернутое решение по отчетному докладу редколлегии ВДИ, которое ниже и публикуется.

РЕШЕНИЕ

БЮРО ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ ПО ОТЧЕТУ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» 7 ИЮЛЯ 1953 г.

Журнал «Вестник древней истории» за последние три года заметно перестроил свою тематику. За эти три года на его страницах напечатан ряд серьезных исследований, поставлены принципиальные вопросы древней истории, в опубликованных статьях большое внимание уделяется социально-экономическим вопросам, систематически рецензируется выходящая у нас и за рубежом литература. В отделе «Приложений» печатаются ценные источники по вопросам древней истории.

За последние три года редакция журнала опубликовала ряд боевых, интересных и в основном правильных передовых статей: «За творческое обсуждение проблем древней истории» (№ 1 за 1951 г.), «Значение трудов товарища Сталина по языкознанию для советской археологии» (№ 2 за 1951 г.), «XIX съезд партии и работа в области древней истории» (№ 4 за 1952 г.) и др. Эти статьи показывают, что редакция журнала правильно понимает свои задачи.

Редакция призывает историков древнего мира разрабатывать наиболее актуальные, ведущие научные проблемы, развивать научную критику и самокритику, вести решительную борьбу с пережитками буржуазной идеологии в советской науке, разоблачать прислужничество буржуазной историографии реакционным силам современного империализма и т. п.

Однако следует отметить, что во многих случаях эти призывы остаются лишь декларациями. В журнале редко публикуются теоретические статьи по общим проблемам древней истории, которые вооружали бы историков древнего мира руководящими, методологическими указаниями.

Журнал не опубликовал, например, ни одной специальной статьи по проблемам базиса и надстройки и их взаимоотношения в древнем мире. Слабо разрабатывается проблема возникновения и развития государства. Вопросы идеологии и культуры в главном разделе журнала полностью отсутствуют.

Журнал стоит в стороне от разработки исключительно важных проблем этногенеза, в частности этногенеза славянских народов.

Все еще мало внимания уделяет журнал проблемам древней истории восточной и Юго-Восточной Азии.

Борьба мнений на страницах журнала разворачивалась слабо. Так, опубликовав в порядке дискуссии статьи акад. В. В. Струве «Проблема происхождения наций и вопросы древней истории» (№ 2, 1951 г.) и проф. С. Л. Утченко «О классах и классовой структуре античного общества» (№ 4, 1951 г.), редакция не указала, что именно является дискуссионным в этих статьях, по каким направлениям надо вести дискуссию, не проявила активности в мобилизации материала и не получила никаких откликов. Редакция до сих пор не выразила своего отношения к этим статьям. Плохо было организовано и проведенное журналом обсуждение вопросов истории производителей материальных благ.

Борьба с антимарксистскими извращениями в науке, с разного рода пережитками буржуазной идеологии и с реакционной буржуазной историографией ведется еще далеко недостаточно.

Журнал в ряде передовых статей указывал на необходимость борьбы за преодоление марровского влияния в области древней истории и археологии. Однако журналом не было опубликовано ни одной специальной статьи, на конкретном материале разоблачающей вредное влияние марризма на историческую науку. Никто из ученых, активно пропагандировавших в прошлом так называемое «новое учение» о языке, не выступил на страницах журнала.

За три года в журнале не опубликовано ни одной статьи, посвященной специально вопросам идеологической борьбы с нашими политическими противниками. Рецензий на работы буржуазных авторов публикуется еще мало: в некоторых номерах журнала имеется лишь по одной рецензии (№№ 1 и 2 за 1950 г.), а в № 4 за 1951 г. не было ни одной рецензии. Отдельные рецензии написаны в духе буржуазного объективизма.

В разделе критики и библиографии, посвященном советской литературе, далеко не все рецензии удовлетворяют требованиям современной научной критики. Одни из них лишены элементов критики (рецензии Т. С. Пассек на книгу Б. Б. Пиотровского «Археология Закавказья» — № 2, 1950 г.), другие написаны недостаточно квалифицировано (рецензия Г. Б. Пузис на книгу «Архитектура древней Грузии» — № 1, 1951 г.).

Бюро Отделения отмечает низкий полиграфический уровень иллюстративной части журнала. Большинство иллюстраций по своему полиграфическому исполнению очень плохи и не могут служить научной документацией. Недопустимо, что журнал по древней истории вынужден кустарно изготавливать клише китайских, клинописных и древнеегипетских знаков.

Наконец, одним из серьезных недостатков в работе редколлегии журнала является неудовлетворительное планирование работы журнала. Редколлегия пытается планировать работу, заказывать статьи, но недостаточно активно борется за выполнение своих планов. Поэтому планы, как правило, выполняются лишь на 50%.

Аппарат редакции имеет всего лишь двух работников, что явно недостаточно.

В целях ликвидации указанных недостатков и улучшения работы журнала Бюро Отделения ИФ постановляет:

1. Обязать редколлегию журнала решительно поднять идейно-теоретический уровень журнала. Разработать на 1953—1954 гг. программу публикаций статей, посвященных ведущим научным проблемам древней истории, и представить ее на обсуждение Ученого совета Института истории АН СССР.

2. Обязать редколлегию журнала шире публиковать теоретические статьи по основным проблемам древней истории.

3. Обязать редколлегию вести более решительную борьбу со всеми антимарксистскими извращениями в исторической науке (марризм, объективизм, космополитизм). Особое внимание должно быть обращено на разоблачение основных школ и направлений в реакционной буржуазной историографии и на показ борьбы с ними прогрессивных ученых в капиталистических странах.

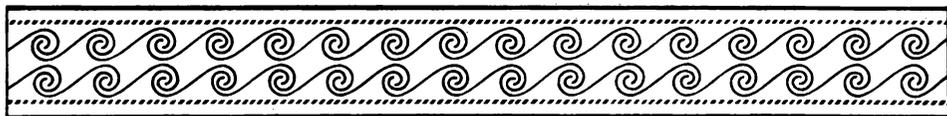
4. Обязать редколлегию решительно улучшить проведение дискуссий и обсуждений.
 5. Рекомендовать журналу «Вестник древней истории» расширить связи и осуществлять действенную помощь преподавателям древней истории в высших учебных заведениях.
 6. Рекомендовать журналу систематически проводить читательские конференции и совещания с авторским активом.
 7. Обратит внимание Издательства АН СССР на необходимость значительного улучшения полиграфической базы и оформления журнала.
-

ПРИЛОЖЕНИЕ

Г. А. МЕЛИКИШВИЛИ

УРАРТСКИЕ
КЛИНООБРАЗНЫЕ
НАДПИСИ
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

УРАРТСКИЕ КЛИНООБРАЗНЫЕ НАДПИСИ*

АРГИШТИ I, СЫН МЕНУА

ЛЕТОПИСЬ

(№ 127—128)

127.

Летопись царя Аргишти I, сына Менуа, высечена на западной стороне Ванской скалы, на так называемой «Хорхорской скале»; поэтому ее часто и называют «Хорхорской летописью». Надпись находится налево от лестницы, ведущей в высеченные в скале «комнаты царя Аргишти». Надпись разделяется на несколько столбцов. Значительная часть летописи сильно повреждена пушечными снарядами, которыми вражеские войска обстреливали Ван во время осады города; те части надписи, которые находились в зоне обстрела, наиболее пострадали (см. Belck в VBAГ, 1901, стр. 296 сл.). При восстановлении некоторых поврежденных мест летописи большую помощь оказывает текст надписи на двух камнях (двух частях одной стелы), найденных в Ване, в церкви Сурб Сахак. Эта надпись является дубликатом Хорхорской летописи, дословно повторяющей текст отдельных частей последней (см. надпись № 128). Бельк сделал попытку на основании сличения текстов Хорхорской летописи и этих обломков стелы восстановить строение всей летописи Аргишти I (VBAГ, 1901, стр. 298—299). Недавно текст Хорхорской летописи был обработан Н. В. Арутюняном в его кандидатской диссертации «Хорхорская летопись Аргишти I, царя Урарту» (1951 г.) — см. ЭВ, VII.

Изложение событий каждого года в летописи заканчивается трафаретной формулой: «Аргишти говорит: для бога Халди эти подвиги я за один год совершил» (^IArgištišē alie ^Dḫaldia ištine inanili arniušinili I MU zadubi). Обращая внимание на эти слова и сравнивая два отличающиеся друг от друга экземпляра текста летописи Аргишти I (надписи № 127 и № 128), мы полагаем, что построение летописи этого царя можно восстановить в следующем виде:

1) Началом летописи является надпись 128 АЗ, содержащая введение и начало описания событий I года царствования (ст к. 22—28).

2) Пробел. Судя по размерам пробела между оборотными сторонами камней А и В надписи № 128 (конец А2 соответствует 127, II, стк. 41, начало В2—127, IV, стк. 24; следовательно, по Хорхорской летописи промежуток между А2 и В2 равняется 10 строкам), недостает примерно ста строк, в которых имелось описание событий первых годов правления. Но в начале надписи 128 изложение велось, по всей вероятности, намного пространнее, чем в Хорхорской летописи. Это предположение подтверждается при сравнении 128 В1 с 127, I, стк. 2—16: в надписи 128 В1 описываются, очевидно, события того же похода, которые весьма лаконично изложены в Хорхорской летописи — в 127, I, стк. 2—16. Есть основание полагать, таким образом, что события, описанные в 127 I, стк. 2—16 (= 128 В1), имели место если не в I, то, по крайней мере, не позднее II года правления Аргишти I.

3) 127, I, стк. 2—16 (= 128 В1): походы II (?) года царствования. Хорхорская летопись (127) содержит чрезвычайно лаконичное повествование. 128 В1 знакомит с довольно пространством изложением одного из событий II года царствования (с походом против Диаухи).

* Продолжение (см. ВДИ, № 1 и 2 за 1953 г.).

- 4) 127, I, стк. 17—II, стк. 4: походы III (?) года царствования.
 5) 127, II, стк. 5—24: походы IV (?) года царствования.
 6) 127, II, стк. 25—50 (стк. 25—41 = 128 A2): походы V (?) года царствования.
 7) 127, II, стк. 51—III, стк. 19: походы VI (?) года царствования.
 8) 127, III, стк. 20—45: походы VII (?) года царствования.
 9) 127, III, стк. 46—IV, стк. 13: походы VIII (?) года царствования.
 10) 127, IV, стк. 14—41 (стк. 21—41 = 128 B2, стк. 1—13): походы IX (?) года царствования.
 11) 127, IV, стк. 42—66 (= 128 B2, стк. 14—36): походы X (?) года царствования.
 12) 127, IV, стк. 67—V, стк. 10 (127, IV, стк. 67—74 = 128 B2, стк. 37—43): события XI (?) года царствования.
 13) 127, V, стк. 11—32: походы XII (?) года царствования.
 14) 127, V, стк. 33—69: события XIII (?) года царствования.
 15) 127, V, стк. 70—VI, стк. 20 (V, стк. 80—VI, стк. 6 = 128 A4, стк. 13—26; текст стк. 1—12 надписи 128 A4, по всей вероятности, отсутствовал в Хорхорской летописи): события XIV (?) года царствования.
 16) 127, VII (?): события XV (?) года царствования.
 17) 127, VIII: конец текста летописи на Хорхорской скале — формула проклятия.
 18) Пробел между A4 и камнем В примерно в 100 строк (?): четыре года царствования — конец XIV и с XV по XVIII (?) (в Хорхорской летописи описание событий одного года царствования занимает в среднем 27 строк).
 19) 128, A1: события XIX (?) года царствования.
 20) Пробел между A1 и камнем В? Еще сто строк? Изложение событий еще 3—4 лет (XX—XXIII) царствования Аргишти I?

Таким образом, мы приходим к выводу, что летопись Аргишти I, должно быть, сохранила описание событий двадцати трех лет царствования этого урартского царя. Вполне вероятно, что этими двадцатью тремя годами и ограничивается все время царствования Аргишти I (подробнее о дате его царствования — см. в указателе собственных имен).

Столбец I

Schulz, 2 (A); Robert, стр. 169—176 (A, T, П); Sayce, 37 (T, П) (см. его же поправки к этой надписи: JRAS, 1888, стр. 3; JRAS, 1893, стр. 28); Sayce, «Records of the Past», IV, 1890, стр. 117—119 (П); Sandaljian, 19 (T, П). В нашем распоряжении находились также эстампажи, хранящиеся в Музее Грузии, на которых отражены начало и середина стк. 1—30 этой надписи.

- 1 [. . . .] a-li-é 'i¹-ni [e-di]-ni-é a-zi-'i¹-bi-e
 i-na-a-i-n[i] te-ra-[i-e¹ 'I]ar-giš-ti-še a-li-e
 ħu-ti-[a-di] ^Dħal-di-^re²-[di E]N²-di ^DIM-di ^DUTU-di
 a-lu-ú-si-ni-[ni] al-su-i-ši-ni a-li-i a-ba-a-di
- 5 i-ku-ka-a-ni MU ši-[šú]ħa-ni ^{LÚ}ħu-ra-di-ni-li ú-e-li-du-bi
 uš-ta-di ^Idi-a-ú-e-ħi-ni-e-di LUGÁL ^Idi-a-ú-e-ħi man-nu-du-ú-bi³
 ħa-ú-bi ^{KUR}še-ri-i-a-zi URU ^{MEŠ}GIBÍL-bi É.GAL ^{MEŠ}ħar-ħar-šú-bi
 ku-tè-a-di
 pa-ri [^URU] pu-ti-e sal-ma-at-ħi ^{KUR}bi-a-ni ^{KUR}ħu-šá-ni 'a-al-du-bi
 an-da-ni ^{KUR}tar-i-ú-ni
 uš-ta-a-di ^{KUR}za-ba-a-ħa-a-e-ú-e e-di-i-a ħa-a-ú-bi ^{KUR}za-ba-a-ħa-a-e
 ši-i-li
- 10 ku-tè-a-di pa-a-ri-e ^{URU}ú-zi-na-bi-tar-na-a pa-ri ^{KUR}si-ri-mu-tar-a KUR
 ba-ba-ni
 an-da-ni ^{URU}ma-qa-al-tú-ni ^{KUR}i-ga-ni-ni 'a-al-du-bi ši-a-di ^Ie-ri-a-ħi-
 ni-ni-e KUR-ni-e-di
 uš-ta-di ^{KUR}a-pu-ni-i-e-di ħa-ú-bi ^{URU}ú-ri-e-i-ú-ni URU LUGÁL-nu-si
 [^Iú-i-tè-ru-ħi-ni-i
- X LIM IX LIM II ME LV ár⁴-še X LIM I ME XL ^{LÚ}ZAB ^{MEŠ}še-e-ħi-
 e-ri-e XX LIM III LIM II ME LXXX ^{SAL}ú-e-di-i-a-ni

Фото 23. Надпись № 127, I. Начало строк 1—15. Эстампаж Музея Грузии

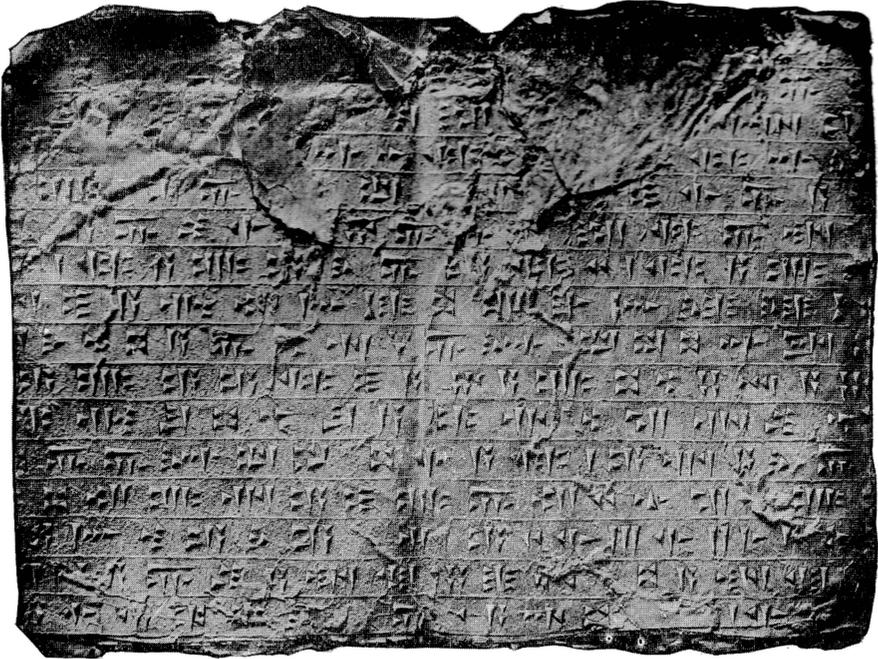

Фото 24. Надпись № 127, I. Середина строк 1—15. Эстампаж Музея Грузии

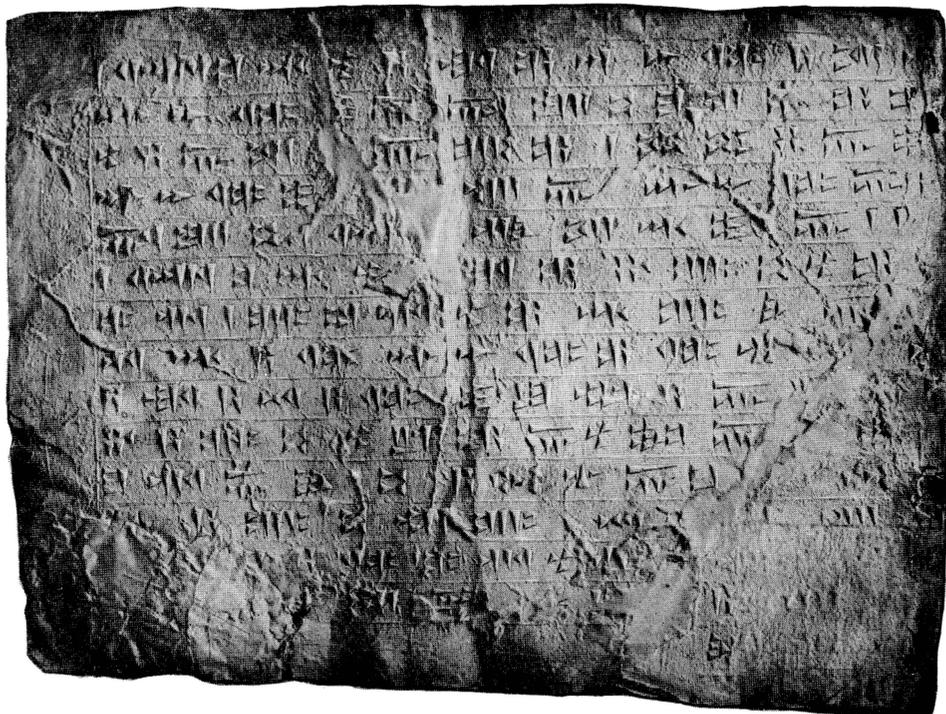

Фото 25. Надпись № 127, I. Начало строк 16—30. Эстампаж Музея Грузии

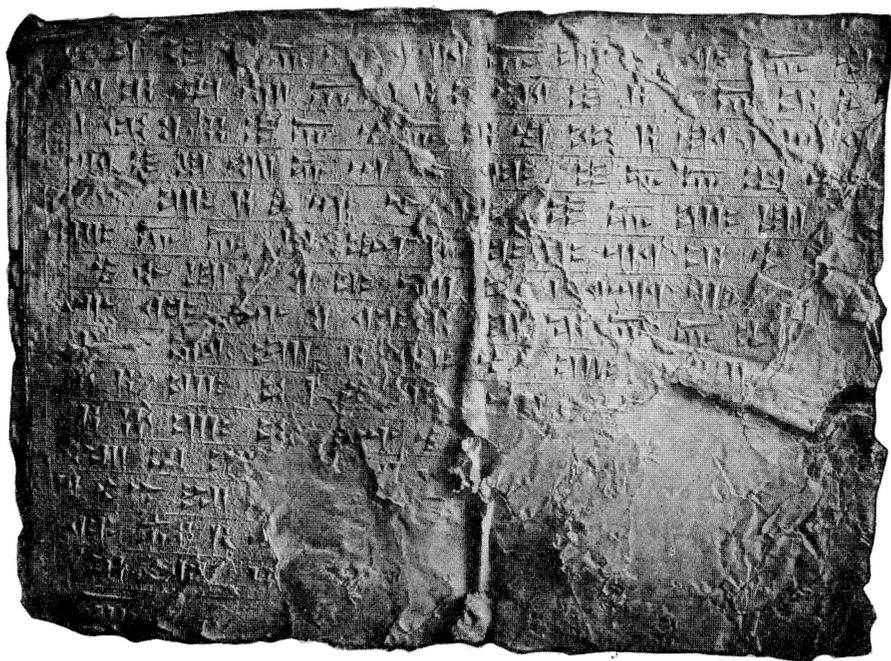

Фото 26. Надпись № 127, I. Середина строк 16—31. Эстампаж Музея Грузии

- NAPHARU V a-ti-bi II LIM VI ME LXXV LÚta-ar-šú-a-ni MU a-li-ki
 za-áš-gu-bi a-li-ki še-hi-e-ri a-gu-bi
- 15 I LIM I ME IV ANŠU.KUR.RA^{MEŠ} pa-ru-bi XXX LIM V LIM XV⁵
^{GUD} pa-hi-ni X a-ti-bi [. . .] I LIM VIII ME XXIX ^{UDU} šú-še^{MEŠ}
 Iar-giš-ti-še a-li-e ^Dhal-di-a iš-ti-ni-e i-na-ni-li ar-ni-ú-ši-ni-li I MU
 za-du-bi
- ^Dhal-di-i-ni uš-ta-bi ma-si-ni-e ^{GIŠ} šú-ri-e ka-ru-ni I a-bi-li-i-a-ni-e-hi
^{KUR} e-ba-ni-^re¹
- ^{KUR} a-ni-iš-[t]e^e-ir-ga⁷-e Iqu-ár-za-ni-i-ni Iul-tú-za-i-ni KUR-ni-e te-qu-a-li
 Iar-giš-ti-ka-i
- ^Dhal-di-i ku-ru-ni ^Dhal-di-ni ^{GIŠ} šú-ri-i ku-ru-ni ^Dhal-di-i-ni-ni al-su-ú-
 i-ši-ni
- 20 uš-ta-bi Iar-gi-iš-ti-i-ni I me-nu-ú-a-hi ^Dhal-di-i-ni ú-lu-[uš-ta]-a-i-bi
 Iar-giš-ti-še ^ra¹-li-e ha-ú-bi ^{KUR} e-[ti]-ú-ni-ni ku-tè-^ra¹-di pa-ri-e
^{KUR} [.] ú-e
- pa-ri Iú-du-ri ^{KUR} e-ti-ú-hi-ni 'a-še ^{SAL} lu-tú pa-ru-bi Iar-gi-[iš-ti-še a-l]i-[e]
hu-ti-a-di ^Dhal-di-e-di EN-[di] ^DIM-di ^DUTU-di a-lu-si-ni-ni al-[su-i-ši-ni]
 a-li a-ba-a-di i-ku-ka-a-ni š[á]-a-li-^re¹ uš-ta-a-di ^{KUR} ú-me(?)⁸-[...-di]
- 25 ha-a-ú-bi ^{KUR} ur-ia-ni ^{KUR} tèt-ir-[t]u(?)⁹-bi ha-a-ú-bi I mu-ru-zu⁹ [. . .]
 ma¹⁰-ri-ni qar-bi a-gu-nu-ni ma-[nu] gu-nu-šá-a ha-ú-bi 'a-še ^{SAL} [lu-tú
 pa-ru-bi]
- ha-a-ú-bi ^{URU} ú-ba-a-ru-gi-il-du-ú¹¹-[ni] [U]RU LUGÁL-nu-[si. . .]
 [ku-t]èt-a-di pa-ri ^{KUR} k[u] ¹²-[1(?)]-ru-pi-ra pa-ri ^{KUR} tar-ra [. . .]
 [uš-ta-d]i ^{URU} id [.] ku¹³ [. . .] a-ú-ni-e-di ^{NA} a-¹⁴ [.]
- 30 'a-še ^{SAL} ú-e-di-a-[ni pa-ru-bi ¹⁵.]
ha-a-ú-bi ^{KUR} ir-ki-[ú-ni-ni. . .] ¹⁶
 ku-ú-tèt-a-d[i pa-ri.]
 uš-ta-di ^{KUR} ar-tar-mu [.]
 gu-nu-ši-ni-i-e su-[ú-i-du-lu-ú-bi] ¹⁷
- 35 URU^{MEŠ} [.]
 ku-tèt-a-[di pa-ri.]
 pa-a-ri [.]
 III (?) [.] ^{MEŠ}
 XI LIM [.] ^{SAL} ú-e-di-a]-ni
- 40 NAPHARU XX LIM II ME LXXIX LÚUKÚ^{MEŠ} MU
 a-li-ki za-áš-gu-bi
 a-li-ki še-hi-ri
 a-gu-bi-e

. . . (Аргишти) говорит: . . . ¹⁸ Аргишти говорит: взмолился(?) я к богу Халди, владыке, к богу Тейшеба, к богу Шивини (о том), что я по господнему величию хотел (?) (совершить). В том же году я вновь (?) собрал воинов (и) выступил (в поход) на (страну) Диауехи. Царя Диауехи *mannudubi* ¹⁹. Завоевал я страну Шериази; города сжег, крепости разрушил; дошел (?) я до города Пуге. . . *salmathī* страна Биани, страна Хушани. Пошадил я область (?) страны Тариуни ²⁰. Выступил я (в поход) против страны Забахая, завоевал я страну Забахая *šili*. Дошел (?) я до

города Узинабитарна, до страны Сиримутара, горной страны. Область (?) города Макалтуни страны Игани я пощадил²⁰. Пошел я на страну Эриахи, выступил (в поход) против страны Апуни, завоевал я город Уриеиуни, царский город Уитерухи²¹. 19255 отроков, 10140 воинов живыми, 23280 женщин, всего 52675 человек за год, одних я умертвил, других же живыми увел. 1104 коня я угнал, (а также) 35015 голов крупного рогатого скота, сто тысяч... одну тысячу 829 голов мелкого рогатого скота. Аргишти говорит: для бога Халди я эти подвиги за один год совершил.

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он страну Абилианехи, страну Аништирггае, страну Куарзани²¹ (и) Ултуза²¹, поверг их перед Аргишти. Бог Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее. Величием бога Халди выступил (в поход) Аргишти, сын Менуа. Предшествовал (?) (ему) бог Халди.

Аргишти говорит: завоевал я страну Этиуни, дошел (?) я до страны... до Удури-Этиухи, мужчин (и) женщин (оттуда) я угнал.

Аргишти говорит: взмолился (?) я к богу Халди, владыке, к богу Тейшеба, к богу Шивини (о том), что я хотел (?) по господнему величию (совершить). В том же году выступил я (в поход) на страну Умелу... завоевал я страну Уриани, страну Теиртуби, завоевал я Мурузу²¹... цитадель (?) на скале (?), укрепленную, в бою я завоевал; мужчин (и) женщин (оттуда) я угнал. Завоевал я город Убаругилдуни, город царский... дошел (?) я до страны Ку[рупира (?), до страны Тарра... Выступил я (в поход) на город... мужчин (и) женщин (оттуда) я угнал; завоевал я страну Иркиуни...; дошел (?) я до... Выступил я (в поход) на страну Артарму... с боем²²; я отбросил (их)²³... города²⁴... дошел (?) я до... до... 3 (?)... 11 тысяч... женщин; всего 20279 человек за год — одних я умертвил, других — живыми увел.

¹ Поврежденные места стк. 1—2 восстанавливаются нами на основании аналогичной формулы, встречающейся в летописи Сардури II (см. 155 С, стк. 54—55).

² Так по эстампажу Музея Грузии.

³ ma-nu-du-ú-bi; возможно, следует читать: LUGÁL nu-du-ú-bi.

⁴ Этот знак (рис. 1 табл. I—см. стр. 275) в сочетании с постоянно следующим за ним знаком še обыкновенно рассматривается как идеограмма DUMU «дитя», «отрок». Но поскольку его прототип в ассирийской клинописи не имеет такого значения, нам кажется более вероятным вслед за И. М. Дьяконовым придать и здесь этому знаку слоговое значение ár (то значение, в котором употребляется этот знак в урартской клинописи).

⁵ Рис. 2, табл. I—так по эстампажу Музея Грузии (Шульца и Сэйс: XVI).

⁶ Восстанавливаем по оставшимся следам (рис. 3, табл. I) и по написанию этого названия в надписи 129b, стк. 3.

⁷ Ясно читается на эстампаже Музея Грузии; у Шульца и Сэйса ошибочно: ú; ср. 129b, стк. 3.

⁸ Сэйс по копии Лэйярда: KURú-me(?)-ku...; у Шульца: KURú-lu... Наше чтение — по эстампажу Музея Грузии.

⁹ Сэйс по копии Лэйярда читает: ba; у Шульца: zu. На эстампаже Музея Грузии — рис. 4, табл. I; т. е. скорее zu, чем ba. Вслед за этим на эстампаже видны следы еще кое-каких знаков (рис. 5, табл. I).

¹⁰ Ясно читается на эстампаже Музея Грузии.

¹¹ Сэйс опускает; имеется у Шульца.

¹² Возможно, lu.

¹³ Так по Лэйярду у Сэйса; у Шульца — см. рис. 6, табл. I.

¹⁴ По Лэйярду вслед за «а» — рис. 7, табл. I; по Шульцу — рис. 8, табл. I — т. е., очевидно, la или li.

¹⁵ Восстанавливаем по контексту.

¹⁶ Восстанавливается по аналогии с 127 IV_{18,35} (ср. 128 B2).

¹⁷ Восстанавливаем по аналогии с 155, E₁₀.

¹⁸ Пропущенная нами в переводе формула: ini edine azibe inaini terae многократно встречается в разных вариантах в урартских текстах, в частности в летописи

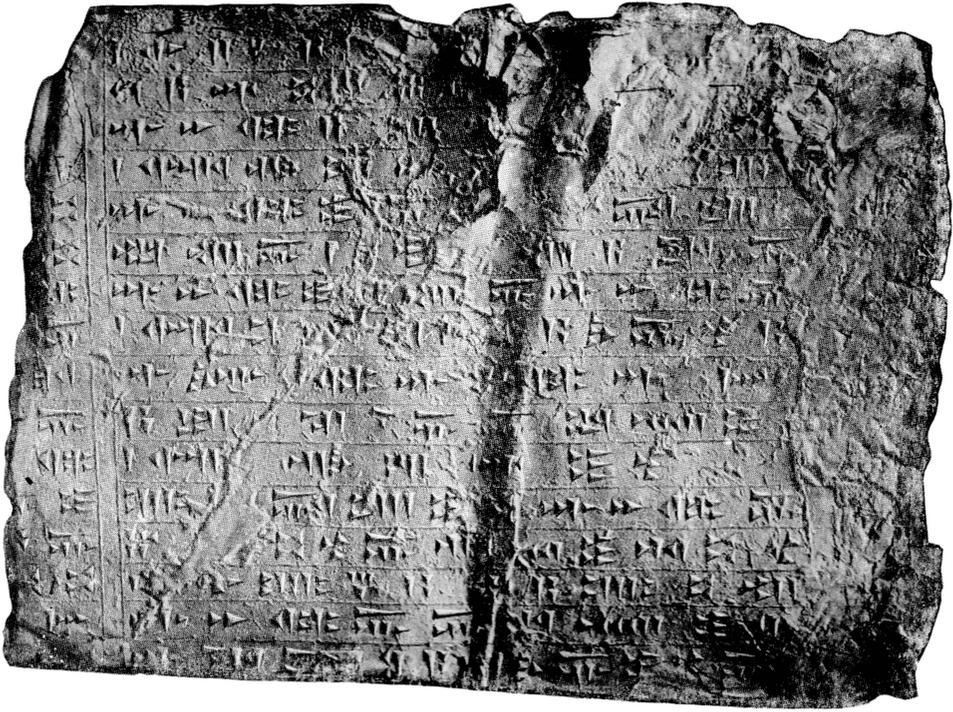

Фото 27. Надпись № 127, II. Начало строк 1—16. Эстампаж Музея Грузии

Фото 28. Надпись № 127, II. Середина строк 11—16. Эстампаж Музея Грузии

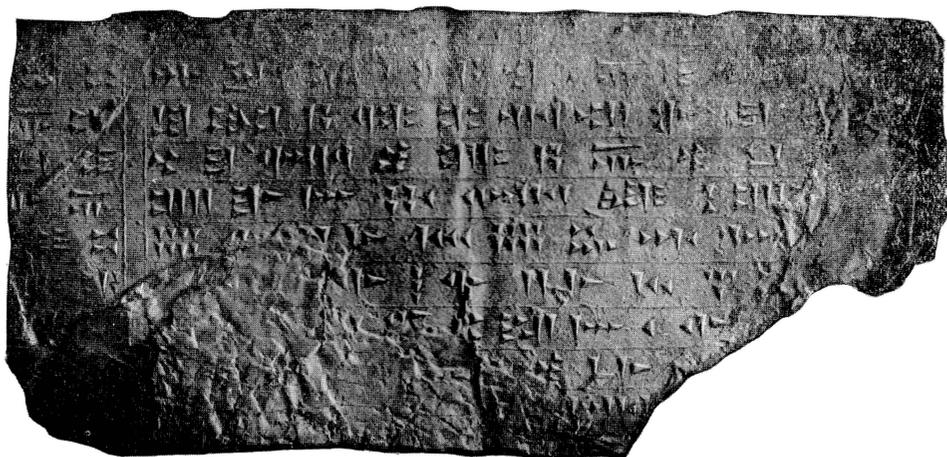

Фото 29. Надпись № 127, II. Начало строк 16—24. Эстампаж Музея Грузии

Сардури II (см. № 155) или в билингве Топузавы царя Руса I (№ 264); эта формула ставилась в конце изложения событий одной определенной военной экспедиции. По ассирийскому соответствию в билингве Топузавы можно определить общий смысл этой формулы. Смысл состоит в том, что царь, заканчивая повествование о походе, отмечает: «Вслед за тем („потом“, „после этого“) благополучие и мир водворились», т. е. сообщает об окончании войны и водворении мира (см. в надписи № 264).

¹⁹ Форма первого лица ед. числа прошедшего времени переходного глагола; значение неизвестно. См. выше, прим. 3.

²⁰ Т. е. отмечается, что царь не подверг разгрому эту страну.

²¹ Племенное название.

²² Аналогичный контекст в других надписях помогает уяснить смысл данной фразы. Речь идет, очевидно, о том, что против урартского царя выступили вражеские войска — с боем, для боя.

²³ Имеются в виду вражеские войска.

²⁴ Очевидно, следовало: «я сжег».

Столбец II

Schulz, 3 (A); Sayce, 38 (T, II) (ср. его же поправки к этой надписи: JRAS, 1888, стр. 3; JRAS, 1893, стр. 28); на основании эстампажа Deugrolle'я поправки к чтениям Сэйса сделал St. Guayard, JA, VIII серия, том I, 1883, стр. 518—519; Sayce, «Records of the Past», IV, 1890, стр. 119—122 (II); Sandaljian, 19 (T, II). В нашем распоряжении находились также эстампажи, хранящиеся в Музее Грузии, на которых отражены: начало строк 1—24, 38—47 и 49—54, середина строк 11—26, 40—48, конец строк 1—27, 39—54, а также полностью стк. 55—57.

- 1 LIM II ME LXXX [..... ANŠU.KUR.RA^{MEŠ} pa-ru-bi...
GUD_{pa}-hi-ni^{MEŠ}
- XII a-ti-bi VI LIM¹ [..... UDU šú-še^{MEŠ} I_{ar}-giš-ti-še a-li-e]
• D_{hal}-di-a iš-ti-[ni-e i-na-ni-li ar-ni-ú-ši-ni-li I MU za-du]-bi
I_{ar}-gi-iš-ti-ni [LUGÁL] DAN.[NU LUGÁL al-su-i-ni² a-lu-si^{URU} tu-uš-
pa]-URU
- 5 D_{hal}-di-i-ni uš-ta-[bi ma-si-ni-e GIŠ šú-ri-e ka-ru-ni] KUR_{ha}-a-te
ka-ru-ni I_{hi}-la-ru-a-da-ni [KUR-ni-e te-qu-a-li I_{ar}-giš]-ti-i-ka-i
D_{hal}-di-i ku-ru-ni D_{hal}-di-ni [GIŠ šú-ri-i ku-ru-ni D_{hal}-di-ni-ni al]-su-i-ši-ni
I_{ar}-giš-ti-še I_{me}-nu-a-hi-ni-še a-[li-e hu-ti-a-di D_{hal}-di-e]-di EN-di
D^{IM}-di^DUTU-di DINGIR^{MEŠ} -[áš-te^{KUR} bi-a]-i-na-a-áš-[te]
- 10 a-lu-si-ni-ni al-su-i-[ši-ni a-li-i a-ba-di] _{ha}-ši-al-me DINGIR^{MEŠ}
I_{ar}-gi-iš-ti-i-še [I_{me}-nu-a]-hi-ni-e-še a-li-e
ú-lu-uš-ta-i-bi D_{hal}-di-ni [LÚ A·SI] ^{MEŠ} uš-ta-di KUR_{ha}-ti-na-i-d[i]
{ha}-[ú]-bi KUR{ni}-ri-ba-i hu-bi KUR [..... URU]³ []-ur-ma-ni
a-gu-nu-ni ma-a-n[u]
gu-nu-ú-šá-a _{ha}-a-ú-bi^{URU} [.....]-a-da-ni URU LUGÁL-nu-si
_{ha}-ú-[bi]
- 15 D_{hal}-di-ni-ni al-su-i-ši-[ni uš-[ta-a-di KUR_{ha}-ti-i⁴-na-a-ši-e
an-da-ni I_{tú}-a-te-hi-ni-i⁴ KUR-ni [’a-al]-du-bi sal-ma-at-hi^{URU} me-li-
tè-a-ni
ku-tè-a-di pa-ri^{URU} pi-te⁵-i-[ra/ru...]-ni⁶ pi-ni s[i](?)-ri ki-ri me-li-a-i-
ni⁷ ID
KUR_{ma}-ar-mu-ú-a-ni⁸ KUR_{qa} [.....]a-ni ’a-še^{SAL} lu-tú ši-i-ú-bi
É.GAL^{MEŠ} _{ha}-ar-har-šú-ú-[bi] URU [MEŠ GIBÍL]-bi II LIM VME
[XXX]IX ár-še^{MEŠ}

20 VIII LIM ^{VI(?)} ME XC VIII LÚ TI^{MES} [a-gu-bi] X LI
 XL VII ^{SAL}lu-tú^{MES}
 NAPHARU [XX] LIM IX LIM II ME LXXX IV^{LÚ}UKU
 ki] za-áš-gu-bi a-li-ki [še]-hi-ri a-gu-bi⁹
 [...] ANŠU.KUR.RA^{MES} X LIM VII LIM IX ME
 [^{GUD}p]a-hi-ni [pa-ru]-bi II [...] ^{UDU}š]ú-še

Фото 31. Надпись № 127, II. Конец строк 23—37.
 Эстампаж Музея Грузии

[^Iar-giš-ti]-še ^Ime-[nu-a-hi-ni]-še a-[li-e] ^Dhal-di-a [iš]-ti-ni
 [i-na-ni-li] ar-[ni]-ú-ši-[ni]-e-li šú-si-ni MU [za-du]-ú-bi
 25 ¹¹[^Dhal-di-i-ni uš-ta-a-bi ma-si]-ni-e ^{GIŠ}šú-ri-e ka-ru-[ni] ^{KUR}
 [ka-ru-ni ^{URU}qi-hu-ni] KUR-ni-e te-qu-ni [^Iar-[gi-iš-ti]-ka
 [^Dhal-di-i ku-ru-ni ^Dhal-di-i-ni ^{GIŠ}šú-ri-i] ku-ru-ni
 [^Dhal-di-i-ni-ni al-su-ú-i-ši-i-ni uš-ta-bi ^Iar-gi-iš-ti-ni ^Ime
 [^Dhal-di-i-ni ú-lu-uš-ta-a-i-bi ^Iar-gi-iš-ti-i-še a-li]-e

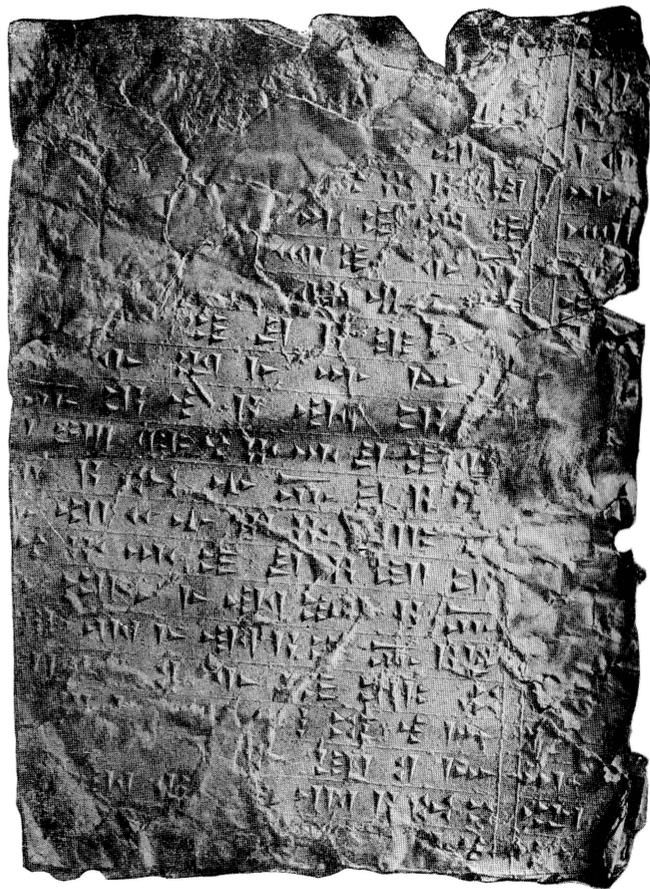

Фото 30. Надпись № 127, II. Конец строк 1—22.
Эстампаж Музея Грузии

Фото 33. Надпись № 127, II. Середина строк 40—48 и начало строк 49—54.
Эстампаж Музея Грузии

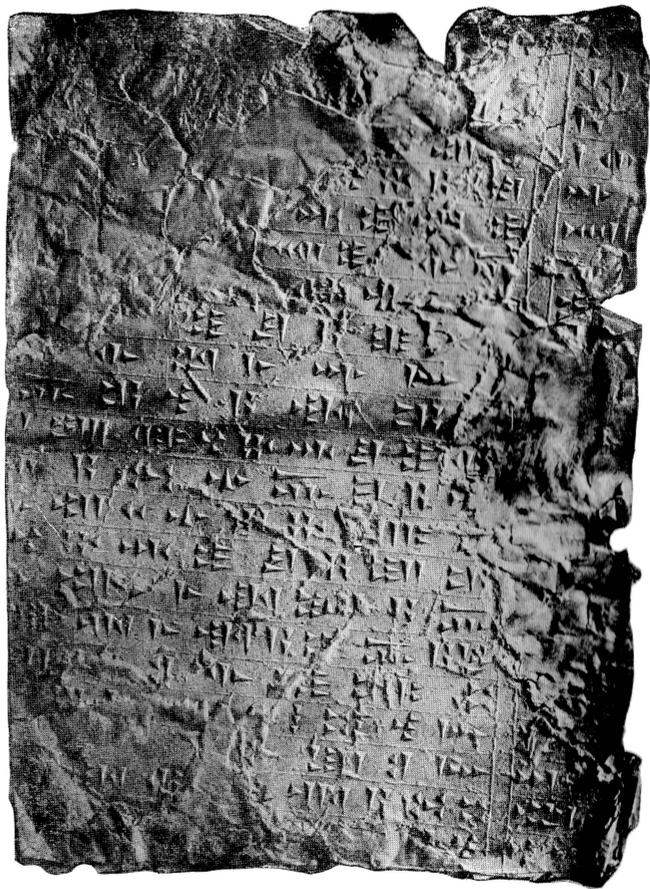

Фото 30. Надпись № 127, II. Конец строк 1—22.
Эстампаж Музея Грузии

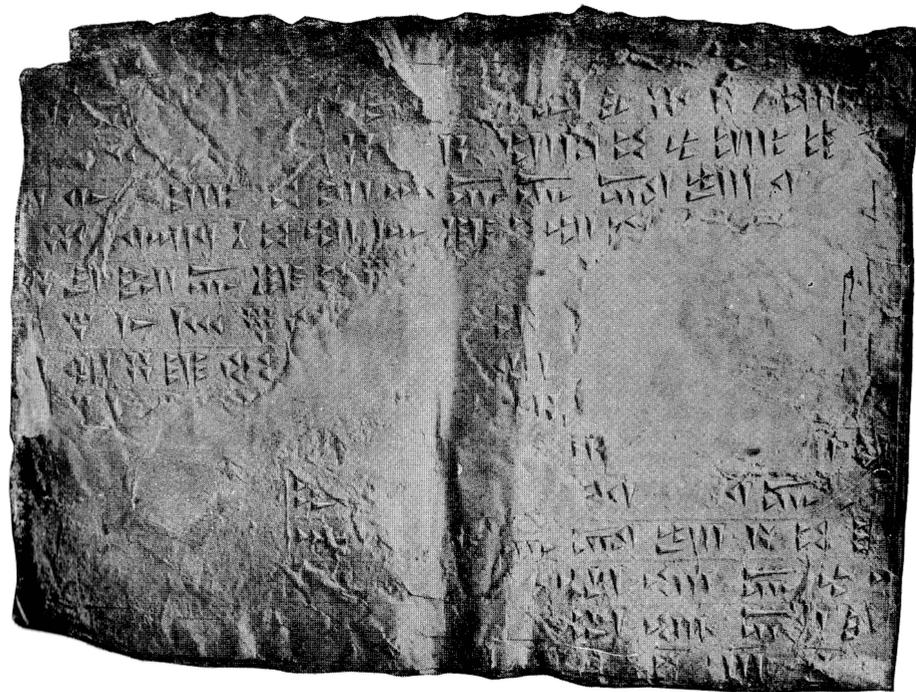

Фото 33. Надпись № 127, II. Середина строк 40—48 и начало строк 49—54.
Эстампаж Музея Грузии

Фото 34. Надпись № 127, II. Конец строк 39—54 и полностью строки 55—57. Эстампаж Музея Грузии

Фото 35. Надпись № 127, V. Конец строк 9—30. Надпись № 127, VI. Начало строк 1—20. Эстампаж Музея Грузии

- 30 [ha-a-ú-bi ^{URU}qi-hu-ni KUR si-lu-ni-ni ṣ-i(?)-ni-a bi-di-e]
 [ku-ṭ-è-i-a-di pa-a-ri-e ^{URU}a-li-iš-tú-ú 'a-še ^{SAL}lu-tú pa]-ru-bi
 [^Dhal-di-ni-ni ba-ú-ši-ni ^Iar-gi-iš-ti-še ^Ime-nu-a-hi-ni-še] a-li-e
 [^{URU}ir-pu-ú-ni-ni ši-i-di-iš-tú-ú-bi ^{KUR}bi-i-a-i-na-a-ú-e] uš-ma-še
 [^{KUR}lu-lu-i-na-ú-i na-a-pa-a-hi-i-a-i-di qi-i-ú-ra-a-ni qu-ul-di-i]-ni ma-nu
 35 [ú-i gi-e-i ši-i-da-a-ú-ri] iš-[ti-ni DAN.NU^{MES} ar-ni-ú-ši-ni-li za]-du-bi
 iš-ti-ni

Фото 32. Надпись № 127, II. Начало строк 38—47. Эстампаж Музея Грузии

- [VI (?) ¹²LIM VI ME LÚ^{MES}gu]-nu-[ši-ni-i e-ir-ṣ-i-du]-ú-bi iš-ti-ni
 [^{KUR}ha-a-te-e ^{KUR}ṣu-ú-pa-a-ni] ^D[hal-di-i-ni-ni al-su-ú-i-ši-i-ni ^Iar]-gi-iš-
 ti-i-še
^Im[e-nu-a-hi-ni]-še a-l[i-e hu-ti-a-di ^Dhal-di-i-e-di EN-di ^D]IM-di
^DUTU-di
 DINGIR [^{MES}-áš-te] ^{KUR}bi-a-i-[na-áš-te a-lu-si-ni-ni al-su-i]-ši-ni a-li
 a-ba-di
 40 ha-ši-[al-me] DINGIR^{MES} i-ku-[ka-ni MU ¹³uš-ta-di] ^{KUR}ú-bur-da-ú-e
 e-di-i-a
^Iis (?)-[^{KUR}]¹⁴-lu-bu-ra-a-ni [LUCÁL ^{KUR}ú]-bur-[da]-al-hi ha-a-ú-bi
^{KUR}e-ba-a-ni-i-e
 [^{URU}]ir-du-a-ni URU LUGÁL-[nu-si] ha-a-ú-bi ^{KUR}ú-i-ṣ-ú-ši-ni nu-lu-uš-
 tú-ú-bi
 [^{LÚ}] 'a-še ^{SAL}lu-tú ši-ú-bi iš-ti-ni-ni uš-ta-d[i ^{KUR}ha-hi-a-ú-e e-di-a
 É.GAL^{MES} har-ha-ar-ṣ-ú-bi URU^{MES} GIBÍL-bi ^{URU}bi [.] ha-ú-
 [1]-[z]u(?)¹⁵-ni-e URU-e

- 45 ^{LÚ}ta-ar-šú-a na-ra-ni GIBÍL-bi VIII [LIM VI ME XLVIII ar-še^{MEŠ}] II
 L[IM] VI ME LV LÚ TI^{MEŠ}
 VIII LIM IV ME XCVII ^S[^{AL}ú]-e-[di-a-ni NAPHARU X L]IM IX LIM
 VII ME XC [^L]ÚUKÚ^{MEŠ} MU
 a-li-ki za-áš-gu-[bi a-li]-ki [še-ḥi]-ri a-gu-bi II ME XXXII ANŠU.
 KUR.RA
 [... LIM] 'VIII' ME 'III' ^G[^{UD}pa-ḥi-ni]-e [pa-ru-bi] [X(?)] LIM I LIM
 VI ME XXVI ^{UDU}šú-še^{MEŠ}
 [^Iar-giš]-ti-[še a-li]-e ^Dḥal-di-a iš-ti-ni-e
 50 i-[na-ni-l]i [a]r-ni-ú-ši-ni-e-l[i] z[a]-du-b[i]
^D[ḥal-d]i-ni¹⁶ uš-ta-a-bi ma-a-si-ni-e ^{GIS}šú-r[i]-e
¹⁷ka-ru-ni ^{KUR}aš-šur ^{LÚ}ḥu-ra-a-d[i]-e
¹⁷ka-ru-ni ^Ia-ar-si-ta-ni KUR-ni-e
 te-qu-ú-a-li ^Iar-gi-iš-t[i]-ka-a-i
 55 ^Iar-[g]i-iš-ti-i-še
^Ime-nu-^al-[ḥi]-ni-še a-li-e
^K[UR]aš-[šur ^{LÚ}A .S]I (?)¹⁸MEŠ-ši-e

1280...¹⁹ коней я угнал, (а также)...²⁰ голов крупного рогатого скота, 126 тысяч...²¹ голов мелкого рогатого скота. Аргишти говорит: для бога Халди эти подвиги я за один год совершил. Аргишти, царь могущественный, царь великий, правитель Тушпа-города.

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он страну Хате, победил он страну (царя) Хиларуада, поверг их перед Аргишти. Халди могуч, оружие(?) бога Халди — могучее. Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, говорит: взмолился (?) я к богу Халди, владыке, к богу Тейшеба, к богу Шивини, ко (всем) богам страны Бианили (о том), что я хотел (?) (совершить) по господнему величию. Прислушались (к моей просьбе) боги.

Аргишти, сын Менуа, говорит: предшествовал (?) бог Халди (воинам?). Выступил я (в поход) на страну Хати, завоевал я долину (?) страны Нириба, страну... город []урмани, укрепленный, в бою я завоевал. Город []адани, царский город, я завоевал.

Величием бога Халди выступил я (в поход) на страну Хати; область (?) страны (племени) Туатехи я пощадил, salmathi город Мелитеа²². Дошел (?) я до города Питенра²³... под siri чаша (?)²⁴ meliaini²⁵ река. Страна Мармуани²⁶, страна Ка[]ани. Мужчин (и) женщин я (оттуда) увел, крепости разрушил, города сжег. 2539 отроков, 8698 мужчин живыми я увел, 18047 женщин, всего 29284 человека за год, одних я умертвил, других — живыми увел...²⁰ коней, 17962 головы крупного рогатого скота я угнал, (а также) 2...²⁷ голов мелкого рогатого скота. Аргишти, сын Менуа, говорит: для бога Халди я эти подвиги за один год совершил.

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он страну Этиуни, победил страну города Кихуни, поверг (их) перед Аргишти. Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее. Величием бога Халди выступил (в поход) Аргишти, сын Менуа; предшествовал (?) (ему) бог Халди. Аргишти говорит: завоевал я страну города Кихуни, расположенную (?) на берегу (?) озера. Дошел (?) я до города Алишту; мужчин (и) женщин (оттуда) я угнал. По велению бога Халди Аргишти, сын

Менуа, говорит: город Ирпуни я построил для могущества страны Биаинили (и) для усмирения (?) вражеской страны. Земля была пустынной (?), (и) ничего не было там (раньше) построено. Могучие дела я там совершил. 6(?) тысяч 600 воинов стран Хате (и) Цупани я там поселил.

Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, говорит: взмолился (?) я к богу Халди, владыке, к богу Тейшеба, к богу Шивини, ко (всем) богам страны Биаинили (о том), что я хотел (?) по господнему величию (совершить). Прислушались (к моей просьбе) боги. В том же году выступил я (в поход) против страны Убурда. (У)(?) Ис[]лубурани, царя страны Убурдалхи, я отвоевал страну. Город Ирдуа, царский город, я завоевал. Страну Уишупини nuluštubi, мужчин (и) женщин я оттуда увел. Выступил я (в поход) на страну Хахи, крепости разрушил, города сжег; население города Би[]хау[]зуни я (также) сжег. 8648 отроков, 2655 мужчин живыми, 8497 женщин, всего 19790 человек за год, одних я умертвил, других живыми увел. 232 коня...²⁸ тысяч 803 головы крупного рогатого скота я угнал, (а также) 11626 (?) голов мелкого рогатого скота. Аргишти говорит: для бога Халди я эти подвиги совершил.

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он войско Ассирии, победил он страну Арситани, поверг их перед Аргишти. Аргишти, сын Менуа, говорит: в войске Ассирии²⁹

¹ У Сэйса ошибочно: ME; у Шульца — см. рис. 9, табл. I.

² Возможно, не LUGĀL al-su-i-ni, а LUGĀL KUR^{bi}-a-i-na-ú-e «царь страны Биаинили».

³ Детерминатив города восстановлен на основании следующей за [] urmani фразы: agununi manu gunuša haubi.

⁴ Сэйс опускает; имеется в автографии Шульца.

⁵ См. рис. 10, табл. I. Сэйс читает этот знак как la. Наше чтение — te (иногда и te имеет подобную форму в урартских надписях). Окончание-га (ru) в названии этого города восстанавливается нами из следующих соображений: представляется вероятным, что в данном случае говорится о городе, часто упоминаемом в ассирийских источниках — Pitura, Pitru (ARAB, I, 463, 499, 560, 603, 610); город Pitura (ru) был расположен в том самом направлении (к юго-западу от центральных областей Урарту), о котором идет речь в этом месте летописи Аргишти I.

⁶ Сэйс восстанавливает: me-šij-ni.

⁷ Ср. URU meluiani «город Мелуани», упоминаемый в том же районе в надписях Сардури II (надпись № 158, стк. 31).

⁸ Повидимому, та самая «страна Мармани» (KUR marmani), которая встречается в одной надписи Менуа (№ 28, верхн. стор., стк. 9); согласно этой надписи, Мармани находилась в данном районе — страна Мармани упоминается в связи со странами Улиба, Диргуни (Дирра ассирийцев), Ишала, Ашурини.

⁹ В стк. 19—21 некоторые поврежденные цифровые показатели восстанавливаются нами иначе, чем у Сэйса; благодаря этому достигается согласованность между общей суммой (данной в стк. 21) и отдельными ее составными частями.

¹⁰ По эстампажу Музея Грузии скорее так, чем XL (как у Шульца и др.).

¹¹ В стк. 25—41 поврежденные части восстанавливаются нами по дубликату этого места летописи — по надписи 128 A2 (см.). Возможно, имелись кое-какие расхождения в текстах: например, в написании гласных или же отдельных слоговых знаков, но судить об этом трудно.

¹² Восстанавливается нами по следам в соответствующем месте надписи № 128 A2; М. Церегели читает: IV (?).

¹³ Возможно: šá-li-e.

¹⁴ Трудно решить, имелся ли еще знак между знаками is (?) и lu.

¹⁵ Или su; на эстампаже Музея Грузии можно разобрать оканчивающий этот знак комплекс (см. рис. 11, табл. I).

¹⁶ Сэйс пишет: D^{bi}al-di-ni-ni, но последнего ni нет в автографии Шульца; восстановления второго ni не требует также та грамматическая форма, в которой стоит здесь имя бога Халди.

¹⁷ Последовательность строк 52-й и 53-й дается нами по эстампажу Музея Грузии; в автографии Шульца, а затем у Сэйса и др. строка 52-я ошибочно обозначена как 53-я, а 53-я как 52-я.

¹⁸ Восстанавливается по аналогии с 127, стб. III, стк. 25. Сэйс на основании копии Лэйарда: URU (вместо нашего ^{LÚ}A·SI).

¹⁹ Количество единиц не сохранилось.

²⁰ Число не сохранилось.

²¹ Количество сотен (?), единиц (?) не сохранилось.

²² Возможно: «города Мелитеа».

²³ См. выше, прим. 5.

²⁴ В урартском тексте *kiṛi*. Если это слово идентично с *kiṛi*, упоминаемым в летописи Сардури II (155 E₅₆), то его значение — «чаша».

²⁵ См. выше, прим. 7.

²⁶ См. выше, прим. 8.

²⁷ Число сохранилось частично.

²⁸ Количество тысяч не сохранилось.

²⁹ Продолжение см. в начале III столбца.

Столбец III

Schulz, 4 (A); Saucе, 39 (T, П) (ср. его же поправки к этой надписи в JRAS, 1888, стр. 15—16; JRAS, 1893, стр. 28); на основании эстампажа, который сделал Deyrolle, поправки к этой надписи дал St. Guyard, JA, VIII серия, том I, 1883; Saucе, «Records of the Past», IV, 1890, стр. 122—125 (II); Sandalgian, 19 (T, П).

- 1 ^{KUR}e-ba-ni-[ú]-ki áš-du ^{LÚ}[hu]-ra-di-ni-e-li ú-e-li-du-ú-[bi]¹
 hu-[ti]-a-[di] ^Dhal-di-e-di EN-di ^DIM-di ^DUTU-di DINGIR^{MES}-áš-te
^{KUR}bi-a-na-áš[-te]
- a-lu-[si-ni]-ni al-su-i-ši-ni a-li a-ba-a-di ha-ši-al-[me] DINGIR^{MES}
^Iar-giš-[ti-še a-li]-e ^Dhal-di-i ku-ru-ni ^Dhal-di-ni ^{GIS}[šú-ri]-i ku-ru-ni
- 5 ^Dhal-di-ni-ni al-su-^ri¹-ši-ni a-ri tab (?) -z[i] (?)² ^Ida-di-ka-i ^{KUR}ku-la-ši-ni ^{KUR}ba-ba-ni
 su³[.....] XX LIM [.....] XI LIM IV ME XXXIX ár-še iš-ti⁴-ni
 za-[áš-gu-bi]
- [^{LÚ}A·SI^{MES}ú-e-li-du] ⁴-ú-bi ši-ú-bi ^{KUR}e-ba-ni-ú-ka-[ni]
 i-[ku-ka-ni MU uš-ta-di] ^{URU}me-na-ab-šú-ni-e-di ^{URU}du-qa-ma-a-i-[di]
 [ha-ú-bi ^{URU}..... URU] LUGÁL-nu-si ^{KUR}e-ba-a-ni-i-e ha-a-ú-[bi]
- 10 [.....] ^{URU}šá-a-ra-ra-a ^{KUR}bu-uš-tú-ú-e
 [..... uš-ta-di] ^U^{RU}ba ⁵-bi-lu-i-ni-e ^{KUR}e-ba-ni-e-di
 [.... ^{KUR}ba]-ru-a-ta-i-di ^{KUR}bar-šú-a-i-di
 [^{KUR}bar-šú] ⁶-a-i ^{KUR}e-ba-ni a-tú-bi URU^{MES}GI [BÍL]-bi¹
 [.....] V [?] LIM (?) (ME?) [...] XL^{LÚ}UKÚ^{MES}šá-a-li-e
- 15 [a-li]-ki za-[áš-gu-bi] a-li-ki TI⁷ [^{MES}] a-gu-[bi]
 [..... ANŠU. KUR. R] A^{MES}⁸ [.....] IX (?) ME LXXX⁹ VII^{GUD}pa-
 [hi-ni]
 [.....] V [.....] ^{UDU}šú-še-e
^I[ar-giš-ti-še a-li]-e ^Dhal-di-a iš-ti-ni-e
 i-[na-ni-li ar-ni-ú]-ši-ni-li [šú-si-ni] MU z[a-du-bi]
- 20 ^Dhal-[di-ni uš-ta-bi ma]-si-ni-e [^{GIS}šú]-ri-e
 ka-ru-ni ^{KUR}aš-š[ur ^{LÚ}hu-ra-di]¹⁰^re¹ ka-ru-[ni] ^{KUR}bu-uš-tú-ni
^{KUR}tar-^ri¹-ú-ni te-q[u-a-li] ^Iar-giš-ti-ka-i
^Dhal-di-ni-ni al-su-[i-ši]-ni ^Iar-[gi]-iš-ti-še a-li-e
 É. GAL^{MES}ši-du-ú-ú-li ^{KUR}šú-ri-[ši]-li-[ni]-i iš-pu-ú-i-ú-bi

- 25 ^{KUR}aš-šur ^{LÚ}hu-ra-di-^ri¹-e ^{KUR}e-[b]a-ni-ú-ki áš-du¹¹
^hu-ti-a-di ^Dhal-di-e-di EN-di ^DIM-di ^DUTU-di
 DINGIR^{MEŠ}-áš-te ^{KUR}bi-a-i-na-áš-te a-lu-si-ni-ni [al]-su-i-ši-ni a-[li] ^ra¹-
 ba-di
^ha-ši-al-me DINGIR^{MEŠ} ^Iar-gi-iš-ti-še ^Ime-nu-a-^hi-ni-še a-[li]-e
^Dhal-di-i ku-[ru]-ni ^Dhal-di-ni [^{GIŠ}]šú-ri-i ku-ru-ni
- 30 ^Dhal-di-ni-ni [al]-su-i-^[ši]-ni ^{LÚ}a-ú-[e]-ra-ši-li ki-da-nu-bi
^{KUR}aš-šur su-ú-i-[du]-bi za-[du-ú]-bi¹² [.....] ^{KUR}e-ba-ni-ú-k[a]-ni
^Ida-a-da-ni ^{LÚ}[a-ú]-^re¹-ra-^[ši].....]a-mu-^rú¹-bi
 i-ku-ka-ni MU uš-ta-di ^{KUR}[.....]di^{KUR}.....]i-e-^re¹-di
^{KUR}ar-^ha-ú-e e-di-[a]..... ^{URU}.....]ni [UR]U [LUGÁL]-nu-si
- 35 LX URU^{MEŠ}-e ^{LÚ}UKU^{MEŠ}-ra-[ni ^{SAL}lu-tú^{MEŠ} ¹³][ta]¹⁴-áš-[mu]¹⁴-bi
 uš-ta-di ^{KUR}bu-uš-tú-ú-e-d [i].....] ^ha¹-[a]-^rú¹-[bi]
^{URU}a-bur-za-ni-ni ^{URU}[.....]gi-[ni]¹⁵
^{URU}qa-du-qa-ni-ú-ni ^{KUR}[.....] ^ha-ú-bi
^Iar-gi-iš-ti-še a-li-e [.....] tú-ú-[bi]
- 40 ku-tè-[a]-di pa-a-ri ^{KUR}ma-[na-a-ni KUR] ba-ba-[a-ni]
 X LIM VIII LIM VIII ME XXVII ^{LÚ}ta-[ar-šú]-a-[ni]^{MEŠ}šá-a-[li]-e
 a-li-ki za-áš-gu-bi a-li-ki še-^hi-e-ri [a-gu]-bi VI ME 'VI' [ANŠU].
 KUR. RA
 I ME LXXX IV ANŠU.A.AB.BA^{MEŠ} VI LIM II ME LVII ^{GUD}pa-^hi-
 ni XXX LIM III LIM II ME 'III' UDU-še
^Iar-gi-š-ti-še ^Ime-nu-a-^hi-ni-še a-li-^re¹ ^Dhal-di-a [iš]-ti-ni-i-e
- 45 i-na-ni-e-li ar-ni-ú-ši-ni-e-li šú-si-ni MU za-du-ú-bi
^Dhal-di-ni uš-ta-a-bi ma-a-si-ni-e ^{GIŠ}šú-ri-i-e
 ka-ru-ni [^{KUR}]i-ia-a-ni-ni KUR-ni-e ka-ru-ni ^{KUR}ma-na-ni ^{KUR}bu-uš-tú-
 ni
 te-qu-a-li [^I]ar-gi-š-ti-ka-a-i ^Dhal-di-ni-ni al-su-i-ši-ni
^Iar-gi-š-ti-še a-[li]-e šur-^ha-a-ni ^{LÚ}A.SI^{MEŠ} ú-e-li-du-ú-li
- 50 ^hu-ti-a-di ^D[hal-di]-^re¹-di EN-di ^DIM-di ^D[UTU]-di
 DINGIR^{MEŠ}-áš-te ^{KUR}[bi-a-i]-na-áš-te a-lu-ú-si-ni-ni
 al-su-ú-i-ši-[ni] a-li a-ba-a¹⁶-di ^ha-ši-al-me DINGIR^{MEŠ}
^Iar-gi-iš-[ti]-še ^Ime-i-nu-ú-a-^hi-ni-e-še a-li-e
^Dhal-di-i ku-[ru]-ni ^Dhal-di-ni ^{GIŠ}šú-ri-i ku-ru-ni
- 55 ^Dhal-di-^ri¹⁶-[ni-ni al]-su-ú-i-ši-i¹⁶-ni uš-ta-di
^{KUR}i-ia-[a-ni-ni ^{KUR}]e-ba-a-ni-i-e-di KUR-ni ^ha-a-^rú¹-bi
 É. GAL^{MEŠ} ^har-[^har-šú]-ú-bi URU^{MEŠ} a-ma-áš-tú-ú-[bi]
^{URU}e-ra-t[è]-[li-e ^{URU}]e-ra-tè-li-e ú-li ^h[a]-ú-b[i]¹⁷
 'a-še [^{SAL}lu-tú¹⁸ iš-ti]-ni-ni pa-ru-ú-[bi]
- 60 i-[ku-ka-ni MU] uš-ta-di ^{KUR}ma-na-a-i-[di]
 [.....] ^{KUR}bu]-uš-tú-ú-ni ^IDtú-ra[...]¹⁹
 ga-ri-ni qar-bi [a-gu]²⁰-nu-ni [ma-nu]²⁰
 [gu-nu-šá-a ^ha]²⁰-a-ú-[bi]
 ['a-še ^{SAL}lu-tú iš]-ti-ni-ni ši-[ú-bi]
- 65 [.....] ^hal (?) a ni [.....]
 [.....] ta ni [.....]

[...] a me ri [...].
 [...] še (?) mu ur [...]
 [...]
 70 [k]u-tè-[a-di²¹ pa-ri]
¹ú [...]

Моя страна ²² ašdu. Я собрал воинов. Взмолился (?) я к богу Халди, владыке, к богу Тейшеба, к богу Шивини, ко (всем) богам страны Бианили (о том), что я хотел (?) (совершить) по господнему величию; прислушался (к моей просьбе) боги. Аргишти говорит: Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее.

Величием бога Халди ari tabzi перед Дади. Страна Кулашини, горная страна... 20 тысяч... 11 тысяч 439 отроков я там умертвил.

Воинов я собрал, повел из моей страны. В том же году выступил я (в поход) на город Менабшунни, на город Дукама; завоевал я город..., царский город страны; завоевал я... город Шарара страны Бушту...

Выступил я (в поход) на страну города Бабилу... на страну Баруата, на страну Баршуа. Страну Баршуа я разорил, города сжег... 5(?) тысяч (?) (или: сот ?)... 40 человек за год: одних я умертвил, других (же) живыми увел... ²³ коней... 9 (?) сот 87 ²⁴ голов крупного рогатого скота... 5... ²⁴ голов мелкого рогатого скота. Аргишти говорит: для бога Халди я эти подвиги за один год совершил.

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он ассирийское войско, победил страну Бушту, страну Тариуни, поверг их перед Аргишти. Величием бога Халди Аргишти говорит: крепости я воздвиг, страну Шуришилини я осчастливил (?). Ассирийскому войску моя страна ²² ašdu. Взмолился (?) я к богу Халди, владыке, к богу Тейшеба, к богу Шивини, ко (всем) богам страны Бианили (о том), что я хотел (?) (совершить) по господнему величию; прислушался (к моей просьбе) боги. Аргишти, сын Менуа, говорит: Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее. Величием бога Халди военачальников (?) я отправил в поход (?); отбросил я Ассирию, совершил я... из моей страны Дада, военачальника (?)... amubi.

В том же году выступил я (в поход) на страну..., на страну..., на страну Архи. Мужчин (и) женщин города..., царского города (и) шестидесяти (других) городов я пленил (?). Выступил я (в поход) на страну Бушту... завоевал я город Абурзани, город... гини, город Кадуканиуни, страну... я завоевал. Аргишти говорит: ... дошел (?) я до страны Мана, горной страны, 18827 человек за год, одних умертвил, других (же) живыми увел, (а также увел) 606 коней, 184 верблюда, 6257 голов крупного рогатого скота, 33203 головы мелкого рогатого скота. Аргишти, сын Менуа, говорит: для бога Халди эти подвиги за один год я совершил.

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он страну Иани, победил он страну Мана, страну Бушту, поверг их перед Аргишти. Величием бога Халди Аргишти говорит: šurhāni я воинов собрал; взмолился (?) я к богу Халди, владыке, к богу Тейшеба, к богу Шивини, ко (всем) богам страны Бианили (о том), что я хотел (?) (совершить) по господнему величию; прислушался (к моей просьбе) боги. Аргишти, сын Менуа, говорит: Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее. Величием бога Халди выступил я (в поход) на страну Иани; страну я завоевал, крепости разрушил, города сжег. Город Эрателе (и) другой город Эрателе я завоевал ²⁵; мужчин (и) женщин я оттуда угнал...

В том же году выступил я (в поход) на страну Мана... страна Бушту река Тура...²⁶. Крепость (?) на скале (?), укрепленную, в бою я завоевал, мужчин (и) женщин оттуда я увел... дошел (?) я до...

¹ По эстампажу Дейролля.

² tab (?) - z [i] (?) — по эстампажу Дейролля (см. рис. 12, табл. I); по Шульцу — см. рис. 13, табл. I; по Лэйарду — см. рис. 14, табл. I. Согласно Гюйару, здесь можно прочесть tab-zi или tab-gi; сохранившиеся следы позволяют также читать: tab-ri (Сэйс, JRAS, 1888, стр. 15).

³ Сэйс восстанавливает: su [tuqubi].

⁴ Наше восстановление.

⁵ Так исправил Н. В. Арутюнян старое чтение hu на основании сличения этого места с надписью 155 А, стк. 1—6.

⁶ Восстановление Сэйса.

⁷ Так по автографии Шульца; у Сэйса (ошибочно?): še-hi-[ri].

⁸ Сэйс ошибочно восстанавливает: [L^UA.] SI^{MEŠ}; то, что он читает как si (рис. 15, табл. I), в действительности составляет окончание знака ra (рис. 16, табл. I); в соответствии с этим можно восстановить слово [ANŠU.KUR.R]A^{MEŠ} «лошади», которое вполне оправдано в данном контексте.

⁹ Так по Шульцу; у Сэйса (ошибочно?) так же, как и в стб. II, стк. 21: LXX.

¹⁰ Восстанавливаем по стб. II, стк. 53.

¹¹ У М. Церетели: áš-du-(bi) (RA, XXX, 1933, стр. 39).

¹² У М. Церетели: KUR ašur su-ú-i [du-lu-ú]-bi za-a [š-gu]-bi (NH I, стр. 41).

¹³ SAL lu-tú^{MEŠ} — восстановлено Сэйсом.

¹⁴ Наше восстановление — ср. № 155, С₃₋₄, 31—32.

¹⁵ Восстанавливает Сэйс.

¹⁶ Сэйс опускает; имеется в автографии Шульца.

¹⁷ Мы не уверены в правильности нашего понимания данной строки. У Сэйса: URU e-ra-tè-[li-ú-ni URU] e-ra-tè-li-e-ú-li ha-ú-[bi]. Восстановления Сэйса нельзя считать приемлемыми. Может быть, название города по ошибке повторяется здесь дважды, или же, может быть, в начале строки не хватает глагольной формы uštadi? (uštadi URU e-ra-tè-li-e-ú-li URU e-ra-tè-li-e-ú-li ha-ú-[bi]).

¹⁸ Сэйс восстанавливает: [SAL ú-e-di-a-ni]; размеры лакуны позволяют считать более вероятным восстановление: [SAL lu-tú].

¹⁹ Упоминаемая здесь в связи со страной Бушту река tú-ra..., возможно, тождественна реке Турнат (Turnat) ассирийских источников (современная р. Дияла). Может быть, в южном направлении территория страны Бушту простиралась до верхнего течения р. Дияла (древн. Турнат).

²⁰ Восстанавливается по стб. I, стк. 26.

²¹ Сэйс по Лэйарду (см. рис. 17, табл. I) читает в этой строке: ma-tè...; то, что он принял за ma, есть в действительности окончание знака ku (рис. 18, табл. I). Исходя из этих соображений, мы считаем наши восстановления естественными.

²² «Моя страна» (KUR e-baniuki) — возможно, эти слова слегает поставить в каком-нибудь другом падеже; но поскольку общий смысл фразы неизвестен, нельзя решить, какой падеж необходим в данном случае.

²³ Число не сохранилось.

²⁴ Число сохранилось частично.

²⁵ «Город Эратели (и) другой город Эратели я завоевал» — так мы понимаем 16-ю строку (см. выше, прим. 17).

²⁶ Может быть, река Турнат (совр. р. Дияла) — см. прим. 19.

Столбец IV

Schulz, 5 (A); Sayce, 40 (T, П) (ср. его же поправки в JRAS, 1888, стр. 16); по эстампажу Deysolle, а поправки сделал Guayard в JA, VIII серия, том I, 1883, стр. 519—520; Sayce, «Records of the Past», IV, 1890, стр. 125—128 (II); Sandaljian, 19 (T, П); И. И. Мещанинов, Халловеление, 11 (A, П—стк. 21—55 данной надписи); J. Friedrich, Einführung, 11 (T, П—стк. 14—41 данной надписи).

1 X LIM VIII LIM II ME XLIII

L^U ta-ar-šú-a-ni-e¹ MU

- a-li-ki za-áš-gu-ú-bi
a-li-ki še-hi-ri-e a-gu-bi
- 5 VII ME XC [.]ANŠU.KUR.RA^{MEŠ}
I ME ANŠU^{ul(?)}2-tu-ni^{MEŠ}
XX LIM II LIM V³ ME XXIX^{GUD}pa-hi-ni
XXX LIM VI LIM VIII ME XXX^{UDU}šú-še
Iar-gi-iš-ti-i-še a-li-e
- 10 ^Dhal-di-a iš-ti-ni-e
^ri¹-na-a-ni-li-e
ar-ni-ú-ši-ni-li
šú-si-ni šá-a-li za-du-bi
^Dhal-di-ni uš-ta-bi
- 15 ma-si-ni-e [^{GIŠ}]šú-ri-e
ka-ru-ni [^{KUR}]ma-na-ni
^{KUR}e-ba-a-[ni]-i-e
ka-ru-ni [^{KUR}ir-ki]-ú-ni-ni
te-e-qu-ú-a-li
- 20 Iar-gi-[iš]-ti-ka-i
^{4D}hal-di-ni-ni
al-su-ú-i-ši-ni
Iar-gi-[iš]-ti-še
a-li-e [hu-ti]-a-di
- 25 ^Dhal-di-e-di EN-di
^DIM-di ^DUTU-di
DINGIR^{MEŠ}-áš-te^{KUR}bi-a-na-áš-te
a-lu-si-ni-ni al-su-ši-ni
a-li a-ba-di [ha]-ši-al-me DINGIR^{MEŠ}
- 30 Iar-gi-[iš]-ti-i-še
I^{me}-nu-a-hi-ni-še a-li-e
^Dhal-di-i ku-ru-ú-ni
^Dhal-di-i-ni ^{GIŠ}šú-ri-i ku-ru-ú-ni
^Dhal-di-i-ni-ni al-su-i-ši-ni uš-ta-di
- 35 ^{KUR}ma-na-i-di ha-^rú-^rbi^{KUR}ir-ki-ú-ni-ni
ku-^{tè}-a-di pa-ri^{KUR}aš-šur-ni-ni ^{ŠADU}⁵al-ga-ni
VI LIM IV ME LXXI ^{LÚ}UKU^{MEŠ} [M]U a-li-ki za-áš-gu-ú-bi
a-li-ki še-hi-ri a-gu-[bi] II ME LXXXVI ANŠU.KUR.RA^{MEŠ}
II LIM II ME LI^{GUD}pa-hi-ni^{MEŠ} VIII LIM II ME V^{UDU}šú-še^{MEŠ}
- 40 Iar-giš-ti-še a-li-e ^Dhal-di-a iš-ti-ni-e
i-na-ni-li ar-ni-ú-ši-ni-li I MU za-a-du-bi
^Dhal-di-ni uš-ta-bi ma-si-ni-e ^{GIŠ}šú-ri-e
ka-ru-ú-ni^{KUR}ma-na-a-ni^{KUR}e-ba-ni-i-e
ka-ru-ú-ni^{KUR}bu-uš-tú-ni te-qu-ú-a-li
- 45 Iar-gi-iš-ti-i-ka-i I^{me}-nu-a-hi-ni-ni-e
^D[ha]-di-ni-ni al-su-i-ši-ni Iar-giš-ti-še
[a]-li-e hu-ti-a-di ^Dhal-di-i-e-di EN-di

- ^DI[M]-di ^DUTU-di DINGIR^{MEŠ} -áš-te ^{KUR}bi-a-na-áš-te
 a-lu-[s]i-ni-ni al-su-i-ši-ni a-li a-ba-di
 50 ^ha-a-ši-al-me DINGIR^{MEŠ} ^Iar-gi-iš-ti-i-še
^Ime-nu-a-^hi-ni-še a-li-e ^Dhal-di-i ku-ru-ni
^Dhal-di-ni ^{GIŠ} šú-ri-i ku-ru-ni ^Dhal-di-ni-ni
 al-su-i-ši-ni uš-ta-di ^{KUR}bu-uš-tú-e-di
^ha-ú-bi ^{KUR}áš-qa-ia-i ^hu-bi ^{KUR}sá-ti-ra-ra-ga-ni
 55 an-da-ni ^{KUR}ú-gi-iš-ti-ni 'a-al-du-bi
 [sal]-ma-at-^hi ^{KUR}ú-ú-ši-ni ku-^tè-a-di
 pa-ri-e ^{KUR}a-la-^tè-i-e⁶^{KUR} bə-ba-a-ni
^[KUR]e-ba-a-ni a-ma-áš-tú-bi URU^{MEŠ} ^har-^har-[šú]-bi
 'a-a-še ^{SAL}lu-tú iš-ti-ni-ni pa-ru-[ú]-bi
 60 [VII]⁷ LIM VIII ME LXXIII ^{LÚ}ta-ar-šú-a-[ni šá-a-l]i-^re¹⁸
 a-li-ki za-áš-gu-bi a-li-[ki še-^hi-ri a-gu]-bi
 [II (?) ME] XC (?) ANŠU. KUR. RA^{[MEŠ} pa-ru-bi]⁹
 [I ME I] ANŠU.A.AB.BA^{MEŠ} [IV LIM IX ME IX^{GUD} pa-^hi-ni^{MEŠ}]⁹
 [X LIM] 'IX' [LI]M V ME L^{UDU} šú-še^{MEŠ}⁹
 65 ^Iar-gi-iš-ti-še a-li-e ^Dhal-di-[a iš-ti-ni-e]⁹
 [i-na]-ni-li ar-ni-[ú-ši-ni-li I MU za-du]-bi
^Dhal-di-ni uš-ta-bi ma-[si-ni-e ^{GIŠ}šú]-ri-e
 [ka-r]u-ni ^{KUR}ma-na-a-ni [^{LÚ}hu-ra]-di-i-e⁹
 [te-qu]-ni [^Iar-giš-ti-ka-i [^Ime]-nu-a-^hi-ni-e⁹
 70 [^Dhal]-di-i-ni-ni al-su-i-ši-i-ni
^Iar-giš]-ti-še ^Ime-nu-ú¹⁰-a-^hi-ni-še a-li-e
 [.....]^Iar-giš-te-e-^hi-ni-li ši-du-bi
^{[^Dm]u¹¹-na-ni PA¹² 'a-za-i-ni-e KUR-ni-e a-gu-bi}
 [...] []¹³tar¹⁴-ma-na-li (?)¹⁵ II(?)¹⁶ si-ra-a-ni ^ha-i-la-a-ni
 75 [^hu-ti]-a-di ^Dhal-di-e-di EN-di ^DIM-di
^DUTU]-di DINGIR^{MEŠ} -áš-te ^{KUR}bi-a-na-áš-te a-lu-si-ni-ni
 [al-s]u-i-ši-ni a-li a-ba-di ^ha-ši-al-[me DINGIR]^{MEŠ}
^Ia]r-giš-ti-še a-li-e še ip(?)¹⁷ tú si na [...]a (?)¹⁸
^{[^{LÚ}] A.SI^{MEŠ}-ši-e ^{LÚ}ú-e-li-si-ni-e[.....]}
 80 [...] ¹⁹ si-ra-ni qa-ab-qa-ru-[l]u(?)²⁰-bi nu-na-bi²¹^{KUR}ma-na-[a]-ni
^Dhal-di-i-ni-ni al-su-ú-[i-ši-ni]

18243 человека за год, одних я умертвил, других (же) живыми увел, (а также увел) семьсот девяносто ...²² коней, 100 верблюдов, 22529 голов крупного рогатого скота, 36830 голов мелкого рогатого скота. Аргишти говорит: для бога Халди я эти подвиги за один год совершил.

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он страну Мана, победил страну Иркиуни, поверг их перед Аргишти. Величием бога Халди Аргишти говорит: взмолился (?) я к богу Халди, владыке, к богу Тейшеба, к богу Шивини, ко (всем) богам страны Би-аинили (о том), что я хотел (?) по господнему величию (совершить); прислушались (к моей просьбе) боги. Аргишти, сын Менуа, говорит: Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее. Величием бога Халди вы-

ступил я (в поход) на страну Мана; завоевал я страну Иркиуни, дошел(?) я до гор (?) ²³ Ассирии. 6471 человека за год, одних я умертвил, других (же) живыми увел, (а также увел) 286 коней, 2251 голову крупного рогатого скота, 8205 голов мелкого рогатого скота. Аргишти говорит: для бога Халди эти подвиги я за один год совершил.

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он страну Мана, победил страну Бушту, поверг их перед Аргишти, сыном Менуа.

Величием бога Халди Аргишти говорит: взмолился (?) я к богу Халди, владыке, к богу Тейшеба, к богу Шивини, ко (всем) богам страны Биаинили (о том), что я хотел (?) (совершить) по господнему величию; прислушались (к моей просьбе) боги. Аргишти, сын Менуа, говорит: Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее. Величием бога Халди выступил я (в поход) на страну Бушту. Завоевал я долину (?) страны Ашкаиа. Шатирагани, область (?) страны Угиштини, я пощадил, *salmathi* страна Ушини. Дошел (?) я до страны Алатеие, горной страны; страну я сжег, города разрушил, мужчин (и) женщин оттуда я угнал. 7873 человека за год, одних я умертвил, других живыми увел; 290 (?) коней я угнал, (а также) 101 верблюда, 4909 голов крупного (и) 19550 голов мелкого рогатого скота. Аргишти говорит: для бога Халди я эти подвиги за один год совершил.

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он войско страны Мана (и) поверг (его) перед Аргишти, сыном Менуа. Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, говорит: ... Аргиштихинили я воздвиг, от реки (?) ²⁴ канал стране Аза я отвел ²⁵... Взмолился (?) я к богу Халди, владыке, к богу Тейшеба, к богу Шивини, ко (всем) богам страны Биаинили (о том), что я хотел (?) (совершить) по господнему величию; прислушались (к моей просьбе) боги. Аргишти говорит: ...в войске отряд (?)... пришла страна Мана. Величием бога Халди

¹ У Сэйса после этого, неизвестно на каком основании, стоит еще знак *i*, которого нет в автографии Шульца.

² Гюйар на основании эстампажа Дейролля (рис. 19, табл. 1) предполагает *di*.

³ Так читает Сэйс по копии Лэйарча; у Шульца: VI.

⁴ Для восстановления в стк. 21—75 нами широко использован дубликат этой части летописи царя Аргишти — надпись 128 В2.

⁵ Мы разделяем мнение М. Церетели, который утверждает, что *algañi* — имя нарицательное, обозначающее «гору» (РА, XXX, 1933, стр. 17 и др.) или, быть может, «скалу». На эту мысль наводит встреченное в надписи № 27, стк. 18 выражение: *al-ga-ni-na-ú-e DINGIR* с детерминативом — рис. 20, табл. I; судя по контексту и по детерминативу, это выражение имело следующий смысл: «богу гор» (или «скал»).

⁶ «e» Сэйс опускает; однако этот знак имеется в автографии Шульца и виден также на эстампаже Дейролля.

⁷ Нет ни у Шульца, ни у Сэйса; восстанавливается по надписи 128 В2, стк. 31.

⁸ Вместо *šale* Сэйс читает MU; наше чтение основано на параллельном месте дубликата — 128 В2, стк. 31 и на наличии следов отдельных знаков (*i*, *e*), имеющих в автографии Шульца.

⁹ Восстановления в этой строке по дубликату — 128 В2.

¹⁰ «ú» Сэйс опускает; имеется у Шульца.

¹¹ Наше восстановление сделано на основании одной Армавирской надписи Аргишти I (№ 137, стк. 8), в которой речь идет об этом же факте; Сэйс ошибочно прочел здесь название страны Мана: *KUR ma-na-ni* — см. Г. А. Меликишвили, Урартовелческие заметки, ВДИ, 1951, № 3, стр. 174—176.

¹² Сэйс ошибочно: *KÜR*-е (идеограмма «вражеский» + *e*).

¹³ Перег *tar* стоял знак, окончание которого (рис. 21, табл. I) видно у Шульца и Дейролля; очевидно, фраза повторялась в этой надписи в стк. 79—80 и в конце 79-й строки стоял тот же самый знак (там видны следы — см. рис. 22, табл. I).

¹⁴ Так по Шульцу; Сэйс по Лэйарчу ошибочно читает: *KUR*. В урартских текстах не раз засвидетельствовано слово *tar(a)mana* — см. 58₂₄: *taramana*, или 92 а — *ca: tarmanili*.

¹⁵ В автографии Шульца — см. рис. 23, табл. I.

¹⁶ В автографии Шульца стоят два вертикальных клина; может быть, они являются не цифровым обозначением «2», а окончанием какого-нибудь знака; не исключена также возможность, что они оба, или, во всяком случае, один из них составляют окончание предыдущего знака li.

¹⁷ У Дейролля — см. рис. 24, табл. I; у Шульца — см. рис. 25, табл. I; согласно последнему Сэйс отмечает в транскрипции: ip (?).

¹⁸ Возможно, «е».

¹⁹ Перед si виден еще один вертикальный клин — см. прим. 13, 16.

²⁰ У Шульца — см. рис. 26, табл. I; Сэйс восстанавливает ú; кажется более правильным видеть здесь часто встречаемую форму — qabqarubí.

²¹ pu-na-bi дается у Сэйса по Лэйарду; в автографии Шульца это слово почти полностью опущено.

²² Количество единиц не сохранилось.

²³ См. выше, прим. 5.

²⁴ См. Г. А. Меликишвили, ВДИ, 1951, № 3, стр. 174—176.

²⁵ Это место в летописи Аргишти ср. с надписью № 137 (см. ВДИ, 1951, № 3, стр. 174 сл.).

Столбец V

Schulz, 6 (A); Saucе, 43 (Т, П)—см. его же поправки в JRAS, 1888, стр. 19; по эстампажу Deuyrolle'я поправки даёт Guyard, JA, VIII серия, том I, 1883, стр. 520; Saucе, «Records of the Past», IV, 1890, стр. 129—132 (П); Sandalgián, 19 (Т, П). В нашем распоряжении находился также эстампаж Музея Грузии, на котором отражена часть этой надписи (конец строк 9—30).

- 1 ^Iar-gi-iš-ti-še a-[li-e]
 ba-di-ni-ni su-ú-i-du-[ú-bi]
 É.GAL ha-ú-bi e-sa¹ i [...]
^{KUR}e-ba-a-ni a-tú-bi URU^{MEŠ} a-[ma-áš-tú-bi] ²
- 5 III LIM II ME LXX ^{LÚ}ta-ar-šú-ú-[a-ni]
 a-li-ki za-áš-gu-bi a-li-ki še-^{hi}-[ri a-gu-bi]
 I ME LXX ANŠU.KUR.RA^{MEŠ} pa-ru-bi LXII ANŠU. A.[AB.BA^{MEŠ}]
 II LIM IV ME XI ^{GUD}pa-^{hi}-ni^{MEŠ} VI LIM I ME XL [... .. ^{UDU}šú-še
^Iar-giš-ti-še a-li-e ^D[hal]-di-a i[š-ti-ni]-e
- 10 i-na-ni-li ar-ni-[ú]-ši-ni-li [I] MU [za]-du-bi
^Dhal-di-ni uš-ta-bi ma-si-ni-e ^{GIŠ}šú-ri-i-e
 ka-ru-ni ^{KUR}tu-a-ra-a-ši-ni-e-i hu-[bi]³
 pa-ri ^{KUR}gur-qu-ú-e ka-ru-ni ^{KUR}ma-na-a-ni
^{LÚ}A.SI^{MEŠ}-i-e te-qu-a-li ^Iar-giš-ti-ka-i
- 15 ^Iar-gi-iš-ti-i-še a-li-e ^Dhal-di-iš-me
 uš-^h[a]-[nu]-ni⁴ e-'a hu-tu-tú-^{hi} e-'a gu-nu-še
 [...] ^{ID}da-i-na-la-ti-ni-ni PA₅ a-gu-bi
 za-a-du-ú-bi ku-ul-me-i-e ^{KUR}šú-ra-ú-e
^Iar-gi-iš-ti-še ^Ime-[nu]-a-^{hi}-ni-še a-li-e
- 20 hu-ti-a-di ^Dhal-di-e-di EN-di ^DIM-di
^DUTU-di DINGIR^{MEŠ}-áš-te ^{KUR}[bi]-i-a-i-na-áš-te
 a-lu-si-ni-ni al-su-i-[ši]-ni a-li a-ba-di
 ha-a-ši-al-me DINGIR^{MEŠ} ^{LÚ}A.SI^{MEŠ} ú-e-li-du-bi
 uš-ta-di ^{KUR}ma-na-i-di KUR-ni a-tú-bi URU^{MEŠ} GIBÍL-bi
- 25 ku-^{te}-a-di pa-ri ^{URU}ú-i-^{hi}-ka-a ^{KUR}bu-uš-tú-e
 'a-še ^{SAL}ú-e-di-a-ni iš-ti-ni-ni pa-ru-bi

- 70 ^Dḫal-di-ni uš-ta-bi ma-[si]-ni-e ^{GIŠ}[šú-ri-e]
ka-ru-ni [^{KUR}tar-i]-ú-ni KUR ba-a-[ba-ni-e]
ka-ru-ni [ʔ]¹⁸ [t]e-[qu]-a-li ^Iar-giš-[ti-ka-i]
^Dḫal-di-i [ku-ru-ni] ^Dḫal-di-ni-ni al-s[u-i-ši-ni]
^Iar-giš-ti-[še] a-[li]-e uš-ta-di ^{KUR}tar-i-[ú-ni-e-di]
- 75 X1 É.[GALʔ]¹⁹ ^{MEŠ}-ri-a a-gu-nu-ni gu-nu-šá-[a ḫa-ú-bi]
^Dḫal-di-e²⁰ [. . . .] ni iš-ti-ni i a [. . . .]
^Iar-gi-iš-[ti-še] ^I[me-nu]-ú-a-ḫi-ni-e-še a-[li-e]
^Dḫal-[di-iš-me uš-ḫa]-nu-ni e-'a ḫu-ṭu-tú-ḫi e-'a [gu-nu-še]²¹
DÜ^{MEŠ}-li HÁ-e É.GAL^{MEŠ} GIBÍL-bi ḫar-[ḫa-ar-šú-ú-bi]
- 80 D[UB²²-te te-ru-bi iš-ti]²³-ni 'a-še ^{SAL}lu-tú iš-ti-ni-ni
[pa-ru-bi ^Ia]r-gi-[iš-ti-še a]-li-e i-ku-ka-[ni MU]²⁴

Аргишти говорит: . . . я отбросил; крепость я завоевал; на месте(?)²⁵ . . . страну я разорил, города сжег, 3270 человек, одних я умертвил, других живыми увел. 170 коней я угнал, (а также) 62 верблюда, 2411 голов крупного рогатого скота, шесть тысяч сто сорок. . .²⁶ голов мелкого рогатого скота. Аргишти говорит: для бога Халди я эти подвиги за один год совершил.

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), поборол он долину (?) страны Туарацини до страны Гурку, поборол он войско страны Мана, поверг их перед Аргишти. Аргишти говорит: бог Халди мне даровал (?) и ḫuṭutuḫi и сражение. Из dainalatini²⁷ я канал провел, создал я благосостояние (?) (моему) царству (?). Аргишти, сын Менуа, говорит: взмолился (?) я к богу Халди, владыке, к богу Тейшеба, к богу Шивини, ко (всем) богам страны Бианили (о том), что я хотел (?) (совершить) по господнему величию; прислушались (к моей просьбе) боги. Воинов я собрал (и) выступил (в поход) на страну Мана. Страну я разорил, города сжег. Дошел (?) я до города Уихика страны Бушту; мужчин (и) женщин оттуда я угнал; 13 979 человек за год, одних я умертвил, других (же) живыми увел; 308 коней я угнал, (а также) восемь тысяч. . .²⁸ сот 21 голову крупного рогатого скота, 32 538 голов мелкого рогатого скота. Аргишти говорит: для бога Халди я эти подвиги за один год совершил.

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он страну Мана, победил он страну Этиуни, поверг их перед Аргишти. Бог Халди могуч. Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, говорит: выступил я (в поход) на страну Мана, страну я разорил, города сжег; город Шимерихадири, царский город, укрепленный, в бою я завоевал; мужчин (и) женщин оттуда я угнал.

Аргишти говорит: услышал я, из (?) страны Этиуни aštiu города Ардини zigbilani. В том же году вновь (?) я собрал войска (и) взмолился(?) к богу Халди, владыке, к богу Тейшеба, к богу Шивини, ко (всем) богам страны Бианили (о том), что я по господнему величию хотел (?) (совершить); прислушались (к моей просьбе) боги. Выступил я (в поход) на страну Этиуни, завоевал я страну Эриахи (и) страну Катарза, дошел(?) я до страны Ишкигулу; мужчин (и) женщин (оттуда) я увел в страну Бианили.

Аргишти говорит: величием бога Халди выступил я (в поход) на страну Уитерухи, завоевал я страну Уитерухи; страну я разорил, города я сжег. . . город Амегу [. . .] (?). . . страна Уитерухи. . . я поставил

надпись. . . царский (?). . . По возвращении (?). . . под (?). . . одних я умертвил, других живыми увел; тысяча двести. . .²⁹ коней, 29 504 головы крупного рогатого скота, 60 тысяч. . .³⁰ голов мелкого рогатого скота я угнал. Аргишти говорит: для бога Халди я эти подвиги за один год совершил.

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он страну Тариуни, горную страну, победил он []³¹, поверг их перед Аргишти. Бог Халди могуч.

Величием бога Халди Аргишти говорит: выступил я (в поход) на страну Тариуни; 11 цитаделей, укрепленных, в бою я завоевал. Богу Халди. . . там. . . Аргишти, сын Менуа, говорит: бог Халди даровал (?) мне и *ḥuṭutuḥi*, и сражение. Многие строения, крепости я сжег, разрушил. Надпись я там установил. Мужчин (и) женщин я оттуда увел. Аргишти говорит: в том же году³²

¹ Так по эстампажу Дейролля.

² Сэйс ошибочно восстанавливает: a[bilidubi].

³ Так по эстампажу Музея Грузии; у Сэйса ошибочно: [tu].

⁴ *ušḥanuni* — легко восстанавливается, хотя бы на основании аналогичного выражения в надписи № 276, лиц. стор., стк. 31 сл. (ср. RA, XXXII, 1935, стр. 40, прим. 1).

⁵ В транскрипции Сэйса не указано; транскрибируем по Шульцу.

⁶ Так по эстампажу Дейролля.

⁷ Сэйс ошибочно восстанавливает: [mu].

⁸ Восстановлено А. Гётце — ZA, новая серия V, 1929, стр. 120.

⁹ Сэйс опускает; имеется у Шульца.

¹⁰ Восстановил Сэйс.

¹¹ Наше восстановление. Восстановление Сэйса: D ḥaldi[ni uluštaibi] — неуместно.

¹² Сэйс после KUR ошибочно восстанавливает еще детерминатив лица и племенных названий.

¹³ Восстанавливается нами по аналогии с обычной формой повествования в урартских победных надписях.

¹⁴ Сэйс перед этим восстанавливает: ḥa.

¹⁵ Сэйс восстанавливает детерминатив племенных названий, но нам, по аналогии со стк. 52, более правильным кажется восстановить детерминатив страны.

¹⁶ Сэйс в этой строке читает: a-[gu-ú]-nu-ni . . . na . . . ; в автографии Шульца можно различить знаки: a (?) še (?) . . . nu ni . . . ri (?ar?) . . . na . . .

¹⁷ Сэйс в этой строке читает: ri-[e]-ni . . . ú . . . ri . . .

¹⁸ Между *kaḡuni* и *tequali* следовало бы ожидать название какой-нибудь вражеской страны или города — дополнение к глаголу *kaḡuni*; трудно сказать, чем объясняется его отсутствие — возможно, ошибкой писца.

¹⁹ Не восстановлено у Сэйса; у Шульца имеется следующее — см. рис. 27, табл. I.

²⁰ Далее автография Шульца содержит знаки, изображенные на рис. 28, табл. I; Сэйс в этой строке читает: D ḥal-di e-qī (?) (по Лэйарду) — ma (?) — ni iš-ti-ni-i a-gu-[ú-bi].

²¹ Поврежденные места восстанавливаются нами по аналогии с 16-й строкой той же надписи, а также с 31 и следующими строками надписи 276, лиц. стор. Восстановления Сэйса неприемлемы.

²² В начале строки у Шульца и Лэйарда имеется следующее — см. рис. 29, табл. I. Сэйс ошибочно думает, что здесь стояла идеограмма города (см. рис. 30, табл. I).

²³ Восстановления даются нами по дубликату — 128A4, стк. 13.

²⁴ Восстановления даются нами по аналогии с 128A4, стк. 14—17; Сэйс в этой строке читает: . . . URU (?) (у Шульца имеется — см. рис. 31, табл. I) tar-ḥi (?) . . . li-e i-ku-ka-ni и т. д.

²⁵ e-sa; но, возможно, этому комплексу принадлежали последующие i, а также другие знаки; тогда перед нами какое-то другое слово, а не esi («место»), в местном падеже.

²⁶ Количество единиц не сохранилось.

²⁷ Название какой-то категории рек (?) — см. Г. А. Меликишвили, ВДИ, 1951, № 3, стр. 176.

²⁸ Количество сотен не сохранилось.

²⁹ Количество десятков и единиц не сохранилось.

³⁰ Обозначение количества мелкого рогатого скота сохранилось лишь частично.
³¹ Возможно, по ошибке пропущено название какого-то завоеванного пункта — см. прим. 18.

³² Текст продолжается на стб. VI.

Столбец VI

Schulz, 7 (A); Saucе, 41 (Т, II) — см. его же поправки в JRAS, 1888, стр. 16—17; по эстампажу Deyrolle'я поправки дает Gu y a r d — JA, VIII серия, том I, 1883, стр. 520; Saucе, «Records of the Past», IV, 1890, стр. 128—129 (II); Sandalgian, 19 (Т, II). В нашем распоряжении находились также эстампажи, хранящиеся в Музее Грузии, на которых отражены: начало строк 1—20, середина строк 4—20, конец строк 8—20.

- 1 ši-i[š-ti-ni LÚ A.SI^{MEŠ} ú-e-li-du-ú-bi]¹
 hu-ti-a-di [Dhal-di-e-di EN-di DIM-di DUTU-di]
 DINGIR^{MEŠ} -áš-[te^{KUR} bi-a-na-áš-te a-lu-si-ni-ni al-su-i-ši-ni]
 a-li-i [a-ba-di ha-ši-al-me DINGIR^{MEŠ}]
 5 uš-ta-di^{KUR} ur-me-e-di [ha-ú-bi^{KUR} ur-me-i-e-i]
 [KUR]-ni-e KUR-ni a-tú-bi ku-tè-^ra¹[di pa-ri [KUR]
 []² URU^{MEŠ} GIBÍL-bi 'a-še^{SAL} lu-tú a-gu-bi^{KUR} bi-[a-na-i-di]
 NAPHA[RU] XX (?)³ LIM IV LIM VIII ME XIII LÚ UKÚ^{MEŠ} MU a-li-ki
 za-áš-gu-bi a-li-ki TI^{MEŠ} [a-gu-bi]
 XXV ANŠU.KUR. RA^{MEŠ} [. . .] LIM VII ME XL IV^{GUD} pa-^hi-ni XL LIM
 VIII LIM VIII ME XXV^{UDU} [šú-še]
 10 I¹ar-giš-ti-še I¹me-nu-a-^hi-ni-še a-li-[e] Dhal-di-a iš-ti-ni-e
 i-na-[ni]-li ar-ni-ú-ši-ni-i⁴-[li] [šú]-si-ni MU za-a-du-bi
 D[hal-di-ni-ni al]-su-i-ši⁵-ni I¹a[r]-giš-ti-še a-li-e
 i-ú LUGÁL nu-a-di [a(?)]⁶-li-e-me^D [hal]-di-še a-ru-ni ú-i al-di-ni-e
 VII L[IM] V⁷ME⁷ LX VI^{GUD} [pa]⁸-^hi-ni^{MEŠ} L LIM I⁷ LIM⁷ VIII ME LXX
 VIII⁹ UDU^{MEŠ}
 15 I¹ar-gi-iš-[ti-še] a-li-e i-na-ni MU.MU ú-i-ia-bi¹⁰
 [D]hal-di-ni-ni al-su-i-ši-ni I¹ar-giš-ti-še a-li-e
 i-ú^{URU} bi-^h[u]-[r]a-a-ni qa-ab-qa-a-ru-lu-ú-bi
 URU bi-^hu-ra-a-ni a-su-ni-ni ŠADU¹¹ ba-am-ni ha-ar-^ha-a-ru
 mu-ru-mu-ri-a-^hi-ni-na-a-ni pa-ri DUTU^{ŠI} i-e-še
 20 ŠADU¹² ba-am-ni ha-^har-^har-šá-bi i-e-še URU bi-^hu-ra-ni ha-a-ú-bi

в третий раз (?) собрал я воинов (и) взмолился (?) я к богу Халди, владыке, к богу Тейшеба, к богу Шивини, ко (всем) богам страны Бианили (о том), что я хотел (?) (совершить) по господнему величию; прислушались (к моей просьбе) боги. . . Выступил я (в поход) на страну Урме, завоевал я страну Урме; страну я разорил. Дошел (?) я до страны. . . ; города сжег, мужчин (и) женщин я увел в страну Бианили; всего 24 (?) тысячи 813 человек за год, одних я умертвил, других живыми увел, (а также увел) 25 коней, . . .¹¹ тысяч 744 головы крупного рогатого скота, 48825 голов мелкого рогатого скота. Аргишти, сын Менуа, говорит: для бога Халди я эти подвиги за один год совершил.

Величием бога Халди Аргишти говорит: когда я царем стал (?), (то царство), которое мне бог Халди дал, ui aldinie 7566 голов крупного рогатого

скота, 51878 голов мелкого рогатого скота. Аргишти говорит: этого я ежегодно *uabi*.

Величием бога Халди Аргишти говорит: когда я город Бихурани *qabqarulubi*, город Бихурани *asunini* гора Бамни *harharu murumuriahini* — *pani* до солнца. Гору Бамни я разрушал (?), я город Бихурани завоевал.

¹ В начале первой строки на эстампаже Музея Грузии ясно читаются знаки, изображенные на рис. 32, табл. I, т. е. *ši-i[š]*. В остальном, восстановления в этой строке даются нами по 128 А4, стк. 17—18.

² По эстампажу Музея Грузии: возможно, перед URU стоял еще один знак.

³ Перед знаком LIM Шульцем разобрано лишь следующее (см. рис. 33, табл. I). Согласно этому Сэйс читает — X. На эстампаже Музея Грузии, кажется, можно различить изображенное на рис. 34, табл. I, т. е. *NAṚA[RU] XX (?)*.

⁴ Имеется у Шульца; Сэйс опускает.

⁵ Шульц, а вслед за ним Сэйс и др., между *ši* и *ni* ставят еще знак «е», никаких следов которого (или даже места для него) не видно на эстампаже Музея Грузии.

⁶ Восстановил Сэйс.

⁷ Так по эстампажу Музея Грузии. У Шульца, Сэйса и др. не отмечено.

⁸ Между «ра» и «hi» Шульц ставит еще «а», но никаких следов этого знака не видно на эстампаже Музея Грузии.

⁹ Так у Шульца (так же на эстампаже Музея Грузии); Сэйс ошибочно дает: LXVIII.

¹⁰ Сэйс: *mu-mu-ú-i-ia-bi*; М. Церетели: *MU.MU-ú-i ia-bi* (NH, стр. 35; RA, XXXIII, 1936, стр. 119).

¹¹ Количество тысяч не сохранилось.

Столбец VII (?)

Бельк считает, что эта надпись не принадлежит к тексту летописи. Надпись находится у входа в высеченные в скале комнаты (VBAГ, 1901, стр. 296).

По копии Лэйарда надпись издал Саусе (№ 42 — Т, II); см. также Sandalgian, 19 (Г, II).

1 [^Dhal-di-ni-ni al]-su-i-[ši-ni ^I]ar-giš-ti-[še ^Ime-nu-a-hi-ni-še a-li-e]

Вслед за этим — поврежденное место; можно разобрать лишь концы последних шести строк надписи:

x + 1 [.] ^ú (?) na gi
 [.] ^Dhal-[di]-ni
 [uš-ta-bi ma-si-ni-e ^{GIŠ}]šú-ri-e
 [.] li-e-ni
 x + 5 [.] a a KUR
 [.] si ku ni

Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, говорит: Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?)¹, . . .

¹ Из этой формулы, характерной для сообщений о победах, видно, что в данной надписи речь шла о военных успехах Аргишти. Не исключается, однако, и другая тематика (о строительных работах и т. д.)

Столбец VIII

Schulz, 8 (A); F. Saulcy, Recherches sur l'écriture cunéiforme assyrienne. Inscriptions de Van, Paris, 1848 (A); Saucе, 44 (Т, II); D. H. Müller, Die Keil-Inscription von Aschrut-Darga, Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Philosoph.-historisch. Klasse, том 36, Wien, 1888, стр. 23—26 (Т, II); Saucе, «Records of the Past», IV, 1890, стр. 132—133 (II); Sandalgian, 19 (Т, II). В Музее Грузии имеется эстампаж и этой надписи.

Фото 36. Надпись № 127, VI. Середина строки 4—2).
Эстампаж Музея Грузии

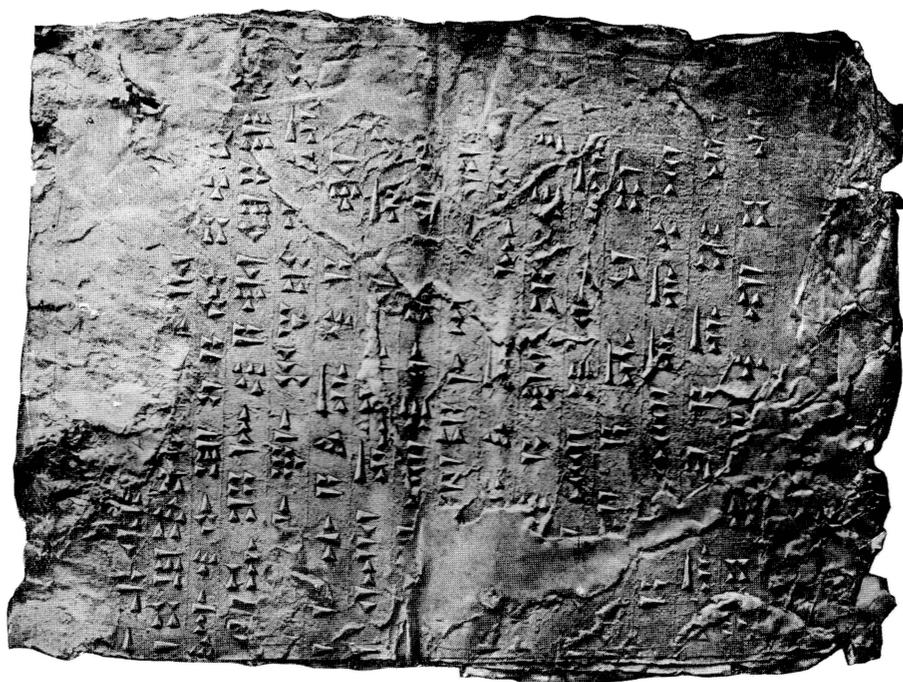

Фото 37. Надпись № 127, VI. Середина строк 5—20).
Эстампаж Музея Грузии

Фото 38. Надпись № 127, VI. Конец строк 8—20. Эстампаж
Музея Грузии

Фото 39. Надпись № 127, VIII. Эстампаж Музея Грузии

- 1 [^I]ar-gi-iš-ti-i¹-še
^Ime-nu-ú-a-hi-ni-e-še
a-li-e a-lu-ú-še
i-ni DUB-te tú-li-i-e
- 5 a-lu-še pi-tú-li-i-e
a-lu-še a-i-ni-e-i
i-ni-li du-li-i-e
ti-ú-li-e ú-li-i tú-ri
a-lu-še ú-li-e-še
- 10 ti-ú-li-e i-e-še za-du-bi
a-lu-še gi-e-i i-nu-ka-ni
e-si-ni-ni ši-ú-li-i-e
a-ú-i-e-i ip-tú-li-i-e
tú-ri-ni-ni ^Dhal-di-i-še
- 15 ^DIM-še ^DUTU-še DINGIR^{MES}-še
ma-a-ni ar-mu-zi-i
NUMUN.NUMUN-ŠÚ ^DUTU-ni pi-e-i-ni
me-i ar-hi ú-ru-li-a-ni
me-i i-na-i-ni me-i na-ra-a
- 20 a-ú-i-e ú-lu-li-e

Аргишти, сын Менуа, говорит: кто эту надпись уничтожит, кто (ее) разобьет, кто кого-нибудь заставит совершить эти (дела), скажет: «Иди!, уничтожь!», — кто другой скажет: «Я совершил (все это)», — кто что-нибудь с этого места унесет (и) куда-нибудь спрячет (?), пусть уничтожат боги Халди, Тейшеба, Шивини, (все) боги его (самого), (его) семью (?), потомство его потомства под солнцем². . .³

¹ Сэйс опускает; имеется у Шульца.

² Т. е. «на земле».

³ См. № 29, прим. 10.

128 А и В.

Два фрагмента одной (?) большой стелы; найдены они в церкви Сурб Сахак в городе Ване. Возможно, один из них (А) представляет верхнюю, а другой (В) — нижнюю часть стелы; тогда нехватает еще двух частей: той, которая должна была находиться между А и В (см. ZA, том XIII, вып. 2—4, 1899, стр. 319), а также той, которая располагалась ниже камня В. На камне А надпись высечена на четырех сторонах. На камне В — на лицевой и оборотной сторонах камня.

A1 — надпись на правой боковой стороне камня А.

A2 — надпись на оборотной стороне камня А.

A3 — надпись на лицевой стороне камня А.

A4 — надпись на левой боковой стороне камня А.

B1 — надпись на лицевой стороне камня В.

B2 — надпись на оборотной стороне камня В.

Некоторые места надписи на этих камнях в точности воспроизводят текст высеченной на Ванской скале летописи Аргишти I. Вообще же вся сохранившаяся во фрагментах надпись по содержанию представляет собой летопись. Бельк сделал попытку на основании сличения текстов Хорхорской летописи и этих обломков восстановить строение всей летописи Аргишти I (VBAG, 1901, стр. 298—299). При восстановлении отдельных мест Хорхорской летописи текст этой стелы (стел?) оказывает неоценимую услугу; текст Хорхорской летописи, в свою очередь, помогает нам (правда, в несравненно меньшем размере) правильно восстановить отдельные поврежденные места надписи на этой стеле.

Как показывает сличение надписи № 128 с Хорхорской летописью (№ 127), фрагментированный текст надписи № 128 должен быть расположен в такой хронологической последовательности: A3, B1, A2, B2, A4, A1. О месте, занимаемом фрагментами надписи № 128 по отношению к летописи Аргишти I, см. во введении к № 127.

A 1

Саусе (по копии Лэйарда), 46 (Т, II); Sandalgian, 46 (Т, II); C1Ch, 112A₁, табл. 26 (Ф).

- 1 [D]h^lal-di-ni u]š-[t]a-[bi]
 [ma-si]-ni-e ^{GIŠ}šú-ri-[e]
 [ka-r]u-ni ^Iú-ṭu-pur-ši-[ni]
 [I]d[i]-a-ú-[hⁱ] ¹ KUR-ni-i-[e]
- 5 [ka]-ru-ni ^I[ab (?)] ²nu-lu-a-[ni]
 [^{KUR}]r^el-ba-n[i]-n[i] ³ t]e-qu-n[i]
 [I]ar-gi-iš-ti-ka-a-[i]
 [D]h^lal-di-i ku-ru-ú-n[i]
 [D]h^lal-di-ni š[ú-r]i ⁴ ku-ru-n[i]
- 10 [D]h^lal-di-ni-ni al-su-ši-n[i]
 [u]š-ta-[bi] ^Iar-gi-i]š-ti-ni
 [I]me-nu-a-hⁱ ^Iar-gi-iš-ti-še
 r^al-li-e ^Id[i]-i-a-ú-hⁱ
 [š]i-šú-h^a-ni du-ur-ba-bi
- 15 [^L]ú hu-ra-a-di-ni-li
 r^ul-e-li-du-bi ú-la-di ⁵
 [I]di-i-[a]- r^ul-hⁱ-[n]i-r^el-[d]i
 r^a(?)-ri-bi e-ri-da-bi
 [k]a-ú-ki gu-nu-ši-ni-r^el
- 20 [1] i ga ra ab hu bi r^el
 [..]a(?)[..] ^D(?)šⁱ [1] d[a] a ka^ri¹
 [I]ar-gi-i ⁶ -iš-ti-i-še
 [a]-li-e hu-ti-i-a-di
 [D]h^lal-di-e-di EN-di
- 25 [D]M-di ^DUTU-ni-di
 [DINGIR] ^{MES}-áš-te ^{KUR}bi-a-n[a]-áš-te
 [a-l]u-si-ni-ni al-s[u]-ši-ni

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он Утупуршини, (царя) страны Днаухи, победил страну Абнулуани⁷, поверг (их) перед Аргишти. Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее.

Величием бога Халди выступил (в поход) Аргишти, сын Менуа. Аргишти говорит: (страна) Днаухи вновь (?) восстала⁸; воинов я собрал (и) пошел против Днаухи aribi явился (?) передо мной войной. . .

Аргишти говорит: взмолился (?) я к богу Халди, владыке, к богу Тейшеба, к богу Шивини, ко (всем) богам страны Биаинили (о том, что я хотел (?) совершить) по господнему величию. . .

¹ Сэйс восстанавливает: [e-hi], но, судя по размерам лакуны, более приемлемым кажется восстановление одного лишь hi.

² На фотоснимке вилны начинающие знак два горизонтальных клина (рис. 35, табл. 1). По Лэйарду (см. у Сэйса) знак оканчивался следующим комплексом: рис. 36, табл. 1. На этом основании мы и восстанавливаем здесь знак ab; по отношению к размерам лакуны менее вероятным представляется восстановление ṭe.

³ Сэйс ошибочно читает: [^{KUR}...]a-zu-ni-[ni]

⁴ Вместо š[ú-rí] у Сэйса ошибочно: [giš-šú]-rì.

⁵ У Сэйса дается ошибочное чтение этой строки: ... di(?)-e-li du-bi ú-li-e-[še].

⁶ «i» Сэйс опускает.

⁷ Перед этим именем стоит детерминатив лица мужского пола и племенных названий; в данном случае перед нами, очевидно, племенное название.

⁸ «Вновь возстал» — перевод предложен М. Церетели (РА, XXXIII, стр. 118).

В 1

Саусе (по копии Лэйарда), 45 (Т, П); он же, «Records of the Past», IV, 1890, стр. 134—136 (П); Sandaljian, 20 (Т, П); СICh, 112В₁, табл. 26 (Ф).

- 1 [ku-ṭ]è-i-^ra¹[di pa-r]i-e ^{KUR}bi-^ri¹[a]¹
 [^{KUR}hu¹]-šá-ni uš-[ta-di ^{KUR}d]i(?)-di-ni-e ^{KUR}ni-e²-[di]
 [^{UR}]^Uzu-ú-[a-ni-e-di^U]^{RU}zu-ú-a-ni URU LUGÁL-s[i]³
 [¹]di-i-a-ú-[^hi-ni-e]-i a-ma-áš-tú-ú-b[i]
- 5 te-ru-[bi] [D]UB-[te ^{URU}zu-a]-^ra¹⁴ ši-a-di⁵ ^{KUR}KÁ(?)⁶-ši-e
 [^{KUR}]áš-[q]a-la-[a-ši-i-e]-di l ME V É.GAL^{MEŠ}
 ha-ar-har-šú-[bi IV ME L⁴]III¹ URU^{MEŠ} a-ma-áš-tú-bi
 III ^{KUR}e-ba-ni-[e-li e-d]i⁴-ni su-ṭu-q[u]-b[i]
 L^Uta-ar-šú-a [na-ra-a]⁴-ni a-bi-li-du-^rú¹²-[bi]
- 10 [^{KUR}]e-ba-ni-^rú¹-[ki-e-di] ^{KUR}qa-da-a-i ^{KUR}ni
 [^{KUR}]⁴áš-qa-la-ši-e [KUR ^{URU}šá-a]⁴-ši-lu-ú-i ^{KUR}-n[i]
 [X (?)⁷ LIM V LIM l ME LXXX[l ár-še ll L]lM⁴ VII ME XXXIV
 L^U[^ra-še]⁷
 [X(?)⁷ L]lM VI ME IV ^{SAL}ú-e-di-a-ni IV LIM IV ME XXVI ANŠU.
 KUR.R[A^{MEŠ}]
 [X(?)⁷ L]lM IV ME LXX VIII ^{GUD}pa-^hi-ni VII a-ti-bi III LIM VII ME
 LXX ^{UDU}šú-še
- 15 [IV (?)⁸ LUGÁL^{MEŠ} ú-e-di-a-du-bi⁹ I¹šá-áš-ki-e
 [¹]r-da-ra-ki-^hi I¹bal-tú-ul-^hi I¹qa-bi-lu-[^hi]
 [^LU]E.N.NAM^{MEŠ} e-si-a te-ru-bi LUGÁL I¹di-a-ú-^hi
 [^LU]bu-r] a áš-tú-bi 'a-al-du-bi me-ši-ni pi-e-i
 [a]-li me-še I¹ar-gi-iš-ti-e I¹di-a-ú-^hi-ni-š[e]
- 20 [a-r]u-ni XLl ma-na GUŠKIN tú-a-i-e XXXVII ma-na KÙ.BABBAR^{M[ÉŠ]}
 [. . .]^ra¹-ti-bi ma-na URUDU^{MEŠ} l LIM¹⁰ PIT.HAL.LU^{MEŠ} III ME
^{GUD}pa-^hi-ni
 [. . .]^ra¹-ti-bi ^{UDU}šú-še a-li me-e-še e-si-r[i]¹¹-i-[?]
 [¹]di]-a-ú-^hi-ni-di te-ru-bi MU.MU-ni ar-di-la-ni
 [. . . ma]-na GUŠKIN^{MEŠ} tú-ú-a-i-e X LIM ma-na URUDU^{MEŠ}
- 25 [. . . GU]D-še l ME ^{GUD}ÁB-še ^rV¹ME UDU^{MEŠ} III ME PIT.HAL.
 LU^{MEŠ}
 [^LU]A.]SI^{MEŠ}¹²-na-a ú-ú-še ma-si-ni-i-a-ni áš-zi-^re¹
 [^Dh]al-di-ni uš-ta-bi ma-si-ni-e ^{GIŠ}šú-ri-i-^re¹
 [ka]-ru-ú-ni ^{KUR}e-ti-ú-ni-ni te-e-qu-ú-ni
 [¹]a]-r-gi-iš-ti-i-ka-i ^Dhal-di-i ku-ru-ni
- 30 [^Dhal]-di-ni ^{GIŠ}šú-ri-i ku-ru-ni ^Dhal-di-ni-ni

- [uš-ma]-a-ši-ni uš-ta-a-bi ^Iar-gi-iš-ti-ni
^Ime-n]u-ú-a-hi ú-lu-uš-ta-i-bi ^Dhal-di-ni
^Ia]r-gi-iš-ti-še a-li-e a-li-e-li LUGÁL^{MES}
 [a]r-nu-i-a-li ^Idi-a-ú-hi-ni-e ŠL.ŠI DÚ¹³ MU(?)¹⁴
 35 [ha]^rú¹-bi ^{KUR}lu-šá-e KUR-ni-e ^{KUR}ka-tar-za-e KUR-ni-e
^{KUR}]e^r-ri-a-hi KUR-ni-e ^{KUR}gu-lu-ta-a-hi ha-ú-[bi]
^I]rú¹-i-te-e-ru-hi-i-ni-e-i ^{KUR}e-ba-[a]-ni
 [ku-tu]-bi pa-ri ^{KUR}a-pu-ni-i-e LUGÁL^{KUR}lu-šá-[a-e]
 [ú-e]¹⁵-di-a-du-bi ^{KUR}i-ga-a-e bu-ra áš-[tú-bi]
 40 [e-ir-ši]-du-bi e-si me-še ^Iar-gi-iš-ti-e a-[ru-ni]

... Дошел (?) я до страны Биа ... (до) страны Хушани. Выступил я (в поход) против страны Диди, против города Зуа; город Зуа, царский город (страны) Диаухи, я сжег; поставил я надпись в городе Зуа. Пошел я через¹⁶ ворота (?)¹⁷ страны против страны Ашкалаши. 105 крепостей я разрушил, 453 города сжег. Три страны я оттуда отторгнул, (их) население присоединил к моей стране: страну Када, страну Ашкалаши, страну города Шашилу. 15(?) тысяч 181 отрока, 2734 мужчины, 10(?) тысяч 604 женщины, 4426 коней, 10 (?) тысяч 478 голов крупного рогатого скота, 73 770 голов мелкого рогатого скота (я угнал). Четырех царей я оскопил (?) — (царей племен) Шашки, Ардаракихи, Балтулхи (и) Кабилухи; на месте (там) я посадил (моих) правителей областей. Царя Диаухи я поработил, пощадил я (его) под условием (выплаты) дани. (Вот) какую дань (царю) Аргишти диаухиец поднес: 41 мину чистого (?) золота, 37 мин серебра, ...¹⁸ десять тысяч мин меди, 1000 верховых лошадей, 300 голов крупного рогатого скота, ...¹⁸ десять тысяч голов мелкого рогатого скота. (Вот) какую дань ... для (страны) Диаухи я установил, чтобы она давала (эту дань) ежегодно: ...¹⁹ мин чистого (?) золота, 10 000 мин меди, ...¹⁹ быков, 100 коров, 500 овец, 300 верховых лошадей. ...²⁰.

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он страну Этиуни, поверг (ее) перед Аргишти. Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее. Могуществом бога Халди выступил (в поход) Аргишти, сын Менуа. Предшествовал (?) (ему) бог Халди. Аргишти говорит: те цари, (которые) пришли на помощь диаухийскому (царю), — я (их) разгром совершил. За год (?) завоевал я страну Луша, страну Катарза, страну Эриахи, страну Гулутахи, завоевал я страну Уитерухи. Дошел (?) я до страны Апуни. Царя страны Луша я оскопил (?), (а царя) страны Ига — поработил, оставил на (его) месте; дань (царю) Аргишти он дал ...

¹ Восстанавливается по 127, стб. I, стк. 8.

² Сэйс опускает.

³ Чтение И. Фридриха: URU LUGÁL-n[u-si] (Caucasica, 8, 1931, стр. 115; ZA, новая серия, VI, 1931, стр. 260), — исключается, так как вслед за LUGÁL ясно видно начало знака si (рис. 37, табл. I).

⁴ Восстанавливается по Лэйарду (см. у Сэйса).

⁵ И. Фридрих справедливо указывает на возможность того, что šiadī является лишь окончанием предыдущего слова (Caucasica, 8, 1931, стр. 277).

⁶ В правильности чтения этого знака мы не уверены. На фотоснимке можно разглядеть лишь изображенное на рис. 38, табл. I; возможно, это не KĀ, а pav/p (рис. 39, табл. I). Судя по следам, представляется возможным также восстановление идеограммы ITU (рис. 40, табл. I), но последнюю трудно согласовать с контекстом; «e» — исключается (так читает Фридрих — см. Caucasica, 8, 1931, стр. 277).

⁷ Восстанавливает Сэйс.

⁸ Восстанавливается нами по контексту (см. последующее перечисление «царей» четырех племен (!) — Шашки, Ардаракихи, Балтулхи и Кабилухи).

⁹ Ср. ниже. стк. 39.

¹⁰ I LIM — так по Лэйарду; и на таблице CICH можно различить следы этих знаков.

¹¹ На фотоснимке видны следы этого знака (рис. 41, табл. 1). Ошибочно принимает этот знак за gi A. Гётце (RHA, 24, 1936, стр. 276—277). М. Церетели (RA, XIV, 1951, стр. 199) в конце строки читает: e-si-ri-i-[e], придавая этому слову значение «тяжелый».

¹² У М. Церетели ошибочно: ANŠU · KUR · RA^{MEŠ} (RA, XXXIII, стр. 132).

¹³ Трудно согласиться с А. Гётце, который здесь читает: ni (ši-ši-ni MU — см. RHA, 24, стр. 282).

¹⁴ Так читает А. Гётце (RHA, 24, стр. 282); М. Церетели: bi (RA, XXXII, стр. 74); судя по следам, предпочтение можно отдать знаку MU.

¹⁵ Так по М. Церетели (RA, XXXII, стр. 74) и И. Фридриху (ZA, новая серия, VI, стр. 278).

¹⁶ Букв.: «в» (-še).

¹⁷ KĀ (?) (стк. 5) — см. выше, прим. 6.

¹⁸ Количество десятков тысяч не сохранилось.

¹⁹ Число не сохранилось.

²⁰ Оставляем без перевода всю 26-ю строку. Те же выражения, что и в данной строке, встречаются в надписи Менуа (№ 36, стк. 22—23), повествующей также о походе против страны Диаухи. Повидимому, здесь упоминаются верховые лошади, которые (вместе со многим другим) должны были быть доставлены царем Диаухи в виде ежегодной дани; очевидно, в связи с этим стоит слово «воины» (в местном надежде мн. числа: LÚA · SI^{MEŠ}-na) — возможно, речь идет о том, что кони, доставляемые из Диаухи, предназначаются урартскому войску. Систематическое подчеркивание этого факта в урартских текстах, возможно, свидетельствует о высоком развитии в Диаухи коневодства.

A 2

CICH, 112 A₂, табл. 27 (Ф).

Надпись является дубликатом Хорхорской летописи (127, стб. 11, стк. 25—41); ниже соответствующее место летописи используется нами для восстановления ряда поврежденных мест нашей надписи.

1. [D_hal-di]-i-ni uš-ta-a-bi
[ma-si]-ni-e GIŠ³šú-ri-i-e
[ka-ru]-ni KUR³e-ti-i-ú-ni-ni
[ka-ru-ni] URU³qi-ḥu-ni KUR-ni-e te-qu-ni
5. [I¹ar]-gi-iš-ti-ka-i D_hal-di-i ku-ru-ni
[D_h]al-di-i-ni GIŠ³šú-ri-i ku-ru-ú-ni
[D_h]al-di-i-ni-ni al-su-ú-i-ši-i-ni
[uš]-ta-bi I¹ar-gi-iš-ti-ni I¹me-nu-ú-a-ḥi
[D_h]al-di-i-ni ú-lu-uš-ta-a-i-bi
10. [I¹ar]-gi-iš-ti-i-še a-li-e ḥa-a-ú-bi
[U¹RU]qi-ḥu-ni KUR¹ si-lu-ni-ni ṣu-i(?)-ni-a bi-di-e²
[ku]-ṭè-i-a-di pa-a-ri-e URU³a-li-iš-tú-ú
[I¹]a-še SAL³lu-tú pa-ru-bi D_hal-di-ni-ni ba-ú-ši-ni
I¹ar-gi-iš-ti-še I¹me-nu-a-ḥi-ni-še a-li-e
15. URU³ir³-pu-ú-ni-ni ši-i-di-iš-tú-ú-bi-e
[K³UR] bi-i-a-i-na-a-ú-e uš-ma-a-še-e
[K³UR] lu-lu-i-na-ú-i na-a-pa-a-ḥi-i-a-i-di
qi-i-ú-ra-a-ni-e qu-ul-di-i-ni-e ma-a-nu
ú-i gi-e-i ši-i-da-a-ú-ri-e iš-ti-ni

- 20 DAN. NU^{MEŠ} ar-ni-ú-ši-ni-li za-du-bi iš-ti-ni
 VI (?)⁴ LIM VI ME LÚ^{MEŠ} gu-nu-ši-ni-i e-ir-ši-du-bi
 [i]š-ti-i-ni KUR¹ḥa-a-te-e KUR²ṣu-ú-pa-a-ni
 D³ḥal-di-i-ni-ni al-su-ú-i-ši-i-ni
 I⁴ar-gi-iš-ti-še I⁵me-nu-[a-ḥi-n]i-še a-li-e
 25 ḥu-ti-a-di D⁶ḥal-di-ṛi⁷-[e-di EN-di] [D⁸]IM-di
 D⁹UTU-di DINGIR^{MEŠ}-āš-t[e KUR¹⁰bi-a-i-na-āš]-te
 a-lu-si-ni-ni a[l-su-i-ši-ni a-li a-ba-di]
 ḥa-ši-al-me DINGIR^{MLŠ} i-ku-ka-ni MU uš-ta-di]
 KUR¹¹ú-bur-da-[ú-e e-di-ia I¹²is-[?]-lu-bu-ra-a-ni]
 30 LUGÁL^{KUR}ṛú¹³-bur-[da-al-ḥi ḥa-a-ú-bi KUR¹⁴e-ba-a-ni-i-e]

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он страну Этиуни, победил он страну города Кихуни, поверг (их) перед Аргишти. Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее. Величием бога Халди выступил (в поход) Аргишти, сын Менуа. Предшествовал (?) (ему) бог Халди. Аргишти говорит: завоевал я страну города Кихуни, расположенную (?) на берегу (?) озера⁵; дошел (?) я до города Алишту; мужчин (и) женщин (оттуда) я угнал.

По велению бога Халди Аргишти, сын Менуа, говорит: город Ирпуни я построил для могущества страны Бианили (и) для усмирения (?) вражеской страны. Земля была пустынной (?), ничего не было там (раньше) построено. Могучие дела я там совершил. 6 (?) тысяч 600 воинов стран Хате (и) Цупани я там поселил.

Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, говорит: взмолился (?) я к богу Халди, владыке, к богу Тейшеба, к богу Шивини, ко (всем) богам страны Бианили (о том), что я хотел (?) (совершить) по господнему величию; прислушались (к моей просьбе) боги.

В том же году выступил я (в поход) против страны Убурда. (У) (?) Ис[]лубурани, царя страны Убурдалхи, я отвоевал страну...

¹KUR скорее здесь является идеограммой, чем детерминативом: следующее далее слово silunini, очевидно, имя нарицательное, а не название страны (ср. часто встречаемую в текстах глагольную форму siluadi и др.).

²У М. Церетели ошибочно: ḥa-a-ú-bi^[URU]qi-ḥu-ni KUR si-lu-ni [e]-di-i-ni a-bi-di-e (RA, XXXII, стр. 73).

³У И. Фридриха ошибочно: ni (Arch. Or., IV, стр. 61—62). На фотоснимке знак ясно читается — см. рис. 42, табл. I (ср. надпись № 145).

⁴Судя по оставшимся на памятнике следам, нам кажется более вероятным VI (как у Фридриха — Arch. Or., IV, стр. 61—62), чем IV (как у М. Церетели — RA, XXX, 1933, стр. 25).

⁵«На берегу (?) озера» — букв.: «в сторону озера», «у озера».

B 2

СICb, 112B₂, табл. 28 (Ф).;

При восстановлении поврежденных мест надписи нами был использован текст IV столбца Хорхорской летописи, дубликатом строк 24—74 которой является данная надпись.

- 1 [ḥu]-ti-a-[di] D¹ḥal-[di-e-di EN-di] D²IM-di D³UTU-di]
 [DINGIR^{MEŠ}-āš]-te KUR⁴bi-a-i-na-āš-te a-lu-si-ni-ni
 [al]-su-i-ši-ni a-li a-ba-d[i. . . .]

- ^Iar-gi-iš-ti-še ^Ime-nu-ú-a-hi-ni-[še a-li-e]
 5 ^Dhal-di-[i] ku-ru-ni ^Dhal-di-ni ^{GIŠ}šú-ri-[i ku-ru-ni]
^Dhal-di-[ni-ni] al-su-ú-i-ši-ni uš-t[a-a-di]
^[KUR]ma-na-^ra¹-[i-di] ha-a-ú-bi ^{KUR}ir-ki-ú-ni-ni
 ku-^{tè}-i-[a-di] pa-ri ^{KUR}aš-šur-ni-ni ^{ŠADU}al-g[a-ni] ¹
 VI LIM IV ME LXXXI ^{LÚ}UKU^{MEŠ} MU a-li-ki za-áš-g[u-ú-bi]
 10 a-li-ki še-hi-ri a-gu-bi II ME LXXXVI ANŠU. KUR. R[A^{MEŠ}]
 II LIM II ME LI^{GUD}pa-hi-ni^{MEŠ} VIII LIM II ME V^{UDU}šú-še [^{MEŠ}]
^Iar-gi-i[š-t]i-še a-li-e ^Dhal-di-a iš-ti-ni-[e]
 i-na-ni-li ar-ni-ú-ši-ni-li šú-si-ni MU za-du-b[i]
^Dhal-d[i]-n[i uš-t]a-bi ma-si-ni-e ^{GIŠ}šú-ri-i-e
 15 ka-ru-ni ^{KUR}ma-na-a]-ni-e ka-ru-ni ^{KUR}bu-uš-tú-ni
 te-e-qu-ú-a-li-e ^Iar-gi-iš-ti-i-ka-a-i
^Dhal-di-ni-[ni] al-su-i-ši-n[i] ^Iar-gi-iš-ti-še a-li-e
hu-ti-a-di [^Dhal]-di-e-di EN-di ^DIM-di ^DUTU-di
 DINGIR^{MEŠ}-áš-te ^{KUR}bi-a-^ri¹-n[a]-á[š]-te a-lu-si-ni-ni
 20 al-su-i-ši-n[i] a-li [a-ba-d]i ha-ši-al-me DINGIR^{MEŠ}
^Iar-gi-i[š-ti-še] ^Ime-nu-^rú¹-a-hi-ni-e-še a-li-e
^Dhal-di-i [k]u-ru-ni ^Dha[l-d]i-ni ^{GIŠ}šú-ri-i ku-ru-ni
^Dhal-[di-ni]-ni al-su-ú-i-ši-i-ni
 uš-ta-[di ^{KUR}bu]-uš-tú-ú-e-di ha-a-ú-bi
 25 ^{KUR}aš-ka-ia-[i] hu-bi ^{KUR}šá-ti-ra-ra-ga-a-ni
 an-da-a-ni ^{KUR}ú-gi-iš-ti-ni 'a-al-du-ú-bi
 sal-ma-at-hi-e ^{KUR}rú¹-ú-ši-ni ku-^{tè}-i-a-di
 pa-a-ri-e ^{KUR}a-la-^{tè}-i-e KUR ba-ba-a-ni
^[KUR]e-ba-a-ni a-ma-áš-[tú]-bi URU^{MEŠ} har-ha-ar-šú-bi
 30 'a-še ^{LÚ}ú-e-di-a-ni iš-ti-ni-ni pa-ru-ú-bi
 VII LIM VIII ME [LXX] ² III ^{LÚ}ta-ar-šú-ú-a-ni šá-a-li-e
 a-li-ki [za]-áš-gu-bi a-li-ki še-hi-ri a-gu-bi
 II (?) ME XC (?) [ANŠU. KUR.RA]^{MEŠ} pa-ru-bi I ME I ANŠU. A. AB. BA^{MEŠ}
 IV LIM IX ME IX ^{GUD}pa-hi-ni^{MEŠ} X LIM IX LIM V ME L ^{UDU}šú-še^{MEŠ}
 35 ^Iar-gi-i[š]-ti-še a-li-e ^Dhal-di-a iš-ti-ni-e
 i-na-ni-li ar-ni-ú-ši-ni-li šú-si-ni MU za-du-bi
^Dhal-di-ni uš-ta-bi ma-si-ni-e ^{GIŠ}šú-ri-i-e
 [k]a-ru-ni ^{KUR}ma-na-a-ni ^{LÚ}hu-ra-di-e te-qu-ni
^Iar-gi-iš-ti-ka-i ^Dhal-di-ni-ni al-su-i-ši-ni
 40 ^Iar-gi-iš-ti-še ^Ime-nu-a-hi-ni-e-še a-li-e
 [2-3] ^Iar-gi-iš-te-e-hi-ni-li ši-du-ú-bi
 [^{ID}mu-na-ni PA₅ ^Ia-z[a]-i-ni-e KUR-ni-e a-gu-bi
 [..... tar-ma-na-li (?) II (?) si-ra]-^ra¹-ni ha-i-la-a-ni

... Взмолился (?) я к богу Халди, владыке, к богу Тейшеба, к богу Шивини, ко (всем) богам страны Бианилии (о том), что я хотел (?) (совершить) по господнему величию... Аргишти, сын Менуа, говорит:

Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее. Величием бога Халди выступил я (в поход) на страну Мана; завоевал я страну Иркиуни; дошел (?) я до гор (?) Ассирии. 6481 человека за год, одних я умертвил, других живыми увел, (а также увел) 286 коней, 2251 голову крупного рогатого скота, 8205 голов мелкого рогатого скота. Аргишти говорит: для бога Халди я эти подвиги за один год совершил.

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он страну Мана, победил он страну Бушту, поверг их перед Аргишти. Величием бога Халди Аргишти говорит: взмолился (?) я к богу Халди, владыке, к богу Тейшеба, к богу Шивини, ко (всем) богам страны Бианили (о том), что я хотел (?) (совершить) по господнему величию; прислушались (к моей просьбе) боги. Аргишти, сын Менуа, говорит: Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее. Величием бога Халди выступил я (в поход) на страну Бушту, завоевал я долину (?) страны Ашкаиа. Шатирарагани, область (?) страны Угиштини, я пощадил, salmathē страна Ушини. Дошел (?) я до страны Алатеие, горной страны. Страну я сжег, города разрушил; мужчин (и) женщин оттуда я угнал, 7873 человека за год, одних я умертвил, других живыми увел. 290 (?) коней я угнал, (а также) 101 верблюда, 4909 голов крупного (и) 19 550 голов мелкого рогатого скота. Аргишти говорит: для бога Халди эти подвиги я за один год совершил.

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он войско страны Мана, поверг (его) перед Аргишти. Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, говорит: ... Аргиштихинили я воздвиг, от реки(?)³ канал стране Аза я отвел⁴...

¹ У М. Церетели: ŠADU¹al-ga-[ni-ni].

² У М. Церетели ошибочно: [XX?] (RA, XXXII, стр. 37). [LXX] — восстанавливается на основании параллельного места в Хорхорской летописи Аргишти I (127, IV, стк. 60).

³ См. 127, IV, прим. 24.

⁴ См. 127, IV, прим. 25.

А 3

C1Ch, 112 A₃, табл. 29 (Ф).

- 1 D^hal-di-e e-ú-ri-i-[e]
 i-ni^{NA}pu-lu-si^Iar-gi-iš-ti-[še]
^Ime-nu-ú-a-^hi-ni-še ku-gu-ú-[ni]
 D^hal-di-ni-ni al-su-i-ši-[ni]
- 5 ^Iar-gi-iš-ti-ni ^Ime-nu-a-^hi LUGÁL DAN. [NU]
 LUGÁL al-su-i-ni LUGÁL^{KUR}bi-a-i-na-ú-[e]
 LUGÁL LUGÁL^{MES}-ú-e a-lu-si^{URU}tu-uš-pa-[a-URU]
 [I]ar-gi-iš-ti-še a-li a-lu-še i-ni DUB-[te]
 tú-li-i-e a-lu-še pi-tú-li-i-e a-lu-[še]
- 10 a-i-ni-i i-ni-li du-li-e ti-ú-li-^re¹
 ú-li-i tú-ri a-lu-še ú-li-še ti-ú-li-[e]
 i-c-še za-du-bi tú-ri-ni-ni D^hal-di-i-[še]
^DIM-še^DUTU-še DINGIR^{MES}-še ma-a-ni ar-mu-z[i]
^DUTU-ni pi-e-i-ni me-i ar-^hi ú-ru-li-a-n[i]
- 15 me-i i-na-i-ni me-i na-ra-a a-ú-i-^re¹
 ú-lu-li-e D^hal-di-ni-ni uš-ma-a-ši-i-n[i]
 D^hal-di-ni-ni ba-ú-ši-ni i-ú D^hal-di-š[e]

- ¹ar-gi-iš-ti-i-e ¹me-nu-ú-a-hi-ni-^{re}¹
 LUGÁL-tú-hi a-ru-ni na-ha-bi ^{LÚ}AD-ni e-si-i
 20 ^Dhal-di-ni-ni al-su-i-ši-ni ¹ar-gi-iš-ti-ni
¹me-nu-a-hi LUGÁL DAN. NU LUGÁL ^{KUR}bi-a-i-na-ú-^{re}¹
 a-lu-si ^{URU}tú-uš-pa-a-URU ¹ar-gi-iš-ti-š[e]
 a-li-e [. . . .] ¹ú¹-ni-ni du-ur-ba-i-e m[a]-nu
rDhal-d[i-ni uš-ta-bi ma]-si-ni-e ^{GIŠ}šú-ri-^{re}¹
 25 [ka-ru-ni.]KUR-ni-e te-qu-n[i]
 [¹ar-gi-iš-ti-ka-i ^Dhal-d]i-i ku-ru-ni
 [^Dhal-di-ni ^{GIŠ}šú-ri-i ku-ru-ni ^D]hal-di-ni-n[i]
 [.] ¹i¹(?)-ši-n[i]

Богу Халди, владыке, эту надпись Аргишти, сын Менуа, воздвиг (?). Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, царь могущественный, царь великий, царь страны Бианили, царь царей, правитель Тушпа-города.

Аргишти говорит: кто эту надпись уничтожит, кто (ее) разобьет, кто кого-нибудь заставит совершить эти (дела), скажет: «Иди! уничтожь!», — кто другой скажет: «Я (все это) совершил», — пусть уничтожат боги Халди, Тейшеба, Шивини, (все) боги его (самого и его) семью (?) под солнцем¹. . . .²

Могуществом бога Халди, по велению бога Халди, когда Халди Аргишти, сыну Менуа, дал царство, воссел он на отцовское место. Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, царь могущественный, царь страны Бианили, правитель Тушпа-города. Аргишти говорит: . . . унии восстал³. Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он страну. . .⁴, поверг (ее) перед Аргишти. Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее. . .⁵ бога Халди. . .

¹ Т. е. «на земле».

² См. № 29, прим. 10.

³ Букв.: «восставший был».

⁴ Название страны не сохранилось.

⁵ Очевидно: «могуществом» или «величием».

A 4

ClCh, 112 A₄, табл. 26 (Ф).

Стк. 13—26 этой надписи повторяют текст Хорхорской летописи (127, V, стк. 80—VI, стк. 6).

- 1 ¹i¹-ú ^Dhal-di-še ma-a-si ¹
 DINGIR i-ni-ri-a-še uš-tú-ni
 i-ú DINGIR^{MES}-ú-e tar-a-mu ²
^{KUR}šú-ri-e-li za-šú-a-li
 5 ^Dhal-di-e ¹ar-gi-iš-ti-ni
 su-li-e-di ia-ni ³ iš-ti-ni-ni
^{LÚ}ip-ri-ú-na-ni-e-di-ni
^{KUR}bi-a-i-na-ni-e-di-ni
 i-a-ni-li ^Dhal-di-i-še
 10 ma-si-ni-li hu-ru-ni-li
 e-si-di-ni i-ni-ri-a-ši
 ú-šú-ú-i-ni ta-lu-su-ni
 DUB-tə iš-ti-ni te-ru-ú-bi

- 'a-še^{SAL}ú-e-di-i-a-ni
 15 iš-ti-ni-ni pa-a-ru-ú-bi
 Iar-gi-iš-ti-še a-li-e
 i-ku-ka-ni MU ši-iš-ti-ni
 LÚ A.SI^{MEŠ} ú-e-li-du-ú-bi
 hu-ti-a-di D^Dhal-di-e-di EN-di
 20 D^DIM-di D^DUTU-di DINGIR^{MEŠ}-áš-te
 KUR^Rbi-a-na-áš-te a-lu-si-ni-ni
 al-su-i-ši-ni a-li a-ba-d[i]
 ha-ši-al-me DINGIR^{MEŠ} uš-ta-[di]
 KU^R[^R]ur-me-i-e-di ha-^rú¹[bi]
 25 [^{KUR}ur]-me-e KUR-ni-e KUR-n[i a-tú-bi]
 [ku-tè-a-d]i pa-r[i]

Когда Халди свое божественное (?) iniriaše преподнес, когда богам tagamú вселенную усилил (?), богу Халди⁴. . . Надпись я там поставил; мужчин (и) женщин оттуда я угнал. Аргишти говорит: в том же году в третий раз (?) я собрал воинов; взмолился (?) я к богу Халди, владыке, к богу Тейшеба, к богу Шивини, ко (всем) богам страны Бианили (о том), что я хотел (?) (совершить) по господнему величию; прислушались (к моей просьбе) боги. Выступил я (в поход) на страну Урме, завоевал я страну Урме; страну я разорил. Дошел (?) я до. . .

¹ Нам представляется невозможным после этого восстанавливать еще какой-нибудь знак (М. Церетели восстанавливает ni — RA, XXX, стр. 17, прим 1); здесь, по всей вероятности, кончалась строка.

² На фотоснимке ясно читается. Нельзя согласиться с чтением М. Церетели: tar-a-i-[ú-še] (RA, XXX, стр. 18); восстанавливать здесь ничего не следует по той же причине, о которой сказано в прим. 1.

³ Ср. в 9-й строке: i-a-ni-li. М. Церетели: su-li-e-di-ia-ni (RA, XXXII, стр. 62).

⁴ Далее следует труднопонимаемый текст религиозного содержания (стк. 5—12), который мы оставляем без перевода. В нем говорится об отношении даря (Аргишти — стк. 5) и его страны (Бианили — стк. 8) к миру богов и, в частности, к богу Халди.

129 a — b.

Два фрагмента надписи на базальтовом камне (возможно, части большой стелы) из Вана; находятся в Государственном Музее Грузии.

Г. В. Церетели, УИМГ, 19, 20 (Ф, А, Т, П); J. Friedrich, AfO, XIII, вып. 4, 5, 1940, стр. 238 (Т). Фридрих при обработке надписи пользовался, кроме издания Г. В. Церетели, также материалами экспедиции Лемани-Гаупта и Белька: копией, записями.

а

- 1 i(?)]-bi-[r]a¹-a-[ni(?)
 k]a²-a-di KUR[
 KUR]e-ti-ú-n[i
 sal]-ma-at-hi k[a
 5 KUR]re¹-ti-ú-ni [
 nu[?]-na[?]]-bi ka-[ú[?]-ki³?
 i[?]-bi[?]-r|a-a-[ni[?]⁴
 5

b

1 [n]i(?)⁶-še [.]⁷
^{KUR}gu-lu-ta-^{hi} ^{KUR}pu⁸-[.]⁹
^{KUR}a-ni-iš-te-ir-ga¹⁰-[e(?)¹¹]
 hu-ti-a-di¹²[hal-di]-e-[di EN-di ^{D1}IM-di ^DUTU-di DINGIR^{MEŠ}-áš-te]
 5 [a]-lu-[si-ni-ni al-su-i-ši-ni]¹²

Перед нами победная надпись, повествующая о военных успехах Аргишти I. Хотя в сохранившейся части имя царя, составителя надписи, не упоминается, несомненно, автором ее являлся именно Аргишти I — об этом свидетельствует упоминание в надписи тех стран Южного Закавказья (Этиуни, Гулутахи, Аништиргасе), которые были объектами урартской экспансии именно в эпоху Аргишти I¹³. Завоевание этих стран послужило темой данной надписи. В а₆, очевидно, стоит выражение: «явился передо мною» — по всей вероятности, речь идет о прибытии к урартскому царю правителя завоеванной страны.

Во фрагменте b (стк. 4—5) стоит часто встречающаяся в урартских победных надписях формула: «взмолился (?) я к богу Халди, владыке, владыке, к богу Тейшеба, к богу Шивини, ко (всем) богам (о том, что я хотел (?) совершить) по господнему величию...».

¹ Так читает И. Фридрих на основании фотоснимка (табл. 27 в издании Г. В. Церетели); по Г. В. Церетели: URU; по Бельку: ab. Следы на камне (рис. 43, табл. I) указывают на то, что здесь стоит именно га. i и ni в той же строке восстанавливаем мы, усматривая здесь слово ibirani, которое не раз встречается в урартских надписях (в том числе и у Аргишти в надписи № 130, стк. 6). Вместо нашего [i] в начале строки Фридрих читает: hi (?). У Г. В. Церетели в этом месте ничего не восстановлено.

² Так читает Фридрих; судя по следам, имеющимся на камне, мы не сомневаемся в правильности этого чтения.

³ Восстановления в этой строке принадлежат Г. В. Церетели.

⁴ Фридрих в этой строке читает: [. -t[a-a]- На камне можно различить следующее — см. рис. 44, табл. I; по аналогии со стк. 1 мы и здесь восстанавливаем слово ibirani.

⁵ И. Фридрих в этой строке читает: [.]-ú ?? [-.

⁶ Восстанавливает Г. В. Церетели; на оригинале и на фотоснимке отчетливо видно следующее — см. рис. 45, табл. I.

⁷ И. Фридрих в этой строке читает (по материалам Леманн-Гаупта): [.]-še [.]x [.] KUR? [.].

⁸ Так читает Г. В. Церетели; И. Фридрих транскрибирует: bu. Может быть, здесь упоминается страна Ruzunia, находившаяся в Южном Закавказье (см. в летописи Сардури II — 155, F, стк. 11).

⁹ [¹a]r-gi-iš-ti[.] — так читает И. Фридрих по материалам Леманн-Гаупта. На оригинале и сейчас можно разобрать следы этих знаков (в частности, знаков: ¹ar-gi-).

¹⁰ На оригинале можно различить следующее — см. рис. 46, табл. I; на основании фотоснимка также скорее га (как у И. Фридриха, основывавшегося на чтении Белька), чем ú (как у Г. В. Церетели) — ср. в летописи Аргишти I — 127, стб. I, стк. 18.

¹¹ Восстанавливает Г. В. Церетели.

¹² Восстанавливаем мы, усматривая здесь по наличию знака lu продолжение трафаретной — hutjadi — формулы.

¹³ См. Г. В. Церетели, УПМГ, стр. 56.

130.

Сарыкамыш. Надпись найдена в верхнем Сарыкамыше (Карсская область); по словам открывшего надпись А. Д. Ерицова, камень с надписью был привезен горцами с развалин, находившихся в лесу в 5 верстах, и заложен в наружную стену мечети. Надпись в настоящее время находится в Государственном Музее Грузии. Она сохранилась очень плохо, ее большая часть совершенно стертая.

М. В. Никольский, «Археологические известия и заметки», 1893, № 12 (А, Т, II); Saucе, 84 (JRS, 1894, стр. 711—713) (Т, П); М. В. Никольский, 21 (Ф, А, Т, II); Sandalgiан, 23 (Т, П); Г. В. Церетели, УПМГ, 18 (Ф, А, Т, II).

- 1 [.]
 [. . .]¹ ḥa-ḥu¹-bi URU a-ḥu-ri-a-ni
 [UR]^U (?)² aš-tu³ ḥi-ni-e-ḥi¹ KUR-ni-ni
 ši(?)⁴ a-[]⁵ ḥi¹ (?)⁶ 'a-ri [] šú-ú-i-ni(?)⁷
- 5 [UR]^U (?)² aš-tu-[]⁸ ḥi-ni-ḥi¹ e¹ ḥa-ú-bi
 [KUR]^U e-ti-ú-ni [KUR(?)]¹⁰ i-bi-ra-ni
 [nu]¹¹ na-a-li DAN¹² NU-i LÚ A.SI¹³ MEŠ¹⁴ -ni(?)¹⁴
 [. . .]ri-e b[a]-di-ni-e D(?) []-ú(?)-[]¹⁵
 [I]ar-gi-iš-ti-i-še a-li-e
- 10 [ḥu]-ti-i-a-di D[ḥal]-di-e-di
 DIM-di UTU-di DINGIR^{MEŠ} -ás-te
 [ḥa]-ši-a-al-me-e DINGIR^{MEŠ} -[i]¹⁶
 [s]u-ú-i-du-lu-bi a-šú-ú-bi
 [pa]-ri URU qa(?) [.]¹⁷
- 15 [a]¹⁸ su-ú-ni ḥa-tu(?)-[bi](?) iš-ti-ni
 [1] ME [. . .]XX [. . .]ME [. . .]GIBÍL-bi¹⁹
 [1] ME L [. . .]VI LIM [. . .]^{SAL} lu-tú^{MEŠ} ²⁰
 [D]ḥal-di-ni-ni al-su-ú-ši-ni
 [I]ar-gi-iš-ti-ni I me-nu-a-ḥi-ni
- 20 [LUGÁL] DAN.NU LUGÁL^{KUR} bi-a-na-ú-e
 a-lu-si URU tu-uš-pa-URU
 [I]ar-gi-iš-ti-še a-li-e
 a-lu-še i-ni DUB-te tú-li-e
 [a]-lu-še pi-tú-li-e tú-ri-ni-ni
- 25 Dḥal-di-še DIM-še UTU-[še . . .]
 [.]
 [.]
 [.]²¹

. . . Завоевал я город Ахуриани, страну города (?) Аштухини . . . зернохранилище (?) всего (?) города Аштухини. Завоевал я страну (?) Этиуни полностью (?). Пришли могучие войска²². . .

Аргишти говорит: взмолился (?) я к богу Халди, к богу Тейшеба, к богу Шивини, ко (всем) богам; прислушались (к моей просьбе) боги. Отбросил я²², преследовал (?) я²² до города Ка . . . asuni. ḥatubi (?) там . . . сот . . . 20 . . . сот . . . я сжег²³ . . . сот 50 . . . 6 тысяч . . . женщин²⁴.

Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, царь могущественный, царь страны Бианили, правитель Тушпа-города.

Аргишти говорит: кто эту надпись уничтожит, кто (ее) разобьет, пусть уничтожат боги Халди, Тейшеба, Шивини²⁵. . .

¹ Перед ḥa на оригинале можно различить комплекс, оканчивающий какой-то знак — см. рис. 47, табл. I; М. В. Никольский читает al.

² Восстановил М. В. Никольский. На камне видны следы одного вертикального клина; судя по размерам лакуны, вполне возможно восстановление детерминатива города (URU).

³ Г. В. Церетели между tu и ḥi ставит знак ú, но на оригинале незаметно следов этого знака; к тому же для него нет достаточного места на камне.

⁴ Скорее ši, чем me (последнее чтение дается у М. В. Никольского); Г. В. Церетели опускает.

⁵ М. В. Никольский: lu; у Г. В. Церетели: si (?).

⁶ Так читает М. В. Никольский; Г. В. Церетели опускает. Место для восстановления этого знака имеется; можно различить также некоторые его следы.

⁷ Так читает М. В. Никольский; у Г. В. Церетели: «а».

⁸ У М. В. Никольского: «а»; у Г. В. Церетели: ú. Судя по следам на оригинале, следует предпочесть как будто знак «а», хотя места для восстановления ú — вполне достаточно.

⁹ Так у Г. В. Церетели; М. В. Никольский здесь восстанавливает детерминатив племенных названий (один вертикальный клин).

¹⁰ Так читает М. В. Никольский; сейчас на этом месте ничего нельзя разобрать.

¹¹ Восстановил Г. В. Церетели.

¹² Так мы восстанавливаем на основании сохранившихся на камне следов (рис. 48, табл. I); у М. В. Никольского: «а».

¹³ Прочел Г. В. Церетели.

¹⁴ Так читают М. В. Никольский, Г. В. Церетели; судя по следам на оригинале, возможно, i (?).

¹⁵ У М. В. Никольского и Г. В. Церетели: ^D[hal]-di-[ni]. По нашему мнению, знак, который читают как di, скорее ú, чем di; поэтому сделанные восстановления вызывают серьезные сомнения.

¹⁶ Не восстановлено ни у М. В. Никольского, ни у Г. В. Церетели.

¹⁷ У М. В. Никольского: ^{URU}qa-al-ra-ḫi; у Г. В. Церетели: ^{URU}qa-al(?)-ra(?)-ḫi(?)-[ni?].

¹⁸ Наше восстановление.

¹⁹ GÍVÍL-bi — чтение Г. В. Церетели.

²⁰ SAL_{lu}-tú^{MEŠ} — прочел Г. В. Церетели.

²¹ Три последние строки почти совершенно стерлись; здесь, очевидно, стояло окончание формулы проклятия — в издании Г. В. Церетели восстанавливается текст и этих строк.

²² Речь идет, по всей вероятности, о войсках врага.

²³ Повидимому, сказано о «городах» — населенных пунктах завоеванной страны, число которых было приведено (сохранились отдельные части этого числа).

²⁴ Речь идет о захваченных пленных, число которых указывалось (сохранились отдельные части этого числа).

²⁵ Дальше следовали остальные трафаретные выражения, характерные для формулы проклятия, которые в настоящее время совершенно стерты на памятнике.

131.

Надпись находится около селения Элар. Селение Элар расположено примерно в двадцати километрах от Еревана в северо-восточном направлении, по дороге из Еревана к Севанскому озеру. Надпись высечена «на камне огромной величины, который по всем признакам составлял одно целое с окружающими его также большими камнями и оторвался от них вследствие какого-нибудь вулканического переворота» (см. МАК, V, стр. 101—102).

Месроп Смбамянц в издававшемся в Москве армянском журнале «Хамбавабер Русю» («Русский Вестник»), 1863, № 53 (A); Saucе, 36 (T, II); К. П. Патканов, «О клинообразных надписях Ванской системы, открытых в пределах России» (ЖМНП, 1883) (A); Алишан, Айрарат (на арм. яз.), 1890, стр. 290 (A); М. В. Никольский, «Труды Восточной Комиссии», т. I, вып. 3, стр. 429—430 (A, T, II); М. В. Никольский, 6 (Ф, A, T, II); Sandalgian, 24 (T, II); И. И. Мещанинов, Халдоведение, 2 (T, II).

1 ^Dhal-di-ni uš-ta-bi ma-si-ni ^{GÍŠ}šú-ri-e

ka-ru-ni ^{KUR}e-ti-ú-ni-ni ^Dhal-di-i

ku-ru-ni ^Dhal-di-ni ^{GÍŠ}šú-ri-i ku-ru-ni

^Dhal-di-ni-ni uš-ma-ši-ni uš-ta-bi

5 ^Iar-gi-iš-ti-ni ^Ime-nu-a-ḫi-e

ḫa-ú-ni ^{KUR}ú-lu-a-ni-e-i ^{KUR}e-ba-ni

^{URU}da-a-ra-ni ^{KUR}ni-e ^Dhal-di-ni-ni

al-su-ši-ni ^Iar-gi-iš-ti-ni ^Ime-nu-a-ḫi

LUGÁL DAN.NU LUGÁL al-su-ni LUGÁL ^{KUR}bi-a-i-na-e

10 a-lu-si ^{URU}tu-uš-pa-a-e URU

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он страну Этиуни. Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее. Могуществом бога Халди выступил (в поход) Аргишти, сын Менуа, завоевал он страну Улуани, страну города Дарани.

Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, царь могущественный, царь великий, царь страны Бианили, правитель Тушпа-города.

132.

Надпись находится около сел. Гулиджан, на северо-западном склоне горы Арагатц (Алагёз), недалеко от Ленинакана. Сел. Гулиджан расположено на горной реке Каран-Гу, стекающей с Арагатца. В скалистом берегу реки, ниже селения, имеется углубление в форме ниши; там и вырезана надпись.

Sa u s e, «Muséon», III, 1884, стр. 222—225 (А, Т, П); Sa u s e, 61 (JRAS, 1888) (Т, П); М. В. Никольский, «Труды Восточной Комиссии», т. I, вып. 3, стр. 430—431 (А, Т, П); М. В. Никольский, 7 (Ф, А, Т, П); Sandal-gian, 37 (Т, П); СICh, 117, табл. 60 (Ф).

1 ^Dhal-di-ni uš-ta-bi ma-si-ni šú-ri-e
 ka-ru-ni ^Iqu-u-li-a-i-ni KUR-ni
 te-qu-ni ^Iar-gi-iš-ti-ka-i
 ú-lu-uš-ta-bi ^Dhal-di-ni
 5 ^Iar-gi-iš-ti-še a-li
 ha-ú-bi ^{URU}du-ru-ba-ni
^Iqu-u-li-a-i-ni KUR-ni

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он страну Кулиаини, поверг (ее) перед Аргишти. Предшествовал (царю Аргишти) бог Халди. Аргишти говорит: завоевал я город Дурубани страны Кулиаини.

133.

Надпись высечена на скале, близ селения Ганлиджа. Селение Ганлиджа находится в нескольких километрах от гор. Ленинакана, на левом берегу реки Ахурян (Арпачай).

«Bulletin de l'Académie impériale des Sciences de St.-Petersbourg», т. V, 1863, стр. 430, т. VII, 1864, стр. 278 и «Mélanges Asiatiques», т. IV, стр. 674, т. V, стр. 116 (А); Алишан, Ширак (на арм. яз.), 1881, стр. 154 (А); Sa u s e, 47 (Т, П); К. П. Патканов, О клинообразных надписях Ванской системы, открытых в пределах России, ЖМНП, 1883 (А); М. В. Никольский, «Труды Восточной Комиссии», т. I, вып. 3, стр. 427—428 (А, Т, П); М. В. Никольский, 5 (Ф, А, Т, П); Sandal-gian, 22 (Т, П); E. Rössler в VBAG, 1902, стр. 243 (Ф); И. И. Мещанинов, Халдоведение, 16 (Ф, П).

1 ^Dhal-di-ni-ni al-su-u-ši-i-ni
^Iar-gi-iš-ti-še a-li-e
 ha-ú-bi ^Ie-ri-a-^{hi} KUR-ni
 ha-ú-bi ^{URU}ir-da-ni-u-ni
 5 pa-ri ^{KUR}iš-qi-gu-lu-ú

Величием бога Халди Аргишти говорит: завоевал я страну Эриахи, завоевал город Ирданиуни до страны Ишкигулу.

134.

Надпись находится недалеко от селения Лчашен (Ордаклю), на северо-западном побережье Севанского озера (в нескольких километрах от города Севан). Близ дороги, ведущей из Севана в Нор-Баязет, не доезжая сел. Ордаклю, недалеко от берега Севанского озера, можно заметить «гряду невысоких скал, позади которых почва незаметно

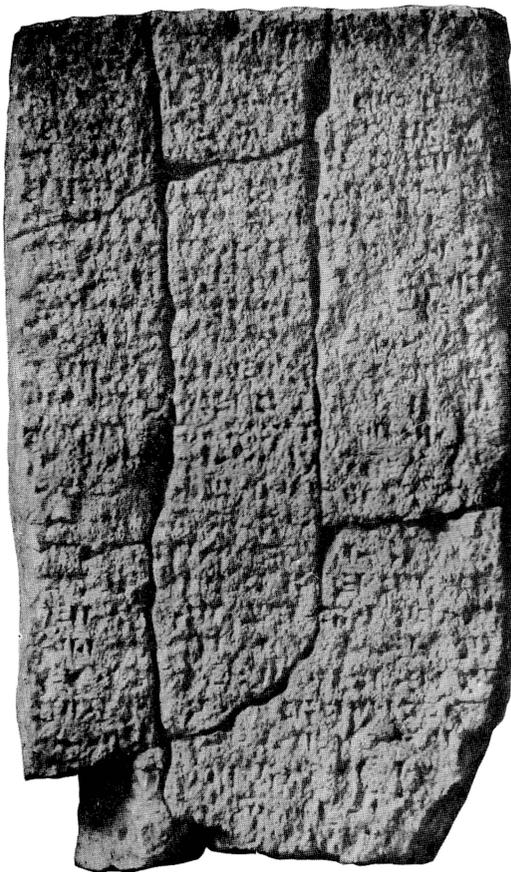

Фото 40. Надпись № 130. Гипсовый слепок
Музея Грузии

Фото 41. Надпись № 133. Гипсовый слепок Музея Грузии

поднимается. На одном камне большой величины покоится другой камень небольшой сравнительно величины, выпавший, без всякого сомнения, из середины соседнего камня, внутри которого находится пустота, равная ему по вместимости и форме... На этом небольшом камне и находится... надпись Аргишти» (МАК, V, стр. 106—107).

Месроп Смбалянц, «Арагат», 1883, стр. 534—535 (А); Sa yce, «Muséon», III, 1884, стр. 222—225 (А, Т, П); Sa yce, 60 (JRAS, 1888) (Т, П); W. Velck и С. F. Lehmann-(Haupt), ZE, XXIV, 1892, стр. 149 (А); М. В. Никольский, «Труды Восточной Комиссии», т. I, вып. 3, стр. 432—433 (А, Т, П); М. В. Никольский, 8 (Ф, А, Т, П); Sandalgian, 36 (Т, П).

Хотя на фото, снятом с эстампажа и опубликованном М. В. Никольским (МАК, V, табл. 26), отдельные места надписи (в том числе некоторые труднопонимаемые, например, стк. 6 и др.) нелегко разобрать, но на оригинале текст отчетлив, и чтение, предложенное М. В. Никольским, безусловно правильно, в чем мы смогли убедиться во время посещения надписи летом 1949 г.

1 Ḫal-di-ni al-su-ši-ni
 • Iar-gi-iš-ti-še a-li
 ḫa-ú-bi URU qi-e-ḫu-ni KUR-ni
 ku-ṭu-[bi] pa-ri URU iš-ti-ku-ni-ú
 5 KUR ša-na ap-ti-ni šu-ú-ni-e
 li me i e li qi i ú
 Iar-gi-iš-ti-ni
 LUGÁL DAN.NU LUGÁL KUR bi-a-na-ú-e
 a-lu-si URU ṭu-uš-pa-URU

Величием бога Халди Аргишти говорит: завоевал я страну города Кехуни. Дошел (?) я до города Иштикунив. Страна в šana сторону озера...

Аргишти, царь могущественный, царь страны Биаинили, правитель Тушпа-города.

135.

Ван. Надпись на камне.

С. F. Lehmann-(Haupt), ZDMG, т. 58, 1904, стр. 819—820 (Т); CICH, 114, табл. 42 (Ф).

1 Ḫal-di-i-ni-ni
 uš-ma-a-ši-i-ni
 Iar-gi-iš-ti-i-še
 I-me-nu-a-ḫi-ni-e-še
 5 i-ni 'a-a-ri šú-ú-ni
 X LIM ka-pi iš-ti-ni

Могуществом бога Халди Аргишти, сын Менуа, это зернохранилище устроил 10000 капи (есть) там (в нем)¹.

¹ См. Г. А. Меликишвили, Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту, ВДИ, 1951, № 4, стр. 25—26.

136.

Надпись найдена на левом берегу Аракса, против развалин Каракала, «находящихся на противоположном (правом) берегу Аракса, верстах в 20 от Армавира» (МАК, V, стр. 57). Надпись вырезана на камне огромной величины. Камень с надписью, очевидно, когда-то составлял одно целое с находящейся рядом с ним большой скалой, от которой он впоследствии оторвался. По мнению М. В. Никольского, это произошло еще до того времени, когда на нем была вырезана надпись (см. там же).

М. В. Никольский, 24 (Ф, А, Т, П); W. Velck, VBAC, 1896, стр. 309—315 (Т, П); Sandalgian, 47 (Т, П).

1 ^Dhal-di-ni-ni al-sû-i-ši-ni
^Iar-giš-ti-še ^Ime-nu-a-hi-ni-še
 i-ni pi-i-li-e a-gu-ú-ni
 qi-ra-ni ši-ra-ba-e ma-nu
 5 ú-i a-i-ni-i iš-ti-ni a-i-u-ri
^Dhal-di-ni-ni ba-ú-ši-ni
^Iar-gi-iš-ti-i-še a-gu-ni
^Iar-gi-iš-ti-ni ^Ime-nu-a-hi
 LUGÁL DAN.NU LUGÁL ^{KUR}bi-a-i-na-ú-e
 10 a-lu-si ^{URU}tu-uš-pa-e URU

Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, этот канал провел. Земля была необитаемой (?), никто там не находился¹. По велению бога Халди Аргишти (этот канал) провел.

Аргишти, сын Менуа, царь могущественный, царь страны Биаинили, правитель Тушпа-города:

¹ См. Г. А. Меликишвили, ВДИ, 1951, № 4, стр. 29—30.

137.

Надпись найдена в сел. Сардарабад, недалеко от Армавира; высечена на строительном камне; происходит, повидимому, из Аргиштихинили, урартской крепости, расположенной на Армавирском холме.

А. Н. Саусе в издававшейся в Тбилиси армянской газете «Мшак», 1892, № 95, 22 августа (II); Саусе, 77 (JRAS, 1893) (Т, II); М. В. Никольский, «Труды Восточной Комиссии», т. I, вып. 3, стр. 434—437 (А, Т, II); М. В. Никольский, 9 (Ф, А, Т, II); S a n d a l g i a n, 25 (Т, II); СICh, 126, табл. 29 (Ф).

1 ^Dhal-di-ni-ni al-su-ú-i-ši-ni
^Iar-giš-ti-še ^Ime-nu-a-hi-ni-še
 a-li-e É. GAL ba-du-ú-si-i-e
 ši-i-di-iš-tú-ú-bi te-ru-ú-bi
 5 ^Iar-gi-iš-ti-hi-ni-li ti-i-ni
 qi-ú-ra-a-ni qu-ul-di-ni ma-a-nu
 ú-i gi-i iš-ti-ni ši-da-ú-ri
^IDmu-na-a-ni IV ^{PA}₅ ^{IMÉS} a-gu-bi
 GIŠul-di-e GIŠza-a-ri-e te-ru-bi
 10 za-du-bi ar-ni-ši-ni-li iš-ti-ni
^Iar-gi-iš-ti-ni ^Ime-nu-a-hi
 LUGÁL DAN.NU LUGÁL al-su-ú-i-ni-e
 LUGÁL ^{KUR}bi-i-a-i-na-a-ú-e
 a-lu-si ^{URU}tu-uš-pa-a-e URU

Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, говорит: величественную (?) крепость я построил, установил (для нее) имя — Аргиштихинили. Земля была пустынной (?); ничего там не было построено²; я от реки (?) четыре канала отвел, виноградник (и) фруктовый сад разбил, подвиги я там совершил.

Аргишти, сын Менуа, царь могущественный, царь великий, царь страны Биаинили, правитель Тушпа-города.

¹ В издании М. В. Никольского (а также в других изданиях) не разобрано. М. В. Никольский здесь ошибочно читает: пи-е (см. рис. 49, табл. I), в то время как на фото, им опубликованном, а также на самом памятнике (ныне хранящемся в Государственном Историческом Музее Армении) можно различить скорее идеограмму «канал» (см. рис. 50, табл. I). Ср. М. Tseretheli, NH I, стр. 39; Г. А. Меликишвили, Урартоведческие заметки, ВДИ, 1951, № 3, стр. 174.

² См. Г. А. Меликишвили, ВДИ, 1951, № 4, стр. 29—30.

138.

Надпись найдена на холме Арин-берд (Ганли-тапа), близ Еревана. Открыта в сентябре 1950 г. К. Л. Оганесяном и А. У. Погосьяном.

К. Оганесян, «Известия Академии Наук Армянской ССР», Общественные науки, 1951, № 8, стр. 75—88 (Ф, а также перевод Б. Б. Пиотровского); М. И с р а е л я н, там же, стр. 89—99 (Т, П); Б. Б. П и о т р о в с к и й, Кармир-блур, II, стр. 52 (Т).

- 1 ^Dhal-di-ni-ni al-su-i-ši-ni
 1ar-gi-iš-ti-še 1me-nu-a-ḫi-ni-še
 i-ni É.GAL ba-du-si ši-di-iš-tú-ni
 te-ru-bi URUir-pu-ú-ni-ni ti-ni
 5 KURbi-a-i-na-ú-e uš-ma-a-še
 KURlu-lu-i-na-ú(e)¹ na-pa-ḫi-a-i-di
 1ar-gi-iš-ti-še a-li qi-u-ra-ni
 qu-ul-di-ni ma-nu za-du-ú-li
 ar-ni-ši-ni-li DAN.NU iš-ti-ni
 10 ^Dhal-di-ni-ni al-su-i-ši-ni
 1ar-gi-iš-ti-ni 1me-nu-a-ḫi
 LUGÁL DAN.NU LUGÁL KURbi-a-i-na-ú-e
 a-lu-si URUṭu-uš-pa-a-e URU

Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, эту величественную (?) крепость построил; установил (для нее) имя Ирпуни²; (построил её) для могущества страны Бианили (и) для усмирения (?) вражеской страны. Аргишти говорит: земля была пустынной³; могучие дела я там совершил.

Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, царь могущественный, царь страны Бианили, правитель Тушпа-города.

¹ Пропущено, очевидно, по ошибке.

² М. А. Израелян читает: «Ирбуни» (стк. 4: URUir-bu-ú-ni-ni) и считает это название образованным от урартского irbu- (см. ук. соч., стр. 98).

³ По поводу перевода этого выражения см. Г. А. Меликишвили, ВДИ, 1951, № 4, стр. 29—30.

139.

Надпись найдена на холме Арин-берд (Ганли-тапа), на окраине Еревана, в развалинах сооружения урартской эпохи. «Камень представляет кусок базальтовой лавы голубоватого цвета почти кубической формы; одна сторона его сравнительно лучше обтесана и включает надпись» (МАК, V, стр. 99).

М. В. Никольский, Клинообразная надпись из Ганли-Тапа около Эривани, «Труды Восточной Комиссии Имп. Московского археологического общества», т. II, вып. I, 1896, стр. 24—27 (Ф, А, Т, П); М. В. Никольский, 22 (Ф, А, Т, П); Sandalgian, 26 (Т, П).

- 1 [1]ar-giš-ti-i-š[e]
 [1m]e-nu-a-ḫi-ni-š[e]
 i-ni 'a-ri šú-[ú-ni]
 X LIM I ME ka-pi iš-t[i-ni]

Аргишти, сын Менуа, это зернохранилище устроил. 10100 капи (сось) там (в нем)¹.

¹ См. Г. А. Меликишвили, ВДИ, 1951, № 4, стр. 25—26.

140.

Надпись в одну строку; вырезана по кругу на базе колонны из базальтовой лавы. Надпись найдена в селении Газанчи на правом берегу Аракса, южнее Армавира.

«Арапат» (на арм. яз.), 1886, табл. после стр. 492, стр. 493 (А); D. H. Müller, WZKM, т. 1, 1887, стр. 213—219 (А, Т, П); Saucе, 67 (JRAS, 1888) (Т, П); Алишан, Айрапат (на арм. яз.) 1890, стр. 126 (А); М. В. Никольский, «Труды Восточной Комиссии», т. I, вып. 3, стр. 427 (А, Т, П); М. В. Никольский, 4 (Ф, А, Т, П); Sandalgian, 66 (Т, П).

^Dhal-di-i-ni-ni al-su-ú-ši-ni ^Iar-gi-iš-ti-i-še ^Ime-nu-ú-a-ḥi-ni-[še i-ni] ^É za-du-ni

Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, этот дом соорудил.

141.

Надпись найдена в сел. Шахриар, близ Армавира; высечена на базе колонны из базальта. Эта база, возможно, принадлежала тому же зданию, что и база колонны с надписью, найденная в сел. Газанчи (см. № 139) (Б. Б. Пиотровский, ДАН, В, 1931, стр. 26).

Галуст Тер-Мкртчян, «Арапат» (на арм. яз.), 1896, стр. 512 (А); Басмаджян, «Actes du XI-me Congrès International des Orientalistes», Paris, 1897, I, стр. 257—259 (А, Т, П); Леманн-Гаупт, VBAG, 1900, стр. 572, прим. 5 (Т); Sandalgian, 26a (Т, П); Б. Б. Пиотровский, ДАН, В, 1931, стр. 25—28 (А, Т, П).

[^Dhal]-di-i-[ni]-n[i] [al]-su-[ú]-i-š[i]-ni ^Iar-[g]i-iš-ti-še ^Ime-[nu]-ú-a-ḥi-n[i]-še i-ni [^É] za-du-ni

Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, этот дом соорудил.

142.

Армавир. Надпись на двух строительных камнях. Очевидно, она была высечена на нескольких рядом стоящих камнях, так как камень А содержит начало, а камень В — конец строк этой надписи. Однако эти два камня, составленные вместе, не дают цельного текста; несомненно, существовал еще один камень, приблизительно такой же величины, как и два найденных, содержащий середину строк этой надписи (МАК, V, стр. 42).

Эти камни обнаружены в районе Армавирского холма, на котором стоял дворец — резиденция урартского наместника; здесь, на левом берегу Аракса, около совр. сел. Армавир (бывш. Курдуклю), находился основанный царем Аргишти I город Аргиштихинили — значительный урартский центр на территории Южного Закавказья.

Месроп Смбастьянц, «Арапат» (на арм. яз.), 1869, стр. 138 и «Арапат», 1886, табл. после стр. 492 (А); A. D. Mordtmann, ZDMG, XXXI, 1877, стр. 433, № 48 (А, Т, П); Saucе, 54 (Т, П) и 68 (JRAS, 1888) (Т, П); К. П. Патканов, О клинообразных надписях Ванской системы, открытых в пределах России, 1883 (ЖМНП, 1883: А — камень В); D. H. Müller, WZKM, т. 1, 1887, стр. 213—219 (А, Т, П); М. В. Никольский, «Труды Восточной Комиссии», т. I, вып. 3, стр. 438—442 (А, Т, П, а также Ф камня В); М. В. Никольский, 10—11 (Ф, А, Т, П); Sandalgian, 80 (Т, П).

	А	х	В
1	^D hal-di-ni-ni al-su-i-ši-[ni]	[..... ^I ar]	-giš-ti-ḥi-na ^I a-za-ni KUR-ni
	KI-ni ^{KUR} lu-lu-e ma-nu i-ú ^I ar-	[giš-ti ¹ -...]	a-ru-ú-ni šú-ga-ba-ra-a-ni
	i-na-ni ^{ŠAM} šE ² ú-šú-ul-mu-uš	[.....]	li ³ -u-a-ni bar-za-ni zi-el-di
	^I ar-giš-ti-e ^I me-nu-a-ḥi-ni-	[e ⁴]	UZU ḥu-šú ⁵ DUB-ni-ni-ni
			e-si-ni
5	XX ku-ur-ni ^{LÚ} še-e-lu-i-ni	[.....]	e gu-du-li a-me-li ú-li-ni
	a-lu-ki a-ma-ni šú-ga-ba-ri	[.....]	a-li bi-di áš-ta-nu-la-li
	a-li ta-a-še a-ma-ni bi-di	[.....]	i-ni ⁶ te-ir-ḍu-li-ni e-si-i
	ú-ni ^{LÚ} ur-bi-ka-ni-ka-a ⁷ -i	[.....]	ú-e tar-a-i-ú-ḥi ma-nu-li-e
	lu-a-bi ip-ṭu-ú-ni ma-a	[.....]	ḥi-e ú-ni ^{LÚ} ur-bi-i-ka-a-še
10	ma-šá-ni ti-iš-ni a-ma-ni 'a ⁸	[.....]	li a-li bi-di áš-ta-nu-la-li-e
	ú-ni ^{LÚ} pü-ru-nu-ur-da-di	[.....]	li a-li bi-di áš-ta-nu-la-a-li ⁹

GUD-ni-ni i-ra-di-ni-ni III a [...^{LÚ}še] -lu-ú-i-ni-e ú-ni I(?)¹⁰nu-nu-li-e
a-la-e me(?)-i ḥa-i-du-še i- [.....] si-ni II ḥu-pa-du^{LÚ}še-lu-i-ni-e

Надпись принадлежит царю Аргишти, сыну Менуа, который упоминается во 2-й и 4-й строках.

В начале надписи говорится: «Величим бога Халди . . . в Аргиштихилии страна Аза(ни) — земля вражеская» (стк. 1—2). Таким образом, в этой надписи имеется ценное указание, что знаменитый Аргиштихилии был основан во вражеской стране Аза(ни) — эта последняя упоминается также в летописи Аргишти I. Речь идет в нашей надписи, очевидно, именно о городе Аргиштихилии и о стране Аза(ни). В надписи упоминаются какие-то категории людей: Урбика (стк. 8, 9), Пурунурда (стк. 11), Шелуни (стк. 13), а также встречаются следующие слова: «хлеб (в поле)» (стк. 3), «мясо» (стк. 4), «надпись» (стк. 4), «бык» (стк. 12) и т. д. Надпись считали культовой; скорее, однако, это документ какого-то другого характера (об этом свидетельствует отсутствие имен богов и своеобразная, в основном, лексика). Возможно, это — акт, устанавливающий долю царя или количество приношений (см. в стк. 7: таḥе «дар») зерном, мясом и т. д. для царя (см. стк. 4: ^Iargište «Аргиштию») от разных категорий населения страны Аза, которому Аргишти провел канал (см. 127, IV, стк. 73).

¹ М. В. Никольский восстанавливает: ^Iar-[giš-ti-še ^Ime-nu-a-ḥi-ni-še...]; восстановление представляется вполне возможным.

² М. В. Никольский: ú-še.

³ Условно объединяем с последующим uani; может быть, li относится к предыдущему слову.

⁴ У М. В. Никольского не восстановлено; естественно восстановить здесь форматив дательного падежа «е».

⁵ У М. В. Никольского: UZU-ḥu-šú. ḥušu М. В. Никольский рассматривал, очевидно, как окончание урартского слова, обозначающего «мясо».

⁶ Возможно, ini — неизвестное урартское местоимение, а лишь окончание какого-нибудь слова.

⁷ М. В. Никольский опускает.

⁸ Вслед за «а» М. В. Никольский восстанавливает: [li].

⁹ М. В. Никольский ошибочно прибавляет еще «е».

¹⁰ Стоящий здесь один вертикальный клин М. В. Никольский рассматривает как детерминатив лица и племенных названий; такое чтение М. В. Никольского представляется нам основательным, поскольку предшествующее данному знаку слово uṇi выше дважды стоит перед названиями определенных категорий людей (стк. 9, 11).

143.

Армавир. Надпись высечена на строительном камне; она является средней частью какого-то большого текста. Недостает камней, располагавшихся не только левее и правее нашего камня, но также и выше и ниже его.

Месроп Смбагянц, «Арагат» (на арм. яз.), 1886, табл. после стр. 24 (А); Sa yce, «Muséon», V, 1886, стр. 377—378 (А, Т, П); Sa yce, 59 (JRAS, 1888) (Т, П); Алишан, Айрагат (на арм. яз.), 1890, стр. 153 (А); М. В. Никольский, «Труды Восточной Комиссии», т. 1, вып. 3, стр. 451—453 (Ф, А, Т, П); М. В. Никольский, 17 (Ф, А, Т, П); Sandalgian, 51 (Т, П); ClCh, 121, табл. 62 (Ф).

- 1] bi-di su-ú-i ú-li ta-nu-[li¹
me-i e]²-ši-me-ši el-mu-ú-še³ ma-nu-ú-[ni²
]ni⁴ GUD ^Dḥal-di-i-e TAG ^{GUD}ÁB ^D[
]ṣ⁵-li-ni UDU ^Dḥal-di-e TAG UDU ^D[
5 na-a-ṣi]⁶-e UDU.MÁŠ. TUR ^Dḥal-di-i-e ni-[ip-si-du-li-ni⁶
]-la⁷-ti-ni qi-ú-ra-a qu-ul-di [
] UDU e-ra-a-ši-ni-e ú-ú-li-[i-ni⁸
] za-di-ni TAG-ši É si-ri-ḥa-ni [
]ṣi]-du-li i-ni É si-ri-ḥa-ni-ni [
10 ^Dḥal]-di-na-a KÁ-ka-i a-lu-si me-ri ip-[ḥa(?)-ri(?)⁹
 ^Dḥal-di]-i¹-ni-ni zi-el-di-e UZU¹⁰ ti-iš-n[u

В надписи речь идет о строительной деятельности царя, в частности, о постройке какого-то сооружения, дома — *siṛiḥani* (Е *siṛiḥani* — стк. 9; ср. стк. 8); встречается также фраза, употребляемая при повествовании о строительных работах: «земля (была) пустынной (?)» (стк. 6), — характеризующая состояние места до начала строительных работ царя.

В связи с этой основной темой надпись содержит некоторые выражения, касающиеся культа, а именно: определяется количество жертвенных животных богам — упоминаются пожертвования быка богу Халди и коровы — какому-то богу (по всей вероятности, верховной богине *'arubani* — см. № 27, прим. 22) — стк. 3, овцы — богу Халди и овцы — какому-то другому богу (имя не сохранилось) — стк. 4, козленка — богу Халди — стк. 5. В 10-й строке говорится, очевидно, о каком-то культовом обряде, совершаемом перед воротами (т. е. храмом) бога Халди и т. д.

¹ Восстановил М. В. Никольский.

² Восстанавливается по надписи № 169, стк. 13.

³ Мы не уверены в правильности данного здесь расчленения на отдельные слова комплекса *ešimešielmuše*; может быть, следует *ešime šielmuše*?

⁴ М. В. Никольский восстанавливает: [a-nu-ú]-ni; М. Церетели: [me-i-e]-ši-me ši-el-mu-ú-še ma-nu-ú-[še a-nu-ú]-ni GUD ^Dḥal-di-i-e TAG (RA, XXX, 1933, стр. 21).

⁵ Возможно, следует восстановить: [ur-pu]-li-ni.

⁶ Восстанавливается нами по надписи 25, стк. 4; у М. В. Никольского не восстановлено.

⁷ У М. В. Никольского: [i]. На оригинале, который находится ныне в Государственном Историческом Музее Армянской ССР в Ереване, скорее можно прочесть la. С полным основанием мы можем объединить это la с последующим tini, усматривая здесь не раз встречающееся в текстах окончание определенной глагольной формы: -(i)latini (ср. *ušdilātini*, *absilātini* — см. грамматический очерк).

⁸ Ср. в надписи № 142, стк. 5: *ulini*.

⁹ М. Церетели восстанавливает: *ip-[ḥu-e]* (RA, XXXIII, стр. 100); ср. надпись № 20, лиц. стор.³², обор. стор.¹³.

¹⁰ М. Церетели ошибочно читает эту идеограмму как *qar-mit* (RA, XXXIII, 1936, стр. 100).

144.

Кармир-блур. Надпись найдена при раскопках древней урартской крепости на холме Кармир-блур, близ Еревана, в 1940 г. Двустрочная надпись на борту бронзового щита.

М. Исаелян, «Труды кабинета им. Н. Я. Марра Ереванского Государственного Университета им. Молотова», № 2, 1947, стр. 216 сл. (Г, П); Б. Б. Пиотровский, Три урартские надписи на бронзовых предметах из Тейшебаини (Кармир-блур), ЭВ, III, 1949, стр. 88—89 (А, Т, П); он же, Кармир-блур, II, стр. 51 (Т).

- 1 ^Iar-gi-iš-ti-ni-i ú-ri-iš-ḥu-si-ni-i ^Ime-nu-a-ḥi-ni-i i-ni a-še ^Iar-gi-iš-ti-ni ^Ime-nu-a-ḥi LUGÁL DAN.NU LUGÁL al-su-i-ni LUGÁL ^{KUR}bi-i-a-na-ú-e a-lu-si ^{URU}ṭu-uš-pa-URU
- 2 ^Dḥal-di-e e-ú-ri-e i-ni a-še ^Iar-gi-iš-ti-še ^Ime-nu-a-(ḥi)¹-ni-še uš-tú-ni ^Dḥal-di-ni-ni al-su-i-(ši)²-ni ^Iar-gi-iš-ti-ni ^Ime-nu-a-ḥi LUGÁL DAN.NU LUGÁL al-su-i-ni LUGÁL ^{KUR}bi-a-na-ú-e a-lu-si ^{URU}ṭu-uš-pa-URU

Этот щит (принадлежит) оружейной Аргишти, сына Менуа. Аргишти, сын Менуа, царь могущественный, царь великий, царь страны Бианили, правитель Тушпа-города.

Богу Халди, владыке, этот щит Аргишти, сын Менуа, посвятил. Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, царь могущественный, царь великий, царь страны Бианили, правитель Тушпа-города.

¹ Пропущено по ошибке? См. грамматический очерк.

² «ši» — добавление. В изданиях М. Исаеляна и Б. Б. Пиотровского (ЭВ, III) знак отсутствует. Несомненно, здесь должно стоять обыкновенное выражение: ^Dḥaldinini alsušini («Величием бога Халди»), а не: ^Dḥaldini alsuini («Бог Халди великий»). Знак ši опущен по ошибке писцом.

145.

Кармир-блур. Двустрочная надпись на бронзовом щите, найденном при раскопках 1950 г.

Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, II, стр. 51 (Т, П).

- 1 ^Iar-gi-iš-ti-[ni]-i ú-ri-iš-hi-si-ni-e-i ^Ime-nu-ú-a-hi-ni-i i-ni a-še ^Iar-gi-iš-ti-ni ^Ime-nu-ú-a-hi LUGÁL DAN.NU LUGÁL al-su-ú-i-ni LUGÁL ^{KUR}bi-i-a-i-na-ú-(e)¹ a-lu-si-e ^{URU}tu-uš-pa-URU
- 2 ^Dhal-di-e e-ú-ri-e i-ni a-še ^Iar-gi-iš-ti-še ^Ime-nu-a-hi-ni-še ^{URU}ir-pu-ni-e-[di]² uš-tú-ni ^Dhal-di-ni-ni al-su-i-ši-ni ^Iar-gi-iš-ti-ni LUGÁL DAN.NU LUGÁL al-su-i-ni LUGÁL ^{KUR}bi-a-na-ú-e a-lu-si ^{UR}[^Utu-uš-pa-URU]

Этот щит (принадлежит) оружейной Аргишти, сына Менуа. Аргишти, сын Менуа, царь могущественный, царь великий, царь страны Бианили, правитель Тушпа-города.

Богу Халди, владыке, в город Ирпуни этот щит Аргишти, сын Менуа, посвятил. Величием бога Халди Аргишти, царь могущественный, царь великий, царь страны Бианили, правитель Тушпа-города.

¹ Пропущено по ошибке.

² Восстанавливается по надписи на щите, найденном на Кармир-блуре в 1951 г. (см. надпись № 146).

146.

Кармир-блур. Двустрочная надпись на бронзовом щите, найденном при раскопках 1951 г.

Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, II, стр. 51 (Т).

- 1 ^Dhal-di-e e-ú-ri-e i-ni a-še ^Iar-gi-iš-ti-[še] ^I[me-nu]-a-hi-ni-še ^{URU}ir-pu-ni-e-di uš-tú-ni ^Iar-gi-[i]š-ti-ni [^Ime-nu]-a-hi-e LUGÁL DAN.NU LUGÁL ^{KUR}bi-ia-na-ú-e] a-lu-si ^{URU}tu-uš-pa-URU
- 2 ^Dhal-di-e e-ú-ri-e i-ni a-še ^Iar-gi-[i]š-ti-še ^I[me-nu]-a-hi-ni-še ^{URU}ir-pu-ni-e-[di uš-tú-ni ^Iar-gi]-i]š-[ti]-ni [^Ime-nu]-a-hi-e LUGÁL DAN.NU LUGÁL ^{KUR}bi-ia-na-ú-e] a-lu]-si ^{URU}tu-uš-pa-URU

Богу Халди, владыке, в город Ирпуни этот щит Аргишти, сын Менуа, посвятил. Аргишти, сын Менуа, царь могущественный, царь страны Бианили, правитель Тушпа-города.

(Повторяется дважды)

147.

Кармир-блур. Двустрочная надпись на бронзовом щите с изображениями быков и львов, найденном при раскопках 1951 г.

Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, II, стр. 51 (Т).

- 1 ^Dhal-di-e e-ú-ri-e i-ni a-še ^Iar-gi-iš-ti-še ^Ime-nu-a-hi-ni-še ^{URU}ir-pu-ni-e-di uš-tú-ni ^Iar-gi-iš-ti-ni LUGÁL DAN.NU LUGÁL al-su-i-ni LUGÁL ^{KUR}bi-a-na-ú-e a-lu-si ^{URU}tu-uš-pa-URU.

- 2 ^Dh_{al}-di-e e-ú-ri-e i-ni a-še ^Iar-gi-iš-ti-še ^Ime-nu-a-hi-ni-še ^{URU}ir-pu-ni-e-di uš-tú-ni ^Iar-gi-iš-ti-ni LUGÁL DAN. NU LUGÁL al-su-i-ni LUGÁL ^{KUR}bi-a-na-ú-e a-lu-si ^{URU}tu-uš-pa-URU

Богу Халди, владыке, в город Ирпуни этот щит Аргишти, сын Менау, посвятил. Аргишти, царь могущественный, царь великий, царь страны Биаинили, правитель Тушпа-города.

(Повторяется дважды)

147a.

Кармир-блур. Двустрочная надпись на обломках бронзового щита, найденных при раскопках 1952 г. Приводим текст надписи в чтении Б. Б. Пиотровского:

- 1 ^Dh_{al}-di-e e-ú-ri-e i-ni a-še ^Iar-gi-iš-ti-še ^Ime-nu-a-hi-ni-še ^{URU}ir-pu-ni-e-di uš-tú-ni [^Iar-gi-iš-ti-ni LUGÁL DAN. NU LUGÁL al-su-i-ni LUGÁL [^{KUR}bi-i]-a-i-[na]-ú-e a-lu-si ^{URU}tu-uš-pa-a-URU
- 2 ^Dh_{al}-di-e e-ú-ri-e i-ni a-še ^Iar-gi-iš-ti-še ^Ime-nu-a-hi-ni-^{[še} ^{URU}ir]-pu-ni-e-[d]i uš-tú-ni ^Iar-gi-iš-ti-ni LUGÁL DAN. NU LUGÁL al-su-i-ni LUGÁL [^{KUR}bi]-i-a-i-na-ú-e a-lu-si ^{URU}tu-uš-[pa-a-URU]

Богу Халди, владыке, в город Ирпуни этот щит Аргишти, сын Менау, посвятил. Аргишти, царь могущественный, царь великий, царь страны Биаинили, правитель Тушпа-города.

(Повторяется дважды)

147b.

Кармир-блур. Надпись на бронзовом щите, найденном при раскопках 1952 г. Приводим текст надписи в чтении Б. Б. Пиотровского:

- ^Dh_{al}-di-e e-ú-ri-e i-ni a-še ^Iar-gi-iš-ti-še ^Ime-nu-a-hi-ni-še ^{URU}ir-e-pu-ni-e-di uš-tú-ni ^Iar-gi-iš-ti-ni LUGÁL DAN. NU LUGÁL al-su-i-ni LUGÁL ^{KUR}bi-a-i-na-ú-e a-lu-si ^{URU}tu-uš-pa-a-URU

Богу Халди, владыке, в город Ирпуни этот щит Аргишти, сын Менау, посвятил. Аргишти, царь могущественный, царь великий, царь страны Биаинили, правитель Тушпа-города.

148.

Кармир-блур. Надпись на бронзовом шлеме, найденном при раскопках 1950 г. Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, II, стр. 50 (Т, П).

- ^Dh_{al}-di-e e-ú-ri-e i-ni ku-bu-še-e ^Iar-gi-iš-ti-še ^Ime-nu-a-(hi)¹-ni-še [uš-tú]-ú-ni

Богу Халди, владыке, этот шлем Аргишти, сын Менау, посвятил.

¹ Пропущено по ошибке? См. грамматический очерк.

149.

Кармир-блур. Надпись на бронзовом колчане, найденном при раскопках 1950 г. Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, II, стр. 50 (Т, П).

D_hal-di-e EN ŠÚ Iar-gi-i[š-ti]-še uš-tú-ni

Богу Халди, своему владыке, Аргишти посвятил.

149a.

Кармир-блур. Двустрочная надпись на бляшке от панцыря. Найдена при раскопках 1952 г.

Приводим текст надписи в чтении Б. Б. Пиотровского:

1 D_hal-di-e e-ú-ri-e

2 i-ni qar-qa-ra-ni Iar-giš-ti-še NÍG.BA

Богу Халди, владыке, этот панцырь Аргишти посвятил.

Таблица 1. Рис. 1-50

149b.

Кармир-блур. Двустрочная надпись на наконечнике стрелы. Найдена при раскопках 1952 г. Приводим текст надписи в чтении Б. Б. Пиотровского:

1 D_hal-di-[e e-ú-ri-e]

2 Iar-giš-ti-še BA¹

Богу Халди, владыке, Аргишти посвятил.

¹ Сокращенное написание идеограммы NÍG.BA.

150.

Кармир-блур. Надпись на бронзовом умбоне, найденном при раскопках 1950 г. Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, II, стр. 62, 64 (А, Т, II).

Iar-gi-iš-ti-i ú-ri-iš-hi

Оружие Аргишти.

150а.

Надпись на бронзовом умбоне от щита, найденном при раскопках на Кармир-блуре в 1946 г. Хранится в Государственном Историческом Музее Армении.

Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, II, стр. 64 (Т).

Imè-nu-a-hi¹

... сына Менуа.

¹ Б. Б. Пиотровский допускает возможность чтения вместо «hi» знака «i»; в таком случае перед нами, повидимому, надпись не Аргишти I, а его предшественника, царя Менуа.

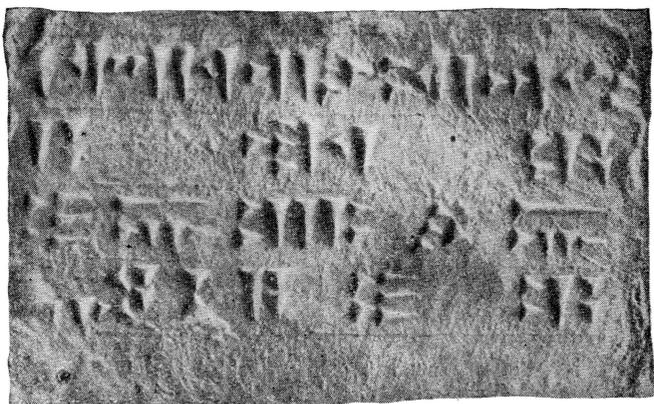

Фото 42. Надпись № 153. Эстампаж Музея Грузии

151.

Кармир-блур. Надпись на бронзовой чаше; найдена при раскопках на Кармир-блуре в 1949 г.

Б. Б. Пиотровский, ЭВ, V, 1951, стр. 111 (Ф, А, Т, П); он же, Кармир-блур, II, стр. 55—56 (А, Т, П).

Ṭar-gi-iš-ti-ni ú-ri-iš-hu-si-ni

Оружейной¹ (царя) Аргишти.

¹ Родительный падеж.

152.

Кармир-блур. Надпись на бронзовой чаше; найдена при раскопках на Кармир-блуре в 1949 г.

Б. Б. Пиотровский, ЭВ, V, 1951, стр. 111 (Ф, А, Т, П); он же, Кармир-блур, II, стр. 55—56 (А, Т, П).

NIĠ¹ Ṭar-gi-iš-ti-e

Собственность Аргишти.

¹ Сокращенное, повидимому, написание идеограммы NIĠ·GA. Б. Б. Пиотровский транскрибирует как аккадскую частицу «šá», переводя надпись: «(Царя) Аргишти».

153

Надпись найдена в сел. Леск, расположенном северо-восточнее Вена, недалеко от берега Ванского озера. Надпись высечена на каменной плите.

Н. Я. Марр, «Известия Имп. Академии Наук», VI серия, 1915, № 16, стр. 1731—1738 (Ф, А, Т, П); Joh. Meššaninov, AfO, VII, вып. 5/6, 1932, стр. 263—266; СICh, II, стб. 128 (Т).

1 ʾar-gi-iš-ti-še
a-li-e
i-ni ú-ḥi-ni
NA.šú-a-i-e

Аргишти говорит: это uḥini NA.šuaie.

154.

Гюканц (в Хаиоц-дзоре). Надпись на (базе?) колонны в три строки (см. перечисление урартских надписей, которое приводит N. Adontz, Histoire d'Arménie, 1946); в этих строках повторяется один и тот же текст. Информацию об этой надписи см. W. Belck, ZE, 1892 (перечисление новонайденных надписей, № 19); C. F. Lehmann-(Haupt), Bericht, № 145; W. Belck, VBAO, 1901, стр. 321. Имя царя в надписи частично повреждено; сохранилось лишь его окончание: ...iš-ti-ni, на основании чего можно утверждать, что здесь упоминается царь Аргишти. Надпись условно считается принадлежащей Аргишти I, хотя, возможно, она принадлежит другому урартскому царю, который носил это же имя — Аргишти II, сыну Руса.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ВДИ № 3 1953 г.

- АВИИУ — И. М. Дьяконов, Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту, ВДИ, 1951, № 2, 3, 4
AfO — Archiv für Orientforschung
AJA — American Journal of Archaeology
ARAB — D. D. Luckenbill, Ancient Records of Assyria and Babylonia
АЭ — Н. Я. Марр и И. Н. Орбели. Археологическая экспедиция 1916 г. в ВАН
Ann. du Serv. — Annales du Service des antiquités égyptiennes, Le Caire
AZ — Zeitschrift für Aegyptische Sprache und Altertumskunde
БВ — Библиография Востока
Бертье, ОМВБ — А. Л. Бертье-Делагард, О монетах властителей Боспора, ЗООИД, т. XXIX, 1911
САН — Cambridge Ancient History
СВМ — Catalogue of Brith. Mus., Catalogue of Greek coins, Pontus, Paphlagonia, Bithynia and the kingdom of Bosphorus, L., 1889
Chevrier, Ann. du Serv. — Н. Chevrier, Rapport sur les travaux de Karnak, Annales du Service des antiquités égyptiennes
ВАН — Вестник Академии Наук
ВВ — Византийский временник
ВИ — Вопросы истории
ESAR — An economic Survey of ancient Rome
FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
JAOS — Journal of the American Oriental Society
JEA — Journal of Egyptian Archaeology
JHS — Journal of Hellenic Studies
JRAS — Journal of Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland
JRS — Journal of Roman Studies
ЗВО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОГРАФ, АМ — А. Н. Зограф, Античные монеты, М., 1951
ЗРАО — Записки Российского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
IOSPE — Inscriptiones Orae Septentrionalis Ponti Euxini
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
MVG — Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft
НС — Нумизматический сборник
NC — Numismatic Chronicle
Орешников, КУ — А. В. Орешников, Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова, вып. VII, М., 1887
OGIS — W. Dittenberger, Orientis Graeci Inscriptiones Selectae
RA — Revue d'Assyriologie
RE — Pauly — Wissowa — Kroll, Real — Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
RHA — Revue Hittite et Asianique
СА — Советская археология
СВ — Советское востоковедение
SBAW — Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften
SPA — A Survey of Persian Art, т. I, Oxford — New York, 1938
SPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften
УЗЛГУ — Ученые записки Ленинградского Государственного университета
УЗТИАН — Ученые записки Тихоокеанского института АН СССР
УПМГ — Г. Церетели, Урартские памятники Музея Грузии
ЭВ — Эпиграфика Востока
ЮТАКЭ — Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция
VBAG — Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte
ZA — Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft
-

СОДЕРЖАНИЕ

О натуральном хозяйстве и товарном производстве в рабовладельческом обществе	3
<i>С. Т. Еремян</i> (Ереван) — Развитие городов и городской жизни в древней Армении	11
<i>Проф. А. П. Смирнов</i> (Москва) — К вопросу о славянах в Крыму	32
<i>Я. А. Ленцман</i> (Москва) — О возникновении товарного производства в древней Греции	46
<i>Проф. М. Е. Сергеевко</i> (Ленинград) — Из истории сельского хозяйства древней Италии	65
<i>А. П. Каждан</i> (Великие Луки) — О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи	77

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Г. А. Меликишвили</i> (Тбилиси) — Б. Б. Пиотровский, Кармир-Блур	107
<i>И. Р. Килайцкая</i> (Москва) — В. А. Гольденберг, «История древней Греции и Рима»	114
<i>Ф. А. Петровский</i> (Москва) — Феофраст, Исследование о растениях	116
<i>Е. Штаерман</i> (Москва) — Journal of Roman Studies за 1947—1951 гг.	118
<i>А. Брюсов</i> (Москва) — J. Clark, Prehistoric Europe, The economic basis	130
<i>А. И. Немировский</i> (Пенза) — H. Bengtson, Einführung in die alte Geschichte	137
<i>Н. И. Сокольский</i> (Москва) — M. Loney, Recherches sur les armées hellénistiques	141
<i>Л. Н. Казаменова</i> (Москва) — P. Clouhé, La démocratie Athénienne	147

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Б. Н. Аракелян</i> (Ереван) — Значение раскопок в Гарни для изучения культуры древней Армении	151
<i>Г. А. Пузаченкова</i> (Ташкент) — Храм и некрополь в Парфянской Нисе (Из работ ЮТАКЭ)	159
<i>В. М. Массон</i> (Ташкент) — Редкая среднеазиатская монета из собрания Государственного Эрмитажа	167
<i>С. И. Ходжаиш</i> (Москва) — Амулеты из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина	169

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>П. О. Карышковский</i> (Одесса) — Боспор и Рим в I в. н. э. по нумизматическим данным	179
<i>А. Н. Москаленко</i> (Воронеж) — К вопросу о преподавании курса «Основы археологии»	191
<i>В. И. Кальянов</i> (Ленинград) — О датировке Артахашстры	196
<i>Е. А. Миллиор</i> (Ижевск) — Античная традиция с тирании Аристодема Кумского	208
<i>М. Матъе</i> (Ленинград) — О периодизации истории амагнского искусства	212

ХРОНИКА

<i>И. М. Дунаевская и Д. Г. Редер</i> (Ленинград, Москва) — <u>Бедржих Грозный</u> (Некролог)	224
Обсуждение работы «Вестника древней истории» за 1951—1953 гг. на заседании Бюро Отделения истории и философии	226

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Г. А. Меликишвили</i> (Тбилиси) — Урартские клинообразные надписи (Продолжение)	231
--	-----

Подп. к печ. 3.IX.1953 г.
Форм. бум. 70 × 108^{1/16}. 8^{3/4} бум. л.
Заказ № 1372. Печ. л. 23,97 + 7 вклеек
Уч.-издат. л. 27,5
Тираж 4250 экз. Т07302

*

2-я типография Издательства
Академии наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ, ЗАМЕЧЕННЫЕ В ВДИ № 2—1953 г.

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
64	2-я строка сверху	жатва	жатка
128	28-я строка снизу	цену	цену

Henker

Редакционная коллегия:

{ проф. В. И. Авдиев
{ проф. Н. Ф. Дергачи
{ проф. С. В. Киселев (главный редактор)
{ к.и.н. Н. М. Постовская (отв. секретарь)
{ к.и.н. О. И. Савостьянова
{ акад. В. В. Струве
{ к.и.н. Э. В. Удальцова
{ проф. С. Л. Утченко (зам. гл. редактора)

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 14, Институт истории АН СССР
Телефон К 5-32-22.

Цена 30 руб.

2-я ТИПОГРАФИЯ
Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

КОНТРОЛЕР № 1

**При обнаружении недостатков
в книге просим вернуть книгу
вместе с этим ярлыком для обмена**